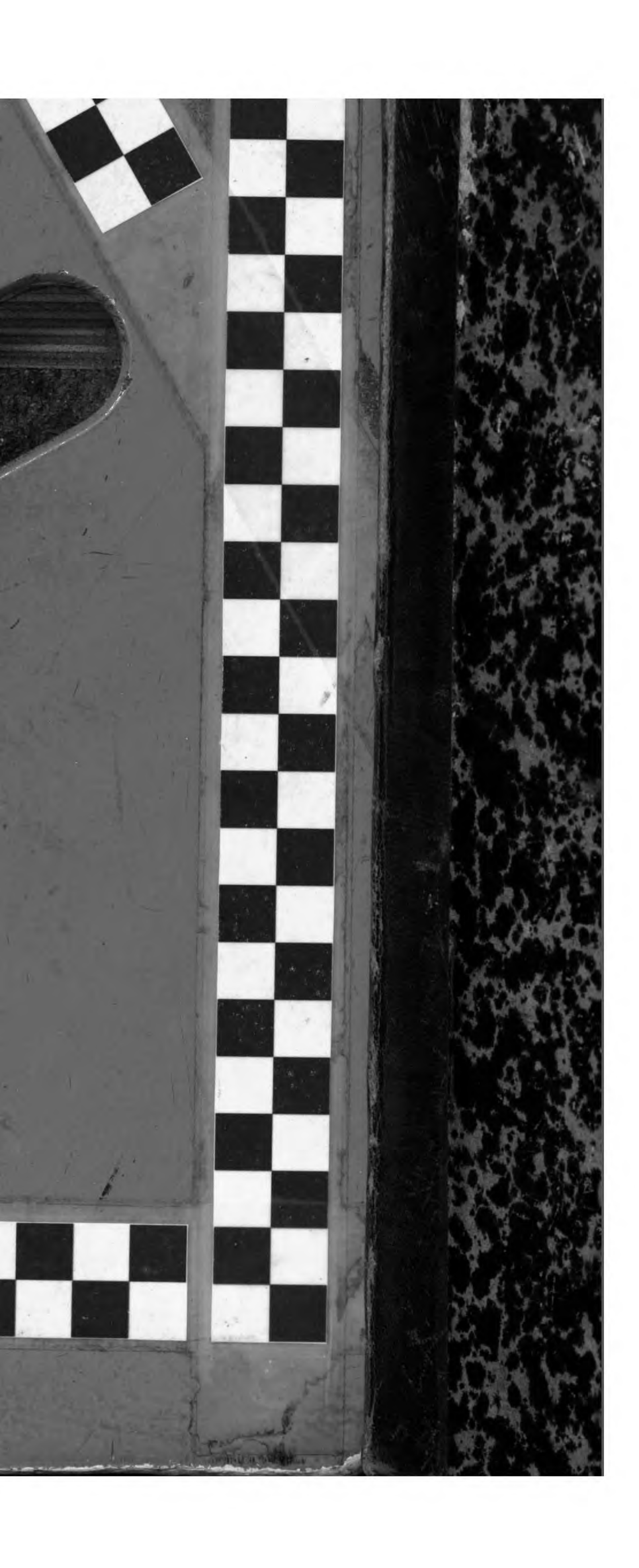
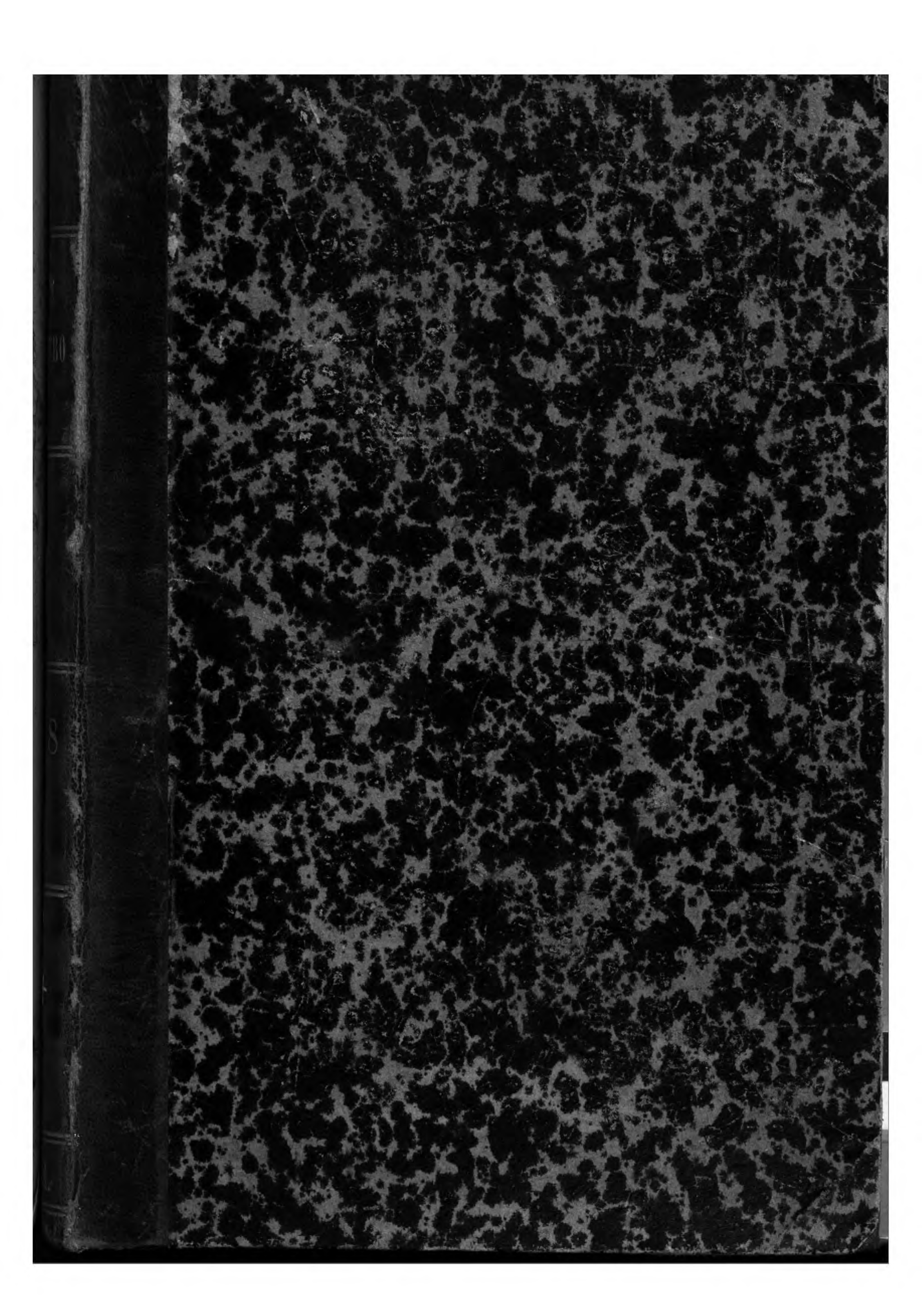
UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 598
РУССКОЕ
БОГАТСТВО
1898
10
Digitized by Google





THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

ОКТЯБРЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ОКТЯБРЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 октября 1898 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна **2** р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4). О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»:

У ТЕПЛАГО МОРЯ.

Очеркъ.

I.

Доктора Жемчугова разбудило удушливое хихиканье солдата Орѣхова и лай его собаченки, которую онъ называлъ Кондитеромъ. Доктору не хотѣлось открывать глазъ, чтобы не потерять страннаго и удивительно пріятнаго ощущенія — ему казалось, что что-то такое громадное дышетъ на него, и онъ чувствовалъ разливавшуюся по всему тѣлу живительную теплоту этого дыханія. Затѣмъ, ему не хотѣлось мѣнять позы, въ какой онъ лежалъ, растянувшись на голой землѣ, а главное—не хотѣлось безпокоить натруженныя и отекшія отъ труднаго пути по горамъ свои босыя ноги.

Собаченка прыгала кругомъ хозяина и заливалась самымъ отчаяннымъ лаемъ. А солдатъ лежалъ ничкомъ и, уткнувъ лицо въ траву, продолжалъ хихикать.

— Да ты съ ума сошелъ, негодяй?!—обругалъ его докторъ, поднимая отяжелѣвшую голову.

Онъ готовъ былъ разсердиться на дурашливаго солдата и даже раскрылъ ротъ, чтобы еще разъ обругать его, но солдатъ, едва сдерживая смѣхъ, предупредилъ его.

— Вашескордіе, да вы посмотрите кругомъ... охъ, умора!.. Ха-ха... Вотъ такъ штука! Надорвалъ животики...

Докторъ принужденъ былъ закрыть глаза отъ ослѣпительнаго свѣта, лившагося откуда-то сверху, пронизывая густую орѣховую листву тонкими струйками, расплывавшимися пятнами и яркими бликами, точно зеленый шатеръ столѣтняго орѣха проросъ живымъ золотомъ. Сейчасъ подъ ногами начинался крутой обрывъ, сбѣгавшій къ морю красивыми уступами. Синяя застывшая эмаль южнаго моря чуть была еще подернута туманной дымкой, сгущавшейся въ круглившіяся облака, которыя точно сознательно ползли на каменистыя береговыя кручи, цѣпляясь за острые выступы и отдѣльныя скалы.

— Надъ чѣмъ ты смѣешься, идіотъ?—спросилъ докторъ, морщась отъ боли въ расшевеленныхъ ногахъ.

— Да какъ же, вашескородіе... Теперь что въ Питерѣ-то дѣлается? Вѣдь у насъ второй Спасъ прошелъ, въ Питерѣ-то вотъ какъ дождь захлестываетъ... слякоть... вѣтеръ... вонь эта самая... Ну, а здѣсь вонъ какая благодать! Вотъ я какъ вспомнилъ свою Сѣнную, ну и того... такъ смѣшно сдѣлалось, что и не выговоришь. Очень ужь я глупъ раньше былъ и на счетъ мѣстовъ ничего не понималъ. Сколько разовъ изъ Питера-то метлой гоняли, а я опять въ Питеръ выворачивался. Конечно, дуракъ кругомъ... Ну, вотъ и хохочу. Экое мѣсто-то, вы только поглядите... Я-то проснулся давно, оглядѣлся и такъ мнѣ стало весело... Нѣтъ, братъ, шабашъ, меня теперь калачемъ на Сѣнную не заманишь... Да я вотъ съ этого мѣста возьму и не сойду... ха-ха!.. Ни въ жисть... Я ужъ будилъ-будилъ Замерзавца, а онъ дрыхнетъ... Безчувственная нѣмчура, однимъ словомъ.

Въ тѣни орѣха въ самой растерзанной позѣ, точно раздавленный, спалъ такой же оборванецъ, какими были солдатъ Орѣховъ и докторъ Жемчуговъ. Это и былъ Замерзавецъ.

Докторъ уже не слушалъ болтовни солдата, а смотрѣлъ далеко внизъ, гдѣ на морскомъ берегу были такъ красиво разсыпаны сотни домовъ, домиковъ и богатыхъ виллъ. Постройки лѣпились и къ подножію горы, и на самомъ берегу, а на гористомъ откосѣ, какъ мѣстная свѣча, бѣлѣла русская церковь. Тамъ и сямъ высились зеленыя колонны пирамидальныхъ тополей и темныя иглы траурныхъ кипарисовъ. А кругомъ зубчатымъ гребнемъ обступали фіолетовыя горы, только кой-гдѣ тронутыя блѣдной зеленью, точно онѣ были когда-то выкрашены, и зеленая краска сползла отъ времени и непогодъ. Въ морѣ неподвижно стояли окрыленныя парусами суда, гдѣ-то на горизонтѣ тянулся дымокъ парохода, а маленькія лодки, точно мухи по стеклу, чертили безбрежную морскую синеву маленькими точками. И все это было залито какимъ-то ликующимъ свѣтомъ, яркими переливами всевозможныхъ красокъ и жирными солнечными пятнами.

— Да, хорошо,—вслухъ подумалъ докторъ.

Онъ съ перваго взгляда узналъ и берегъ, и горы, и море, и городъ. Это была южная красавица Ялта, тотъ завѣтный уголокъ, куда онъ стремился всю жизнь и куда отправлялъ въ свое время больныхъ десятками. Вѣроятно, много его паціентовъ лежитъ вонъ около той церковки, гдѣ кладбище осѣнено южной пышной зеленью. Можетъ быть, они, умирая, проклинали и его, представителя жалкой науки, и это благословенное южное небо, которое не могло поддержать въ нихъ замиравшій огонь жизни.

— Да, Ялта...—думалъ онъ вслухъ, напрасно стараясь придать ногамъ удобное положеніе.—Здравствуй, красавица! Здравствуй, жемчужина...

— Это вы на счетъ городу?—спросилъ солдатъ, разглаживая щетинистые усы.

— А что, развѣ плохъ городъ?

— Какой же это городъ, вашескородіе?—удивился солдатъ.— То-есть, никакой видимости... Никакого, то есть, сравненія съ другими рассейскими городами.

— Именно?

— Да совсѣмъ и на городъ не походитъ. Никакой красоты... Первое дѣло: нѣтъ солдатскихъ казармъ, потомъ нѣтъ острога... Одно званіе, что городъ.

Докторъ невольно засмѣялся. Солдатъ Орѣховъ отличался какой-то дѣтской наивностью, что ужъ совсѣмъ не шло къ его сгорбленной фигурѣ и запеченному на солнцѣ, изрытому морщинами лицу съ какими-то тараканьими усами. Контрастомъ на этомъ лицѣ являлись дѣтскіе голубые глаза и совершенно дѣтская улыбка.

Докторъ Жемчуговъ, солдатъ Орѣховъ и нѣмецъ Замерзавецъ познакомились еще въ Петербургѣ, въ одной изъ закусочныхъ на Сѣнной. Они всѣ были на одной линіи, какъ говорилъ солдатъ, то есть «лишенные столицы». Періодически ихъ высылали по этапу въ провинцію и періодически они возвращались опять въ Петербургъ, какъ своего рода центръ всевозможныхъ бродягъ. Знакомство произошло случайно, благодаря тому, что солдатъ Орѣховъ поднялъ бунтъ изъ за куска какой-то ржавой говядины.

— Это не говядина, а собачья жила!—кричалъ солдатъ, тыча въ носъ сидѣльцу ярославцу говядиной.—Развѣ такая говядина бываетъ?

— А ты ступай въ ресторанъ Палкина и закажи тамъ себѣ биштексъ,—совѣтовалъ ярославецъ.—Тоже, расширился...

— И ты хорошъ: на грошъ пятаковъ мѣняешь.

Дремавшій на лавкѣ въ уголкѣ закусочной докторъ былъ приглашенъ въ качествѣ эксперта и рѣшилъ вопросъ въ пользу солдата.

Докторъ по наружности ничѣмъ не отличался отъ другихъ бродягъ, ютившихся по ночлежнымъ домамъ по близости Сѣнной. Небольшого роста, широкоплечій, съ русой бородкой, тронутой преждевременной, какой-то грязноватой сѣдиной, онъ казался старше своихъ лѣтъ. Добродушное русское лицо опухло отъ пьянства, воспаленные глаза слезились, руки тряслись— вообще, типичный пропоецъ. Костюмъ, состоявшій изъ обносковъ и какой-то невообразимой рвани, дополнялъ остальное. Солдатъ Орѣховъ съ перваго раза почувствовалъ «влеченье

родъ недуга» къ пропойцѣ доктору и повеличивалъ его «вашескородіемъ» къ мѣсту и не къ мѣсту.

— Ужъ мы имъ покажемъ, вашескородіе!—повторялъ солдатъ, дѣлая угрожающіе жесты по адресу неизвѣстныхъ враговъ.—И мы такіе-же люди... Чѣмъ, то-есть, хуже другихъ протчіихъ человѣковъ, особливо ежели бы одеженку выправить? Сдѣлайте милость...

На солдата Орѣхова періодически «находилъ стихъ», какъ онъ говорилъ. Это была специфическая озлобленность служилаго человѣка, который насильственно выкинутъ изъ родной среды. Этотъ солдатскій «стихъ» въ общемъ реализировался уже совсѣмъ странно: Орѣховъ не хотѣлъ работать.

— Будетъ, довольно...—резюмировалъ онъ какой-то смутный ходъ собственныхъ мыслей.—Кабы я былъ настоящій мужикъ, ну, тогда и другой разговоръ. А во мнѣ ничего, то-есть, нѣтъ настоящаго... Какъ бываютъ порченые люди, то-есть, вся середка испорчена. Позвольте васъ спросить, вашескородіе, для какихъ такихъ смысловъ я буду работать? Ежели бы я еще былъ женатъ, ну, тамъ ребятишки и прочее, какъ настоящему правильному человѣку полагается,—тогда бы работа сама собой шла. Сдѣлайте милость, то-есть, другихъ протчіихъ народовъ еще за поясъ можемъ заткнуть, ежели касаемо работы. Вполнѣ можемъ соотвѣтствовать... Вотъ и сейчасъ, лѣтнюю работу взять: барки разгружать, земляное положеніе, то есть, значитъ, съ тачкой—Орѣховъ вполнѣ себя оправдать можетъ. Спросите десятниковъ на Калашниковской пристани... Ни какому крючнику не уступимъ, а даже попревосходнѣе себя оказать можемъ. Ну, случается, недѣли съ двѣ работаешь, ну, одежонку тамъ мало-мало выправишь, опухъ съ морды сойдетъ—живи, Орѣховъ, то-есть, вполнѣ. А меня вдругъ и ухватитъ тоска... Плевать! Орѣховъ не желаетъ... Вотъ вамъ!

II.

Оборотной стороной этой солдатской злости Орѣхова была какая-то особенная бабья жалость къ другимъ, охватывавшая его время отъ времени противъ всякаго желанія. Возьметъ и пожалѣетъ, какъ жалѣлъ онъ доктора Жемчугова.

— Помилуйте, вѣдь, настоящій баринъ и вдругъ подверженъ, то-есть, запою, какъ самый простой мужикъ. Можемъ даже вполнѣ понимать... Тоже, значитъ, сердцевина-то попорчена до самаго корня.

Сначала докторъ отнесся къ прислуживанью Орѣхова съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ и не вѣрилъ его жалостливымъ словамъ, но опытъ заставилъ его убѣдиться въ полной искрен-

ности солдата. Орѣховъ по своему пожалѣлъ доктора и старался всевозможными путями облегчить ему существованіе. Особенно онъ усердствовалъ по части бани и считалъ своей прямой обязанностью до неистовства мыть барское докторское тѣло.

— Ты съ меня когда нибудь кожу всю сдерешь,—жаловался докторъ, подвергаясь мучительной операціи солдатскаго мытья.

— Помилуйте, вашескородіе, никакъ, то-есть, вамъ невозможно, чтобы не соблюдать себя... У васъ и кожа совсѣмъ другая супротивъ нашего, все равно какъ бываетъ кожа выростокъ и кожа опоекъ.

Вещественнымъ доказательствомъ жалости Орѣхова, между прочимъ, была бездомная собаченка Кондитеръ, которую онъ подобралъ щенкомъ, выростилъ и вездѣ таскалъ за собой. Кондитеръ иногда выслушивалъ очень длинныя разсужденія.

— Что ты есть такое, ежели разобрать? Бездомный песъ, то-есть, по просту бродяга. Сейчасъ вотъ фурманы тебя поймаютъ, увезутъ на Голодай островъ, въ собачій лазаретъ посадятъ и на веревочку повѣсятъ. Вотъ и вся твоя музыка... Не понимаешь? Нѣтъ, братъ, врешь, все понимаешь, а только сказать не умѣешь...

Орѣхова занималъ вопросъ, есть что нибудь у собаки въ родѣ души, то есть не души, а такъ, вообще. Вѣдь песъ понимаетъ, ну, значитъ, чувствуетъ, а ежели чувствуетъ, такъ, значитъ, должна быть и своя собачья душонка. Какъ же, вонъ какъ скулитъ въ другой разъ и радуется по своему, когда хозяина увидитъ. Кондитеръ, дѣйствительно, проявлялъ по отношенію къ хозяину самую трогательную нѣжность и по цѣлымъ часамъ терпѣливо высиживалъ гдѣ нибудь на тротуарѣ, пока Орѣховъ разводилъ компанію въ кабакѣ.

Такимъ же проявленіемъ жалости Орѣхова было и знакомство съ нѣмцемъ. Орѣховъ привелъ его въ концѣ марта, когда стояла отвратительная петербургская весенняя ростепель, и заявилъ доктору:

— Вотъ тоже человѣчина, ни къ чему его не примѣнишь... Иду я это по тротувару, а онъ подъ воротами спрятался, скукожился весь и сидитъ. «Что есть за человѣкъ?» А онъ и выговорить ничего не можетъ, только губы трясутся... Одежонка то на емъ, вашескородіе, дыра на дырѣ, а тутъ снѣгъ валитъ, слякоть, холодъ. Вѣдь живая душа... «Кто ты такой?» спрашиваю опять. Ну, онъ тутъ и признался вполнѣ. «Я, гритъ, великій замерзавецъ», значитъ, по нашему, стужи не выноситъ. Смотрю, дѣйствительно, человѣкъ трясется весь, глаза этакъ глядятъ, какъ у бездомной собаки—ну, то-есть, и пожалѣлъ. И въ самъ дѣлѣ замерзнетъ...

«Великій замерзавецъ» былъ даже не типичный несчастный человѣкъ, свихнувшійся съ кругу «черезъ свой курляндскій баронъ фонъ-Клейнгаузъ», причемъ трудно было понять, какъ вышло дѣло и изъ за чего. Любопытный солдатъ какъ ни допытывалъ, ничего не могъ добиться, даже фамиліи.

— У меня нѣтъ фамилій,—кротко объяснялъ Замерзавецъ.— У меня есть мой паспортъ... Паспортъ говоритъ, что я Мундель, а я совсѣмъ не Мундель... Богъ накажетъ барона фонъ-Клейнгаузъ, который есть мой отецъ и который долженъ дать свой фамилій.

— Ишь, чего захотѣлъ,—возмущался солдатъ.—Тоже губа не дура... Только ты въ барона какъ будто рыломъ не вышелъ. Чѣмъ ты занимался, горюнъ, то-есть, тамъ, у себя дома?

— Я все могу дѣлать... Я остригалъ баронъ фонъ-Клейнгаузъ, я настраивалъ фортепьяно въ замкѣ, я былъ любимый егерь, я игралъ на корнетъ-пистонъ, я былъ отличный поваръ— я все знаю. У меня и моя жена все тоже зналъ... Онъ набивала папиросы барону фонъ-Клейнгаузъ, а баронъ фонъ-Клейнгаузъ поступалъ весьма съ ней дурно цѣлый годъ.

— А ты бы его въ морду? — совѣтовалъ солдатъ. — Хоть и баронъ, а тоже не полагается озорничать... Очень просто: террахъ! и тому дѣлу крышка.

— Баронъ фонъ-Клейнгаузъ поступалъ весьма дурно десять лѣтъ съ моей мамашей... Богъ накажетъ баронъ фонъ-Клейнгаузъ и за мамашу. Мамаша все плакалъ, и мой жена все плакалъ, и я все плакалъ.

— Ну, и вышелъ замерзавецъ вполнѣ. Эхъ ты, горюнъ... А воровствомъ не случалось тебѣ заниматься? Поплачешь-поплачешь и нечаянно что нибудь зацѣпишь...

Почему-то безцвѣтный пропойца-нѣмецъ полюбился Орѣхову, и онъ принялъ его подъ свое покровительство.

— Куда онъ дѣнется-то?—разсуждалъ Орѣховъ.—А потомъ человѣкъ прямо черезъ свою фамилію погибаетъ... Дай-ка ему другую, настоящую, то-есть, фамилію, ну, и совсѣмъ бы дѣло вышло наоборотъ.

Когда солдатъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи, то заставлялъ Замерзавца говорить по нѣмецки и хохоталъ до слезъ. —Ужъ и народецъ только: собака—хунтъ, дѣвка—фрелинъ —одна потѣха!

Мысль о путешествіи на югъ у доктора явилась давно, но онъ все откладывалъ годъ за годомъ. Въ послѣднее время у него образовалась тяжелая одышка, а по ночамъ одолѣвалъ мучительный кашель. Благодаря постояннымъ простудамъ, развивалась энфизема легкихъ, и нужно было принимать энергичныя мѣры. Когда докторъ разсказалъ Орѣхову о прелестяхъ юга, солдатъ не повѣрилъ.

— Не можетъ этого быть, чтобы безъ снѣгу, вашескородіе...

— Снѣгъ бываетъ, но всего дня на два. Полежитъ и растаетъ.

— Такъ этакъ, вашескородіе, и помирать не надо... Первое —на счетъ одежи слобода, а потомъ спи круглый годъ на открытомъ воздухѣ. Нѣтъ, что нибудь да не такъ... То-есть, даже совсѣмъ смѣшно выходитъ, вашескородіе. Значитъ, не по закону... Этакъ въ теплѣ-то и Бога позабудешь...

— Вотъ отправимся вмѣстѣ со мной, такъ своими глазами все увидишь.

— А што ежели въ самомъ дѣлѣ махнуть?—соображалъ солдатъ и, бросивъ рваную шапку о-земь, тутъ-же рѣшилъ:— Гдѣ наше не пропадало, вашескородіе... Въ лучшемъ, то-есть, видѣ махнемъ.

По составленному докторомъ плану они въ теченіе лѣта могли дойти до Крыма пѣшкомъ, дѣлая дневки и роздыхи. До Москвы можно было воспользоваться старымъ московскимъ трактомъ, а тамъ около линіи желѣзной дороги на Курскъ, Харьковъ и Севастополь. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля назначенъ былъ и день выступленія. Но въ самый рѣшительный моментъ, именно раннимъ утромъ, когда они уже надѣвали походныя котомки, Орѣховъ заявилъ:

— А какъ же Замерзавецъ?

— Замерзавецъ здѣсь останется...

Солдатъ подумалъ, покрутилъ головой и съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ:

— Какъ хотите, вашескородіе, а я никакъ, то-есть, не-могу... Погинетъ онъ здѣсь окончательно. Лѣтомъ промаячитъ какъ-ни какъ, а осенью и замерзнетъ. Возьмемте и его...

Такъ втроемъ они и отправились на благословенный югъ. Путь былъ не изъ легкихъ. Приходилось дѣлать большіе роздыхи, но Орѣхова радовало одно, что вездѣ онъ встрѣчалъ «своихъ», хотя въ разныхъ мѣстахъ они и называются разно: въ Питерѣ — лишенные столицы и Спиридоны-повороты, въ Москвѣ—золоторотцы, дальше пошли босяки, зимогоры, раклы.

III.

Этотъ длинный и трудный путь, продѣланный докторомъ, сдѣлался для него источникомъ поразительныхъ открытій. Ему пришлось видѣть всевозможные человѣческіе отбросы народа гиганта, и онъ только удивлялся ужасающему количеству этихъ отбросовъ. Свихнувшіеся съ пути люди создавались не одной городской и фабричной жизнью, а и деревней, гдѣ тоже неустанно работали темныя силы. Доктору дѣлалось страшно,

когда онъ начиналъ въ умѣ перебирать видѣнныя картины міра отверженныхъ, близкаго ему по его настоящему положенію спившагося и пропащаго человѣка. И этихъ погибшихъ людей никто не желалъ замѣчать, они проходили какими-то дантовскими тѣнями, унося съ собой тайну навсегда утраченнаго душевнаго равновѣсія. Дѣло именно было въ душѣ, чего не хотѣли понять сытые и нормальные люди, брезгливо отворачивавшіеся отъ отверженцевъ. Да, это была отверженная Россія, которая привела бы въ ужасъ, если бы собрать ее со всѣхъ угловъ въ одинъ пунктъ. Получалась цѣлая армія потерянныхъ людей, въ которой были представители всѣхъ сословій, побратавшихся въ отчаянномъ русскомъ запоѣ. Вотъ интересная тема для громадной медицинской работы. У доктора явилась даже мысль о собираніи матеріаловъ, и онъ записывалъ свои замѣтки и наблюденія на клочкахъ бумаги, подобранныхъ на улицѣ. Постепенно образовалась цѣлая кипа этихъ замѣтокъ, которыя солдатъ Орѣховъ складывалъ въ одинъ платокъ, который называлъ «почтой».

— Вы, вашескородіе, только пишите, а я ужъ поволоку всю почту,—говорилъ онъ.—Мы *имъ* покажемъ... дда! Слава Богу, умъ-то у насъ не телята отжевали...

Въ дорогѣ на ночлегахъ эта «почта» замѣняла доктору подушку. Правда, спать на такой подушкѣ было очень неудобно, но ворочаясь на жосткомъ тючкѣ, докторъ начиналъ думать о серьезной работѣ и постепенно привыкалъ къ этой мысли. Это былъ отзвукъ далекаго прошлаго, когда онъ, такой же голодный, какъ и сейчасъ, цѣлыя ночи просиживалъ за работой. И какая была благодарная тема: написать психологію спившагося человѣка. Самый фактъ пьянства, его признаки и послѣдствія извѣстны каждому, но недостаточно разработана психологическая сторона, а центръ тяжести заключается именно здѣсь, какъ докторъ Жемчуговъ зналъ по личному тяжелому опыту.

И сейчасъ, любуясь Ялтой, докторъ почему-то думалъ именно о своей работѣ. Кругомъ было такъ чудно хорошо... Въ самомъ воздухѣ была разлита животворящая сила. Да, здѣсь можно было поправиться, какъ нигдѣ. Вѣдь это настоящая обѣтованная страна... Потомъ, по необъяснимой ассоціаціи идей, докторъ вспомнилъ, что въ сентябрѣ истекаетъ срокъ паспорту жены, а онъ не извѣстилъ ее о перемѣнѣ своего адреса.

— Въ Крымъ, подъ открытое небо — вотъ и адресъ,—съ горечью подумалъ онъ.—Впрочемъ, есть адресъ: до востребованія... Необходимо ей написать...

— Вставай, Замерзавецъ! будилъ солдатъ спавшаго нѣмца.—Пріѣхали на станцію... Самоваръ ужъ поставленъ.

Нѣмецъ сѣлъ, посмотрѣлъ кругомъ воспаленными глазами

и опять упалъ въ траву, какъ оглушенный. Его опьянялъ морской воздухъ. Солдатъ снова принялся его будить, приговаривая:

— Вставай, нѣмецкая душа... Какъ разъ царство небесное проспишь.

Замерзавецъ, наконецъ, очнулся. Онъ долго смотрѣлъ кругомъ, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и улыбался.

— Что, хорошо, нѣмецъ?—приставалъ солдатъ.—Да, ну-же, говори.

— О, у меня сердце поетъ...

— Тьфу!—отплюнулся солдатъ.—Тоже и скажетъ человѣкъ...

Замерзавецъ сидѣлъ и улыбался. Когда онъ былъ чѣмъ нибудь доволенъ, его нѣмецкое сердце всегда пѣло... Эта наивная фраза очень нравилась доктору, и онъ тоже улыбался.

— Вашескородіе, а вѣдь, оно тово...—заговорилъ солдатъ, почесывая въ затылкѣ.—То-есть, соловья баснями не кормятъ... У меня пупъ трещитъ—до того жрать хочется. Нѣмецъ, давай считать капиталы... Эхъ, хорошо бы съ дороги опохмѣлиться!..

На траву были выложены всѣ наличныя суммы. Оказалось всего двадцать девять копѣекъ. Объ опохмѣленіи нечего было и думать... Солдатъ только выругался. Какъ на грѣхъ, и табакъ весь вышелъ.

— Это ужъ завсегда такъ случается,—философствовалъ солдатъ.—Ужъ оно одно къ одному... Въ Симферополѣ у насъ ошибочка вышла.

— А все ты виноватъ,—корилъ его докторъ.

— Что же, вашескородіе, бываетъ и свиньѣ праздникъ... Въ кои-то вѣки сподобилъ Господь въ теплую сторону попасть, ну, то-есть, и окончательно, значитъ, вообче...

— Вообче, ты—дуракъ...—разсердился докторъ.

Они немного поссорились, пока не примирились на мысли, что надо же что нибудь дѣлать. Первое дѣло, конечно, умыться. Этакія горы, и долженъ быть студеный ключикъ, рѣшилъ солдатъ. А потомъ въ трактиръ и побаловаться чаишкомъ. Докторъ съ тоской соображалъ, что денегъ никакъ не хватитъ на почтовую марку и конвертъ. Съ похмѣлья его начинало тошнить—это тоже дѣйствовало непріятно.

Ялта, казалось, была рукой подать, но спускаться приходилось часа два. Можетъ быть, это происходило отъ усталости, но чѣмъ ближе дѣлался городъ, тѣмъ онъ казался доктору хуже. И воздухъ не тотъ, какъ на горѣ, и пыль на улицахъ, и специфическій запахъ близости собирательнаго человѣка—объ ассенизаціи, очевидно, въ Ялтѣ были тѣ же понятія, какъ и въ другихъ уѣздныхъ русскихъ городишкахъ.

Проходя мимо сушилки съ табакомъ, солдатъ не утерпѣлъ

и стащилъ небольшую папушку. Растирая табакъ на ладони, онъ обругалъ дураковъ татаръ, которые только добро переводятъ.

— Какой это табакъ? Никакой, то-есть, настоящей крѣпости... такъ, трава.

На шоссе то и дѣло поднимались облачка пыли, вытягивавшіяся за быстро мчавшимися экипажами въ пыльныя ленты. Это ѣхали нарядные господа въ Ялту и изъ Ялты.

— Вотъ оно гдѣ, наше-то похмѣлье, — рѣшилъ солдатъ, когда они очутились на шоссе.—Вы, вашескородіе, этакъ въ сторонкѣ идите, а я ужъ все оборудую.

Они разошлись по шоссе, и солдату посчастливилось. Какая-то барыня въ красной шляпѣ и съ краснымъ зонтикомъ бросила ему двугривенный. Зажавъ деньги въ кулакѣ, солдатъ бросился къ товарищамъ. Но тутъ его ждало полное разочарованіе: Замерзавецъ тоже получилъ двугривенный и отъ той же дамы. Докторъ издали видѣлъ эту сцену и понялъ только одно, что эта дама въ красной шляпѣ была счастлива и разбрасывала только жалкія крохи своего счастья. Ему сдѣлалось вдругъ совѣстно, совѣстно именно потому, что на нихъ смотрѣло это благодатное южное небо, которое было невольнымъ свидѣтелемъ человѣческаго униженія. Это было совсѣмъ не то, когда и «человѣка человѣкъ послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ», нѣтъ — гораздо хуже, потому что тамъ была трагедія, а здѣсь послѣдняя степень униженія. Это настроеніе еще болѣе ухудшалось искренней радостью Орѣхова, который хохоталъ, какъ сумасшедшій, и даже цѣловалъ Замерзавца. Всепожирающій инстинктъ пьяницы покрывалъ все.

— Господи, что же это такое?—думалъ докторъ.

По шоссе они отправились въ Ялту. Богатая обстановка роскошныхъ виллъ, мчавшіеся на иноходцахъ проводники-татары, разодѣтыя дамы—все это смущало доктора, какъ живой контрастъ его настроенію. Сколько тутъ дачъ его счастливыхъ коллегъ-врачей, но онъ имъ сейчасъ не завидовалъ. Да, дорогой хлѣбъ науки сейчасъ размѣнивался самымъ жалкимъ образомъ на гроши, вотъ для этихъ дачъ, вотъ для этихъ нарядныхъ дамъ, экипажей, проводниковъ. Ему даже нравилось, что вотъ онъ идетъ жалкимъ оборванцемъ мимо всей этой наглой роскоши, которая прикрываетъ самое дрянное хищничество. Вотъ они, эти ликующіе, счастливые и безсовѣстные хищники, и ему, оборванцу, ихъ жаль...

— Э, сколько тутъ *нашихъ* понаперло,—радостно говорилъ солдатъ, когда они очутились на толкучкѣ. — Помирать не надо...

Прежде всего, па деньги, добытыя позорнымъ нищенствомъ, была куплена бутылка водки и роспита тутъ же, въ тѣнис-

томъ уголкѣ. Докторъ вспомнилъ о почтовой маркѣ, когда отъ всего банка осталось только двѣ копѣйки.

— Этакая притча... а!..—жалѣлъ Орѣховъ отъ чистаго сердца.—Ну, да ничего, добудемъ... Какъ бы еще такую барыню въ красной шляпѣ поднесло. Дай ей Богъ здоровья...

Выпитая водка подѣйствовала на доктора сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, вѣроятно, благодаря усталости и начинавшемуся солнопеку. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на площадь, гдѣ около деревянныхъ лавчонокъ бродили южные босяки. Въ общемъ, та же Сѣнная, только больше солнца. Докторъ уже начиналъ дремать, какъ вдругъ ему пришла мысль, которая заставила его проговорить:

— Да, вѣдь, это была *она*... да, да!..

Онъ только теперь узналъ эту даму въ красной шляпѣ. Да, это была его жена... Боже мой, и онъ могъ ее не узнать?!

IV.

Большинство потерянныхъ людей страдало маніей старческой болтливости, причемъ крайне трудно было установить пограничную черту между дѣйствительностью и вымысломъ. Общей отличительной чертой такихъ разсказовъ было то, что каждый старался обвинить кого-нибудь другого въ собственномъ положеніи... Исключеніе представлялъ изъ общей массы одинъ докторъ Жемчуговъ, который ничего не разсказывалъ о своемъ прошломъ и не любилъ, когда его разспрашивали о немъ.

— Было и прошло,—коротко объяснялъ онъ.

Да и про себя докторъ не любилъ вспоминать о томъ, что «было». Ему казалось, что это былъ не онъ, а кто-то другой и что этотъ другой давно умеръ. Этотъ «другой» учился въ медицинской академіи, служилъ военнымъ врачемъ, потомъ вышелъ въ отставку и сдѣлался земскимъ врачемъ. Такъ онъ дожилъ до тридцати трехъ лѣтъ, когда въ его жизни случился громадный переворотъ. Докторъ влюбился, и влюбился, какъ мальчишка. Раньше женщина какъ-то не входила въ репертуаръ его жизни. И некогда было, и подходящей женщины не встрѣчалось. Онъ уже рѣшилъ про себя, что кончитъ жизнь старымъ холостякомъ, но именно въ этотъ моментъ и случилась съ нимъ роковая катастрофа.

Дѣло происходило зимой—время года, какъ извѣстно, менѣе всего располагающее къ нѣжнымъ чувствамъ. Объѣзжая свой участокъ, докторъ остановился переночевать на земской станціи. Онъ напился чаю и только хотѣлъ лечь въ постель, какъ явилась какая-то женщина, укутанная въ платки, и заявила, что старая барыня умираетъ.

— Какая барыня?

— А наша... Барышня плачетъ и велѣла непремѣнно добыть дохтура.

До усадьбы отъ станціи было верстъ шесть. Ѣхать ночью зимой не представляло никакого удовольствія, тѣмъ болѣе, что всѣ эти быстрыя умиранія барынь—вещь крайне сомнительная. Докторъ усталъ и хотѣлъ спать, а тутъ изволь тащиться. Онъ всетаки поѣхалъ, потому что въ усадьбѣ барыни жили однѣ, и станціонный смотритель объяснилъ:

— Такъ, совсѣмъ разоренныя барыни... Старуха-то давно помираетъ.

Ничего не можетъ быть печальнѣе разореннаго жилья, особенно зимой. Старинный барскій домъ стоялъ въ снѣгу непривѣтливой хмурой глыбой. «Барыня» занимала двѣ маленькія комнаты, служившія прежде дѣвичьей, а остальное помѣщеніе оставалось необитаемымъ. Это былъ домъ-инвалидъ, охваченный старческимъ маразмомъ. Отъ оконъ дуло, двери не затворялись, въ самомъ воздухѣ чувствовалось разложеніе. Въ передней доктора встрѣтила молоденькая дѣвушка, лица которой онъ въ первую минуту даже не разсмотрѣлъ.

— Вы ужъ извините, докторъ, что я рѣшилась васъ потревожить въ такую пору...—говорила она, кутаясь въ теплый платокъ.—Но я совершенно потеряла голову... Бѣдная мама такъ больна, такъ больна...

Больная лежала на старинной кровати краснаго дерева, занимавшей чуть не полкомнаты. Она встрѣтила доктора умоляющимъ взглядомъ и попросила дочь выйти.

— Докторъ, васъ потревожили совершенно напрасно...—съ трудомъ проговорила она.—Это все Клавдія... Для меня спасенья нѣтъ, я это знаю.

Твердость умиравшей старушки тронула доктора, и онъ отнесся къ ней съ особеннымъ вниманіемъ. Съ медицинской точки зрѣнія, она, дѣйствительно, была безнадежна, какъ конгломератъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней, наслѣдственныхъ, благопріобрѣтенныхъ и соотвѣтствовавшихъ возрасту. Но жизнь еще тлѣла, и ее можно было поддержать, тѣмъ болѣе, что подъ рукой находился такой питательный матеріалъ, какъ страстная любовь къ дочери.

— У нея никого не останется послѣ меня,—объясняла старушка съ откровенностью человѣка, для котораго кончено все.—Отецъ давно умеръ... есть братъ, но онъ хуже, чѣмъ умеръ... Родственники разбрелись, и я давно потеряла ихъ изъ виду. Вообще, полное одиночество... Она похоронила себя въ этомъ мертвомъ домѣ для меня... Ахъ, какая это чудная, свѣтлая душа, докторъ!.. Сколько въ ней женскаго геро-

изма... Вы простите меня, что я все это говорю... Мнѣ некому высказаться, а душа такъ изболѣлась.

Старушкѣ очень понравился скромный и серьезный земскій врачъ, точно она его давно-давно знала. И лицо у него такое простое и хорошее. Она ему тоже понравилась. Когда-то старушка была очень красива и сохранила выдержку старой дворянской семьи. Вообще, чудная и такая милая старушка. Докторъ рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы поддержать эту угасавшую жизнь.

Дѣвушка отнеслась къ доктору сдержанно и какъ будто съ недовѣріемъ.

— Вы останьтесь у насъ переночевать,—предлагала она, когда спеціально докторскій визитъ уже кончился.—Ѣхать обратно ночью въ такую погоду просто непріятно. Самоваръ готовъ... Я могу что-нибудь вамъ приготовить. Хотите яичницу? У насъ прислуга одна, т. е. даже и не прислуга, а моя бывшая няня, и я сама все готовлю.

Докторъ поблагодарилъ и остался. Старушка скоро задремала, и они вдвоемъ поужинали въ сосѣдней комнатѣ, разговаривая вполголоса. Только за этимъ простымъ деревенскимъ ужиномъ докторъ разсмотрѣлъ дѣвушку. Она не была писаной красавицей, но въ этомъ простомъ, ласковомъ русскомъ дѣвичьемъ лицѣ было столько внутренней теплоты, точно оно было освѣщено изнутри. Да, бываютъ такія лица, на которыя хочется смотрѣть безъ конца и чувствовать ихъ близость. Немного стыдившаяся сначала дѣвушка точно привыкла къ невольному гостю и сдѣлалась еще милѣе. Они разговаривали, какъ братъ и сестра, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки. Всѣ интересы дѣвушки сосредоточивались около кровати больной матери, какъ въ фокусѣ. Доктору нравилось, какъ она говорила о больной, и какъ ея глаза загорались тревогой, когда она взвѣшивала каждое его слово, стараясь найти въ нихъ хотя лучъ надежды. Представитель медицинской науки подъ конецъ почувствовалъ себя даже жутко, точно онъ былъ въ чемъ-то очень виноватъ.

Послѣ этого случайнаго знакомства докторъ все сталъ чаще и чаще завертывать въ заброшенную помѣщичью усадьбу, точно всѣ земскія дороги вели только туда. Старушка начала поправляться, чему много способствовало наступившее лѣто. Она не знала, какъ и благодарить доктора, а дочь, наоборотъ, дѣлалась все сдержаннѣе, что немного смущало доктора. Разъ—дѣло было уже въ концѣ лѣта—возвращаясь изъ усадьбы, докторъ сдѣлалъ удивительное открытіе: онъ, считавшій себя неспособнымъ на увлеченія, почувствовалъ, что все его прошлое ушло куда-то далеко-далеко, и что все настоящее и все будущее сосредоточено въ разоренной барской усадьбѣ. Предъ его

глазами точно разверзлась какая-то пропасть, и онъ стоялъ на обрывѣ, чувствуя, какъ томительно сладко кружится голова и замираетъ сердце. Неужели это была любовь?.. Онъ не умѣлъ бы дать названія охватившему его настроенію. Тутъ было все—и радость, и страхъ, и отчаяніе. Докторъ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ свое лицо въ зеркалѣ и находилъ его совсѣмъ неподходящимъ для такого настроенія. Самое простое русское лицо съ мягкимъ носомъ, добродушной улыбкой и неувѣреннымъ взглядомъ. Развѣ такое лицо можетъ понравиться? Съ другой стороны, у доктора являлись моменты душевнаго подъема, когда онъ начиналъ считать себя лучше другихъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ момента сказать *ей* все. Да, пріѣдетъ и скажетъ... Но эта смѣлость падала до нуля, какъ только докторскій экипажъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ, и у доктора сейчасъ же являлся виноватый видъ. Онъ чувствовалъ себя жалкимъ ничтожествомъ, которое существуетъ по какой-то неудачной выкладкѣ ариѳметики природы,—въ природѣ есть свои нули и отрицательныя величины.

Объясненіе произошло совершенно неожиданно, и докторъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ и жалкимъ человѣкомъ, который сознаетъ, что дѣлаетъ непростительную глупость. Ему казалось, что она сейчасъ же выгонитъ его вонъ, и ворота усадьбы будутъ для него закрыты навсегда.

— Я больше не могу, Клавдія Григорьевна...—повторялъ онъ, ломая руки.—Я весь измучился...

Она выслушала его съ опущенными глазами и сказала только одну фразу:

— Позвольте мнѣ подумать... Черезъ три дня я дамъ отвѣтъ.

Три мучительныхъ дня... Докторъ почти не спалъ. *Она* всетаки не отказала и не выгнала его, значитъ, есть тѣнь какой-то надежды. Черезъ три дня получился и отвѣтъ. Она писала, что согласна, но предварительно пусть онъ самъ переговоритъ съ maman.

Старушкѣ сдѣлалось дурно, когда докторъ, сбиваясь, объяснилъ ей свои намѣренія. Очнувшись, она проговорила съ особеннымъ удареніемъ:

— Докторъ, не забудьте одного: Клавдія носитъ старинную дворянскую фамилію Ковровыхъ-Свирскихъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

Она ничего не могла объяснить, и докторъ только впослѣдствіи понялъ значеніе этого предостереженія.

V.

Женитьба и первое время послѣ женитьбы походило на радужный сонъ. Докторъ былъ счастливъ, какъ никто, и это счастье было омрачено только случайно вырвавшимся признаніемъ Клавдіи Григорьевны, что она вышла замужъ изъ желанія успокоить умиравшую старушку мать, боявшуюся больше всего оставить дочь непристроенной. Докторъ вполнѣ понималъ законность такого желанія, а съ другой стороны, у него въ первый разъ появилась какая-то смутная тревога. Что-то было не досказано, и оставался громадный пробѣлъ.

Угасавшая жизнь старушки, кажется, больше всего поддерживалась скорбной мыслью о судьбѣ неустроенной дочери, а послѣ ея замужества наступило быстрое ухудшеніе. Черезъ полгода она умерла. Передъ наступленіемъ предсмертной агоніи она пожала руку зятя и проговорила:

— Благодарю васъ... за все... Берегите Клавдію...

Могъ ли думать когда нибудь докторъ, что именно эта Клавдія сдѣлается причиной его погибели, тѣмъ роковымъ толчкомъ, который свалитъ его въ бездну. И онъ, безумецъ, любилъ ее, молился на нее, на ту, которая сдѣлалась его несчастіемъ. Какъ странно устраивается человѣческая жизнь: человѣкъ самъ идетъ навстрѣчу своей гибели, увлекаясь призракомъ счастья. Если бы докторъ даже зналъ, что все будетъ такъ, какъ случилось, и тогда онъ не могъ бы отступить. Есть вещи сильнѣе единичной воли, которыя неудержимо толкаютъ впередъ.

Докторъ скрылъ отъ жены, какъ ему было непріятно слышать, что она вышла за него замужъ только для успокоенія умиравшей матери. Это была первая ложь. Онъ, такой простой, любящій и готовый отдать всю свою жизнь, каплю по каплѣ, за нее, почувствовалъ, что не можетъ сказать женѣ всего прямо въ глаза. Ему было больно даже думать объ этомъ, и каждое слово являлось бы кровной обидой. Есть вещи, къ которымъ нельзя прикасаться, какъ къ священнымъ предметамъ. Если разобрать, то сейчасъ докторъ любилъ даже не ее, ту реальную женщину, которая носила его имя, а любилъ свое чувство къ ней, свою любовь.

Послѣдней ошибкой доктора было то, что онъ послѣ Рождества повезъ жену въ Петербургъ. Послѣ института она попала прямо въ деревню и похоронила въ ней свои первые дѣвическіе годы. Доктору такъ хотѣлось провести сезонъ въ столицѣ, чтобы поучиться въ клиникѣ послѣднимъ словамъ науки, главнымъ образомъ — только возникшей бактеріологіи, перевернувшей вверхъ дномъ прежніе методы лѣченія. Заси-

дѣвшійся въ провинціи врачъ жаждалъ научнаго освѣженія и рвался къ самому горнилу знанія.

Клавдія Григорьевна сначала отнеслась равнодушно къ мысли о поѣздкѣ въ Петербургъ, какъ къ чему-то невозможно далекому и неосуществимому. Такой она и ѣхала въ Петербургъ и такой была тамъ до перваго спектакля, когда расплакалась у себя въ ложѣ.

— Что съ тобой?—удивился докторъ.

— Я сама не знаю... Мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо... Ты не можешь себѣ даже представить, какъ я счастлива.

Въ Петербургѣ у доктора оказалось достаточное количество знакомыхъ, главнымъ образомъ, конечно, среди своего медицинскаго мірка. Было много интересныхъ встрѣчъ со старыми товарищами по медицинской академіи. Товарищество распалось на двѣ неравныхъ половины: рѣдкіе счастливцы, съумѣвшіе устроиться въ столицѣ, и простые провинціальные врачи, работавшіе по всевозможнымъ захолустьямъ. Сначала Клавдію Григорьевну интересовали эти школьные товарищи мужа и ихъ жены, а потомъ она какъ-то сразу отвернулась отъ нихъ. Съ своими подругами по институту она тоже старалась не встрѣчаться, точно стѣснялась своего положенія, какъ жены простого провинціальнаго врача. Она не завидовала имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не желала возобновлять школьную дружбу. Всѣ ея мысли, интересы и желанія сосредоточивались сейчасъ въ театрѣ. Это было какое-то опьяненіе.

— Сцена — это все... жизнь, счастье, любовь,—повторяла Клавдія Григорьевна, объясняя свое увлеченіе.—Я отдала бы половину своей жизни за счастье быть артисткой.

— Тебѣ хочется быть актрисой? Представь себѣ, что это почти болѣзнь нашего времени, и у тебя найдется слишкомъ много соперницъ. Какая хорошенькая женщина не мечтаетъ теперь о сценѣ—всѣ рвутся туда, въ этотъ заколдованный кругъ.

Жизнь въ Петербургѣ кончилась тѣмъ, что Клавдія Григорьевна поступила на сцену. Это была настоящая трагедія. Докторъ понималъ только одно, что для него все кончено, и что жену ему не вернуть. Ее поглотилъ театральный молохъ.

Къ себѣ въ провинцію докторъ вернулся одинъ. Жена осталась въ Петербургѣ. Она поступила въ одну провинціальную труппу. Докторъ слѣдилъ за ней только по отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ. Оффиціальнаго разрыва между ними не было, и у доктора оставалось что-то вродѣ надежды, что сцена надоѣстъ женѣ, и что къ нему вернется его семейное счастье. Сначала они переписывались, но потомъ письма отъ нея становились все рѣже, короче и холоднѣе. Закончилась вся эта исторія тѣмъ, что Клавдія Григорьевна сошлась съ какимъ-то

актеромъ, о чемъ откровенно и сообщила мужу. Теперь уже все было кончено.

Докторъ пережилъ всѣ муки, какія можетъ только доставить безумно любимая женщина. Онъ меньше всего думалъ о себѣ и о своемъ мужскомъ позорѣ. Кому какое дѣло до его личныхъ дѣлъ? О, онъ былъ счастливъ и благословлялъ память этого минувшаго счастья... Въ обстановкѣ своего дома онъ старался оставить все такъ, какъ было «при ней» и когда садился обѣдать, то напротивъ него стоялъ пустой приборъ. Онъ не желалъ участія друзей, мудрыхъ совѣтовъ и соболѣзнующаго вниманія, а поэтому раззнакомился со старыми знакомыми и повелъ замкнутую жизнь стараго холостяка. Вотъ здѣсь и начался роковой запой, тотъ русскій запой, который сжигаетъ человѣка на медленномъ огнѣ. Явилась роковая первая рюмочка и еще болѣе роковая мысль, что это только сегодня, а что завтра все кончено — ни одной капли проклятой отравы. Происходилъ роковой самообманъ, который губитъ тысячи жизней.

Запой шелъ впередъ быстрыми шагами, и докторъ боялся только одного, чтобы объ этомъ какъ-нибудь не узнала жена. Правда, теперь ихъ отношенія ограничивались однимъ — ровно черезъ годъ она сообщала ему свой перемѣнявшійся театральный адресъ, а онъ высылалъ ей видъ на жительство. Это была жестокая иронія его семейной жизни. Шагъ за шагомъ докторъ спустился по всѣмъ ступенямъ физическаго, нравственнаго и умственнаго разложенія, пока, въ концѣ концовъ, не очутился въ Петербургѣ на Сѣнной. Дальше падать было уже нельзя... Ужасное положеніе доктора усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что докторъ когда-то самъ лѣчилъ запойныхъ и отлично понималъ, куда идетъ. Онъ ставилъ самому себѣ безошибочный діагнозъ: у него уже давно было «пивное сердце», печень увеличена, каттаръ желудка, перерожденіе почекъ, трясеніе рукъ, бродячія суставныя боли—однимъ словомъ, онъ быстро шелъ по пути разрушенія. Жизнь сводилась на одинъ день... Даже общество пропойцъ его не возмущало. Что же, такіе же люди, какъ и онъ, и, право, не хуже другихъ.

Вотъ и вся исторія, грустная и несложная, какъ всѣ несчастія. Путешествіе въ Крымъ было послѣдней попыткой исправиться и снова сдѣлаться человѣкомъ. Докторъ вѣрилъ въ животворящую силу южнаго солнца — только она одна могла его спасти, и ничто больше. И нужно же было случиться такъ, что онъ именно въ Крыму встрѣтилъ свою жену, все еще молодую и цвѣтущую. Эта встрѣча его ошеломила, какъ ударъ грома.

— Боже, за что?—повторялъ несчастный пропоецъ, хватаясь за голову.—Еще одно испытаніе... А она такая цвѣту-

щая, больше чѣмъ красивая. Кого она любитъ, о комъ думаетъ?...

Докторъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ на молѣ, подавленный тысячью мыслей, вихремъ крутившихся въ его отуманенной винными парами головѣ. Да, вотъ оно, это сверкающее, какъ ограненный дорогой камень, всѣми цвѣтами радуги море, вонъ эти чудныя горы, обступившія амфитеатромъ красавицу Ялту — здѣсь такъ легко и хорошо дышется, сюда нужно пріѣзжать любить... А какая трудовая суета на пристани — работа такъ и кипитъ. Больше всего докторъ любовался турками, которые объѣзжали черноморскій берегъ на своихъ окрыленныхъ косыми парусами фелюгахъ-скорлупкахъ. Народъ былъ молодецъ къ молодцу. И всѣ непьющіе... Геніальный человѣкъ наложилъ для своихъ послѣдователей veto на величайшій изъ всѣхъ ядовъ. Турки являлись живымъ укоромъ всѣмъ этимъ босякамъ и зимогорамъ, собравшимся на пристани для грузовой работы.

— Подлецы они эти самые турки, — ругался солдатъ Орѣховъ съ особеннымъ ожесточеніемъ.—Ему легко не пить, когда законъ не велитъ. Да... А ты, то-есть, своимъ собственнымъ умомъ попробуй не пить. Нѣтъ, братъ, шалишь... Ежели бы я не пилъ, да я бы ихъ всѣхъ за поясъ заткнулъ.

VI.

Первые дни жизни въ Ялтѣ для доктора прошли въ какомъ-то туманѣ. Морской воздухъ производилъ свое чудотворное дѣйствіе. По утрамъ не мучилъ кашель, «пивное сердце» начинало работать правильнѣе, въ головѣ не было той тяжести, которая давила мозгъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ — вообще, совершалось какое-то внутреннее возрожденіе, какъ при ремонтѣ запущеннаго стараго дома. А главное, являлось повышеніе самочувствія, выражаясь медицинскимъ языкомъ. Доктору начинало казаться, что онъ уже не онъ, т. е. не жалкій пропойца, который остался далеко-далеко подъ туманнымъ сѣвернымъ небомъ.

Компанія продолжала вести совмѣстную жизнь, вмѣстѣ работала и вмѣстѣ спала гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ. Солдатъ Орѣховъ переживалъ тоже подъемъ чувствъ, выражавшійся въ особенномъ ожесточеніи.

— Вашескородіе, я имъ покажу!—повторялъ онъ и даже грозилъ въ пространство кулакомъ.—Тутъ дѣло не пудомъ орѣховъ пахнетъ... Сдѣлайте милость! Въ лучшемъ видѣ...

Солдатское одушевленіе реализировалось цѣлымъ потокомъ совсѣмъ ненужныхъ словъ. Замерзавецъ съ перваго пробужде-

нія на благословенномъ крымскомъ побережьѣ сохранялъ тоже настроеніе—у него «пѣло сердце». Даже собака Кондитеръ и та переживала это общее настроеніе, выражая его отчаянными драками съ крымскими собачонками.

— Что, радъ, негодяй?—любовался имъ Орѣховъ. — Вотъ то-то и есть, дурашка... Вашескородіе, вотъ песъ, а тоже чувствуетъ по своему, то-есть, какъ полагается настоящему псу.

Въ Ялтѣ уже начался осенній людный сезонъ, и публика все прибывала, настоящая избранная публика, не знавшая счета шальнымъ деньгамъ. Доктора удивляло, что въ этой пестрой, разряженной толпѣ совершенно не было видно больныхъ. Гдѣ они, эти обреченные люди, по какимъ угламъ прячутся и гдѣ предаются мукамъ ожиданія? Модные курортные врачи тоже не походили на врачей. Эти милые друзья человѣчества имѣли такой видъ, точно они осчастливливали человѣчество каждымъ своимъ дыханіемъ. Докторъ узналъ двухъ бывшихъ товарищей по академіи. Да, когда-то они щеголяли въ высокихъ сапогахъ, въ мережанныхъ сорочкахъ и въ широкополыхъ факельщицкихъ шляпахъ, а теперь это были блестящіе дэнди, катавшіеся по Ялтѣ на кровпыхъ рысакахъ. Изъ ученой личинки выпорхнули чудныя бабочки, питавшіяся только медомъ отъ дорогого хлѣба науки.

Бродя по Ялтѣ, докторъ наткнулся на театральную афишу, анонсировавшую о гастроляхъ извѣстной артистки Свирской. Значитъ, онъ не ошибся... Онъ перечиталъ нѣсколько разъ афишу, переживая смѣшанное чувство горечи и какого-то молчаливаго отчаянія. Да, это была несомнѣнно она, принявшая псевдонимомъ половину своей дѣвичьей фамиліи. Дальше докторъ узналъ, что она занимаетъ два номера въ гостиницѣ «Россія», что служило лучшей рекламой ея матеріальныхъ успѣховъ. Она попала, наконецъ, въ заколдованный кругъ самой избранной публики. Онъ усаживался на скамейкѣ у набережной и терпѣливо, по цѣлымъ часамъ ждалъ ея появленія. Утромъ она выходила часовъ въ одиннадцать, въ сопровожденіи одной горничной—значитъ, была назначена репетиція. Если не было спектакля, она выходила только вечеромъ, когда спадалъ дневной жаръ, и непремѣнно въ сопровожденіи одного изъ смѣнявшихся поклонниковъ. Были тутъ и военные, и штатскіе, и мѣстные восточные человѣки. Очевидно, она имѣла успѣхъ. Разъ докторъ слышалъ, какъ два шпюта въ подвернутыхъ штанахъ провожали ее словами:

— Хороша канашка... Почему она связалась съ этимъ рамоли? Знаешь, лысенькій... изъ Москвы...

— У него милліонъ...

— Э, нынче этимъ никого не удивишь...

— Онъ уменъ и не мѣшаетъ ей флиртировать...

Докторъ узналъ и фамилію «самого». Это былъ одинъ изъ второстепенныхъ московскихъ крезовъ, о которомъ говорили, какъ о больномъ человѣкѣ—больномъ по логикѣ московскихъ милліоновъ. Такой выборъ покоробилъ доктора. Это уже начиналась торная дорога настоящей кокотки. Неужели она могла упасть такъ низко? Онъ этому не могъ повѣрить. Тутъ крылось какое-то грустное и обидное недоразумѣніе. У него явилось страстное желаніе увидѣть ее и спросить. Пусть она отвѣтитъ ему «своими словами»... Онъ, пропойца, такъ много могъ ей сказать и именно то, чего она никогда не услышитъ отъ своихъ поклонниковъ. Да, онъ долженъ ее видѣть и переговорить серьезно...

Но здѣсь явилась непреодолимая преграда,—у доктора не было подходящаго костюма и еще меньше надежды таковой пріобрѣсти. Идти въ опоркахъ и въ лохмотьяхъ онъ, конечно, не могъ, да его и не пустили бы на подъѣздъ шикарной гостиницы. Положеніе получалось самое безвыходное. Въ минуту отчаянія у доктора даже являлась мысль обратиться къ кому нибудь изъ коллегъ по академіи, но это благородное попрошайничество возмущало его больше открытаго нищенства.

— Только костюмъ...—вертѣлась въ головѣ доктора неотвязная мысль. — Боже мой, неужели я его не найду? Вотъ когда можно сказать: полцарства за одинъ костюмъ...

Заработать костюмъ было не мыслимо, потому что для такой операціи потребовалось бы minimum два мѣсяца работы гдѣ нибудь на пристани, а сейчасъ докторъ и работать не могъ—его мучила одышка.

Выручилъ солдатъ Орѣховъ, когда докторъ подъ хмѣлькомъ разсказалъ ему свое горе.

— А мы это, то-есть, живой рукой обернемъ, вашескородіе... Не стало развѣ здѣсь народовъ? Да еще какъ обернемъ... Тутъ есть одна баба-перекупка, такъ мы у ней и произведемъ всю муницію.

«Перекупка» сначала отнеслась съ недовѣріемъ къ такому смѣлому плану, но ее подкупило слово: докторъ. Положимъ, пьяница, а всетаки ученый человѣкъ и не окажетъ себя подлецомъ. Конечно, костюмъ былъ сборный, но съ этимъ маленькимъ неудобствомъ приходилось мириться.

Теперь оставалось только написать письмо, что было особенно трудно доктору, отвыкшему совсѣмъ писать. Послѣ нѣсколькихъ редакцій онъ написалъ, что «случайно» попалъ въ Крымъ и желалъ бы видѣться, причемъ предупреждалъ, что онъ очень боленъ и, вѣроятно, скоро умретъ. Въ припискѣ было прибавлено: «У меня явилось страстное желаніе видѣть

васъ, Клавдія Григорьевна, и поговорить... Ради Бога, не подумайте, что мнѣ что нибудь нужно отъ васъ или что я буду предъявлять свои права. Просто, хочется видѣть васъ»...

Письмо взялся доставить солдатъ Орѣховъ «въ собственныя руки», что ему обошлось не дешево, точно онъ бралъ «Россію» штурмомъ. Началось съ того, что его нѣсколько разъ прогналъ швейцаръ, потомъ онъ хотѣлъ проникнуть какимъ-то заднимъ ходомъ и тоже былъ выгнанъ съ позоромъ.

— Да, вѣдь, я не для себя хлопочу, обормоты?!—ругался солдатъ, сдерживая скромное желаніе надавать всѣмъ этимъ рестораннымъ халуямъ въ морду.

— Ладно, разговаривай, рвань коричневая... Много васъ тутъ, ракловъ.

Солдатъ собралъ всю силу воли, чтобы не подраться и не испортить этимъ всей своей дипломатической миссіи. Долго-ли до грѣха...

Обозленный солдатъ всетаки перехитрилъ. Онъ укараулилъ горничную Свирской и вручилъ ей письмо.

— Я тебя вотъ тутъ на скамеечкѣ обожду, — объяснилъ онъ, подмигивая.—Понимаешь? Письмо-то ужъ очень, то-есть, нужное... Не бойся, глупая.

Горничная, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилась взять письмо, а солдатъ Орѣховъ ждалъ ее на набережной цѣлый часъ, предаваясь философскимъ размышленіямъ.

— Ужъ эти господа... Одна модель, то-есть. А докторъ вотъ какъ сконфузитъ эту самую актерку... Кругомъ будетъ виновата, хоть и вертитъ хвостомъ. Охъ, бабы!.. Грѣхъ съ ними одинъ.

Горничная, наконецъ, явилась съ отвѣтомъ, который дала не сразу, а послѣ нѣкотораго экзамена.

— Отъ кого это письмо было?—допрашивала она.

— Отъ доктора.

— А какъ фамилія доктора?

— Фамилія: Жемчуговъ, Иванъ Степанычъ... Обыкновенная фамилія.

Кончился этотъ допросъ совсѣмъ неожиданно: горничная дала солдату цѣлый двугривенный.

— Ну, вотъ это дѣло...—похвалилъ солдатъ, держа за уголокъ длинный узкій конвертъ.

VII.

Клавдія Григорьевна только что собралась на репетицію, когда горничная подала ей письмо.

— Отъ гимназиста?—спросилъ пожилой господинъ въ парѣ изъ бѣлой фланели съ голубыми полосками.

Она ничего не отвѣтила, а только брезгливо повела плечомъ. Онъ наблюдалъ, какъ по мѣрѣ чтенія хмурилось ея красивое молодое лицо, а на лбу всплывала такъ хорошо знакомая ему поперечная морщинка. Одѣтая, какъ всегда, съ дорогой простотой, она совсѣмъ не походила на актрису. Особенно хорошо были зачесаны волосы, совсѣмъ гладко, съ проборомъ по срединѣ, какъ у школьницы.

— Ну, что?—устало спросилъ онъ, повертывая въ рукахъ бѣлую кизилевую палку.

Она ему даже не отвѣтила, а повернулась и ушла въ себѣ въ спальню, гдѣ сейчасъ же и набросала на ночномъ столикѣ отвѣтъ. Одна горничная понимала, что письмо было важное, и поэтому смотрѣла куда-то въ пространство съ безнадежно-глупымъ видомъ.

— Вы можете не провожать меня...—предупредила Клавдія Григорьевна, когда горничная подавала накидку.

Онъ устало поднялся и вышелъ, не прощаясь. Она со злобой посмотрѣла на затворившуюся за нимъ дверь, сбросила накидку и торопливо проговорила:

— Шура, я больна и никого не принимаю... Понимаешь? Сходи и скажи режиссеру, что я больна... А когда придетъ *этотъ* господинъ... ну, отъ котораго было письмо — ты его проведешь сюда.

Горничная привыкла къ особымъ порученіямъ и не нуждалась въ повтореніи. Она исчезла, какъ тѣнь. Клавдія Григорьевна въ бинокль видѣла изъ окна, какъ она передавала ея отвѣтъ какому-то оборванцу на набережной, и это ее немного покоробило. О мужѣ она уже нѣсколько лѣтъ не имѣла другихъ свѣдѣній, кромѣ годового паспорта, причемъ ее каждый разъ огорчала скверная бумага, на которой писался такой паспортъ, и слѣды грязныхъ пальцевъ на немъ. Она принимала это за месть съ его стороны, — вѣдь мужчины способны на все...

Ей пришлось ждать цѣлый часъ, причемъ она старалась подавить охватившее ее волненіе. Вотъ уже лѣтъ семь, какъ они не видались, и онъ не желалъ ее видѣть. Она тоже не желала этихъ семейныхъ встрѣчъ и, вѣроятно, отказала бы въ свиданіи, если бы не этотъ скорбный тонъ письма. Онъ писалъ о своей болѣзни и о смерти, и у нея защемило сердце отъ ожиданія какой-то крупной непріятности. Стоя у окна съ заложенными за спину руками, она переживала еще разъ всю свою тревожную жизнь и напрасно старалась представить себѣ мужа, какимъ онъ былъ сейчасъ. Конечно, постарѣлъ, обрюзгъ, опустился... Но онъ по отношеніи къ ней всегда былъ порядочнымъ человѣкомъ, и она не боялась этой неожиданной встрѣчи.

Осторожный стукъ въ двери всетаки заставилъ ее вздрогнуть. Это былъ лакей, который съ смущеннымъ видомъ проговорилъ:

— Какой-то...

— Знаю, знаю... Просите.

Въ первое мгновеніе Клавдія Григорьевна не узнала мужа и даже не подала руки. Передъ ней стоялъ спившійся субъектъ, смотрѣвшій на нее воспаленными глазами. Онъ показался ей и ростомъ ниже.

— Вы меня не узнаете, Клавдія Григорьевна?

Отъ него такъ и пахнуло перегорѣлой водкой, что заставило ее сморщиться.

— Что съ вами, Иванъ Степанычъ?!—въ ужасѣ прошептала она, брезгливо подавая руку.—Это ужасно... да, ужасно.

Онъ безъ приглашенія присѣлъ на кончикъ дорогого бархатнаго стула, какъ садятся просители, спряталъ подъ мышку заношенную, какъ блинъ, фуражку и засмѣялся.

— Васъ удивляетъ моя метаморфоза? Да... Я и самъ удивляюсь... А между тѣмъ—фактъ, значитъ, законное явленіе.

— И давно *это* съ вами?

— Гмъ... порядочно... А впрочемъ, не умѣю сказать опредѣленно... потому что... потому что пьянъ вотъ уже семь лѣтъ...

— Боже мой...

— И сейчасъ немного того... Мнѣ, знаете, трудно говорить... Если бы вы сказали человѣку графинчикъ водочки... да, одинъ графинчикъ...

Такая просьба немного смутила Клавдію Григорьевну, но ее выручила горничная Шура, объяснившая корридорному, что оборванный пьяненькій гость «изъ нашихъ актеровъ».

Подана была закуска и графинчикъ водки. Докторъ выпилъ залпомъ двѣ рюмки водки и долго жевалъ кусочекъ колбасы, закрывая глаза. Настоящаго аппетита у него уже давно не было, ѣлъ онъ больше по инерціи. Клавдія Григорьевна пристально наблюдала за нимъ, чувствуя, какъ начинаютъ ее душить слезы. Да, настоящія слезы... Ей вдругъ сдѣлалось страстно жаль вотъ этого погибшаго изъ-за нея человѣка, который ее любилъ. Кончилось тѣмъ, что она закрыла лицо руками и убѣжала въ свою спальню. Докторъ слышалъ, какъ она глухо рыдала, и по этому поводу выпилъ еще двѣ рюмки.

— Не нужно плакать...—бормоталъ онъ, ощущая приливъ пьяной бодрости.—Зачѣмъ плакать? Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, какъ сказалъ collega докторъ Панглоссъ... Клавдія, перестаньте... Поговоримте, какъ старые хорошіе друзья... да... Что такое слезы? Это результатъ сокращенія слезныхъ железъ—и только...

Она вышла съ красными отъ слезъ глазами и со слѣдами пудры на лицѣ. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Какъ я счастливъ, Клавдія... Вы не обидитесь, что я васъ такъ называю?.. Да... Моя мечта исполнилась, и я теперь умру спокойно... т. е., можетъ быть, и не умру, но дѣло не въ этомъ... да...

Она нѣсколько разъ дѣлала нетерпѣливое движеніе, но онъ ее предупреждалъ.

— Ради Бога, не тратьте напрасно жалкихъ словъ... Я знаю: «Неужели у васъ нѣтъ силы воли отказаться всего отъ одной рюмки, то есть отъ первой?» и т. д. Ахъ, какъ все это я понимаю, и сколько тысячъ разъ повторялъ эту фразу, когда лѣчилъ запойныхъ пьяницъ... Совершенно напрасно. Да... Все въ порядкѣ вещей. Вѣдь мы, пропойцы, неорганизованныя натуры, у насъ не развиты задерживающіе центры, волевые импульсы въ зачаточномъ состояніи, какъ молочные зубы у ребенка, и живемъ всѣ дрянно... да, да... Я понимаю, что вамъ жаль меня... Я знаю, что вы чудная женщина... да... Вы хорошо такъ, чисто по бабьи жалѣете жалкаго пропойцу и даже пролили слезу... тоже хорошо... облегчаетъ... А пропойца сидитъ и жалѣетъ васъ, такую красивую, чудную, всю хорошую... Знаете, бываютъ люди просто хорошіе и бываютъ люди насквозь хорошіе, которые даже при желаніи не могутъ сдѣлаться дурными...

— Почему же вамъ жаль меня, Иванъ Степановичъ?

— Почему жаль?..

Онъ посмотрѣлъ сначала на пустой графинчикъ, потомъ на нее и проговорилъ съ разстановкой:

— Это долго разсказывать... Мнѣ вотъ жаль и своихъ милыхъ коллегъ, которые нѣжатся въ роскошныхъ виллахъ и катаются по Ялтѣ на тысячныхъ рысакахъ. Да, жаль... Все это только имитація жизни, реализація низшихъ подражательныхъ инстинктовъ, игра въ прятки съ самимъ собой... Люди дѣлаютъ рѣшительно все, чтобы именно спрятаться отъ самого себя... Неужели счастье въ томъ, чтобы нагромоздить груду камней, натащить сюда же дорогихъ тканей, художественной бронзы и разной другой дребедни и пустяковины,—о, какъ они жалки, эти ослѣпленные себялюбцы!.. Знаете, пьянство, несомнѣнно, величайшій порокъ, но у него есть свое достоинство: оно точно обнажаетъ душу... Если бы вы знали, сколько новыхъ мыслей и чувствъ накопилось у меня за эти семь лѣтъ?.. И вотъ мнѣ хотѣлось разсказать вамъ все... все... Меня это мучило...

Онъ прошелся колеблющейся походкой по комнатѣ, осмотрѣлъ роскошную обстановку, покачалъ головой и проговорилъ:

— И это все обманъ...

Потомъ онъ подошелъ къ ней, взялъ за руку и сказалъ уже шопотомъ:

— О, какъ я много думалъ о васъ, Клавдія... Бываютъ ужасныя безсонныя ночи... галлюцинаціи... и я видѣлъ васъ много, много разъ... Мнѣ часто хотѣлось сказать вамъ слово утѣшенія... уговорить васъ, какъ уговариваютъ больного ребенка... дать вамъ выговориться и выплакаться... Да, мнѣ было жаль васъ... потому что на вашей дорогѣ гонятся только за призракомъ счастья... Это тѣ блуждающіе огоньки, которые заводятъ въ трясину, гдѣ человѣкъ гибнетъ окончательно... то есть гибнетъ живая душа...

Она слушала его съ опущенной головой, а при послѣднихъ словахъ вскочила и прошептала:

— Представьте себѣ, несчастный, что вы правы?!.. Зачѣмъ вы пришли сюда? Что вамъ нужно отъ меня? О, Боже мой... Зачѣмъ вы говорите мнѣ все это?

VIII.

Неожиданная встрѣча съ мужемъ для Свирской являлась своего рода днемъ итога. Она много пережила за эти семь лѣтъ, увлекалась, раскаивалась и опять повторяла прежнія бабьи ошибки. Однимъ словомъ, она жила «какъ другіе» и въ послѣднее время даже не подсчитывала себя, пассивно отдаваясь теченію. Появленіе спившагося мужа заставило ее оглянуться и провѣрить себя. На ней тяготѣла вина цѣлой испорченной жизни... Тотъ мужъ, котораго она оставила, и тотъ мужъ, который существовалъ сейчасъ—были два полюса. Она не могла спать всю ночь. Гдѣ онъ проводитъ свои ночи—она забыла даже спросить его объ этомъ. Потомъ, какой у него ужасный костюмъ... Вѣроятно, онъ постоянно голодаетъ, проводитъ все время гдѣ нибудь въ кабакѣ, среди такихъ же оборванцевъ... Ужасно, ужасно!.. И все это только потому, что онъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ ней. Не будь этой встрѣчи, онъ тихо и мирно кончилъ бы свою жизнь старымъ холостякомъ. Клавдіи Григорьевнѣ дѣлалось жутко, и морозъ пробѣгалъ у нея по спинѣ, когда она припоминала его воспаленные глаза, смотрѣвшіе на нее такъ пристально. Вѣдь онъ и сейчасъ ее любитъ, несчастный, жалкій, погибшій.

— О, я его спасу!—рѣшила она.—Я должна его спасти... Вѣдь есть же средства отъ этой ужасной болѣзни? Къ чему тогда наука, если она безсильна? Нѣтъ, я его спасу... Это моя прямая обязанность.

Утромъ горничная Шура получила приказаніе разыскать «этого господина» непремѣнно. По разсѣянности Клавдія Григорьевна забыла записать его адресъ.

— Какой тутъ адресъ, барыня,—смѣялась горничная.—Всѣ *они* на рынкѣ толкутся или на набережной... Вотъ и весь адресъ!

Она дѣйствительно разыскала всю компанію и въ первую минуту не узнала доктора въ его лохмотьяхъ.

— Здравствуй, винная ягода,—окликнулъ ее солдатъ.— Али соскучилась?

— И то соскучилась...

Докторъ какъ-то равнодушно прочиталъ коротенькую записочку, равнодушно посмотрѣлъ на горничную и отвѣтилъ однимъ словомъ:

— Хорошо...

— Такъ и сказать барынѣ?

— Такъ и скажи барынѣ...

Солдатъ Орѣховъ догналъ Шуру на набережной и безъ церемоніи объяснилъ, что если барыня желаетъ видѣть доктора, то должна прислать денегъ на костюмъ, а то Перекупка не даетъ...

— Тоже и скажете: докторъ. Знаемъ, какіе доктора бываютъ...

Солдатъ Орѣховъ не вытерпѣлъ и обругалъ горничную.

— Толкомъ тебѣ говорятъ, винная ягода!.. Такъ и скажи своей барынѣ... А деньги мнѣ—понимаешь? Онъ-то не возьметъ, потому какъ ничего не понимаетъ и при этомъ весьма гордо себя содержитъ...

Сооруженіе костюма доктору было произведено при благосклонномъ участіи солдата Орѣхова, не упустившаго, конечно, такого удобнаго случая прикарманить малую толику. Докторъ принялъ костюмъ, какъ проявленіе особеннаго довѣрія Перекупки. Тотъ же солдатъ Орѣховъ сводилъ его въ баню для окончательной поправки.

— Теперь вы, вашескородіе, какъ новенькій пятачекъ... И я тоже скоро выправлю себя въ лучшемъ видѣ. Будетъ баловать... Шабашъ!.. я презираю эту самую водку...

Клавдія Григорьевна встрѣтила доктора гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и онъ тоже волновался менѣе. Она начала прямо, безъ всякихъ подготовокъ:

— Я убѣждена, что у васъ есть мысль объ исправленіи... да? Остается только взять себя въ руки... да?.. Я, конечно, не имѣю права предлагать вамъ что нибудь, но готова сдѣлать все зависящее отъ меня. Надѣюсь, что вы не обидитесь на меня, какъ не обижаются на старыхъ друзей... Да?

— О, да...

— Когда вамъ покажется труднымъ выдерживать характеръ лично для себя, то сдѣлайте это для меня...

— Я буду другимъ человѣкомъ...

— Когда вамъ будетъ скучно, приходите ко мнѣ запросто. Для васъ я всегда дома...

Онъ поблагодарилъ ее молчаливымъ взглядомъ. Да, онъ исправится, онъ не смѣетъ не исправиться, когда его проситъ объ этомъ сама Клавдія Григорьевна... Только это нельзя сдѣлать вдругъ. Организмъ слишкомъ привыкъ къ алкоголю, и сердце перестанетъ работать, если сразу прекратить обычную дозу возбужденія.

— Вѣдь весь организмъ пропитанъ этимъ ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ ядовъ,—объяснилъ докторъ.—Я иногда почти чувствую, какъ у меня по жиламъ переливается эта проклятая отрава...

— Послушайте, сдѣлайте такъ,—предложила она:—вы будите пить только изъ моихъ рукъ... Вѣдь это не трудно? То есть будете пить у меня... да? Я не беру съ васъ никакого слова и не желаю васъ стѣснять ничѣмъ... Потомъ, мы будемъ завтракать и обѣдать вмѣстѣ. Согласны? Потомъ мы будемъ дѣлать вмѣстѣ прогулки въ горы...

Докторъ соглашался на всѣ пункты какъ-то пассивно, и только поѣздки въ горы заставили его удивиться. Это было что-то невѣроятное...

— Да, да, непремѣнно,—настаивала она съ чисто женскимъ упрямствомъ.—Вѣдь вы совершенно свободны и можете располагать своимъ временемъ... Ради Бога только не подумайте, что я хочу разыгрывать роль благодѣтельницы или сидѣлки.

Въ шутливомъ тонѣ она разсказала, какъ горничная Шура произвела его въ «наши актеры». Докторъ смѣялся, а потомъ проговорилъ:

— Что же, это и отлично... да. Въ роли спившагося актера я не буду васъ стѣснять, Клавдія.

— А васъ это не обидитъ?

— О, нисколько...

Клавдія Григорьевна вела дѣло крайне осторожно и съ женской ловкостью добилась того, что докторъ согласился купить себѣ приличный лѣтній костюмъ и занялъ маленькую комнатку «отъ жильцовъ». Это былъ громадный успѣхъ женской дипломатіи. Доктора смущало главнымъ образомъ то, что онъ точно измѣнилъ своимъ друзьямъ по несчастію. Сейчасъ онъ даже не могъ ихъ принять у себя, и ему было совѣстно.

— Теперь ужъ вы, вашескородіе, на настоящую линію вышли,—говорилъ солдатъ Орѣховъ на прощанье.—Ну, а мы, то-есть, на прежнемъ положеніи...

Присутствовавшій при этомъ прощаньи Кондитеръ точно понималъ, въ чемъ дѣло, и какъ-то особенно ластился къ доктору, виляя пушистымъ хвостомъ. Доктору было жаль и собаки, какъ стараго вѣрнаго друга, дѣлившаго горе и радости. Замер-

завецъ молчалъ, какъ всегда, являясь какимъ-то нѣмымъ укоромъ. Онъ отнесся къ распаденію тройственнаго дружескаго союза совершенно равнодушно. Докторъ что-то такое говорилъ имъ, точно желалъ оправдаться. Ему казалось, что онъ является въ ихъ глазахъ содержанцемъ модной актрисы, которая не знаетъ, куда ей дѣвать деньги. Вообще, докторъ чувствовалъ себя неловко, переживая тяжелую минуту разлуки съ истинными друзьями.

— Я буду къ вамъ приходить...—повторялъ онъ, подбирая слова.

— Куда же вы, вашескородіе, въ такой муниціи пойдете?—откровенно удивлялся Орѣховъ.—Себя только будете страмить... Нѣтъ, оно ужъ тово, то-есть, крышка... У насъ съ Замерзавцемъ своя линія, вообче.

Клавдія Григорьевна успѣла посовѣтоваться съ одной крупной медицинской знаменитостью относительно лѣченія отъ запоя. Знаменитость, ухаживавшая за ней, только пожала плечами.

— Лѣкарства, собственно говоря, нѣтъ... То есть говоря откровенно, и не можетъ быть лѣкарства, когда парализована воля.

— Къ чему же тогда вашъ дорогой хлѣбъ науки?—вспылила Клавдія Григорьевна.—Если такъ, то я сама буду лѣчить и даю вамъ слово, что вылѣчу...

— Дай Богъ,—благосклонно согласилась знаменитость.

У Клавдіи Григорьевны явился собственный планъ, какъ приподнять самочувствіе своего паціента. Въ разговорахъ онъ нѣсколько разъ упоминалъ о собранныхъ имъ матеріалахъ по психологіи пьянства, слѣдовательно, оставалось только воспользоваться этими матеріалами.

— Будемъ лѣчиться работой наперекоръ всѣмъ знаменитостямъ,—рѣшила она.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д. Маминъ-Сибирякъ.

На кладбищѣ.

Распускаются листья сирени
Межъ кладбищенскихъ сѣрыхъ крестовъ,
И на дернѣ могилъ отъ кустовъ
Шевелятся узорныя тѣни.
    Тишина. Въ небесахъ облака,
    Словно снѣжныя лавины, таютъ,
    Звуки жизни едва долетаютъ
    Изъ села на крылахъ вѣтерка.
Только жаворонокъ звонко щебечетъ,
Утонувъ въ голубой вышинѣ,
Надъ убѣжищемъ смерти—веснѣ,
Вѣчной жизни хвалы онъ лепечетъ.
    Эта пѣсня въ обители сна,
    Въ мертвомъ небѣ—подвижныя пятна!.
    Тайна смерти, ты здѣсь не страшна!
    Тайна жизни темна, непонятна!..
Подъ крестами безвѣстныхъ могилъ
Пріютились истлѣвшія кости
Тѣхъ, что полны желаній и силъ,
Были въ мірѣ случайные гости.
    Ихъ покой непробуденъ и нѣмъ.
    И они, уходя, не узнали
    Этой тайны великой: зачѣмъ
    Здѣсь, живя, они столько страдали?..

А. М. Вербовъ.

Памяти Леопарди.

29 іюня (нов. ст.) нынѣшняго года литературный міръ Италіи, а отчасти и нѣкоторыхъ другихъ странъ, чествовалъ столѣтнюю годовщину рожденія Джіакомо Леопарди, поэта-пессимиста, и еще болѣе философа-пессимиста, имя котораго заняло одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи поэзіи «міровой скорби» нашего вѣка.

Едва ли кто нибудь станетъ спорить (хотя, впрочемъ, возраженія встрѣчаются), что какъ мрачное, такъ и оптимистическое воззрѣніе на жизнь, находившее себѣ выраженіе въ произведеніяхъ поэтовъ прежняго и новаго времени, имѣло своимъ источникомъ въ очень значительной степени личныя обстоятельства поэта. У Байрона хромота и столкновенія съ гнусно лицемѣрнымъ англійскимъ обществомъ; у Гейне—еврейское происхожденіе и страшный физическій недугъ, приковывающій его къ «матрацной могилѣ» въ продолженіе многихъ лѣтъ; у Жераръ де-Нерваля—неисходная бѣдность и т. д., и т. д.—несомнѣнно вліяютъ (независимо отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ политическихъ и общественныхъ) на развитіе тѣхъ задатковъ пессимизма, которые врождены каждой глубокочувствующей и глубоко думающей натурѣ. И, кажется, можно съ увѣренностью сказать, что едва ли Гете, какъ творецъ «Вертера», «Прометея», первой части «Фауста» перешелъ бы въ область того величаво безмятежнаго, олимпійски свѣтлаго воззрѣнія на жизнь, которое сказалось въ его послѣдующихъ произведеніяхъ, если бы судьба въ дѣйствительной жизни не избрала его своимъ баловнемъ и не отстраняла отъ него самымъ тщательнымъ образомъ все, могущее раздражать, озлоблять, омрачать человѣка въ его личной обстановкѣ... Но ни къ одному поэту, быть можетъ, эта истина не примѣняется съ такою яркостью и доказательностью, какъ къ несчастному Джіакомо Леопарди, несчастному во всѣхъ отношеніяхъ и во всей полнотѣ этого слова. «Надѣленный, какъ немногіе (замѣчаетъ его біографъ), способностью наслаждаться всѣми чарами красоты, онъ былъ осужденъ всю жизнь свою терпѣть въ полууродливомъ тѣлѣ муки отреченія отъ этихъ благъ; при способности къ свѣтлому наслажденію жизнью, безъ всякихъ мелочныхъ заботъ, жизнь его была цѣпью тяжелыхъ лишеній, ложившихся невыносимымъ гнетомъ на его гордость и часто даже на его дѣйственную любовь къ человѣчеству; цѣлый міръ духовныхъ

задачъ носился предъ его взорами, а непрестанныя тѣлесныя страданія часто осуждали его на долговременное бездѣйствіе, во время котораго онъ съ утра до ночи тревожно ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, какъ пойманный въ клѣтку звѣрь».

Съ первыхъ дней дѣтства, можно даже сказать, съ самаго появленія на свѣтъ нашего поэта до самой смерти его, въ теченіе тридцати девяти лѣтъ, за очень немногими перерывами, тянется эта цѣпь личныхъ страданій, отягчаемая еще тѣми звеньями, которыя куетъ для нея общественная, политическая, культурная жизнь Италіи того времени...

Въ маленькомъ, глухомъ городкѣ Реканати, въ Апенинскихъ горахъ, появился на свѣтъ будущій страдалецъ, появился, богато одаренный природою въ духовномъ отношеніи и страшно обдѣленный ею въ отношеніи физическомъ, какъ будто для того, чтобы показать, что вопреки извѣстной поговоркѣ, mens sana можетъ жить въ тѣлѣ далеко не sano: сутуловатый, почти горбатый, рахитическій ребенокъ съ первыхъ почти дней своего существованія носитъ въ себѣ задатки—которымъ суждено быстро развиться—такихъ болѣзней, какъ чахотка, водяная, страшныя головныя боли, въ соединеніи со страданьемъ глазъ, иногда доходящимъ чуть не до слѣпоты... Но онъ не простой смертный: онъ сынъ графа Мональдо, родъ котораго уже давно обѣднѣлъ, но который, будучи строгимъ консерваторомъ, тщательно хранитъ аристократическія традиціи,—и графини, женщины экономной до скупости (правда, по неволѣ), и при этомъ суровой, жесткой, не надѣляющей своихъ дѣтей—у нея было ихъ трое—ни одной лаской, ни однимъ привѣтливымъ словомъ... Какъ почти всегда бываетъ съ такими организмами, какимъ надѣлила природа Джіакомо, умственная дѣятельность ростетъ въ немъ по мѣрѣ того, какъ не находитъ себѣ никакого простора, никакого исхода скованная недугами работа тѣла. Мальчикъ, почти ребенокъ, уже поражаетъ и своею глубокою пытливостью, и такими, можно бы даже сказать, научными занятіями, которыя въ пору и взрослому развитому человѣку; занятія эти, правда, большею частью безсистемны, безцѣльны, лишены жизненности, но въ нихъ онъ находитъ утѣшеніе своему безотрадному въ другихъ отношеніяхъ дѣтству; притомъ они, всетаки развивая его умственный кругозоръ, подготовляютъ ту серьезную и здоровую почву, на которую онъ станетъ твердыми ногами, какъ только дитя перейдетъ въ юношу. Все больше и больше уходитъ будущій поэтъ-философъ въ себя—уходитъ и по только что сказанной причинѣ, и благодаря своей печальной обстановкѣ, своему одиночеству какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, его окружающемъ. Въ семьѣ онъ, правда, друженъ съ братомъ и сестрою, но эта дружба, удовлетворяющая потребностямъ и влеченіямъ сердца, даетъ мало мѣста тому, чего требуетъ его умъ. Изъ остальныхъ членовъ семьи — отецъ, хотя человѣкъ образованный, даже отчасти писатель, не имѣетъ, по своему схола-

стическому направленію, по своей сухой quasi-учености, ничего общаго съ живыми стремленіями своего сына и особенно неблагосклонно относится къ его свободному поэтическому творчеству, начавшему проявляться также весьма рано. Еще менѣе общаго у молодого Джіакомо съ матерью, и это не только теперь, въ дѣтскіе и первые юношескіе годы, но и во все послѣдующее время, доказательствомъ чему служитъ тотъ фактъ, что въ очень объемистой перепискѣ поэта съ разными лицами находится всего два письма къ матери. И какія это письма! Съ униженными просьбами о высылкѣ ему двѣнадцати франческони въ мѣсяцъ для возможности не умереть съ голоду на чужбинѣ!.. Что касается до общества, окружавшаго его въ Реканати, то оно было способно своею пошлостью, своимъ мертвеннымъ застоемъ, только усилить до послѣдней степени мрачное настроеніе, все больше и больше овладѣвавшее юношею,—и жадно рвался онъ изъ этого, по его словамъ, «свинскаго города, жители котораго на половину ослы, на половину разбойники», города, бывшаго — тоже по его словамъ — «сущею могилой всего живого»... «Богъ создалъ нашъ міръ — писалъ онъ изъ этой трущобы уже восемнадцатилѣтнимъ юношей — такимъ прекраснымъ, люди произвели столько хорошаго, столько есть на свѣтѣ людей, которыхъ желаетъ узнать всякій, не лишенный ума и сердца, земля полна чудесъ — а мнѣ, въ восьмнадцать лѣтъ, приходится говорить: неужели суждено мнѣ жить въ этой трущобѣ и умереть тамъ, гдѣ я родился?.. Примите также въ соображеніе эту упорную, черную, страшную, жестокую меланхолію, которая меня грызетъ и точитъ...» — «Меня до невозможности гнететъ — писалъ онъ три года спустя—окружающее меня ничтожество... У меня нѣтъ даже силъ желать чего нибудь, хотя бы и смерти — не потому, чтобы я боялся ея, но оттого, что я не вижу никакого различія между смертью и тою жизнью, которую приходится мнѣ вести здѣсь...»— «Природа—читаемъ мы еще въ одномъ письмѣ съ тѣмъ же *личнымъ* характеромъ—природа надѣлила меня разумомъ, достаточно открытымъ для того, чтобы я могъ ясно видѣть и понимать, что я такое, и сердцемъ, тоже достаточно открытымъ, чтобы сознавать, что радость не пристала ему, что оно должно носить въ себѣ печаль и избрать меланхолію своею неразлучной спутницей. Такимъ образомъ я вижу и знаю, что моя жизнь не можетъ быть иною, какъ бѣдственною. Я еще не знаю свѣта; когда же увижу его и познакомлюсь съ людьми, то, конечно, съ горечью замкнусь въ себя...»

Увидѣть, узнать свѣтъ ему было суждено только въ двадцать четыре года, и предчувствіе, высказанное въ только что приведенныхъ словахъ, оправдалось. Вырвался онъ изъ своей трущобы только потому, что отецъ, предназначавшій его къ духовному званію и встрѣчавшій въ молодомъ поэтѣ естественную оппозицію, усиленную еще тѣмъ, что религіозныя сомнѣнія рано пустили корни въ этой молодой душѣ — отецъ пришелъ къ мысли объ отправкѣ его

въ Римъ, какъ городъ, гдѣ всякія скептическія мысли должны быть скоро и радикально побѣждены. Но увѣренный въ себѣ Леопарди съ живой радостью встрѣтилъ это средство разстаться со своей удручающей обстановкой, тѣмъ болѣе, что передъ нимъ въ перспективѣ Римъ, гдѣ на всякомъ шагу предъ нимъ будутъ тѣ классическія традиціи, на которыхъ онъ воспитался, гдѣ античная древность и прошедшее величіе самой Италіи будутъ своимъ вѣяніемъ безпрерывно оживлять и согрѣвать его молодую поэтическую душу. И онъ пріѣзжаетъ въ этотъ городъ, пріѣзжаетъ, правда, съ крайне ограниченными матеріальными средствами, съ жалкими грошами, удѣленными ему матерью въ видѣ милостыни,—но уже человѣкомъ съ именемъ. Его знаютъ и въ ученомъ мірѣ, гдѣ онъ уже семнадцатилѣтнимъ юношей занялъ довольно видное мѣсто, благодаря своимъ критическимъ и филологическимъ изслѣдованіямъ, преимущественно въ области классической филологіи; его еще больше знаютъ, даже въ извѣстныхъ кружкахъ прославляютъ, какъ поэта, автора знаменитыхъ одъ «Къ Италіи» и «Надъ памятникомъ Данте», снискавшихъ ему прозвище «Тиртея карбонаріевъ»; автора также и многихъ «canti», гдѣ построенная покамѣсть на личномъ фундаментѣ міровая скорбь находила себѣ трогательное и необычайно искреннее—именно вслѣдствіе переживанія ея на самомъ дѣлѣ—выраженіе. Въ Римѣ онъ сходится со многими учеными; такое свѣтило тогдашней науки, какъ Нибуръ, относится къ нему съ восторженнымъ сочувствіемъ и предсказываетъ ему громкую славу; но если, съ одной стороны, какъ и слѣдовало ожидать, планы отца насчетъ увлеченія Джіакомо церковными интересами разлетаются прахомъ, то, съ другой стороны, точно также разлетятся надежды и мечты самого поэта. Римская жизнь очень мало удовлетворяетъ его поэтическую душу и его сложившееся уже теперь довольно определительно философское міросозерцаніе; тамошніе, по его выраженію, «людишки» представляются ему слишкомъ «поверхностными и суетными» для того, чтобы въ общеніи съ ними онъ могъ найти себѣ какую бы то ни было сердечную или умственную отраду. Тамошніе такъ называемые ученые отталкиваютъ его отъ себя своимъ сухимъ педантизмомъ, іезуитскою схоластичностью, удаленіемъ отъ дѣйствительной жизни, которая—явленіе очень обычное!—представлялась нашему поэту, какъ лично для него, такъ и вообще, все больше и больше мрачною, жалкою, невыносимою; но вмѣстѣ съ тѣмъ она все сильнѣе и сильнѣе притягивала его къ себѣ, подобно тому, какъ неодолимая обаятельная сила влечетъ бѣднаго кролика въ раскрытую предъ нимъ и охватывающую его неодолимымъ ужасомъ пасть гремучей змѣи. Къ этимъ римскимъ разочарованіямъ присоединятся и тѣ два бѣдствія, которыя ни на минуту не переставали преслѣдовать нашего поэта во все продолженіе его жизни: бѣдность, доходящая чуть не до нищеты, и которую весьма мало облегчаетъ скудный литературный заработокъ,

и недуги, изъ которыхъ то одинъ, то другой, то всѣ вмѣстѣ даютъ себя знать самымъ мучительнымъ образомъ. «Я снова—пишетъ онъ въ это время брату—такъ удрученъ меланхоліей, что нахожу отраду только въ снѣ: жизнь внѣшняя здѣсь идетъ въ разрѣзъ со всѣми прежними привычками моими, и вслѣдствіе этого я становлюсь негоднымъ ни на что»... И вотъ, послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ Римѣ, онъ опять въ Реканати, опять идетъ ужасная жизнь, «болѣе однообразная, чѣмъ движеніе небесныхъ свѣтилъ»—и отличающаяся «крайнею пошлостью, тупымъ безвкусіемъ», опять жадныя порыванія въ другую среду и сознаніе невозможности сдѣлать это, потому что «день спустя, какъ я покину родину, у меня не окажется и куска хлѣба».

Но вырываться ему кое-какъ всетаки по временамъ удавалось, причемъ въ промежуткахъ онъ поневолѣ возвращался въ «непроглядную тьму» Реканати, въ эту «тюрьму-ссылку», въ этотъ «Тартаръ». Мы не станемъ слѣдить за нимъ въ этихъ странствіяхъ, гдѣ мѣстами остановки, болѣе или менѣе продолжительными, являются Болонья, Пиза, Флоренція. Въ исторіи этихъ странствій нѣсколько сравнительно свѣтлыхъ страничекъ, которыми поэтъ обязанъ участію своихъ немногихъ друзей, почти совсѣмъ меркнутъ передъ массою печальной и непроглядной тьмы, составляющей жизнь Леопарди. Раздраженіе нервовъ, «доводящее ихъ, наконецъ, до полнаго разрушенія», все усиливающаяся глазная болѣзнь, заставляющая по цѣлымъ часамъ сидѣть въ темной комнатѣ «подобно летучей мыши», а слѣдовательно, еще уменьшающая тотъ скудный литературный заработокъ, который позволяетъ ему не умереть съ голоду, страшное развитіе и другихъ болѣзней, вслѣдствіе котораго онъ, по словамъ одного изъ его писемъ, «не можетъ ни на одно мгновеніе остановить свой умъ на какой нибудь серьезной мысли безъ того, чтобы это не вызывало внутреннихъ судорогъ, ухудшенія работы желудка, мучительной горечи во рту и т. п.»,—наконецъ, въ добавокъ ко всему этому, еще одно, такъ сказать, спеціальное бѣдствіе—страстная любовь его къ знатной аристократкѣ, оканчивающаяся, понятно, самымъ плачевнымъ разочарованіемъ—вотъ изъ чего продолжаетъ слагаться существованіе поэта, уже однако прославленнаго и въ своемъ отечествѣ, и отчасти за предѣлами его. И полное основаніе имѣлъ страдалецъ говорить въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ самой печальной порѣ его жизни, отъ 1828 до 1833 г.: «Если есть человѣкъ, призывающій смерть также искренно и живо, какъ зову ее я уже давно, то превзойти меня въ этомъ отношеніи не можетъ никто. Въ доказательство справедливости этихъ словъ призываю въ свидѣтели Бога. Онъ знаетъ, какъ много горячихъ молитвъ обратилъ я къ Нему для полученія этой благодати, и какъ радостно бьется мое сердце при малѣйшей надеждѣ на близкую или дальнюю опасность для жизни... Жизнь для меня сдѣлалась страшною...» Смерть искренно призываетъ онъ и въ со-

чиненіяхъ, относящихся къ этому періоду. «Въ былое время — говоритъ въ имѣющемъ автобіографическое значеніе «Діалогѣ между Тристаномъ и его другомъ» Тристанъ—я завидовалъ дуракамъ и тѣмъ, кто высокаго о себѣ мнѣнія, и охотно бы помѣнялся съ любымъ изъ нихъ. Теперь я не завидую ни глупцамъ, ни мудрымъ, ни великимъ, ни малымъ, ни слабымъ, ни сильнымъ. Я завидую мертвымъ—и съ ними одними хотѣлъ бы помѣняться. Всякая утѣшительная картина, всякая мысль о будущемъ, посѣщающая меня въ моемъ уединеніи, и съ которою я теперь провожу время, заключаетъ въ себѣ только смерть и не можетъ съ нею разстаться... Предложи мнѣ, съ одной стороны, счастье и славу Цезаря или Александра, ничѣмъ не запятнанныя, а съ другой—увѣренность въ томъ, что я еще сегодня умру, и предоставь мнѣ выборъ, я сказалъ бы: «умру сегодня» и не попросилъ бы минуты на обдумыванье»...

Желанная смерть не заставила себя ждать слишкомъ долго. 14 іюня 1837 г., въ одинъ годъ съ нашимъ Пушкинымъ, и почти въ томъ же возрастѣ, который, по какой-то роковой случайности, былъ порою смерти столькихъ поэтовъ, Пушкина, Байрона, Бёрнса,—Леопарди скончался на рукахъ своего вѣрнаго друга Раньери, отъ осложнившейся чахоткой водянки... Говорятъ, что его послѣдними словами были почти тѣ же, которыя неосновательно приписываются Гете въ его предсмертныя минуты: «Я почти ничего не вижу... отворите это окно... дайте мнѣ увидѣть свѣтъ!..»

Мы нарочно сгруппировали эти немногіе факты (а подобныхъ имъ есть еще много), чтобы подтвердить высказанное выше мнѣніе о важности личной жизни Леопарди въ развитіи его пессимистическаго созерцанія; къ фактамъ присоединяются и нѣсколько явныхъ указаній чисто автобіографическаго характера въ произведеніяхъ его какъ стихотворныхъ, такъ и философскихъ. Отличающееся, напримѣръ, крайнимъ пессимизмомъ стихотвореніе «Къ самому себѣ» написано по поводу его горькаго разочарованія въ любви, о которой говорено выше; обобщеніе, заключающееся въ томъ, что «жизнь— горечь и скука», что «міръ грязенъ», что «земля не стоитъ вздоховъ» и т. п., имѣетъ здѣсь чисто личный источникъ. Еще характеристичнѣе въ этомъ отношеніи стихотвореніе «Воспоминанія», гдѣ поэтъ, на время возвратившійся послѣ скитаній въ свой родной городъ, вспоминаетъ несбыточныя грезы первыхъ дней своего отрочества, сладость своихъ дѣтскихъ мечтаній «при видѣ лазурныхъ горъ и шумѣвшаго вдали моря», думая «когда нибудь перешагнуть черезъ нихъ и обрѣсти невѣдомое счастье и новые міры»,—и заключаетъ это самопогруженіе въ прошедшее слѣдующими словами, въ которыхъ фактическое съ строго личнымъ характеромъ переходитъ въ концѣ въ тотъ же обобщающій аккордъ:

«Мнѣ сердце ничего о томъ не говорило,
Что юность нѣжную растратить долженъ я
Въ безрадостной глуши родного городка,
Среди людей и низменныхъ, и грубыхъ.
Ученость, знанія—имъ чуждыя слова
И часто лишь предметъ для смѣха и глумленій.
Они бѣгутъ меня и даже ненавидятъ,
Но не изъ зависти: не думаютъ они,
Что я ихъ выше—нѣтъ! Досадно думать имъ,
Что будто я себя такимъ считаю самъ,
Хоть этого ничѣмъ не обнаружилъ.
Вотъ гдѣ влачу я жизнь, покинутый, разбитый,
Безъ счастья и любви, среди толпы бездушной;
Вотъ гдѣ теряю я и доброту, и чувство,
И это стадо, что вокругъ себя я вижу,
Презрѣніе внушаетъ къ людямъ мнѣ...» *)

Самъ Леопарди (точно также какъ нѣкоторые его біографы) положительно отрицалъ личный источникъ своего мрачнаго міровоззрѣнія. «Моими изслѣдованіями—пишетъ онъ своему другу—я дошелъ до философіи отчаянія и не поколебался вполнѣ обнять ее между тѣмъ какъ съ другой стороны люди, вслѣдствіе своей собственной трусливости и убѣжденія въ цѣнности жизни, представляли мои философскія воззрѣнія результатомъ моихъ личныхъ страданій и упорно настаиваютъ на приписываніи моимъ матеріальнымъ обстоятельствамъ того, что есть слѣдствіе только моихъ мыслей. Прежде, чѣмъ умереть, буду я протестовать противъ этого вымысла слабости и пошлости, и просить моихъ читателей, чтобы они, вмѣсто взваливанія вины на мои тѣлесные недуги, занялись опроверженіемъ моихъ наблюденій и выводовъ». Стало быть, и насъ, придающихъ въ этомъ случаѣ такую важность внѣшнимъ личнымъ причинамъ, поэтъ включилъ бы въ число людей, которые дошли до такого взгляда «вслѣдствіе своей собственной трусливости и убѣжденія въ цѣнности жизни». Мы не смущаемся такимъ укоромъ, во 1-хъ, потому, что въ подобномъ воззрѣніи на причины пессимизма нѣтъ ровно ничего обиднаго для носителя этого настроенія, а во 2-хъ, мы и не думаемъ приписывать личному источнику исключительное и господствующее вліяніе. Онъ только игралъ важную роль, и сѣмена падали въ этомъ случаѣ на благодарную почву, созданную уже самой природой физически и нравственно; одинъ французскій критикъ справедливо отводитъ одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ на этой почвѣ излишней чувствительности, излишней воспріимчивости какъ тяжелыхъ, такъ и пріятныхъ впечатлѣній, благодаря которой «его (Леопарди) огорченія и затрудненія преувеличиваются и кристализуются въ его умѣ. Онъ не изъ тѣхъ, кото-

*) Эта стихотворная цитата, какъ и послѣдующія, приводятся мною въ переводѣ г. Помяна—переводѣ очень прозаическомъ, но довольно близкомъ къ подлиннику. (Стихотворенія Д. Леопарди. Полное собраніе. Пер. Д. Ф. Помянъ. Москва. 1893).

рые въ состояніи удалить отъ себя непріятную мысль, тревожную заботу. Что бы онъ ни думалъ, какъ бы онъ ни старался, но разъ что тяжелая мысль вошла въ него, она ужъ тутъ поселяется навсегда, безустанно работаетъ, точитъ его...»

Но, кромѣ чисто личныхъ причинъ, разработывалъ эту почву и тотъ порядокъ вещей, который поэтъ видѣлъ вокругъ себя. Мы уже присутствовали при его римскихъ разочарованіяхъ. Впослѣдствіи ему суждено было еще много разъ и еще сильнѣе убѣждаться въ низкомъ уровнѣ итальянской культуры и съ горечью заявлять, что «въ прошедшія времена царила въ обществѣ по крайней мѣрѣ посредственность, а теперь ее смѣнило полное ничтожество»; въ этомъ ничтожествѣ «каждый хочетъ быть всѣмъ, и никому нѣтъ дѣла до немногихъ, дѣйствительно достойныхъ людей, которые сдавлены чудовищною толпой жалкихъ конкуррентовъ...» Не лучше было и въ самой близкой нашему поэту области — литературной. Тутъ Леопарди не находилъ ничего, кромѣ «сплошной гнусности и мерзости».—«Самыя священныя имена—негодовалъ онъ въ письмѣ къ своему брату—у насъ предаются поношенію, самую дюжинную ограниченность превозносятъ до небесъ, лучшихъ людей нашего вѣка топчутъ въ грязь, ставя ихъ гораздо ниже перваго встрѣчнаго мелкаго писаки; на философію смотрятъ, какъ на ребячество; геніальность, воображеніе и чувство—понятія, даже по имени неизвѣстныя нашимъ профессіональнымъ поэтамъ и поэтессамъ; единственнымъ занятіемъ, достойнымъ серьезныхъ людей, выставляется археологія... И повѣрь мнѣ, въ моихъ словахъ нѣтъ ровно ничего преувеличеннаго...» Но наиболѣе матеріала для развитія пессимистическаго раздраженія представляла сфера политическая въ это время, когда Италія стонала подъ гнетомъ Меттерниховской системы, которая находила себѣ безсовѣстнѣйшія орудія въ средѣ самой націи, когда духовенство итальянское, въ соединеніи съ чужеземцами и властителями изъ домовъ бурбонскаго и габсбургскаго поддерживали созданный ими порядокъ тюрьмами, изгнаніемъ, висѣлицами, порохомъ и свинцомъ. Воображенію нашего поэта-патріота родина (въ чемъ онъ явился подражателемъ Данте) представлялась въ видѣ женщины прекрасной, но покрытой ранами, сидящей въ позорныхъ цѣпяхъ, съ распущенной косой, безъ покрывала, пряча лицо въ колѣняхъ и плача,—и онъ восклицалъ, обращаясь къ ней:

«...Плачь Италія моя,
Есть отчего печалиться тебѣ:
Ты рождена и въ счастіи, и въ горѣ,
Красой своей народы покорять.
Когда бы въ два источника живыхъ
Твои глаза внезапно превратились,
О, и тогда оплакать не могли-бъ
Они твоихъ несчастій и позора...
Владычица когда-то, нынѣ ты—
Ничтожная и жалкая раба!..

Это писалъ восторженный девятнадцатилѣтній юноша, который находилъ еще въ себѣ достаточно одушевленія, чтобы тутъ же восклицать: «Ужель никто не встанетъ за тебя, не обнажитъ меча въ твою защиту? Оружіе мнѣ дайте! Я одинъ сражусь съ врагомъ, одинъ паду въ бою! О, небеса! Пусть кровь моя, какъ пламень, зажжетъ въ сынахъ Италіи тревогу!..» Впослѣдствіи, въ виду такихъ вещей, какъ неудачный исходъ революціоннаго движенія Италіи въ началѣ двадцатыхъ годовъ, измѣна неаполитанцевъ національному дѣлу и т. п., Леопарди, вмѣстѣ съ тою частью (очень небольшою) итальянской литературы, которая, отчаявшись въ улучшеніи этого безотраднаго положенія, примѣнила къ этому спеціальному случаю свой общій отрицательный взглядъ на человѣческое счастье,— Леопарди сталъ относиться безнадежно, пессимистически, съ глубокою ироніей, даже къ такимъ вещамъ въ этой сферѣ, которыя, повидимому, гармонировали съ стремленіями его свободолюбиваго ума. Съ скептическимъ равнодушіемъ смотрѣлъ онъ на нѣкоторые успѣхи національно-либеральной партіи, ѣдко осмѣивалъ (въ сатирико-комической поэмѣ Paralipomeni della Batracomiomacia, подражаніи Гомеровской «Войнѣ мышей съ лягушками») несчастную неаполитанскую революцію 1820 г., заговоры карбонаріевъ и «вздорную фейерверкность ихъ либерализма», презрительно насмѣхался надъ измѣнчивостью политическихъ убѣжденій въ политической прессѣ того времени, надъ рѣчами о свободѣ и братствѣ...

Соберите теперь воедино хотя бы тѣ данныя, которыя приведены здѣсь и къ которымъ можно было бы прибавить еще много такихъ же; присоедините сюда же ту общую атмосферу «міровой скорби», которая господствовала въ Европѣ въ пору Леопарди— и вы получите весь тотъ фундаментъ, на которомъ построилось міросозерцаніе нашего поэта-философа. Я сказалъ «поэта-философа»,—и въ этомъ различіе между Леопарди и другими крупными «міровоскорбными» поэтами. Эти послѣдніе—менѣе всего философы, именно потому, что они до мозга костей поэты, и когда заходятъ въ философскую область (напримѣръ, даже самый великій между ними, т. е. Байронъ, или тоже очень большая величина, Викторъ Гюго, въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ его охватываетъ пессимистическое настроеніе), когда, говорю, они заходятъ въ философскую область, ихъ несостоятельность въ ней обнаруживается очень наглядно, по временамъ даже забавно. Но Леопарди прежде всего философъ, и уже потомъ поэтъ,—и его другъ Раньери былъ правъ, когда въ эпитафіи поставилъ прежде философа, а уже за нимъ—поэта. Высказывая такое мнѣніе, я существенно расхожусь съ господствующимъ воззрѣніемъ на Леопарди, какъ на поэта высоко-даровитаго, даже геніальнаго, котораго иные ставятъ рядомъ съ Байрономъ «по вдохновенности, преисполненной горечи и презрѣнія къ людской пошлости, по высокомѣрной саркастичности и по скептической ироніи», а другіе (напр., извѣстный Каро) возно-

сятъ даже выше Байрона (не говоря уже о такихъ, какъ Шатобріанъ, Мюссе и т. п.), принимая во вниманіе такую «высоту міровой точки зрѣнія», на какую не удалось, кромѣ него, подняться ни одному изъ пѣвцовъ міровой скорби. Смѣю утверждать, что такія мнѣнія достаточно преувеличены, и что поставленный рядомъ, напр., съ Байрономъ и Гейне, Леопарди, какъ поэтъ, оказывается значительно ниже ихъ. Не найдете вы у него захватывающей силы и шири полета байроновскаго чувства, громовыхъ раскатовъ его негодованія, горячихъ, какъ солнце, звуковъ его любви къ людямъ; не найдете чарующей прелести лиризма Гейне, точно такъ же, какъ и ужасающихъ воплей отчаянія его «Лазаря», или такого же ужасающаго хохота его сатиры. Всѣ эти чувства и настроенія есть и у Леопарди, они составляютъ сущность и его поэтическаго творчества; но то, *что* онъ высказываетъ, выше того, *какъ* онъ это высказываетъ. Притомъ на «лирѣ» его меньше струнъ, чѣмъ у Байрона, Гейне, даже Мюссе, отчего происходитъ извѣстное однообразіе, а къ этому недостатку присоединяется еще—особенно въ стихотвореніяхъ перваго времени — нѣкоторая реторичность, охлаждающая впечатлѣніе даже тамъ, гдѣ поэтомъ руководитъ самое искреннее, глубоко переживаемое чувство... Но эта, сравнительная слабость его творчества не мѣшаетъ ему занимать въ области поэзіи одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ — во первыхъ, какъ преобразователю собственно итальянской поэзіи, въ которой, по признанію авторитетныхъ итальянскихъ критиковъ, «ему удалось возстановить прежнюю простоту, правду натуры—возстановить тѣмъ, что онъ обновилъ весь поэтическій міръ и снова вернулъ его къ первобытной дѣвственности»; во вторыхъ, какъ поэту вполнѣ новому, истинному сыну своего времени, который, благодаря необычайной тонкости своихъ ощущеній, воспринялъ въ себя всѣ оттѣнки, всѣ видоизмѣненія, всѣ, такъ сказать, черточки общей болѣзни вѣка, тѣсно сливъ съ нею болѣзнь своей собственной индивидуальности. Онъ до такой степени резюмировалъ въ своемъ личномъ міровоззрѣніи общее болѣзненное міровоззрѣніе первой половины девятнадцатаго вѣка, до такой степени привелъ его даже въ извѣстную систему, что въ совокупности его сочиненій недаромъ видятъ какъ бы кодификацію міровой скорби, или, какъ довольно удачно выразился переводчикъ и критикъ Леопарди, извѣстный Поль Гейзе—«назидательную книгу пессимизма» (Erbaungsbuch des Pessimismus)...

Міровоззрѣніе это выразилось у Леопарди въ его произведеніяхъ какъ стихотворныхъ (Canti), такъ и прозаическихъ (главнымъ образомъ «Діалоги»), которыя, впрочемъ, различаются между собою только по внѣшней формѣ; за небольшими и немногими исключеніями, разъединить Леопарди-поэта и Леопарди-философа невозможно (что также служитъ въ ущербъ чисто поэтическому достоинству его стихотвореній, нерѣдко придавая имъ диссертаціон-

ный характеръ). Общее, господствующее чуть ли не каждой строкѣ этого писателя — безграничное отчаяніе, безпросвѣтно мрачный взглядъ на всю человѣческую жизнь, на весь міровой порядокъ. Уже въ первомъ сборникѣ его стихотвореній (1824 г.) находимъ мы выраженіе глубокаго пессимизма, полнаго презрѣнія къ настоящему, отсутствія вѣры въ будущее. По собственному заявленію автора, основная мысль большинства этихъ стихотвореній—«что все на свѣтѣ вздоръ, кромѣ скорби, что скорбь лучше скуки, что къ жизни человѣческой нельзя относиться ни съ какимъ чувствомъ, кромѣ презрѣнія, что мысль о *необходимости* существованія въ мірѣ зла можетъ утѣшать только дюжинные, но не выдающіеся умы, что во вселенной все тайна, кромѣ нашего несчастія...» И съ этихъ поръ, во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ и въ сочиненіяхъ съ спеціально философскимъ характеромъ Леопарди остается постоянно на той же самой почвѣ, только по временамъ (о чемъ еще будетъ рѣчь ниже) побѣждая, можетъ быть невольно, невѣдомо для самого себя, глубокій скептицизмъ своего ума такою же глубокою вѣрою своего сердца. Что такое для него человѣческая жизнь?

...Немощный старикъ, сѣдой, полуодѣтый,
Босой и съ тяжкою котомкой на плечахъ...
Идетъ онъ по горамъ, по камнямъ и утесамъ,
Среди кустарниковъ и по пескамъ зыбучимъ,
И въ бурю, и въ грозу, и подъ лучами солнца,
И въ стужу лютую,—идетъ онъ непрерывно,
Переходя чрезъ горы и потоки;
Онъ падаетъ, встаетъ, торопится впередъ,
Безъ отдыха и весь въ лохмотьяхъ и въ крови,
И наконецъ, находитъ онъ предѣлъ,
Гдѣ путь его кончается тяжелый—
Неизмѣримую, таинственную бездну,
Куда свергается, забвенье обрѣтая.

И какъ большинство пессимистовъ, Леопарди держится теоріи фатализма, приписывая только предопредѣленію, а не причинамъ внѣшнимъ, каковы соціальныя, политическія и т. п., міровое бѣдствіе. Если «заслуги, скромность, добродѣтель и любовь къ справедливости будутъ оставаться въ тѣни, встрѣчая немилость и насмѣшку, при всякомъ образѣ правленія»; если «обманъ, посредственность, наглость будутъ царить всегда и вездѣ»; если «противъ возвышенныхъ умовъ всѣ будутъ вступать въ заговоръ и ополчаться, а ненависть, клевета, зависть не перестанутъ никогда притѣснять истинную честь»; если «бѣдняки будутъ всегда льстецами или рабами богачей», и т. д., и т. д.—то это все вслѣдствіе «основного закона, который начертанъ *судьбою* и *природою* на алмазныхъ скрижаляхъ»; такъ будетъ на землѣ «вѣчно и вездѣ—на югѣ, сѣверѣ, и покуда существуетъ человѣческій родъ». Никакія изобрѣтенія, усовершенствованія, реформы—ничто не можетъ измѣнить этотъ порядокъ вещей. Девятнадцатый вѣкъ, на который воз-

лагались восторженныя надежды многими современниками Леопарди, съ точки зрѣнія нашего пессимиста не произведетъ въ печальной судьбѣ человѣчества никакой перемѣны, какъ не измѣнили ее прошедшіе вѣка, какъ не измѣнятъ будущіе. Для Леопарди непреложная истина, что все, родящееся на свѣтъ, когда бы оно ни родилось, будетъ безусловно и всецѣло несчастливо, что его положеніе непоправимо и по существу, и въ силу того общаго закона, который правитъ землею и небомъ.

Судьба и природа! Вотъ двѣ страшныя, темныя силы, которыя держатъ въ своихъ оковахъ весь міръ, все человѣчество, и съ которыми безполезно бороться, потому что побѣда, даже временная, невозможна. Судьба—слѣпое, злое начало; природа—если не враждебна къ людямъ, то губитъ ихъ своимъ равнодушіемъ, потому что она повинуется высшимъ законамъ, и ей нѣтъ дѣла до нашихъ радостей и страданій. Вотъ встрѣтился съ нею гдѣ-то въ далекихъ странахъ бѣдный исландецъ и осыпаетъ ее упреками за тѣ бѣдствія, которыя она съ своей стороны посылаетъ на человѣка въ видѣ дикихъ звѣрей, ядовитыхъ гадовъ, разрушительныхъ ураганов, болѣзней и т. п. Что же отвѣчаетъ природа? «Неужели ты думаешь—иронически говоритъ она ему,—что міръ сотворенъ ради васъ (т. е. людей)? Знай, что во всѣхъ моихъ дѣлахъ, твореніяхъ, распоряженіяхъ я, за весьма немногими исключеніями, имѣю и всегда имѣла въ мысляхъ совсѣмъ иное, чѣмъ счастье или несчастье людей. Когда случается мнѣ какимъ нибудь образомъ или средствомъ повредить вамъ, то я замѣчаю это только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, точно также какъ обыкновенно не знаю, когда радую васъ, или дѣлаю вамъ пріятное или полезное. И ничего не совершаю я, чтобъ радовать васъ или приносить пользу. Да если бы даже случилось, что я уничтожила бы весь вашъ родъ,—я не замѣтила бы этого». Точно также отвѣчаетъ (въ другомъ «Діалогѣ») солнце на обращаемые къ нему упреки въ равнодушіи: оно вѣдь не поваръ, чтобы готовить для человѣческаго рода его любимыя кушанья; и съ какой стати ему заботиться объ этой, пресмыкающейся за милліоны миль отъ него, массѣ маленькихъ, ничтожныхъ созданій, которыя даже не въ состояніи бороться съ холодомъ безъ помощи солнечныхъ лучей?..—Въ какой же связи находится порядокъ нравственный съ этимъ господствомъ силы и матеріи, ибо вѣдь онѣ тотъ фундаментъ, на которомъ построено это міровоззрѣніе Леопарди? И почему такъ устроено въ мірѣ? Съ какой цѣлью природа (въ понятіи о которой резюмируется понятія матеріи и силы) совершаетъ свои, если можно такъ выразиться, операціи? Что это за «совсѣмъ иное, чѣмъ счастье или несчастье людей», которое она «имѣетъ въ своихъ мысляхъ», какъ мы только что видѣли изъ ея отвѣта бѣдному исландцу? Леопарди только констатируетъ фактъ, до уразумѣнія котораго онъ дошелъ и опытомъ собственной жизни, и собственнымъ мышленіемъ, и тѣмъ,

что онъ, человѣкъ широко образованный, даже ученый, вычиталъ у философовъ, стоиковъ, платониковъ, сенсуалистовъ, у Декарта, Паскаля, Вольтера, Кондильяка... Въ чемъ же заключается это «фактическое»? Въ томъ, во 1) что наше такъ называемое знаніе есть на самомъ дѣлѣ nihil scire, т. е. незнаніе ничего, во 2) что все въ міровомъ порядкѣ — непроницаемая тайна, въ 3) что все проходитъ и гибнетъ, вѣчны только скорбь и страданіе. Истину жизни составляетъ только несчастіе (это и есть та infelicità, которую привелъ Леопарди въ систематическую теорію) и исходъ его—смерть; только они реальны, все остальное ложь, иллюзія, суета. При такой постановкѣ вопроса жизнь представляется явленіемъ совершенно безцѣльнымъ. Жизнь—такъ разсуждаетъ нашъ создатель теоріи «infelicità»—или не имѣетъ никакой цѣли, или не можетъ быть у нея иной цѣли, какъ счастье; но опытъ скоро научаетъ человѣка, что счастье недостижимо ни на землѣ, ни за могилой—послѣднее уже потому, что въ существованіе загробной жизни Леопарди (по многимъ другимъ пунктамъ не расходящійся съ ученіемъ христіанской религіи) не вѣритъ. Этимъ взглядомъ на жизнь обусловливается взглядъ нашего пессимиста на смерть. На сколько гадка, безобразна жизнь, настолько привлекательна, красива смерть, которую нашъ поэтъ ставитъ рядомъ съ любовью, дѣлая ихъ родными сестрами; смерть для него не мрачный, ужасающій скелетъ, «каковымъ ее изображаютъ трусы», а bellissima fanciulla,—которую онъ всегда прославлялъ и прославляетъ за то, что она «одна не безучастна къ страданіямъ и горестямъ людей». И онъ жадно призываетъ къ себѣ эту «царицу времени», потому что—

«Единый свѣтлый день наступитъ для меня
Въ тотъ мигъ, когда мое недвижное лицо
На дѣвственной груди твоей найдетъ покой»...

Эта смерть, однако, такая же тайна, какъ жизнь. Но хотя нашъ поэтъ-философъ сознаетъ непроницаемость этой тайны, а слѣдовательно и безполезность стремленія проникнуть въ нее, — та мучительная пытливость мышленія, которая совершенно естественна въ такомъ умѣ, постоянно приводитъ его къ такъ называемымъ «проклятымъ вопросамъ» и отъ нихъ онъ уходитъ всегда измученный, разбитый, апатически мрачный или бурно взволнованный. Для него, какъ и для всѣхъ его собратій, муки мышленія самыя тяжелыя муки; онъ ихъ началъ испытывать очень рано, восемнадцатилѣтнимъ юношей. «Меня дѣлаетъ несчастнымъ мышленіе—писалъ онъ въ то время.—Вы вѣроятно знаете—но, надѣюсь, сами не испытали—въ какой степени можетъ мучить мышленіе того, кто мыслитъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе, когда оно держитъ его въ своей власти... Мнѣ мышленіе давно уже причиняетъ подобныя муки, потому что оно всегда и всецѣло властвовало надо мною»... У него, совершенно также, какъ у Байроновскихъ Каина и Ман-

фреда, «мысль всегда была его палачомъ», и онъ былъ убѣжденъ, что она «уничтожитъ» его, если онъ постоянно будетъ оставаться въ ея власти. Подобно Гейневскому «дураку», который все ожидаетъ отвѣта на обращенные имъ къ морскимъ волнамъ вопросы касательно «мучительной загадки жизни», обращается у Леопарди странствующій азіатскій пастухъ (подъ которымъ скрывается, конечно, самъ поэтъ) къ плывущему надъ его головой мѣсяцу; онъ предполагаетъ, что этотъ вѣчный странникъ знаетъ, что такое наша жизнь съ ея горестями, страданіями и стонами, знаетъ и тайну смерти, которая разлучаетъ насъ и съ землей, и съ тѣмъ, что было намъ дорого на этой землѣ. Бѣднаго сына природы занимаютъ и мучаютъ вопросы: зачѣмъ такое множество свѣтилъ? зачѣмъ этотъ безпредѣльный воздушный просторъ и эта неизмѣримая глубь небесъ? что значитъ эта необъятная пустыня? что значитъ онъ самъ?—И свое раздумье онъ заканчиваетъ наивно ироническимъ замѣчаніемъ:

Быть можетъ, изъ того, что ощущаю я
И думаю о вѣчности движенья
И о своемъ существованьи бренномъ,
Кто либо извлечетъ иль пользу, иль урокъ,—
Но для меня жизнь—бѣдствіе и зло.

Для этого бѣднаго пастуха, какъ и для всего пытливо мыслящаго человѣчества, единственнымъ отвѣтомъ на жажду проникнуть въ тайну міроздания и тайну жизни является—молчаніе, и чѣмъ сильнѣе пытливость, тѣмъ мучительнѣе ея результатъ. «Меня радуетъ—писалъ Леопарди уже въ разгарѣ своей мизантропіи—что я больше и больше раскрываю ничтожество людей и вещей, что я осязательно ощупываю его раны—и холодный трепетъ охватываетъ меня по мѣрѣ того, какъ я проникаю въ эту несчастную и страшную тайну жизни»... Это проникновеніе, по крайней мѣрѣ стремленіе къ нему, искони составляло задачу нашего поэта. Уже задолго до того, какъ были высказаны съ какимъ-то даже злорадствомъ только что приведенныя слова, заявлялъ поэтъ своему другу, графу Карлу Пеколи (въ стихотворномъ посланіи къ нему), что онъ намѣренъ заняться прилежнымъ изслѣдованіемъ «суровой истины», изученіемъ «тайныхъ задачъ бытія: зачѣмъ созданъ людской родъ, почему онъ удрученъ горемъ и несчастьемъ, какой ждетъ его послѣ всего конецъ, кому нужны его страданія, какъ, почему и по какимъ законамъ происходитъ движеніе вселенной»... И любопытно, что намѣреніе это зарождалось въ то время, когда будущій пессимистъ на чисто матеріалистической подкладкѣ еще былъ восторженнымъ идеалистомъ, когда, по словамъ его позднѣйшаго письма, онъ еще ненавидѣлъ эту самую «истину», когда она казалась ему «такою отвратительною»; по крайней мѣрѣ, въ томъ же стихотвореніи онъ обѣщаетъ приступить къ этимъ изслѣдованіямъ тайнъ жизни уже тогда—

«Когда мое оцѣпенѣетъ тѣло,
Когда ничто не будетъ трогать сердце,—
Ни тишь полей, лучами озаренныхъ,
Ни раннею весною пѣнье пташекъ,
Ни тихая луна, среди небесъ
Плывущая уныло надъ холмами;
Когда меня плѣнять не будетъ больше
Прекрасное въ природѣ и искусствѣ;
Когда уже возвышенныя мысли
И нѣжныя движенія души
Невѣдомы и чужды станутъ мнѣ»...

Къ какому результату привели его эти изслѣдованія, или, вѣрнѣе, какъ не пришелъ онъ ни къ какому результату, ибо нельзя же считать результатомъ остановку предъ непреоборимою стѣной, сознаніе, что все есть непроницаемая тайна—это мы видѣли. Какъ же сносить эту безцѣльную и полную страданія и зла жизнь? Казалось бы, при такомъ глубокомъ убѣжденіи въ справедливости такого воззрѣнія на нее, единствено разумный исходъ—самоубійство. Но Леопарди не даромъ послѣдователь стоической философіи: жадно призывая, какъ мы видѣли, смерть, онъ, однако, требуетъ и отъ себя, и отъ другихъ того, что онъ называетъ «исполинскими силами страданія» (gigantesche forze di soffrire) до послѣдней минуты существованія,—тѣмъ болѣе, что человѣкъ не можетъ, не долженъ и не имѣетъ права думать только о себѣ: «кто лишаетъ себя жизни—утверждаетъ нашъ поэтъ, сердце котораго, опять таки какъ сердце всѣхъ этихъ людей міровой скорби, исполнено, по выраженію Берне о Байронѣ, и жесточайшей ненависти къ людямъ, и безграничной любви къ нимъ—кто лишаетъ себя жизни, тотъ не думаетъ и не заботится о другихъ; онъ имѣетъ въ виду только собственную выгоду; онъ, такъ сказать, бросаетъ позади себя своихъ близкихъ и все человѣчество, такъ что въ этомъ добровольномъ освобожденіи себя отъ жизни обнаруживается самый голый, самый постыдный эгоизмъ, какой только можно найти на свѣтѣ...» А если такъ, если жить, т. е. нести на себѣ то жестокое бремя, которое называется жизнью, нужно, то, такъ сказать, modus vivendi пусть сообразуется съ тѣмъ, что такое эта жизнь. Счастливымъ быть невозможно, несчастіе неотвратимо, и поэтому пусть высшимъ началомъ и сущностью всей человѣческой мудрости будетъ—не пытаться быть счастливымъ и не надѣяться на какую бы то ни было возможность избѣжать несчастія; другими словами — откажитесь отъ всякихъ желаній, не заботьтесь о томъ, какъ бы предотвратить или устранить страданіе, горе, невзгоду, и плывите по теченію, пока не слетите въ ту мрачную бездну, изъ которой нѣтъ возврата... Ужасная доктрина безнадежнаго и апатическаго отчаянія, ужасная теорія всеобщаго néant—и неудивительно поэтому вліяніе, которое имѣлъ Леопарди на творца нѣмецкаго пессимизма XIX вѣка—Шопенгауэра. Конечно, сходство между воззрѣніями того и другого

нельзя объяснить только вліяніемъ или заимствованіемъ, тѣмъ болѣе, что если Шопенгауэръ, какъ это извѣстно, основательно изучалъ сочиненія Леопарди, то авторъ «Діалоговъ» не слышалъ даже и имени автора «Міра, какъ воли», и еще тѣмъ болѣе, что главное сочиненіе Шопенгауэра, т. е. «Міръ, какъ воля», появилось тогда, когда Леопарди былъ извѣстенъ только по своимъ двумъ канцонамъ. Конечно, это сходство имѣетъ другое, болѣе глубокое основаніе; но такъ или иначе, оно несомнѣнно существуетъ, и какъ высоко цѣнилъ нѣмецкій философъ итальянскаго философа и поэта, видно изъ словъ его: «Никто не касался этого предмета такъ обстоятельно и основательно, какъ въ наши дни Леопарди. Онъ исполненъ имъ и проникнутъ; темою его всюду служатъ ничтожество и бѣдственность человѣческаго существованія; на каждой страницѣ онъ изображаетъ это съ такимъ разнообразіемъ формъ и оборотовъ, съ такимъ богатствомъ образовъ, что никогда не надоѣдаетъ, всегда интересенъ и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ». А другой голосъ, конечно, менѣе авторитетный, чѣмъ Шопенгауэръ именно Каро, положительно признаетъ Леопарди предшественникомъ нѣмецкаго пессимизма нашего времени, предшественникомъ, который «однимъ инстинктомъ, безъ всякаго глубокаго изученія, предъугадалъ все въ этой философіи отчаянія». Каро, въ своемъ преклоненіи предъ Леопарди, называетъ его даже «одновременно пророкомъ и поэтомъ этой философіи, ея прорицателемъ въ древнемъ, таинственномъ смыслѣ слова»...

Такъ относятся къ автору «Діалоговъ» его собратья-философы въ области пессимизма. Въ хорѣ поэтовъ міровой скорби голосъ его звучитъ тоже въ полной гармоніи со всѣми остальными, и опять отнюдь не по заимствованію, не по подражанію, а по той внутренней, глубокой причинѣ, которая заставляла всѣхъ, стоявшихъ въ это время въ сферѣ поэзіи на первомъ планѣ, увлекавшихъ за собою массу, «пѣть» именно въ этомъ тонѣ, на эти мотивы. Независимо отъ всякихъ частныхъ причинъ, Леопарди, какъ поэтъ, какъ сынъ XIX в., носилъ въ сердцѣ своемъ ту «міровую трещину», о которой говоритъ Гейне, какъ объ отличительномъ атрибутѣ новаго поэта. Неудивительно поэтому, что слушая его, вы слышите, иногда даже почти буквально повторяемые, тѣ же звуки отчаянія, которые вылетали изъ груди Байрона, Гейне, столькихъ другихъ; вы встрѣчаетесь съ тѣми же мучительными вопросами, предъ которыми съ ужасомъ и негодованіемъ останавливались Каинъ, Манфредъ, Лазарь; вы видите такое же возведеніе собственнаго страданія на ступень общей міровой скорби, такое же фаустовское поглощеніе собственной души муками всего человѣчества. И при этомъ ему, Леопарди, отчасти родственна съ этими собратьями и другая, въ высшей степени характерная черта всей поэзіи міровой скорби, дѣлающая эту поэзію человѣческою въ полнѣйшемъ, всестороннемъ значеніи этого слова и потому для

насъ особенно дорогою. Это—присутствіе, рядомъ съ элементомъ рѣзко отрицательнымъ, элемента положительнаго, который пробивается въ поэтѣ, можетъ быть, помимо его воли и вѣдома, какъ бы инстинктивно, по естественному влеченію человѣческой натуры, сквозь мрачную кору его пессимизма, и извлекаетъ изъ его души такіе звуки умиротворенія, ободренія, вѣры, надежды и любви, на какіе способенъ только пламенный благородный идеалистъ и которыхъ значеніе тѣмъ болѣе велико и благотворно, что они являются яркими молніями на небѣ, повидимому, совершенно безпросвѣтномъ. Съ Леопарди повторилось то же самое. Этотъ мрачный матеріалистъ съ наслажденіемъ погружается иногда въ міръ совершенно идеальный, находя «немыслимымъ, невозможнымъ выносить жизнь безъ иллюзій, безъ живыхъ ощущеній, безъ фантазіи и энтузіазма» и видя въ этихъ послѣднихъ даже «довольно цѣнное утѣшительное возмѣщеніе неизбѣжнаго человѣческаго бѣдствія». Этотъ отрицатель всякаго наслажденія въ жизни находитъ, однако, въ ней великое благо—любовь, какъ «единственное возможное утѣшеніе въ жизни», какъ чувство, которое «даетъ высокое блаженство и величайшую усладу въ буряхъ жизни»,—онъ пламенно восклицаетъ: «мнѣ нужно любви, любви, любви, огня, энтузіазма жизни». Онъ не стѣсняется даже сознаться (какое подтвержденіе важности личныхъ обстоятельствъ поэта для развитія его философскаго міросозерцанія!)—что доставься ему на долю испытать хоть одинъ разъ женскую любовь, земля немедленно стала бы казаться ему раемъ. Этотъ человѣкъ, повидимому, извѣрившійся во всемъ и считающій всякую борьбу, всякія стремленія безцѣльными и потому излишними, воодушевляется, однако, по временамъ пламеннымъ желаніемъ своей родинѣ свободы и величія, и вѣрою, что человѣчеству предстоитъ лучшее будущее,—и призываетъ на борьбу съ господствующимъ зломъ, ожидая отъ нея благотворныхъ результатовъ...

Правда, такія проявленія у Леопарди рѣдки и слабы, но уже нѣкоторое существованіе ихъ даже въ такой мрачной и душной атмосферѣ, какъ поэзія автора «Canti» — явленіе очень знаменательное, конечно, не въ литературномъ, а въ психологическомъ отношеніи. И оно явно говоритъ о невозможности, несостоятельности знаменитой теоріи infelicita безъ всякихъ ограниченій, всякихъ просвѣтовъ...

Петръ Вейнбергъ.

НА ФАБРИЧНОЙ УЛИЦѢ.

Разсказъ.

I.

Отъ большой площади въ большомъ городѣ идетъ длинная улица.

Она выходитъ за городъ и тамъ называется ужъ не улицей, а шоссе. Но это шоссе долго еще за городомъ не похоже на загородную дорогу: по сторонамъ его стоятъ большіе угрюмые дома, видны высокія трубы, изъ которыхъ тянется темный дымъ. У этихъ домовъ, точно прячась подъ ихъ тѣнью, лѣпятся лавочки, трактиры, закусочныя, чайныя. Дома съ высокими трубами—фабрики, заводы; и всѣ тѣ лавочки, закусочныя, чайныя устроены для рабочихъ.

Не видно ни садовъ, ни роскошныхъ магазиновъ, ни красивыхъ домовъ; эта улица-дорога тянется прямая, длинная, точно ее вытягиваетъ какая то огромная машина, не давая ей ни сбиться въ сторону, ни украситься какимъ-нибудь хорошенькимъ кустикомъ или домикомъ.

Такъ казалось Сенѣ Павлюкову, мальчику семи лѣтъ, который жилъ на этой улицѣ; отецъ его былъ рабочимъ на желѣзномъ заводѣ. Сеня съ отцомъ и матерью жили позади одного изъ самыхъ большихъ заводскихъ зданій, въ длинномъ и узкомъ каменномъ домѣ. Сенѣ и этотъ однообразный домъ мутно-краснаго цвѣта, съ длиннымъ рядомъ небольшихъ, но совершенно одинаковыхъ оконъ и дверей, съ однообразно выбѣленными комнатами, гдѣ жили семейные рабочіе, казался машиной, устроенной, чтобы утромъ выбрасывать медленно и правильно на работу людей вродѣ его отца, а когда кончалась смѣна рабочихъ—втягивать ихъ назадъ.

Вообще въ маленькой головкѣ Сени все какъ-то сравнивалось съ машинами. Сеня былъ еще совсѣмъ маленькимъ, не очень твердо держался на ноженкахъ, которыя то чрезъ мѣру несли его во время бѣготни, такъ что трудно было остановиться, то какъ-то безпомощно заплетались, когда онъ брелъ тихо, перелѣзая съ трудомъ черезъ пороги; но уже съ этого

времени онъ, въ засаленномъ казинетовомъ тулупчикѣ, сбитыхъ на сторону валенкахъ и теплой шапкѣ изъ потертой мерлушки бродилъ по всѣмъ угламъ завода, гдѣ работалъ его отецъ.

А во всѣхъ этихъ углахъ, во всѣхъ этихъ длинныхъ комнатахъ, корридорахъ, во всѣхъ этихъ каменныхъ сараяхъ, рядами стояли машины, на которыхъ рѣзали, обтачивали, продыравливали желѣзо, сталь, чугунъ. Огромныя печи съ громадными отверстіями, въ которыхъ плавили желѣзо, огромные молоты, которые сами поднимались и опускались, чтобы ковать и разрубать такіе же огромные полосы и куски металла—казались Сенѣ самыми страшными машинами. Сеня сперва весь дрожалъ, видя ихъ, но потомъ такъ привыкъ, что подходилъ совсѣмъ близко къ нимъ и только невольно мигалъ глазами при ихъ грохотѣ.

Вообще Сеня машинъ уже давно не боялся. Но всѣ машины, среди которыхъ онъ часто бывалъ, всѣ вмѣстѣ точно окружали душу Сени темной, грозной стѣной, и только какъ будто выглядывая изъ-за этой стѣны, Сеня видѣлъ все на свѣтѣ. Даже люди, которые работали около этихъ машинъ,— всѣ черные, въ копоти, въ сажѣ, въ маслѣ — казались Сенѣ машинами.

И на своего отца, особенно послѣ смерти матери, онъ смотрѣлъ, какъ на очень хорошую, хотя и всегда грязную машину, которая, правильно пущенная въ ходъ, неподвижно стоитъ за станкомъ, провинчиваетъ гайки, колесики, сурово ласково, хотя почти всегда молча, гладитъ Сеню по головѣ; когда же попортится—напьется въ трактирѣ вина,—лежитъ, плюется, кашляетъ, совсѣмъ какъ испорченная скрипучая машина, иногда же и бьетъ Сеню, нескладно махая руками.

Это было очень рѣдко. Отецъ Сени мало пилъ и дрался. Онъ былъ хорошій рабочій, поэтому хозяева, когда померла его жена, мать Сени, позволили оставить Сеню при отцѣ, въ той же семейной комнатѣ, гдѣ они жили и раньше, въ томъ же домѣ, гдѣ жили всѣ семейные рабочіе, и которую Сеня считалъ машиной для жизни этихъ людей. Иначе его отца перевели бы въ общую казарму, гдѣ жили тѣ рабочіе, у кого не было женъ; его же, Сеню, пришлось бы отдать куда-нибудь на сторону въ питомцы-нахлѣбники. За хорошее же поведеніе отца Сени,—его и Сеню оставили на прежнемъ мѣстѣ; правда, что и жена сосѣда-рабочаго взялась немного приглядывать за Сеней.

Сеня очень хорошо зналъ, что его отецъ добрый, но, и при жизни матери, отецъ былъ не разговорчивъ; теперь же, вдовый, какъ будто совсѣмъ замолчалъ.

— Ну, что, Павлюковъ, все ладно?—спроситъ онъ Сеню,

вернувшись изъ заводскихъ мастерскихъ и смывая съ лица и рукъ сажу.

— А чего неладно? ладно, Павлюковъ,—отвѣтитъ также солидно и угрюмо, какъ и отецъ, Сеня.

Какъ это вышло, что они называли другъ друга по фамиліи, они не знали, но это ужъ вкоренилось въ нихъ—и иныхъ рѣчей между ними почти не было. Развѣ спроситъ отецъ сына вечеромъ:

— Помолился, что ли, Павлюковъ?

А Сеня отвѣтитъ:

— Помолился. А ты, небось, умаялся, Павлюковъ?

И Сенѣ начинало уже казаться, что онъ тоже машина—маленькая, приставленная къ другой большой—къ отцу, дѣлать, чтобъ каждому изъ нихъ было полегче, но дѣлать это какъ машины—однообразно, изо дня въ день, не сбиваясь, не размягчаясь, не волнуясь.

II.

На довольно большомъ разстояніи отъ большого города, отъ шоссе шла вправо такая же, какъ оно, прямая, но гораздо болѣе узкая улица.

И въ началѣ этой улицы и немного не доходя конца ея стояли двѣ школы: одна благотворительнаго общества, другая—устроенная для тѣхъ дѣтей, которыхъ родители работали на фабрикахъ. Хозяева фабрикъ сообща содержали эту школу, но брали за нее 3 рубля съ каждаго рабочаго въ годъ, вычитая изъ жалованья. Въ этой школѣ учились и мальчики, и дѣвочки.

Учили ихъ двѣ барышни: одна учительница, которой платили за это и давали въ школѣ комнату для житья, другая же—родственница учительницы пріѣхала погостить къ ней; эта дѣвушка помогала учительницѣ безплатно и только на нѣкоторое время.

Учительница была высокая, тонкая дѣвушка съ карими глазами. Лицо ея часто было блѣдно и небольшія розовыя губы передергивались, точно ей отчего-то было больно, тонкія же темныя брови тоскливо сдвигались на ея гладкомъ молодомъ лбу. Родственница ея, пониже ростомъ и пошире въ плечахъ, была желта, какъ церковныя свѣчи, но ея свѣтлые, какъ немного мутная вода, глаза никогда не хмурились, а блѣдныя губы всегда были полураскрыты, точно отъ удивленія.

Учительница, когда не занималась съ дѣтьми, сидѣла за книгами, перелистывая ихъ лихорадочно дрожащей рукой, и глаза ея дѣлались при этомъ большими и очень темными. Род-

ственница же ея въ свободное время ходила взадъ и впередъ по пустымъ класснымъ комнатамъ, заложивъ большія, тоже блѣдно-желтыя, какъ воскъ, руки за спину. Она ходила или молча, или читая стихи, щурясь и закидывая голову назадъ. Иногда стихи, которые она читала, были удивительные. Разъ она, совсѣмъ закрывая глаза, торжественно и протяжно повторяла одинъ и тотъ же стихъ:

Закрой твои блѣдныя ноги!

И потомъ широко раскрывала глаза, точно удивляясь, что изъ этого стиха ничего не выходитъ. По ночамъ она часто не спала, а бродила также по классамъ и заглядывала въ окна, смотря подолгу съ раскрытымъ ртомъ на звѣзды и на луну. Учительница часто надъ ней смѣялась, но еще чаще спорила съ ней, причемъ сердилась, махала руками и кричала непонятныя дѣтямъ слова: марксистъ, субъективизмъ, декадентка. Ея родственница кротко смотрѣла на нее, полураскрывая ротъ и мигая совсѣмъ бѣлыми рѣсницами.

Въ классахъ онѣ обѣ были ласковы къ дѣтямъ, старались всячески выучить ихъ, часто раздражались, въ отчаяніи всплескивали руками и тутъ же при дѣтяхъ смѣялись своему раздраженію, такъ что и дѣти съ ними смѣялись. Когда, между уроками, въ свободное время, дѣти въ большой прохладной залѣ школы становились въ хороводъ, подпрыгивая и напѣвая пѣсенки, становились съ ними и учительницы и тоже запѣвали ихъ пѣсенки—и всѣмъ было необыкновенно весело.

Въ классѣ учительница объясняла гораздо понятнѣе, чѣмъ ея родственница, но и спрашивала строже. И при этомъ ея «шелковистенькія бровки», какъ выразилась одна ученица, насупливались надо лбомъ такъ, что дѣтямъ становилось жалко, что она на нихъ сердится. Родственница же ея никогда не сердилась и только иногда, всплеснувъ руками, жалобно восклицала:

— Да ну, дѣти, поймите же.

Дѣти, хотя и не слушались иногда обѣихъ и шалили, и дрались, и лгали учительницамъ, но любили и ту, и другую. Въ школѣ шла оживленная, бойкая суетня и крики, когда дѣти были тамъ; когда же они уходили—учительница въ своей комнатѣ шумно, точно въ нетерпѣніи, двигая стуломъ, на которомъ сидѣла, и хлопая книгами по стулу, читала, а ея родственница бродила по всѣмъ классамъ, тянула сипловатымъ голосомъ странные стихи и заглядывала въ окна на луну.

Все это зорко наблюдала дѣвочка 8 лѣтъ, Даша. Она теперь тоже всегда жила въ школѣ, не только училась въ ней. Она была круглая сирота. Отецъ ея былъ миткальщикомъ, то

есть работалъ на миткальной фабрикѣ, мать же—прачкой. Они оба уже года два назадъ умерли отъ тифа. Тогда учительница, бѣлье которой стирала мать Даши, взяла дѣвочку въ школу жить, потому что Дашѣ совсѣмъ негдѣ было жить. Правда, одна благотворительная дама, толстая, надутая, вся въ пудрѣ и духахъ, хотѣла отдать Дашу въ какой-то пріютъ. Но учительница объявила, что она ужъ лучше возьметъ Дашу къ себѣ.

Съ тѣхъ поръ Даша и жила въ школѣ. И жить тутъ ей нравилось. Нравились и веселыя, шаловливыя дѣти, нравились и высокія, свѣтлыя комнаты, блестѣвшія свѣжимъ деревомъ (школу недавно только выстроили); нравились и обѣ ласковыя учительницы—одна съ ея «шелковистенькими» бровками, другая—съ ея почти всегда открытымъ ртомъ.

Даша была веселая, крѣпкая дѣвочка. «Тумбочка» называла ее учительница. Родственница учительницы съ этимъ не соглашалась. Она называла Дашу «головкой Ботичелли», чего Даша ужъ совсѣмъ не понимала.

III.

Улица, гдѣ помѣщалась школа, упиралась въ открытое поле; за нимъ вдали виднѣлся лѣсъ. Въ полевой же просторъ выходили изъ этой улицы и небольшіе переулочки. На нихъ стояли низенькія лачужки. Переулочки эти были короткіе, такъ что улица точно выглядывала ими украдкой на просторъ, на волю, гдѣ нѣтъ ни высокихъ дымныхъ трубъ, ни скучныхъ стѣнъ. За эти переулочки Сеня Павлюковъ очень любилъ эту улицу.

Особенно зимой нравилось Сенѣ стать на углу какого нибудь переулка и смотрѣть на бѣлую снѣжную даль, мягкую, бархатную, уходившую въ серебристомъ туманѣ далеко, далеко къ тихому лѣсу. Подъ вечеръ, при закатѣ солнца, эта даль становилась сперва розовой, потомъ алой, потомъ лиловой, потомъ синей, потомъ мутной, какъ дымъ. Сеня часто застаивался такимъ образомъ, смотря въ поле.

Иногда ему хотѣлось пойти туда, далеко, далеко. Но лѣтомъ тамъ пугали коровы съ крутыми рогами, съ страшными большими ноздрями, а зимой, едва ступишь дальше переулка, при маленькомъ ростѣ Сени совсѣмъ увязнешь въ сугробѣ. Поэтому Сеня только смотрѣлъ на эти дали, и ему казалось, короткіе переулочки, откуда все это было видно, ласково говорили ему: «смотри, Павлюковъ, тутъ тебя никто не обидитъ. Тутъ и машинъ никакихъ нѣтъ. Только дальше не ходи. Тамъ ужъ мы ни за что не ручаемся». И Сеня любилъ ходить на эту улицу.

Впрочемъ, она была и вообще мѣстомъ гулянья для дѣтей всей фабричной части города. На ней не было ни конки, ни парового трамвая; даже извозчики почти не ѣздили; поэтому самыя маленькія, двухлѣтнія, трехлѣтнія дѣти могли совершенно безопасно переваливаться на ней на своихъ кривыхъ ножкахъ. Двѣ же школы служили причиной того, что и дѣтей постарше на ней всегда было много: ихъ выпускали и побѣгать между уроками, да и сами они въ разное время забѣгали въ эту знакомую, въ эту «нашу», какъ говорили они, улицу. Тамъ они шалили—играли въ бабки, въ снѣжки, въ перегонки, тузили другъ друга.

Сеня, самъ мало подвижный, всегда хмурый и сосредоточенный, обыкновенно не принималъ участія въ играхъ. Онъ только охотно смотрѣлъ на всю эту возню, особенно на маленькихъ дѣтей, которыя зимой въ ихъ часто рваныхъ шубенкахъ и тулупчикахъ, въ большихъ не по росту валенкахъ и огромныхъ материныхъ платкахъ, точно темные шарики, перекатывались по бѣлому снѣгу улицы.

Онъ любилъ улицу и за зрѣлище этихъ дѣтей. Точно она, какъ и ея коротенькіе переулки, говорила съ тихой лаской Сенѣ: «Смотри, Павлюковъ, какія эти дѣти славныя. Они совсѣмъ не машины. Они вонъ какія живыя. Побѣгай съ ними. Или не охота? Не привыкъ? Ну, стой, смотри. И то хорошо. Хорошо у меня, Павлюковъ?»—Любилъ за эти тайныя рѣчи эту улицу Сеня.

Но особенно полюбилъ онъ ее за то, что годъ назадъ познакомился на ней съ Дашей. Даша, живя въ школѣ и тогда еще не учась (ей было только семь лѣтъ и учительница говорила, что ей учиться рано), часто выбѣгала на улицу, свела тамъ прочныя знакомства съ мелюзгой, покрѣпче завязывая материны платки на маленькихъ головкахъ, когда эти платки слѣзали; утѣшала упавшихъ и ушибшихся; напѣвала пѣсенки и охотно играла во всѣ игры, даже съ мальчиками, которые, было, не хотѣли ее принимать, но, увидѣвъ, какъ она ловко дѣйствуетъ бабками, снѣжками да и своими ноженками въ бѣготнѣ, уступили.

Не смотря на то, что учительница звала ее тумбочкой, она была бойка и ловка. Сеня давно ужъ зорко приглядывался къ Дашѣ. Особенно ея глазки, голубенькіе, свѣтлые, какіе-то задорно-ласковые, нравились ему. Улица точно говорила теперь Сенѣ:

— Видишь, Павлюковъ, какая у меня завелась? Ну, развѣ машины бываютъ такія?

И Сенѣ хотѣлось сказать улицѣ:

— Отстань ты съ машинами. Развѣ я что говорю?

И улица отставала и только лукаво улыбалась. Это улы-

балась не улица, а Даша, начавъ со стороны поглядывать на тихаго мальчика, который никогда не игралъ, не бѣгалъ.

IV.

— Мальчикъ, хочешь, я тебѣ пѣсенку спою?—предложила однажды Даша совершенно неожиданно Сенѣ, подойдя къ нему и заглядывая своими задорно-ласковыми глазками въ его угрюмые глаза.

Сеня смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, точно не вѣря, что это могло совершиться: кто нибудь могъ предложить ему спѣть пѣсенку. И онъ тихо, медленно, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Спой!

Никто никогда не пѣлъ пѣсенъ собственно для него. Отцу, суровому рабочему, и больной матери было не до пѣсенъ. Со стороны слыхалъ Сеня разныя пѣсни и иногда любилъ прислушаться къ нимъ, но вѣдь эти пѣсни пѣлись вовсе не для него и часто были пьяныя, грубыя, нехорошія пѣсни. Даша, стоя передъ Сеней и слегка помахивая въ тактъ руками, пропѣла звонкимъ, веселымъ и тоненькимъ голоскомъ, хотя и заунывную, но слетавшую очень весело съ ея губокъ пѣсенку:

У косящата оконца
Бѣдна швеечка сижу я.
Подъ окошечкомъ березка,
Подъ березкой офицерикъ.
Офицерикъ ты поручикъ,
Ты душа моя голубчикъ,
Сладкій леденецъ.

Этой пѣсенкѣ Дашу научила одна изъ подружекъ, фабричныхъ дѣвочекъ. Полюбилась эта пѣсенка Дашѣ потому, что тутъ говорилось о березкѣ и о сладкомъ леденцѣ. Березки Даша любила; въ Троицу еще мать покойница приносила ей всегда вѣточку березки и, суя ей, говорила:

— На, Дашутка. Теперь понюхай, а подростешь—драть тебя будутъ ей.

Но Дашѣ какъ-то совсѣмъ не вѣрилось, что она подростетъ до такой крайности, чтобы явилась необходимость драть ее. Нюхать же березку было пріятно. Особенно же любила эту пѣсенку Даша за леденецъ, потому что на свѣтѣ не могло быть ничего лучше леденцовъ, которыми изрѣдка угощали Дашу обѣ учительницы.

Сеня серьезно, съ большими неподвижными глазами, прослушалъ пѣсенку. Когда Даша кончила, онъ молчалъ.

— Правда, хорошая пѣсенка?—спросила она, тщетно ожидая похвалы.

— Хорошая, — медленно протянулъ Сеня и потупилъ глаза.

Точно необходимость этого признанія смутила его окончательно стыдливымъ непонятнымъ чувствомъ. Даша задумчиво постояла передъ нимъ.

— А какъ тебя зовутъ, мальчикъ?—вдругъ спросила она.

— Павлюковъ,—угрюмо отвѣтилъ Сеня, вскинувъ на нее глаза и опять опустивъ ихъ.

Даша молчала. Она была поражена, что такой маленькій мальчикъ называется по фамиліи, какъ большой человѣкъ. Учительницы въ школѣ только сторожа, солдата съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ и густыми сѣдыми бровями и усами, называли Сидоровъ; дѣтей же и кухарку, женщину среднихъ лѣтъ, звали уменьшительными ласкательными именами. Но Сеня съ такой убѣжденностью сказалъ это слово «Павлюковъ», что для Даши не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что это и есть его названіе. Даша въ свою очередь вздохнула. И, точно желая выйти изъ подавленности, нагнанной на нее Сеней, вдругъ спросила:

— А ты пробовалъ леденецъ, Павлюковъ?

— Пробовалъ,—отвѣтилъ Сеня,—матка приносила,—пояснилъ онъ.—Она умерла, матка-то,—пояснилъ онъ дальше, и опять вздохнулъ.

— И у меня вѣдь мама-то умерла!—весело сказала Даша, точно обрадованная этимъ совпаденіемъ.

Большіе глаза Сени поднялись на лицо Даши.

— Вотъ и у ней нѣтъ матки, а какая она—другая, чѣмъ я,—подумалъ онъ.

— Отчего ты никогда не играешь, не бѣгаешь?—спросила его Даша.

Сеня потупился.

— Такъ!—тихо, но твердо сказалъ онъ.

Даша въ недоумѣніи постояла передъ нимъ. Потомъ медленными шажками пошла прочь къ другимъ дѣтямъ. Это «такъ» Сени прозвучало для нея чѣмъ-то неизбѣжнымъ, непреоборимымъ. Она точно покорилась необходимости этого «такъ» и оставила серьезнаго «Павлюкова» для другихъ, болѣе веселыхъ дѣтей. А Сеня смотрѣлъ ей вслѣдъ. У него въ головѣ зарождался планъ. Когда отецъ придетъ сегодня домой, онъ попроситъ купить леденцовъ и принесетъ ихъ этой дѣвочкѣ.

Но когда Сеня пришелъ домой и увидѣлъ усталаго, грязнаго отца, ему не захотѣлось говорить ни о леденцахъ, ни объ этой дѣвочкѣ. И онъ только по обыкновенію спросилъ отца:

— Умаялся, Павлюковъ?

— Да, таки, Павлюковъ, было дѣло,—отвѣтилъ отецъ, ложась на койку.

И больше никакого разговора у нихъ не было.

На завтра Даша и Сеня встрѣтились уже какъ знакомые. Но разговаривали они между собою мало, и Сеня по прежнему со стороны любовался бѣготней Даши. Впрочемъ, она подошла къ нему ненадолго и сказала:

— Здравствуй, Павлюковъ,—а я Даша,—прибавила она, точно теперь только вспомнивъ, что не сказала ему вчера своего имени.

— Здравствуй, Даша,—сказалъ Сеня.

И съ тѣхъ поръ долгое время они только такимъ образомъ здоровались другъ съ другомъ, не говоря болѣе ничего. И пѣсенокъ она ему болѣе ужъ не пѣла, точно подумала, что онъ слишкомъ серьезенъ для этого. Да и потомъ, когда она стала, наконецъ, разговаривать, они говорили между собою мало. Только ихъ глазки часто встрѣчались. Глаза Даши при этомъ задорно-ласково улыбались, а тихіе, серьезные глаза Сени точно спрашивали:

— Отчего ты больше никогда не споешь мнѣ пѣсенки?

Но и объ этомъ онъ ни разу не сказалъ ей ни слова.

V.

Вдругъ Даша перестала появляться на улицѣ.

Сеня смутно затосковалъ. Бывая теперь на Дашиной улицѣ, какъ онъ ее назвалъ про себя, онъ почти не смотрѣлъ на дѣтей. Онъ цѣлыми часами глядѣлъ на снѣжную даль, видную въ концѣ переулковъ. Ему было грустно. Онъ начиналъ жалѣть, что такъ и не попросилъ отца купить леденцовъ, чтобъ угостить Дашу.

Сеня и не подозрѣвалъ, что съ Дашей случилось нехорошее. Это нехорошее—была болѣзнь, которую земскій докторъ, угрюмо спокойный человѣкъ, назвалъ учительницѣ длиннымъ названіемъ: «повсемѣстная бугорчатка».

— Скоротечная чахотка?!—съ ужасомъ воскликнула родственница учительницы, которая прежде была на фельдшерскихъ курсахъ и бросила ихъ какъ разъ въ то время, какъ ей захотѣлось заглядывать въ окно на луну и читать стихи про незакрытыя ноги.

Докторъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами.

— У нея, вѣроятно, бывали плевриты?—спросилъ онъ.

— Да, она раза три сильно прихворнула, но отлежалась.

Въ то время до васъ былъ другой докторъ,—подтвердила учи тельница.

— Ну, да, разумѣется,—протянулъ докторъ и совершенно успокоился, точно все, что могло его въ этомъ случаѣ безпокоить, исчезло.

Впрочемъ, онъ посовѣтовалъ отправить дѣвочку въ больницу. Раннимъ пасмурнымъ утромъ, въ старой каретѣ, нанятой учительницей, перевезли Дашу въ большой казенный домъ. Съ ней поѣхала родственница учительницы, увѣряя Дашу, что тамъ, куда они ѣдутъ, будетъ отлично, что тамъ такія добрыя сестры въ такихъ славныхъ бѣлыхъ фартучкахъ.

— Только ты, тетя, вѣдь будешь туда ко мнѣ ходить?— говорила Даша, полулежа въ каретѣ на подушкахъ и чувствуя боль въ спинѣ,—и другая тетя пусть пріѣзжаетъ. Непремѣнно, непремѣнно!

Бывшая фельдшерица увѣряла Дашу, что это и будетъ непремѣнно, непремѣнно!..

Въ больницѣ, дѣйствительно, оказалось хорошо. Сестры и няни были ласковыя, фартуки у нихъ были бѣлые, доктора смѣшные, носатые, бородатые, съ очками, шутники. Дашѣ со всѣми съ ними было бы очень весело, если-бъ ей самой не дѣлалось все хуже и хуже. Кашляла она мало и грудь у нея почти не болѣла. Но все тѣло часто невыносимо горѣло, и Даша металась въ тоскѣ на подушкѣ, увѣряя сестеръ, что подушка гадкая; ей приносили другую, но и та оказывалась гадкой, да и всѣ подушки. Это удивляло Дашу и страшно сердило.

Даша начала замѣчать, что она быстро худѣетъ. Однажды, разсматривая свои руки, безсильно лежавшія на одѣялѣ, она сказала сестрѣ:

— Вотъ и тумбочка. Не тумбочка я теперь, а плеточка...

И ея ввалившіеся горящіе глаза блеснули при этомъ задорно-насмѣшливо. Только въ самой ихъ глубинѣ пряталось что-то тоскливое, испуганное, безнадежное. Начала Даша и бредить. То она пѣла про «офицерика, леденца и березку», то увѣряла, что тетя, которая говоритъ о голыхъ ногахъ, хочетъ въ окно проглотить луну. Иногда она съ мучительной тоской и раздраженіемъ умоляла сестру не пѣть.

— Да я, дѣвочка, и не думала пѣть,—убѣждала ее сестра.

— Нѣтъ, вы пѣли, громко пѣли,—капризно-жалобно настаивала Даша и вдругъ прибавила: — Вотъ если бъ Павлюковъ пришелъ. Мнѣ съ нимъ было бы очень хорошо. Онъ всегда молчитъ. Хоро-о-шо такъ молчитъ.

И она глубоко вздохнула маленькой грудкой, въ которой теперь были видны на перечетъ всѣ ребра. Но сестры и эти

ея рѣчи принимали за бредъ. Потомъ Даша начала незамѣтно слѣпнуть. Въ глубинѣ ея зрачковъ появились какія-то мутныя пятнышки. Чтобы разсмотрѣть кого нибудь, она уже была вынуждена нагибать какъ-то особенно голову и поглядывать вкось немного снизу.

Впрочемъ, иногда ей вдругъ дѣлалось лучше. Она, за исключеніемъ худобы, казалась почти здоровой, требовала леденцовъ и смѣялась съ сестрами, съ тетями-учительницами, которыя у ней бывали часто и едва удерживались отъ слезъ. Теперь Дашѣ были непріятны только доктора.

— Они думаютъ, я умру,—говорила она въ хорошіе свои дни,—только развѣ они все правду думаютъ? Они просто злые и оттого такъ думаютъ.

Ее разубѣждали, говорили, что доктора вовсе не злые, не думаютъ, что она умретъ.

— Знаю, знаю!—мотала она головой и зарывалась въ подушку.

Но иногда ей становилось очень тяжело. Она не спала цѣлыя ночи, стонала на всю палату, металась, плакала о томъ, что ничего не видитъ, и опять умоляла послать къ ней Павлюкова, который такъ хо-о-рошо, хо-о-рошо молчитъ, тогда какъ всѣ другіе, и вы, тети, и вы, сестры—шумите, всегда шумите.

А тѣ и не думали шумѣть, только тихо плакали, уже почти не пряча слезъ. Безсмысленный бредъ дѣвочки особенно разстраивалъ ихъ. Наконецъ, одна изъ сестеръ настояла, чтобы ее исповѣдали и причастили. Когда пришелъ священникъ, старый больничный священникъ, перевидавшій на своемъ вѣку безконечное количество умирающихъ дѣтей и дѣтскихъ труповъ, Даша какъ-то затихла. Пока онъ ее исповѣдывалъ (очень, конечно, коротко) и причастилъ, она была сосредоточенна и старательно крестилась своей безсильной, исхудалой до жалости рученкой. Когда онъ ушелъ, она уткнулась головой въ подушку... и вдругъ черезъ мгновенье подскочила въ постели.

— Вотъ такъ толконуло!—воскликнула она почти весело,—здорово въ бокъ толконуло...—прибавила она какъ бы въ недоумѣніи, опускаясь на подушку, потомъ вся сжалась и замерла, маленькая, скорченная, съ личикомъ, неподвижно сжавшимся въ кулачекъ...

Сестра поняла въ чемъ дѣло. Дашу раздѣли, начали омывать, одѣли въ бѣлое платьице. Къ вечеру она уже лежала въ гробикѣ, въ больничной часовнѣ, рядомъ съ тремя другими небольшими гробами.

А умѣвшій хорошо молчать Павлюковъ ничего не подозрѣвалъ. Онъ только все болѣе и болѣе тосковалъ безъ Даши,

жалѣя, что не угостилъ ее леденцами. Но онъ все еще ждалъ, что она придетъ. И, ходя каждый день на Дашину улицу, оглядывался, нѣтъ ли Даши?

Однажды, едва онъ утромъ пришелъ на эту улицу, онъ увидѣлъ, что отъ фабричной школы потянулся куда-то рядъ дѣтей. За ними шла заплаканная родственница учительницы. Дѣти были принаряжены и необыкновенно тихи. Смотря на нихъ, одна дѣвочка, игравшая на улицѣ, вдругъ сказала другимъ уличнымъ дѣтямъ:

— Пойдемте. Дашутку хоронить пошли.

Сеня услыхалъ это. Онъ вдругъ почувствовалъ, что закричитъ на всю улицу. Но онъ не закричалъ. Онъ только, самъ для себя незамѣтно, пошелъ по улицѣ въ толпѣ дѣтей, присоединившихся къ шеренгѣ учениковъ и ученицъ фабричной школы. Сеня шелъ и думалъ, что леденцы въ самомъ дѣлѣ вещь очень сладкая.

Когда пришли въ больничную часовню, онъ тихонько протискался къ гробику Даши. Онъ долго, внимательно смотрѣлъ на ея неподвижное, сжавшееся личико, желтое, какъ воскъ окружавшихъ ее свѣчей, на ея скрещенныя подъ образкомъ ручки, точно костяныя. Тюль и цвѣты, которыми обложили Дашу, казались Сенѣ гораздо болѣе живыми, чѣмъ это личико, эти ручки. Ему даже казалось, что это личико не то, не знакомое, не Дашино; но что это Даша, онъ отлично понялъ, и отъ этого-то именно она казалась ему такой чужой, такой страшной.

Заплаканныя учительницы удивились вниманію, съ какимъ большіе, тихіе глаза незнакомаго имъ мальчика разсматривали Дашу. Онѣ и не подозрѣвали, что это именно и есть тотъ Павлюковъ, который умѣетъ такъ хо-о-рошо, хо-о-рошо молчать.

Сеня внимательно разсмотрѣлъ, какъ на голову Даши положили бумажный вѣнчикъ, въ руки ей, подъ образокъ, сунули бумажный печатный листъ. Онъ внимательно прослушалъ рѣчь священника о томъ, что Господь всегда правъ и милостивъ, что добрыя дѣти умираютъ по Его святой волѣ, чтобы не сдѣлаться въ жизни злыми, несчастными, а злые, чтобы не сдѣлаться еще болѣе злыми и не дѣлать другихъ несчастными. Сеня проводилъ гробъ до кладбища. Онъ зорко наблюдалъ, какъ гробъ заколотили, опустили въ могилу, закопали.

Потомъ онъ пошелъ медленно домой. Когда онъ шелъ по Дашиной улицѣ, улица съ нимъ не заговаривала. Онъ подумалъ:

— Что, видно, и ты думаешь, что и Даша была машина, которая испортилась и стала?

Когда онъ пришелъ къ отцу, онъ даже не спросилъ: умаялся ли отецъ? Онъ только подумалъ:

— Все равно, если бъ отецъ и купилъ ему леденцовъ и онъ угостилъ бы Дашу, все равно...

Сеня не кончилъ этой мысли. Вдругъ тихонько, пряча отъ отца эти слезы, онъ заплакалъ горячими и неуемными слезами въ своемъ уголкѣ на койкѣ.

А родственница учительницы въ это время дрожащимъ голосомъ, точно убѣждая въ чемъ-то смертельно блѣдную учительницу, восклицала:

— Нѣтъ, какъ хочешь, смерть—это тайна. Въ ней даже есть какая-то невѣдомая красота.

В. Михеевъ.

Пятьсотъ миль по Англіи и Уэльсу на велосипедѣ.

(Изъ впечатлѣній поверхностнаго туриста).

I. Маршрутъ моего путешествія по Англіи и практическіе совѣты братьямъ-велосипедистамъ.—II. Мои пароходныя знакомства и наблюденія; параллели и контрасты двухъ націй; женщины во Франціи и Англіи.—III. Продолженіе параллелей и контрастовъ. Видъ Соутгамптона: портъ, дѣти, рекламы. Характеръ англійскаго пейзажа; его особенности, соціальныя и природныя; поэзія ландшафта. Кабатчица о лэди.—IV. Сольсбёри и его соборъ. «Мол-л-бёрё»—Marlborugh; въ школѣ Вилліама Морриса: атлетическія игры и дранье. Городъ Свиндонъ; велосипедное злоключеніе и разговоръ о классицизмѣ, Чемберлэнѣ и Гладстонѣ съ бирмингамскимъ купцомъ. Memento mori или «банковыя каникулы».—V. Тысячелѣтняя «Бѣлая лошадь» Альфреда Великаго. Верховья Темзы и осмотръ замка Вилліама Морриса; могила поэта среди пейзажей «Вѣстей ни откуда». Средневѣковый Оксфордъ и современный трубочистъ-москательщикъ. Начало банковыхъ каникулъ.—VI. Еще Оксфордъ: поэзія стараго города. Оксфордскій профессоръ о дѣлѣ Дрейфуса. Семья моего новаго пріятеля: улей «пчелъ Англіи» и пѣвица будущаго. Универсальный идеалъ. Какъ говорятъ на публичныхъ митингахъ Англіи? Стулъ-трибуна,—новая иллюстрація къ параллелямъ и контрастамъ двухъ націй. Либеральная и рабочая тактика. Что мой пріятель—рабочій думаетъ о либералахъ вообще, а о Гладстонѣ въ частности?

I.

Рѣшивъ подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніями, вынесенными мной изъ недавней довольно большой экскурсіи по Англіи и могущими, какъ мнѣ кажется, представлять для публики извѣстный интересъ, хотя бы уже по контрасту съ Франціей, я съ самаго начала считаю нужнымъ сдѣлать оговорку: отъ меня далека мысль охотиться на чужихъ владѣніяхъ, которыя принадлежатъ по праву моему талантливому товарищу по «Русскому Богатству», г. Діонео. Это было бы непростительнымъ trespass'омъ (вторженіемъ въ чужую собственность), какъ выражаются англичане, которыхъ такъ знаетъ, любитъ и мастерски описываетъ мой собратъ по журналу. Но онъ позволитъ мнѣ, надѣюсь, бросить поверхностный взглядъ на эту собственность съ высоты (не богъ знаетъ, какой!) велосипеда, который въ теченіе двухъ недѣль носилъ меня по британ-

скимъ дорогамъ, и разсказать безъ малѣйшей претензіи читателю, что я видѣлъ съ этого своего рода «птичьяго д'уазо», по безсмертному выраженію Глѣба Успенскаго.

Англія и англичане давно интересуютъ меня, но и страну, и жителей я знаю больше лишь по книгамъ. Я не считаю четырехдневнаго пребыванія въ Лондонѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ни трехъ-четырехъ каникулъ, проведенныхъ мною лѣтомъ на Джерси. У меня есть, впрочемъ, нѣсколько близкихъ пріятелей изъ англичанъ, разговоры съ которыми увеличивали во мнѣ желаніе познакомиться съ этой своеобразной страной, въ которой такъ много непохожаго на европейскій континентъ, въ которой воскресенье самый скучный день въ недѣлѣ, извозчики и велосипедисты сворачиваютъ при встрѣчѣ съ вами на вашу правую сторону (значитъ, налѣво), а четные и нечетные номера домовъ идутъ въ порядкѣ одинъ за другимъ по одну сторону улицы и переходятъ затѣмъ на другую. А такъ какъ я рѣшилъ дать отдыхъ этимъ лѣтомъ головѣ, давъ работу ногамъ, то цѣлью велосипедной экскурсіи я и избралъ Англію. Ѣхалъ я туда съ десяткомъ рекомендательныхъ писемъ отъ С., родственника Вилліама Морриса и бывшаго управляющаго его артистической типографіей (Kelmscott Press), и отъ Л., главнаго научнаго представителя марксизма во Франціи; само собою разумѣется, что и письма были почти исключительно къ политическимъ единомышленникамъ лицъ, рекомендовавшихъ меня. Большинствомъ писемъ я не могъ, впрочемъ, воспользоваться, такъ какъ почти всѣ тѣ господа, которымъ я долженъ былъ вручить ихъ, поразъѣхались на каникулы, кто на южный берегъ Англіи для купаній, кто въ Уэльсъ, кто въ Шотландію, и т. д. Съ одной стороны это было, конечно, досадно, а съ другой хорошо: я вынужденъ былъ самъ выпутываться изъ мелкихъ практическихъ затрудненій въ незнакомой странѣ и такимъ образомъ лучше знакомиться съ ней.

Вступая на берегъ Англіи, я твердо рѣшилъ жить по возможности своими впечатлѣніями и постараться даже, насколько возможно, забыть читанное (напр. «Очерки Англіи» Тэна, «Изъ записной книжки по Англіи» Натаніэля Госорна (Hawthorne) и т. п.). Читатель скоро увидитъ, насколько были благопріятны эти впечатлѣнія. Но безпристрастіе заставляетъ меня замѣтить, что въ эту оцѣнку входило, можетъ быть, по закону контраста то чувство раздраженія и боли, которое вызываетъ во мнѣ Франція послѣдняго времени съ ея крикливымъ шовинизмомъ и мерзостями антисемитствующей шайки.

Форма, которую я даю своимъ впечатлѣніямъ, лишена всякой претензіи на художественность и даже на литературную стройность. Къ стыду своему я долженъ признаться, что не записывалъ впечатлѣній по мѣрѣ того, какъ они возникали. Но,

имѣя въ виду практическіе интересы лицъ, которымъ захотѣлось бы путешествовать по Англіи на велосипедѣ, — а такихъ теперь, вѣроятно, не мало,—я сохранялъ счеты отелей и постоялыхъ дворовъ, равно какъ записывалъ въ свою карманную книжку разные путевые расходы, особенно по части питья, играющаго такую роль въ жизни велосипедиста. Такъ что вмѣсто художественныхъ и бытовыхъ замѣтокъ, которыя заносятъ въ книжку аккуратные путешественники, я нахожу: «городъ такой-то, счетъ въ гостиницѣ столько-то шиллинговъ»; «деревенскій кабакъ такой-то, бутылка лимонада», или «чай съ пирожками», или «стаканъ портеру», или еще «бутылка инбирнаго пива», и т. д.; «плата за переѣздъ черезъ мостъ такой-то», и т. д. Но по этимъ-то хозяйственнымъ замѣткамъ и надѣясь на регистрирующую силу ассоціаціи идей, я и постараюсь возстановить свои впечатлѣнія, которыя, повторяю, буду заносить, какъ они подвернутся подъ перо, то въ формѣ дневника, то съ отступленіями въ сторону тамъ, гдѣ мнѣ это покажется интереснымъ для читателя.

Но «начнемъ сначала», какъ говорятъ любящіе литературную архитектуру французы. Каковъ былъ мой маршрутъ, какіе города и села я видѣлъ, сколько проѣзжалъ въ день, каковъ средній дневной расходъ умѣреннаго въ своихъ претензіяхъ на комфортъ велосипедиста, и т. д.? Я отвѣчу сначала на эти чисто практическіе вопросы, а затѣмъ уже, оставивъ за собой всѣ такія детали, буду разсказывать собственно впечатлѣнія.

Было бы совершенно лишнимъ вводить читателя въ тѣ чисто личныя обстоятельства, которыя заставили меня выбрать для переѣзда въ Англію самый длинный пароходный путь, именно изъ Сэнъ-Мало въ Соутгамптонъ. Но разъ мнѣ приходилось начинать свою велосипедную экскурсію по Англіи съ Соутгамптона, я долженъ былъ выработать маршрутъ, который съ самаго начала же могъ представлять извѣстный интересъ. Этотъ маршрутъ былъ составленъ мною на основаніи указаній, сообщенныхъ уже упомянутымъ С., страстнымъ велосипедистомъ и знающимъ археологомъ, который занимается теперь тѣмъ, что организуетъ велосипедныя прогулки для своихъ соотечественниковъ—англичанъ по Франціи. Маршрутъ этотъ, выполненный мною въ точности, проходилъ по слѣдующимъ мѣстамъ: Соутгамптонъ, Ромсэ, Уайтпаришъ, Сольсбери, Эмсбери, Молбере, Свиндонъ, Уайтъ-Хорсъ-Хиллъ, Фарингдонъ, Кэлмскоттъ-Маноръ, Бамптонъ, Уитнэ, Оксфордъ, Хай-Уикомбъ, Лондонъ. Итого 153 англійскихъ мили, или приблизительно 245 километровъ. Въ Лондонѣ, благодаря любезному содѣйствію членовъ редакціи велосипеднаго журнала The Cycle, я выработалъ новый маршрутъ для путешествія по западной

Англіи и Уэльсу съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Соутгамптонъ (это опять таки приходилось сдѣлать по обстоятельствамъ, не представляющимъ ничего интереснаго для читателя: упомяну лишь извѣстную выгоду отъ возвратнаго билета на пароходъ изъ Соутгамптона въ Сэнъ-Мало). Отъ послѣдней части второго маршрута я принужденъ былъ отклониться отчасти на основаніи разспросовъ мѣстныхъ жителей, указывавшихъ мнѣ болѣе красивыя мѣста, чѣмъ какія значились въ маршрутѣ, отчасти же по причинѣ дурной погоды. Въ томъ видѣ, какъ я выполнилъ этотъ планъ, моя экскурсія обнимаетъ собою: поѣздку по желѣзной дорогѣ изъ Лондона въ Бирмингамъ (113 миль = 181 километровъ); затѣмъ путешествіе на велосипедѣ изъ Бирмингама черезъ Вольвергамптонъ, Шифналь, Веллингтонъ Шрусбери, Нэсклиффъ, Рэксгамъ, Честеръ, Гавардэнъ, Риль, Колвинъ, Конуэ, Бангоръ, клочокъ острова Энглеси, Карнарвонъ, Безгелертъ, Портъ Мадокъ, Гарлэхъ, Бармутъ, Абердевэ, Махинхлесъ, Абериствисъ, Аберайронъ, Кардиганъ, Ньюкастль-Эмлинъ, Кармарсэнъ, Ландило, Ландовэри (итого 347 миль = 556 километровъ); наконецъ, возвращеніе по желѣзной дорогѣ изъ Ландовэри въ Соутгамптонъ черезъ Ланелли, Сванси, Кардиффъ, Севернскій туннель, Бристоль, Басъ и Сольсбери (итого 210 миль = 336 километровъ). Въ результатѣ, значитъ, я сдѣлалъ въ Англіи 323 мили = 517 километровъ по желѣзной дорогѣ и 500 миль = 800 километровъ на велосипедѣ. Относительно длины велосипеднаго пути я долженъ сдѣлать замѣчаніе: у меня не было подробныхъ велосипедныхъ картъ мѣстностей, черезъ которыя я ѣхалъ (я удовольствовался лишь общей картой Бэкона Cycling Road-Map of England); съ другой стороны на второстепенныхъ англійскихъ дорогахъ мильные столбы разставлены очень небрежно, а порою совсѣмъ отсутствуютъ. Поэтому очень часто я отмѣчалъ разстоянія, которыя я проѣхалъ, лишь очень приблизительно, вычисляя ихъ измѣреніемъ на упомянутой уже картѣ малаго масштаба, что уменьшаетъ дѣйствительно пройденный путь по крайней мѣрѣ на 5—10 процентовъ. Кромѣ того, я не считалъ небольшихъ отклоненій въ сторону съ главной дороги для осмотра встрѣчавшихся по пути разныхъ интересныхъ вещей, а иныя изъ такихъ побочныхъ экскурсій, напр. для осмотра «холма Бѣлой Лошади», были не короче 4—5 миль. На основаніи всего этого къ сдѣланному мною приблизительному вычисленію велосипеднаго пути надо прибавить 10 процентовъ, или, по самому крайнему разсчету, процентовъ 6—7, скажемъ миль 30 или километровъ 50. Въ общемъ, значитъ, я видѣлъ страну съ велосипеда на протяженіи 530 миль или 850 километровъ. Это я считаю глав-

нымъ источникомъ для сужденія о характерѣ пейзажей, архитектуры и вообще внѣшняго вида Англіи.

Пробылъ я въ странѣ 14 дней, съ 28 іюля по 10 августа включительно, но изъ нихъ слѣдуетъ выбросить 5 дней: на осмотръ Оксфорда (1 день), Лондона (3 дня) и ѣзду по желѣзной дорогѣ (1 день), такъ что на велосипедную ѣзду придется 9 дней, въ теченіе которыхъ я и сдѣлалъ упомянутые 530 миль = 850 километровъ, т. е. около 59 миль =94 или 95 километровъ въ день. При этой средней быстротѣ я успѣвалъ тратить отъ трехъ до пяти часовъ въ день на осмотръ особенно красивыхъ пейзажей и природныхъ или архитектурныхъ достопримѣчательностей. Думаю, что эту скорость надо считать максимальной для обыкновеннаго человѣка, привыкшаго ѣздить, но не отличающагося профессіональными качествами велосипедиста. Полагая 12 часовъ на сонъ, отдыхъ среди дня и мелкія остановки, у васъ остаются другіе 12 часовъ на вашъ, такъ сказать, рабочій велосипедо-туристскій день, который будетъ слагаться изъ трехъ—пяти часовъ, надобныхъ, какъ я уже сказалъ выше, для осмотра интересныхъ вещей по дорогѣ, и изъ девяти-семи часовъ, среднимъ числомъ, скажемъ, восьми для собственно работы ногами на велосипедѣ, что дастъ вамъ среднюю скорость около 12 километровъ въ часъ. Разумѣется, на плоской дорогѣ вы можете довести ее до 16, 18 и даже до 20 километровъ, но въ наиболѣе гористыхъ и красивыхъ мѣстахъ Уэльса вамъ придется удовольствоваться 10 и даже 8 километрами.

Вообще говоря, англійскія дороги хуже французскихъ, которыя, насколько я могу судить, рѣшительно первыя въ мірѣ. Даже большія дороги, main roads, которыя соотвѣтствуютъ французскимъ routes nationales и routes départementales, далеко не отличаются той безукоризненной гладкостью, которая на французскихъ шоссэ доходитъ до того, что вы катитесь словно по асфальту и проѣзжаете нѣсколько сотъ метровъ, не увидавъ по дорогѣ и случайно брошеннаго камня. Щебень на англійскихъ дорогахъ гораздо крупнѣе, или же, наоборотъ, состоитъ изъ очень мелкаго, страшно твердаго кремня, который плохо прикрытъ и торчитъ иглами, представляющими опасную почву для каучука вашихъ колесъ: вещь, неслыханная на французской дорогѣ. Второстепенныя англійскія дороги сплошь да и рядомъ мощены предательскимъ кремнемъ. Кромѣ того, на всѣхъ дорогахъ уклоны (подъемы и спуски) гораздо круче французскихъ, на которыхъ, какъ извѣстно, уголъ уклона не превышаетъ почти никогда 4—5 градусовъ. Въ Англіи же, на ровныхъ сравнительно мѣстахъ—не говоря уже объ Уэльсѣ—этотъ уголъ зачастую доходитъ до 7—8 и болѣе градусовъ, что и на подъемѣ и на спускѣ заставляетъ васъ замедлять

скорость ѣзды, особенно когда дорога усѣяна камешками. Лучшее доказательство тому, это то, что англичане, которые вообще ѣздятъ хорошо и быстро, зачастую слѣзаютъ на своихъ подъемахъ. Привыкши на французскихъ дорогахъ никогда почти не сходить съ велосипеда, вы, конечно, переносите эту привычку и въ Англію, гдѣ вамъ на первыхъ порахъ съ нею приходится трудно. Въ концѣ концовъ, вы пріучаетесь справляться и съ британскими уклонами, но цѣною довольно значительной усталости къ концу дня. Для Уэльса я, пожалуй, прямо посовѣтовалъ бы и опытному велосипедисту оставлять «машину» на всѣхъ мало-мальски значительныхъ подъемахъ, тѣмъ болѣе, что самыя трудныя мѣста и самыя живописныя.

Я упомянулъ уже мимоходомъ выше, что столбы, указывающіе разстояніе на англійскихъ дорогахъ, разставлены довольно небрежно, а порою ихъ и совсѣмъ нѣтъ: на перекресткахъ сплошь и рядомъ вы поставлены въ затрудненіе, по какой дорогѣ пускаться. При этомъ, конечно, не мало времени тратится на разспросы, особенно если принять въ разсчетъ часто невозможное, а главное неодинаковое произношеніе англичанами собственныхъ именъ: какъ догадаться, что Malborough произносится почти какъ Молбёрё, а знаменитое владѣніе Гладстона Hawarden какъ Хардэнъ? Мнѣ нѣсколько разъ приходилось пожалѣть о французской централизаціи и страсти къ административному единообразію, благодаря чему разстоянія почти на всѣхъ французскихъ дорогахъ обозначены столбами и камнями (вплоть до 100 метровъ) очень удовлетворительно. Въ Англіи же чувствовалось, что люди при постройкѣ дорогъ руководились не столько потребностью абстрактнаго административнаго порядка, сколько ближайшими практическими задачами: ясное дѣло, что разстоянія на второстепенныхъ дорогахъ предполагаются болѣе или менѣе извѣстными мѣстнымъ жителямъ, которые до развитія велосипеднаго спорта только и пользовались этими путями сообщенія.

Еще новое неудобство для велосипедиста въ Англіи это гораздо болѣе влажный климатъ, чѣмъ во Франціи; съ одной стороны это, пожалуй, и лучше для ѣдущаго на «двухколескѣ» (bicycle по англійски, bicyclette по французски),—не такъ жарко,—но, съ другой стороны, васъ преслѣдуетъ дождь, и дороги зачастую такъ смочены, что безъ велосипеднаго «фартука», защищающаго васъ отъ грязи (я прошу извиненія у русскихъ велосипедистовъ за неточность моихъ терминовъ: я не знаю большинства ихъ по русски; по французски вещь, о которой идетъ рѣчь, называется garde-crotte, по англійски mud-gard), ѣхать и думать нечего, если не хотите походить на чучело, и если у васъ нѣтъ времени сушить и чистить вашъ костюмъ. Я не видѣлъ ни одного англичанина, у кото-

раго не было бы на обоихъ колесахъ предохранительнаго фартука, и не мудрено при такомъ климатѣ: изъ двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ Англіи, дождливыхъ дней наберется съ недѣлю; въ теченіе девяти дней собственно велосипедной экскурсіи меня дождь мочилъ основательно, по крайней мѣрѣ, четыре дня. Упомяну здѣсь, съ другой стороны, объ обстоятельствѣ, выгодно отличающемъ съ велосипедной точки зрѣнія Англію: въ каждомъ небольшомъ мѣстечкѣ, имѣющемъ зачастую не болѣе 1500 жителей, вы найдете одну-двѣ велосипедныхъ лавки, гдѣ вы можете исправить въ случаѣ надобности вашего стального Пегаса или купить недостающій аксессуаръ.

Перехожу, наконецъ, къ послѣднему, но самому важному для средняго велосипедиста пункту: издержкамъ содержанія. Тутъ, конечно, все дѣло зависитъ отъ высоты вашихъ притязаній на комфортъ, но я беру обыкновеннаго, небогатаго туриста. Общее мое впечатлѣніе по сравненію съ Франціей таково: если во Франціи можно путешествовать съ извѣстными удобствами,—т. е. не экономничая въ ущербъ своему здоровью въ теченіе довольно продолжительнаго путешествія—за десятокъ франковъ въ день, то въ Англіи придется издержать десятокъ шиллинговъ—значитъ, приблизительно на одну пятую больше — для полученія сравнительно одинаковой массы удобствъ; говорю «сравнительно», потому что англійскій комфортъ выше (о чемъ рѣчь будетъ дальше). Этотъ десятокъ шиллинговъ распредѣляется такимъ образомъ: комната и утренній чай—завтракъ (bed and breakfast, согласно классической формулѣ) 2½ шиллинга; обѣдъ 2 шиллинга; вечерній чай—ужинъ 1½ шиллинга; за услуженіе (attendance) ½ шиллинга; питье по дорогѣ—1 шиллингъ. Итого 7½ шиллинговъ; я оставляю 2½ шиллинга на непредвидѣнные расходы, плату за посѣщеніе различныхъ достопримѣчательностей, историческихъ памятниковъ и за переходъ черезъ различные шлагбаумные мосты и ворота (toll-bridge et toll-gate: ихъ очень много) и болѣе высокую плату въ большихъ городахъ, такъ какъ приведенныя мною цѣны относятся къ среднимъ гостиницамъ небольшихъ городовъ. Я тутъ же сдѣлаю еще нѣсколько добавочныхъ практическихъ замѣчаній. Въ большинствѣ незначительныхъ мѣстечекъ смѣло заходите на простой постоялый дворъ (inn), который вамъ покажется почище: вы найдете тамъ такія удобства, какихъ нѣтъ въ средней, а порою даже и хорошей французской гостиницѣ; чистота поразительная, воды и полотенецъ сколько хочешь, и вы прекрасно можете вытереться съ головы до ногъ: въ случаѣ необходимости можете принять ванну, которая имѣется почти всегда на такомъ постояломъ дворѣ, и притомъ съ холодной и горячей

водой. Чай—ужинъ и чай—завтракъ очень обильны и если покажутся французу однообразны, то за то сытны необыкновенно...

Но тутъ я уже перехожу нѣсколько къ другому предмету, который потребуетъ извѣстнаго разъясненія, а именно я опишу процедуру наниманія и пользованія гостиницами. Я предполагаю, что дѣло близится къ вечеру, и вы чувствуете потребность въ отдыхѣ: заходите, какъ я уже сказалъ вамъ, на постоялый дворъ, который вамъ покажется почище, и спросите, что стоитъ «постель и завтракъ». При этомъ подразумѣвается утренній завтракъ (на слѣдующій день). Но это нисколько не помѣшаетъ вамъ поужинать: цѣна этого ужина будетъ почти всегда равна половинѣ или нѣсколько больше половины спрошенной съ васъ платы за постель и завтракъ. Напр., если эта плата $2^1/_2$ или 3 шиллинга, то ужинъ будетъ стоить во всякомъ случаѣ не болѣе $1^1/_2$ шиллинга. Когда я говорю «завтракъ» или «ужинъ», я разумѣю чай, но чай, какъ его пьютъ англичане: двѣ-три чашки съ молокомъ, хлѣбомъ, масломъ, вареньемъ и почти всегда съ болѣе существеннымъ дополненіемъ—классическими яичницей съ ветчиной или, вѣрнѣе, ветчиннымъ саломъ (ham and eggs), бараньей котлетой или бифштексомъ. Безъ этого дополненія чай будетъ стоить 1 шиллингъ: разница, какъ видите, настолько незначительная, что вы хорошо сдѣлаете, принявшись за «дополненіе».

За то послѣ спроса о цѣнѣ постели и завтрака не забудьте вторымъ же вопросомъ освѣдомиться у хозяина (по большей части хозяйки), включено ли въ эту цѣну «услуженіе» (attendance). Это довольно эластичное и притомъ не имѣющее смысла выраженіе, ибо ни постель сама собою не перестилается, ни бифштексъ не приходитъ одинъ съ жаровни на столъ,—это выраженіе, говорю я, даетъ поводъ содержателю гостиницы взять съ неопытнаго туриста 1 шиллингомъ—$1\frac{1}{2}$ шиллингами больше условленной цѣны. Въ большинствѣ случаевъ достаточно одного этого вопроса, чтобы хозяинъ немедленно же отказался отъ хитростнаго похода на вашъ карманъ, объявивъ вамъ, что «услуженіе», конечно, включено. Само собою разумѣется, впрочемъ, что слугѣ, выбивавшему ваше платье и чистившему ваши сапоги, вы дадите нѣсколько пенсовъ могарыча (tip); за чистку велосипеда—эта операція продѣлывается, кстати сказать, англійской отельной прислугой великолѣпно—полагается $\frac{1}{2}$ шиллинга.

Операція найма помѣщенія въ большомъ городѣ нѣсколько сложнѣе. О постояломъ дворѣ и думать нечего; благодаря нашей хваленой цивилизаціи, въ крупныхъ центрахъ произошла такая разслойка населенія на различные соціальные классы, что тамъ почти не найдешь болѣе или менѣе чистаго провин-

ціальнаго постоялаго двора, разсчитаннаго на средняго потребителя: inn большого города живетъ главнымъ образомъ рабочимъ, зачастую несчастнымъ людомъ. Вамъ придется поэтому подняться степенью выше и искать отель. Рекомендую въ такомъ случаѣ «отели воздержанія» (Temperance Hotels), которые очень часто пропагандируются духовными и свѣтскими обществами любителей трезвости, но, въ сущности, представляютъ особую форму конкурренціи съ обыкновенными отелями: это просто-на-просто коммерческія заведенія, подобныя прочимъ, но не платящія патента на продажу крѣпкихъ напитковъ, а потому и не продающія ихъ, что съ другой стороны даетъ имъ возможность довольствоваться болѣе умѣренными цѣнами по сравненію съ «патентными» (licensed) отелями. Въ Лондонѣ на сравнительно тихихъ улицахъ, окружающихъ Британскій Музей, вы можете за 6—7 шиллинговъ въ день жить очень комфортабельно. Я рекомендую, впрочемъ, и въ средней величины городахъ находить по возможности «отели воздержанія»: они обходятся на четверть и даже на треть дешевле обыкновенныхъ. Разумѣется, я все время говорю о проѣзжающемъ туристѣ, для котораго все обходится значительно дороже. Объ обѣдѣ среди дня распространяться нечего; онъ будетъ стоить 1—2½ шиллинга и состоять почти неизмѣнно изъ бифштекса или бараньей котлеты съ «мятнымъ соусомъ» и цѣлой грудой овощей, которыя зачастую подаются всѣ вмѣстѣ: картофелемъ, фасолью (или «французскими бобами», какъ называютъ англичане haricots verts своихъ заламаншскихъ сосѣдей). По части питья у англичанъ большое разнообразіе: вина крѣпки, плохи и дороги, но за то обиліе всяческихъ сортовъ пива (эля, стаута и т. п.) и прохладительныхъ напитковъ: великолѣпнаго лимонаду, «имбирнаго пива» и «имбирнаго эля», пива и эля только по названію и т. д.). Англійскіе велосипедисты очень почитаютъ «сельтерскую воду съ молокомъ» (soda and milk) и приписываютъ этому напитку даже спеціальныя качества по части освѣженія спортсмэна. Всѣ эти напитки, сравнительно съ французскими, очень дешевы: небольшая бутылка лимонада 2 пенса (приблизительно 20 сантимовъ), стаканъ обыкновеннаго пива 1½ пенса, бутылка хорошаго элю 3 пенса и т. д. Первое время поневолѣ злоупотребляешь этими питіями, особенно лимонадомъ.

Въ заключеніе этой чисто практической части прибавлю, что скромный велосипедистъ, особенно же предпринимая короткую прогулку (въ два-три дня), не требующую большого напряженія силъ, можетъ довольно легко свести свои расходы до 6 шиллинговъ въ день. Между очень плотнымъ чаемъ-завтракомъ и чаемъ-ужиномъ обѣдъ среди дня можетъ быть совсѣмъ устраненъ и замѣненъ чашкой чая съ хлѣбомъ и мас-

ломъ, что стоитъ не дороже 1/2 шиллинга; на напиткахъ можно съэкономить 1/2 шиллинга, на чисткѣ машины ½ шиллинга; въ теченіе двухъ-трех-дневной экскурсіи можно останавливаться исключительно на дешевыхъ постоялыхъ дворахъ, гдѣ ужинъ, комната и утренній завтракъ обойдутся вамъ въ 3½, а то и въ 3 шиллинга.

II.

Я вамъ нѣсколько надоѣлъ, дорогой читатель, этими чисто-хозяйственными деталями, если вы не велосипедистъ; для велосипедиста же я, наоборотъ, сказалъ все еще недостаточно. Но мнѣ казалось полезно подѣлиться съ публикой такими подробностями: кто знаетъ, не побудятъ ли именно подобныя, чисто практическія указанія къ путешествію въ Англію иныхъ изъ моихъ читателей, а такое путешествіе несомнѣнно полезно для туристовъ, знающихъ лишь континентъ Европы, — такъ много отличнаго и непохожаго на другія страны заключаетъ въ себѣ британскій островъ.

Ночь 27—28 августа. Мои первыя впечатлѣнія изъ англійской жизни начались со вступленія же на пароходъ, отходившій изъ Сенъ-Мало въ Соутгамптонъ. Вокругъ меня исключительно англійскія лица и англійская рѣчь: француза ни одного. Я сѣлъ возлѣ мистера Э. *), съ которымъ познакомился нѣсколько часовъ тому назадъ на террасѣ одного изъ ресторановъ Сэнъ-Мало, гдѣ онъ набирался впечатлѣній изъ французской жизни: онъ прожилъ во Франціи съ обратнымъ билетомъ четыре дня и, за практическимъ незнаніемъ французскаго языка, находилъ, что ему на первый разъ по горло достаточно Франціи. Э. родомъ изъ Манчестера, имѣетъ небольшую ренту и живетъ ею, а не торговлею или какимъ нибудь инымъ профессіональнымъ занятіемъ, что, по его словамъ, встрѣчается довольно рѣдко среди манчестерцевъ. Онъ получилъ хорошее образованіе, занимается отечественными исторіей и филологіей, гладстоніанецъ по политическимъ убѣжденіямъ, унитарій по религіознымъ. Съ жаромъ стоитъ за расширеніе числа избирателей, за уничтоженіе палаты лордовъ; съ интересомъ слѣдитъ за успѣхами народнаго образованія въ Англіи, дѣлаетъ самъ, что можетъ, для распространенія народныхъ уни-

*) Не питая ни малѣйшаго желанія конкуррировать съ Тряпичкиными-очевидцами въ ихъ репортерской охотѣ за знаменитостями и простыми смертными, я избѣгаю называть по имени лицъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это дѣйствительно могло имѣть свой интересъ и когда сами лица давали мнѣ на то разрѣшеніе.

верситетовъ (University extension). Знаетъ довольно хорошо Германію и Голландію, гдѣ путешествовалъ нѣсколько разъ, но съ «латинскими народами», которые, впрочемъ, очень сильно интересуютъ его, совсѣмъ еще незнакомъ. Приготовляется изучить практически французскій и провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ.

Собесѣдникъ онъ очень интересный и, кромѣ обилія точныхъ и фактическихъ данныхъ, конкретныхъ подробностей, которыми, по обыкновенію, снабжена голова англичанина, пріятно поражаетъ любовью и склонностью къ обобщеніямъ: это, очевидно, не тотъ «кусочный умъ» (fragmentary intellect), преобладаніе котораго у своихъ соотечественниковъ съ такимъ юморомъ оплакивалъ одинъ изъ моихъ пріятелей, очень умный и долго жившій во Франціи англичанинъ. Весь еще вибрируя отъ негодованія, вызваннаго во мнѣ шовинистской компаніей послѣднихъ мѣсяцевъ во Франціи, я невольно свелъ нашъ разговоръ на то, какъ каждая нація понимаетъ патріотизмъ. Меня поразило въ собесѣдникѣ отсутствіе крикливой «патріотической» ноты, озлобленія къ другимъ народамъ, національнаго бахвальства, словомъ всего того, что бьетъ такъ непріятно васъ по ушамъ и глазамъ во Франціи третьей республики. Онъ воздаетъ должное роли другихъ націй въ дѣлѣ общечеловѣческаго прогресса, говоритъ съ теплотой о заслугахъ Франціи на поприщѣ цивилизаціи. Но это не мѣшаетъ ему кровно любить свою Англію: «по истинѣ, по истинѣ», съ нѣсколько библейской торжественностью повторялъ онъ, «я очѣнь горжусь тѣмъ, что я англичанинъ» (indeed, indeed J am very proud to be an Englishman); я знаю, конечно, недостатки своего отечества, но знаю также и то, что я въ союзѣ съ другими единомышленниками, моими соотечественниками, могу исправить эти недостатки; я сознательно участвую въ процессѣ созданія новыхъ теченій мысли и закрѣпляющихъ эти теченія новыхъ учрежденій. Вотъ какъ эти мѣловыя скалы—и онъ показалъ на приближавшійся берегъ Уайта—состоятъ изъ безчисленнаго множества раковинъ когда-то жившихъ организмовъ, такъ вся исторія Англіи состоитъ изъ ряда усилій ея гражданъ, и я горжусь тѣмъ, что и моя скорлупа подниметъ на одну тысячную линіи уровень моей родной земли... Въ нашей исторіи нѣтъ перерыва, нѣтъ потрясеній... (замѣтивъ мой отрицающій жестъ), по крайней мѣрѣ меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ; пластъ ложится на пластъ, а если и приходится порою снять его, я и мои сограждане дружно беремся за лопаты»...

Я не хотѣлъ прерывать этой спокойной, но страстной исповѣди, которая была такъ у мѣста подъ безоблачнымъ утреннимъ небомъ, на голубомъ морѣ, въ виду знаменитыхъ «Иглъ»

(The Needles), бѣлѣвшихъ у западной части Уайта, въ то время, какъ мимо насъ все чаще и чаще стали пробѣгать суда съ гордо развѣвающимся британскимъ флагомъ, который трепеталъ теперь, какъ крыло громадной бабочки, и на верху мачты нашего «Соутгамптона»...

— А что вы думаете о французахъ,—спросилъ я у умолкнувшаго патріота-англичанина.—Вы можете говорить вполнѣ откровенно: я не французъ, а русскій, и притомъ такой русскій, который въ извѣстномъ смыслѣ можетъ считать себя интернаціоналистомъ, который, право, не въ состояніи сказать, какую націю онъ любитъ безусловно, и который походитъ на героиню одной знаменитой нашей комедіи, героиню, мечтавшую о томъ, что вотъ еслибы носъ мистера А. да посадить бы на лицо мистера В., да прибавить бы подбородокъ мистера С., такъ вышелъ бы для упомянутой миссъ женихъ на славу...

Мой собесѣдникъ счелъ долгомъ улыбнуться на такое сравненіе и отвѣтилъ такъ, что я чуть не вскрикнулъ отъ восторга: до такой степени отвѣтъ близко совпадалъ съ мнѣніемъ, которое уже нѣсколько лѣтъ я составилъ себѣ о французахъ: «Я нахожу, что французскій народъ—легко возбуждаемое, храброе, очень общественное, интересующееся всѣмъ и интересное само по себѣ животное (я припомню читателю, что въ одной изъ своихъ корреспонденцій я сравнилъ француза съ муравьемъ); но мнѣ кажется, что въ силу именно возбуждаемости и общественности индивидуальность среди нихъ недостаточно развита, и отдѣльная личность черезчуръ любитъ идти за стадомъ... Замѣтьте, я говорю лишь на основаніи читаннаго и слышаннаго, такъ какъ лично не знаю французовъ: не считать же четырехъ дней, проведенныхъ мною въ Сэнъ-Мало и окрестностяхъ? И однако, и здѣсь нѣкоторыя уличныя сцены поразили меня. Помните, когда мы только-что познакомились съ вами за столикомъ ресторана, и вы показывали хозяину сосѣдней велосипедной лавочки маленькую починку, которую нужно было сдѣлать въ ручкѣ вашего велосипеда? Сейчасъ же сбѣжалась цѣлая улица, стали разглядывать машину, повидимому, совѣтовать вамъ каждый свое (я кивнулъ головой) и такъ обступили васъ, что хозяинъ принужденъ былъ взять велосипедъ въ лавку. У насъ такъ не дѣлается: конечно, есть любопытные, но куда меньше; а, главное, если вы не спрашиваете совѣта, то вамъ и не надоѣдаютъ... Или вотъ еще: «насмѣшка убиваетъ во Франціи», говорятъ сами же французы (мой образованный собесѣдникъ счелъ долгомъ сказать эту поговорку по французски: le ridicule tue en France, но сказалъ съ такимъ чисто-англійскимъ акцентомъ, что французъ, конечно, и не понялъ бы этой знаменитой родной фразы)... Что обозначаетъ это? Да то, что личность черезчуръ идетъ за

толпой, за стадомъ и боится сдѣлать что-нибудь непохожее на бычныя дѣйствія своихъ сосѣдей. Французъ черезчуръ много живетъ для другихъ, для улицы, для галлереи, и черезчуръ мало для самого себя и для своихъ убѣжденій. Мы не боимся быть смѣшными: что сегодня смѣшно, завтра можетъ стать общепризнанной истиной. Для этого надо лишь сильно хотѣть и умѣть пропагандировать: какъ только къ вамъ пристала группа убѣжденныхъ единомышленниковъ, ваше дѣло выиграно. И замѣтьте, мы очень сильны по части этой сознательной организаціи, такъ что нашъ индивидуализмъ нисколько не исключаетъ способности группироваться и образовывать ассоціаціи. Посмотрите на наши рабочіе союзы и на наши политическіе и всякіе прочіе—даже для игры—клубы. Даже въ «арміи спасенія» съ ея курьезными внѣшними формыми—молитвой подъ аккомпаниментъ гармоникъ и большихъ барабановъ—я не безъ нѣкотораго умиленія усматриваю нашу способность комбинировать два элемента: потребность личной независимой дѣятельности для убѣжденія и склонность къ добровольному союзу между полноправными личностями... Сама служебная іерархія въ этихъ союзахъ сознательно вырабатывается всѣми членами, и каждый охотно подчиняется имъ же выбраннымъ руководителямъ».

Я, конечно, по необходимости передаю въ связной формѣ слышанное мною отъ англичанина въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ видѣ короткихъ и энергичныхъ фразъ, которыя поминутно прерывались затяжками изъ короткой трубки, не выходившей, можно сказать, изо рта моего собесѣдника. Кстати, табакъ въ Англіи отличный и, привыкнувъ переносить во Франціи отвратительный смрадъ столь популярнэго Caporal'я, вы съ стиннымъ наслажденіемъ, даже и не будучи курящимъ, можете плавать въ облакахъ этого благовоннаго дыма...

Но я замѣчаю, что, стараясь передать по возможности сжато вззгляды моего собесѣдника, я забѣжалъ очень сильно впередъ: послѣднія фразы нашего разговора заканчивались, можно сказать, въ виду Соутгамптона, около полудня, тогда какъ сѣлъ я на пароходъ наканунѣ часовъ въ 11 вечера. Правда, часовъ шесть я проспалъ въ каютѣ, но все же были и другія впечатлѣнія, которыя съ самаго утра осаждаютъ меня на пароходѣ. Такъ меня поразило обиліе воды, а особенно горячей, въ туалетной перваго класса, и масса разныхъ приспособленій и сосудовъ для основательной «чистки» всего пассажира: большихъ и малыхъ умывальныхъ тазовъ, банокъ для намыливанія и бритья, и т. п. Замѣтьте, дѣйствіе происходитъ на сравнительно небольшомъ и очень второстепенномъ пароходѣ, весь рейсъ котораго продолжается 12—13 часовъ. Этого не очень важнаго, если хотите, но все же ощутитель-

наго комфорта, вамъ не найти на соотвѣтствующихъ французскихъ судахъ...

Или вотъ еще разница: публика. Мнѣ кидается въ глаза отсутствіе тѣхъ импровизированныхъ, но обширныхъ группъ случайныхъ знакомыхъ, на которыя уже черезъ нѣсколько минутъ подѣлятся пассажиры французскаго парохода. Собесѣдники тутъ зачастую не знаютъ другъ друга и не захотятъ даже познакомиться поближе: сойдутъ на берегъ, сыграютъ въ воланъ взаимнымъ bonjour'омъ, и дѣло кончено. Но пока они очень довольны другъ другомъ: любезны, предупредительны, веселы, веселы потому, что могутъ людей посмотрѣть и себя показать... по части остроумія и общежитія. Шутки, смѣхъ, легкое злословіе и пересудъ надъ другими столь же случайными группами—какъ порою я люблю тебя, о словесное шампанское Галліи! какъ ты хлопаешь пробкою, и пѣнишься, и блещешь, и веселишь сердце, и легко испаряешься!..

Не то на англійскомъ пароходѣ. Конечно, и здѣсь знакомятся, но туго. Публика разбита на небольшія, устойчивыя кучки: семьи (по большей части болѣе многочисленныя, чѣмъ во Франціи), группы старыхъ знакомыхъ; много паръ: молодые, возвращающіеся, вѣроятно, изъ брачнаго путешествія, а то и просто женихъ и невѣста, или молодой человѣкъ и дѣвѣшка, у которыхъ, очевидно, возникаетъ симпатія другъ къ другу и которые серьезно знакомятся между собой тутъ же на глазахъ не вмѣшивающихся въ это дѣло родителей. Я внимательно, но само собою разумѣется по возможности незамѣтно, наблюдалъ за этими парами: конечно, и тутъ журчитъ вѣчная,—вѣчная, какъ вотъ это волнующееся море и вотъ какъ это голубое небо,—«пѣснь торжествующей любви», но тонъ, который, какъ извѣстно, дѣлаетъ музыку, не тотъ, ноты глубже и серьезнѣе и, какъ мнѣ показалось, положительно печальнѣе. Особенно остановила на себѣ мое вниманіе одна чета молодыхъ людей, судя по ихъ жестамъ, обращенію, обрывкамъ долетавшихъ до меня фразъ,—проектамъ путешествія, воспоминаніямъ,—старыхъ друзей дѣтства, давшихъ взаимно торжественное обѣщаніе принадлежать другъ другу. Онъ былъ бы типомъ классическаго англичанина, если бы при его высокомъ ростѣ, мускулистомъ, но худощавомъ торсѣ, длинномъ, но правильномъ лицѣ, коротко остриженныхъ волосахъ, спускавшихся клиномъ на вискахъ, и столь же коротко подстриженныхъ усахъ, у него были свѣтлые волосы и сѣрые глаза. Но онъ былъ совершенный брюнетъ, и притомъ очень красивый брюнетъ (я думаю, впрочемъ, что въ представленіи объ англичанинѣ, какъ о бѣлокуромъ и даже рыжемъ звѣрѣ— blonde Bestie, сказалъ бы Ницше—заключается значительная доля каррикатурнаго преувеличенія: на мой поверхностный

взглядъ мнѣ показалось, что среди англичанъ развѣ немногимъ больше блондиновъ, чѣмъ хотя бы среди населенія сѣверной Франціи). Она цвѣтомъ волосъ и глазъ гораздо ближе подходила къ антропологической—конечно, опять таки условной—формулѣ англичанки, и въ общемъ была скорѣе некрасива, черезчуръ тонка, черезчуръ угловата... Но что за великолѣпный, блистающій свѣжестью и здоровьемъ цвѣтъ лица! что за свѣтлый, откровенный, глубоко человѣчный взглядъ!

Они стояли близко другъ къ другу, прислонившись къ палубѣ; онъ слегка закрывалъ ее плэдомъ отъ вѣтра, и отъ времени до времени бралъ ее за руку,—мнѣ казалось—съ оттѣнкомъ дружбы, если хотите нѣжности, но не фамиліарности. Такъ спокойно не стоятъ молодые люди во Франціи. «Сидней... Сидней», чаще всего слышалось въ ихъ рѣчахъ,—вѣроятно, дѣло шло о поѣздкѣ въ далекую Австралію; говорилось тоже о какомъ-то отсутствующемъ Чарльзѣ, котораго оба они вспоминали съ большой любовью: мнѣ почему-то подумалось, что Чарльзъ долженъ быть братъ молодой дѣвушки. Отъ времени до времени она улыбалась при разговорѣ, но чаще всего отвѣчала серьезно и даже, какъ мнѣ казалось временами, подавляя плачущія ноты... Но все время свѣтилъ ея этотъ хорошій, прямой и шедшій прямо въ сердце взглядъ!..

И этотъ взглядъ въ общемъ я находилъ у большинства молодыхъ дѣвушекъ парохода. Первое время онъ даже поражаетъ васъ—не скажу въ общемъ непріятно, но странно и необычно: я говорю, конечно, о впечатлѣніяхъ человѣка, который болѣе полутора десятка лѣтъ прожилъ во Франціи и привыкъ встрѣчать со стороны мужчины довольно безцеремонный взглядъ «любителя» и знатока по части статей, устремленный на мысленно раздѣваемую женщину; а со стороны женщины или мастерское стрѣлянье и кокетничанье — зачастую очень изящное и умѣло скромное—глазами дамы, видавшей виды, или же неуловимый, мгновенный, какъ молнія, или, если хотите, какъ ударъ «моментальнаго фотографическаго аппарата», взглядъ искоса и изъ-подъ якобы опущенныхъ рѣсницъ молодой дѣвушки, которая, какъ будто и не глядя на васъ, успѣетъ въ двѣ-три секунды прекрасно разсмотрѣть ваши кавалерскія достоинства...

И вотъ, когда вы по французской привычкѣ обращаете свой уже безсознательно испытующій взглядъ (будемъ же откровенны, читатель!) на молодую англичанку, а она отвѣчаетъ вамъ прямымъ, порою комично-любопытнымъ взглядомъ—словно разсматривая курьезнаго звѣря—въ душѣ вашей проходитъ не скажу ураганъ, а изрядный вихрь смѣшанныхъ представленій и чувствъ: во-первыхъ, недоумѣніе,—что же это въ самомъ дѣлѣ: я на нее смотрю, и она на меня смотритъ, не

камелія же она, да и взглядъ не тотъ, черезчуръ много безкорыстнаго любопытства; во-вторыхъ, уморительное фарисейское негодованіе,—вѣдь извѣстно, что нашъ братъ—мужчина, въ иныхъ отношеніяхъ изрядный свинья, является въ то же время уморительно-добродѣтельнымъ фарисеемъ: «а, такъ ты вотъ какая негодница: на мужчинъ смотрѣть? И, не стыдно тебѣ? Погоди же»... Но затѣмъ вдругъ вашу душу прорѣзываетъ чувство стыда, и стыда опять-таки сложнаго, и низменнаго, и болѣе порядочнаго... Низменнаго, такъ какъ вамъ сейчасъ приходитъ въ голову, что разъ дѣвушка такъ просто, не волнуясь и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ интересомъ разсматриваетъ васъ, то, пожалуй, она успѣетъ разглядѣть, что вы не богъ знаетъ какой экземпляръ человѣческой расы даже и въ кавалерскомъ смыслѣ,—гдѣ же вамъ тягаться съ тѣми великолѣпными образцами мужественной красоты и силы, которыхъ вы находите столь часто между англичанами вообще, а англійскими спортсмэнами въ особенности?.. И, наконецъ, оттѣсняя въ сторону зоологическія стремленія орангутанга и культурныя вожделѣнія современнаго кавалера, вашу душу охватываетъ чисто-человѣческій стыдъ: «ну не мерзость ли смотрѣть такъ на эту женщину—человѣка, которая, можетъ быть, потому и разглядываетъ тебя съ такимъ любопытствомъ, что старается разгадать, каковъ смыслъ этого необычнаго для нея въ Англіи спеціально-испытующаго взгляда»!.. И вы уже по человѣчески раскрываете глаза и начинаете просто, съ симпатіей и любопытствомъ вглядываться въ этихъ порою совсѣмъ не «женственныхъ» дѣвушекъ...

Дѣйствительно, можетъ быть я сужу и поверхностно, но англійская жизнь, какъ мнѣ кажется, не развиваетъ въ такой степени, какъ французская, того искусственнаго разъединенія между полами, которое, насколько я могу понять, выработалось болѣе или менѣе во всѣхъ культурныхъ странахъ съ цѣлью (конечно, въ значительной долѣ безсознательною) увеличить напряженіе двухъ, такъ сказать, противоположныхъ электричествъ, стремящихся соединиться другъ съ другомъ—мужчины и женщины—и, стало быть, усилить чувственную привлекательность соединяющаго ихъ взрыва...

Замѣтьте, въ данный моментъ я не думаю морализировать, а стараюсь больше констатировать. Если вы полагаете, что цѣль цивилизаціи заключается въ обостреніи половыхъ аффектовъ, то съ этой точки зрѣнія французская жизнь устроена цѣлесообразнѣе. Если же вы думаете, что современная культура и безъ того черезчуръ проникнута этими аффектами, и чего намъ не достаетъ, такъ это—развитія сильныхъ, постоянныхъ, ровно свѣтящихъ и грѣющихъ чувствъ солидарности между всѣми членами общежитія, то съ этой точки зрѣнія

вы, несомнѣнно, отдадите предпочтеніе англійской жизни. Позвольте мнѣ еще остановиться для контраста на полярной противоположности половъ во Франціи. Вотъ что мнѣ пришлось слышать отъ нѣкой г-жи Б., старой пріятельницы Жоржъ Сандъ, такой же, какъ послѣдняя, эмансипированной дамы и почти до самой смерти своей (она умерла недавно чуть не 80-ти лѣтъ) сохранившей живость ума и способность наслаждаться жизнію. «Вы правы: у насъ во Франціи съ человѣческой точки зрѣнія отношенія между полами зачастую возмутительны; постель играетъ у насъ черезчуръ большую роль, и это является, между прочимъ, помѣхою для эмансипаціи женщины, которая, замѣтьте это, не менѣе мужчины не хочетъ измѣненія существующихъ условій. Но не забывайте, что мы, кажется, нарочно устроили всю свою жизнь такъ, чтобы міръ половыхъ отношеній сохранялъ для насъ непропорціонально большую привлекательность. Вотъ почему мы и разобщили такъ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ и вообще создали такъ много препятствій для простыхъ дружескихъ отношеній между мужчиной и женщиной. Напримѣръ, вы видѣли, конечно, какъ происходитъ дѣло на нашихъ французскихъ балахъ: кавалеры сбились къ одной сторонѣ; дамы, особенно дѣвицы образуютъ изъ себя въ другой сторонѣ цѣлую гирлянду изъ прекрасныхъ, хихикающихъ и сплетничающихъ цвѣтовъ. Но вотъ заиграла музыка: каждый подходитъ къ каждой, и пока гремятъ и стонутъ упоительные звуки вальса, смотрите, какъ тѣсно и нервно, въ полузабвеніи, сплелась любая чета танцоровъ... Затихли инструменты, и снова кавалеры къ одной сторонѣ, дамы къ другой... О чемъ говорить, когда все было такъ краснорѣчиво сказано въ жару ритмическихъ объятій, и когда вся душа еще переполнена поэзіей недавней близости тѣла?.. А замѣтили вы также, какъ мы, французы, цѣлуемся въ пріятельскомъ кругу, и какъ даже родители цѣлуются съ дѣтьми? Всегда другъ друга въ щеку, никогда въ губы! Мои губы, скажетъ вамъ любая француженка, только для губъ мужчины, котораго я люблю: оттого у насъ поцѣлуй такой любви словно подстрѣливаетъ все тѣло... Прерывающійся токъ, знаете ли, сильнѣе,—заключила, хитро улыбаясь и погружаясь въ міръ своихъ многолѣтнихъ воспоминаній, эманципированная, старая и умная женщина (я вообще очень высоко ставлю французскій умъ, и въ женщинѣ, можетъ быть, онъ еще живѣе и воспріимчивѣе: при благопріятныхъ условіяхъ, французская женщина можетъ явиться однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ типовъ будущаго человѣчества)...

Вотъ этой-то интенсивности полярной противоположности между полами я не замѣтилъ въ Англіи, и, признаться, легче и свѣжѣе дышалось въ этой менѣе электризованной атмосфе-

рѣ... Возвращаюсь опять таки къ первымъ впечатлѣніямъ на пароходѣ... Меня поразило также число паръ гулявшихъ молодыхъ пріятельницъ: обвивъ другъ другу талію, держась руками, онѣ оживленно щебетали на томъ полу-птичьемъ языкѣ, который представляетъ собой англійскій, этотъ въ извѣстной степени безкостный говоръ, изъ котораго выгнаны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ характеристичныхъ звуковъ, рѣзкія согласныя, особенно нашъ континентальный *р*, а гласныя принимаютъ неопредѣленныя, промежуточныя формы... Говорю это не въ критику языку (какъ угодно было то дѣлать нашему Гоголю), а скорѣе въ одобреніе: прислушайтесь къ англійскому, какъ его произносятъ въ особенности молодые и свѣжіе голоса англичанокъ, это дѣйствительно гармоничное птичье щебетаніе...

О чемъ же щебетали прогуливавшіяся пары подругъ, въ отношеніяхъ которыхъ можно было замѣтить такъ много искренней здоровой привязанности и такъ мало монастырскаго и пансіонскаго «обожанія»? О разномъ! Большинство совершенно по дѣтски отдавалось непосредственнымъ впечатлѣніямъ путешествія: говорили о пѣнившихся вокругъ «Соутгамптона» волнахъ, о струйкѣ дыма отдаленнаго парохода, о все росшихъ и приближавшихся берегахъ Англіи, слѣдили за бѣлой чайкой, взмывавшей надъ мачтой; много разсказывалось о прежнихъ путешествіяхъ, о видѣнномъ раньше, о домашнихъ и знакомыхъ; игры занимали очень большую роль въ воспоминаніяхъ; о спортѣ и о принимавшихъ въ немъ участіе знакомыхъ молодыхъ людяхъ говорилось много и съ энтузіазмомъ знатока; слышалось немало изъявленій любви и къ музыкѣ,— безпристрастіе заставляетъ меня прибавить: «любви несчастной», ибо музыка не платитъ англичанамъ взаимностью... Не музыкальная это нація: добросовѣстности много, но таланту почти ни на волосъ. Хоровое церковное пѣніе, гдѣ дѣло идетъ о силѣ, торжественности, сознаніи принадлежности вѣрующаго къ великому цѣлому, еще очень недурно; дѣтскія простыя пѣсенки и забавны словами, и милы мотивомъ. Но романсы, но лирическое пѣніе, особенно чувствительно-патріотическія «партіи голосовъ» по большей части лишены выраженія, а поются хоромъ невозможно фальшиво... Одинъ «My father's home», распѣваемый столь часто на скамьяхъ большихъ экскурсіонныхъ повозокъ, чего стоитъ! Я его такъ наслушался при встрѣчѣ съ пикникирующими англичанами, что прямо возненавидѣлъ и мысленно желалъ этому «отеческому дому» скорѣйшей погибели отъ труса, мора, глада и даже нашествія иноплеменниковъ...

Но я отклонился въ сторону. Нѣкоторыя пары просматривали вмѣстѣ журналы, по большей части иллюстрированные

«магазины». Группа дѣвушекъ постарше—по мнѣнію мистера Э., которому я показалъ ее, учительницы или члены какого нибудь политическаго клуба—съ оживленіемъ читала и обсуждала какую-то, повидимому, серьезную книгу. Мы полюбопытствовали съ манчестерцемъ—или вѣрнѣе, я подбилъ его согрѣшить и под отрѣть заглавіе,—что это была за книга: оказалось, стенографическій отчетъ процесса, который, если не ошибаюсь, былъ вчиненъ правительствомъ за безнравственность и безбожіе противъ Брадло и Анны Бэзантъ въ началѣ 80-хъ годовъ.

Что поражало во всѣхъ этихъ дружескихъ парахъ, это отсутствіе жеманничанья, смѣха и кокетничанья манерами и словами для галлереи, для постороннихъ наблюдателей, что такъ непріятно проявляется порою даже у очень милыхъ французскихъ дѣвушекъ, зачастую настоящихъ дѣтей... Здѣсь говорили и смѣялись для себя, потому что дѣйствительно было интересно или весело; и невольно, по ассоціаціи идей, въ головѣ моей возникали типы хорошихъ русскихъ дѣвушекъ изъ интеллигентной среды, простыхъ и свободныхъ въ обращеніи, пылкихъ идеалистокъ, вѣрныхъ товарищей въ счастіи и несчастіи...

Я прохаживался по палубѣ и мысленно держалъ къ щебечущимъ англичанкамъ такую рѣчь,—надѣюсь, что читатель позволитъ впасть мнѣ въ идейный энтузіазмъ, съ благословенія англичанина, который совѣтовалъ не бояться быть смѣшнымъ:

Милыя дѣвушки! дорогія сестры! примите и меня въ свою среду, какъ старшаго брата, который больше вашего видѣлъ, думалъ и, можетъ быть, больше знаетъ... Дайте мнѣ вашу руку и позвольте принять участіе въ вашей прогулкѣ по кораблю, въ вашихъ разговорахъ и вашемъ смѣхѣ. Мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ, съ какимъ восторгомъ я смотрю на ваши свѣжія лица, ваши сіяющіе глаза, потому что вы нап инаете мнѣ вашихъ восточныхъ, русскихъ сестеръ... Мнѣ хотѣлось бы передать вамъ, какъ у васъ съ ними много общаго, не смотря на крайнее несходство окружающихъ условій. Я воспользовался бы, какъ введеніемъ, вотъ этимъ стенографическимъ отчетомъ, который вы читаете...

Моя мысленная рѣчь была прервана легкимъ ударомъ по плечу: предо мною стоялъ мистеръ Э. и приглашалъ меня спуститься въ буфетную каюту, чтобы выпить бутылку элю за «прогрессъ русскаго народа».—Охотно, если вы позволите роспить съ вами другую бутылку за «счастіе Англіи».

«Here's luck... Chin-chin», прибавилъ я любимую англичанами восточно-океанскую формулу тоста, которой столько разъ пр ѣтствовалъ меня одинъ чисто личный пріятель ирландецъ, служившій офицеромъ въ Остъ-Индіи...

Но уже раздалось лязганье ворота, сматывавшаго канатъ: мы причаливали къ набережной Соутгамптонскаго порта. Крѣпкое пожатіе руки со стороны англичанина: «очень, очень доволенъ нашимъ знакомствомъ; если будете въ Манчестерѣ, я къ вашимъ услугамъ...» Четверть часа докучливыхъ, мелкихъ хлопотъ: жду, пока вытащутъ на берегъ моего стального коня; затѣмъ иду въ таможню, гдѣ процедура, впрочемъ, далеко не такъ сложна и строга, какъ на континентѣ. «Нѣтъ крѣпкихъ напитковъ, табаку?» — спрашиваетъ таможенный. — Ничего, кромѣ бѣлья, отвѣчаю я, и получаю разрѣшеніе взять свой небольшой, прилаженный для велосипеда пакетъ, покрытый толстой непромокаемой матеріей... Я замѣчаю, что у англичанъ (и, если не ошибаюсь, у американцевъ) есть хорошее обыкновеніе снабжать свои вещи, чемоданы, сундуки мѣдными дощечками, на которыхъ обозначены имя, фамилія и адресъ пассажира. По этимъ указаніямъ вещи для осмотра и складываются носильщиками въ алфавитномъ порядкѣ на длинныхъ таможенныхъ столахъ, А. къ А., В. къ В. и такъ далѣе.

А, чуть было не забылъ упомянуть о вещи, непріятной для васъ, о мои собраты-велосипедисты! Въ таможнѣ же служащій съ парохода (который не успѣлъ подойти ко мнѣ на «Соутгамптонѣ») взыскалъ съ меня 3 шиллинга за провозъ машины. И эти шиллинги преслѣдуютъ велосипедиста и на желѣзныхъ дорогахъ Англіи. За велосипедъ, отправляемый багажемъ при пассажирѣ, взимаютъ сумму по разстоянію, такъ что даже въ томъ случаѣ, когда разстояніе не превышаетъ 50 миль, вы платите цѣлый шиллингъ. Привыкнувъ къ безплатному провозу вашей машины во Франціи на любомъ разстояніи (если не считать двухъ су за прописку багажной квитанціи), вы проклинаете англійскія желѣзнодорожныя общества, которыя, сверхъ того, не берутъ никакой отвѣтственности за ломку велосипеда... Не хорошо, господа островитяне, а еще спортсмэнами вы называетесь: вотъ вамъ маленькая практическая «реформа» — возите велосипеды даромъ!

III.

Кончивъ таможенныя формальности, я вышелъ изъ воротъ, притянулъ ремнями свертокъ къ рулю велосипеда — и маршъ въ городъ. Путь лежалъ сначала по набережной знаменитаго Соутгамптонскаго порта, въ которомъ, какъ извѣстно, перебываетъ за годъ болѣе двухъ тысячъ судовъ, представляющихъ болѣе двухъ съ половиною милліоновъ англійскихъ тоннъ, не считая всѣхъ этихъ пассажирскихъ пароходовъ, дѣлающихъ рейсы во Францію (Гавръ, Сэнъ-Мало, Шербургъ), въ много-

численные порты Англіи, въ Южную Америку, въ Вестъ-Индію, въ Нью-Іоркъ, на мысъ Доброй Надежды, и т. д. Меня поражаютъ обширность и живость всего этого движенія, которое отъ набережной далеко заходитъ и въ самый городъ: въ Соутгамптонѣ нѣтъ, если не ошибаюсь, и 70,000 жителей, но жизнь кипитъ такая, какую вы найдете во Франціи развѣ въ городѣ съ 200,000—300,000 жителей. Рядъ громадныхъ доковъ; по набережной многоэтажные, закопченные склады; влѣво, въ сторонѣ моря, лѣсъ мачтъ; пароходы снуютъ, посвистывая, во всѣхъ направленіяхъ, или же стоятъ въ ожиданіи отхода, разводя пары и посылая въ небо густые клубы изжелта-чернаго дыма... И небо успѣло уже стать чисто-англійскимъ, дѣловымъ, серьезнымъ небомъ... Накрапываетъ дождикъ; вокругъ меня, по набережной, катятся съ громомъ тяжелые возы съ грузомъ; идутъ торопливо занятые люди, тогда какъ толпы мальчишекъ предаются уличнымъ играмъ и глазѣнью... Количество дѣтей поражаетъ меня по сравненію съ Франціей: столько ребятишекъ найдешь развѣ въ рабочихъ кварталахъ Парижа, вечеромъ, когда отцы и матери возвратились съ фабрикъ, и семьи высыпаютъ на улицу... Я нахожу, что во Франціи дѣти одѣты чище: нѣтъ такой массы рваныхъ куртокъ, еле держащихся штановъ и невозможно стоптанныхъ башмаковъ. Но и чисто одѣтыхъ дѣтей очень много; никто не смотритъ за ними, они цари улицы. Мальчики и дѣвочки играютъ вмѣстѣ, и игры ихъ буйныя: бѣгаютъ, толкаютъ другъ друга, ловко ныряя между катящимися экипажами... Ѣзда быстрѣе французской, но порядку больше: въ вашемъ направленіи всѣ ѣдутъ налѣво, встрѣчные берутъ на вашу правую сторону,—стараюсь и я пріучиться къ этой, уже извѣстной мнѣ, впрочемъ, съ Джерси особенности. Масса велосипедистовъ,—многіе, очевидно, ѣдутъ по дѣлу, и не мало между ними простыхъ рабочихъ, зачастую на допотопныхъ невозможныхъ машинахъ... Велосипедистки всѣ въ длинныхъ платьяхъ, ни одной въ шароварахъ, на французскій манеръ; не смотря на сѣрую дождливую погоду, многія въ легкихъ, зачастую бѣлыхъ платьяхъ: я замѣчаю, что англичанки вообще любятъ яркіе цвѣта, которые далеко не всегда подобраны удачно; нѣкоторыя очень ловко маневрируютъ велосипедомъ, держа одной рукой зонтикъ. Мостовая и шоссе по бокамъ много хуже французскихъ; улицы грязнѣе: вѣроятно, за усиленнымъ движеніемъ ихъ не успѣваютъ, какъ слѣдуетъ, убирать.

Проѣзжаю мимо статуи принца Альберта,—ниже всякой критики: въ Англіи музыка и статуи будутъ преслѣдовать меня своимъ отсутствіемъ выраженія, чтобы не сказать безвкусіемъ или, наоборотъ, неудачной претензіей на нѣчто классическое... Вотъ и настоящій городъ, вотъ и главная улица. Нѣсколько

интересныхъ старинныхъ домовъ. Масса магазиновъ. Меня поражаетъ обиліе рекламъ и вообще печатнаго слова и изобразительной уличной, такъ сказать, литературы, приложенной къ торговлѣ. Не говорю уже о гипнотизирующихъ прохожаго колоссальныхъ афишахъ, восхваляющихъ безчисленное количество разъ удивительныя свойства какого-нибудь продукта, прямо на манеръ акаѳиста: «шоколадъ сладчайшій, шоколадъ пріятнѣйшій, шоколадъ полезнѣйшій, шоколадъ — радость сердца, шоколадъ—отрада чувствъ; покупайте шоколадъ только такой». Или: «всякій порядочный джентльмэнъ долженъ умываться такимъ-то мыломъ, оно негра дѣлаетъ бѣлымъ, судите, что оно сдѣлаетъ съ вами». И тутъ же гигантская картина, изображающая постепенное обѣлѣніе негра, съ котораго полосами спадаетъ родимый черный цвѣтъ, въ то время какъ лужи мыльной воды становятся кругомъ негра все чернѣе и чернѣе. Я нахожу, что эти рекламныя афиши не такъ изящны, каковы порою французскія, и обнаженнаго женскаго тѣла рисуется гораздо меньше, но юмора, и подчасъ прямо чудовищнаго, болѣзненнаго въ своемъ остроуміи, гораздо больше. Этотъ врожденный геній каррикатуры сказывается и на произведеніяхъ величайшихъ художниковъ Англіи во всѣхъ областяхъ искусства...

Но не говоря уже объ этихъ крупныхъ рекламахъ, всѣ окна магазина заполнены торговой литературой. Во Франціи берутъ изяществомъ—иногда, по истинѣ удивительнымъ—выставки за стекломъ, и по большей части наклеиваютъ лишь цѣны; въ Англіи чуть не къ каждой самомалѣйшей вещицѣ приложенъ объяснительный ярлыкъ, почти мемуаръ: почему, молъ, надо покупать такой-то продуктъ,—откуда идетъ, какую счастливую «оказію» представляетъ, какими качествами обладаетъ. Посмотрите въ особенности на окна магазиновъ мелкихъ галантерейныхъ и прочихъ издѣлій или табачныхъ лавокъ: прямо меркантильная хрестоматія!..

Дождь накрапываетъ все сильнѣе и сильнѣе; распускаю свой макинтошъ и надѣваю капюшонъ. Но тщетно; Англія, которая сегодня утромъ такъ предательски манила меня къ себѣ своими бѣлыми берегами и голубымъ небомъ, въ порывѣ своего островного юмора направила на меня сверху гигантскій холодный душъ, приводящій въ отчаяніе не столько силою, сколько постоянствомъ. Совсѣмъ на выѣздѣ изъ Соутгамптона, направляясь по дорогѣ въ Ромсэ, я вынужденъ искать убѣжища на постояломъ дворѣ, да и голодъ даетъ знать себя: уже два часа пополудни, а у меня куска во рту не было. Гостиница—первая, въ которую я вошелъ на британской землѣ—оказалась очень чистой и уютной. Пока хозяйка хлопочетъ надъ обѣдомъ, осматриваю комнаты и столовую, служащую вмѣстѣ съ тѣмъ и салономъ: масса бездѣлушекъ на каминѣ и двухъ-трехъ эта-

жеркахъ, вещицъ изъ страусовыхъ перьевъ, китайскихъ божковъ изъ кости, фарфору; бѣлыя вязанья прикрываютъ почти каждую мебель. По стѣнамъ пять портретовъ: королева Викторія, принцъ Уэльскій, Гладстонъ, Биконсфильдъ, Сольсбери. Кстати, изъ моего путешествія я вынесъ такое впечатлѣніе, что самый популярный человѣкъ въ Англіи, судя по гравюрамъ, это, послѣ королевы, «великій старецъ» (grand old man) Гладстонъ.

Обѣдъ. Скатерть ослѣпительной бѣлизны. Тарелки, ножи и вилки гораздо крупнѣе французскихъ. Хлѣбъ бѣлый нѣсколько прѣсенъ, но въ общемъ вкуснѣе того, который ѣшь обыкновенно во Франціи. Меню такое: яичница съ ветчиной и бифштексъ съ картофелемъ, ломтиками огурца въ уксусѣ, горчицей и всевозможными крѣпкими соусами и соями въ судкѣ. Большой стаканъ стаута, двѣ-три чашки крѣпкаго чая съ молокомъ, бутербродами, пудингомъ и двумя сортами варенья,— клубничнымъ и апельсиннымъ. Цѣна—½ шиллинга. Нахожу, что обѣдъ не очень разнообразенъ съ французской точки зрѣнія, но вкусенъ и сытенъ. Попрощавшись съ хозяйкой, которая на всякій случай показала мнѣ чистоту комнатъ для проѣзжающихъ и свѣжесть постельнаго бѣлья, пускаюсь въ путь къ Ромсэ, до котораго миль восемь, такъ около 13 километровъ. Моя дорога лежитъ возлѣ восточной опушки знаменитаго «Новаго лѣса» (New Forest), въ который, къ сожалѣнію, мнѣ некогда заѣзжать; но и съ дороги я вижу развертывающуюся влѣво отъ меня безконечную, зеленую вблизи и синѣющую на горизонтѣ, стѣну изъ высокихъ деревьевъ. Впрочемъ, мѣстность эта вообще лѣсистая, и скоро по бокамъ дороги бѣгутъ мимо меня и машутъ своими отяжелѣвшими отъ недавняго дождя вѣтвями гигантскіе дубы и вязы. Мнѣ это напомнило слегка дубовыя рощи Бретани, но куда же мощнѣе островныя деревья! И это впечатлѣніе мощности новой страны начинаетъ отдѣляться отъ всего, что я вижу по пути, и скоро цѣликомъ охватываетъ мою жадную до свѣжихъ ощущеній душу. Между рощами разстилались порою необыкновенно зеленые и роскошные луга, какіе я видалъ лишь въ самыхъ жирныхъ долинахъ Нормандіи; но чего я не видалъ во Франціи, это такихъ же мощныхъ хлѣбныхъ полей. Что за овсы, что за исполинскія воинства пшеничныхъ и ячменныхъ колосьевъ, уходившихъ порою за горизонтъ! А стада жирныхъ овецъ, которыя подъ надзоромъ пастуха и подпаска попадались мнѣ порою въ перелѣскахъ! А медленно и грузно передвигающіяся толпы свиней, которыя поражаютъ меня своимъ громаднымъ туловищемъ, маленькими ножками и необыкновенно комичнымъ рыломъ съ короткимъ, не по свински вздернутымъ носомъ и иронически посматривающими глазками, точно надъ созданіемъ этихъ кар-

рикатурно-очеловѣченныхъ мордъ трудился колоссально-чудовищный юморъ Гогарта!...

Я скоро замѣчаю общую характеристичную черту англійскаго пейзажа: деревня въ русскомъ или французскомъ смыслѣ почти отсутствуютъ. Вамъ попадаются или сравнительно большія скопленія городского населенія, или же разсѣянныя крупныя фермы и небольшіе коттеджи, или, наконецъ, громадныя помѣстья съ историческими замками и великолѣпными парками. Но вы тщетно ищете знакомаго вамъ скученья деревенскихъ грязныхъ домовъ и домишекъ, общественнаго пруда съ десяткомъ моющихъ бѣлье и стрекочущихъ бабъ, дѣтишекъ, гоняющихся по улицѣ за собаками и гусями. Ибо отсутствуетъ и самый соціальный классъ, создающій эту архитектуру и этотъ пейзажъ,—русскій мужикъ—общинникъ или французскій мелкій собственникъ—крестьянинъ. На протяженіи нѣсколькихъ километровъ я даже ошибался относительно назначенія нѣкоторыхъ кокетливыхъ коттеджей, находившихся на опушкѣ огороженныхъ парковъ, населяя ихъ мысленно семьями мелкихъ, но зажиточныхъ фермеровъ: то были жилища привратниковъ большихъ помѣстій, сами собственники которыхъ скрываются отъ любопытныхъ взоровъ за тѣнистыми аллеями дубовъ, липъ и вязовъ, въ своихъ родовыхъ замкахъ.

Я скоро убѣдился въ своей ошибкѣ, присмотрѣвшись къ упомянутымъ коттеджамъ, которые, отличаясь другъ отъ друга въ деталяхъ, въ общемъ представляли одинъ архитектурный типъ; то были, въ сущности, не столько дома, сколько громадныя, съ гербомъ на верху, ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ находились помѣщенія сторожей, и все это подъ одной общей кровлей, съ крылечками по бокамъ и цвѣтникомъ подъ окнами... Я припомнилъ, что видѣлъ уже такіе красивые дома—ворота на Джерси, напр., въ Сэнтъ-Уанскомъ помѣстьѣ (Saint-Ouen's Manor), на сѣверо-западѣ острова. А вскорѣ видъ двухъ-трехъ выглядывавшихъ изъ-за рощъ обширныхъ господскихъ зданій убѣдилъ меня въ вѣрности такого предположенія, подтвержденнаго разговоромъ въ сельскомъ кабакѣ, уже по пути изъ Ромсэ въ Уайтпаришъ...

За Ромсэ дорога становилась все живописнѣе, но и труднѣе: долины слѣдовали за долинами, подъемъ за подъемомъ; сдавленное съ обѣихъ сторонъ громадными деревьями тѣнистаго лѣса, узкое, размоченное дождемъ и не просохшее глинистое шоссе безъ конца вилось грязно-желтой лентой. Въ поляхъ, на просѣкахъ, летали стада воронъ, отъ карканья которыхъ я совсѣмъ уже отучился, было, во Франціи, гдѣ ихъ почти не встрѣчаешь, особенно лѣтомъ. Снова пошелъ дождь, и весь забрызганный жирной англійской грязью, усталый, но очарованный новымъ для меня пейзажемъ, я зашелъ въ не-

большую таверну, стоявшую на перепутьѣ. Тамъ-то говорливая хозяйка и окончательно разрѣшила мои сомнѣнія насчетъ домовъ—коттеджей, а вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ, что имѣлъ честь и счастіе ѣхать послѣдніе полчаса по одному изъ многочисленныхъ громадныхъ владѣній лэди Ашбертонъ (Ashburton), каковая живетъ невдалекѣ, миляхъ въ двухъ отъ дороги. Вотъ суть моего разговора съ кабатчицей: «А что же, хорошая это дама, лэди Ашбертонъ?»—Да... такъ... ничего себѣ... Богатая—вотъ это вѣрно!—«Небось, никогда ее здѣсь и не увидите? Все больше въ Лондонѣ, да по разнымъ моднымъ мѣстамъ?»—Нѣтъ, этого сказать нельзя: большую часть года живетъ здѣсь, въ ближнемъ замкѣ, за церковью... Но только...—«Но что же только?»—Да горда очень: простой народъ любитъ держать на разстояніи (to keep at a distance)... Помогаетъ, но такъ вамъ поможетъ, что лучше бы и не помогала... И не то, чтобы злое сердце имѣла, а такъ, знаете, изъ-за чванства...»

По дорогѣ въ Сольсбери черезъ Уайтпаришъ я былъ очарованъ видомъ и освѣщеніемъ обширнаго англійскаго пейзажа, который развернулся передо мной съ высоты холмовъ, поднимающихся на границѣ Гэмпширскаго и Вильтскаго графствъ: въ воздухѣ происходила борьба солнца съ дождемъ; мѣстами сизыя покрывала отдаленной грозы висѣли, колеблясь, съ неба; мѣстами—необыкновенно раскрашенные, огненные лучи солнца освѣщали цѣлый край горизонта,—и бѣлѣвшія колокольни отдаленныхъ городовъ, и волнами встававшіе ряды холмовъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ, и желтыя поля пшеницы и ячменя, и изумрудные луга... Я нахожу, что главная прелесть англійскаго ландшафта заключается именно въ необыкновенномъ разнообразіи и свѣжести промежуточныхъ тоновъ, въ эффектной сложности переходовъ отъ свѣта къ тѣни. Это словно гигантская незасохшая еще фреска геніальнаго художника! Можетъ быть, небо, даже въ лучшіе дни, не такъ сине, какъ, напр., во Франціи, особенно же южной, можетъ быть, солнце не такъ блестяще; темныя и освѣщенныя части пейзажа не разграничены, можетъ быть, съ такой рѣзкой, имѣющей своеобразную прелесть опредѣленностью, которая такъ веселитъ вашъ взглядъ на очаровательномъ побережьѣ французскаго Средиземнаго моря, въ Каннахъ, Ниццѣ, Ментонѣ. Но для нашей, мечтательной и болѣе или менѣе меланхоличной души сѣверянина тамъ нѣтъ достаточно поэтической таинственности. Васъ болѣе удовлетворитъ напоенный влажностью, мягкостью и задумчивостью пейзажъ Англіи...

И я спѣшу прибавить: то зависитъ и не отъ одной природы, но и отъ человѣка. По моему мнѣнію, изъ современныхъ націй англичане ближе всего подошли къ рѣшенію задачи первостепенной важности: какъ эксплоатировать природу, не

срывая съ нея поэтическаго покрывала, или, выражаясь грубѣе, не загаживая ея. Крупное раціональное хозяйство Англіи съ ея плодоперемѣнной системой, обиліемъ лѣсовъ и пастбищъ, мощными хлѣбными нивами, сравнительно небольшимъ и снабженнымъ машинами сельскимъ населеніемъ, размахомъ и обширностью владѣній, обиліемъ и крупнотой скота,—это хозяйство, по моему мнѣнію, даетъ возможность планомѣрному и широкому пользованію природой, не дробя ее на куски, не превращая этихъ кусковъ въ хаосъ микроскопическихъ враждебныхъ владѣній и, стало быть, не измельчая, не раздергивая въ стороны и не калѣча великихъ силъ, вложенныхъ въ землю, воду и воздухъ...

Замѣтьте, это—панегирикъ не лорду, который зачастую и не видитъ своего помѣстья, а организованной человѣческой работѣ: рабочимъ при машинахъ и фермеру или управляющему. Подставьте вмѣсто подневольныхъ батраковъ, капиталиста—фермера или празднаго лорда, подставьте свободный союзъ земледѣльческихъ производителей—и ихъ раціональная технологія будетъ еще бережливѣе обращаться съ нашей общей матерью—природой, и еще неприкосновеннѣе будетъ сохраняться поэзія пейзажа...

Сравнительная малочисленность сельскаго населенія и отсутствіе деревень придаютъ, несомнѣнно, лишній колоритъ поэзіи англійской природѣ, которая кажется, благодаря рѣдкости людей на поляхъ, болѣе пустынной, свѣжей и непочатой. Но неудобство отъ этого для путешественника тоже немалое: просто спросить не у кого о дорогѣ, тѣмъ болѣе, что я проѣзжалъ въ такое время, когда страна была особенно пустынной. Жатва даже въ этой южной части Англіи едва-едва начиналась, и я всего раза два встрѣтилъ громадные жатвенные локомобили, которые тяжело катились по размоченной дорогѣ; да отъ времени до времени замѣчалъ на нѣкоторыхъ распахиваемыхъ поляхъ массивные плуги, запряженные четверкой лошадей съ возницей, который сидѣлъ впереди на козлахъ...

Но вотъ у подножія холма завиднѣлась башня знаменитаго собора города Сольсбери, куда я быстро катился по длинному крутому склону... Остановка на постояломъ дворѣ и ознакомленіе съ англійскимъ ночлегомъ. Хозяйка сушитъ у огня и чиститъ мой костюмъ; я въ отведенной мнѣ комнатѣ вытираюсь съ головы до ногъ и мѣняю бѣлье, зашнурованное въ моемъ непромокаемомъ сверткѣ. Воды сколько угодно; обиліе большихъ мохнатыхъ полотенецъ удивительное... Кстати, всѣ сосуды для дневного и ночного употребленія (sit venia verbo!) поражаютъ своими размѣрами: ихъ діаметръ раза въ два больше соотвѣтствующихъ французскихъ... Чай-ужинъ и сонъ.

На кровати матрасовъ, простынь и одѣялъ наложено не мало, но постель рѣшительно хуже эластичной французской постели: по части вкусной и разнообразной кухни и умѣнья стлать постель французы—первый народъ въ мірѣ; англійское же ложе, какъ бы это сказать?—безъ всякаго выраженія и спальной гастрономіи—не твердо, но и не мягко... День первый моего пребыванія въ Англіи: я засыпалъ въ Сольсбери, въ 28 миляхъ или 37 километрахъ отъ Соутгамптона...

IV.

29 августа. Мрачное, холодное и вѣтреное утро, но дождя нѣтъ: и то хорошо! Иду осматривать главный городъ Вильтскаго графства и его знаменитый соборъ. Уличныя сцены тѣ же, что въ Соутгамптонѣ, но оживленія гораздо меньше; за то нѣкоторыя улицы и особенно нѣкоторые старинные дома съ деревяннымъ, рѣзнымъ фасадомъ носятъ крайне любопытный средневѣковый характеръ. Не стану описывать вамъ подробно сольсберійскую каѳедральную церковь, которая пользуется такой широкой извѣстностью среди англійскихъ и вообще европейскихъ археологовъ, какъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ чистаго англійскаго стиля ранней эпохи (XIII вѣкъ). Меня она поражаетъ мощнымъ и гармоничнымъ стремленіемъ къ небу цѣлой каменной массы, въ которой преобладаютъ не столько стрѣльчатыя, угловатыя формы, сколько вертикальныя и горизонтальныя линіи, встрѣчающіяся подъ прямымъ угломъ и все выше и выше поднимающіяся кверху, пока весь соборъ не бросаетъ въ небо знаменитой каменной иглы своей колокольни, умирающей въ пространствѣ на 406 футахъ высоты (124 метра): кажется, это самая высокая церковная башня въ Англіи. Лучше всего, по моему мнѣнію, мощный и элегантный силуэтъ собора виденъ съ плитъ Cloisters, этой архитектурной формы, которая такъ часто встрѣчается въ церквяхъ Англіи и которая состоитъ изъ примыкающей къ зданію квадратной крытой галлереи съ дворомъ внутри, служившимъ по большей части кладбищемъ и покрытымъ до сихъ поръ густой, стриженой травой. На дворѣ сольсберійскаго Cloisters два громадные кедра разстилаютъ свои типичныя, въ нѣсколько этажей - плоскостей, вѣтви. Другая деталь, которая очень сильно подчеркиваетъ красоту собора, это громадная, зеленая лужайка-площадь съ нѣсколькими рядами многовѣковыхъ гигантскихъ деревьевъ, площадь, отдѣляющая церковь отъ окружающихъ зданій: эту черту мы часто, впрочемъ, найдемъ во внѣшнемъ видѣ англійскихъ зданій. За осмотръ хоровъ, часовень, ризницы вы платите 6 пенсовъ «въ пользу бѣдныхъ»:

я нахожу, что англичане злоупотребляютъ этими поборами съ осмотра общественныхъ зданій. Проводникомъ нашимъ (кромѣ меня, соборъ осматривала утромъ партія англичанъ) былъ одинъ изъ главныхъ сторожей, страстный и знающій археологъ, который въ особенности сталъ говорливъ и интересенъ съ тѣхъ поръ, какъ показалъ намъ двѣ цвѣтныя картины на окнахъ, рисунокъ которыхъ принадлежитъ знаменитому Бернъ-Джонсу, выполненіе же не менѣе знаменитому Вилліаму Моррису, а я обмѣнялся съ нашимъ проводникомъ нѣсколькими замѣчаніями по поводу дѣятельности двухъ уже умершихъ друзей-артистовъ. Живопись по стеклу изображаетъ «Славословящихъ ангеловъ» (Angeli laudantes) и «Служительствующихъ ангеловъ» (Angeli ministrantes) и представляетъ великолѣпное, оригинальное воспроизведеніе средневѣковыхъ церковныхъ картинъ... Нашъ чичероне былъ пламеннымъ поклонникомъ Бернъ Джонса и Морриса и потому стоило кому нибудь изъ насъ обратить вниманіе на произведенія любимыхъ имъ художниковъ, какъ онъ превратился изъ оффиціальнаго проводника нашей партіи въ друга-энтузіаста, который съ любовью вводитъ своихъ новыхъ пріятелей въ кругъ захватывающихъ его душу вопросовъ... Я отмѣчаю эту черту спокойнаго, но глубокаго идейнаго энтузіазма, который встрѣчается нерѣдко у англичанъ и съ которымъ мнѣ пришлось столкнуться нѣсколько разъ во время моего столь кратковременнаго путешествія по Англіи...

Да позволитъ мнѣ читатель не останавливаться далѣе на осмотрѣ собора и его достопримѣчательностей въ видѣ разныхъ историческихъ могилъ—какого-то Германа, епископа XI столѣтія, нѣсколькихъ графовъ Сольсбери, старинныхъ предковъ настоящаго премьера Англіи, и т. п.—и пуститься далѣе по пути маршрута... Три четыре часа докучливаго блужданія по плохимъ дорогамъ, съ небрежно-разставленными мильными столбами и камнями, среди пшеничныхъ полей и кормовыхъ луговъ, такъ называемой, «Сольсберійской равнины» (Salisbury Plain), гдѣ не видать ни души, чтобы спросить о пути. А путь мой лежитъ въ Marlborough, откуда ведетъ начало имя Мальбруга, героя старинной нашей пѣсни. Но это имя, прозносимое на всѣ лады на континентѣ, по несчастію, произносится англичанами совершенно невозможно, и мнѣ приходится, по крайней мѣрѣ, два часа отчаянно бросать его, коверкая на всѣ лады, встрѣчающимся изрѣдка по дорогѣ повозкамъ и кабріолетамъ, пока, наконецъ, я не выучиваюсь выговаривать его болѣе или менѣе удовлетворительно и удобопонятно для мѣстныхъ жителей. «Мальборо»—не понимаютъ; «Мольборо»—тоже плохо; «Моллыборо»—нѣсколько лучше, но не важно: «Мол-л-л бёрё», дорогой читатель, «Мол-л-л-бёрё»—вотъ какъ приблизительно надо было произносить это

заколдованное слово, чтобы получить отвѣтъ на счетъ дороги!.. Дорога же эта, повторяю, однообразна и утомительна: вьется по глинѣ и плохо засыпанному щебню, ныряетъ внизъ и вверхъ съ пригорка въ ровъ, изъ рва на пригорокъ; а тутъ еще вѣтеръ прямо на встрѣчу, съ сѣвера; а тутъ, наконецъ, это проклятое лингвистическое упражненіе съ «Мо-л-л-л-бёрё»...

Проѣхалъ я Эмсбери, повернулъ вправо, не доѣзжая до Devizes (забылъ, какъ произносится: кажется, Дивайзисъ); лишь изрѣдка путь разнообразится долинами и перелѣсками. Красивые ландшафты начинаютъ снова попадаться только при приближеніи къ Marlborough, но ростутъ и трудности дороги. На одномъ очень крутомъ, длинномъ и каменистомъ подъемѣ я принужденъ слѣзть и отдохнуть. Пейзажъ восхитительный: позади, за скучной сольсберійской равниной, гряды отдаленныхъ лѣсистыхъ холмовъ; справа, неподалеку отъ холма, на перевалъ котораго я поднялся, страна принимаетъ почти совсѣмъ горный характеръ. То—Marlborough Hills: возвышенность слѣдуетъ террассой за возвышенностью, макушка выглядываетъ изъ-за макушки—оптическая иллюзія, придающая этимъ скромнымъ холмамъ видъ маленькихъ Альповъ; впереди, километрахъ въ четырехъ внизу отъ меня, но поднимаясь амфитеатромъ, великолѣпная панорама залитаго солнцемъ Мол-л-лбёрё съ его церковными башнями, садами и то сѣрой, то красной грудой зданій...

Впередъ, въ это заколдованное мѣсто—и черезъ нѣсколько минутъ крутого спуска я останавливаюсь у въѣзда въ небольшой городъ, близь рѣшетки обширнаго тѣнистаго парка, который развертывается впереди и съ боковъ цѣлаго ряда массивныхъ зданій, въ которыхъ преобладаетъ неприкрытый ничѣмъ, но красиво выглядывающій изъ-за темной зелени кирпичъ. Это и есть столь извѣстная въ Англіи школа Marlborough College, основанная въ 1845 г. и имѣющая въ настоящее время около 600 учениковъ,—родъ высшей гимназіи или лицея, кажется, успѣшно подготовляющаго къ университету, но дающаго и законченное среднее образованіе, главнымъ образомъ дѣтямъ духовенства. Мнѣ хотѣлось бы осмотрѣть этотъ «коллежъ», гдѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ воспитывался Моррисъ, славное имя котораго связано съ цѣлымъ рядомъ мѣстностей, лежащихъ на моемъ пути. Но ученики уже съ недѣлю какъ распущены на каникулы, крупное и мелкое начальство тоже отсутствуетъ, даже привратникъ сбѣжалъ куда-то, и я тщетно хожу отъ одной двери къ другой, ища входа. Меня выручаетъ сосѣдній полисмэнъ, который принимаетъ дѣятельное участіе въ моихъ поискахъ и котораго я угощаю однимъ изъ популярныхъ англійскихъ лакомствъ, обсахаренными «кокосовыми стружками» (cocoa-nut-chips), куп-

ленными въ сосѣдней же лавочкѣ: благодаря стараніямъ браваго блюстителя порядка, мы успѣваемъ, наконецъ, найти сторожа, который и ведетъ меня по обширнымъ корпусамъ коллежа.

Коллежъ какъ коллежъ: классныя комнаты, дортуары, по моему мнѣнію черезчуръ набитые кроватями; маленькія каморки для взрослыхъ учениковъ; помѣщенія побольше и покомфортабельнѣе для учителей, живущихъ тутъ же въ школѣ; обширная бибіотека, въ которой я невольно обращаю вниманіе на обиліе большихъ энциклопедическихъ лексиконовъ на главныхъ европейскихъ языкахъ; помѣстительныя кухни; громадный гимнастическій залъ, надъ входомъ въ который, въ доказательство традиціоннаго уваженія англичанъ къ классицизму, крупная надпись на греческомъ языкѣ: «да не внидетъ сюда никто, не знающій геометріи»; еще болѣе громадная столовая, стѣны которой, для возбужденія духа соревнованія въ ученикахъ и патріотизма, увѣшаны портретами знаменитыхъ политиковъ и полководцевъ Англіи, равно какъ мѣстныхъ «славъ» школы: ея директоровъ, вышедшихъ изъ нея ученыхъ, богослововъ, литераторовъ; тутъ же рядомъ исполинскія доски съ золотыми фамиліями учениковъ всѣхъ ежегодныхъ выпусковъ, начиная съ основанія школы. Ищу имени Морриса и не нахожу; обращаюсь къ сторожу, который знаетъ наизустъ имена великихъ, по его мнѣнію, мужей, вскормленныхъ коллежемъ: «Моррисъ?.. Вилліамъ Моррисъ?.. Нѣтъ, такого что-то не помню, а вотъ не хотите ли посмотрѣть портретъ канадскаго епископа, вышедшаго изъ нашей школы»?.. Любопытно знать, такъ же ли игнорируетъ Морриса и ученый персоналъ коллежа, какъ вотъ этотъ сторожъ-патріотъ...

Побывали мы и въ гимназической, великолѣпно украшенной капеллѣ; вошли на минуту въ учительскую курительную залу, которая вызвала вопросъ: «а гдѣ же курятъ ученики»? (Во Франціи куреніе не воспрещено)... Сторожъ даже вздрогнулъ отъ такого страшнаго вопроса и важно отвѣтилъ: «за куреніе у насъ ихъ въ первый разъ сѣкутъ (they are flogged), а во второй выгоняютъ»... Ну, это знакомая намъ съ вами, дорогой читатель, вѣрнѣйшая система пристрастить ребятъ къ запретному плоду, и я невольно задумался надо любовью англичанъ къ стариннымъ обычаямъ, отъ которыхъ они никакъ не хотятъ отдѣлаться, въ родѣ хотя порки въ школахъ... Мы вышли изъ коллежа, и обрадованный шестью пенсами сторожъ сталъ усердно объяснять мнѣ красоты и удобства разстилавшагося тутъ же передъ нами, по другую сторону улицы, «рекреаціоннаго поля», гдѣ будущіе богословы, законодатели и воители Великобританіи играютъ въ крикетъ, мячъ и другія національныя игры... «Спартанцы—да и только»,

насмѣшливо нашептывалъ мнѣ теперь въ ухо скептическій бѣсъ, расхолаживая мои до сихъ поръ безподмѣсные восторги англійскими порядками: «и атлетическими играми занимаются, и розгу культивируютъ, и даже надъ входомъ въ гимнастическій залъ греческую надпись закатили»...

«Я далъ ему злата, и проклялъ его».

И снова вскочилъ на коня своего, стараясь прогнать быстрой ѣздой насмѣшливую фистулу демона отрицанія. Вотъ и конецъ главной улицы, вотъ и старинная церковь осталась позади, и, взбираясь по крутому подъему налѣво, я пускаюсь по дорогѣ къ Фарингдону и знаменитой «Бѣлой лошади» (о каковой рѣчь будетъ ниже). Ландшафтъ продолжаетъ быть разнообразнымъ, и безпрестанныя ныряньяя вверхъ и внизъ по посредственному шоссе вознаграждаются видами волнистой, поросшей небольшими лѣсами страны. Километрахъ въ десяти за Marlborough и приближаясь уже къ Свиндону (Swindon), я начинаю поминутно встрѣчаться съ велосипедистами: по большей части рабочіе, на старыхъ-престарыхъ машинахъ, и почти каждый съ узелкомъ въ красномъ фулярѣ, въ родѣ русскихъ кумачныхъ платковъ; ѣдутъ—торопятся, лица и руки въ грязи и поту, видно и умыться путемъ не успѣли. Ихъ видъ напоминаетъ мнѣ, что я недалеко отъ крупнаго заводскаго центра: въ Свиндонѣ находятся громадныя мастерскія Западной желѣзной дороги (Great Western Railway), и значительная часть населенія и самого города, и окружающихъ мѣстностей работаетъ и служитъ на заводахъ компаніи, или же на другихъ, тому подобныхъ заведеніяхъ, которыя выросли въ цѣлый новый кварталъ... Но мнѣ некогда останавливаться для осмотра этого фабричнаго центра: я спѣшу добраться засвѣтло, по крайней мѣрѣ, до Фарингдона, чтобы заночевать тамъ,—пора мнѣ быть въ Оксфордѣ, пора быть въ Лондонѣ...

Судьба рѣшаетъ иначе: на невозможно крутомъ спускѣ изъ стараго города въ новое фабричное предмѣстье каучукъ моего задняго колеса проткнутъ острымъ, какъ игла, осколкомъ камня; хватаюсь за коробку съ растворомъ и гуттаперчей, чтобы заклеить дыру—трубочка лопнула, и растворъ вытекъ. Дѣлать нечего: возвращаюсь назадъ и захожу къ первому велосипедному фабриканту, прося поскорѣе починить машину. Хозяинъ, очень молодой, красивый, предпріимчивый англичанинъ, объясняетъ мнѣ, что его фабрика, одна изъ самыхъ большихъ въ Свиндонѣ, по его словамъ, представляетъ собой и важный провинціальный центръ велосипеднаго производства. Заплативъ за починку колеса и купивъ кстати англійскій звонокъ—ни люди, ни животныя не обращали вниманія на звуки моихъ французскихъ бубенчиковъ,—я хочу пуститься въ путь, но до Фарингдона двѣнадцать миль, а солнце

уже садится. «Не знаете ли вы здѣсь какого-нибудь порядочнаго, но недорогого постоялаго двора?» спрашиваю я фабриканта.—Какъ же, я знаю очень хорошій и дешевый отель, въ которомъ останавливаются всѣ купцы, промышленники и комми-вояжеры (commercial gentlemen). Я васъ провожу туда на велосипедѣ.—И вотъ мы пускаемся бокъ о бокъ въ путь, и скоро мой спутникъ рекомендуетъ меня хозяйкѣ и дочерямъ гостиницы, какъ иностраннаго джентльмэна, который путешествуетъ на велосипедѣ по Англіи и желалъ бы заночевать въ Свиндонѣ...

Отель оказался очень комфортабельнымъ и недорогимъ; посѣтители, дѣйствительно, все больше коммерсанты. У меня съ однимъ изъ такихъ господъ, крупнымъ торговцемъ мѣдной проволокой и прочими издѣліями изъ Бирмингама, завязывается разговоръ, который временами становится не безъинтереснымъ. «Скажите, пожалуйста, изъ-за чего вы стоите такъ въ Англіи за классическое образованіе»?—спросилъ я его, дѣлясь съ нимъ кой-какими соображеніями по поводу видѣннаго мною только-что Marlborough College.—«Мы не всѣ стоимъ за него, а особенно не для всѣхъ: для насъ, напр., дѣловыхъ людей и для нашихъ дѣтей мертвые языки, конечно, не нужны: это—пустая трата времени; но мы по большей части и не посылаемъ нашихъ дѣтей въ классическія школы: къ торговлѣ и практическому пониманію вещей надо пріучаться съ молоду, и въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, полезно обучать подростающее поколѣніе живымъ языкамъ, особенно нѣмецкому и французскому, посылать молодыхъ англичанъ на континентъ путешествовать, и т. п. Но вѣдь тѣ люди, которые отдаютъ своихъ дѣтей въ классическія школы, и не готовятъ ихъ къ торговлѣ, а къ либеральнымъ профессіямъ, къ административнымъ и судебнымъ должностямъ, ученой карьерѣ, духовному званію...» «Но на что и этимъ людямъ», продолжалъ разспрашивать я, «на что имъ, кромѣ развѣ спеціалистовъ-филологовъ, знать древніе языки? Какая польза скажемъ, губернатору Капской колоніи, или депутату промышленнаго центра, какъ Бирмингамъ, да, наконецъ, доктору, судьѣ отъ чтенія въ подлинникѣ Цицерона или Платона? Я уже не говорю о томъ, что большинство оффиціальныхъ классиковъ и не выучивается древнимъ языкамъ въ такой степени, чтобы болѣе или менѣе свободно и съ удовольствіемъ читать великихъ прозаиковъ и поэтовъ древности: для этого нужны дѣйствительная любовь къ античному и постоянное упражненіе».

— Это ничего не значитъ, отвѣчаетъ невозмутимо мой собесѣдникъ: понимаютъ ли они или нѣтъ на самомъ дѣлѣ древнихъ авторовъ, во всякомъ случаѣ надо, чтобы люди думали, что у насъ есть джентльмэны, понимающіе греческихъ

и римскихъ писателей. И это надо для Англіи, для ея международной репутаціи: пусть прочіе народы знають, что мы заняты не только практическими интересами,—насъ и то черезчуръ часто въ этомъ упрекаютъ хотя бы французы,—но что мы любимъ и безкорыстную науку... Но я думаю, что наши хотя бы политическіе дѣятели зачастую хорошо знаютъ древніе языки: посмотрите, сколько латинскихъ цитатъ попадается порою въ ихъ рѣчахъ, и я самъ порою не успокоюсь, пока мнѣ не объяснятъ смысла какой-нибудь такой фразы въ устахъ оратора...

Нашъ разговоръ естественно перешелъ на сравнительную оцѣнку современныхъ политическихъ дѣятелей, и я пожелалъ знать мнѣніе моего бирмингамца о Гладстонѣ, о депутатѣ его города Чемберлэнѣ, и т. п. «Вы не гладстоніанецъ? спрашиваю я: вамъ Чемберлэнъ, вѣроятно, больше по сердцу»?— Мы, можно сказать, изъ поколѣнія въ поколѣнія не любимъ радикальныхъ идей: мой дѣдъ и отецъ были консерваторами; я—либералъ, но либералъ-уніонистъ. Чемберлэнъ, дѣйствительно, мой человѣкъ, и я постоянно вотирую за него. А какой это простой и вмѣстѣ великолѣпный ораторъ: одѣтъ всегда, какъ джентльмэнъ, въ петличкѣ свѣжій цвѣтокъ, рѣчь произноситъ, словно ведетъ съ вами товарищескую бесѣду, а слушаешь и поминутно восклицаешь: вотъ—вотъ именно это я и думалъ самъ...

«Но развѣ вамъ нравится его крикливая, узко-британская политика, которая раздражаетъ сосѣдей? Говорятъ, Сольсбери постоянно приходится осаживать своего бурнаго коллегу».

— Политика Чемберлэна именно такая политика, какая нужна Англіи: мы идемъ впередъ и расширяемъ повсюду наше вліяніе; для честолюбивой, стремящейся все дальше и дальше націи нуженъ и такой же человѣкъ (for an aspiring nation—an aspiring man!)... А что Сольсбери останавливаетъ Чемберлэна, это понятно: нашъ депутатъ теперь въ цвѣтѣ политической зрѣлости, энергіи и смѣлой предпріимчивости, а у Сольсбери чувствуется уже излишняя осторожность старика...

«Но вѣдь Чемберлэнъ—крайне непривлекательный человѣкъ: это—типъ политическаго ренегата-честолюбца»...

— Какой же онъ онъ ренегатъ?—просто умный человѣкъ: понялъ, что нельзя прожить вѣкъ и даже принести пользу своей странѣ съ юношескими мечтаніями,—и бросилъ въ сторону этотъ вздоръ...

«Ну, а что вы скажете насчетъ Гладстона? Вы, конечно, не одобряете его политики, но сознайтесь же, что онъ не только крайне популяренъ въ Англіи, но и заграницей, гдѣ многіе благородные умы считаютъ его за величайшаго, можетъ быть за послѣдняго великаго политическаго дѣятеля совре-

менной парламентарной эпохи. Отчего эта почти всемiрная популярность? Какъ вы объясните ее съ вашей точки зрѣнiя?..

— Да, что же? По моему уже то подозрительно, что Гладстона, какъ вы говорите, любятъ заграницей: значитъ, онъ недостаточно защищалъ англiйскiе интересы,—соперники часто любятъ людей, которые неопасны для нихъ... Ну, а въ Англiи у него не меньше враговъ, чѣмъ приверженцевъ. Теперь, конечно, противниковъ примирила съ нимъ его смерть; мы, англичане, вообще гордимся своими государственными людьми, каковы бы ни были ихъ убѣжденiя, даже политическими врагами, въ особенности, когда они уже въ гробу и не могутъ приносить вреда... Но на самомъ-то дѣлѣ, мало ли Гладстонъ напортилъ вещей, хватаясь за все, говоря обо всемъ, волнуя общественное мнѣнiе болѣе шестидесяти лѣтъ сряду?.. Тутъ отчасти и объясненiе его популярности: не всякому человѣку суждено столько десятковъ лѣтъ торчать на политическихъ подмосткахъ, а вѣдь онъ, можно сказать, изъ-за желанiя прославиться и властвовать бралъ на себя всякiя роли...

Вотъ вамъ и судъ надъ Гладстономъ практическаго человѣка! Но скоро разговоръ перешелъ на другую почву: англичанинъ въ свою очередь разспрашивалъ меня о томъ, какiя впечатлѣнiя произвела на меня Англiя, одобрялъ планъ моего путешествiя по странѣ на велосипедѣ и полюбопытствовалъ узнать, буду ли я въ Бирмингамѣ. На мой утвердительный отвѣтъ онъ посовѣтовалъ мнѣ непремѣнно побывать хоть на одномъ громадномъ заводѣ мѣдныхъ издѣлiй, составляющихъ самую главную спецiальность его родного города: «для этого достаточно лишь рекомендательнаго письма къ фабриканту по преимуществу отъ его товарищей по профессiи». Увы, понадѣявшись на рекомендательное письмо С. къ одному бирмингамцу—письмо, которое лежало у меня въ бумажникѣ,—я не спросилъ рекомендацiи у моего новаго знакомаго! Но прiятеля С. въ Бирмингамѣ не окажется, и я горько пожалѣю о потерянной возможности видѣть одну изъ любопытнѣйшихъ отраслей производства въ самомъ Бирмингамѣ...

Вошелъ шустрый слуга гостинницы, и мой коммерсантъ пустился съ нимъ въ вычисленiя, на какой поѣздъ ему лучше сѣсть завтра утромъ, чтобы избѣжать двухъ пересадокъ и поскорѣе прiѣхать въ Бирмингамъ, куда его призывало желанiе провести съ семьей «банковыя каникулы» (bank-holidays). Я спохватился, что и мнѣ надо выѣзжать пораньше утромъ, если я хочу хоть что-нибудь видѣть завтра: завтра, въ субботу, начинались съ полудня третьи въ году коммерческiя каникулы *), когда закрыты биржа, банки и почти всѣ обществен-

*) Въ году такихъ каникулъ четыре: на Пасху, Пятидесятницу, августовскiй понедѣльникъ и Рождество.

ныя учрежденія (даже почта большую часть дня). Дѣйствительно, на носу былъ первый понедѣльникъ августа мѣсяца, эпоха, къ которой пріурочивается лѣтній перерывъ въ дѣлахъ на нѣсколько дней. На этотъ разъ «банковыя каникулы» будутъ преслѣдовать меня въ теченіе трехъ дней, до самаго Лондона...

Я заснулъ въ Свиндонѣ, въ 35 миляхъ отъ Сольсбери, въ 58 миляхъ—93 километрахъ отъ Соутгамптона. То была моя вторая ночь подъ сѣнію англійскаго Habeas corpus...

V.

30 августа. Лучезарный чисто-лѣтній день: спасибо тебѣ, гостепріимное небо Англіи!.. И я устремляюсь по дорогѣ—на сей разъ большой, очень широкой и гладкой дорогѣ—къ Фарингдону и Оксфорду. Но мнѣ предстоитъ еще совершить нѣсколько интересныхъ экскурсій въ сторону: въ моемъ маршрутѣ обозначены «Холмъ бѣлой лошади» и Kelmscott Manor, гдѣ Вилліамъ Моррисъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ поселился съ своей молодой женой... Сначала посмотримъ на холмъ—впередъ, мой добрый стальной конь!.. Недоѣзжая миль трехъ до Фарингдона, но уже за Шривенгамомъ, въ Беркширѣ, я принужденъ своротить направо по отвратительной окольной дорогѣ, на перепутьѣ которой красуется—спасибо хоть на этомъ!—столбъ съ надписью: «кратчайшій путь къ холму Бѣлой лошади». Скоро я подъѣзжаю къ маленькой тавернѣ, откуда большинство туристовъ пускаются на восхожденіе холма и гдѣ мнѣ приходится ознакомиться съ незнакомымъ мнѣ еще освѣжительнымъ напиткомъ, — «пивомъ для бѣдныхъ», или «пивомъ въ одинъ пенсъ» (penny beer), — напоминающимъ слегка нашъ сладкій фруктовый квасъ и стоющимъ, какъ можете судить по названію, очень дешево. Хозяйка совѣтуетъ мнѣ оставить велосипедъ на время экскурсіи у нея, но я надѣюсь воспользоваться имъ для большей скорости—и въ теченіе получаса проклинаю судьбу: мнѣ все время восхожденія приходится катить машину на крутую гору, пускаясь въ разныя стороны, блуждая то по той, то по другой тропинкѣ и, по обыкновенію, не находя живой души для спроса. Проглядѣлъ я было даже и знаменитую «Бѣлую лошадь», пройдя и не замѣтивъ ея, если бъ меня не выручилъ на самомъ верху холма мальчуганъ, пасшій жирныхъ овецъ.

Собственно видъ самой «лошади» разочаровалъ меня: представьте себѣ на крутомъ зеленомъ скатѣ длинную—метровъ въ 100—и очень неглубокую вырѣзку въ травѣ, обнажившую мѣловыя скалы холма и спускающуюся довольно причудливыми

контурами въ сосѣднюю лощину. Вблизи вы даже и не подозрѣваете, что вы попираете «Бѣлую лошадь» — сойдите внизъ, и вы, дѣйствительно, найдете, что очертанія вырѣзки воспроизводятъ въ гигантскихъ размѣрахъ грубую, неуклюжую фигуру лошади, въ родѣ тѣхъ фигуръ, что дѣти вырѣзаютъ изъ бумаги... И вы лишь на половину ошибетесь, читатель: «Бѣлая лошадь» была выдолблена въ горѣ взрослыми дѣтьми варварской цивилизаціи, соратниками Альфреда Великаго, по приказанію этого короля, пожелавшаго увѣковѣчить свою побѣду надъ датчанами. Историческому коню насчитывается, стало быть, болѣе тысячи лѣтъ, и въ этой исключительной старинѣ весь его интересъ. Но видъ съ вершины холма Бѣлой лошади (White Horse Hill), поднимающагося чуть не на 300 метровъ надъ уровнемъ моря и, стало быть, сравнительно высоко надъ поверхностью окружающей страны, — видъ отсюда, говорю я, по истинѣ восхительный: онъ вознаграждаетъ меня своей обширностью и мягкимъ разнобразіемъ формъ и красокъ за неудобства восхожденія... А теперь маршъ къ прежнему обиталищу Морриса!

Я не съѣзжаю, а, можно сказать, скатываюсь по крутому склону, ведущему отъ подножія холма къ Эффингтону, проѣзжаю это небольшое мѣстечко, проѣзжаю Фарингдонъ, гдѣ мнѣ некогда даже путемъ остановиться, чтобы отвѣдать знаменитой фарингдонской ветчины. «Какъ попасть въ Кельмскоттскій замокъ»? (Kelmscott Manor), кричу я съ велосипеда. Прямо по Большой улицѣ, потомъ налѣво по дорогѣ въ Лечлэдъ (Lechlade), тамъ снова спросите, отвѣчаютъ мнѣ... Вотъ и Лечлэдъ показался... Но что это за милая, извилистая рѣчушка, коричнево-зеленыя струи которой таинственно пробираются, журча, между жирными пастбищами и шпалерами прибрежныхъ ивъ, тополей и вязовъ? Мнѣ говорятъ въ ближайшей тавернѣ, что то — Айзисъ (Isis), т. е., въ сущности, верхнее теченіе многоводной, столь грязной въ Лондонѣ Темзы... Я подхожу полюбоваться плескомъ и игрой волнъ, переливами освѣщенія на поверхности то блещущей на солнцѣ, то прячущейся въ тѣнь новорожденной Темзы. Она повертываетъ на востокъ, какъ разъ въ направленіи Кельмскоттскаго замка, куда лежитъ мой путь. Вскорѣ я снова нахожу ее за часовнею Кельмскотта, среди луговъ, прилегающихъ къ помѣстью, и передъ моимъ и радостно, и тревожно настроеннымъ воображеніемъ одна за другой проходятъ поэтическія сцены сѣнокоса въ верховьяхъ Темзы, сцены, набросанныя чарующей кистью Вилліама Морриса въ его «Вѣстяхъ ниоткуда»... О, дорогой художникъ-мыслитель, я узнаю пейзажи твоего глубоко-реальнаго, не смотря на фантастичность фабулы, романа! Тебѣ не нужно было надрываться, какъ то дѣлаютъ мнимые

идеалисты, надъ придумываніемъ изъ головы невозможныхъ панорамъ и невиданныхъ ландшафтовъ. Ты взялъ вотъ эту плѣнительную рѣчку, вотъ эти пышные луга, эти трепещущія на солнцѣ и легкомъ вѣтеркѣ деревья, и лишь слегка посыпалъ свой рисунокъ золотымъ пескомъ твоей гуманной, оптимистической фантазіи... И, оглядываясь кругомъ, я невольно ищу счастливыхъ героевъ твоей «эпохи отдыха», и великолѣпную эксцентричную Элленъ, и добраго, забавнаго Боффина, и, о поэтъ, самого тебя, забывавшаго среди счастливыхъ людей будущаго и морщины, и сѣдины, и огорченія, и борьбу современнаго борца за идеалъ...

Я не безъ волненія позвонилъ у калитки каменной стѣны, изъ-за которой выглядывалъ между деревьями Кельмскоттскій замокъ. Собственно это не замокъ, а большой деревянный домъ, съ высокой-высокой на два ската крышей изъ сѣрой черепицы и двумя-тремя этажами несимметрично расположенныхъ и неодинаковаго стиля оконъ, то маленькихъ и узкихъ, то широкихъ на манеръ венеціанскихъ... Я жаждалъ осмотрѣть весь замокъ, а особенно ту фантастическую въ средневѣковомъ вкусѣ столовую, расписанную причудливой живописью, о которой столько писалось въ артистическихъ журналахъ два года тому, послѣ смерти Морриса. Столовой мнѣ такъ и не удалось видѣть: вопреки увѣреніямъ репортеровъ, говорившихъ, что домъ былъ проданъ давно Моррисомъ одному изъ богатыхъ издателей какого-то художественнаго журнала, и что этотъ издатель сдѣлалъ изъ него въ нѣкоторомъ родѣ музей воспоминаній о Моррисѣ,—вопреки этимъ увѣреніямъ замокъ оказался обитаемымъ вдовой и старшей дочерью Морриса, которыя какъ разъ въ этотъ моментъ обѣдали въ столовой... Передавъ служанкѣ свою визитную карточку съ надписью: «такой-то, русскій, поклонникъ Вилліама Морриса, проситъ позволенія осмотрѣть Кельмскоттскій замокъ», я получилъ разрѣшеніе обойти большинство нежилыхъ комнатъ. Несимметрической разстановкѣ оконъ извнѣ соотвѣтствуетъ неправильное расположеніе комнатъ внутри: чаще всего онѣ не на одномъ уровнѣ, одна выше, другая ниже; изъ этажа въ этажъ ведутъ то простыя, то артистически-отдѣланныя деревянныя лѣстницы, стѣны зачастую покрыты бѣлой штукатуркой, зачáстую глядятъ на посѣтителя некрашенными деревянными досками; на потолкахъ виднѣются балки, а въ самой верхней комнатѣ, имѣющей видъ громаднаго чердака съ великолѣпной панорамой во всѣ стороны, цѣлый остовъ внутреннихъ стропилъ. Говорятъ, что, наслаждаясь отсюда пейзажемъ тутъ же протекающей Темзы и изумрудныхъ луговъ, Моррисъ и рѣшилъ построить свой художественно-спеціальный романъ въ пику черезчуръ практическому воображенію американца

Беллами. А вотъ и рабочая комната Морриса; вотъ и курильная, гдѣ собирались вокругъ этого вѣчнаго энтузіаста его друзья Бернъ-Джонсъ, Россетти, подчасъ странные, подчасъ великолѣпные рисунки которыхъ развѣшаны кой-гдѣ на стѣнахъ; а вотъ и художественные ковры, парчи и ткани съ артистической фирмы Морриса и Компаніи; въ спальнѣ поэта обширная, низкая въ средневѣковомъ вкусѣ кровать съ балдахиномъ, вокругъ котораго вьется широкой лентой вытканное бѣлыми буквами на голубой старинной матеріи двустишіе изъ «Poems by the Way» самого же Морриса: смыслъ—радости и горести, тѣсно переплетающіяся въ жизни человѣка, сердце котораго должно вибрировать всегда благородными стремленіями... Но и въ этихъ нежилыхъ комнатахъ чувствуется близкое присутствіе обыкновенной будничной жизни: на столѣ груда бѣлья бокъ-о-бокъ съ утюгомъ; въ углу сундуки и чемоданы, повидимому, только что вернувшіеся изъ путешествія; на иныхъ незанятыхъ полкахъ библіотеки (содержащей, между прочимъ, много средневѣковыхъ легендъ въ старыхъ переплетахъ) картоны отъ дамскихъ шляпъ... Нѣтъ, Кельмскоттскій замокъ пока еще не музей воспоминаній о благородномъ артистѣ-мыслителѣ!..

Слегка огорченный, я иду на кладбище, находящееся въ полуверстѣ отъ замка, близь сельской часовни... Вотъ и могила поэта: выточенный изъ простого желтовато-сѣраго известняка памятникъ, имѣющій форму небольшой двухскатной крыши съ гребнемъ посрединѣ, положенной низко на землю; посрединѣ, съ двухъ сторонъ, вьется изваянный стебель растенія съ двумя-тремя цвѣтами; на западномъ скатѣ, слѣва, вырѣзанная небольшими остроконечными буквами надпись: William Morris—1833—1896,—и только! Мнѣ нравится эта простота, и сама по себѣ, и по контрасту съ прочими монументами, на большинствѣ которыхъ, согласно англійскому обычаю, проставленъ положительно формулярный списокъ усопшаго: и гдѣ родился, и на комъ женился, и какое занималъ общественное положеніе, и гдѣ поражалъ враговъ—буде поражалъ—на сушѣ или на морѣ, и какими былъ взысканъ милостями короля, и т. п.

Твой памятникъ мнѣ больше по сердцу, дорогой поэтъ: спи теперь спокойно, погрузившись навсегда въ объятія великой матери - природы, которая изъ нашей личной смерти неустанно лѣпитъ жизнь и счастіе новыхъ поколѣній! Неумирающія дѣти твоей фантазіи, созданные тобой художественные образы, будутъ вѣчно жить между людьми, вливая героизмъ и отраду борьбы за идеалъ въ ихъ души, и въ этотъ моментъ, на этомъ мирномъ кладбищѣ, въ тѣни этихъ лепечущихъ высоко въ воздухѣ дубовъ и плакучихъ ивъ, мнѣ кажется, я слышу легкіе шаги твоихъ созданій!..

Но пора и въ Оксфордъ: мнѣ до него еще миль двадцать, а дѣло уже за полдень. Полюбовавшись еще разъ Темзой, которую я переѣхалъ по платному мосту (эти шлагбаумы— положительная язва въ Англіи!) и поплутавъ съ часъ по проселочнымъ дорогамъ, я черезъ Бамптонъ попадаю, наконецъ, въ Уитнэ, а отсюда на большую оксфордскую дорогу. Вотъ я и въ Оксфордскомъ графствѣ; путь широкій и гладкій; чувствуется приближеніе къ большому центру; луга и лѣса все чаще и чаще чередуются съ замками, виллами и парками; раза два-три красивый пейзажъ становится еще красивѣе и разнообразнѣе при переѣздѣ черезъ Темзу и одинъ изъ ея лѣвыхъ притоковъ... Оксфордъ, сначала грязный, кирпичный и дѣловой вблизи двухъ желѣзнодорожныхъ станцій, затѣмъ средневѣковой, монументальный, поэтическій... Но мнѣ пока некогда разсматривать его: я тороплюсь найти «комрада» (comrade) Х—са, идейнаго товарища С. Х—съ живетъ въ противоположномъ, восточномъ, концѣ города, позади университетской части... Маленькая москательная лавочка, на вывѣскѣ фамилія Х—са: я не зналъ, что Х—съ занимается и торговлей, кромѣ своего ремесла трубочиста, которое кормитъ его уже не одинъ десятокъ лѣтъ.

Вхожу въ лавочку. За прилавкомъ дѣвушка—подростокъ, такъ лѣтъ 14—15, невысокая, полная, съ сѣрыми глазами и тяжелой черной косой. «Что вамъ угодно, сэръ»? — Мнѣ хотѣлось бы видѣть мистера Х—са; я изъ Парижа, отъ его пріятеля С... Дѣвушка исчезаетъ, и черезъ минуту является самъ Х—съ, средняго роста человѣкъ, на видъ пожилой, но безъ одной сѣдины блондинъ, съ испитымъ, гладко-выбритымъ, болѣзненнымъ, морщинистымъ, холоднымъ и энергичнымъ лицомъ. Я беру быка прямо за рога: «я—такой-то, русскій; живу давно въ Парижѣ; пріятель С., отъ котораго вамъ везу поклонъ; совершаю велосипедную экскурсію по Англіи и заѣхалъ, между прочимъ, въ Оксфордъ. С. проситъ васъ показать мнѣ городъ, который вы хорошо, конечно, знаете»... Я прибавилъ нѣсколько фразъ, изъ которыхъ Х—съ могъ заключить, что я знаю отчасти его біографію, и что вообще, въ извѣстномъ смыслѣ, я свой человѣкъ, съ которымъ стѣсняться нечего...

Какъ только я произнесъ свой маленькій спичъ, лицо Х—са мгновенно просіяло,—точно ледъ съ него стаялъ. «А, С. вспомнилъ о своемъ оксфордскомъ комрадѣ!.. Я очень радъ видѣть товарища изъ Россіи... Да, войдите въ комнату: мы кстати пьемъ чай»... И я сразу почувствовалъ, что я среди своихъ, по духу родныхъ людей, и мнѣ стало такъ весело и свѣтло на душѣ, словно я былъ знакомъ съ хозяиномъ и его семьей долгіе годы... Я, дѣйствительно, тутъ же познакомился съ женой

Х—са, невысокой, полной, пожилой брюнеткой съ очень добрымъ и милымъ лицомъ,—она напомнила мнѣ одну изъ дочерей, ту, что я видѣлъ сначала. Познакомился я и съ этой молоденькой дѣвушкой, и съ ея старшей (отъ первой жены Х—са) сестрой, очаровательной 18-лѣтней блондинкой... Х—съ, его жена и дочери тутъ же ввели меня въ кругъ ихъ интересовъ, ихъ жизни и заочно познакомили меня съ отсутствующими членами семьи; у Х—са отъ двухъ женъ шесть человѣкъ дѣтей, всѣ дѣвочки: старшая—гувернантка, путешествуетъ по Франціи; вторая, уже упомянутая блондинка, учительница въ мѣстной школѣ и пѣвица въ хорѣ католической церкви (обѣ старшія дочери были, по желанію матери-католички, воспитаны въ католической школѣ, но католички онѣ совершенно номинальныя: ихъ религія—убѣжденія отца; впрочемъ, вся семья была замѣчательно единодушна въ своихъ общихъ воззрѣніяхъ); третья, воспитанница профессіональной школы, занималась теперь съ матерью по хозяйству; три остальныя дочери, совсѣмъ дѣвочки, таже учились и работали.

Х—съ по спеціальности трубочистъ, и его знаетъ съ этой профессіональной стороны весь Оксфордъ, а особенно готическіе камины и старинныя трубы общественныхъ учрежденій... Онъ успѣлъ и простудиться, шагая по многовѣковымъ кровлямъ всѣхъ этихъ коллежей... Но его знаютъ и современные владыки города,—всѣ эти клерикалы-протестанты и буржуа, которые не могутъ простить Х—су его агитаціи между рабочимъ населеніемъ Оксфорда, а особенно сосѣдняго Лондона. Когда на энергичнаго труженика стала надвигаться старость съ ея докучливой свитой недуговъ (Х—съ постоянно кашляетъ и схватывается за грудь, жалуясь на одышку), онъ вздумалъ было заняться подсобнымъ ремесломъ и открылъ москательную лавочку: эта бѣдная лавочка была бойкоттирована свирѣпой мѣстной прессой, которая увѣряла фешіонебельныхъ джентльмэновъ и лэди, что покупать что нибудь у трубочиста-демократа значитъ способствовать соціальному пожару,—выходило, какъ видите, даже совсѣмъ комично! И Х—съ, вѣроятно, скоро принужденъ будетъ совсѣмъ прекратить свою маленькую торговлю, не смотря на помощь и усилія нѣкоторыхъ профессоровъ и интеллигентныхъ людей Оксфорда, между которыми, по словамъ Х—са, новыя идеи все больше и больше пробиваютъ себѣ путь...

Уже пятый часъ, и мой амфитріонъ приглашаетъ меня пройтись по историческому городу, пока еще не наступила ночь. Я отнюдь не думаю состязаться съ путеводителями въ описаніи столь извѣстнаго университетскаго Оксфорда и ограничусь лишь немногими чисто-личными впечатлѣніями. Представьте себѣ, читатель, довольно широкую, длинную улицу;

вообразите себѣ съ обѣихъ сторонъ рядъ старинныхъ зданій, башенъ, церквей, свидѣтельствующихъ о той эпохѣ, когда въ архитектурѣ находили свое выраженіе вѣра, энтузіазмъ и серьезность среднихъ вѣковъ; разверните за этими фасадами цѣлый рядъ другихъ такихъ же зданій, внутреннихъ дворовъ и тѣхъ великолѣпныхъ крытыхъ галлерей (Cloisters), съ которыми мы познакомились въ сольсберійскомъ соборѣ; пусть на всѣхъ этихъ архитектурныхъ памятникахъ ляжетъ тотъ неподражаемый—я, право, не знаю, какъ сказать—историческій загаръ, который пріобрѣтается лишь многовѣковой неустанной работой солнца, вѣтра, дождя, полирующихъ твердый камень; пусть средь лоснящихся отъ древности плитъ дворовъ пробьется повсюду мохъ; пусть, наконецъ, отъ времени до времени этотъ средневѣковый городъ будетъ прорѣзанъ обширными парками и садами, гдѣ рукава прелестнаго Черуэлля (Cherwell), притока Темзы, извиваются между тѣнистыхъ аллей исполинскихъ деровьевъ и теряющихся вдали луговъ, гдѣ пасутся лошади и скачутъ серны; вотъ общее впечатлѣніе, которое вы получаете отъ оксфордскаго университета, съ его безчисленными зданіями, улицами и проходами тридцати трехъ независимыхъ высшихъ школъ, имѣющихъ каждая свою церковь—это очень типичная особенность университета,—каждая свою библіотеку, свою столовую, свои помѣщенія для учащихъ и учащихся. Большинство студентовъ живетъ тутъ же, располагая обыкновенно двумя комнатами на брата, меньшинство на вольныхъ квартирахъ. Я спросилъ у нѣсколькихъ служащихъ—студенты уже разошлись на лѣтнія каникулы—сколько обходится въ годъ содержаніе молодого человѣка. Отвѣтъ: среднимъ числомъ 200 фунтовъ стерлинговъ (5,000 франковъ!); наиболѣе «бѣдные» тратятъ половину этой суммы... Не удивляйтесь же до послѣдняго времени аристократическому и консервативному направленію оксфордцевъ!

Мы до сумерекъ проблуждали съ X—сомъ по безконечнымъ «коллежамъ», изъ которыхъ наиболѣе сильное и гармоничное впечатлѣніе произвелъ на меня **St. Mary Magdalen College**, что мѣстные жители съ характеризующею англичанъ безцеремонностью произношенія собственныхъ именъ передѣлали въ — Модлинъ (?!), это Магдалэнъ-то!..

X—съ рекомендуетъ меня хозяйкѣ отеля, гдѣ останавливаются его англійскіе и заграничные товарищи, и опять я чувствую себя какъ дома. Третья ночь въ Англіи, въ 100 миляхъ отъ Соутгамптона (160 километрахъ): до Лондона остается 54 мили (86 километровъ)... Бѣлая лошадь Альфреда Великаго, замокъ Морриса, и трубочистъ - крайній демократъ, и средневѣковый Оксфордъ,—все перепутывается въ моемъ усталомъ отъ сегодняшнихъ впечатлѣній мозгу, и я крѣпко засы-

паю подъ звуки запоздавшихъ субботнихъ гулякъ, которые ревѣли внизу, въ ресторанѣ, словно быки, которыхъ рѣжутъ... Я ничего не могъ понять изъ ихъ пѣсни, кромѣ гортаннаго слова hill, дикіе раскаты котораго долетали до моихъ ушей: то Великобританія праздновала свое вступленіе въ полосу «банковыхъ каникулъ»!..

VI.

31 августа, воскресенье. Нѣтъ, я рѣшительно остаюсь еще на день въ Оксфордѣ: меня такъ интересуютъ и этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ, и мой новый пріятель со своей семьей. Кстати самъ X—съ говоритъ мнѣ, что въ Лондонѣ теперь все равно я ничего не увижу: все заперто по случаю праздниковъ, не говоря уже о воскресеньи. Утромъ я захожу къ X—су, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько визитовъ: по несчастію, большинство лицъ, къ которымъ мы заходимъ, уже оставило Оксфордъ на каникулы, въ томъ числѣ и Ш. Б., профессоръ французской литературы, которому его общественное положеніе не мѣшаетъ быть убѣжденнымъ новаторомъ. Мы застаемъ дома лишь греческаго эмигранта Д., замѣшаннаго въ патріотическомъ движеніи послѣднихъ лѣтъ и читающаго въ Оксфордѣ публичныя лекціи о «ново-греческомъ языкѣ и литературѣ»... Но по дорогѣ X—съ знакомитъ меня съ случайно встрѣтившимся намъ мистеромъ Конибиромъ, письмо котораго къ Жозефу Ренаку насчетъ невинности Дрейфуса надѣлало такого шума во Франціи. Конибиръ, еще довольно молодой, симпатичный брюнетъ, съ черными бакэнами, усами и волосами въ кружокъ, скорѣе напоминаетъ какого-нибудь южанина—напр. итальянца,—чѣмъ англичанина; говоритъ быстро и съ жестами. «Что же, вы не думаете ѣхать во Францію читать публичныя лекціи о дѣлѣ Дрейфуса»? шутя, спрашиваю я его.—Спасибо за приглашеніе,—тоже шутя отвѣчаетъ авторъ письма:—по теперешнимъ временамъ я колеблюсь между Франціей и вашимъ дорогимъ отечествомъ. Кстати, вы давно изъ него?..—«Лѣтъ шестнадцать», отвѣчаю я, и разговоръ начинаетъ становиться интереснымъ для насъ троихъ, когда къ намъ подъѣзжаетъ дама на велосипедѣ и проситъ Конибира сопровождать ее. То—вторая жена оксфордскаго профессора (первая, дочь Макса Мюллера, умерла). Я такъ и не успѣлъ путемъ разспросить его о томъ, что онъ знаетъ по дѣлу Дрейфуса; но я замѣтилъ, что онъ глубоко убѣжденъ въ невинности капитана, и съ негодованіемъ говорилъ о роли шовинистской прессы и главнаго

штаба во Франціи, вводящихъ въ заблужденіе всю страну *)...

На возвратномъ пути я прошу X—са позволить мнѣ оставить его на нѣкоторое время, чтобы походить по старинному Оксфорду; мой товарищъ соглашается, взявъ съ меня обѣщаніе придти къ нему на вечерній чай. И вотъ снова, въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ я брожу по безконечнымъ коллежамъ, которые теперь производятъ на меня еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Внутреннія помѣщенія заперты по случаю воскресенья, но тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ я погружаюсь, среди палящаго полуденнаго зноя, въ тѣнь прохладныхъ дворовъ, аллей и пустынныхъ улицъ, гдѣ такъ гулко отдаются мои шаги: то, мнѣ кажется, отвѣчаетъ эхо уснувшихъ столѣтій и давно похороненныхъ эпохъ... Изрѣдка виднѣются идиллически-разгуливающія парочки молодыхъ людей, безъ присмотра родителей, что такъ сильно поразило меня уже на пароходѣ: не будь присутствія этой свѣжей жизни, я могъ бы подумать, что брожу на историческомъ кладбищѣ...

Пять часовъ. Я снова у моихъ новыхъ знакомыхъ. На сей разъ мы поднялись въ небольшую комнату второго этажа, комнату, составляющую салонъ этой рабочей, но интеллигентной семьи. На двухъ-трехъ столахъ и прямо въ углу на полу, но въ большомъ порядкѣ, книги, по большей части политико-соціальнаго содержанія: оффиціальное изданіе консульскихъ докладовъ о «формахъ землевладѣнія» (вышедшее, если не ошибаюсь, въ 1870 г.); «Исторія трэдъ-юніоновъ» супруговъ Уэббъ; Гайндмана «Историческій базисъ соціализма въ Англіи»; нѣсколько сочиненій Бельфора Бакса; много брошюръ разныхъ либеральныхъ ассоціацій и соціалистическихъ памфлетовъ; рядъ изданій Fabian Society; а вотъ и поэты: Байронъ, Шелли, Моррисъ... На многихъ книгахъ современныхъ писателей авторскія надписи: «товарищу X—су», «старому другу на память отъ автора»...

За чаемъ блондинка говоритъ мнѣ, что выбрала большинство поэтовъ и романистовъ изъ библіотеки отца и поставила ихъ у себя въ комнатѣ. По ея словамъ, она ужасно любитъ стихи, особенно народныя пѣсни или же тенденціозныя. «Словомъ, хорошія, отъ которыхъ и горе, и радость на сердцѣ», перебиваетъ ее старушка—мать, тутъ же сообщая мнѣ, что ея дочь очень хорошо поетъ... Признаться, дѣло принимало такой оборотъ, что я боялся разочарованія: ради вѣжливости мнѣ пришлось обратиться къ дѣвушкѣ съ просьбой

*) Читатель уже знаетъ, какъ былъ правъ Конибиръ: самоубійство Анри и необходимость пересмотра процесса теперь у всѣхъ на устахъ во Франціи. Н. К.

спѣть что-нибудь, и я заранѣе уже огорчался, что старательное и фальшивое англійское пѣніе на половину развѣнчаетъ поэтическій ореолъ, окружавшій эту милую бѣлокурую головку, и испортитъ то впечатлѣніе вѣры, труда и гармоніи, которое исходило отъ семьи X—са... И какъ я былъ несказанно радъ, когда мои опасенія уступили мѣсто эстетическому и идейному восторгу: дѣвушка пѣла великолѣпно и съ глубокимъ выраженіемъ...

Она подошла къ стоявшему у стѣны старому, дребезжащему, но настроенному фортепіано и взяла нѣсколько аккордовъ, потомъ подала мнѣ небольшую красную книжечку, рабочій пѣсенникъ, выбранный ея отцомъ изъ лучшихъ поэтовъ Англіи. Я пробѣжалъ оглавленіе этихъ «Labour Songs for the Use of Working Men and Women» съ предисловіемъ одного изъ профессоровъ Оксфорда. «Выбирайте сами, что я должна спѣть вамъ». Я остановился на великолѣпномъ стихотвореніи Шелли: Men of England. Блондинка порылась немного въ тетрадкахъ на піанино и достала два экземпляра на сей разъ большого сборника со словами и нотами вмѣстѣ, положила передъ собой одинъ экземпляръ, передо мной другой, прибавивъ: «если хотите пѣть со мной, вотъ мелодія». Слегка аккомпанируя себѣ, она запѣла необыкновенно чистымъ и пріятнымъ голосомъ, на мотивъ старинной англійской пѣсни «Now the rosy morn appearing» о «пчелахъ Англіи»...

Я оглянулся на улей новыхъ пчелъ Англіи и понялъ, что между эпохой Шелли и современнымъ положеніемъ вещей— цѣлая бездна; отецъ сидѣлъ у окна, скрестивши на груди руки, и его изрытое морщинами, энергичное лицо было гордо поднято, а сѣрые глаза смотрѣли прямо впередъ, въ близкое будущее; мать наклонилась надъ своей чашкой чая, подперла щеку грубой рабочей рукой и слегка кивала головой, мысленно отвѣчая на негодующіе вопросы поэта, которые разносилъ по старому, опустѣвшему, воскресному Оксфорду кристальный голосъ дѣвушки...

И глубоко растроганный и чувствуя приблизительно то же самое, что чувствуетъ младшая сестра пѣвицы, широко раскрывающая свои глаза, чтобы скрыть слезы экстаза и близкой надежды, я подхватываю, какъ могу—не складно, такъ здорово!— энергичный припѣвъ...

Дѣвушка спѣла еще нѣсколько, уже современныхъ пѣсенъ, тѣмъ же прекраснымъ голосомъ, съ тѣмъ же вкусомъ и выраженіемъ... Вся семья затѣмъ вступила въ общій разговоръ со мной, и старики, и дѣти принялись разспрашивать меня съ живѣйшимъ любопытствомъ о Фанціи, о Россіи, о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ, о развитіи идей на континентѣ...

X—съ напомнилъ мнѣ, что вечеромъ будетъ въ Оксфордѣ публичный митингъ на площади, и что если это интересуетъ меня, онъ къ моимъ услугамъ въ качествѣ спутника. «Публичный митингъ подъ открытымъ небомъ? Да какъ же не интересовать, когда во Франціи таковыя собранія строго преслѣдуются закономъ, который загоняетъ ораторовъ и аудиторію въ залы подъ предлогомъ опасности для общественнаго порядка?..» Наскоро перекусивъ въ отелѣ, я отправляюсь съ X—сомъ на митингъ... Происходитъ онъ на небольшой площади, у начала улицы St. Giles' Street, возлѣ такъ называемаго «Памятника мучениковъ» (трехъ протестантовъ, сожженныхъ здѣсь въ половинѣ XVI столѣтія). Дѣло за 8 часовъ. На площадкѣ громадный электрическій шаръ въ видѣ луны, успѣшно конкуррирующій съ настоящей луной, которая только что взошла и выглядываетъ изъ-за старыхъ зданій и вязовъ. Публики не особенно мало, но и не особенно много: если луна конкуррируетъ съ электричествомъ, то помѣстившійся тутъ же на площади, шагахъ въ пятидесяти, отрядъ «Арміи спасенія» конкуррируетъ по части привлеченія слушателей съ нашимъ митингомъ. Вначалѣ, когда воины упомянутой арміи особенно оглушительно кричали о необходимости «взойти съ ними на холмъ Спасенія, въ новый лучшій Сіонъ», а барабаны и тромбоны вторили этимъ религіозно вокальнымъ упражненіямъ, публики было даже больше вокругъ летучаго отряда мистиковъ. Но вотъ начинаютъ собираться и вокругъ нашей трибуны, и на нее всходитъ ораторъ. «Ну, товарищъ, подумалъ я, съ такой трибуны не долго бы ты говорилъ во Франціи: или самъ бы свалился въ пылу французской жестикуляціи, или же тебя разнесла бы вмѣстѣ съ трибуной восторженная или недовольная толпа»...

Судите сами, читатель: упомянутая трибуна ни болѣе ни менѣе какъ складной стулъ съ высокой-высокой спинкой, которую ораторъ повертываетъ къ слушателямъ, держась за нее и съ большимъ хладнокровіемъ и умѣніемъ продѣлывая заодно и мускульную, и логическую эквилибристику. «Съ одной стороны—**on the one hand**»—и ораторъ дѣйствительно берется одной рукой за спинку, описывая умѣренный размахъ другой,—стулъ покачнулся; но сейчасъ же слѣдуетъ «съ другой стороны—**on the other hand**»—и ораторъ возстановляетъ равновѣсіе, налегая на спинку другой рукой, въ то время какъ первая жестикулируетъ. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда ораторъ доставалъ изъ кармана какой-нибудь печатный или письменный документъ для прочтенія въ подтвержденіе своей аргументаціи, или когда онъ на минуту переставалъ говорить, освѣжая себя глоткомъ лимонада изъ маленькой бутылки, которую тутъ же доставалъ изъ кармана, онъ обращался къ стоявшимъ

возлѣ него товарищамъ: «придержите, пожалуйста» — и нога сосѣдняго единомышленника опускалась на колеблющійся стулъ-трибуну. Я спросилъ у X—са, часто ли употребляется на митингахъ этотъ своеобразный треножникъ Пиѳіи, и получилъ въ отвѣтъ, что очень часто.

Ораторовъ было три-четыре, все второстепенные, но говорили складно и дѣльно: много цифръ, много деталей; фразы общаго характера, разсчитанныя больше на логику, чѣмъ на энтузіазмъ слушателей, представляли собой обычные аргументы рабочей партіи на всемъ земномъ шарѣ. Публика,—за исключеніемъ нѣсколькихъ случайныхъ прохожихъ и ротозѣевъ, которые шатались отъ митинга къ арміи спасенія и отъ арміи спасенія къ митингу,—слушала внимательно, но не выражала громко ни одобренія, ни порицанія, даже не хлопала, когда ораторъ кончалъ, соскакивая со стула. Отъ времени до времени кто-нибудь замѣчалъ словно про себя: «это вѣрно», «конечно», и т. п. На минуту слушатели оживились, впрочемъ, и раздался даже смѣхъ въ ихъ рядахъ, когда ораторъ, прерванный нелѣпой и неожиданной фразой какого-то подвыпившаго, но благообразнаго буржуа въ длинномъ черномъ сюртукѣ — когда ораторъ, говорю я, ловко отпарировалъ эту слабую аттаку, показавъ джентльмэну, что онъ ровно ничего не знаетъ по трактовавшемуся вопросу, и сконфуженный носитель чернаго сюртука исчезъ за спинами слушателей, крикнувъ на прощаніе: «почитайте-ка вотъ такую-то газету (названіе мѣстнаго консервативнаго органа): тамъ то же самое говорится про васъ, что и я сказалъ». Подъ конецъ собранія завязалась довольно оживленная, но вѣжливая съ обѣихъ сторонъ полемика между другимъ ораторомъ и господиномъ изъ толпы, мѣстнымъ, какъ мнѣ сказали, либераломъ - гладстоніанцемъ, человѣкомъ неглупымъ и искреннимъ. Господинъ изъ толпы упрекалъ рабочихъ въ томъ, что они не принимаютъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ либераловъ противъ консерваторовъ и порою склонны даже къ союзу съ послѣдними. Ораторъ со стула возражалъ на это, что его партія должна прежде всего преслѣдовать свои особые, классовые интересы и проводить своихъ людей въ парламентъ, предоставляя буржуазнымъ партіямъ грызться между собой, если это только не вредитъ прямо интересамъ массъ. Господинъ выслушалъ, сказалъ, что понимаетъ эту тактику, но считаетъ ее ошибочной, кивнулъ слегка головой въ сторону своего оппонента и зашагалъ по площади. Кивнулъ въ отвѣтъ ему и ораторъ, и митингъ на томъ кончился...

Я спросилъ X—са, неужели у нихъ всегда такъ дѣло происходитъ на митингахъ: и спокойно, и даже безъ знаковъ ободренія и аплодисментовъ. «Конечно, нѣтъ, но мы менѣе возбудимы (less excitable), чѣмъ французы: нуженъ очень важ-

ный вопросъ или присутствіе крупныхъ ораторовъ, чтобы довести насъ до энтузіазма, аплодисментовъ и драки»... Я оглянулся: въ заднихъ рядахъ стояла гигантская фигура полисмэна—я, впрочемъ, ниже шести футовъ и не видалъ въ Англіи этихъ джентльмэновъ—въ черной суконной курткѣ и черной же суконной каскѣ: эта фигура все время безстрастно, но внимательно слушала рѣчи ораторовъ. «А что, есть между ними люди, сочувствующіе партіи?» «Есть, но не здѣсь, а въ Лондонѣ и промышленныхъ центрахъ; да и тамъ они по большей части не осмѣливаются открыто выступать въ нашихъ рядахъ: вы не особенно довѣряйте излишнему восхищенію нашихъ континентальныхъ друзей англійскими порядками. Конечно, у насъ свободнѣе, но давленіе начальства на полицейскихъ существуетъ и у насъ, хотя, вѣроятно, въ меньшей мѣрѣ...»

Мы продолжали наше возвращеніе по домамъ почти молча, и наши шаги звучно раздавались въ пустынныхъ, фантастически освѣщенныхъ луной улицахъ средневѣковаго Оксфорда...

Н. К.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НА ТИХОМЪ ДОНУ.

(Лѣтнія впечатлѣнія и замѣтки).

IX.

Станицы Константиновская, Раздорская и Старочеркасская. Историческія реликвіи. О донскомъ рыболовствѣ.

Рѣзкій свистокъ парохода... Я просыпаюсь и выхожу на палубу. Ласковый утренній вѣтерокъ вѣетъ мнѣ въ лицо. Мы у Константиновской станицы. Еще рано. Небо, покрытое синеватыми облачками, ярко зарумянилось. Водная поверхность, широкая, спокойная, блеститъ зеркальною гладью. Плоскій берегъ съ зелеными вербами, дома станицы, крытые желѣзомъ и тесомъ, бѣлые и желтые, сады съ пирамидальными тополями, склады угля и земледѣльческихъ машинъ на берегу, пристань, пароходы, огромныя, неуклюжія баржи съ бурлаками въ красныхъ рубахахъ, цѣлый лѣсъ мачтъ,—все опрокинулось и любуется собою въ водѣ. Паромъ, устроенный на двухъ плоскодонахъ, наполненный людьми, повозками, малорослыми лошадками, помахивающими хвостами, переправляется съ плоскаго низкаго берега къ станицѣ.

Чѣмъ-то давно-давно знакомымъ, роднымъ, ласковымъ повѣяло на меня отъ этого утра, отъ широкаго молчаливаго простора степи, отъ дальнихъ сѣдыхъ кургановъ, отъ просыпающейся станицы, отъ зеркальной, точно застывшей рѣки съ паромомъ, толпой казаковъ и маленькими лошадками... И горячее чувство какого-то неудержимаго любовнаго порыва къ родинѣ, къ этой тихой рѣкѣ вспыхнуло вдругъ въ моей груди, и такъ мнѣ захотѣлось обнять кого-нибудь близкаго, родного и заплакать отъ умиленія и непонятной грусти...

Черезъ полчаса мы покидаемъ Константиновскую станицу и вступаемъ въ плоскую, степную часть Дона, съ низкими, далеко не живописными берегами. Кругомъ—степь, то зеленая, ровная, съ сизыми и зелеными горами вдали; то песчаная, желтая, съ тощею растительностью, почти безлѣсная, съ жалкими рощицами вербъ, съ песчаными дюнами и буграми, поросшими бурьяномъ. Влажный крѣпкій вѣтеръ бѣжитъ намъ на встрѣчу. Далеко позади, въ си-

зомъ туманѣ, видна оставленная нами Константиновская станица; впереди бѣлѣетъ церковь какого-то хутора и распростертыя въ воздухѣ, обтянутыя парусиной, крылья вѣтряной мельницы. Кстати: эти распростертыя въ воздухѣ крылья—непремѣнная принадлежность каждаго населеннаго пункта въ Донской области. Куда бы вы ни глянули, вы всюду, въ отдаленіи, вблизи хуторовъ, станицъ, на курганахъ и возвышенныхъ мѣстахъ увидите нѣсколько «вѣтряковъ».

Плоскіе берега Дона заросли преимущественно вербой. Сплошныя сизо-зеленыя стѣны ея бѣгутъ мимо парохода по песчанымъ откосамъ, по обрывистому берегу, желто-зеленой полосой отражаются въ водѣ и пропадаютъ далеко за берегомъ, въ тонкомъ сизомъ туманѣ, около длиннаго, извилистаго, красноватаго или сѣраго нагорнаго берега.

Хворостъ-«бѣлоталъ», камышъ, высокій бурьянъ и лопухи—обычные спутники вербы на низкихъ берегахъ Дона, по «займищамъ». Подъ вербами—крытые камышомъ шалаши и бѣлыя палатки рыбаковъ съ привязанными у берега лодками и со спутанными лошадьми, которыя пасутся по близости и стоятъ по колѣна въ водѣ, безостановочно отмахиваясь головами и хвостами отъ мухъ.

Въ полдень мы подъѣзжали къ станицѣ Раздорской, второму центру винодѣлія на Дону. Видъ—обычный: небольшіе домики, крытые тесомъ, желѣзомъ, камышомъ, неправильно разбросанные по гористому берегу, желтые съ бѣлыми ставнями и бѣлые съ желтыми. На берегу—пестрая толпа народа. Пароходъ, не останавливаясь, идетъ мимо. Пассажиры палубы кричатъ съ парохода своимъ знакомымъ, стоящимъ на берегу. Кажется, здѣсь почти всѣ знаютъ другъ друга. Вотъ, старый казакъ, стоящій рядомъ со мной, вслухъ весело разговариваетъ самъ съ собой, глядя на берегъ.

— Э-э, учитель, учитель!—говоритъ онъ, завидѣвъ подъѣзжающую къ пароходу лодку съ пассажиромъ:—регентъ! кого же это онъ везетъ? ай самъ ѣдетъ? Самъ, должно быть... А это Сухаревъ съ нимъ.—за сына на сидѣнкѣ, должно быть...

— Готово!—доносится голосъ съ носа парохода, и скоро бережокъ и лодка остаются позади.

И опять знакомое голубое, жаркое небо съ бѣлыми, барашковыми облачками надъ всѣмъ этимъ, и вербы съ камышомъ на плоскомъ берегу и свѣжая, зыблющаяся поверхность Дона съ пѣной, шумомъ, влажною пылью надъ пароходомъ, и многочисленныя лодки съ рыбаками, неподвижныя, точно застывшія, и бородатые казаки въ засученныхъ выше колѣнъ шароварахъ, ухватившіеся за веревку «перемета» и враждебно посматривающіе на шумящій и пугающій ихъ рыбу пароходъ, и раскинутыя сѣти, и выпряженныя повозки на песчаномъ берегу...

Было около трехъ часовъ по полудни, когда пароходъ присталъ къ плоскому берегу близъ Старочеркасска. По зыбкимъ, колеблю-

щимся доскамъ я сошелъ на берегъ; матросъ сложилъ на пескѣ мой чемоданъ. Кругомъ—ни по близости, ни въ отдаленіи не видно было ни одного извозчика; даже не было обычной толпы зрителей, если не считать ребятишекъ-рыболововъ, бродившихъ по берегу съ засученными панталонами и съ удочками въ рукахъ. Виднѣлся народъ позади, около разведеннаго пловучаго моста. Вмѣстѣ со мной пароходъ высадилъ двухъ мѣстныхъ жителей въ пиджакахъ и картузахъ, съ многочисленнымъ багажомъ.

Минутъ десять я стоялъ надъ своимъ чемоданомъ и безпомощно оглядывался по сторонамъ. Наконецъ, изъ станицы показался на маленькой гнѣдой лошадкѣ «дрогаль»—извозчикъ на неуклюжихъ дрогахъ, выложенныхъ сѣномъ; маленькая гнѣдая лошадка проворно перебирала ногами; подъ брюхомъ ея и на груди болтались бѣлыя холщевыя занавѣски—отъ мухъ.

— Трофимъ, подавай!—крикнули высадившіеся со мной мѣстные обыватели, когда извозчикъ подъѣхалъ къ берегу. Онъ тотчасъ же повернулъ лошадку къ ихъ багажу. Они скоро заняли этимъ багажомъ всѣ дроги, не оставивши ни одного свободнаго уголка, а я съ недоумѣніемъ и отчаяніемъ посматривалъ то на нихъ, то на станицу, откуда теперь уже никто не показывался. Когда, наконецъ, багажъ былъ весь кое-какъ разложенъ, извозчикъ повернулъ къ станицѣ и закричалъ угрожающимъ басомъ на свою лошадку, которая съ трудомъ, увязая въ пескѣ, вывезла дроги на битую дорогу и тронулась мелкимъ шажкомъ по ней. Пассажиры его пошли пѣшкомъ съ боку.

— Ну, ты чего же, братъ, стоишь?—покровительственно обратился ко мнѣ извозчикъ, остановивши лошадку противъ моего багажа.

— Клади!—сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія тономъ, не допускающимъ возраженій:—некуда, говоришь? Небось, братъ, помѣстимъ! Клади сюда! Вотъ такъ... А это—такъ! Живетъ! Вотъ видишь, и уложили... Но-о, гонѣдашка, трогай! ну-ка, шельмецъ, оправдывай! но, родимецъ, но, но, но-о-о!..

Онъ помогъ раза два кнутомъ своей лошадкѣ, и она, отмахиваясь головой и хвостомъ отъ мухъ, бойкимъ шажкомъ опять двинулась впередъ, а я пошелъ позади, съ другой стороны дрогъ.

Было очень жарко и душно, хотя солнца не было видно за длинными бѣловатыми облаками. На самомъ почти краю станицы виднѣлась церковь очень старинной архитектуры съ колокольней, похожей на бойницу, облупленная, съ проржавленной крышей, съ облѣзшими главами. Это былъ «старый» соборъ, одна изъ древнѣйшихъ церквей на Дону, наиболѣе богатая историческими реликвіями.

Невозмутимая тишина царила въ станицѣ. Тѣсно скучившіеся дома на высокихъ фундаментахъ, на деревянныхъ столбахъ, одноэтажные и двухъэтажные, деревянные и кирпичные, желтые и красные, съ желѣзной и тесовой крышей,—стояли всѣ съ закрытыми

ставнями, точно они были необитаемы. Ни души не видно было на улицахъ... Пусто, безмолвно, мертво...

Мы сначала подъѣхали къ одному изъ небольшихъ домиковъ, окрашенныхъ въ желтую краску, съ сплошнымъ балкономъ вокругъ, или «балясами», по мѣстному названію, сложили тамъ часть багажа и оставили одного пассажира.

— Садитесь!—предложилъ намъ извозчикъ, когда часть мѣста на дрожкахъ очистилась.

— Пошелъ впередъ!—сказалъ сердито оставшійся со мной пассажиръ.

— Эка, братъ, лишь извозчика задерживаешь,—тономъ вынужденной покорности возроптал нашъ возница;—мѣсто есть, чего же не садиться?

Затѣмъ, минутъ черезъ пять, мы подъѣхали къ другому домику и опять сложили большую часть багажа. Теперь дрожки уже очистились совсѣмъ.

— Садись,—коротко и авторитетно сказалъ мнѣ мой возница и сѣлъ самъ.

— Ты куда же меня повезешь?—спросилъ я.

— А ужъ я знаю. Тутъ есть комнаты.

— Хорошія?

— Первый сортъ комнаты: ни клопика, ни блошки нѣтъ! Одно слово городскія комнаты, и цѣна, какъ въ городѣ...

— А именно?

— Да какъ въ городахъ-то? гривенникъ за ночь!

Вскорѣ онъ подвезъ меня опять къ желтенькому домику, на этотъ разъ двухъэтажному, съ вывѣскою, гласившею, что это «постоялый дворъ», и пошелъ самъ узнавать о комнатахъ, оставивши меня на дрогахъ.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ чрезвычайно галантно, появляясь назадъ:—тамъ барышня вамъ покажетъ.

Я вошелъ во дворъ, поднялся по крыльцу и подошелъ къ дверямъ, никого не видя. Молоденькое женское личико выглянуло изъ флигелька, соединеннаго съ домомъ деревяннымъ высокимъ мостикомъ, и скрылось опять. Наконецъ, дверь въ домикѣ отворилась, и на порогѣ показался смуглолицый человѣкъ средняго роста и среднихъ лѣтъ.

— Мнѣ комнату, пожалуйста,—сказалъ я.

— Вамъ заночевать?

— Да.

— Пожалуйте туда.

Онъ показалъ на флигель. Я прошелъ туда по зыбкому мостику изъ тонкихъ досокъ и отворилъ дверь. Дѣвочка лѣтъ шестнадцати поспѣшно разстилала тонкій, какъ блинъ, тюфячекъ на деревянной койкѣ въ маленькой и узенькой комнаткѣ безъ всякой мебели. Краска смущенія заиграла на ея миловидномъ личикѣ.

— Вотъ комната,—сказала она и быстро исчезла.

Я умылся и пошелъ походить по станицѣ. Постоялый дворъ находился около обширной базарной площади. Небольшія, невзрачныя деревянныя лавочки съ вывѣсками тянулись по одной ея сторонѣ. На нее же выходили—станичное правленіе, аптека и небольшой женскій монастырь. За монастыремъ, въ недалекомъ разстояніи, на краю станицы—къ Дону—находился и знаменитый на Дону старинный соборъ, гдѣ уцѣлѣло значительное число историческихъ реликвій. Я направился прямо къ собору. Въ запертой и замкнутой оградѣ играли ребята, то перелѣзая черезъ нее, то карабкаясь по разросшемуся тутовому дереву. У ограды лежатъ чугунныя Азовскія ворота и вѣсы, взятые казаками въ 1641 году. Неподалеку стоитъ чугунный памятникъ въ видѣ пирамиды, сооруженный въ память пребыванія въ Старочеркасскѣ покойнаго наслѣдника-цесаревича Николая Александровича.

— Ребята, а гдѣ цѣпи Разина висятъ?—спросилъ я у мальчиковъ, игравшихъ въ оградѣ.

— Цѣпи? А на паперти. Онѣ замкнуты. Вы попросите сторожа, онъ вамъ отомкнетъ. Пятачекъ ему дашь, онъ отворитъ.

Я пошелъ въ сторожку. Было очень жарко и душно. Два сторожа сидѣли тамъ въ одномъ бѣльѣ,—очевидно только что проснувшись. Небольшая комната, пропахнувшая тютюномъ, была вся облѣплена картинками и листками: разорванная карта Россійской имперіи, лубочная картина въ память 25-лѣтія царствованія Александра II, нѣсколько воззваній и листковъ («о загробной жизни», «о соблюденіи постовъ»)—красовались на стѣнахъ.

— Не можете ли мнѣ отпереть соборъ?—обратился я къ сторожамъ:—я хотѣлъ бы его посмотрѣть...

— А ты отколь?—довольно сумрачно спросилъ одинъ изъ нихъ, шамкая беззубымъ ртомъ.

— Я издалека.

— А по какому дѣлу?

— Да вотъ, заѣхалъ поглядѣть вашу станицу.

Мой отвѣтъ, повидимому, не удовлетворилъ старика. Хотя онъ и ничего не сказалъ, но вся небольшая, сухопарая фигурка его выразила рѣшительное неудовольствіе. Онъ, не торопясь, надѣлъ свои шаровары, сдѣлалъ цыгарку, покурилъ, сплевывая на сторону какимъ-то особеннымъ щеголеватымъ манеромъ, потомъ досталъ ключи и молча пошелъ изъ сторожки. Я послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ цѣпи, смотри,—сказалъ мой чичероне, отомкнувъ двери собора.

Въ соборѣ было прохладно. Торжественный, глубокій покой чуялся въ сосредоточенномъ безмолвіи его. Старая живопись, потемнѣвшія иконы, свидѣтели глубокой старины, глядѣли съ иконостаса. Цѣпи съ замкомъ, въ которыя закованъ былъ Разинъ, висѣли у входа.

Надпись на стѣнѣ собора въ честь войскового атамана Лукьяна Максимова, при которомъ заложенъ былъ самый соборъ, напомнила мнѣ объ его современникѣ и соперникѣ—Кондратіи Булавинѣ...

Я осмотрѣлъ въ соборѣ все бѣгло, потому что мой чичероне ждалъ съ очевиднымъ нетерпѣніемъ, когда я уйду. На стѣнѣ, при входѣ въ соборъ, висѣло въ рамкѣ краткое описаніе исторіи собора и его примѣчательностей; оно гласило, между прочимъ, что соборъ нѣсколько разъ погорѣлъ. Подальше красовались надписи въ честь атамановъ Корнилы Яковлева и Лукьяна Максимова. Первый былъ современникъ Разина, а второй Булавина; оба они явили одинаковую вѣрность и преданность россійскимъ государямъ во время извѣстныхъ казацкихъ возмущеній.

Наконецъ, я далъ посильное даяніе моему суровому проводнику,—послѣ чего онъ нѣсколько «отмякъ»,—и вышелъ изъ собора. Въ оградѣ, по прежнему, играли дѣти.

— Ну что? видалъ цѣпи? — обратились они ко мнѣ, какъ къ старому знакомцу.

— Видѣлъ.

— А вотъ тутъ онъ сидѣлъ, подъ колокольней. Тутъ карты разъ нашли и бутылку.

— Какія же карты?

— А къ какія онъ игралъ.

Я поговорилъ съ ними. Они охотно болтали мнѣ обо всемъ: гдѣ они учатся, какіе у нихъ учителя («одинъ добрый, а другой иной разъ затрещины даетъ»), и о томъ, какъ у нихъ хорошо весной, когда все потопляетъ вода и когда изъ оконъ можно ловить рыбу.

— Ты бы вотъ справилъ себѣ удочки да ходилъ бы съ нами,— предложили они мнѣ при прощаньѣ.

Я возвратился на квартиру. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ. Я попросилъ хозяина принять со мной участіе въ чаепитіи. Вошелъ тотъ же черный объемистый человѣкъ въ одной рубахѣ и черныхъ шароварахъ, заправленныхъ въ сапоги. Онъ былъ раздраженъ и озабоченъ.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ, садясь у меня за столъ,— какое происшествіе: котъ, черный, здоровый котъ, неизвѣстно чей (никто изъ сосѣдей не признается къ нему), повадился, представьте, цыплятъ у меня таскать. За четыре дня—двадцать семь цыплятъ!

Онъ особенно подчеркнулъ голосомъ это внушительное число и посмотрѣлъ выжидательно на меня. Я сочувственно покачалъ головой.

Послѣ этого мы немного помолчали. Затѣмъ хозяинъ осторожно допросилъ меня, кто я, по какому дѣлу въ Черкасскѣ, откуда и проч. И затѣмъ разговорились. Хозяинъ мой, давно исполнявшій одну изъ выборныхъ станичныхъ должностей, оказался человѣкомъ, очень хорошо освѣдомленнымъ съ положеніемъ дѣлъ и въ станицѣ, и въ областномъ городѣ, и притомъ весьма общительнымъ.

— Да, старина вывелась окончательно,—говорилъ онъ не безъ сожалѣнія:—бывало, одна рѣка сколько намъ давала у кого судно было,—вѣрныхъ тысячи двѣ-три въ лѣто! А теперь рѣка лишь разоряетъ, пользы же никакой не производитъ. Пароходы весь заработокъ отшибли. Пока ихъ не было, мы на своихъ суднахъ работали; пришли пароходы, все отобрали!..

— А на рыболовствѣ какъ это отразилось?—спросилъ я.

Мой собесѣдникъ лишь махнулъ рукой:

— Рыболовство теперь ровнымъ счетомъ ничего не даетъ! Такъ, что лишь для себя кому посолить, и то нѣтъ ничего! Сейчасъ всѣ наши рыбалки туда, на взморье, ѣздятъ. У насъ самый доходъ теперь—огурцы, яблочки красные, называемые «царскіе», или помидоры. Только одинъ, можно сказать, источникъ... Посѣвами хлѣба мало кто занимается, больше въ аренду стали сдавать. Казачество, можно сказать, противъ прежняго произошло въ нищету! Не угодно-ли,—теперь ежегодно мы станицей затрачиваемъ по десяти тысячъ на справу казакамъ въ полкъ... Рѣдкій справляется на свой счетъ. А потомъ извольте выворачивать эти деньги изъ его земельнаго пая,—двадцать лѣтъ надо продавать! Да хорошо еще, если живъ останется, а хлопотъ!.. Померъ, такъ и пропали станичныя деньги!..

— А прежде на свой счетъ снаряжались?

— Прежде это, бывало, первый порокъ, ежели кто обществу задолжаетъ. За порокъ считалось!.. Справа была добровольная...

— Отчего же теперь такъ? Бѣднѣе стали жить?

— Какъ можно сравнить! Прежде жили широко! Заработаетъ за лѣто тысячу-другую рублей, а зиму — всю зиму гуляетъ! Онъ не дорожитъ тѣмъ, чтобы осталось, кутитъ на всѣ... Не хватитъ,—беретъ впередъ подъ работу! И всѣмъ хватало, у всѣхъ были деньги. А теперь въ бѣдственность произошелъ народъ. Сейчасъ насъ одной этой «справой» доняли до того, что казаки стали въ мѣщанство переходить. Придетъ со службы, явится въ правленіе, возьметъ приговоръ и—до [illegible], станичники!.. Диковинное дѣло, что такое стало! Войны нѣтъ, а для насъ одно разореніе: то одно, то другое подай! Къ лошадямъ—приступу нѣтъ, дороги! вещи бери у коммиссіонера, и какія вещи? Сапоги не то, что по грязи, по росѣ нельзя надѣть, сейчасъ развалятся!..

Мы долго бесѣдовали на эту, уже сдѣлавшуюся обычной, тему. Жалобы на разореніе казачества я слышалъ уже не въ первый разъ,—это стало общимъ мѣстомъ. И если старочеркасскій или «низовый» казакъ, экономическое положеніе котораго, по моимъ наблюденіямъ, во много разъ лучше, чѣмъ верхового казака (напр., медвѣдицкаго или хоперскаго),—если низовый казакъ находитъ резонныя причины для жалобъ на разореніе, то верховой казакъ тѣмъ паче долженъ жаловаться на то же самое, и онъ, дѣйствительно, изливается въ сѣтованіяхъ еще съ большимъ ожесточеніемъ и страстностью. Общія причины жалобъ—«утѣсненіе» казачества, не

только земельное утѣсненіе, зависящее отъ увеличенія народонаселенія, но и стѣсненіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни: стѣсненіе со стороны администраціи, выражающееся, главнымъ образомъ, въ крайней требовательности по отношенію къ военной службѣ: въ строгихъ штрафахъ за малѣйшую неисправность второй и третьей очереди, въ частыхъ смотрахъ, учебныхъ сборахъ (май мѣсяцъ—время рыбной ловли и наибольшаго торговаго движенія по Дону пропадаетъ для большинства казаковъ въ «майскомъ» ученьѣ), отсутствіе доступа къ образованію, вызванное закрытіемъ среднихъ учебныхъ заведеній, закрытіе доступа къ постороннимъ заработкамъ (напр., частная служба на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, на заводахъ и проч.), такъ какъ ни одинъ казакъ не можетъ быть уволенъ въ отпускъ изъ станицы больше, какъ на мѣсяцъ, и всякую минуту долженъ быть готовъ на случай мобилизаціи; постоянное вмѣшательство окружной и войсковой администраціи въ станичное самоуправленіе, имѣющее не всегда полезный для станицы результатъ, а всего чаще какое нибудь отчисленіе на предметъ, отъ пользы станицы весьма отдаленный. И проч., и проч.

— У насъ одинъ, два, три лица богатѣютъ,—говорилъ мой собесѣдникъ;—а казачество нищаетъ. Конечно, говорить о многомъ нельзя, а то тутъ было бы что разсказать... Кабы писатель Гоголевъ былъ живъ, онъ бы такой еще романъ написалъ, что мое почтеніе... А взять опять войсковой соборъ...

Собесѣдникъ мой не сталъ говорить и махнулъ лишь рукой.

Мы кончили чаепитіе и вышли на балкончикъ. Солнца уже не было видно; оно садилось тамъ гдѣ-то, за строеніями; длинныя, сплошныя тѣни потянулись по небольшому двору. Я разспросилъ у своего собесѣдника, какъ удобнѣе всего осмотрѣть станицу, и пошелъ.

По узкимъ и кривымъ улицамъ, немощенымъ, конечно, въ иныхъ мѣстахъ поросшимъ травой или покрытымъ огромными кочками, я обошелъ сравнительно небольшую часть станицы, потому что Старочеркасскъ растянулся чуть не на десять верстъ (онъ составился изъ 11-ти станицъ). По близости къ собору онъ напоминаетъ, до нѣкоторой степени, городъ: дома каменные, двухъ-этажные, довольно красивые; на улицахъ—торговля... подсолнухами и арбузными сѣменами, которыя усердно грызутъ здѣсь, кажется, всѣ безъ исключенія, начиная съ дѣтей и кончая дамами и барышнями. Но чѣмъ дальше уходилъ я отъ собора, тѣмъ болѣе Старочеркасскъ изъ города превращался въ самую обыкновенную низовую станицу: выкрашенные въ желтую краску домишки на высокихъ деревянныхъ фундаментахъ, или «съ низами», т. е. съ нижнимъ полуэтажомъ, съ деревянными галлерейками («балясами») кругомъ, тѣсно лѣпились другъ къ другу; густая зелень маленькихъ садиковъ выглядывала на улицу черезъ живописныя развалины плетней, разрушенныхъ и поваленныхъ половодьемъ. Казачки въ кисейныхъ платочкахъ и въ

блузахъ съ широкими рукавами встрѣчались на улицѣ съ ведрами на плечахъ; въ иныхъ мѣстахъ видны были на огородахъ ихъ фигуры, облокотившіяся на мотыки, въ довольно живописныхъ позахъ, съ высоко подобранными подолами. Встрѣчавшіеся со мной мужчины и женщины кланялись и говорили: «добрый вечеръ». Казаки вообще считаютъ непремѣннымъ долгомъ вѣжливости раскланиваться даже съ незнакомыми людьми.

По длинному деревянному мостику, на очень высокихъ сваяхъ, соединявшему одну часть станицы съ другой, началось уже гулянье. Я посмотрѣлъ на открывавшіяся съ моста окрестности станицы,—огромный, ровный, какъ доска, лугъ съ рощами вербъ,—и пошелъ къ Дону. Солнце уже сѣло; заря слабо горѣла на западѣ; надвигались сумерки. Тихо было все. На баркахъ зажглись огоньки, и въ высокомъ небѣ загорѣлись серебристыя звѣзды. Въ глубинѣ рѣки, гладкой, какъ зеркало, точно застывшей, отражалось и небо со звѣздами, и барки, и плоты съ своими огоньками. Гдѣ-то на водѣ скрипѣла гармоника; у станицы пѣлъ женскій голосъ; тихій говоръ иногда слышался на берегу. Родная рѣка опять приковала меня своею невысказанной прелестью тишины и молчаливой думы... Я сѣлъ на опрокинутую на пескѣ лодку и задумался. Неподалеку отъ меня мирно бесѣдовали нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ обывателей. Старый солдатъ неторопливо разсказывалъ о томъ, какъ нѣкоторые ученые люди тщетно старались добраться до вершины Арарата, чтобы увидѣть ковчегъ. Разсказчикъ стоялъ на строго фактической почвѣ; ничего фантастическаго не было въ разсказѣ. Собесѣдниками его были бѣлый, какъ лунь, приземистый старикъ-хохолъ и два казака, одинъ—высокій, бородатый, молчаливый, другой—небольшой, молодой, съ усами, живой и разговорчивый.

— Значитъ, не допущаетъ?—спросилъ старикъ.

— Закрытъ,—отвѣчалъ разсказчикъ:—тучами закрытъ. Снѣгъ пойдетъ, кура̀...

— И лѣтомъ?

— Круглый годъ! Дюже мѣста тамъ высокія такія.

— Нѣтъ! значитъ отъ духа святого такъ! —сказалъ рѣшительнымъ тономъ старикъ:—нельзя! Духъ святой не допущаетъ.

Но собесѣдники его не совсѣмъ согласились съ этимъ, и молодой казакъ заспорилъ. Споръ длился весьма долго. Съ первоначальной темы незамѣтно перешли на другую (о давности земли), на третью и т. д. Спорили и объ облакахъ, и о небѣ, и о «томъ свѣтѣ», и о сновидѣніяхъ. Старикъ вошелъ въ величайшій задоръ. Онъ дѣлалъ совсѣмъ невѣроятныя ссылки на священное писаніе и безпрестанно говорилъ своимъ оппонентамъ—солдату и молодому казаку: «брешешь! брешешь!» Наконецъ таки поссорились...

— Чего брешешь?—вскочивъ съ своего мѣста и сильно жестикулируя, кричалъ старикъ своимъ дребезжащимъ голоскомъ:—кровь—это въ нутрѣ, нутренность, а какая же кровь въ ногахъ?

— Да кровь по всему человѣку ходитъ,—возражалъ солдатъ.

— Э, старый дурень!—съ раздраженіемъ сказалъ молодой казакъ по адресу стараго:—его не переспоришь! Все онъ знаетъ и окромѣ себя никого не считаетъ... Вотъ фарисей! право, фарисей!

— Книжникъ и фарисей!—прибавилъ солдатъ.

— Ты не будь фарисеемъ!—наставительнымъ тономъ подхватилъ опять молодой казакъ, насѣдая на озадаченнаго нѣсколько дѣда:—не носи по три свѣчки, а подай милостыню невидимую,—вотъ Господу угодное! А то несетъ свѣчки на видъ... Тебѣ ѣсть скоро нечего будетъ... Ты вотъ знай, какъ огурья грузить, а энто, братъ, дѣло не нашего ума!

— Да вѣдь я, Васятка, къ разговору,—робко и мягко возразилъ старикъ:—дѣло вышло къ разговору... Ежели отъ писанія, а писаніе, братъ, самъ знаешь,—написано...

Оба казака и солдатъ поднялись съ баркаса и пошли къ станицѣ. Старикъ, названный табачной ноздрей, посмотрѣлъ имъ, молча, вслѣдъ, затѣмъ досталъ изъ кармана табакерку и, захвативъ изъ нея щепотку табачку, проговорилъ, обратившись въ мою сторону:

— Дѣло вышло къ разговору, напримѣръ, изъ писанія, а онъ обидѣлся... Молодъ еще, щенокъ!

Затѣмъ онъ чихнулъ съ аппетитомъ два раза и медленно поплелся къ станицѣ. Въ десяти шагахъ сутулая фигура его утонула въ густыхъ сумеркахъ подвинувшейся ночи.

Я посидѣлъ еще нѣкоторое время на берегу—одинъ среди полнаго безмолвія. Вода смутно, едва замѣтно блестѣла и текла тихо, неслышно. Темные, неопредѣленные силуэты барокъ выдѣлялись по близости, и маленькіе, одинокіе огоньки на ихъ мачтахъ отражались въ глубинѣ. Заснулъ берегъ, затихла станица. Съ луга, какъ будто замирающій звонъ колокольчика, доносилась монотонная пѣсня кузнечиковъ. Ея неясные звуки, идущіе изъ темной, безвѣстной дали, нескончаемые, неизвѣстно когда начавшіеся, погружали меня въ странное, дремотное состояніе, и вызывали въ душѣ смутные, невѣдомые образы. Картины стародавняго казачьяго быта всплывали передо мной... Рѣка уже не тусклымъ свѣтомъ блестѣла, а сіяла лазурью въ яркомъ блескѣ весенняго дня. Не темные силуэты неуклюжихъ барокъ стояли предо мной, а выплывали «два нарядные стружка»...

Они копьями, знамены, будто лѣсомъ поросли.
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы—все донскіе казаки,
Да еще же гребенскіе, запорожскіе.
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены,
Астрахански кушачки—полушолковые,
Пестрядинныя рубашечки съ золотымъ галуномъ,
Что зеленъ сафьянъ сапожки—кривые каблуки,
И съ зачесами чулки, да всѣ гарусные...
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ...

Тихая, заснувшая рѣка, которая знала все это, неслышно и молча катила передо мной свои воды и ничего не повѣдала о своей старинѣ...

На другой день, до выѣзда изъ станицы, я походилъ еще нѣкоторое время по берегу Дона, полюбовался на родную рѣку, посмотрѣлъ, какъ тянули рыбаки неводъ... Затѣмъ—нанялъ извозчика и поѣхалъ изъ Стараго Черкасска въ Новый.

Кстати, нѣсколько словъ о рыболовномъ промыслѣ на Дону. Долженъ, впрочемъ, оговориться, что мои личныя наблюденія по этому вопросу далеко недостаточны: я былъ въ рыбопромышленномъ районѣ (къ которому принадлежатъ, между прочимъ, станицы Старочеркасская, Аксайская, и центромъ котораго являются Елизаветовская и Гниловская станицы)—проѣздомъ, короткое время и, притомъ же, въ глухое время рыболовства—въ лѣтнюю, или «меженную» пору. Свѣдѣнія, полученныя мною изъ разспросовъ казаковъ, не всегда были согласны между собой; приходилось свѣрять ихъ съ небогатымъ печатнымъ матеріаломъ, случайно оказавшимся у меня подъ руками, и многое, сообщенное моими случайными собесѣдниками, надо отбрасывать, какъ недостовѣрное произведеніе фантазіи *).

Одинъ только фактъ во всѣхъ этихъ отзывахъ общепризнанъ и несомнѣненъ: это прогрессирующее уменьшеніе рыбы въ Дону, въ его притокахъ и на всемъ морскомъ побережьѣ. На основаніи собственныхъ наблюденій я могу сказать о крайнемъ рыбномъ оскудѣніи въ верхнемъ Дону, а также въ Медвѣдицѣ и Хопрѣ. На моей памяти, въ какія нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ, даже количество воды поразительно уменьшилось, а о прежнихъ уловахъ старые рыбаки (или «рыбалки», какъ они называются въ области) лишь пріятно вспоминаютъ да вздыхаютъ, собравшись гдѣ нибудь на песчаномъ берегу рѣки во время ночной ловли.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ рыбнаго оскудѣнія на Дону гг. Номикосовъ и Полушкинъ признаютъ постоянное и полное загражденіе донскихъ гирлъ рыболовными снастями, не позволяющее рыбѣ проникать вверхъ по рѣкѣ для метанія икры въ удобныхъ мѣстахъ, и затѣмъ—хищническій способъ самой ловли. «Благодаря только изумительной плодливости рыбы, Донъ не до конца оскудѣлъ оною»,—замѣчаетъ г. Номикосовъ. «Въ данное время»,—говоритъ

---

*) Напримѣръ, въ Старочеркасскѣ мнѣ пришлось слышать о богатствѣ Елизаветовскихъ и Гниловскихъ рыболововъ слѣдующее: «Казакъ тамъ работаетъ, черный отъ воды, на каррикатуру похожъ, а жена—генеральша! Домъ у него—хибарка рублей во сто, не больше, а войди—мебели рублей на тыщу»... А между тѣмъ г. Полушкинъ въ своей брошюрѣ «Рыбацкая вольница» вотъ какъ описываетъ жилища этихъ богачей: «Зайдя въ нѣсколько хатъ, я увидѣлъ крайнюю бѣдность. Комнаты были низкія, полы глиняные; нѣсколько плохенькихъ стульевъ да черные, закоптѣлые образа украшали сѣрыя стѣны"...

другой авторъ:—«рыболовный районъ, начинающійся отъ Елизаветовской станицы и далѣе вверхъ по Дону, представляетъ изъ себя въ высшей степени безотрадную картину. Въ Аксаѣ, Старочеркасскѣ и Александровской промыселъ уже давно прекратился, въ Гниловской—также, и только въ одной Елизаветовкѣ продолжаютъ еще рыбачить полусопрѣвшими неводами. Причиной этого служитъ большая масса донскихъ и не-донскихъ рыбаковъ, скучившихся въ самомъ устьѣ рѣки Дона, забившихъ вентерями и сѣтями всѣ многочисленныя гирла и такимъ образомъ окончательно запершихъ ходъ рыбы въ верховьяхъ».

Рыба, не попавшая въ снасти и не прошедшая въ рѣку, должна вернуться въ море и метать икру въ мѣстахъ совсѣмъ неудобныхъ, вслѣдствіе чего въ самомъ зародышѣ погибаетъ уже огромнѣйшее рыбное богатство. Изъ пойманной рыбы ни одинъ икряный экземпляръ не выбрасывается въ воду; также и пойманная мелкая рыба, «однолѣтокъ», не имѣющая никакой продажной цѣнности, остается на берегу и пропадаетъ безъ всякой пользы.

Все это, вмѣстѣ съ обмеленіемъ рѣкъ и уменьшеніемъ питательнаго запаса, необходимаго для рыбы (причина, кажется, одна и та же—истребленіе лѣсовъ), съ увеличеніемъ пароходнаго движенія,—сулитъ для донского рыболовства не въ далекомъ будущемъ могилу. И теперь уже количество казаковъ, занимающихся однимъ только рыболовствомъ, значительно уменьшилось (вслѣдствіе перехода къ другимъ промысламъ), и положеніе большинства ихъ далеко не блестящее. Есть нѣсколько десятковъ самостоятельныхъ неводчиковъ-богачей, имѣющихъ свои «ватаги» рабочихъ,—эти живутъ широко, а остальная масса промышленниковъ перебивается кое-какъ.

«Чтобы не умереть съ голоду»,—говоритъ г. Номикосовъ,—«рыболовъ долженъ поймать рыбы рублей на 400, изъ которыхъ уплачиваетъ работникамъ рублей 50. Обстановка такого рыболова весьма небогата. Домикъ у него въ двѣ комнаты съ холоднымъ чуланомъ. Живетъ рыболовъ съ базара, даже хлѣба дома не печетъ, чѣмъ и отличается отъ земледѣльца, довольствующагося почти исключительно своими продуктами. Нѣкоторые рыболовы въ помощь къ своему коренному занятію имѣютъ еще огороды, часть продуктовъ съ которыхъ продаютъ на сторону»...

X.

Отъ Старочеркасска до Новочеркасска. Разговоръ о «верховыхъ» и «низовыхъ» казакахъ. Донская казачка.

Я выѣхалъ изъ Старочеркасска около полудня. При разсчетѣ оказалось, что съ меня за комнату и два самовара полагалось 25 коп. сер. Дешевизна, достойная подражанія!

Мой возница былъ казакъ моего возраста, загорѣлый, черный

съ усами, на высокой худой лошади. Дроги его, на которыя была положена связка свѣже - скошенной травы, были крайне неудобны. Мы кое-какъ усѣлись и поѣхали по кочковатымъ, узкимъ, поросшимъ травой улицамъ Старочеркасска. Ѣхали шагомъ, часто заворачивали за углы, пока добрались до пловучаго мостика черезъ какой-то «ерикъ» и выѣхали, наконецъ, изъ станицы въ займище.

Кругомъ было плоско, ровно, зелено. По сторонамъ тянулись во всѣхъ направленіяхъ бахчи, на которыхъ работали преимущественно женщины. Близость городовъ Ростова и Новочеркасска вызвала здѣсь особенное развитіе огороднаго промысла, приносящаго жителямъ окрестныхъ станицъ и хуторовъ хорошій доходъ.

Широкая, синеватая даль открывалась передъ глазами. Только въ одномъ мѣстѣ возвышалась четыреугольникомъ высокая насыпь.

— Крѣпость святыя Анны,—объяснилъ мнѣ мой возница:—тутъ *они* жили, а потомъ наши ихъ постепенно вытѣсняли, сперва въ Азовъ, а потомъ и дальше.

— Кто же это «они»?—спросилъ я.

— Да непріятель, значитъ. Турокъ...

Я зналъ, что эта крѣпость была не турецкая, а русская, и построена она была по приказу Петра Великаго отнюдь не для борьбы съ турками, а для наблюденія за казаками: «чтобы внутреннія иногда шатости по тутошнему мѣсту пресѣкать.» Когда я объяснилъ все это моему собесѣднику, то онъ не совсѣмъ охотно повѣрилъ этому и сослался на стариковъ.

— А старики у насъ говорятъ, будучи это турецкая крѣпость.

Монотонный ландшафтъ нѣсколько разнообразился небольшими рощицами вербъ да «ериками,» т. е. узкими протоками, разрѣзавшими займище во всѣхъ направленіяхъ. Вотъ мы подъѣхали къ одному изъ такихъ ериковъ.

— Этотъ какъ называется?—спросилъ я.

— Гнилой,—отвѣчаетъ мой возница.

— А вѣдь мы потонемъ,—прибавляетъ онъ совершенно равнодушно, видя, что ѣхавшія впереди дроги, нагруженныя огурцами уже начали подплывать:—либо мнѣ на каюкѣ перевезть васъ?

Мы сложили вещи и сѣно на берегу. Казакъ мой поѣхалъ черезъ Гнилой, стоя на дрогахъ, потомъ на другомъ берегу пустилъ лошадь на траву, отвязавъ ей черезсѣдельникъ, и ведромъ началъ выливать воду изъ лодки, стоявшей у того берега. Онъ долго трудился надъ этимъ, такъ какъ лодка была почти до краевъ наполнена водой...

Наконецъ, кое-какъ вода была выплескана. Оставалось найти весло. Но весла нигдѣ не было. Тогда мой казакъ легъ животомъ на носъ баркаса и началъ усердно грести обѣими руками. Такимъ образомъ, онъ съ грѣхомъ пополамъ переѣхалъ ко мнѣ, но лодка сѣла на мель, и отъ берега нужно было брести до нея по водѣ.

Казакъ сначала перенесъ вещи въ лодку и сложилъ на носу,—это было единственное сухое мѣсто тамъ... Потомъ вернулся опять на берегъ и съ видомъ безповоротной рѣшимости сказалъ:

— Пожалуйте.

Съ этимъ словомъ онъ нѣсколько подогнулся и подставилъ мнѣ спину. Послѣ нѣкотораго колебанія я взгромоздился на него, и онъ, шлепая сапогами по мутной водѣ ерика, поднесъ и ссадилъ меня на баркасъ. Потомъ, оттолкнувъ баркасъ отъ берега, онъ началъ грести уже обломкомъ доски, который нашелъ на берегу, и мы перебрались на другую сторону.

Мой возница былъ по натурѣ резонеръ и не смолкалъ всю дорогу (а ѣхали мы около пяти часовъ). Узнавши, что я родомъ изъ верховыхъ казаковъ, онъ усвоилъ себѣ по отношенію ко мнѣ и къ моимъ станичникамъ тонъ нѣсколько снисходительный и поучающій: старый антагонизмъ, очевидно, еще не умеръ, и привычка низовыхъ казаковъ относиться свысока къ своимъ верховымъ собратьямъ остается въ силѣ и до настоящаго времени. Напримѣръ, мы проѣзжаемъ мимо какого-то хутора. Дома все или подъ желѣзной, или подъ тесовой крышей. Видно, что народъ живетъ зажиточно.

— Вотъ погляди, какъ у насъ живутъ,—начинаетъ мой собесѣдникъ:—вѣдь—хуторишка! У насъ вѣдь не какъ у васъ тамъ «египтяне» работаютъ. У «египтянина», какъ хлѣба нѣтъ, такъ ужъ онъ носъ повѣсилъ, а у насъ этого нѣтъ,—не такъ! Вотъ гляди, какъ у насъ живутъ. Есть у васъ такіе дома?

Онъ устремилъ на меня гордый, безжалостно торжествующій взглядъ. Признаюсь, мнѣ было больно и огорчительно за «египтянина» (какъ онъ презрительно обзывалъ верхового казака за его упорный, исключительно земледѣльческій, мало доходный трудъ), у котораго, дѣйствительно, такой домъ встрѣтишь не часто.

— Пускай египтянинъ такой домъ выстроить!—продолжалъ не безъ хвастовства мой собесѣдникъ, наслаждаясь чувствомъ неизмѣримаго превосходства своего надо мной, какъ представителемъ «египтянъ»;—никогда! А хватись теперь, у этихъ жителей сколько хлѣба? Рѣдко у кого найдешь мѣшокъ муки, а то—либо пудикъ, либо и того нѣтъ... И горя мало! Нынче нѣтъ, завтра все будетъ... У насъ, братъ, есть такіе богачи, что у всѣхъ казаковъ собрать деньги, такъ и то не наберешь столько!.. А бабы, напримѣръ? Вотъ гляди: съ работы идетъ, а подъ зонтикомъ...

И онъ указалъ кнутомъ впереди себя на молодую смуглую казачку, которая, дѣйствительно, шла намъ на встрѣчу подъ бѣлымъ зонтикомъ, но... босикомъ.

— А ты въ праздникъ вотъ вышелъ бы къ намъ на гулянье, поглядѣлъ бы,—продолжалъ онъ, слегка приподнявъ свою фуражку передъ казачкой, которая первая поклонилась намъ:—тамъ не отличишь, что богатая, что бѣдная,—все равное. Все у ней есть,

какъ и у богатой, а вотъ изъ этакой хибарки идетъ. И у казака все есть...

— Ты говоришь, что у насъ фуражки да мундиры не носятъ казачьи, на русскихъ похожи стали?—послѣ небольшой паузы продолжалъ онъ съ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ бы отчасти полемизируя со мной:—да на чорта оно мнѣ, это казачество? Начхать мнѣ на него да размазать! Чего оно мнѣ даетъ? землю-то что ль? Это двадцать-то два рубля въ годъ? У насъ ужъ сколько казаковъ передалось въ мѣщане: въ прошломъ году, я знаю, семь, а сколько я не знаю - то. Одинъ урядникъ,—со мной пришелъ изъ полка,—какъ перешелъ во вторую очередь, такъ сейчасъ передался въ мѣщане, потому выгоднѣе... Ничего оно мнѣ не дастъ, это казачество! Есть деньги—ты и урядникъ, и офицеръ, и вахмистръ; нѣтъ денегъ—ты хотя и казакъ, а безъ вниманія! Это у васъ тамъ египтянинъ дорожитъ этимъ... Ежели урядника ай вахмистра заслужитъ, ужъ онъ думаетъ, что это и чортъ его не знаетъ, что такое урядникъ! Онъ понимаетъ объ этомъ вотъ какъ: «а-а, я—урядникъ!» А у насъ это — нѣтъ ничто! У насъ казакъ сплошь и рядомъ богаче офицера и чище одѣвается. А ежели какой урядникъ или вахмистръ у насъ на майскомъ заноситься станетъ, такъ у насъ на него сейчасъ тюкать начнутъ «тю—ю—у! чего заносишься: такъ твоей бабушкѣ и этакъ!» А вашъ египтянинъ, какъ поглядишь, пріѣдетъ въ Ростовъ,—кожухъ на немъ бѣлый, а на головѣ папаха съ краснымъ верхомъ и съ бѣлыми поперечинами... А-а потѣха Ну, на какого дьявола мнѣ онъ, мундиръ,—скажи на милость? Ежели на майское или на смотръ, я его надѣну, а потомъ положилъ въ сундукъ и пускай онъ лежитъ... У насъ казакъ изъ полка какъ приходитъ, такъ сейчасъ себѣ черную тройку, сапоги лактированные, калоши, дипломатъ легкій для лѣта, а теплый для зимы.. Онъ выйдетъ на гулянье, такъ это — мое почтеніе... Подходи видаться!..

Мой ораторъ даже сдѣлалъ рукой какой-то неопредѣленный жестъ въ воздухѣ, желая, вѣроятно, рельефнѣе оттѣнить ту блистательную и эффектную картину, которая рисовалась въ его воображеніи при разсказѣ о черной «тройкѣ», лакированныхъ сапогахъ и «дипломатѣ».

— Я тебѣ говорю,—продолжалъ онъ:—ты вотъ сейчасъ пройди по народу, погляди, у кого найдешь либо куль хлѣба, а у кого и того не найдешь. И горя мало, не думаютъ! У насъ сейчасъ народу мало въ станицѣ—почему?—потому что всѣ по мѣстамъ: кто на пароходѣ, кто съ судномъ ходитъ, кто рыбалитъ, кто на огородахъ. А зимой народъ собирается и тутъ ужъ гуляетъ на всѣ, сколько у кого хватитъ... Тѣмъ и жизнь наша красна! Ты бы вотъ къ намъ пріѣхалъ на Илью пророка,—у насъ престолъ бываетъ и ярманка,—вотъ бы поглядѣлъ народу-то! Два парохода съ публикой изъ Ростова приходятъ, музыка... Вотъ бы тебѣ посмотрѣть-то!

Я знаю, что для тебя было бы антиресно. А сейчасъ у насъ народу вовсе мало по станицѣ, и смотрѣть нечего... Въ соборѣ былъ?

— Былъ.

— Цѣпи тамъ видалъ?

— Видѣлъ.

— Это колдуна одного заковывали въ тѣ цѣпи, и самъ онъ сидѣлъ подъ соборомъ.

— Какого колдуна?—спросилъ я, нѣсколько огорчась историческимъ невѣжествомъ своего собесѣдника.

— А Стеньку!

— Развѣ онъ колдунъ?

— А какъ же. Его, бывало, никакіе оковы не держали. Поймаютъ его,—онъ, дѣйствительно, дается,—а потомъ тряхнетъ руками, и цѣпи съ него долой!.. Я тебѣ не докажу про этотъ предметъ, потому что молодъ годами—разъ, да и некогда мнѣ было дюже растабарывать объ этомъ—два, а вотъ кабы изъ стариковъ изъ старыхъ кто, они бы тебѣ все разбукварили, особенно—кто письменный... А я не письменный,—прибавилъ онъ не безъ сожалѣнія.

Онъ сдѣлалъ небольшую паузу и задумался. Потомъ, чувствуя всетаки необходимость посвятить меня въ исторію колдуна, началъ снова говорить размѣреннымъ голосомъ:

— Какъ, значитъ, онъ, Стенька Маноцковъ злодѣй, съ нашими тутъ казаками пьетъ-гуляетъ, въ бесѣдушкахъ сидитъ, а они соберутся въ Азовъ пошарпать, онъ сейчасъ броситъ въ Донъ полсть *) и на полсти плыветъ по рѣкѣ... Али нарисуетъ на стѣнѣ лодку, сядетъ въ нее и—поѣхалъ! Тамъ, значитъ, азовцамъ все и передастъ... Онъ вреда много дѣлалъ нашимъ.

— А вонъ дѣвки идутъ съ Краснаго,—вдругъ перешелъ онъ на другой предметъ:—куда же это онѣ идутъ? На тяповицу что ль? Нѣтъ, должно быть,—купаться. Ахъ, распродѣлать ихъ милость! Дѣвки!—закричалъ онъ, когда мы подъѣхали ближе къ группѣ молодыхъ казачекъ, направлявшихся къ озеру:—да чего же вы въ Василевъ не ходите купаться?

Ихъ было пять или шесть,—всѣ красивыя, черноглазыя, съ веселыми и плутоватыми взглядами. Въ отвѣтъ на вопросъ моего подводчика онѣ закричали почти разомъ:

— А далеко!

— Э, далеко! Такъ тамъ же лучше! Да вы не разбирайтесь при насъ, а то мы не поѣдемъ. Вы бы къ намъ въ станицу ходили купаться: въ Дону лучше...

— А мы завтра въ Черкасскъ пойдемъ, такъ тамъ искупаемся.

— Въ старый, ай въ новый?

— Въ новый!

---

*) Полсть—войлокъ.

— Такъ поѣдемте съ нами: подвеземъ за одно.

— Нѣтъ, рановато! Послѣ... нынче вечеркомъ.

— Да заразъ поѣдемте!—настойчиво убѣждалъ мой возница, обернувшись на своемъ мѣстѣ спиной къ лошади и предоставивъ ей идти по собственному усмотрѣнію, чѣмъ она немедленно же воспользовалась и своротила съ дороги.—Я вамъ говорю: не разбирайтесь при насъ, а то вонъ меринъ самъ воротитъ въ вашу сторону...

И онъ, на минуту обернувшись, поощрилъ мерина нѣсколькими ударами кнута и снова направилъ его на дорогу. Мы отъѣхали уже довольно далеко. Дѣвки что-то еще кричали намъ, размахивая руками, смѣясь и продолжая снимать костюмы («разбираться»), нѣкоторыя изъ нихъ уже бросились въ воду, визжа и разбрасывая кругомъ блестящія брызги. А мой казакъ все еще продолжалъ кричать имъ, хотя и самъ ничего не слышалъ за громомъ колесъ по кочковатой дорогѣ, да и его слышать нельзя было.

— Я вамъ говорю, какое тутъ купанье?—кричалъ онъ, блестя своими бѣлыми, ровными зубами:—Ѣдемте съ нами, такъ мы вамъ покажемъ купанье—ну, то будетъ купанье! Или, къ примѣру, у насъ въ старомъ Черкасскѣ... Чего? Чего говорите? Э, дьяволы! Ничего не слышу: визжите дюже! Я говорю: къ намъ въ станицу приходите вечеркомъ! Э, кобылы! ничего совершенно не слыхать... Да ну васъ къ чорту!..

И онъ снова обернулся къ мерину и снова, для порядку, хлыстнулъ его нѣсколько разъ кнутомъ. Улыбка тотчасъ же сошла съ его лица.

— Да, вотъ у насъ дѣвки не побѣгутъ отъ чужого человѣка, какъ ваши,—обращаясь ко мнѣ, заговорилъ онъ прежнимъ тономъ, тономъ подавляющаго превосходства:—У насъ къ чужому даже какъ-то ласковѣе: Богъ его знаетъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ!.. А ну-ка онъ пріѣхалъ посмотрѣть да жениться? И народъ у насъ много вѣжливѣе вашего. У насъ, вотъ кабы ты остался до праздника, то хоть бы со мной али еще съ кѣмъ пошелъ въ компанію али на гулянье,—такъ тебя съ удовольствіемъ бы приняли всѣ, и никто бы тебя за чужого не считалъ... Взяли бы мы съ тобой бутылочку водки да поставили, также бы рядъ-рядомъ пили, какъ и всѣ, и никто бы тебя за чужого не считалъ. А у васъ, ежели я зашелъ въ кабакъ, взялъ бутылку водки,—такъ верховецъ наровитъ ее стянуть со стойки да себѣ присвоить: это доводилось мнѣ самому видать. Такъ, охряпы, а не люди...

Я попробовалъ возражать, но мои возраженія вышли слабыми и бездоказательными: мой собесѣдникъ,—надо сознаться,—былъ въ этомъ случаѣ почти правъ. Онъ увѣренно и авторитетно сказалъ:

— Я, братъ, знаю! Не говори. Народъ у васъ сурьезный, грубый... А у насъ и дѣвки также бы тебя приняли и въ проходку

бы съ тобой ходили, какъ со своимъ. Жаль, что ты не остался у насъ до праздника, тутъ бы ты посмотрѣлъ разные предметы...

Разговоръ нашъ, коснувшись прекраснаго пола, естественно принялъ въ скоромъ времени нѣсколько легкій характеръ.

Такова была ужъ самая тема...

Къ слову сказать; на Дону нравы вообще не отличаются особенною строгостью, да и самыя условія казачьей жизни и военной службы не таковы, чтобы ихъ можно было назвать нормальными. Поэтому какъ-то ужъ принято на казачку возводить массу нареканій, иногда имѣющихъ основаніе, а чаще всего самыхъ неосновательныхъ. Казачка вообще представляетъ собою глубоко-любопытный типъ, почти не тронутый въ нашей литературѣ, если не считать Марьяны гр. Л. Толстого («Казаки»).

Самый трогательный и поэтическій мотивъ казачьихъ пѣсенъ— тоска матери о сынѣ, находящемся на далекой чужой сторонѣ. «Кабы были сизы крылышки»,—говоритъ мать въ одной пѣснѣ:— «я бы полетѣла, всѣ казачьи казармы я бы осмотрѣла, свово милаго сыночка бы угадала». Въ другой пѣснѣ—тотъ же мотивъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «Ты не плачь, не тоскуй объ насъ, родимая матушка! Ужъ мы пьемъ-ѣдимъ все готовое, платьице носимъ мы нарядное»... Немногочисленны тѣ пѣсни, въ которыхъ фигурируетъ молодая жена или «сударушка», «распрелестная шельма бабеночка», «душа-красная дѣвочка». Молодая жена рѣдко представляется тоскующей объ мужѣ; гораздо чаще пѣсня поетъ объ ея грѣхахъ въ отсутствіе мужа:

Подошли мы къ Дону близко,
Поклонились Дону низко:
— «Здравствуй, Донъ, ты, нашъ Донецъ,
И родные—мать—отецъ!
Здравствуй женушка-жена!
Хорошо ли ты жила?
— «Ивановичъ, хорошо!
Хоть бы годикъ такъ ишшо...
Хоть бы годикъ, хоть бы два,
Хоть бы года полтора...
Разсказала бъ я подробно,
Да побьешь ты меня больно...

Пѣсни о «сударушкѣ», которая «зажгла ретиво сердце», звучатъ всегда нѣжной грустью и трогательной жалобой...

Быстра рѣчка бережочки сноситъ,
Молодой казакъ полковничка проситъ:
«Отпусти меня, младъ полковничекъ,
Отпусти меня домой!
Дюже скучился, стосковался я
По сударушкѣ своей дорогой...

Что же такое казачка?

Я больше всего люблю видѣть ее въ хороводѣ, теплымъ весен-

нимъ вечеркомъ, когда истухаетъ на западѣ заря, когда тихо и неподвижно стоятъ кругомъ станицы неровныя, черныя стѣны тополей и вербъ, неясно вырисовываясь своими зубчатыми верхушками на сине-блѣдномъ звѣздномъ небѣ... Пѣсня звенитъ въ чуткомъ воздухѣ. Кругомъ все такъ оживленно: визгъ ребятишекъ и дѣвчатъ, звонкій смѣхъ, бѣготня, толкотня... Молодые казаки стоятъ въ кругу. Она проходитъ своей легкой походкой мимо, въ бокъ поглядывая на какого-нибудь молодца, и отъ этого взгляда закипаетъ у казака кровь.

— Ну-ка, Настя, давай въ шепты играть,—говоритъ онъ, подкравшись къ ней и безцеремонно обнявъ ее сзади.

— Уйди ты, холера!—отбиваясь и громко ударивъ его по спинѣ ладонью, кричитъ она со смѣхомъ.

Но въ такомъ пріемѣ кавалеръ видитъ лишь поощреніе и снова обнимаетъ ее и говоритъ ей такія веселыя вещи, что она хохочетъ, взвизгиваетъ и снова съ силою вырывается у него изъ рукъ.

— Не пойду я съ тобой: дюже дуришь! — убѣгая, уже издали кричитъ она.

Съ самаго дѣтства казачка привыкаетъ къ свободѣ обращенія съ мужчиной и къ нѣкоторой равноправности. Къ этому пріучаетъ ее и домашняя жизнь, и улица, и до извѣстной степени общественный укладъ казачьей жизни (по смерти мужа она не лишается права на пользованіе землей; нерѣдко она за мужа отбываетъ иныя станичныя повинности и т. д.).

На улицѣ дѣвочкѣ-казачкѣ приходится частенько защищать себя и вступать въ рукопашную съ мальчуганами-казачатами, которые всегда имѣютъ наклонность, по воинственности характера, «отдуть дѣвокъ»,—пока не доросли до рыцарскихъ воззрѣній. Такія столкновенія происходятъ почти ежедневно, и, надо правду сказать, не всегда будущіе лихіе кавалеристы остаются побѣдителями, хотя всегда почти являются вызывающей стороной. Иногда, правда, коварному обидчику удается «срѣзать съ крыла», и онъ, быстро улепетывая, слышитъ сзади себя разсерженные, плачущіе крики:

— Мошенникъ! погоди, попадешься и ты когда нибудь! воряга!

Онъ торжествуетъ...

Но бываютъ случаи, когда такой «мошенникъ» лѣтъ девяти или десяти еще быстрѣе убѣгаетъ отъ дѣвчатъ, которыя, воспользовавшись численнымъ перевѣсомъ, вздумаютъ отвѣтить на его вызовъ дружною атакой. Вотъ онъ бѣжитъ, держа въ рукахъ фуражку, и громко кричитъ, размахивая руками и не заботясь уже о своемъ достоинствѣ:

— Игнатка! Фетиска! сюда! гонятъ! Дѣвки гонятъ!.. сюда, дьяволы!.. Чего же вы, дьяволы, глядите? на мнѣ рубаха-то ужъ мокрая стала!..

Замужъ казачка выходитъ очень рано, въ 16—18 лѣтъ; въ 20 лѣтъ дѣвушка считается «перестаркомъ», и какія-нибудь осо-

бенныя причины заставляють ее ждать до этого возраста вдовца или немолодого уже казака: или физическіе недостатки, или (чаще) слишкомъ зазорное поведеніе въ дѣвичествѣ. Не всегда казачка вступаетъ въ бракъ по любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ неизвѣстно также ни одного случая насильственной выдачи замужъ. Матеріальныя и практическія соображенія не рѣдко играютъ важную роль въ бракѣ: для невѣсты—размѣръ «кладки», хозяйственное положеніе семьи жениха, если она сама изъ достаточной семьи; для жениха, кромѣ наружности будущей подруги жизни, ея здоровье, работоспособность и извѣстная доля развитія («чтобы умѣла принять и поговорить съ человѣкомъ»). Бракъ не заключается сразу; онъ занимаетъ, вмѣстѣ съ распитіемъ «стклянки» (сговоръ), съ «запоемъ» (заключеніе договора въ присутствіи всѣхъ родственниковъ съ той и другой стороны), съ изготовленіемъ «кладки», довольно значительный срокъ. Иногда, за промежутокъ времени отъ сговора до вѣнчанія, разстраивается свадьба изъ за какихъ-нибудь недоразумѣній въ кладкѣ, или изъ-за неблагопріятныхъ слуховъ объ одной изъ сторонъ, и дѣло не рѣдко доходитъ до разбирательства въ станичномъ судѣ.

Сговоръ, или такъ называемое «свиданьице», происходитъ въ домѣ родителей невѣсты. Въ ожиданіи прихода сватовъ вся почти родня невѣсты находится въ сборѣ. Сама невѣста съ подругами сидитъ въ особой комнатѣ; она одѣта въ лучшее свое платье, въ ушахъ—лучшія ея серьги, на ногахъ новые «щиблеты» и даже калоши (чтобы женихъ зналъ, что у нея и калоши есть). Вотъ, наконецъ, являются и сваты вмѣстѣ съ женихомъ. Ихъ сажаютъ за столъ, въ передній уголъ, подъ образа. На столѣ появляются бутылки. Среди торжественнаго молчанія отецъ невѣсты подноситъ всѣмъ присутствующимъ по рюмкѣ. И только послѣ этого приступаютъ къ дѣлу—сначала къ договору о кладкѣ.

— Вы, Михайло Семенычъ, какую клали первой снохѣ, скажите намъ, пожалуйста?—спрашиваетъ отецъ невѣсты у женихова отца,—тогда мы скажемъ и про свою, какую мы хотимъ взять...

— Мы той снохѣ клали: шубу, пальто, два платья, два платка и щиблеты. Вся эта кладка намъ стоила полусотку въ отрѣзѣ. Шубу мы брали,—вотъ эта нынѣ форма пошла, — забылъ, какъ называютъ это рядно... Фу-у ты, какая память! Забылъ да и все! Молкасей, молкасей, ну его къ свиньямъ! Шубу изъ молкасея и пальто изъ молкасея. Платья — одно суконное, кашемировое, а другое—ситцевое; платки оба бѣлые, какъ снѣговые... Вы, Василій Миколаевичъ, можетъ, возьмете деньгами? Мы и деньгами выкинемъ вамъ, для насъ все одно...

Для свата «выкинуть деньгами» было бы выгоднѣе, потому что сумму онъ назвалъ меньшую, чѣмъ стоитъ «кладка» на самомъ дѣлѣ («полусотка»). Это отлично понимаетъ и отецъ невѣсты и дипломатически отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, мы не хотѣли бы деньгами. Лучше ужъ возьмемъ такъ, какъ клали той, только чтобы эта малая кладка была хорошая, а больше мы выговаривать съ васъ ничего не станемъ... За запой согласны взять деньгами пять рублей.

— Ну, такъ—и такъ! Теперь все покончили, давай.

По окончанiи молитвы начинается и самое, такъ называемое, свиданьице. Вводятъ невѣсту и ставятъ ее посреди горницы. Изъ задняго угла извлекаютъ жениха и ставятъ его рядомъ съ невѣстой. На лицѣ его появляется выраженiе испуга и забавнаго недоумѣнiя. Невѣста стоитъ, потупившись въ землю. Первымъ обращается къ молодой четѣ отецъ жениха.

— Миша, что ты—узналъ свою невѣсту? — спрашиваетъ онъ у сына.

Женихъ смущенно, осипшимъ отъ долгаго молчанiя голосомъ, отвѣчаетъ:

— Узналъ.

— Марья Васильевна! а вы узнаете жениха или нѣтъ?—обращается будущiй свекоръ къ невѣстѣ.

— Да, узнаю,—чуть слышно отвѣчаетъ смущенная невѣста.

— Ну теперь, дѣти, вотъ при всей компанiи открывайтесь, что вы нравитесь другъ другу... Такъ и говорите! А если не нравитесь, говорите: «мы не того... стало быть... мы не хотимъ». Миша! тебѣ невѣста нравится?

— Нравится,—отвѣчаетъ женихъ съ прежнимъ смущенiемъ.

— А тебѣ, Марья, нравится женихъ? — спрашиваетъ отецъ у невѣсты.

— Да,—отвѣчаетъ чуть слышно невѣста.

— Ну, поцѣлуйтесь три раза, дѣти!

Послѣ этого слѣдуетъ обмѣнъ подарковъ между женихомъ и невѣстой. Женихъ получаетъ отъ невѣсты шарфъ, перчатки и носовой платокъ, а ей даритъ платокъ на голову. Затѣмъ невѣста должна обнести водкой родню жениха, а женихъ—родню невѣсты. Будущiй свекоръ, принимая отъ невѣсты рюмку, говоритъ:

— Ну, дѣти, любите другъ друга крѣпко и не купоросьтесь между собой! Почитайте родителей и стариковъ, но паче всего любите другъ друга и устраняйтесь отъ худыхъ дѣлъ. Вотъ вамъ, дѣти, пока на первый случай!—прибавляетъ ораторъ, бросая на подносъ серебряный рубль.

Въ томъ же назидательномъ духѣ обращаютъ рѣчи къ жениху и невѣстѣ и остальные присутствующiе на «свиданьицѣ» родственники и приносятъ имъ посильные дары. А затѣмъ, по окончанiи этого торжественнаго церемонiала, начинается шумный, веселый пиръ...

Вступленiе въ чужую семью, въ большинствѣ случаевъ, не влечетъ за собою для казачки особыхъ лишенiй. Съ мужемъ, до выхода его въ полкъ, ей приходится жить не больше двухъ-трехъ

лѣтъ, иногда даже меньше, и за этотъ срокъ она не видитъ отъ него обиды; другое дѣло, когда мужъ вернется изъ полка, уже значительно испорченный, да еще получитъ стороной какіе нибудь неблагопріятные слухи о женѣ: тутъ уже рѣдкая казачка обойдется безъ знакомства съ плетью или кулакомъ... Противъ свекрови казачка и сама не дастъ себя въ обиду. Въ случаѣ притѣсненій въ семьѣ мужа у нея имѣется одно средство —къ слову сказать, сильнодѣйствующее и часто употребляемое,—возвращеніе въ родительскую семью впредь до прихода изъ полка мужа; а мужья въ такихъ случаяхъ почти всегда становятся на сторону притѣсняемыхъ женъ, а не родителей.

Самое критическое время для казачки настаетъ тогда, когда мужъ ея уходитъ въ полкъ, и она остается «жалмѣркой». Теперь она уже одна, безъ заступника, и должна сама защищать себя отъ обидъ. Теперь за ней строго и подозрительно смотритъ вся семья и, можетъ быть, накопляетъ скандальный матеріалъ, чтобы потомъ сообщить его мужу; по крайней мѣрѣ, ей часто объ этомъ напоминаютъ. А между тѣмъ кругомъ такъ много соблазновъ, и такъ скучно и тоскливо жить въ двадцать лѣтъ одной-одинокой... Нельзя ни погулять безъ риску, ни на улицѣ до-поздна пробыть; если чужой казакъ вздумалъ поговорить по секрету или пошутить, жди бѣды: или мужу напишутъ, или ворота вымажутъ дегтемъ... Трудно удержаться отъ грѣха, да и не всякая «жалмѣрка» старается выдержать искусъ четырехъ лѣтъ... Иногда останется она на праздникъ въ полѣ «дневать», т. е. караулить оставленное имущество, и вдругъ, какъ бы мимоходомъ, заходитъ «польской сосѣдъ», молодой казакъ, который уже давно высматриваетъ ее. Далеко кругомъ ни души не видно; зеленая степь разстилается съ прошлогодними стогами да маленькими хатками, въ которыхъ осенью живутъ пахари; и вечеръ такой тихій, румяный, мечтательный, и небо такъ весело смотритъ и ясно, и казакъ такой молодой, ласковый и сильный, и такъ томительно-скучно одиночество...

— Здравствуйте, Наташа!—говоритъ почтительно гость, едва сдерживая улыбку, готовую расплыться на его лицѣ.

— Мимо, мимо!—отвѣчаетъ она, тщетно стараясь принять какъ можно болѣе суровый видъ.

— Почему такъ сурьезно?—дѣлая испуганное лицо, спрашиваетъ сосѣдъ.

— А потому... проходи мимо—вотъ почему!—съ усиліемъ выговариваетъ она, не удержавшись отъ смѣха.

На лицѣ гостя тотчасъ же расплывается широкая улыбка удовольствія. Онъ нерѣшительно подвигается ближе и съ почтительной осторожностью говоритъ:

— Наташа! позвольте съ вами познакомиться...

— Да уходи ты... идолъ! Чего пришелъ? Еще увидитъ кто, оговору будетъ сколько...

— Что же мнѣ, значитъ, такъ и пропасть надо съ тоски?

— А мнѣ что за дѣло? Провались ты со своей тоской!.. Всѣ вы мастера брехать, а послѣ пойдетъ хвалиться, звонить вездѣ...

— Господи Боже мой! да развѣ я соглашусь? Милая ты моя! душечка...

— Да ну тебя! пусти! чего ты меня душишь... Пусти, тебѣ говорятъ, а то зашумлю...

. . . .

Много невзгодъ обрушивается на жалмѣрку; ей мажутъ ворота дегтемъ, пишутъ на нее доносы ея мужу; свекоръ и свекровь, иногда отецъ и мать, бранятъ и наказываютъ ее, мужъ изъ полка пишетъ угрожающія письма. Иногда попадется и любовникъ такой, который лишь «тиранитъ» ее и обличаетъ, и случаи трагическихъ развязокъ бываютъ нерѣдко...

Еще хуже бываетъ, когда жалмѣрка родитъ въ отсутствіе мужа «прибыльного», или «жирового» ребенка. Это случается весьма не часто.

Нельзя, конечно, утверждать, чтобы нарушеніе супружеской вѣрности было явленіемъ постояннымъ среди жалмѣрокъ, но общій взглядъ, установившійся на жалмѣрку, указываетъ на вольность и привлекательность ея жизни. «Теперь-то и погулять!»—шутя говорятъ сами казачки. Нѣкоторая легкость нравовъ, порождаемая свободою обращенія среди половъ, есть обычное явленіе въ станицѣ, на которое всѣ смотрятъ довольно равнодушно и снисходительно. Мужъ, отсутствующій четыре года изъ дома (срокъ службы въ первоочередныхъ полкахъ), конечно, не равнодушенъ къ слухамъ о своей женѣ. На первый же или на второй день послѣ возвращенія изъ полка онъ займется провѣркою слуховъ, и иногда шолковая плетка пишетъ жестокую расправу на спинѣ гулливой казачки. Но потомъ онъ примиряется съ фактами, которыхъ поправить уже нельзя, и самъ измѣняетъ женѣ, которая въ его присутствіи вся уходитъ въ домашнюю жизнь, изрѣдка вспоминая о прежней волѣ, гульбѣ и грѣшкахъ...

Время идетъ. Рождаются дѣти, растутъ; старость подкрадывается къ казачкѣ; новое поколѣніе идетъ на смѣну... Вотъ уже одинъ сынъ ея присягнулъ, женили его (женитьба обошлась въ двѣсти съ лишнимъ рублей; пришлось покряхтѣть и отцу, и матери); вотъ уже и на практическое ученье ему надо заступать; приходится «справлять» коня, все обмундированіе и вооруженіе... Сядетъ онъ на коня, взмахнетъ плетью и помчится по улицѣ, только пыль поднимется столбомъ. Сердце замираетъ у нашей казачки, уже потерявшей свою красоту отъ заботъ: скоро разлука... Тутъ-то она начинаетъ интересоваться болѣе всего внѣшней политикой: не слыхать ли чего про войну? Тутъ-то она часто не спитъ ночей, думая о сынѣ, поджидая его, когда онъ долго загуляется гдѣ нибудь ночью; она сама ухаживаетъ за его строевымъ конемъ, сама почи-

ститъ ему аммуницію. А придетъ сынъ подъ хмелькомъ, станетъ ругать жену для куражу, она нѣжно уговариваетъ его и, укладывая спать, сама раздѣваетъ его, какъ раздѣвала когда-то маленькаго... И вотъ, наконецъ, походъ... Кто больше всѣхъ прольетъ слезъ? Кому больнѣе эти проводы? Кого жальче всѣхъ оставить «служивому»? О чьемъ горѣ и тоскѣ поетъ пѣсня?

Сталъ я съ родными прощаться—
Мнѣ не жалко никого...
Сталъ я съ матушкой прощаться—
Закипѣла въ сердцѣ кровь,
Полились слезы изъ глазъ...

Никто съ такой томительной тоской не ждетъ вѣсти съ чужбины, какъ мать-казачка, никто, кромѣ нея, не пойдетъ за сорокъ—пятьдесятъ верстъ къ вернувшемуся изъ полка служивому, чтобы поразспросить о сынѣ; никто съ такимъ искреннимъ негодованіемъ не скажетъ: «и когда этотъ проклятый турокъ угомонится!» или: «опять эта распостылая агличанка бунтовать хочетъ!» И никто такъ часто не снится во снѣ на чужбинѣ тоскующему казаку, какъ мать, плачущая у его изголовья; никому онъ не шлетъ болѣе нѣжныхъ пожеланій и низкихъ поклоновъ, никому не принесетъ болѣе цѣннаго подарка со службы, чѣмъ матери... Послѣдняя мысль казака передъ смертью на чужбинѣ—о матери:

Въ лѣсу темномъ Кочкуренскомъ
Казакъ, братцы, умиралъ.
Къ сухой древочкѣ склонился,
Онъ товарищамъ сказалъ:
Можетъ, братцы, вамъ придется
Увидать нашъ тихій Донъ,
Вы скажите моей матушкѣ—
Пусть не плачетъ обо мнѣ!
Разскажите ей, родимой,
Какъ кончалась жизнь моя...

Однако, мы должны вернуться къ прерванной бесѣдѣ съ нашимъ возницей.

— У насъ дѣвки и бабы, — говорилъ онъ, между прочимъ, — нельзя сказать, чтобы изъ порядка выходили... Такъ, развѣ, одна или двѣ, а то ничего себѣ... Развѣ—тихомолкомъ? Да у насъ не украдешься: у насъ ребята по всей ночи ходятъ и все знаютъ, кто съ кѣмъ сидитъ, чего говоритъ... У насъ не дюже!

Я передалъ ему то, что слышалъ о значительномъ сравнительно количествѣ подкидышей, которыхъ ежегодно приходится отправлять станичнымъ правленіямъ близкихъ къ Новочеркасску станицъ въ новочеркасскій воспитательный домъ (число незаконнорожденныхъ въ Новочеркасскѣ составляетъ $^1/_6$ часть всѣхъ рождающихся, т. е. вдвое болѣе процентнаго отношенія, наблюдаемаго, напр. въ за-

падной Европѣ. Это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ новочеркасскій воспитательный домъ доставляются подкидыши не только изъ сосѣднихъ станицъ, но даже изъ городовъ Ростова, Воронежа и др.).

— Это, положимъ, есть... «Накотныхъ» у насъ иной годъ штукъ двадцать бываетъ. Только это не наши: больше наймычки, которыя изъ Россіи приходятъ... А случается и надъ нашими, но рѣже, потому—наши похитрѣй!.. Безъ этого, братъ, нельзя: извѣстно—молодежь.

— А старики какъ къ этому относятся?

— Да старики пересопятъ. Мужъ придетъ со службы, побьетъ годъ-другой да броситъ: все равно ничего не выбьешь...

— Рано у васъ женятся казаки?

— Да также, какъ и у васъ, надо думать: иные послѣ присяги женятся *), а иные и до присяги. Кто какъ... Иной ходитъ съ дѣвкой годъ, и два, и три, а иной меньше. Кто, значитъ, облюбуетъ себѣ дѣвку, то съ ней и ходитъ, ночевать къ ней ходитъ.

— Ну, у насъ, у верховыхъ казаковъ, этого обычая нѣтъ, — сказалъ я.

— Э, да у васъ мало ли чего нѣтъ! — съ пренебреженіемъ воскликнулъ онъ.—А чего же ты думаешь? Ужъ ежели ночевать пришелъ, такъ онъ ее и съѣлъ? Нѣ-ѣтъ, братъ! такъ лишь повертится, поговорятъ, о чемъ они тамъ сами знаютъ, да съ тѣмъ и домой пойдетъ... А старики у насъ—да чего они знаютъ? Они лишь за тѣмъ глядятъ, чтобы жалобъ не было, чтобы не обижалъ, бѣды не дѣлалъ, не ругался бы, не воровалъ... А тамъ хоть до самаго свѣта ходи, они ничего не скажутъ.

— Живутъ ли у васъ большими семьями?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Нѣтъ. Мало... Больше все дѣлятся. Хоть два сына, хоть одинъ и то иной разъ отдѣляются. Гдѣ, бываетъ, отецъ виноватъ—забурунный, сыскиваетъ, чего не слѣдуетъ, а гдѣ—и сынъ... У меня вотъ также отецъ,—я у него одинъ и былъ,—сталъ меня притѣснять, пьяный придетъ — норовитъ драться; думалъ, у меня дома нѣтъ, такъ походи, дескать, по чужимъ хатамъ. А я отошелъ, лошадь купилъ, домъ купилъ, каючокъ у меня свой, неводъ—свой, и всего стало больше, чѣмъ у него. А онъ теперь шляется, какъ волкъ: когда въ людяхъ поѣстъ, а когда и такъ обойдется...

Солнце невыносимо пекло. Низкая, сырая мѣстность,—мы ѣхали уже берегомъ Аксая,—точно парилась, и было тяжело дышать, какъ въ жарко натопленой банѣ.

Вдали уже видны были на горѣ церкви Новочеркасска, блестѣвшія на солнцѣ крыши домовъ, высокія трубы войсковыхъ кирпич-

*) Присягаютъ казаки на двадцатомъ году.

ныхъ заводовъ и темная зелень садовъ. Все это вырисовывалось на солнцѣ особенно ярко, отчетливо, выпукло.

Въ рѣкѣ была масса купающихся разныхъ возрастовъ и половъ; рыболовы сидѣли на берегу съ удочками, съ сѣтками. Мальчуганы дѣйствовали проще—панталонами,—и имъ удавалось этою импровизированною снастью улювлять кое-какую мелкую рыбешку.

— Дядя, купи у насъ сазанчика! Дешево продадимъ!—кричали они намъ, показывая маленькихъ пискарей и плотицъ.

Вотъ мы уже подъ городомъ, на послѣднемъ пловучемъ мосту. По ту и другую сторону его, заграждая намъ путь, ребятишки отъ 8-ми лѣтняго до 16-ти лѣтняго возраста усердно дѣйствовали особаго устройства ловушками-черпаками изъ сѣтокъ, на длинныхъ палкахъ. Человѣкъ въ черномъ картузѣ, вышитой рубахѣ, въ новыхъ суконныхъ широкихъ шароварахъ и лакированныхъ сапогахъ иногда показывался изъ будки и кричалъ:

— Вотъ я васъ, дьяволы паршивые, половлю тутъ! рыболовы, къ чорту носомъ! Маршъ отсюда!

Маленькіе рыболовы проворно улепетывали съ моста. Господинъ въ картузѣ обратился и къ намъ:

— Съ кого получить, господа?

Мой возница отвѣтилъ:

— Буду назадъ ѣхать, отдамъ.

Господинъ посмотрѣлъ на насъ нѣсколько скептически, потомъ медленно проговорилъ:

— Ну, будемъ смотрѣть...

— Что жъ, посмотрите,—замѣтилъ равнодушно мой казакъ. Затѣмъ онъ всталъ, отвязалъ отъ дрожекъ ведро и, зачерпнувъ съ моста воды, напоилъ коня.

— Вонъ узнай его, что онъ казакъ,—указалъ онъ мнѣ на одного франта въ чесунчовомъ пиджакѣ, въ сѣрыхъ широчайшихъ «невыразимыхъ» и въ лакированныхъ скороходахъ, ведшаго въ поводу коня на водопой:—а со мной вмѣстѣ служилъ...

Мы стали подниматься въ гору мимо желтенькихъ, тесомъ крытыхъ домиковъ—точно такихъ же, которые можно было видѣть всюду по станицамъ, мимо лабазовъ съ досками, дегтемъ, солью, лавченокъ съ квасомъ и т. п.

XI.

Новочеркасскъ.—Нѣсколько словъ о казачьемъ самоуправленіи.—Войсковой соборъ.

Новочеркасскъ—это административный центръ области, городъ циркуляровъ, распоряженій, предписаній, приказовъ, административныхъ взысканій, поощреній и проч. Можно сказать, что это

исключительно городъ чиновниковъ и, пожалуй, отчасти учащихся. Всюду—на улицахъ, въ общественномъ саду, въ магазинахъ, на гуляньи — вамъ встрѣчаются кокарды, кокарды и кокарды... Преобладаетъ, разумѣется, военный элементъ, но не мало чиновниковъ и другихъ вѣдомствъ.

Высшія административныя учрежденія области—войсковой штабъ и областное правленіе. Первый вѣдаетъ военную часть Донского войска (счисленіе казаковъ, наряды, движеніе полковъ и командъ, производства, отставки и проч.), второе—гражданскую часть (соотвѣтствуетъ съ нѣкоторыми небольшими отличіями губернскому правленію). Оба учрежденія объединяются подъ непосредственною властью войскового наказного атамана, которому предоставлены по военной части—права и обязанности командующихъ войсками въ военныхъ округахъ, а по части гражданской—права и обязанности генералъ-губернаторовъ. Здѣсь, слѣдовательно, сосредоточивается вся сила административнаго воздѣйствія на жизнь области. Главное управленіе казачьихъ войскъ, находящееся въ Петербургѣ, и военное министерство, не имѣя непосредственныхъ отношеній къ казаку, являются для него, такъ сказать, таинственными незнакомцами, о которыхъ онъ слышитъ что-нибудь изрѣдка и неясно. Они дали ему новое «Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ въ казачьихъ войскахъ» (3 іюня 1891 года), но едва-ли имъ извѣстно, какую благодарность чувствуетъ казакъ къ своему начальству за его заботливость...

Кстати, нѣсколько словъ объ этомъ «Положеніи». Изданіе его, въ замѣну «Положенія объ общественномъ управленіи станицъ» 1870 года, вызвано слѣдующими соображеніями (изложенными въ приказѣ г. военнаго министра по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ отъ 10-го декабря 1891 года):

«Двадцатилѣтній опытъ примѣненія Положенія 13 — 25 мая 1870 г. объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ обнаружилъ крупные недостатки сего установленія, вслѣдствіе чего общественное управленіе по всѣмъ почти отраслямъ онаго находилось въ неудовлетворительномъ состояніи: дѣла, предоставленныя вѣдѣнію станичныхъ сходовъ, при отсутствіи ближайшаго надзора и контроля со стороны войскового начальства, велись вообще крайне небрежно; дѣла, касающіяся денежнаго и земельнаго хозяйства, разрѣшались часто въ прямой ущербъ нуждамъ и интересамъ станицъ и ихъ обывателей; станичные капиталы въ нѣкоторыхъ войскахъ расходовались непроизводительно, въ другихъ быстро уменьшались; никакихъ мѣръ къ исправному выполненію воинской, земскихъ и станичныхъ повинностей, а также къ уплатѣ числящихся на обществахъ и отдѣльныхъ членахъ ихъ долговъ не принималось; общественныя должности замѣщались въ станицахъ часто лицами недостойными, искавшими въ выборной службѣ лишь обогащенія; отправленіе станичнаго суда страдало медленностью и

отсутствіемъ должнаго нелицепріятствія. Такое неудовлетворительное состояніе общественнаго управленія вело къ упадку экономическаго благосостоянія станицъ и къ тому, что въ средѣ населенія вообще, а молодежи въ особенности, быстро развивались такія несвойственныя казачьему сословію наклонности и воззрѣнія, какъ, напр., отсутствіе въ семьѣ или домашнемъ быту почтенія и уваженія къ старшинамъ, въ службѣ—нарушенія дисциплины, и, наконецъ, недостаточное радѣніе къ исправному выходу на очередную службу, которыя въ прошломъ или совсѣмъ были неизвѣстны, или составляли рѣдкое, исключительное явленіе въ казачьемъ населеніи».

Въ словахъ приказа нельзя не замѣтить значительнаго преувеличенія. На старое «Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ» взвалена отвѣтственность за многое, чему оно было совсѣмъ не причинно, а между тѣмъ, на новое положеніе, главнымъ достоинствомъ котораго признавалась, очевидно, возможность ближайшаго надзора войскового начальства, возлагались слишкомъ преувеличенныя надежды: денежныя и хозяйственныя дѣла станицъ придутъ въ блестящее положеніе; станичные капиталы будутъ расходоваться меньше и производительнѣе; воинская, земскія и станичныя повинности будутъ выполняться исправно, общественные долги будутъ погашены, общественныя должности будутъ замѣщены достойными и безукоризненной честности лицами, наконецъ, станичный судъ пріобрѣтетъ надлежащую скорость и правоту, а результатомъ всего этого будетъ поднятіе экономическаго благосостоянія станицъ и утвержденіе въ казачьемъ быту доброй нравственности. Между тѣмъ, опытъ первыхъ же годовъ показалъ, что надежды эти были слишкомъ преждевременны, и даже въ мѣстной печати, скромной и молчаливой до послѣдней степени, прорывались вскользь тонкіе намеки, что новое-то «Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ» могло бы быть и лучше. О населеніи станицъ и говорить нечего: его мнѣнія, когда ихъ можно высказать безъ опасеній, не отличаются уже столь пріятной мягкостью. Любой станичный атаманъ и станичный писарь скажутъ вамъ, что бумажное дѣлопроизводство увеличилось противъ прежняго, по крайней мѣрѣ, втрое—безъ всякой пользы для дѣла. Станичный сходъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ и при старомъ Положеніи: чуткимъ и дѣятельнымъ въ тѣхъ вопросахъ, которые близко затрогивали насущные интересы станицы, и равнодушнымъ или пассивно сопротивляющимся въ вопросахъ, возбуждаемыхъ администраціей. Къ административнымъ начинаніямъ казачество вообще привыкло относиться скептически, хотя бы эти начинанія и имѣли въ виду дѣйствительную пользу населенія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть въ иныхъ случаяхъ, но и подозрительность казака имѣетъ свои вѣскія основанія какъ въ опытѣ всѣхъ прошедшихъ временъ, такъ и въ опытѣ настоящаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ станичнаго схода просто требуютъ

составить приговоръ по такому-то вопросу и въ такомъ-то смыслѣ, и, какъ бы выборные ни кричали «не желаемъ», «не надоть», все-таки станичному атаману, въ большинствѣ случаевъ, удается настоять на выполнени желанія начальства. Исключенія рѣдки: на моихъ глазахъ сходъ одной станицы стойко держится противъ требованій начальства еще только въ «лѣсномъ» вопросѣ, не желая руководствоваться въ пользованіи станичнымъ лѣсомъ тѣми указаніями, которыя рекомендуются свыше... Многіе уже изъ наиболѣе рьяныхъ выборныхъ посидѣли и въ арестномъ домѣ («пострадали за убѣжденія»), но какъ бы ни измѣнялся станичный сходъ въ своемъ составѣ (а онъ измѣняется ежегодно), всѣ выборные неизмѣнно кричатъ: «не приступаемъ!»

Что касается денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ станицы, то вмѣшательство и руководство войскового начальства въ этой сферѣ не принесло благихъ результатовъ въ пользу станичныхъ нуждъ и интересовъ. Я знакомъ съ текущею лѣтописью только одной станицы и, слѣдовательно, располагаю сравнительно скуднымъ матеріаломъ, но если бы можно было огласить лѣтопись всѣхъ станицъ хоть одного округа, то, не сомнѣваюсь, картина получилась бы довольно трогательная... Беру одинъ примѣръ изъ знакомой мнѣ станичной жизни. Въ одномъ округѣ найдено было нужнымъ промѣнять старый участокъ, назначенный для учебныхъ сборовъ казаковъ, на новый. При промѣнѣ за каждую десятину новаго участка отдавали двѣ десятины стараго, и въ результатѣ былъ пріобрѣтенъ безплодный и безводный участокъ, на который надо было затратить значительныя суммы. На казакахъ всѣхъ станицъ этого округа пріобрѣтеніе новаго участка отразилось тѣмъ, что лошадей весь май мѣсяцъ (время лагерныхъ сборовъ) пришлось содержать на свой счетъ на сухомъ фуражѣ и, за неимѣніемъ годной для питья воды, пришлось—тоже на свой счетъ—нанимать водовоза, который доставлялъ бы воду въ лагерь бочками. Для устройства прудовъ на лагерномъ участкѣ каждая станица была обложена значительной суммой денегъ. Въ той станицѣ, о которой я пишу, денегъ въ наличности не было, и потому предписано было сходу составить приговоръ о сдачѣ въ аренду около двухсотъ десятинъ станичной земли и арендную плату представить въ округъ на предметъ устройства прудовъ. Предписаніе о составленіи приговора требовалось выполнить немедленно, а такъ какъ и время для сдачи въ аренду земли было неудобное, и сходъ былъ очень поспѣшно созванъ, то пришлось сдать землю за безцѣнокъ (отъ 5 до 17 коп. за десятину), хотя ловкіе арендаторы потомъ перепродали ее по сравнительно хорошей цѣнѣ (свыше рубля за десятину). И несмотря на то, что на устройство прудовъ была употреблена значительная сумма, пруды получились не важные: казаки по прежнему для собственнаго употребленія покупаютъ воду на сосѣднемъ хуторѣ, а лошади, не имѣя хорошаго водопоя, нерѣдко дохнутъ. Второй

примѣръ тоже касается заботливости окружного начальства объ экономическомъ преуспѣяніи казаковъ. Нѣкоторые казаки, окончивши службу въ первоочередныхъ полкахъ, продаютъ полку лошадей по оцѣночной суммѣ съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи въ станицу купить лошадь дома—нѣсколько дешевле. Полковое начальство денегъ имъ на руки не выдаетъ, а препровождаетъ для выдачи по принадлежности окружному атаману, который тоже не даетъ денегъ до тѣхъ поръ, пока казакъ не явится съ купленной или приторгованной лошадью къ станичному атаману, который и выдаетъ удостовѣреніе въ пріобрѣтеніи лошади. Съ этимъ удостовѣреніемъ казакъ посылаетъ прошеніе къ окружному атаману, ходатайствуя о выдачѣ его денегъ. Но... отвѣта нѣтъ (въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду одинъ, извѣстный мнѣ, округъ). Казакъ отправляется въ окружную станицу самъ (или его отецъ), «могарычитъ» писарей управленія, получаетъ доступъ къ адъютанту и... возвращается въ станицу ни съ чѣмъ. Были случаи жалобъ по этому поводу войсковому наказному атаману, и только тогда удавалось казаку выручить свои деньги... Но много ли такихъ смѣльчаковъ, которые рѣшатся на подобную жалобу? А между тѣмъ лошадь куплена въ долгъ, данъ задатокъ и обязательство уплатить деньги въ самый короткій срокъ, денегъ же нѣтъ какъ нѣтъ! Гдѣ же казаку взять ихъ? Хозяинъ лошади беретъ ее назадъ, удерживаетъ задатокъ, начинается тяжба, вражда и проч... Спрашивается, какія чувства будетъ питать казакъ къ столь попечительному начальству? *)

Забота объ исправномъ выполненіи воинской повинности и забота объ экономическомъ преуспѣяніи казака—вещи, повидимому, мало совмѣстимыя, и войсковое начальство, какъ бы сознавая это, гонится только за первымъ зайцемъ, предоставляя второму бѣжать, куда ему Господь на душу положитъ. Между тѣмъ, обвиненіе прежняго «Положенія» объ общественномъ управленіи станицъ—въ непринятіи мѣръ къ исправному выполненію воинской и другихъ повинностей—совершенно напрасно: какъ и теперь, такъ и тогда аукціонный молотокъ дѣйствовалъ съ одинаковымъ усердіемъ, и стоитъ лишь вспомнить случай, когда одного ретиваго станичнаго атамана одна бойкая казачка оттаскала за бороду въ отместку за проданный самоваръ, чтобы понять и оцѣнить все это рискованное усердіе...

Чтобы не быть въ данномъ случаѣ голословнымъ, воспользуюсь выпиской изъ статьи г. С. Харитонова, напечатанной въ журналѣ «Новое Слово» (№ 1, октябрь 1895 г.). Изъ того немногаго, что попадаетъ въ нашу общую періодическую печать о Донской области, можно убѣдиться въ отсутствіи разногласія по вопросу объ эконо-

*) Недавно, послѣ внезапной смерти одного окружного атамана, ревизія обнаружила такіе неожиданные плоды его начальственной заботливости объ экономическомъ преуспѣяніи станицъ своего округа, что передъ обнаруженными фактами меркнетъ даже самая богатая фантазія.

мическомъ положеніи казачества и о трогательной заботливости его администраціи *).

«На грустномъ фонѣ экономическихъ затрудненій казаковъ»,— говоритъ г. Харитоновъ: — особенно рельефно выдѣляется фактъ почти полнаго отсутствія органовъ, сколько нибудь серьезно заботящихся о поднятіи матеріальнаго благосостоянія населенія. Во главѣ каждаго округа (соотвѣтствующаго уѣзду) на Дону стоятъ управленія окружныхъ атамановъ, вѣдающія по закону какъ военную, такъ и гражданскую части, но, въ дѣйствительности, занятыя почти исключительно надзоромъ за исправнымъ снаряженіемъ казаковъ на службу. Путемъ самыхъ строгихъ предписаній и взысканій, окружные атаманы требуютъ отъ подчиненныхъ имъ станичныхъ атамановъ и военныхъ приставовъ, а также особо командируемыхъ въ округа военныхъ чиновниковъ, самаго внимательнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы всѣ очередные казаки имѣли вполнѣ годныхъ строевыхъ лошадей и полный комплектъ аммуниціи. Кромѣ того, всѣмъ выходящимъ въ полкъ казакамъ дѣлаются смотры— сначала въ окружныхъ станицахъ окружными атаманами, а затѣмъ— въ Новочеркасскѣ, высшей администраціей области, причемъ въ обоихъ случаяхъ провѣряется также и наличность всего снаряженія казаковъ, которые за малѣйшую неисправность въ этомъ отношеніи подвергаются отвѣтственности. Не менѣе строго наблюдается также и за тѣмъ, чтобы второочередные казаки, т. е. выпускаемые въ запасъ, сохраняли въ полной исправности всю военную аммуницію и лошадей, причемъ за всякое нарушеніе этого требованія виновные командируются на нѣсколько лѣтъ въ первоочередные полки Въ то же время, какъ окружные атаманы, приводя въ Новочеркасскъ смѣнныя команды, отправляемыя въ полки, получаютъ отъ областного начальства благодарность за отличное снаряженіе казаковъ,—на родинѣ послѣднихъ, станичные атаманы и засѣдатели нерѣдко продаютъ съ молотка имущество тѣхъ семействъ, дѣти которыхъ, по несостоятельности родителей, пріобрѣли себѣ строевое снаряженіе на общественный счетъ. Вытягивая изъ населенія послѣдніе соки для отправленія воинской повинности, окружныя управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостаточно вникаютъ въ нужды гражданскаго быта области».

Въ приказѣ г. военнаго министра упоминается, между прочимъ, о непроизводительномъ расходованіи станичныхъ капиталовъ и быстромъ уменьшеніи ихъ. Безъ сомнѣнія, такихъ случаевъ можно было насчитать немало. Нужно сказать, однако, что прежде контроль войскового начальства не на столько уже былъ стѣсненъ, чтобы, при добромъ желаніи, не могъ направить расходованіе ста-

*) Названная статья вызвала нѣкоторыя возраженія и дополненія, напечатанныя въ томъ же журналѣ («Новое Слово», мартъ 1897 г. «Изъ Новочеркасска», ст. г. Икса).

ничныхъ капиталовъ болѣе производительно или положить предѣлъ ихъ уменьшенію. Главнымъ предметомъ расхода станичныхъ суммъ является содержаніе станичныхъ должностныхъ лицъ: станичнаго атамана, его помощниковъ, станичныхъ писарей, казначея, судей, довѣренныхъ, смотрителя хлѣбнаго магазина, смотрителей коннозаводоваго и строевого табуновъ, табунщиковъ, коноваловъ, инструкторовъ, штабъ трубача и нѣкотор. друг. По прежнему положенію minimum жалованья станичнаго атамана опредѣлялся въ 150 руб. (и всетаки, какъ говорится въ приказѣ, станичныя должностныя лица искали въ выборныхъ должностяхъ только обогащенія), по новому положенію, этотъ minimum опредѣляется въ 600 руб.; въ большинствѣ станицъ станичные атаманы получаютъ 900 руб., въ нѣкоторыхъ 1,200 руб. и, наконецъ, 1,500 руб. Такимъ образомъ расходы на одно содержаніе станичныхъ должностныхъ лицъ увеличились, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ; кромѣ того, возникло много новыхъ должностей; такъ, напр., прежде обходилась станица (та, лѣтописью которой я пользуюсь) однимъ помощникомъ станичнаго атамана съ жалованьемъ 75 руб.; теперь предписано имѣть двухъ помощниковъ съ жалованьемъ по 120 руб.; при старомъ положеніи довѣренными отъ станицы были судьи, теперь — должность довѣренныхъ выдѣлена особо, и жалованье ихъ уравнено съ жалованьемъ судей; прежде обязанность письмоводителя станичнаго суда выполнялъ одинъ изъ судей, не получая особаго вознагражденія, при новомъ положеніи введена обязательная должность письмоводителя станичнаго суда съ жалованьемъ, втрое превосходящимъ жалованье судьи; жалованье писарямъ, вслѣдствіе увеличенія работы, пришлось увеличить втрое, введенъ новый станичный судъ — судъ почетныхъ судей; каждый изъ почетныхъ судей получаетъ за участіе въ засѣданіи 1 руб. 50 коп. изъ станичныхъ суммъ, причемъ коварные представители обычнаго права никогда не спѣшатъ разборомъ и болѣе одного дѣла на засѣданіе не назначаютъ, а нерѣдко даже и одного не доведутъ до конца и откладываютъ до другого раза (интересы кармана!). Впрочемъ, всего не перечислишь. На посторонній взглядъ все вышесказанное можетъ показаться мелочами, но эти мелочи составляютъ существенную часть общественной и экономической жизни станицы. Для станицы уже не будетъ мелочью то обстоятельство, что для покрытія расходовъ на содержаніе должностныхъ лицъ пришлось отдать въ арендное содержаніе болѣе тысячи десятинъ прекраснѣйшей цѣлинной земли, которая годилась бы и самимъ казакамъ, тѣмъ болѣе, что земельный казачій пай въ этой станицѣ всего 7 десятинъ. А между тѣмъ прежде, при старомъ «Положеніи», станица обходилась и удовлетворяла всѣмъ своимъ нуждамъ безъ особаго труда, не сдавая въ аренду ни одной десятины станичной земли.

Но, можетъ быть, съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго «Положенія» объ общественномъ управленіи, измѣнился къ лучшему самый со-

ставъ лицъ станичнаго управленія, каковыя прежде «искали въ выборныхъ должностяхъ только средствъ къ личному обогащенію»? Вопросъ этотъ на нашемъ Дону весьма щекотливый и требующій значительной осторожности...

Достаточно сказать, что, сколько я ни зналъ станичныхъ атамановъ, избранныхъ при прежнемъ «Положеніи», ни одинъ изъ нихъ не нажилъ ничего, а между тѣмъ послѣдній атаманъ, попавшій изъ писарей на эту должность при новомъ «Положеніи», прежде почти нищій, усердный поклонникъ Бахуса (каковымъ и донынѣ остался), нерѣдко валявшійся въ истерзанномъ видѣ подъ плетнями, сдѣлался нынѣ однимъ изъ первыхъ капиталистовъ въ станицѣ и владѣльцемъ двухъ домовъ (тоже лучшихъ въ станицѣ). И не удивительно, что, начиная уже съ мая мѣсяца 1897 года, въ виду предстоящихъ осенью выборовъ, онъ разъѣзжалъ по хуторамъ, поилъ водкой выборныхъ и другихъ вліятельныхъ казаковъ и составлялъ себѣ партію. Послѣ каждаго станичнаго схода у него было угощеніе чуть ли не всему народу православному; водка лилась рѣкой, льстивыя рѣчи и обѣщанія бѣжали потокомъ подъ звуки пьяной пѣсни.

— Ну, какъ, Силиванычъ, урожай-то нынѣ?—спрашивалъ атаманъ какого-нибудь подвыпившаго и размякшаго старика.

— Да, что, вашбродь! плохо...

— Да, прогнѣвали Господа Бога...

— Вѣрно, вашбродь!.. Ужъ и не знаемъ, чего намъ и дѣлать тапеpя.

— Ну, не горюй! Вотъ поѣду къ генералу, скажу ему, чтобы ссуду намъ хлопоталъ.

— Да коли бы ваша милость была, вашбродь... Мы сами чего же можемъ? Какой мы народъ? Мы слѣпые люди; какъ жуки въ навозѣ копаемся, а вамъ, вашбродь, какъ вы хозяинъ станицы есть, такъ и будете...

— Ну-ка, братъ, выпьемъ!

— Силиванычъ, у тебя дѣтишки есть?—вступаетъ въ разговоръ атаманьша.

— Есть, сударыня. Они ужъ, дѣтишки-то мои, съ бородами, куча дѣтей у каждаго.

— Много внучатъ-то?

— Да штукъ шесть...

— Ну, нà вотъ имъ гостинчика, понеси по кренделечку.

И атаманьша суетъ въ руки окончательно плѣненному избирателю нѣсколько каленыхъ бубликовъ. Избиратель умиляется, благодаритъ, восторгается и, понимая, въ чемъ дѣло, прямо говоритъ атаману:

— У насъ вѣдь, ваше благородіе, опричь васъ и болдировать некого... Мы всѣ на васъ между собой порѣшили... Окромя некому, какъ вамъ, вашбродь... Счастливо оставаться! Покорнѣйше благодаримъ за угощеніе!

Но избиратель тоже себѣ на умѣ. Онъ понимаетъ свое значеніе и держится того убѣжденія, что разъ изъ личныхъ разсчетовъ его угощаютъ, поятъ, то отчего же и не выпить; ибо для него только теперь и праздникъ, а въ другое время, напримѣръ, та же атаманьша его и на порогъ не пуститъ, потому что чирики у него, во первыхъ, намазаны дегтемъ, и духъ отъ нихъ тяжелый, а во вторыхъ, на чирикахъ еще и навозу приволочетъ. И онъ угощается... у атамана, у «гражданскаго» писаря (тоже составляетъ партію), у Ѳомича (тоже претендентъ), у Ивана Петровича и у многихъ другихъ... И всѣмъ говоритъ одно: «у насъ старики порѣшили больше никого, какъ васъ болдировать»... Въ то же время и священникъ не безъ удовольствія замѣчаетъ, что съ приближеніемъ дня выборовъ почаще стали заказывать нѣкоторые изъ благочестивыхъ гражданъ молебны съ акафистомъ, а атаманъ такъ и по два разомъ. И вотъ, наконецъ, наступаетъ 20 октября—день выборовъ, день величайшихъ волненій для однихъ, злорадства для другихъ и день всеобщаго пьянства. И каково же должно быть огорченіе станичнаго атамана, когда тѣ самые выборные, которыхъ онъ поилъ, которые льстили ему, давали обѣщанія, называли хозяиномъ станицы,—теперь вдругъ общимъ, дружнымъ крикомъ заявляютъ:

— Довольно съ тебя, Андрей Ѳедотычъ! карманы набилъ и довольно! Два дома тебѣ нажили, дай теперя и другому нажить!..

И атамана прокатываютъ на вороныхъ, причемъ какой-то острякъ изъ выборныхъ, послѣ счета шаровъ, говоритъ во всеуслышаніе:

— Пролетѣли три годочка, какъ три майскихъ денечка!..

Послушаемъ, кстати, что разсказываетъ о выборахъ Иванъ Спиридоновъ (онъ нынѣ состоитъ въ числѣ «выборныхъ»).

— Первымъ долгомъ катили на стараго атамана,—виновато улыбаясь, начинаетъ Иванъ Спиридоновичъ разсказъ.—Обчество сперва долго не приступало: не желаемъ присягу принимать на болдировку стараго атамана, и кончено дѣло! Ну, тутъ засѣдатель сталъ склонять къ убѣжденію: «господа! нельзя же не болдировать стараго атамана». Ну, стали катить его на первыхъ порахъ, выкатили 47 шаровъ,—не вышелъ въ кандидаты. Во вторыхъ, катили Ивана Петровича, Ивлія и Николая Александровича. Эти всѣ трое вышли. И больше катить не стали. Ну тутъ, на этомъ сходѣ, выпитыхъ не было; только З. засѣдатель сказалъ: «ты удались». Но атаманъ послѣ выборовъ заразъ въ N-цу, къ окружному генералу. Въ это время и мнѣ также трапилось туда поѣхать: купилъ я пшеницу съ аукціона и принялъ себѣ двухъ друзьевъ, и согласились мы— одному съѣздить въ М. узнать про цѣну, а другому въ N—цу... Вотъ я-то и поѣхалъ въ N—цу... Ѣду оттуда, встрѣчается атаманъ съ Марковной своей вмѣстѣ: колокольчики подвязаны—значитъ, тайно ѣдутъ. Ну, тамъ онъ разобъяснялъ окружному, что будто неправильность была въ выборахъ, будучи пьяные всѣ были, и выбранныхъ кан-

дидатовъ всѣхъ очернилъ. Но тутъ пьяныхъ, можно сказать, почти не было; были, дѣйствительно, выпитые, какъ всегда во время схода, но пьяныхъ не было; одинъ лишь З. и то его засѣдатель не допустилъ. Но ужъ вотъ второй разъ, какъ болдировка была назначена, тутъ ужъ бы-ыло пьянство... Ну, было! Тутъ за недѣлю стали поить; старый атаманъ сколько денегъ тутъ посадилъ! Отъ него въ нѣсколькихъ мѣстахъ поили (помимо того и у себя онъ поилъ): это все стараго атамана руку одерживали. Потомъ атаманъ на М. напалъ. Тотъ сперва, было, не хотѣлъ: онъ Ивана Петровича руку держалъ. А Иванъ Петровичъ говоритъ: «Ты пить-то пей и деньги бери, а дѣло свое дѣлай; тогда мнѣ все перенеси, что у васъ будетъ говориться и дѣлаться»... Ну, они и пили! На сборъ явились до того всѣ пьяны, до того пьяны, что съ роду такъ не было!.. Шумъ, гамъ... Засѣдатель пробовалъ склонять къ увѣщанію,—ничего не дѣйствуетъ! Батюшка съ своей стороны сталъ говорить: «вы хоть присягу-то примите»...—«Не желаемъ присягать! Вы намъ почерните прежнихъ кандидатовъ! Чѣмъ вы ихъ почерните? Чѣмъ они не хороши?» Засѣдатель говоритъ: «Я ихъ ничѣмъ не могу почернить, для меня они хороши, но разъ предписано окружнымъ атаманомъ выбрать новыхъ, я не могу...» А атаманъ научилъ своего брата Яшку купить водки; купилъ Яшка водки, сколько ужъ тамъ четвертей,—я не знаю, принесъ ее въ пожарный сарай, въ бочку поставилъ, а самъ верхомъ на бочку сѣлъ, и въ рукахъ у него чайная чашка: «пожалуйте, господа старики!» Ну, тутъ всѣ выборные одинъ по одному выйдутъ изъ майданной, заразъ—въ сарай, цапнутъ тамъ изъ чайной чашки водки и—назадъ... Катить стали на стараго атамана, пятьдесятъ семь накатили,—вышелъ въ кандидаты двумя шарами. Одиннадцать заявленій было, и всѣхъ катили въ это время. Тутъ на Ѳедора Иваныча больше всѣхъ накатили; старый атаманъ оказался четвертымъ, и даже пятый вышелъ въ кандидаты. Представляются къ утвержденію три кандидата, а засѣдатель говоритъ—четырехъ... Почему такое? Коль четырехъ, представляйте въ такомъ случаѣ всѣхъ пятерыхъ! Такъ пятерыхъ и представили... А здорово окружному атаману, какъ видно, стараго хотѣлось! Ужъ какой-нибудь тутъ секретъ долженъ быть...

Что касается станичнаго суда и суда такъ называемыхъ почетныхъ судей (введеннаго новымъ Положеніемъ), то между ними, по свойству лицъ, отправляющихъ обязанности судей, и по пріемамъ, нѣтъ никакой разницы: тотъ же станичный судъ, который былъ и при старомъ Положеніи, и ни медали, ни нѣкоторыя формальности, предписанныя новымъ Положеніемъ, ни готовыя формулы рѣшеній не измѣнили его общей физіономіи; письмоводитель пользуется небольшимъ доходцемъ съ тяжущихся лицъ и угнетаетъ судей ссылками на миѳическія статьи X тома; при перспективѣ могарыча судьи испытываютъ нѣкоторое отуманенное состояніе; во избѣжаніе

грѣха всѣми силами стараются примирить тяжущихся и большинство дѣлъ рѣшаютъ «безъ послѣдствія»...

«Новое Положеніе»,—говорится въ приказѣ г. военнаго министра, уже цитированномъ нами,—«даетъ войсковому начальству средства и налагаетъ на него обязанность руководить общественнымъ станичнымъ управленіемъ, а слѣдовательно и вліяніе на всѣ важнѣйшія проявленія станичной жизни. А потому, если войсковое начальство приложитъ должное стараніе къ правильной, на первыхъ же порахъ, постановкѣ общественнаго управленія и затѣмъ, не ограничиваясь однимъ наблюденіемъ надъ нимъ, будетъ руководить всѣми важнѣйшими проявленіями станичной жизни, то можно съ увѣренностью ожидать возстановленія въ казачьемъ населеніи экономическаго и нравственнаго преуспѣянія, укрѣпленія, стремленія къ исправному выполненію лежащихъ на немъ обязанностей вообще, а воинской повинности въ особенности, и, наконецъ, неослабнаго сохраненія и утвержденія древнихъ обычаевъ и доброй нравственности, благочестія, уваженія къ старшимъ, чиноцочитанія и другихъ началъ, кои искони присущи были казачьему населенію и стяжали ему громкую славу и милость монарховъ»...

Разумѣется, было бы очень пріятно увидѣть когда-нибудь эти надежды осуществившимися. Но пока... пока дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ: «Въ настоящее время, въ общемъ, казачье населеніе богаче нашего крестьянства уже по одному тому, что послѣднія поколѣнія казаковъ получили отъ своихъ предковъ, жившихъ при лучшихъ условіяхъ, значительныя наслѣдства (деньги, домашній скотъ, доходные виноградные сады и т. п.). Наслѣдства эти, въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не пополняемыя, спасая современныхъ казаковъ отъ нужды, вмѣстѣ съ тѣмъ быстро расходуются, и въ наши дни *число бѣдныхъ, еле снискивающихъ себѣ пропитаніе казаковъ прогрессивно увеличивается.* Воинская повинность, съ которой такъ легко прежде справлялось донское населеніе, теперь является для казачества большимъ бременемъ. Чтобы снарядить сына на службу, многія семьи вынуждены продать часть необходимаго инвентаря, подрывая этимъ силы своего хозяйства. Многія же семьи вовсе не въ состояніи вынести расхода, съ которымъ сопряжена отправка казака въ полкъ, вслѣдствіе чего служивый снаряжается въ такихъ случаяхъ на станичный счетъ, а семья его становится должникомъ станичнаго общества. Въ виду постепеннаго упадка области въ экономическомъ отношеніи, число казаковъ, лишенныхъ возможности отбывать воинскую повинность на свои средства, быстро возрастаетъ изъ года въ годъ, и во многихъ станицахъ на общественный счетъ снаряжается болѣе половины всѣхъ выходящихъ на службу казаковъ. Важнымъ показателемъ современныхъ условій жизни на Дону являются и учащающіеся случаи перечисленія казаковъ въ другія сословія, напримѣръ, въ мѣщане, и переселенія въ дальніе края. Эти явленія особенно знаменательны,

такъ какъ казаки очень гордятся своимъ званіемъ и связаны прочными узами съ своей родиною. Если казакъ ходатайствуетъ о переименованіи его въ мѣщане, которыхъ онъ привыкъ считать стоящими несравненно ниже себя, то онъ испытываетъ при этомъ сильное нравственное страданіе, подобное тому, которое чувствуетъ офицеръ, разжалываемый въ званіе нижняго чина. Равнымъ образомъ далеко не легко казаку и проститься съ своимъ Дономъ для переѣзда въ чужую сторону. А между тѣмъ, стоило сдѣлать вызовъ охотниковъ для переселенія въ Уссурійскій край, чтобы изъ Донской области откликнулось такое множество желающихъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, что далеко не всѣ изъ нихъ были приняты въ качествѣ переселенцевъ. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что жизнь казаковъ на ихъ родинѣ вовсе не сладка»...*).

Однако обратимся къ Новочеркасску. Во время послѣдняго моего посѣщенія злобой дня въ городѣ было обнаруженіе нѣкоторыхъ «неправильностей» въ постройкѣ войскового собора. Этотъ соборъ по истинѣ могъ бы назваться злополучнымъ. Исторія его теряется чуть ли не во мракѣ временъ. Въ первый разъ войсковой соборъ начали строить въ 1805 году, но въ 30-хъ годахъ своды его обрушились. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ начали строить его снова, а къ 80-мъ годамъ онъ уже далъ трещины и обрушился. За разборку зданія подрядчику было заплачено изъ войсковой казны 60 тысячъ рублей съ придачею матеріала, такъ что оборотливый казакъ нажилъ, какъ говорятъ, на этомъ подрядѣ болѣе ста тысячъ рублей. Преданіе гласитъ, что въ это время въ Новочеркасскѣ можно было за пять рублей построить цѣлый кирпичный домикъ... Въ 1891 году приступлено было въ третій разъ къ постройкѣ собора. На этотъ разъ за дѣло взялись основательно: для наблюденія за сооруженіемъ назначена была особая войсковая коммиссія, членамъ которой опредѣлено было солидное содержаніе. Коммиссія на первыхъ порахъ рѣшила соорудить домъ для своихъ совѣщаній, потомъ постановила построить войсковой кирпичный заводъ, и тогда уже приступлено было къ постройкѣ собора. Но черезъ пять или шесть лѣтъ соборъ пришлось разбирать снова и снова платить значительныя суммы за разборку: умеръ архитекторъ, руководившій работами, и вдругъ оказалось, что площадь собора уменьшена. Разобранный кирпичъ пошелъ на утрамбованіе дорожекъ городского сада (нѣтъ худа безъ добра!..) Такимъ образомъ, остается надѣяться, что къ столѣтнему юбилею своей закладки войсковой соборъ, можетъ быть, покажется изъ земли...

Нельзя не задуматься надъ этимъ безсиліемъ войскового управленія даже въ столь простыхъ, повидимому, дѣлахъ. Отъ всего этого вѣетъ чѣмъ-то пережитымъ, старымъ, дореформеннымъ.

---

*) Г. Харитоновъ. «Новое Слово», октябрь 1896 г.

XII.

Голытьба.

Окна моего номера выходили на базарную площадь. Еще на разсвѣтѣ жужжащій говоръ базара, окрики, громъ подъѣзжающихъ экипажей, мычаніе быковъ и, наконецъ, колокольный звонъ на сосѣдней церкви разбудили меня окончательно. Но въ такую раннюю пору дѣваться было некуда.

Я вышелъ изъ своего номера часовъ въ девять. Базаръ уже кончился, но народу было еще много. Это былъ преимущественно все пришлый рабочій людъ, который не имѣлъ иного пріюта, кромѣ базара, многочисленныхъ кабачковъ, бывшихъ тутъ же, и дешевыхъ «обжорокъ». Тутъ были хохлы и великороссы, татары, нѣмцы, пропившіеся казаки, мордвины, калмыки и единичные представители нѣкоторыхъ другихъ народностей. Въ качествѣ торговцевъ тутъ же мелькали армяне, греки, черкесы (но ни единаго еврея, такъ какъ евреямъ воспрещено жительство въ казачьихъ областяхъ). Всѣ кабачки («Новый Свѣтъ», «Свиданіе друзей», «Экономическіе обѣды» и др.) были уже полны. Слышались пѣсни. На улицѣ въ разныхъ мѣстахъ стояли, сидѣли и даже лежали, живописныя и интересныя группы; женщины собирались также группами — отдѣльно.

Вотъ въ одной группѣ слышатся звуки гармоники: инструментъ вынесенъ на продажу, и теперь каждый желающій подвергаетъ его испытанію. Бойкіе звуки «Саратовской», вызванные артистически-небрежными, но глубокоопытными пальцами художника гармониста, длиннаго, худого малаго въ жилетѣ, въ красной вышитой рубахѣ и въ старомъ картузѣ на бекрень, — перекатываются бѣглою, веселою трелью и то нѣжно замираютъ, то вдругъ вспыхиваютъ ухорскимъ захватывающимъ мотивомъ. Въ другой группѣ идетъ горячій торгъ изъ за старыхъ изношенныхъ дамскихъ башмаковъ, которые намѣревался купить приземистый хохликъ для своего небольшого сынишки. Въ третьей — около казака, сидѣвшаго на дрожкахъ, запряженныхъ сѣрою лошаденкой, калмыцкой породы, собралась толпа безмолвныхъ зрителей. Сидящій на дрожкахъ казакъ уговариваетъ другого—пьянаго, босого, опухшаго отъ похмѣлья казака перестать пьянствовать и ѣхать съ нимъ въ станицу. Пьяный казакъ охрипшимъ, жалобнымъ голосомъ проситъ подождать до вечера.

Въ четвертой группѣ молодой казакъ на длинныхъ дрогахъ нанимаетъ поденщицъ «на тяповицу» (полоть бахчу). Плата 40 копѣекъ. Нѣсколько молодыхъ женщинъ уже сидятъ на его дрогахъ. другія еще не рѣшаются, потому что плата имъ кажется дешевой. Подвыпившій субъектъ небольшого роста въ старомъ, полинявшемъ котелкѣ, надвинутомъ по уши, и въ разорванной рубахѣ, стоя въ толпѣ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, говоритъ:

— Вы, дѣвки, не очень поддавайтесь этой жмудіи, а то и пропасть не долго... Они — какой народъ? Я говорю — пропадете!

— Небось, не пропадутъ, коль работать будутъ, — возражаетъ рябая пожилая хохлушка, стоящая у дрогъ: — а тутъ будутъ безъ работы лежать, скорѣе пропадутъ съ вами, съ дьяволами!

— Эхъ ты, лубокъ старый! тоже понимаетъ! Вотъ, Петя, — обращается ораторъ къ всклокоченному мужику мрачнаго вида, стоящему вблизи съ цигаркою въ зубахъ: — идутъ на тяповицу, а тамъ, значитъ... гмъ...

«Петя» говоритъ на это очень крѣпкую остроту, отъ которой его собесѣдникъ заливается сиплымъ, заразительно веселымъ смѣхомъ.

Сквозь немолчный, жужжащій говоръ базара, сквозь трескотню проѣзжающихъ экипажей, доносятся мягкіе звуки пѣсни, стройной, протяжной, грустной... Я иду на эти звуки и прихожу въ кабачекъ «Новый Свѣтъ», изъ гостепріимно раскрытыхъ дверей котораго они вылетаютъ. Человѣкъ десять хохловъ сидятъ за столомъ, на которомъ находится бутылка водки, стаканчикъ, нѣсколько огурцовъ и большая краюшка ситнаго хлѣба. Пожилые хохлы съ бородами, черные и рыжіе, безбородые парубки, одни въ холстинныхъ рубахахъ, другіе въ свиткахъ, всѣ потные, красные, серьезные, сосредоточенно углубленные въ свое занятіе, поютъ пѣсню. Она начинается какъ-то незамѣтно, тихо и потомъ вдругъ сразу подхватывается сильными, свѣжими голосами; гудятъ басы; смуглый, загорѣлый, курчавый парубокъ, съ рѣзко выдѣляющимися бѣлками глазъ, приложивши руку къ щекѣ, заливается высочайшимъ подголоскомъ, и всѣ зрители и слушатели невольно награждаютъ его одобрительными улыбками. Высокій худой старикъ со впалою грудью, какъ видно постоянный и неизмѣнный посѣтитель сихъ мѣстъ, размахиваетъ своими длинными, жилистыми руками и головой, умиляясь, нагибаясь къ сидящему впереди его сосѣду-хохлу, сообщая ему свой восторгъ и быстро разсказывая о томъ, какъ онъ самъ пѣвалъ, когда жилъ на желѣзной дорогѣ; затѣмъ онъ тычетъ пальцемъ кверху въ тактъ пѣсенъ и ударяетъ себя въ грудь, бросая косвенный, исполненный уваженія взглядъ на бутылку. А своеобразная хохлацкая мелодія звенитъ въ пропахшемъ алкоголемъ и скверным кушаньемъ воздухѣ, и зоветъ куда-то удивленнаго слушателя, и напоминаетъ о чемъ-то знакомомъ, грустномъ и родномъ...

Я ушелъ съ базара и пробылъ у знакомыхъ въ городѣ часовъ до четырехъ пополудни. Возвращаясь въ свою гостиницу, я опять долженъ былъ проходить мимо тѣхъ же пестрыхъ и живописныхъ группъ рабочаго люда. Теперь здѣсь почти все было пьяно, говоръ сдѣлался оживленнѣе, громче, крѣпкія слова такъ и висѣли въ воздухѣ. На камняхъ мостовой, почти на каждомъ шагу, встрѣчались распростертыя тѣла мертвецки упившихся и спящихъ босыхъ, оборванныхъ, грязныхъ людей.

Я не могъ не остановиться надъ ними.

— Ну ничего-о! Это не избитъ! — сказалъ молодой парень съ рябымъ лицомъ, обращаясь ко мнѣ и указывая на спавшаго у дверей кабака всклоченнаго и почти нагого человѣка, у котораго все лицо было покрыто запекшеюся, потемнѣвшею кровью. Стоявшій въ дверяхъ молодой трактирщикъ въ жилеткѣ и съ металлической цѣпочкой обратилъ вдругъ вниманіе на спавшаго и, подвинувшись къ нему, растолкалъ его ногой.

— Это, братъ, не годится, — сказалъ онъ, когда тотъ съ трудомъ поднялъ голову: — тутъ люди ходятъ..

Выраженіе полнаго непониманія и удивленія долго не сходило съ изуродованнаго, безобразнаго лица этого босяка. Наконецъ, онъ съ трудомъ поднялся и сѣлъ, подобравши колѣни и опустивъ на нихъ свою всклокоченную, большую голову. Это было самое настоящее олицетвореніе горя-злосчастья!..

— Миша! — говоритъ хриплымъ голосомъ другой босой, всклокоченный человѣкъ, въ красной рубахѣ и синихъ портахъ, подходя къ трактирщику: — сколько дашь?

Онъ указалъ пальцемъ на свою грудь.

— Новая, только разъ стирана...

Онъ уже не можетъ твердо стоять на одномъ мѣстѣ, едва удерживая равновѣсіе и съ трудомъ открывая свои пьяные, неподвижно уставленные впередъ глаза.

Трактирщикъ окинулъ опытнымъ, оцѣнивающимъ взглядомъ его рубаху и, не торопясь, проговорилъ:

— Два гривенника.

— Тридцать!

— Нѣтъ, два... Смотри, вотъ тебѣ какую дамъ.

Онъ заглянулъ за дверь и тотчасъ извлекъ оттуда какіе то грязные клочки, которые даже босяка, изнывающаго отъ жгучей жажды, привели въ негодованіе.

— Тьфу, будь она проклята!—прохрипѣлъ онъ и, послѣ долгаго раздумья, прибавилъ: — три дашь?

— Нѣтъ,—спокойно и рѣшительно сказалъ трактирщикъ:—тоже, братъ, всякому надо пользу наблюдать.

— Ты погляди рубаху-то!

— Да вижу.

— Разъ только стирана... Ты гляди!

— А на груди-то что?

— На груди? Ну, скажите, люди добрые, что у ней на груди? Только разъ стирана,—что же у ней на груди! Ахъ...

Босякъ обиженно удаляется, шатаясь и спотыкаясь, и скрывается въ дверяхъ сосѣдняго кабачка.

— Оплошалъ Черкасскъ, дѣловъ никакихъ нѣтъ,—говоритъ со вздохомъ сожалѣнія рябой парень, стоящій возлѣ меня. Онъ былъ

трезвъ. Къ слову сказать, большинство трезвыхъ лицъ, видѣнныхъ мною на базарѣ, было изъ молодежи.

— Черкасскъ оплошалъ, ступай въ Ростовъ,—небрежно говоритъ трактирщикъ.

— А въ Ростовѣ думаешь лучше? Въ Ростовѣ нашего брата тоже лежитъ... Хорошо, гдѣ насъ нѣтъ! А какъ мы придемъ, такъ народу дѣвать некуда. И, обратившись ко мнѣ, какъ къ праздному и новому человѣку, въ которомъ былъ видѣнъ нѣкоторый интересъ къ окружающему, онъ долго говорилъ о безработицѣ, неурожаѣ и о плохихъ обстоятельствахъ...

Девять часовъ вечера. Изъ оконъ моего номера видна часть города съ привѣтливо мелькающими огоньками, по скату горы, съ смутно вырисовывающимся на бѣлой зарѣ большимъ зданіемъ кадетскаго корпуса и съ темной, слившейся массой домовъ. Свѣжій послѣ дождя воздухъ мягкими волнами плыветъ въ номеръ вмѣстѣ съ отдаленнымъ, смутнымъ, глухимъ гамомъ пѣсенъ, съ звонкимъ дѣтскимъ веселымъ крикомъ, съ громкимъ смѣхомъ и взвизгиваніями женщинъ, съ пьянымъ, усталымъ и безсмысленно жалующимся говоромъ босыхъ людей, съ рѣзкими звуками полицейскаго свистка и гармоники, со стукомъ лошадиныхъ копытъ сквозь отдаленное погромыхиванье колесъ, съ топотомъ по тротуару тяжелыхъ сапогъ, съ божбой и руганью. Свѣтъ изъ кабаковъ смутно освѣщаетъ ряды возовъ, стоящихъ на базарѣ, съ темными силуэтами пофыркивающихъ лошадей и лежащихъ воловъ.

Изъ сосѣдняго кабачка «Экономическіе обѣды»—слышна пѣсня. Высокій, красивый теноръ поетъ «Бродягу»:

Ужъ ты мать, ты, моя мать! перестань меня ругать.
Знать судьба моя такая,—цѣлый вѣкъ долженъ страдать...

Мягкая и тихая грусть напѣва, горькая скорбь словъ пѣсни властно привлекаютъ къ себѣ мое вниманіе. Я выхожу изъ номера и присоединяюсь къ кучкѣ уже собравшихся слушателей. Около окна съ сосредоточеннымъ видомъ стоятъ нѣсколько босыхъ обитателей рынка въ своихъ изорванныхъ рубахахъ, хромой мастеровой въ пиджакѣ и съ тросточкой въ рукахъ; у самаго окна присѣлъ подвыпившій мужикъ мрачнаго вида, рядомъ съ нимъ три дѣвицы, изъ которыхъ двѣ были уже явными жертвами общественнаго темперамента, а третья—прехорошенькая хохлушка съ наивными черными глазами,—вѣроятно, еще не продавала себя... Всѣ съ страстнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали нѣсколько однообразные, тягучіе, горькой скорбью звучавшіе переливы увлекшагося пѣвца.

— А пріятный голосъ!—замѣтилъ мастеровой съ тросточкой...

— Кабы къ нему еще два-три такихъ,—прибавилъ съ дѣловымъ видомъ стоявшій позади его рабочій.

— Егоръ! прогони этого хромого! чего онъ тутъ стоитъ, свѣтъ заслоняетъ!—сказалъ сидѣвшій босякъ.

— Ну, братъ, велятъ прогнать, долженъ исполнить,—съ чрезвычайной готовностью заговорилъ одинъ изъ босыхъ людей, именуемый Егоромъ, и взялъ хромого мастерового за талію.

— Ну, ты, братъ, говорить-говори, а рукамъ воли не давай,— сердито и рѣшительно заговорилъ мастеровой, отстраняя отъ себя босого человѣка.

И босой человѣкъ долженъ былъ отступить, нѣсколько сконфуженный этимъ рѣшительнымъ тономъ. Чтобы вывести себя изъ нѣкоторой неловкости, онъ съ видомъ элегантнаго кавалера подвинулся къ одной изъ дѣвицъ, стоявшихъ у самаго окна, и лихо воскликнулъ:

— Здорово, кума!

— Здорово, кумъ!—отвѣчала дѣвица, тономъ, однако, не совсѣмъ дружелюбнымъ и привѣтливымъ.

— Параска! пойдемъ, пройдемся,—зовутъ дѣвицы хорошенькую хохлушку, которая продолжаетъ сидѣть у окна, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушая пѣвца.

— Ну-у!—говоритъ Параска,—у меня отецъ тутъ, надо иттить...

— Да онъ—ничего, ругаться не будетъ.

— Нѣтъ ругается! онъ меня разъ билъ: зачѣмъ по кабакамъ шляюсь!

Но всетаки, послѣ недолгаго колебанія, Параска встаетъ и уходитъ вмѣстѣ съ своими подругами. Хромой мастеровой съ тросточкой оставляетъ наше общество и ковыляетъ вслѣдъ за ними.

И пѣвецъ нашъ оборвалъ свою пѣсню. Слушатели его перешли къ сосѣднему кабачку, изъ котораго доносились забористо-веселые звуки гармоники, сопровождаемые топотомъ, лихимъ гиканьемъ и какимъ-то дробнымъ мелкимъ звономъ въ тактъ музыкѣ. Возвращаясь въ свой номеръ, я видѣлъ въ окно, какъ среди большой, грязной комнаты съ низкимъ потолкомъ, наполненной пьянымъ, кричащимъ людомъ, танцовалъ подъ эти звуки молодой, красивый парень атлетическаго сложенія. Вмѣсто рубахи и портокъ на немъ висѣли одни клочья, которые довольно живописно драпировались во время его дикой, бѣшеной пляски и обнаруживали его удивительную мускулатуру; въ поднятой кверху рукѣ его вертѣлась темная бутылка съ воткнутой въ ея горло металлической ложкой, которая пронзительно звенѣла и дребезжала въ тактъ музыкѣ.

XIII.

Нѣсколько заключительныхъ словъ о Донѣ и о казачествѣ.

Я интересовался, главнымъ образомъ, Дономъ «Казацкимъ», и поэтому обрываю свои путевые очерки на Новочеркасскѣ. Дальше

идутъ города Ростовъ, Азовъ и Таганрогъ, принадлежащіе теперь тоже къ Донской области. Это—города съ большимъ будущимъ, но казацкаго въ нихъ, кажется, только и есть, что полиція. Поэтому я и прохожу ихъ молчаніемъ.

Прощаясь съ тихимъ Дономъ, я не могу не пожелать, чтобы моей родинѣ было удѣлено больше вниманія, чѣмъ она пользовалась до сихъ поръ, какъ въ литературѣ, такъ и въ правящихъ сферахъ. Литература о Донскомъ краѣ и о казачествѣ чрезвычайно бѣдна. Если не считать мѣстныхъ періодическихъ изданій—оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, то по пальцамъ можно пересчитать все, что есть въ общей русской печати о Донѣ. Теперь интересующемуся читателю, будь онъ, положимъ, студентъ (вспоминаю свой прошлый опытъ) или какой-либо изъ мѣстныхъ жителей, нѣтъ возможности даже ознакомиться съ исторіей родного края. Есть только два сочиненія, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть историческія свѣдѣнія о донскомъ казачествѣ: «Историческое описаніе Земли Войска Донского»,—составленное еще въ тридцатыхъ годахъ Сухоруковымъ, и «Трехсотлѣтіе Войска Донского», написанное г. Савельевымъ (1870 г.). «Историческое описаніе Земли Войска Донского», изданное въ 70-хъ годахъ донскимъ статистическимъ комитетомъ, вышло изъ продажи, и теперь, можно сказать, ни за какія деньги нельзя найти этого прекраснаго труда по донской исторіи, доведеннаго до 1708 года (собственно этимъ годомъ и оканчивается самостоятельная исторія донского казачества; дальнѣйшая исторія идетъ уже въ неразрывной связи съ общей русской исторіей); нѣтъ въ продажѣ также и цѣннаго, хотя и краткаго труда г. А. Савельева. «Сборникъ пѣсенъ донскихъ казаковъ», составленный этимъ же авторомъ, тоже вышелъ изъ продажи; нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ изданъ сборникъ пѣсенъ г. Пивоваровымъ, но изданіе его остановилось на первомъ выпускѣ (обѣщано же было четыре выпуска). Между тѣмъ мѣстная народная поэзія заслуживала бы того, чтобы на нее обратили вниманіе. Она вымираетъ, и въ скоромъ времени уже не будетъ возможности записать многихъ казацкихъ пѣсенъ: переводятся и пѣвцы—старики, теряется и вкусъ къ истинной поэзіи, своеобразной поэзіи старинной казацкой пѣсни; она замѣняется или полковой «форменной» поэзіей или такъ называемой у казаковъ поэзіей «дамской» («Гуляй, гуляй, моя Лизерка, и не влюбляйся ни въ кого»), или фабричной безсмыслицей. Въ сборникъ Пивоварова уже попали такіе, напримѣръ, поэтическіе перлы:

Нашъ князь Михаилъ
Изъ лѣсу Польшу манилъ,
Разузналъ стежки-дорожки,
Онъ расправилъ Польшѣ ножки.

А въ дальнѣйшемъ будущемъ такія поэтическіи произведенія, вѣроятно, совершенно вытѣснятъ пѣсни стариковъ. Напѣвы казац-

кихъ пѣсенъ, совершенно своеобразные и раздумчивые, какъ широкая казацкая степь, нѣсколько монотонные и тоскующіе, или бурно-веселые,—непохожіе ни на прелестную мелодію малороссійской пѣсни, ни на унылый великорусскій напѣвъ, тоже неизвѣстны совсѣмъ почти русской публикѣ. Пѣсенная коммиссія, находящаяся подъ предсѣдательствомъ Т. И. Филиппова, нашла бы для себя на Дону (преимущественно у верховыхъ казаковъ) богатый матеріалъ...

Но, разумѣется, пѣсни—пѣснями, а казаку-то еще болѣе надо бы удѣлить вниманія. Мнѣ кажется, что нѣтъ стороны въ его жизни, которая бы не свидѣтельствовала объ его значительной безпомощности. Прежде всего и главнымъ образомъ слѣдовало бы облегчить какимъ-либо способомъ лежащее на немъ непосильно-тяжелое бремя воинской повинности...

Не будемъ особенно распространяться о жертвахъ и заслугахъ казачества въ военное время. Прискорбно, что, по странному стеченію обстоятельствъ, въ мирное время казакъ безпомощенъ и юридически, и экономически, теменъ и отсталъ, не смотря на то, что не обиженъ отъ природы способностями...

Есть что-то непонятно-влекущее, безотчетное, чарующее въ чувствѣ родины. Какъ бы непривѣтливо ни взглянула на меня родная дѣйствительность, какими бы огорченіями ни преисполнилось мое сердце,—издали, съ чужбины, какъ-то все въ ней кажется мнѣ краше и привѣтливѣй, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Иногда, когда случайно приходится натолкнуться на сравненіе, я даже ощущаю до нѣкоторой степени эгоистическую гордость: мой сородичъ-казакъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, всетаки живетъ лучше русскаго мужика. Такой поразительной нищеты и забитости, какую на каждомъ шагу можно встрѣтить въ русской деревнѣ, на Дону пока не найдешь. Казакъ не зналъ крѣпостной зависимости, сознаніе собственнаго достоинства еще не умерло въ немъ. Это-то сознаніе, хоть изрѣдка проявляющееся, и привлекаетъ къ нему наиболѣе мое сердце...

И всякій разъ, какъ за сизою рощею вербъ скрываются изъ глазъ моихъ крытыя соломой хатки моихъ станичниковъ, и постепенно убѣгаютъ изъ глазъ и самая роща, и кресты на церкви, и гумна со скирдами за станицей,—сердце мое сжимается безотчетной грустью,—потому ли, что жаль разстаться съ людьми родными, близкими моему сердцу, съ дорогими, родными могилами, или еще почему-то,—не знаю...

Ѳ. Крюковъ.

Земля и капитализмъ.

I.

Когда въ 1825 году первая желѣзно-дорожная линія соединила Стонктонъ съ Дармингтономъ и первый пароходъ прошелъ изъ Англіи въ Остъ-Индію, врядъ ли кто нибудь могъ догадаться, что этимъ событіемъ открывается новая эра въ исторіи. Но прошло всего нѣсколько десятилѣтій. Желѣзныя дороги покрыли сѣтью всѣ культурныя страны. Пароходы съ невѣроятной для временъ паруса правильностью и быстротой стали пересѣкать моря и океаны. Понятіе о разстояніяхъ было съужено до крайности и вмѣстѣ съ этимъ хозяйственная жизнь человѣчества получила совершенно новую окраску: на смѣну національному хозяйству пришло міровое хозяйство, точно такъ же, какъ въ свое время народное хозяйство смѣнило изолированное личное хозяйство. Это было достигнуто посредствомъ широко развившейся всемірной торговли.

Сельское хозяйство все время было впереди промышленной эволюціи, такъ какъ участіе его продуктовъ въ міровомъ обмѣнѣ возрастало съ неимовѣрной быстротой. Въ концѣ XVIII столѣтія Тюрго оцѣнивалъ международную торговлю хлѣбомъ въ 10, самое большее 11 милліоновъ гектолитровъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія она уже оцѣнивалась въ 200 милл. гектолитровъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ—въ 550 милл., въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ—въ 569 милліоновъ. Хлѣбное производство въ срединѣ 80-хъ годахъ опредѣлялось въ 3,189 милл. гектолитровъ. Слѣдовательно, въ міровомъ обмѣнѣ участвовала почти пятая часть всего хлѣбнаго производства *).

Такіе скоропортящіеся продукты, какъ свѣжее мясо, молоко и

*) Статистическій матеріалъ, который приводится нами безъ указанія источника, взятъ главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ изданій: для времени до конца 80-хъ годовъ изъ Mullhal's Dictionary of statistics (1884). Uebersichten der Weltwirthschaft, 1878 1879, 1880, 1881—1882 и 1883—84 подъ ред. dr. F. X. v. Neumann-Spallart и 1885—89 подъ ред. dr. Fr. v. Iuraschek; за новѣйшее время изъ ежегодника The statesman's Jear book за 1893—1895 гг., перваго приложенія къ Conrad's Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, Вѣстника Финансовъ за 1894—1896 и пр.

пр. долгое время и послѣ приложенія пара къ перевозочному дѣлу имѣли весьма узкій кругъ обращенія. Но все болѣе совершенствовалась техника перевозочнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ расширялся кругъ обращенія этихъ продуктовъ. Въ 1870 году было ввезено въ Англію всего 12 тысячъ центнеровъ свѣжаго мяса и все это количество было доставлено главнымъ образомъ изъ сосѣднихъ европейскихъ странъ. Въ 1890 году было доставлено въ Англію свѣжаго мяса 1,855 т. центн., изъ коихъ на долю европейскихъ странъ пришлось всего 15 тысячъ или менѣе одного процента. Слѣдовательно, за какихъ нибудь 20 лѣтъ англійскій привозъ свѣжаго мяса увеличился въ 155 разъ и весь импортъ теперь покрывается почти однѣми заокеанскими странами. Подобныя же измѣненія произошли и въ торговлѣ другими скоропортящимися товарами. Тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что эта отрасль міровой торговли вся еще въ будущемъ, по всей вѣроятности самомъ ближайшемъ будущемъ, судя по выдающимся успѣхамъ послѣдняго времени въ дѣлѣ ускоренія перевозки и сохраненія скоропортящихся продуктовъ.

Новыя условія всемірной торговли сельско-хозяйственными продуктами оказали неоцѣнимыя услуги культурѣ. Во первыхъ, они освободили культурный міръ отъ такъ часто повторявшихся въ прежнее время голодовокъ и дороговизны. Всемірныхъ неурожаевъ, падежей скота и пр. не бываетъ. Почти всегда неудачи въ однѣхъ странахъ сопровождаются благопріятными условіями въ другихъ. Міровая торговля устанавливаетъ такую тѣсную связь между сельскохозяйственными областями, что дѣлаетъ едва замѣтными климатическія и т. п. невзгоды, время отъ времени посѣщающія отдѣльныя страны. Не менѣе важны услуги всемірной торговли въ дѣлѣ уравненія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Въ прежнее время цѣна хлѣба падала до невѣроятности тамъ, гдѣ онъ былъ въ изобиліи, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ хлѣба было недостаточно, его цѣна достигала колоссальной цифры. Въ этомъ отношеніи часто значила много какая нибудь сотня-другая верстъ. Такъ, въ 1650—51 и 1661—63 гг. гектолитръ пшеницы стоилъ около Парижа 30—40 франковъ, а въ Страсбургѣ 7—8; наоборотъ, въ 1623 году голодающій Эльзасъ платилъ за хлѣбъ въ 4 раза дороже Парижа. Въ первую четверть XVI столѣтія Англія платила за хлѣбъ въ $2^1/_2$ раза дешевле Франціи и въ $4^1/_2$ раза дешевле Италіи, въ XVII столѣтіи роли перемѣнились: Англія платила дороже Франціи въ $1^1/_2$ раза и Италіи въ $2^1/_2$ раза. Въ первую четверть текущаго столѣтія, т. е. наканунѣ приложенія пара къ перевозочному дѣлу, дѣла обстояли не лучше. Въ 1801 году во Франціи въ департаментѣ La-Marne гектолитръ пшеницы стоилъ 11 франковъ, а въ департаментѣ Alpes-Maritimes 46 франковъ; въ 1817 году въ разныхъ департаментахъ цѣны колебались между 36 и 81 фр. *). Въ 1816—

*) A. de Foville. La transformation de transport, стр. 235.

20 годахъ тонна пшеницы стоила въ Англіи 364 марки, во Франціи 265, въ провинціяхъ Пруссіи 182... При новыхъ условіяхъ торговли такія колебанія цѣнъ уже невозможны не только внутри какой нибудь страны, но и въ разныхъ, даже сильно отдаленныхъ другъ отъ друга, странахъ. Въ 80-хъ годахъ тонна пшеницы оплачивалась въ среднемъ—во Франціи 198 марками, въ Италіи 197, въ Пруссіи 190 и въ Англіи 169 *); разница между высшей средней цѣной — французской и низшей англійской—не превышала, слѣдовательно, 15 процентовъ, да и эта разница въ значительной части объясняется тѣмъ, что изъ всѣхъ названныхъ странъ одна Англія руководствуется въ хлѣбной торговлѣ принципами фритредерства. Даже между цѣнами производительныхъ и потребительныхъ странъ разница сдѣлалась ничтожной. Въ 80-хъ годахъ гектолитръ пшеницы, за который русскій земледѣлецъ выручалъ 13 франковъ (средняя мѣстная осенняя цѣна), а американскій фермеръ 12 франк., продавался въ Англіи за 15,2 франка, т. е. разница равнялась всего 14—21 проц. Но особенно важна заслуга всемірной торговли въ томъ отношеніи, что, благодаря ей, цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, служащихъ для удовлетворенія первыхъ человѣческихъ потребностей, упали до минимума. Въ Лондонѣ за квартеръ пшеницы платили: 1867 г. 64 ш. 5 пенсовъ, 1877 г. 56 ш. 9 п., 1887 г. 32 ш. 6 п., въ 1894 г. 22 ш. 10 пенсовъ, т. е. за 27 лѣтъ цѣна пшеницы сократилась на 182 слишнимъ процентовъ. За это же время цѣна ячменя упала на 63 проц. и цѣна овса на 53 проц. Какъ мы уже говорили, торговля скоропортящимися продуктами еще вся въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе мы и здѣсь находимъ замѣтное пониженіе цѣнъ. За центнеръ свѣжей говядины платили въ 1883 г. 2 фунта 16 шилл. 2 пенса; въ 1893 году цѣна эта упала до 2 ф. 2 ш. 4 пенсовъ, т. е. на 34 процента. Свѣжая баранина стала дешевле на 18 проц., свѣжая свинина на 25% и т. д.

Но медаль имѣетъ и обратную сторону. Если всемірная торговля ставитъ всѣ страны въ одинаково благопріятныя условія по отношенію къ обезпеченію потребленія предметовъ первой необходимости, то этого нельзя сказать относительно *производства* этихъ предметовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчается какъ разъ обратная тенденція. Если остановиться на связи потребленія съ туземнымъ производствомъ, то бросается въ глаза тотъ фактъ, что эта связь дѣлается все слабѣе и слабѣе. Въ слѣдующей таблицѣ дается отношеніе размѣровъ хлѣбнаго производства (пшеницы, ржи, ячменя и овса) въ каждой странѣ къ размѣрамъ потребленія хлѣба (въ процентахъ).

*) Conrad's Handwörterbuch, т. III, стр. 892.

	Конецъ 60-хъ годовъ.	Средина 70-хъ годовъ.	Первая половина 80-хъ годовъ.	Вторая половина 80-хъ годовъ.	Первая половина 90-хъ годовъ.
Великобританія	80,7	67,1	63,6	60,5	60,1
Нидерланды	84,0	63,0	66,3	59,0	60,8
Бельгія	88,3	69,9	60,5	59,9	59,8
Италія	94,2	92,0	?	84,8	85,6
Германія	100,6	90,6	89,3	90,3	86,6
Франція	99,9	85,2	92,0	91,6	88,4
Данія	110,4	111,9	95,4	90,8	93,4
Вся зап. Европа	95,6	83,4	82,0	81,7	80,0

Въ концѣ 60-хъ годовъ западная Европа покрывала собственнымъ производствомъ 95,6 процентовъ своего потребленія, въ срединѣ 70-хъ годовъ уже 83,4 процента, въ первую половину 80-хъ годовъ 82 проц., во вторую половину 80-хъ годовъ 81,7 проц. и въ первую половину 90-хъ годовъ только 80 процентовъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ западная Европа имѣетъ еще 2 страны, производящія хлѣбъ съ излишкомъ надъ потребленіемъ и 1 страну почти обходящуюся собственнымъ хлѣбомъ; въ срединѣ 70-хъ годовъ излишекъ даетъ только одна страна, а въ 80-хъ и 90-хъ годахъ уже нѣтъ ни одной страны съ излишкомъ производства. Потеря равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ можетъ быть слѣдствіемъ двухъ причинъ: 1) слишкомъ быстраго роста потребленія и 2) сокращенія производства. Изъ слѣдующей таблицы видно, какая изъ этихъ причинъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ.

Производство (пшеницы, ржи, ячменя и овса) въ милл. гектолитровъ.

	Конецъ 60-хъ годовъ.	Средина 70-хъ годовъ.	Первая половина 80-хъ годовъ.	Вторая половина 80 хъ годовъ.	Первая половина 90-хъ годовъ.
Великобританія	114,0	124,4	122,1	113,7	110,1
Нидерланды	10,5	10,9	12,4	13,1	13,0
Бельгія	23,3	23,5	23,1	24,5	23,8
Италія	37,2	68,8	58,2	51,5	57,5
Германія	250,0	270,1	232,1	253,1	246,5
Франція	236,3	219,0	249,5	232,1	224,0
Данія	20,1	22,6	25,2	26,6	31,1
Вся зап. Европа	691,4	739,3	722,6	714,6	706,0

Изъ всѣхъ странъ западной Европы, охватываемыхъ таблицею,

одна Данія постоянно расширяетъ свое производство, изъ остальныхъ — однѣ съ замѣчательной правильностью сокращаютъ у себя производство изъ года въ годъ; въ другихъ — въ производствѣ замѣчаются значительныя колебанія, но съ явной тенденціей къ сокращенію. Вообще вся западная Европа за время отъ средины 70-хъ годовъ по первую половину 90-хъ годовъ сократила у себя производство съ 739,3 милл. гектолитровъ до 706 милл. — почти на 5 процентовъ. Сокращеніе производства подтверждается и данными о площади посѣвовъ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ. Эти данныя сведены нами въ слѣдующей таблицѣ (въ тысячахъ гектаровъ).

	Первая половина 70-хъ годовъ.	Первая половина 80-хъ годовъ.	Вторая половина 80-хъ годовъ.	Первая половина 90-хъ годовъ.
Великобританія . . .	4.255	3.865	3.680	3.504
Нидерланды	509	507	500	488
Бельгія	967	935	?	?
Италія	8.195	8.187	?	?
Франція	14.925	14.970	14.797	14.784
Германія	13.833	13.739	13.882	13.871
Данія	673	724	?	754

Изъ всѣхъ странъ, о которыхъ имѣются относительно полныя данныя, одна Данія постоянно расширяетъ площадь своихъ посѣвовъ; наоборотъ, въ Великобританіи и Нидерландахъ мы находимъ постепенное сокращеніе этой площади. Во Франціи площадь посѣвовъ нѣсколько поднялась въ первую половину 80-хъ годовъ, но сейчасъ же послѣ этого она падаетъ значительно ниже уровня первой половины 70-хъ годовъ; наоборотъ, въ Германіи она замѣтно падаетъ въ первую половину 80-хъ годовъ, затѣмъ поднимается во вторую половину 80-хъ годовъ и опять падаетъ въ первую половину 90-хъ годовъ. Эти колебанія въ обѣихъ странахъ объясняются ихъ таможенной политикой. Слухи о предстоящемъ увеличеніи пошлинъ на привозный хлѣбъ и ихъ дѣйствительное увеличеніе вызываютъ расширеніе площади посѣвовъ; но какъ только слухи не оправдываются или пошлины не оправдываютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, площадь посѣвовъ сокращается.

Можно ли считать результаты, къ которымъ пришли перечисленныя страны въ 90-хъ годахъ, окончательными? Судя по тому, въ какомъ критическомъ положеніи находятся сельскіе хозяева, которымъ удалось удержаться до сихъ поръ, на этотъ вопросъ слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Въ 1893 году была назначена въ Англіи королевская коммиссія для изслѣдованія положенія англійскаго земледѣлія. Намъ нѣтъ надобности подробно останавли-

ваться здѣсь на результатахъ, къ которымъ пришла коммиссія. Для нашей цѣли достаточно познакомиться съ положеніемъ сельскихъ хозяевъ въ двухъ графствахъ—Lincolnshire и Norfolk—которыя во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ во главѣ англійскаго земледѣлія. Lincolnshire отличается своей прекрасной почвой. Съ 1846 года это графство такъ изрѣзано желѣзно-дорожными линіями, что 8—9 англійскихъ миль отъ желѣзно-дорожной станціи считается здѣсь слишкомъ большимъ разстояніемъ. Благодаря этому, въ концѣ 60-хъ годовъ линкольнширское сельское хозяйство стояло на очень высокомъ уровнѣ. Между тѣмъ настоящее положеніе этого графства весьма критическое. Упадокъ ренты на 25, 40, 50 и даже 80—90 проц. *) здѣсь обыкновенное явленіе. Но это еще не выражаетъ истиннаго положенія вещей. Дѣло въ томъ, что тотъ минимумъ ренты, который еще удержался здѣсь, многими знатоками объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что арендаторы, потерявъ крупныя суммы на аренды, употребляютъ всѣ усилія, чтобы удержать ее, въ надеждѣ, что времена улучшатся и они вернутъ себѣ убытки; пока же они продолжаютъ работать съ убыткомъ. Для характеристики положенія арендаторскаго хозяйства приводимъ нѣсколько примѣровъ **).

Размѣры фермъ въ акрахъ.	Періодъ, принятый въ разсчетъ.	Чистый убытокъ. L.	s.	d.	Въ среднемъ за годъ въ % къ капиталу
320	1885—94	434	19	5	2,2
491	1888—94	310	2	3½	1,52
1.200	1884—94	384	15	8	0,51
592	1880—94	1.454	0	3	6,73
1.800	1880—94	7.331	11	2	3,2
538	1883—93	1.169	10	0	2,4

Въ нелучшемъ положеніи находится сельское хозяйство въ Norfolk'ѣ. Вотъ какъ Mr. H. Rew резюмируетъ тѣ результаты, къ которымъ привело его изученіе положенія сельскаго хозяйства въ этомъ графствѣ ***). «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что положеніе крупныхъ землевладѣльцевъ въ Норфолькѣ въ высшей степени шатко. Доказательства этому мы видимъ на каждомъ шагу. Многіе владѣльцы извѣстнѣйшихъ имѣній... принуждены видѣть, какъ изъ года въ годъ съуживаются ихъ доходы, а въ концѣ концовъ они вынуждены сдать свои родовые замки въ аренду, чтобы устроить

*) «Royal Commission on Agriculture». Report on Lincolnshire by Mr. Wilson Fox. London, 1895, стр. 48, 49 и друг.

**) Ibid., стр. 118—130.

***) R. C. on Agriculture. Report on Norfolk by Mr. R. Henry Rew. London, 1895.

свою жизнь гдѣ нибудь подешевле». Положеніе арендаторовъ не лучше. «20—30 лѣтъ тому назадъ не было въ Англіи болѣе спѣсиваго человѣка, нежели фермеръ Норфолька... Теперь это измѣнилось, теперь типъ норфолькскаго арендатора—это измученный работой, забитый сельскій хозяинъ..., находящійся въ вѣчной борьбѣ, чтобы свести концы съ концами... Большинство хозяевъ, съ которыми я приходилъ въ соприкосновеніе, часто безутѣшно говорятъ о своемъ финансовомъ положеніи». Одинъ фермеръ, арендующій 400 акровъ, долженъ былъ въ послѣдніе четыре года заимствовать на собственную жизнь по 100 фунтовъ въ годъ изъ капитала. По мнѣнію другого фермера, ему выгоднѣе было бы обойтись вовсе безъ аренды, такъ какъ въ одномъ 1894 г. онъ потерялъ на арендѣ 1000 фунтовъ. Арендаторъ 2000 акровъ, имѣющій въ дѣлѣ 20 тысячъ фунтовъ, сказалъ, что въ послѣднемъ году онъ не получилъ никакой прибыли на капиталъ. Кончаетъ Mr. Rew свой отчетъ слѣдующими словами. «Впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ обслѣдованія Норфолька, печально и даже безутѣшно. Слава Норфолька въ прошломъ стояла такъ высоко, культура въ теченіе десятилѣтій была столь интенсивна, что онъ считался образцомъ, и просто не вѣрится, что кризисъ такъ сильно его захватилъ и долженъ, безъ сомнѣнія, здѣсь имѣть такія безутѣшныя послѣдствія... Кризисъ росъ безпрерывно и безжалостно, пока въ 1893 и 1894 гг. положеніе не сдѣлалось ужаснымъ и почти всѣ фермеры не были разорены. Пониженіе ренты на 20—60% разорило многихъ землевладѣльцевъ, не оказавъ чувствительной помощи арендаторамъ. Много старыхъ арендаторовъ, которые поколѣніями сидѣли на одной и той же землѣ, отказались отъ аренды... Много опытныхъ хозяевъ разорилось или находится на пути къ разоренію»,

Дѣла на европейскомъ континентѣ не лучше. Rudolf Meyer приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ положенія сельскаго хозяйства въ Германіи и Франціи *). «Изъ одного имѣнія въ Помераніи мнѣ пишутъ: «20 лѣтъ тому назадъ я платилъ свои проценты и сверхъ того имѣлъ дохода 20 тысячъ марокъ, теперь я процентовъ не могу платить, я долженъ для этого ежегодно должать по 6000 марокъ». Въ провинціи Бранденбургъ я знаю имѣніе, которое, какъ и предыдущее, производитъ только хлѣбъ. Но то находится въ рукахъ владѣльца, а это въ рукахъ арендаторской фамиліи. Это типически хорошая фамилія, которая 60 лѣтъ тому назадъ взяла аренду, никогда не платила слишкомъ высокой арендной платы и всегда жила скромно-буржуазно. Вотъ что теперешній глава семьи мнѣ пишетъ: «если случится еще 2 плохихъ года, я полный банкротъ и половина арендаторовъ окружности вмѣстѣ со мною». Другой землевладѣлецъ, который 20 лѣтъ тому назадъ получалъ 20 тысячъ марокъ ежегодно чистаго дохода и который те-

*) «Das Sinken der Grundrente», Wien u. Leipzig, 1894.

перь ежегодно доплачиваетъ по 6000, писалъ мнѣ: «Въ нашей мѣстности имѣется около 70 землевладѣльцевъ, изъ коихъ 8—9 могутъ разсчитывать удержаться; остальные разорятся еще до конца столѣтія». Изъ Франціи пишетъ мнѣ старый пріятель: «когда мой отецъ унаслѣдовалъ въ 1860 г. имѣніе S. въ Шампаньи, оно было оцѣнено въ 1300 тысячъ франковъ. Въ 1892 г. это имѣніе перешло къ моему брату и онъ его оцѣнилъ въ 450 тыс. Въ 1860 г. имѣніе дало 15 тыс. арендныхъ денегъ, за лѣсъ дало 10 т. доходу. Теперь братъ самъ хозяйничаетъ и это не даетъ никакого чистаго дохода, лѣсъ еще даетъ 7 тыс. фр. Имѣніе A., также въ Шампаньи, унаслѣдовано моимъ отцомъ въ 1854 г. и было засчитано въ 450 тыс. Въ собственномъ управленіи оно давало 11 тыс. фр. отъ сельскаго хозяйства и 3 тыс. отъ лѣса. Въ 1892 г. я получилъ это имѣніе въ наслѣдство и засчиталъ его въ 150 тыс. фр. Сельское хозяйство убыточно, лѣсъ кое что даетъ».

Такое положеніе удержавшихся до сихъ поръ хозяйствъ, конечно, свидѣтельствуетъ, что и ихъ дни сочтены и что, если положеніе дѣлъ не измѣнится, то европейское земледѣліе подвергнется дальнѣйшему сокращенію.

Существуетъ мнѣніе, что въ затруднительномъ положеніи находится не все сельское хозяйство, а только хлѣбное производство. Сторонники этого взгляда видятъ во всѣхъ затрудненіяхъ только доказательство того, что центръ тяжести сельскаго хозяйства долженъ быть перенесенъ отъ земледѣлія на скотоводство. Мы выше видѣли, что главные продукты скотоводческаго хозяйства еще не вступили въ достаточной степени въ кругъ мірового обмѣна, который поставилъ въ затруднительное положеніе земледѣліе; что это еще дѣло ближайшаго будущаго. Тѣмъ не менѣе уже теперь начинають выясняться затрудненія и въ этой области. Графство Somerset лежитъ въ скотоводческой области Англіи, въ т. наз. Grasing country. По порученію королевской коммиссіи это графство изслѣдовалъ Mr. Turner и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ. Арендаторъ 200 акровъ ведетъ молочное хозяйство, для чего держитъ 70 коровъ и 25—30 штукъ молодняка; въ послѣдніе два года онъ ничего не заработалъ. Другой фермеръ сказалъ изслѣдователю: «Я разсчиталъ среднюю доходность своего хозяйства за послѣдніе 10 лѣтъ; если изъ дохода исключить всѣ платежи и проценты на затраченный капиталъ, то не остается никакой прибыли». Это положеніе фермеровъ не объясняется слишкомъ высокой рентой, такъ какъ она сильно сократилась въ этомъ графствѣ. За ферму въ 1300 акровъ, за которую раньше платили 800 фунтовъ, платятъ теперь 650. Другіе 1600 акровъ, дававшіе раньше арендныхъ денегъ 1000 ф., теперь даютъ 450 *). Въ графствѣ Cumberland, изслѣдо-

*) R. C. on Agriculture. Report on the From District of Somerset, by M. Jabez Turner. L. 1895, стр. 8—17.

ваннымъ Mr. Fox, положеніе дѣлъ нѣсколько лучше, но упадокъ ренты и здѣсь не рѣдкость.

II.

И такъ, всѣ жалобы не на хлѣбный кризисъ, а на сельскохозяйственный вообще, вовсе не выдумка досужей фантазіи. Но имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ кризисомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова? Всякій промышленный кризисъ есть слѣдствіе перепроизводства,—можетъ ли объ этомъ быть рѣчь и въ данномъ случаѣ? Отъ второй половины 70-хъ годовъ до второй половины 80-хъ годовъ производство ржи и ячменя сократилось съ 465,2 и 285,2 до 461,8 и 276,5 милл. гектолитровъ, производство пшеницы и полбы увеличилось на 10% (съ 706,4 милл. до 777,9 м.), производство всѣхъ хлѣбовъ вообще увеличилось на 16%. Но не говоря о томъ, что особенно возрасло производство маиса, который по питательности стоитъ ниже пшеницы и ржи, на высшую цифру производства во второй половинѣ 80-хъ годовъ повліяли, съ одной стороны, улучшенные способы учета урожаевъ, и съ другой—включеніе новыхъ странъ въ общую регистрацію. Между тѣмъ въ 5 государствахъ европейскаго континента (Германіи, Франціи, Австріи, Венгріи и Даніи), въ Великобританіи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки и Японіи,—государствахъ, въ которыхъ производятся періодическія переписи населенія,—за 80-ые годы населеніе увеличилось съ 244,1 милл. до 272,6 милл. человѣкъ, т. е. на 11,7%. Слѣдовательно возможное потребленіе зерновыхъ продуктовъ ростетъ, если не быстрѣе, то ужъ во всякомъ случаѣ не медленнѣе, чѣмъ производство. Если къ этому прибавить, что рѣчь идетъ о продуктахъ, служащихъ для удовлетворенія первѣйшихъ человѣческихъ потребностей,—потребностей, которыя должны быть удовлетворены во что бы то ни стало и удовлетвореніе которыхъ облегчается упадкомъ цѣнъ, то станетъ ясно, что о перепроизводствѣ не должно быть никакой рѣчи.

Вторая особенность кризиса — это его продолжительность. Въ обрабатывающей промышленности наивысшій срокъ для урегулированія затрудненій, вызываемыхъ кризисомъ, это максимумъ 5 лѣтъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ кризисъ тянется — въ Англіи съ начала 70-хъ годовъ, въ однѣхъ странахъ европейскаго континента съ средины 70-хъ гг. и въ другихъ—съ начала 80-хъ годовъ, и до сихъ поръ не предвидится ему конца.

Но важнѣе всего третья особенность кризиса. Въ обрабатывающей промышленности жертвой кризиса дѣлаются мелкія, скудно снабженныя капиталомъ, а потому и плохо поставленныя въ отношеніи производительности труда предпріятія. Какъ разъ обратное явленіе мы видимъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Мы выше видѣли, что

въ западной Европѣ хлѣбная промышленность сокращается. Въ слѣдующихъ странахъ она расширилась:

Въ Россіи (отъ сред. 70-хъ гг. по 1890—94 гг.)	на	3,0%
» Австро-Венгріи (за тотъ же періодъ) . . .	»	5,1 »
» Балканск. гос. (отъ 1880—84 по 1885—89)	»	21,1 »
» Соед. Шт. (отъ сред. 70-хъ гг. по 1890—94)	»	71,1 »
» Канадѣ (отъ сред. 70 хъ гг. по 1885—89)	»	104,4 »
» Аргентинѣ (отъ 1885—89 по 1890—94)	»	233,0 »
» Австраліи (отъ сред. 70-хъ гг. по 1885—89)	»	70,0 »

Выше ли производительность труда въ этихъ странахъ? Мѣриломъ производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ можетъ до нѣкоторой степени служить урожайность. Одинъ гектаръ земледѣльческой площади давалъ во вторую половину 80-хъ годовъ въ среднемъ гектолитровъ:

	Пшеницы.	Ячменя.	Овса.
Въ Великобританіи	26,0	28,8	32,6
» Нидерландахъ	25,2	38,3	38,8
» Бельгіи	22,0	31,9	37,9
» Германіи	17,8	20,3	25,6
» Франціи	15,6	18,3	23,0
» Австраліи	11 3	19,2	23,4
» С. Штатахъ	10,5	19,1	23,2
» Россіи	6,8	9,4	13,1

Въ Великобританіи производство сокращается особенно сильно, между тѣмъ здѣсь самая высшая урожайность. Въ слѣдующихъ четырехъ странахъ также сокращеніе производства сопровождается довольно высокой урожайностью. Наоборотъ, въ послѣднихъ трехъ странахъ, которыя играютъ роль побѣдителей на всемірныхъ рынкахъ, урожайность самая низкая, особенно въ Россіи.

Конечно, высокая урожайность еще не говоритъ о высокой доходности: если расходы слишкомъ высоки, то высокій валовой доходъ можетъ быть и убыточенъ. Имѣемъ-ли мы тутъ дѣло съ такимъ случаемъ? Къ расходамъ производства хлѣба должны быть отнесены: 1) расходы на рабочую силу, 2) на орудія труда и 3) на сырье. Въ Англіи, гдѣ заработная плата стоитъ выше, чѣмъ въ остальной Европѣ, сельско-хозяйственный рабочій получаетъ въ день (при поденной работѣ) 2 франка 50 сантимовъ, въ Бельгіи 2 фр. 40 сант., во Франціи 2 фр. 22 сант., въ Пруссіи 1 фр. 80 сант. и 1 фр. 15 сант.*). Такихъ низкихъ цѣнъ на рабочую силу не знаютъ заокеанійскія страны. Въ западныхъ штатахъ Сѣв. Америки, этомъ центрѣ настоящей хлѣбной промышленности, въ 1890 году рабочій получалъ въ мѣсяцъ (26 рабочихъ дней) 22 доллара, слѣдовательно

*) «A. de Foville». La France économique. An. 1889, стр. 99 и 101.

въ день 4 фр. 70 сант.*). Въ Тасманіи (Австралія) сельско-хозяйственный рабочій получаетъ въ недѣлю 10—17 шиллинговъ, что составляетъ въ среднемъ 2,1—3,8 франка въ день. Въ Новомъ Южномъ Валисѣ рабочая плата еще выше: здѣсь сроковой рабочій получаетъ 40—52 фунта за срокъ, что составляетъ 1007—1310 франковъ,—сумму, которой англійскій рабочій не выработаетъ, если даже будетъ работать безпрерывно круглый годъ, получая по $2^{1}/_{2}$ франка въ день (при этомъ условіи онъ всего выработаетъ 2,5×360=900 франковъ **). Что касается орудій труда, то лишнее доказывать, что они въ Европѣ дешевле, чѣмъ во многихъ конкуррирующихъ съ нею странахъ, такъ какъ такія страны, какъ Остъ-Индія, Южная Америка, Австралія, Россія, получаютъ свои сельско-хозяйственныя орудія главнымъ образомъ именно изъ западно-европейскихъ странъ. Достойно вниманія также и то, что кредитъ, къ которому долженъ прибѣгать всякій сельскій хозяинъ, въ заокеанійскихъ странахъ, въ Россіи и Остъ-Индіи несравненно дороже, чѣмъ въ западной Европѣ. По даннымъ, опубликованнымъ Frederiksen'омъ въ «The Journal of political economy» за 1894 г., въ С. Штатахъ по ипотечнымъ долгамъ платятъ: въ сѣверной части атлантической полосы 6 проц., въ нѣкоторыхъ штатахъ центра 8—9 проц., а въ западныхъ штатахъ 10—$10^{1}/_{2}$ и 11 проц. Если ипотечный кредитъ такъ дорогъ, то, очевидно, личный сельско-хозяйственный кредитъ еще дороже. Въ Россіи даже законъ оцѣниваетъ кредитъ въ 12 проц. Между тѣмъ оффиціальный дисконтъ въ 1889—93 гг. стоялъ въ Берлинѣ на 3,9 проц. въ среднемъ и въ Лондонѣ на 3,5 проц. Правда, личный сельско-хозяйственный кредитъ оцѣнивается нѣсколько выше этой нормы, но во всякомъ случаѣ не выше 5—6 проц.

Единственное преимущество (говоря, конечно, исключительно съ точки зрѣнія стоимости производства въ узкомъ смыслѣ слова), которое имѣютъ конкурренты европейскихъ хозяевъ—это экономія въ сырьѣ, именно въ удобреніи, въ которомъ ихъ малоистощенная земля или вовсе не нуждается или нуждается въ ограниченныхъ размѣрахъ. Но покрываетъ ли эта экономія, во первыхъ, разницу въ урожайности въ этихъ странахъ сравнительно съ европейскими странами и, во вторыхъ, расходы по доставкѣ продуктовъ на европейскіе рынки, гдѣ они имѣютъ единственный сбытъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ слѣдующій элементарный разсчетъ. Одинъ гектаръ земли въ Россіи, С. Штатахъ и Австраліи даетъ въ среднемъ $9^{1}/_{2}$ гектолитровъ пшеницы; возьмемъ максимумъ — 12 гектолитровъ. По лондонскимъ цѣнамъ гектолитръ пшеницы стоилъ въ 1893—94 гг. 8 шиллинговъ. Слѣдовательно, урожай

---

*) «D-r F. v. Juraschek». Uebersichten d. Weltwirthschaft, 1885—89, стр. 14.

**) «Ed. Greville». The Jear-book of Australia, 1891, стр. 913 и 934.

цѣлаго гектара стоилъ 96 шиллинговъ. Доставка урожая одного гектара обходится (средній фрахтъ до Лондона изъ Нью-Іорка, Бомбея, Одессы и Либавы) въ 13,68 шил. Исключивъ эту сумму изъ валовой доходности гектара, остается 82,32 шил. Въ западной Европѣ доходъ того же гектара составитъ: 21,3 гектолитра (среднее для Англіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Германіи) по 8 шиллинговъ = 170,4 шил. Даже самый низкій урожай Франціи даетъ 124,8 шил. дохода. Изъ этой суммы необходимо исключить стоимость удобренія. Мюлльгаль для Англіи принимаетъ стоимость удобренія на акръ въ 10 шил. *) или на гектаръ въ 25 шил. Ниже ли эта цифра дѣйствительности или выше, но во избѣжаніе недоразумѣній увеличимъ ее на 25 проц.; получится 31,5 шил. Сбросивъ эту цифру съ валового дохода, получается, что въ западной Европѣ вообще останется 138,9 шил.—на 69 процентовъ болѣе, нежели у ея конкуррентовъ, и даже въ малоурожайной Франціи останется 93,3 шил.—болѣе на 13,4 процента. Слѣдовательно, не только валовой доходъ, но и чистый значительно выше именно въ тѣхъ странахъ, которыя главнымъ образомъ и сдѣлались жертвой кризиса.

Хотя въ такъ называемыхъ «молодыхъ странахъ» перевѣсъ беретъ мелкое хозяйство, но такъ какъ рядомъ съ мелкими хозяйствами тамъ существуютъ и хозяйства очень крупныя, то сказаннаго недостаточно для выясненія отношенія къ кризису хозяйствъ разныхъ размѣровъ. Поэтому посмотримъ, какъ относятся къ кризису мелкія хозяйства въ самомъ его очагѣ—въ западно-европейскихъ странахъ.

Сторонники крупнаго сельскаго хозяйства выставляютъ цѣлый рядъ его выгодъ. «Такъ какъ польза отъ производственнаго потребленія увеличивается не въ одинаковой степени съ увеличеніемъ размѣровъ потребленія, то крупныя предпріятія располагаютъ большими преимуществами отъ соединенія труда и широкаго потребленія. Само собою понятно, что при устройствѣ сарая для 30 коровъ не требуется въ 15 разъ больше расходовъ, нежели при устройствѣ сарая для 2 коровъ. Доставка воза зерна въ 60 центнеровъ не требуетъ въ 6 разъ больше труда и времени, чѣмъ доставка воза въ 10 центнеровъ. Если для обработки тяжелой почвы требуется 3-хъ конный плугъ, то крестьянинъ съ своей парой лошадей не можетъ надлежащимъ образомъ обработать свой участокъ; работающій же 6 лошадьми сдѣлаетъ въ 2 раза больше работающаго 4 лошадьми, а при 9 лошадяхъ работа происходитъ въ 3 раза успѣшнѣе, чѣмъ при 5-ти и т. д. Въ хозяйствахъ крупнаго и мелкаго собственника плугъ и борона занимаютъ одинаковое мѣсто, но въ первомъ они эксплоатируются въ 10 разъ больше. Важны также и разныя отношенія къ скоту. Крестьянинъ не мо-

*) Mulhal's Dictionary of Statistics, 1884, стр. 7.

жетъ считаться съ природой скота и онъ эксплоатируетъ его одновременно и какъ рабочую силу, и какъ мясной и молочный скотъ, что въ общемъ мѣшаетъ полученію какихъ бы то ни было хорошихъ результатовъ; крупное предпріятіе эксплоатируетъ скотъ по его индивидуальнымъ качествамъ. Крупное предпріятіе, гдѣ возможно, держится принципа раздѣленія труда и пользуется высшими техническими и экономическими знаніями. Оно можетъ, соотвѣтственно условіямъ почвы и рынковъ сбыта, держаться опредѣленнаго хозяйственнаго плана. Наконецъ, и кредитъ и легче, и дешевле достается крупному предпріятію» *).

Съ этой аргументаціей О. Geck'а—кстати сказать, весьма и весьма не новой—нельзя не согласиться, хотя бы потому, что практика давно уже доказала ея справедливость. Въ С. Штатахъ, напримѣръ, сотня квадратныхъ миль пшеницы, воздѣлываемой помощью машинъ, требуетъ 400 рабочихъ. Чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ обыкновеннымъ путемъ, потребовалось бы по крайней мѣрѣ 5000 чел. Крупныя капиталистическія хозяйства въ среднемъ расходуютъ отъ 100 до 120 франковъ на гектаръ и получаютъ 18—20 гектолитровъ; маленькія фермы Огайо расходуютъ 215 франковъ, а собираютъ 10—12 гектолитровъ съ гектара **).

При всѣхъ этихъ преимуществахъ крупныхъ хозяйствъ слѣдовало бы ожидать, что кризисъ на нихъ вовсе не повліяетъ или по крайней мѣрѣ повліяетъ слабѣе, чѣмъ на мелкія предпріятія. На дѣлѣ мы видимъ какъ разъ обратное. Изъ выше приведенныхъ таблицъ видно, что изъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ одна Данія не пострадала отъ кризиса. Эта страна отличается только однимъ: изъ 73 тысячъ сельско-хозяйственныхъ участковъ тамъ крестьянскихъ хозяйствъ 71 тысяча ***) или 97 процентовъ. Слѣдовательно, у насъ есть полное основанія думать, что именно господство крестьянскаго хозяйства спасло Данію отъ кризиса. Впрочемъ, въ другихъ странахъ мы находимъ и прямыя указанія на большую приспособленность мелкаго хозяйства въ борьбѣ съ кризисомъ. Французская анкета 1879 года собрала мнѣнія сельскихъ обществъ, которыя «различаютъ прежде всего крупныя и среднія владѣнія съ арендаторскимъ и испольнымъ хозяйствами по преимуществу и мелкія владѣнія, которыя эксплоатируются обыкновенно самими собственниками. Арендаторскія хозяйства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ скотоводство, удержали тенденцію

---

*) Oskar Geck. Die Überlegenheit d. landwirtschaftlichen Grossbetriebs über d. Kleinbetrieb. Neue Zeit, 1894—95, т. II, стр. 661.

**) Николай -онъ. Очерки нашего пореформеннаго хозяйства, стр. 227—228.

***) W. Zcharling. Die Bestrebungen zur Sicherung des Kleingrundbezitzes. in D. Schriften d. Vereins für Socialpolit. LIX, 1894, стр. 395.

къ возрастанію арендныхъ цѣнъ (такъ какъ скотоводческій кризисъ, какъ мы знаемъ, сталъ выясняться только въ началѣ 90-хъ годовъ)... Наоборотъ, въ хлѣбородныхъ областяхъ арендныя цѣны упали. Слабѣе разница между скотоводческими и хлѣбородными областями тамъ, гдѣ господствуетъ испольщина. Но самые благопріятные результаты какъ въ скотоводческихъ, такъ и хлѣбородныхъ областяхъ дало мелкое землевладѣніе *). Baral въ своемъ отчетѣ объ анкетѣ считаетъ безусловно доказаннымъ, что «кризисъ (во Франціи) не захватываетъ мелкихъ землевладѣльцевъ, а касается крупныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ» **). Не менѣе характерныя данныя доставляетъ Пруссія. Продажи участковъ съ аукціона служатъ здѣсь для характеристики положенія сельскаго хозяйства. Мелкія хозяйства съ участками ниже 2 гектаровъ занимаютъ въ Пруссіи 1,52% всей сельско-хозяйственной площади; въ площади, дѣлающейся жертвой аукціонныхъ продажъ, этотъ разрядъ владѣльцевъ участвуетъ 0,68%. Владѣнія въ 2—10 гектаровъ занимаютъ 14,68% сельско-хоз. площади, въ аукціонныхъ продажахъ они участвуютъ 4½ процентами. Крестьянскія хозяйства въ 10—50 гектаровъ, участвуя въ сельско-хозяйственной площади 38,9%, имѣютъ въ аукціоныхъ продажахъ на свою долю 14,7%. Уже въ худшемъ положеніи находятся имѣнія въ 50—100 гектаровъ: участвуя въ землевладѣніи 10,11%, они въ аукціонахъ участвуютъ 7,71%. Но и здѣсь отношеніе владѣнія еще превышаетъ отношеніе продажъ. Начиная же съ имѣній въ 100—200 гектаровъ это положеніе мѣняется. Владѣнія въ 100—200 гектаровъ, занимая 5,98% площади, участвуютъ въ аукціонахъ 11,67 процентами, т. е. участіе въ продажахъ превышаетъ въ 2 раза участіе во владѣніи. Еще хуже положеніе имѣній свыше 200 гектаровъ: владѣютъ они 29,86 проц. сельско-хоз. площади, а въ аукціонахъ участвуютъ 60,47%. «Не можетъ быть болѣе рѣшительнаго доказательства,—говоритъ по поводу приведенныхъ данныхъ Конрадъ,—что кризисъ главнымъ образомъ обрушился на крупныя хозяйства. Если далѣе припомнить, что между очень крупными имѣніями значительная часть закрѣплена за владѣльцами въ видѣ майоратовъ и что другая часть находится въ рукахъ весьма богатыхъ людей, которые въ состояніи выносить убыль въ доходѣ, то можно будетъ смѣло сказать, что чѣмъ крупнѣе имѣніе, тѣмъ оно больше подчинено условіямъ времени, т. е. тѣмъ меньшей силой сопротивленія оно обладаетъ»... ***) Россія могла бы быть весьма любопытной ареной для изученія за-

---

*) T. v. Reitzenstein. Agrarische Zustände in Frankreich, 1884, тр. 89—90.

**) E. Jäger. Die Agrarfrage, т. I, 1882, стр. 12.

***) I. Conrad. Agrarkrisis in Deutschland. Handwörterbuch, первое приложеніе, стр. 17—18. Того же взгляда придерживается другой знатокъ Германіи—Miaskowsky. См. Agrarpolitische Zeit-und Streitfragen, стр. 117.

нимающаго насъ вопроса. Къ сожалѣнію, изслѣдователи у насъ останавливаются на немъ мало. Тѣмъ не менѣе мы и здѣсь находимъ подтвержденіе факта большей устойчивости мелкаго хозяйства. Министерство земледѣлія въ своемъ отчетѣ за 1894 годъ, указывая на затруднительное положеніе русскаго земледѣлія, считаетъ необходимымъ оговориться, что крестьянское хозяйство мало пострадало отъ упадка цѣнъ *). Частныя данныя говорятъ болѣе категорически. Такъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ въ 1896 г., «не смотря на низкія цѣны на хлѣбъ, спросъ на землю большой. Еще осенью во многихъ мѣстахъ уѣзда вся земля, обыкновенно сдаваемая на годъ за деньги, была разобрана **). Очевидно, кризисъ не мѣшаетъ русскому крестьянину даже арендовать землю. Тѣмъ менѣе, конечно, онъ мѣшаетъ ему вести хозяйство на собственной землѣ. И дѣйствительно, спросъ на землю со стороны крестьянъ не только не ослабѣлъ въ послѣднее время, но едва ли даже не увеличился. Интересную картинку отношеній къ землѣ крупныхъ владѣльцевъ и крестьянъ даетъ одна корреспонденція изъ Таврической губерніи. «Днѣпровскій уѣздъ Таврической губерніи,—говоритъ корреспондентъ,—является главнымъ центромъ самыхъ крупныхъ частновладѣльческихъ имѣній, и помѣщиковъ, обладающихъ десятками тысячъ десятинъ, здѣсь можно насчитать порядочное число. Всѣ эти огромныя имѣнія постепенно таютъ въ рукахъ своихъ хозяевъ и въ будущемъ несомнѣнно ихъ постигнетъ одна будущность—раздробиться и попасть въ руки крестьянъ... Процессъ перехода крупновладѣльческихъ имѣній къ крестьянамъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ быстро подвигается впередъ. Въ настоящемъ году совершенно реализируется и переходитъ частями къ крестьянамъ огромное Строгановское имѣніе въ 22 тысячи десятинъ. Десятки тысячъ десятинъ мальцевской, шоликовской, куликовской и др. помѣщичьихъ земель покрыты теперь крестьянскими хуторами. Громадная александровская дача въ 28 тыс. десятинъ реализована, причемъ 18 тыс. дес. закупили крестьяне, а 10 тыс. куплены на спекуляцію для перепродажи участками тѣмъ же мужикамъ. Продаются уже части имѣній и такихъ столповъ южно-русскаго хозяйства, какъ гг. Фальцъ-Фейнъ. Въ спискахъ лицъ, впервые, кажется, являющихся въ роли не покупателей, а продавцовъ земли, помимо гг. Фальцъ-Фейнъ, встрѣчаемъ фамилію г. Скадовскаго, коренного мѣстнаго помѣщика. И вездѣ предлагаемыя въ продажу площади земли считаются многими тысячами десятинъ и покупателями являются почти исключительно крестьяне» ***). Въ Херсонской губерніи въ 1894 году дворяне, чиновники, купцы и др. приви-

*) 1894 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

**) «Русскія Вѣдомости, 1896, 6 марта.

***) Ал. Ярошко. Земельная горячка въ Таврич. губ. «Одес. Лист.» 1896, № 316.

легированныя сословія въ общей сложности лишились 16,080 дес., крестьяне же прикупили 13,980 дес. *).

Все сказанное достаточно выясняетъ отношенія къ кризису мелкаго хозяйства. Нѣтъ сомнѣнія, отъ упадка цѣнъ и оно пострадало; но въ то время какъ крупное хозяйство сложило оружіе,—сложило потому, что дальнѣйшая борьба ему не по силамъ, мелкое хозяйство продолжаетъ бороться и бороться, очевидно, съ большимъ успѣхомъ. Но не противорѣчитъ ли это указанному факту, что крупное хозяйство болѣе раціонально стоитъ въ отношеніи производства? Это видимое противорѣчіе долгое время смущало экономистовъ. Между тѣмъ стоитъ глубже вдуматься въ вопросъ, чтобы убѣдиться, что тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Когда говорятъ объ устойчивости того или другого предпріятія, имѣютъ въ виду не одно производство, такъ какъ съ понятіемъ о мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ въ настоящее время связывается не только различіе въ производствѣ, но и различіе въ распредѣленіи доходовъ хозяйства. Крупное предпріятіе—это капиталистическое предпріятіе и, какъ таковое, оно, кромѣ рабочаго и капиталиста, имѣетъ еще землевладѣльца и предпринимателя (арендатора). Мелкое же предпріятіе имѣетъ только рабочаго, эксплоатирующаго собственную землю; въ худшемъ случаѣ оно имѣетъ еще капиталиста, если у крестьянина не хватаетъ собственнаго капитала для веденія дѣла и ему приходится прибѣгать къ кредиту; но оно никоимъ образомъ не имѣетъ землевладѣльца и предпринимателя. Очевидно, тотъ доходъ, который въ крупномъ предпріятіи дѣлится на четыре части — на доли рабочаго, капиталиста, предпринимателя и землевладѣльца, достается въ мелкомъ хозяйствѣ одному крестьянину, а въ худшемъ случаѣ дѣлится на двѣ части—на доли крестьянина и капиталиста. Допустимъ, что доходъ, поставляемый мелкимъ предпріятіемъ равняется 3 X, а доходъ крупнаго предпріятія — 4 X, т. е. что доходность крупнаго предпріятія на одну треть выше доходности мелкаго предпріятія. При предположеніи равнаго участія всѣхъ классовъ производительнаго населенія въ доходахъ крупнаго предпріятія, каждому классу въ отдѣльности достанется всего по 1 X. Въ мелкомъ же предпріятіи, не нуждающемся въ капиталистѣ, крестьянину достанутся всѣ 3 X; а если оно нуждается въ капиталистѣ, то крестьянину достанется 2 X, предполагая, что капиталистъ принимаетъ въ мелкомъ предпріятіи такое же участіе, какъ въ крупномъ. Слѣдовательно, мелкое хозяйство въ отношеніи производства можетъ стоять хуже крупнаго (въ нашемъ примѣрѣ оно имѣетъ 3 X тамъ, гдѣ крупное хозяйство имѣетъ 4 X) и тѣмъ не менѣе оно можетъ быть болѣе приспособлено къ борьбѣ съ кризисомъ,

---

*) Статистико-экономическій обзоръ Херсонск. губ. за 1894 г., стр. 6.

такъ какъ главный его участникъ получаетъ относительно большій доходъ.

Но тутъ является весьма важный вопросъ: этими же свойствами обладаетъ мелкое хозяйство и въ обрабатывающей промышленности; тѣмъ не менѣе, тамъ не только нельзя говорить о большей его устойчивости сравнительно съ крупнымъ производствомъ, но послѣднее вытѣсняетъ его даже въ нормальное время, не говоря уже о періодахъ кризисовъ, когда процессъ вытѣсненія мелкаго производства достигаетъ наивысшаго напряженія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ особенностяхъ сельско-хозяйственной промышленности,—касающихся и производства, и распредѣленія, — особенностяхъ, на которыя экономисты до сихъ поръ не обращали вниманія и которыя, хотя и трактовались агрономами, но болѣе примѣнительно къ техническимъ, чѣмъ къ экономическимъ условіямъ промышленности. Этимъ и объясняется тотъ непонятный на первый взглядъ фактъ, что вѣковой споръ о крупномъ и мелкомъ сельско-хозяйственныхъ производствахъ до сихъ поръ не привелъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ и что всѣ старанія найти причины такъ называемаго сельско-хозяйственнаго кризиса принесли весьма мало пользы.

III.

Припомнимъ общія основанія капиталистической промышленности. Если цѣль производства вообще—выработка продуктовъ потребленія, то цѣль капиталистическаго производства — выработка прибыли. Прибыль получается не отъ того, что фабрикантъ продаетъ принадлежащіе ему товары выше ихъ стоимости, а отъ того, что онъ пріобрѣтаетъ ихъ ниже ихъ стоимости. Другими словами, прибыль вырабатывается въ производствѣ. Сущность производства заключается въ томъ, что разные виды стараго труда, труда отчужденнаго отъ рабочаго и овеществленнаго въ продуктахъ, видоизмѣняются и соединяются вмѣстѣ при посредствѣ живого труда, который только въ этомъ процессѣ отчуждается отъ рабочаго и дѣлается элементомъ нововырабатываемой цѣнности. Функція всѣхъ видовъ стараго труда въ производствѣ, слѣдовательно, ограничивается тѣмъ, что они служатъ объектомъ для манипуляцій живого труда; сами они ничего не дѣлаютъ и поэтому не способствуютъ возрастанію цѣнности. Такимъ образомъ, если видоизмѣненіе и соединеніе разныхъ видовъ стараго труда, т. е. обращеніе средствъ производства въ товаръ, сопровождается фактомъ наростанія цѣнности, то это происходитъ исключительно отъ того, что процессъ обращенія средствъ производства въ товаръ требуетъ участія живого труда, и цѣнность увеличивается на всю ту сумму труда, которая при этомъ отчуждается отъ рабочаго. Такъ какъ капиталистическая прибыль черпается только изъ новонаросшей цѣнности,

то, очевидно, одинъ только участвующій въ производствѣ живой трудъ служитъ источникомъ прибыли. Но не вся новонаросшая цѣнность составляетъ прибыль капиталиста. Часть ея «замѣняетъ лишь собою деньги, затраченныя капиталистомъ при покупкѣ рабочей силы», т. е. заработную плату, и только остатокъ образуетъ прибыль. Очевидно, въ интересахъ капиталиста, чтобы этотъ остатокъ былъ чѣмъ больше, т. е. чтобы заработная плата выражала собою чѣмъ меньшую долю новонаросшей цѣнности. Отношеніе между остаткомъ новонаросшей цѣнности или *прибавочной стоимостью* и заработной платой или *перемѣннымъ капиталомъ* называется нормой прибавочной стоимости. Понятно само собою, что чѣмъ норма прибавочной стоимости выше, тѣмъ для капиталиста выгоднѣе.

Не во всѣхъ отрасляхъ промышленности норма прибавочной стоимости одинакова. Во-первыхъ, это зависитъ отъ того, что не во всѣхъ отрасляхъ промышленности заработная плата одинакова. Уравненіе заработной платы посредствомъ конкурренціи въ средѣ рабочаго класса,—уравненіе, которому классическая экономія придаетъ такое абсолютное значеніе, на дѣлѣ вовсе не оправдывается или оправдывается въ крайне узкихъ рамкахъ. Классическая экономія исходитъ изъ положенія свободнаго перехода рабочихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую и свободнаго передвиженія изъ одного промышленнаго центра въ другой. Это—ошибочная исходная точка, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, когда, не смотря на широкое развитіе машиннаго производства, отъ рабочаго все таки еще требуется извѣстный опытъ, навыкъ, спеціализація, и когда вознагражденіе рабочаго такъ низко, что онъ не можетъ думать о запасахъ, безъ коихъ передвиженіе съ мѣста на мѣсто невозможно. Справедливость закона уравненія заработной платы въ лучшемъ случаѣ связана съ мѣстностью и отраслью промышленности. По даннымъ, собраннымъ страховыми союзами рабочихъ, въ Германіи заработная плата по отраслямъ промышленности колебалась въ 1889 году между 1,002 и 263 марками *), т. е. разница между наивысшей и наинизшей, по отраслямъ промышленности, заработной платой достигала 281 процента. Въ Россіи разница эта еще выше. По даннымъ фабричныхъ инспекторовъ, высшая заработная плата у насъ опредѣляется 524,28 рубля, а низшая — 116,35 руб. **), т. е. разница между высшей и низшей платой равняется 350%. Можно ли при такихъ громадныхъ колебаніяхъ говорить о законахъ уравненія? Что заработная плата подвергается сильнымъ колебаніямъ по государствамъ, мы уже видѣли выше, когда говорили о заработной платѣ въ сельскомъ хозяйствѣ.

*) Dr. H. Lux. Socialpolitisches Handbuch, Berlin, 1892, стр. 40—41.

**) Фабрично-заводская промышленность и торговля въ Россіи, изд. 2-е, 1896, стр. 485 и 487.

Но замѣтны сильныя колебанія и въ границахъ одного и того же государства. По четыремъ главнымъ отраслямъ обрабатывающей промышленности средняя плата въ Россіи составляетъ—въ Петербургской губерніи 232 рубля, въ Петроковской 188 и въ центральномъ фабричномъ раіонѣ 167 руб. *). Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ заработная плата относительно высока, а передвиженіе рабочихъ находится въ благопріятнѣйшихъ условіяхъ, въ 1890 г. заработная плата равнялась — въ южныхъ штатахъ 14,77 долларамъ въ мѣсяцъ, въ западныхъ 22 долл., въ восточныхъ 26,64 долл. и въ центральныхъ 32,62 долл. **).

Сказанное о заработной платѣ справедливо и по отношенію къ величинѣ рабочаго дня, этому второму фактору, вліяющему на норму прибавочной стоимости,—справедливо, конечно, до тѣхъ поръ, пока законодательство не установило нормальнаго рабочаго дня, одинаково обязательнаго для всѣхъ отраслей промышленности. Что касается третьяго фактора, отъ котораго зависитъ норма прибавочной стоимости,—состоянія техники, то, такъ какъ не во всѣхъ отрасляхъ промышленности техника развита одинаково, то и этотъ факторъ не во всѣхъ отрасляхъ промышленности одинаково вліяетъ на норму прибавочной стоимости. Такимъ образомъ, придерживаясь дѣйствительности, нельзя говорить о равной нормѣ прибавочной стоимости во всѣхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ чѣмъ заработная плата ниже, рабочій день длиннѣе и интенсивность труда, благодаря высокому состоянію техники, сильнѣе, тѣмъ норма прибавочной стоимости выше, ибо больше та часть новонаросшей цѣнности, которая остается за вычетомъ эквивалента заработной платы.

Но и высокая норма прибавочной стоимости не всегда соотвѣтствуетъ высокой нормѣ прибыли. Послѣдняя, кромѣ нормы прибавочной стоимости, зависитъ еще отъ характера производства и отъ состава затраченнаго въ немъ капитала, которые различны въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Подъ характеромъ производства мы понимаемъ отношеніе времени производства, т. е. времени, въ теченіе котораго весь капиталъ или часть его лежитъ въ предпріятіи, къ рабочему времени, т. е. времени, въ теченіе котораго происходитъ расходованіе живого труда. Эти два періода не во всѣхъ производствахъ соотвѣтствуютъ другъ другу, а это обстоятельство вліяетъ на норму прибыли. Такъ, предъ нами два предпріятія А и В. Въ нихъ обоихъ лежитъ одинаково по 1,000 рублей капитала. Норма прибавочной стоимости въ А 70%, а въ В 50%. Эти цифры даютъ основаніе предположить, что А имѣетъ высшую норму прибыли. Но рабочее время въ А длится полъ-года, а время производства—цѣлый годъ, въ В и рабочее время и время произ-

*) Фабрично-заводская промышленность, стр. 466.
**) Juraschek. Uebersichten der Weltwirthschaft, 1885—89, стр. 14.

водства длятся полъ-года. Слѣдовательно, капиталъ B въ годъ сдѣлаетъ два оборота и при этомъ получитъ два раза прибавочную стоимость, а капиталъ A сдѣлаетъ одинъ оборотъ и получитъ всего разъ прибавочную стоимость. Если норма прибавочной стоимости въ 70% соотвѣтствуетъ суммѣ въ 350 руб., а норма прибавочной стоимости въ 50%—суммѣ въ 250 руб., то абсолютная прибыль B въ годъ составляетъ 500 руб., а норма прибыли 50%; абсолютная же прибыль A составитъ 350 руб., а норма прибыли 35% *). Такимъ образомъ высокая норма прибавочной стоимости (70%) сопровождается низкой нормой прибыли (35%). «Каковы бы ни были причины превышенія времени производства сравнительно съ рабочимъ временемъ,—образуютъ ли средства производства только скрытый производительный капиталъ, т. е. находятся ли они только еще на подготовительной фазѣ, ведущей къ дѣйствительному процессу производства, или, находясь въ предѣлахъ процесса производства, ихъ собственная дѣятельность прерывается пріостановками этого процесса, или, наконецъ, пріостановки процесса труда обусловливаются самимъ процессомъ производства,—каковы бы, повторяемъ, эти причины ни были, но ни въ какомъ изъ этихъ случаевъ средства производства не поглощаютъ, не всасываютъ въ себя трудъ. Не поглощая труда, они тѣмъ самымъ не поглощаютъ прибавочнаго труда. Слѣдовательно, при этомъ не происходитъ никакого возрастанія стоимости производительнаго капитала... хотя бы совершеніе процесса возрастанія стоимости и было неразрывно связано съ пріостановками» **).

Подъ несоотвѣтствіемъ времени производства съ рабочимъ временемъ не слѣдуетъ понимать только число дней: число дней можетъ быть одинаково и въ томъ и въ другомъ случаѣ, но если въ одной отрасли промышленности работа возможна въ теченіе 8 часовъ въ сутки, а въ другой—въ теченіе 24 часовъ (на сколько смѣнъ рабочихъ распространяется суточная работа, безразлично), то, при условіи одинаковыхъ затратъ капитала, норма прибыли выше во второй промышленности, хотя бы норма прибавочной стоимости была выше въ первой, потому что въ тотъ же срокъ, въ который капиталъ сдѣлаетъ въ первой промышленности одинъ оборотъ, онъ сдѣлаетъ во второй промышленности три оборота и дастъ, слѣдовательно, три раза прибавочную стоимость.

Не менѣе сильно вліяетъ на норму прибыли органическое строеніе капитала, т. е. его дѣленіе на постоянный капиталъ и перемѣнный. Такъ какъ перемѣнный капиталъ выражаетъ собою

*) Подъ «нормой прибыли» подразумѣвается отношеніе суммы прибавочной стоимости ко всему капиталу, лежащему въ предпріятіи, т. е. постоянному капиталу и перемѣнному. Выгодность предпріятія измѣряется только нормой прибыли, такъ какъ капиталисту важнѣе знать, что онъ получаетъ 10% на капиталъ, а не 5%, чѣмъ знать, что онъ получаетъ 1,000 или 2,000 рублей прибыли.

**) К. Марксъ, Капиталъ, т. II, стр. 78.

занятую въ промышленности рабочую силу, которая одна производитъ прибавочную стоимость, этотъ единственный источникъ капиталистической прибыли, то, при одинаковой нормѣ прибавочной стоимости, та изъ двухъ отраслей промышленности даетъ высшую норму прибыли, которая приводитъ въ движеніе данный постоянный капиталъ относительно большимъ перемѣннымъ капиталомъ; такъ какъ при этомъ условіи, хотя каждая рабочая сила въ общихъ промышленностяхъ эксплоатируется одинаково, т. е. даетъ одинаковую прибавочную стоимость, но общая сумма эксплоатируемыхъ рабочихъ силъ во второй промышленности больше, слѣдовательно, и больше абсолютной прибавочной стоимости приходится на данный капиталъ. Если въ предпріятіи С изъ общей суммы капитала въ 7,000 руб. въ видѣ перемѣннаго капитала израсходовано 1,000 руб. и въ видѣ постояннаго—6,000 руб., между тѣмъ какъ въ предпріятіи Д тотъ же капиталъ дѣлится на 1,000 руб. постояннаго капитала и 6,000 перемѣннаго, то капиталъ С будетъ пущенъ въ движеніе перемѣннымъ капиталомъ въ тысячу рублей, выражающимъ, предположимъ, 1,000 рабочихъ часовъ, въ то время, какъ такой же капиталъ Д будетъ пущенъ въ движеніе 6,000 рублями или 6,000 рабочими часами. При нормѣ прибавочной стоимости въ 50% С даетъ прибавочнаго труда 500 часовъ или прибавной стоимости 500 руб., а Д — 3,000 часовъ или 3,000 рублей. Это значитъ, что на одинаковый капиталъ С получитъ 500 рублей прибыли и Д — 3,000 руб. Норма прибыли, слѣдовательно, въ первомъ случаѣ будетъ $7^1/_7$ процента, а во второмъ—$42^6/_7$ процента. Въ этомъ примѣрѣ общая сумма капитала одинакова въ обоихъ предпріятіяхъ, но различны его перемѣнная и постоянная части. На наши выводы нисколько не повліяетъ, если перемѣнная или постоянная части капитала будутъ одинаковы въ обоихъ предпріятіяхъ, но различна общая сумма капитала. Въ предпріятіяхъ X и У перемѣнный капиталъ равняется 1,000 руб., но постоянный капиталъ въ X равняется 2,000 р., а въ У — 4,000 р. Если норма прибавочной стоимости составитъ 50%, то въ X норма прибыли будетъ $\frac{500}{1,000+2,000}={}^1/_6=$ $=16^2/_3$ процента, а въ У— $\frac{500}{1,000+4,000}={}^1/_{10}=10\%$. Поставьте на мѣсто перемѣннаго капитала постоянный капиталъ, а на мѣсто постояннаго перемѣнный, и различіе въ нормѣ прибыли въ обоихъ предпріятіяхъ останется, только высшую норму прибыли уже дастъ не X, а У. «Капиталы различныхъ величинъ, взятые въ процентномъ отношеніи ихъ составныхъ частей, или, что въ данномъ случаѣ тоже, капиталы одинаковыхъ величинъ при одинаковомъ рабочемъ днѣ и одинаковой степени эксплоатаціи труда производятъ, слѣдовательно, самыя различныя количества прибыли, потому что производятъ самыя различныя количества прибавочной стоимости,

и именно потому, что въ зависимости отъ своего органическаго строенія въ разныхъ отрасляхъ производства перемѣнная ихъ часть различна, слѣдовательно, различно количество живого труда, приводимаго ими въ дѣйствіе, а, слѣдовательно, также количества присваиваемаго ими прибавочнаго труда, этой сущности прибавочной стоимости, а слѣдовательно и прибыли *).

Итакъ, норма прибыли въ разныхъ отрасляхъ промышленности зависитъ, съ одной стороны, отъ нормы прибавочной стоимости, которая, смотря по величинѣ рабочаго дня, размѣрамъ заработной платы и интенсивности труда, различна въ различныхъ отрасляхъ промышленности, и съ другой стороны—отъ отношенія, во-первыхъ, времени производства къ рабочему времени и, во-вторыхъ, постояннаго капитала къ перемѣнному, которое также различно въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Таковы общіе законы, управляющіе капиталистической прибылью; а такъ какъ прибыль—единственная цѣль капиталистической промышленности, то и всей капиталистической промышленностью.

Но въ капиталистической промышленности не могутъ быть разныя нормы прибыли. Уравнивающей силой здѣсь является конкурренція. Такъ какъ въ однихъ отрасляхъ промышленности норма прибыли выше средняго, такъ сказать, необходимаго уровня, а въ другихъ ниже, то конкурренція капиталовъ между собою заставляетъ предпріятія, выгодно поставленныя, отдавать часть своей прибыли невыгодно поставленнымъ предпріятіямъ. Рыночная цѣна товаровъ можетъ быть ниже ихъ цѣнности. Эта то разница между цѣнностью и рыночной цѣной, которая тѣмъ больше, чѣмъ предложеніе товаровъ въ данной отрасли промышленности сильнѣе превышаетъ существующій на нихъ спросъ, т. е. чѣмъ больше въ отрасли промышленности капитала, и наоборотъ, которая тѣмъ меньше, чѣмъ слабѣе предложеніе, что является слѣдствіемъ недостатка въ промышленности капитала,—эта-то разница, которая, хотя и имѣетъ границы, — съ одной стороны, этой границей служитъ цѣнность, а съ другой—издержки производства, — но въ этихъ границахъ пользуется большимъ просторомъ для колебаній, есть та основа, на которой индивидуальныя нормы прибыли приводятся къ средней, общественно-необходимой нормѣ. «...Капиталъ избѣгаетъ отрасли промышленности съ низкой нормой прибыли, и стремится къ другимъ, которыя даютъ высокую прибыль. Вслѣдствіе такого постояннаго кочеванія, словомъ, вслѣдствіе распредѣленія капитала между разными отраслями, сообразно пониженію нормы прибыли въ одной изъ нихъ и повышенію въ другой, производится такое соотношеніе запроса и предложенія, что средняя норма прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства становится одинаковой...» **).

*) К. Марксъ. Капиталъ, т. III, стр. 107.
**) «Капиталъ», III, 147.

Конкурренція, какъ факторъ урегулированія нормы прибыли, предполагаетъ, однако, одно условіе, которое не всегда имѣется на лицо. Именно, мѣсто, освобождаемое въ отрасли промышленности съ невыгодной нормой прибыли, должно оставаться незаполненнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ не измѣняется «соотношеніе запроса и предложенія», т. е. цѣль остается не достигнутой. Подобный случай возможенъ при двухъ обстоятельствахъ: 1) когда капиталистическая промышленность со своимъ крупнымъ производствомъ не представляетъ особенно большихъ выгодъ сравнительно съ мелкимъ производствомъ; тогда мелкое производство, предприниматель котораго совмѣщаетъ въ одномъ лицѣ хозяина и работника, вслѣдствіе чего удовлетворяется низкой нормой прибыли или просто хорошимъ и постояннымъ заработкомъ, замѣщаетъ собою всѣ мѣста, освобождаемыя капиталистомъ, и 2) когда постоянный капиталъ въ однѣхъ странахъ дешевле, чѣмъ въ другихъ, напримѣръ дешевле сырье, каменный уголь и проч.; тогда въ этихъ странахъ отношеніе между постояннымъ капиталомъ и перемѣннымъ болѣе нормально, норма прибыли можетъ быть даже выше средней необходимой, и онѣ свободно могутъ покрыть тотъ спросъ, который остается неудовлетвореннымъ вслѣдствіе выхода извѣстной части капитала изъ невыгодной въ извѣстной странѣ промышленности. Въ сельскомъ хозяйствѣ мы встрѣчаемся съ обоими этими случаями.

Сам. Закъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Въ мірѣ случайностей.

Романъ Виліама Д. Гоуэльса.

Перев. съ англійскаго М. Н. Тимофеевой.

XXVI.

Исторія съ его повѣстью подала Рэю мысль и внушила ему смѣлость спросить Брандрета, не можетъ ли онъ поручить ему чтеніе нѣкоторыхъ рукописей. Ему казалась заманчивой роль судьбы относительно другихъ, если уже онъ такъ мало могъ сдѣлать для себя. Хотя у Чапли и К° и не было много работы такого рода, однако они всетаки направили къ нему нѣсколько повѣстей, которыя Рэй принялся читать съ ревнивымъ любопытствомъ. Ему прежде всего хотѣлось убѣдиться, что другіе пишутъ не лучше его. Большинство, дѣйствительно, писали хуже; это укрѣпило его противъ неоднократно являвшагося желанія сжечь свою рукопись. Изъ нѣкоторыхъ прочитанныхъ имъ повѣстей онъ, впрочемъ, извлекъ и пользу: приходилось обращать вниманіе на ихъ конструкцію, а это невольно заставляло его перебирать въ умѣ слабыя стороны своего произведенія и думать о томъ, какъ ихъ можно исправить.

Много заработать на этомъ было нельзя,—хотя всетаки Рэй получалъ пятнадцать долларовъ за чтеніе рукописи и за отзывъ,—но это занятіе спасало его отъ безцѣльнаго ожиданія, пока колесо фортуны повернется въ его сторону. Теперь онъ уже не ждалъ ничего. Онъ работалъ безпрерывно,—въ промежуткахъ между поручаемой ему работой онъ писалъ самъ. Писалъ онъ и статьи, и повѣсти, и очерки, и стихотворенія, разсылая ихъ редакціямъ журналовъ, газетъ и по издательскимъ фирмамъ. Когда издатели и редакторы долго не отвѣчали, онъ шелъ къ нимъ и спрашивалъ рѣшительнаго отвѣта. Порой на него находили минуты отчаянной храбрости,—тогда онъ самъ относилъ рукопись и настаивалъ на немедленномъ отвѣтѣ. Если рѣчь шла о стихотвореніи или короткомъ очеркѣ, это ему иногда удавалось. Но отвѣты устные и письменные—

въ большинствѣ были неблагопріятны, хотя всегда очень любезны: о статьяхъ отзывались очень лестно, но онѣ оказывались «не подходящими». Впрочемъ, другіе издатели, навѣрное, примутъ ихъ съ большой готовностію. Иногда нѣкоторыя вещицы печатались. Кэйнъ, который, по собственнымъ словамъ, съ отеческимъ интересомъ слѣдилъ за его борьбой, былъ пораженъ совпаденіемъ: какъ у всѣхъ дѣловыхъ людей, изъ ста попытокъ Рэю не удавались 95. По мнѣнію Кэйна,—это норма. Но Рэю казалось, что несоотвѣтствіе между потраченнымъ трудомъ и результатами слишкомъ велико, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя рукописи потерпѣли по нѣскольку отказовъ,—ихъ преслѣдовало какое-то особенное несчастіе.

Помимо этихъ регулярныхъ аттакъ на литературные журналы, Рэй пускалъ еще въ ходъ всевозможныя мелкія операціи. Онъ продавалъ юмористическимъ листкамъ анекдоты и шутки по два доллара за штуку. Иногда это ему казалось мало; но за то журналы платили одинаково какъ за хорошій, такъ и за плохой анекдотъ; цѣна на этотъ товаръ на рынкѣ стояла крѣпко. Немного болѣе получалъ онъ за заказываемыя объясненія къ забавнымъ картинкамъ, къ которымъ у издателя не находилось подходящаго текста. Совершенно неожиданно для себя онъ открылъ въ себѣ талантъ придумывать подобные тексты и, если объясненіе требовалось къ большой гравюрѣ, Рэй бралъ на себя смѣлость требовать пять долларовъ за одинъ текстъ.

Совершенно случайно онъ открылъ еще новый источникъ заработка. Однажды какой-то джентльмэнъ остановилъ его около лѣстницы, ведущей къ воздушной желѣзной дорогѣ, и, попросивъ у него извиненія въ томъ, что принялъ его за члена Великой Арміи, объявилъ себя журналистомъ въ затруднительномъ положеніи.

— Я обыкновенно посылаю свои сочиненія въ «Воскресную Планету»,—сказалъ онъ,—но моя послѣдняя поэма была слишкомъ серьезна для ихъ «З. С.», и съ тѣхъ поръ меня преслѣдуютъ неудачи. Да, конечно, *теперь* я отлично вижу, что вы не *могли* быть на войнѣ,—продолжалъ «журналистъ въ затруднительномъ положеніи».—Съ перваго взгляда я васъ принялъ за моего стараго товарища. Но если вы пожелаете дать мнѣ вашъ адресъ... благодарю васъ, сэръ! благодарю!

Рэй сунулъ ему четверть доллара въ руку и подумалъ, что имѣетъ послѣ этого право предложить вопросъ:

— Я знаю,—сказалъ онъ,—что мнѣ можно дать вдвое противъ моихъ лѣтъ, когда у людей двоится въ глазахъ...

— Замѣчательно!—воскликнулъ ветеранъ.—Великолѣпно!—онъ хлопнулъ Рэя по плечу и оперся на него на столько, чтобы не потерять равновѣсія.

12*

— Но не будете ли вы добры объяснить мнѣ, что вы подразумѣваете подъ «З. С.» «Воскресной Планеты»?

— О! «З. С.»—это «Забавная страничка», т. е. та, на которой редакція помѣщаетъ анекдоты и шуточныя стихотворенія. Ее называютъ «З. С.» для краткости. Краткость, знаете, это душа остроумія.

Рэй поспѣшилъ домой, собралъ нѣкоторыя стихотворенія, возвращенныя ему юмористическими листками, и послалъ ихъ въ «Воскресную Планету». Онъ уже научился не понижать оцѣнку своихъ произведеній лишь потому, что они были кѣмъ либо отвергнуты; однако и издатель «Планеты» не много выигралъ въ его глазахъ, когда принялъ всѣ его стихи, забракованные другими. Только плата въ этой газетѣ была до смѣшного мала, и Рэй чуть было не согласился на предложеніе одного сочинителя рекламныхъ объявленій. Этотъ джентльмэнъ, геній котораго совершенно опустилъ крылья отъ переутомленія, выразилъ готовность подѣлиться съ молодымъ человѣкомъ частью своихъ выгодъ и своей славы...

Впрочемъ, этотъ соблазнъ предсталъ передъ нимъ лишь въ минуту совершеннаго упадка духа. Вообще же, какъ бы круто ему ни приходилось, Рэй старался оставаться вѣрнымъ своему идеалу человѣка и художника. Извѣстныя вещи онъ не могъ бы сдѣлать даже въ послѣдней крайности, изъ за куска хлѣба. Онъ могъ продавать все, что писалъ, и могъ писать для продажи все, что не выходило изъ предѣловъ честности; но продать свое перо или отдать его въ полную кабалу нанимателя,— этого онъ не могъ. Нельзя сказать, чтобы его воззрѣнія въ этомъ отношеніи достигали высочайшихъ ступеней литературной этики; очень можетъ быть даже, что различіе, которое онъ дѣлалъ между строго честнымъ и вполнѣ нечестнымъ, было лишь воображаемое; но какъ бы то ни было, онъ отказался отъ предлагаемаго ему сотрудничества въ рекламахъ, хотя предложеніе сопровождалось самымъ лестнымъ признаніемъ его литературныхъ талантовъ и необыкновенной пригодности къ этому роду творчества.

Онъ познакомился со многими молодыми людьми, которые, такъ же, какъ и онъ, пробивали себѣ дорогу, пробуя счастье то въ большихъ ежемѣсячныхъ журналахъ, куда они предлагали свои разсказы и стихотворенія, то въ мелкой ежедневной печати, куда они направляли плоды своего досуга. Они выказывали въ своихъ попыткахъ много смѣлости и веселой беззаботности, которыя сообщались и Рэю. Его забавлялъ веселый цинизмъ, съ которымъ они философствовали насчетъ газетной стороны ихъ ремесла. Они отлично изучили шансы успѣховъ и неудачъ, и каждый изъ нихъ обладалъ въ игрѣ на благо-

склонность издателя секретомъ, въ родѣ тѣхъ, какими профессіональные игроки пытаются срывать банкъ въ Монако...

— Не надо вовсе быть серьезнымъ,—внушалъ одинъ изъ этихъ жизнерадостныхъ юношей Рэю въ минуту его неудачи;— надо смотрѣть на вещи съ веселой и свѣтлой точки зрѣнія. Представимъ себѣ, напримѣръ, что пожарный погибъ при тушеніи горящаго зданія... Избѣгайте прямыхъ воззваній къ состраданію читателя; обратитесь лучше къ его художественному чувству. Назовите замѣтку такъ: «Побѣжденный въ борьбѣ съ огнемъ» или какъ нибудь еще въ томъ же родѣ и затѣмъ разсказывайте происшествіе въ тонѣ патетическаго юмора. Если рѣчь идетъ о случаѣ самоубійства черезъ утопленіе, озаглавьте отчетъ такимъ образомъ: «Еще одинъ несчастный отправился въ дальнее плаваніе»—и, увѣряю васъ, редакторъ въ вашихъ рукахъ. Ходите по городу и изучайте цивилизацію нашей столицы. Пишите «Минуты досуга кондуктора воздушной желѣзной дороги», или «Разговоры съ билетнымъ контролеромъ». Сдѣлайтесь, наконецъ, мусорщикомъ-любителемъ и опишите «Тайны главной мусорной ямы».

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расширялся кругъ знакомствъ Рэя, такъ что онъ вскорѣ перестал уже чувствовать тѣ приливы тоски по родинѣ, которые овладѣвали имъ прежде каждый разъ, какъ онъ получалъ письма изъ Мидлэнда. Онъ даже забросилъ переписку съ Сандерсономъ; извѣстія о пикникахъ, о катаньяхъ въ саняхъ, о помолвкахъ и свадьбахъ, сообщаемыя ему другомъ, отзывались въ немъ теперь лишь отдаленнымъ эхомъ давно прошедшаго. Онъ начиналъ чувствовать, что чисто-городская жизнь овладѣваетъ имъ совершенно, тогда какъ прежде впечатлѣнія только скользили по немъ, оставляя какое-то смутное, летучее ощущеніе, подобное тѣмъ снамъ, которые посѣщаютъ насъ въ полудремотномъ состояніи. Ему казалось прежде, что всѣ эти люди ѣдутъ куда-то, сами не зная хорошенько куда и зачѣмъ; одни изъ нихъ отправились въ путь, чтобы расточать, другіе, чтобы накоплять, тѣ и другіе встрѣчаются и сталкиваются случайно, между ними завязываются поверхностныя, удивленно-дружелюбныя отношенія. Ихъ связываетъ общее невѣдѣніе конечной цѣли всей этой кутерьмы, и они невольно цѣпляются другъ за друга, радуясь случайнымъ успѣхамъ и огорчаясь неудачами среди этого бурнаго вихря... А вихрь все кружитъ ихъ, производя въ головахъ нѣчто вродѣ пріятнаго опьянѣнія, которое заставляетъ ихъ забывать, что они никогда не отдыхаютъ и никогда не достигаютъ цѣли... Но эта иллюзія исчезала, и Рэй снова видѣлъ кругомъ себя людей, одушевленныхъ сознательной цѣлью, полныхъ неустанной энергіи и даже самодовольства. Онъ зналъ, что многіе, подобно ему, жаждали увидѣть свой разсказъ, свою повѣсть, свою статью или

свое стихотвореніе въ журналѣ, въ газетѣ или въ отдѣльномъ изданіи. На долю всякаго, какъ и на его долю, выпадало изъ ста попытокъ 95 неудачъ; но всѣ они были смѣлы и бодры, если не всѣ веселы. Многіе, какъ и онъ, считали процентъ неудачъ чрезмѣрнымъ, однако, они старались не говорить объ этомъ. Не то, чтобы они скрывали свои неудачи,—они только предпочитали разсказывать объ успѣхахъ, самая рѣдкость которыхъ дѣлала ихъ болѣе достойнымъ предметомъ разговора.

XXVII.

Какъ только Рэй выкарабкался изъ трясины отчаянія и почувствовалъ въ своемъ стремленіи впередъ болѣе твердую почву подъ ногами, въ немъ начали пробуждаться инстинкты общественности. Онъ сталъ разносить свои рекомендательныя письма. Онъ появился однажды на одномъ изъ четверговъ миссисъ Чапли и затѣмъ сталъ переходить изъ одного дома въ другой. У миссисъ Чапли онъ познакомился съ Мейквейстами, тѣмъ семействомъ изъ Гитчигуми, о которомъ она его спрашивала ранѣе; а у нихъ уже встрѣтилъ даму, настолько старше его лѣтами, что она могла, не стѣсняясь, дать ему понять, какъ сильно онъ ей нравится. Впослѣдствіи Мейквейсты проложили себѣ дорогу въ самый центръ общества; но въ то время они еще вращались на периферіи, и дамѣ, о которой идетъ рѣчь, видимо страшно не хотѣлось смѣшиваться со сборищемъ этихъ богатыхъ отверженцевъ. Вѣроятно она нашла въ симпатичной наружности умнаго юноши нѣчто такое, что могло вознаградить ее за это общество. Какъ только его представили ей, она тотчасъ же забросала его разспросами о хозяйкѣ дома и о ея гостяхъ, увѣряя, что находится здѣсь совершенно случайно, вслѣдствіе общаго участія въ одномъ благотворительномъ дѣлѣ: для этого дѣла и устраивался вечеръ. Можетъ быть именно благодаря своей сдержанности, показавшей, что онъ не желаетъ принимать активнаго участія въ высмѣиваніи этого общества—хотя, съ другой стороны, чувствовалось, что ея иронія ему нравится,—красивый юноша еще болѣе понравился дамѣ. Онъ разсказалъ ей, какимъ образомъ попалъ сюда... Не потому, чтобы она спросила его объ этомъ,—она не спрашивала,—но онъ всетаки угадалъ ея желаніе знать его біографію и ему было пріятно говорить съ ней о себѣ... Затѣмъ онъ далъ понять, что сочувствуетъ ея порицанію, и самъ былъ польщенъ тѣмъ, что она какъ будто выдѣляла его изъ этой среды. Между ними какъ будто устанавливалось равенство, и онъ поспѣшно принялъ ея приглашеніе посѣтить ее. Благодаря ея протекціи, онъ началъ посѣщать разные завтраки

и обѣды и танцовалъ на балахъ, иногда съ совершенно пустымъ карманомъ, такъ что ему приходилось съ бала отправляться домой пѣшкомъ. Но бѣдность его была беззаботна и не грызла его за сердце, такъ какъ никто не раздѣлялъ ея съ нимъ. Ужасные призраки нужды и позора, которые бродятъ ночью по улицамъ большихъ городовъ, а иногда и съ наступленіемъ дня продолжаютъ стоять передъ очами, проплакавшими всю беззонную ночь напролетъ, — эти призраки исчезали въ радостномъ сіяніи его молодости въ то время, какъ онъ бѣжалъ домой еще съ тактами вальса въ крови. Какое-то смутное, очень смутное чувство чего-то нехорошаго, неладнаго минутами пробуждалось въ немъ среди удовольствій; порой ему даже начинало казаться, что онъ дѣлаетъ что-то дурное. Но чувство это разсѣявалось, когда онъ пытался схватить его разсужденіемъ: онъ не могъ понять, что онъ дѣлаетъ дурного. Проводить часы досуга въ обществѣ хорошо воспитанныхъ, хорошо одѣтыхъ, богатыхъ и красивыхъ людей было такъ очевидно хорошо и прилично, что, казалось, и задумываться надъ этимъ было нелѣпо. А онъ видѣлся большею частью съ тонко-образованными людьми, у которыхъ были возвышенные взгляды, а иногда и альтрюистическія чувства. Онъ очутился въ кружкѣ молодыхъ людей, любящихъ искусство, литературу, музыку, и могъ, сколько душѣ угодно, болтать съ хорошенькими дѣвушками о картинахъ, книгахъ и театрахъ. Онъ даже удивлялся, что, при этихъ условіяхъ, ни разу еще не влюбился; послѣ самаго свободнаго и живого обмѣна симпатическихъ взглядовъ и мнѣній, онъ уходилъ подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, но съ холоднымъ сердцемъ. Одна дѣвушка, какъ ему казалось, охотно дозволила бы ему въ себя влюбиться; но, углубляясь въ себя, онъ находилъ, что не желаетъ или не можетъ влюбиться. Онъ увѣрялъ себя, что въ этомъ случаѣ мѣшаютъ ея деньги; она была красива, умна и богата... если бы не богатство, онъ непремѣнно бы влюбился. Родные дѣвушки,— дядя и тетка, съ которыми она жила,—прекрасно относились къ нему и, повидимому, путь былъ свободенъ. Молодые люди начали разсказывать другъ другу о самихъ себѣ, и однажды онъ сильно заинтересовалъ ее повѣствованіемъ о приключеніяхъ при своемъ прибытіи въ Нью-Іоркъ.

— И вы никогда не встрѣчали потомъ этихъ двухъ молодыхъ женщинъ?—спросила она.

— Встрѣчалъ. Вотъ это-то всего интереснѣе, — отвѣчалъ онъ и, слегка раздосадованный тѣмъ, что она назвала ихъ «двѣ молодыя женщины», сталъ разсказывать ей о Хюзахъ, которыхъ представилъ ей въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Она слушала внимательно и даже своими вопросами поощряла къ дальнѣйшему разсказу. Но, когда онъ кончилъ, она не ска-

зала ни слова, и послѣ этого въ ея обращеніи съ нимъ произошла какая-то неуловимая перемѣна. Онъ подумалъ, было, что ее шокировало его знакомство съ такими странными людьми, — она была очень горда... Между тѣмъ родные ея принимали его также привѣтливо, казалось, все осталось по прежнему, кромѣ какого-то оттѣнка въ обращеніи дѣвушки... Этотъ-то едва замѣтный оттѣнокъ означалъ для него потерю счастливаго случая. Впрочемъ, пострадало только тщеславіе молодого человѣка. Не смотря на потерю ея расположенія, которое она отняла у него такъ незамѣтно, жизнь его все еще была богата тѣмъ, чѣмъ онъ прежде былъ такъ бѣденъ. Не смотря на свою матеріальную бѣдность, онъ пользовался такимъ вліяніемъ и такимъ успѣхомъ, которыхъ никогда не могли бы дать ему однѣ только деньги. Порой онъ принималъ все это, какъ нѣчто должное, и вообще относился къ своему счастію съ крайней неблагодарностію. За то онъ расплачивался минутами унынія и уничиженія, особенно, когда ему приходило въ голову, что, въ сущности, онъ обязанъ своими успѣхами капризу свѣтской старухи, которую онъ къ тому же не особенно уважалъ.

Выѣзжая въ большой свѣтъ, онъ не забывалъ и своихъ прежнихъ друзей. Онъ даже какъ будто гордился своимъ постоянствомъ, думая про себя, что не всякій поступилъ бы такимъ образомъ; за неимѣніемъ другихъ, и это служило утѣшеніемъ. Ему доставляли удовольствіе, отчасти, такъ сказать, чисто литературнаго свойства, переходы отъ своихъ понятій о мірѣ, каковъ онъ есть, къ мечтѣ Хюза о мірѣ, какимъ онъ долженъ быть, и ему было лестно, что онъ такъ полюбился старику. Хюзъ спрашивалъ его мнѣнія, какъ мнѣнія человѣка съ совершенно инымъ взглядомъ на жизнь, и цѣнилъ его, какъ практическій умъ, равный его собственному уму, если не по направленію, то по качеству. Старикъ прочелъ ему всю свою книгу; онъ страстно спорилъ съ нимъ о тѣхъ страницахъ, которыя Рэй критиковалъ въ самомъ основаніи, однако всетаки согласился сдѣлать нѣкоторыя, указанныя ему Рэемъ, измѣненія.

Для миссисъ Дэнтонъ молодой человѣкъ представлялъ собой цѣлый міръ веселья и радости. Онъ разсказывалъ ей всѣ событія своей свѣтской жизни. Она разспрашивала его о малѣйшихъ подробностяхъ, о платьяхъ, о кушаніяхъ, о манерахъ. Вмѣстѣ съ ней онъ переживалъ всю свою жизнь въ обществѣ болѣе сознательно даже, нежели въ дѣйствительности, и терпѣливо переносилъ взрывы ея досады, которыми всегда кончались его разсказы. Онъ рѣшилъ про себя, что ни въ какомъ смыслѣ не долженъ слишкомъ серьезно относиться къ миссисъ Дэнтонъ, и видѣлъ, что, въ сущности, Піа благодарна ему за его снисходительность и любезность. Она также слушала, когда онъ описывалъ ея сестрѣ обѣды и балы, и ея участіе еще увели-

чивало въ его глазахъ интересъ собственныхъ разсказовъ. Передъ нимъ ярче выступала странная двойственность его жизни, и тотъ міръ, въ который онѣ не могли слѣдовать за нимъ, получалъ оттѣнокъ чего-то нереальнаго. Иногда и отецъ прислушивался къ его описаніямъ, стараясь уловить факты для своей теоріи морали, въ чемъ Рэй однажды и упрекнулъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ!—протестовалъ Хюзъ.—Мнѣ очень интересно видѣть, насколько, въ сущности, люди лучше тѣхъ условій, въ которыхъ они находятся. Соревнованіе, насквозь проникающее условія нашей жизни, характеризуетъ не только дѣловую, но и остальныя ея стороны. И однако—дѣловые люди и свѣтскія женщины, въ сущности, гораздо добрѣе, чѣмъ можно бы было это предположить. По теоріи—слабаго всегда должны бы прижимать къ стѣнѣ, на дѣлѣ же бываетъ и иначе.

— Однако изъ разсказовъ мистера Рэя видно, что на балахъ много дѣвушекъ сидятъ у стѣнъ,—сказала миссисъ Дэнтонъ.

Хюзъ не обратилъ вниманія на ея легкомысленное замѣчаніе и продолжалъ:

— Это показываетъ, какими чудными существами могли бы быть мужчины и женщины, если бы они были поставлены въ правильныя условія. Въ человѣческой природѣ цѣлый рай небеснаго милосердія и доброты, который только ждетъ случая раскрыться; мы и теперь уже знаемъ отчасти, чего можно ожидать, когда мужчина или женщина становятся выше условій и обстоятельствъ и осмѣливаются сказать хорошее слово или сдѣлать хорошее дѣло среди эгоистическаго міра. Тогда передъ нами на минуту является представленіе о томъ, чѣмъ могла бы быть настоящая жизнь человѣчества.

— Ну, а я хотѣла бы хоть на минуту поглядѣть, какова не настоящая жизнь человѣчества,—сказала миссисъ Дэнтонъ, когда отецъ ушелъ къ себѣ.—Я дала бы цѣлый годъ золотого вѣка, чтобы провести недѣлю въ хорошемъ обществѣ.

— Ты сама не знаешь, что говоришь,—сказалъ ея мужъ, который въ мрачномъ молчаніи слушалъ разсказъ Рэя и теперь повернулся къ женѣ.—Я скорѣе желалъ бы видѣть тебя мертвою, нежели въ подобномъ «хорошемъ обществѣ».

— Что жъ,—отвѣчала она,—у тебя и то больше шансовъ увидѣть меня мертвою. Если я хорошо поняла мистера Рэя, то гораздо легче попасть въ рай, чѣмъ въ хорошее общество.

Она подошла къ мужу и отвела его волосы отъ лица.

— Если бы ты носилъ волосы вотъ такъ, Ансель,—сказала она,—то люди видѣли бы, какой у тебя красивый лобъ. Такъ, ты кажешься вдвое умнѣе.

Онъ схватилъ ея руку и съ сердцемъ отшвырнулъ ее отъ себя.

— Ансель начинаетъ не хуже меня сознавать, какъ трудно и тяжело исправлять міръ,—сказала она.—У него никогда не было такой вѣры въ золотой вѣкъ, какъ у отца; онъ думаетъ, что прежде всего должна быть принесена какая-то жертва; но до сихъ поръ еще не рѣшилъ, какая именно.

Дэнтонъ, не говоря ни слова, вышелъ, и черезъ нѣсколько минутъ Рэй услышалъ его голосъ въ другой комнатѣ. Рэй подумалъ, что онъ съ кѣмъ нибудь разговариваетъ, но его жена сказала:

— Ансель мало говоритъ въ обществѣ, но онъ становится очень разговорчивъ, когда остается наединѣ съ собой.

XXVIII.

Когда Рэй пришелъ въ слѣдующій разъ, онъ засталъ Дэнтона мечтательно перебирающимъ струны скрипки, лежавшей у него на колѣняхъ. Близнецы ухватились за его ноги и раскачивались въ тактъ подъ музыку.

— Вы не знали, что Ансель музыкантъ?—сказала его жена.—Онъ только что досталъ себѣ новую скрипку, т. е. она, въ сущности, подержанная, но очень еще хороша, и онъ купилъ ее такъ дешево!

— Я воспользовался несчастьемъ другого человѣка,—сказалъ Дэнтонъ.—Такимъ только способомъ мы и пріобрѣтаемъ вещи по дешевой цѣнѣ.

— Ну, хорошо, только теперь ужъ лучше объ этомъ не думай. Сыграй-ка «Сонъ негра», Ансель, пожалуйста! Я бы желала, чтобы здѣсь былъ старый негръ, который свистѣлъ на паромѣ!

Сначала онъ какъ будто не обратилъ вниманія на ея слова, потомъ приложилъ скрипку къ подбородку и началъ играть дикую и нѣжную мелодію. Дѣтишки, казалось, опьянѣли отъ восторга: они раскачивались въ тактъ, держась за колѣни отца, а онъ нѣжно смотрѣлъ на ихъ поднятыя къ нему личики. Когда онъ пересталъ играть, мать протянула руку къ одному изъ нихъ, но ребенокъ только крѣпче ухватился за отца.

— Одолжите мнѣ вашу скрипку на минуту,—сказалъ Рэй. Онъ немного умѣлъ играть на банхо и сталъ наигрывать на струнахъ скрипки пѣсенку, которой научила его одна молодая дѣвушка въ Мидлэндѣ. Дѣти смотрѣли на него неодобрительно и тревожно. Они успокоились лишь тогда, когда отецъ опять взялъ отъ него скрипку. Дэнтонъ посадилъ ихъ каждаго къ себѣ на одно колѣно и положилъ скрипку между ними; они колотили рученками по струнамъ и смотрѣли ему въ лицо, чтобы видѣть, какое это производитъ на него впечатлѣніе.

Піа встала съ мѣста и хотѣла взять у нихъ скрипку, такъ какъ отецъ, казалось, совсѣмъ забылъ, что они дѣлаютъ, но они разсердились на нее, и въ одинъ голосъ громко закричали, протестуя противъ ея вмѣшательства.

— Оставь ихъ,—ласково сказалъ отецъ, и она отошла.

— Ты совсѣмъ избалуешь дѣтей, Ансель, если будешь позволять имъ дѣлать все, что они хотятъ,—сказала жена.— Они выростутъ у тебя капиталистами.

Онъ смотрѣлъ на нихъ съ меланхолично-мечтательнымъ выраженіемъ, потомъ началъ какъ-то безпомощно смѣяться и продолжалъ хохотать до тѣхъ поръ, пока жена его не сказала:

— Мнѣ кажется, ты ужъ слишкомъ не въ мѣру смѣешься. Правду я говорю, мистеръ Рэй?.. Ансель обыкновенно совсѣмъ не смѣшливъ.

Когда дѣти, наконецъ, выпустили скрипку, и она соскользнула на полъ, Дэнтонъ всталъ и, посадивъ ихъ себѣ на плечи, началъ плясать, дѣлая самые фантастическіе прыжки и сохраняя при этомъ совершенно серьезное выраженіе лица.

Хюзъ, привлеченный шумомъ, просунулъ голову въ дверь.

— Нашъ Ансель снова сталъ прежнимъ оригиналомъ, отецъ! —крикнула миссисъ Дэнтонъ, ударяя въ ладоши и пробуя подпѣвать для танца, но это ей не удалось, и она разсмѣялась сама надъ собой.

Когда запыхавшійся Дэнтонъ остановился, Піа взяла у него дѣтей и унесла ихъ въ другую комнату. Жена осталась.

— Ансель воспитывался у шэкеровъ,—сказала она,—поэтому - то онъ и умѣетъ такъ хорошо танцовать.

— А! это былъ шэкерскій танецъ?—небрежно спросилъ Рэй.

— Нѣтъ. Шэкерскій танецъ есть религіозный обрядъ,— сердито отвѣчалъ Дэнтонъ,—и это было бы все равно, что вышучивать молитву.

— Ахъ, извините!—воскликнулъ Рэй,—я, право, въ этомъ ничего не понимаю. Но Дэнтонъ вышелъ, очевидно, не принявъ его извиненія.

— При Анселѣ надо осторожно говорить о шэкерахъ,— объяснила его жена.—Мнѣ кажется, онъ охотно возратился бы опять къ нимъ, если бы зналъ, куда дѣвать дѣтей и меня.

— Если бы не ихъ невыполнимое ученіе о безбрачіи,—сказалъ Хюзъ,—то шэкеры, какъ религіозная секта, могли бы выполнить весьма полезную миссію для перехода отъ настоящаго положенія вещей къ лучшимъ условіямъ жизни. Они не эгоистичны, а этого нельзя сказать о многихъ другихъ общинахъ.

— Мы могли бы всѣ вернуться туда вмѣстѣ съ Анселемъ,—

сказала миссисъ Дэнтонъ, — они размѣстили бы насъ по разнымъ семьямъ. Желала бы я знать, виситъ ли еще быкъ Анселя въ молотильномъ сараѣ Южной Семьи? Онъ, знаете ли, нарисовалъ на дощечкѣ краснаго быка однажды, когда красили молотильный сарай, и приколотилъ его къ стѣнѣ. Затѣмъ Ансель покинулъ общину и ушелъ въ свѣтъ. Но говорятъ, что если кто разъ былъ шэкеромъ, такъ шэкеромъ и останется навсегда, и мнѣ кажется—его съ тѣхъ поръ постоянно мучитъ совѣсть.

Нѣсколько времени спустя, Рэй зашелъ къ нимъ одѣтый для танцовальнаго вечера, и миссисъ Дэнтонъ нѣсколько минутъ оставалась съ нимъ одна до прихода Піи. Она разспросила его, куда онъ идетъ, и кто тѣ люди, которые даютъ вечеръ, и какъ тамъ все будетъ—какъ будутъ убраны комнаты, какіе будутъ костюмы и каковъ ужинъ.

— И вы не чувствуете себя потеряннымъ и несчастнымъ въ такихъ мѣстахъ?—спросила она.

— Право, не знаю,—сказалъ Рэй.—Я не могу постоянно помнить о томъ, что я бѣдный цыганъ, у котораго всего два цента въ карманѣ, а иногда даже воображаю себя дѣйствительно и богатымъ, и важнымъ. Но сегодня, благодаря вамъ, миссисъ Дэнтонъ, я этого не буду думать.

Она разсмѣялась, понявъ, что онъ почувствовалъ ея маленькій уколъ.

— Значитъ, вы не отказались бы придти и къ намъ, если бы мы были достаточно богаты, чтобы дать вечеринку?—спросила она.

— Разумѣется, пришелъ бы немедленно.

— И привели бы своихъ модныхъ друзей?

— Ну, на это понадобилось бы больше времени. Когда же вы дадите вашу вечеринку?

— Какъ только Ансель покончитъ съ своимъ изобрѣтеніемъ.

— А онъ продолжаетъ имъ заниматься?

— Да, онъ, наконецъ, сообразилъ, что оно принесетъ больше добра, нежели зла.

— Конечно, намъ не трудно заманить нашу совѣсть на путь собственнаго интереса.

Это понравилось миссисъ Дэнтонъ, и она сказала:

— Это похоже на мистера Кэйна.

Піа вошла въ это время и подала руку Рэю, бросивъ бѣглый взглядъ на великолѣпіе его костюма и на его изящную манеру держать свой клякъ у бедра.

— Кто тебѣ сказалъ, что мистеръ Кэйнъ боленъ?—спросила миссисъ Дэнтонъ.

— Мистеръ Чапли,—отвѣчала Піа.

— Кэйнъ? Кэйнъ боленъ?—переспросилъ Рэй.—Я долженъ навѣстить его.

Онъ сталъ разспрашивать Пію о Кэйнѣ, но она ничего не знала, кромѣ того, что ей сказалъ мистеръ Чапли, т. е. что Кэйнъ боленъ и что мистеръ Чапли хотѣлъ зайти къ нему по дорогѣ домой.

Рэй вспомнилъ досаду, которую онъ одно время чувствовалъ относительно Кэйна, и былъ очень радъ, что и слѣда этой досады теперь не оставалось у него въ сердцѣ.

— Сегодня уже поздно,—сказалъ онъ,—но я пойду къ нему завтра утромъ. Онъ обыкновенно заходитъ ко мнѣ по воскресеньямъ; это воскресенье онъ, правда, не былъ; но мнѣ и въ голову не пришло, что онъ можетъ быть боленъ.

Онъ сталъ хвалить Кэйна и, какъ будто это было однимъ изъ его достоинствъ, сказалъ:

— Онъ отнесся ко мнѣ очень хорошо. Онъ прочиталъ мой романъ послѣ того, какъ Чапли отказался отъ него, и старался найти въ немъ достоинства, которыя позволили бы ему рекомендовать его другому издателю. Я не сержусь за то, что ему это не удалось; но меня обидѣло, что онъ не захотѣлъ пересмотрѣть его еще разъ. Меня это одно время очень смущало.

Онъ обращался къ Піи, какъ будто она была замѣшана какимъ-либо образомъ въ этомъ инцидентѣ.

— Я говорю о томъ случаѣ, когда мистеръ Брандретъ прислалъ опять за рукопьсью уже послѣ того, какъ она была забракована.

— Да,—коротко отвѣчала Піа...—Онъ замѣтилъ, что она сохраняла молчаніе всякій разъ, какъ только разговоръ переходилъ на личную почву. За то миссисъ Дэнтонъ всегда была довольна, когда затрагивались личные интересы. Она съ большимъ любопытствомъ разспрашивала его о всѣхъ подробностяхъ его жизни.

— Зачѣмъ онъ присылалъ за рукописью?—спросила она.—На что же она ему понадобилась?

Рэй охотно отвѣтилъ, такъ какъ ему самому хотѣлось разъяснить это обстоятельство.

— Онъ хотѣлъ предложить ее на разсмотрѣніе одного расположеннаго ко мнѣ лица и, если бы это лицо дало благопріятный отзывъ, то онъ, пожалуй, готовъ былъ измѣнить свое первое рѣшеніе. Но онъ возвратилъ мнѣ рукопись въ тотъ же день съ очень странной запиской, изъ которой я могъ заключить, что расположенное ко мнѣ лицо уже читало романъ и онъ ему не понравился. Я зналъ, что это былъ Кэйнъ, и одно время возненавидѣлъ его. Но затѣмъ, обдумавъ все это хорошенько, простилъ ему.

— Это было довольно низко съ его стороны,—сказала миссисъ Дэнтонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ имѣлъ полное право поступить такимъ образомъ, и мнѣ не на что жаловаться, но я не скоро пришелъ къ этому сознанію.

Миссисъ Дэнтонъ обратилась къ Піи:

— Ты знала объ этомъ?—спросила она.

Въ эту минуту Дэнтонъ внезапно вбѣжалъ въ комнату и остановился, разсѣянно глядя по сторонамъ, словно искалъ чего-то.

— Что тебѣ, Ансель?—спросила Піа.

— Цинковую доску.

— Она на письменномъ столѣ,—отвѣчала его жена.

Онъ бросился, было, вонъ, но она позвала его.

— Ты видишь, мистеръ Рэй здѣсь.

Онъ обернулся и съ нетерпѣніемъ поглядѣлъ на Рэя, какъ будто торопясь къ своей работѣ. Его обычное мрачное выраженіе исчезло, и теперь глаза его выражали лишь сосредоточенную мысль и заботу, черезъ которую просвѣчивала порою радость.

— О да,—отвѣчалъ онъ и, взявъ Рэя за руку повыше локтя, повернулъ его кругомъ.—Вотъ такимъ ты желала бы меня видѣть?

— Какъ только твое изобрѣтеніе удастся, я желаю, чтобы ты всегда имѣлъ такой видъ. А я буду цѣлый день ходить по дому и работать въ платье декольте, и у насъ будетъ шампанское за обѣдомъ и ужиномъ. У меня будетъ журъфиксъ, и я буду задавать обѣды. Затѣмъ мы будемъ посѣщать лучшее общество.

Дэнтонъ спустилъ свою руку до кисти руки Рэя и, продолжая держать ее въ своей горячей рукѣ, сталъ торопливо разспрашивать, для чего онъ такъ одѣлся? Казалось, онъ въ первый разъ въ жизни имѣлъ случай узнать что-нибудь о свѣтской жизни и объ ея удовольствіяхъ.

— И эти люди ничего другого не дѣлаютъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— А развѣ этого мало?—возразилъ Рэй.—Они думаютъ, что дѣлаютъ очень много.

Дэнтонъ засмѣялся какимъ-то страннымъ, нервнымъ смѣхомъ, какъ-то захлебываясь и продолжая хохотать противъ воли.

— Да, слишкомъ много,—сказалъ онъ.—Мнѣ ихъ жалко.

— Хорошо,—сказала его жена.—Вотъ и я хочу сдѣлаться какъ можно скорѣе предметомъ такой жалости. Не теряй же времени, Ансель, и оканчивай работу.

Свѣтъ снова угасъ въ его взглядѣ; онъ выпрямилъ голову

и, уставившись на жену, насторожился, словно прислушиваясь къ чему-то.

— Пожалуйста, не принимайся опять за свои чудачества, Ансель,—сказала она.

XXIX.

Утро, слѣдующее за баломъ, никогда не начинается рано. Рэй проснулся поздно съ какимъ-то смутнымъ чувствомъ; сначала онъ подумалъ, что это обыкновенное ощущеніе послѣ разныхъ неловкостей и глупостей, сдѣланныхъ и сказанныхъ въ теченіе вечера; но вдругъ это чувство опредѣлилось въ формѣ тоски, не имѣвшей никакого отношенія къ вечеру и съ которой онъ не въ силахъ былъ бороться. Чувство это было довольно смутно, онъ не былъ еще въ состояніи оцѣнить его значеніе, но оно навязчиво преслѣдовало его все время, пока онъ шелъ навѣстить Кэйна.

Кэйнъ лежалъ въ постели, поправляясь послѣ остраго гастрическаго припадка. Онъ подалъ Рэю лежавшую на одѣялѣ мягкую, слегка влажную руку и весело привѣтствовалъ его. Его пальто и шляпа висѣли на двери стѣнного шкафа, и на нихъ до такой степени отражалось что-то, свойственное ихъ владѣльцу, что они, казалось, составляли часть его самого, какъ волосы и борода, тщательно расчесанные и отдѣлявшіеся отъ подушки нѣжнымъ, серебристымъ оттѣнкомъ. На рѣшеткѣ камина тлѣли угли, и огонь слабо мерцалъ, затмѣваемый обильнымъ солнечнымъ свѣтомъ, вливавшимся въ длинное южное окно и освѣщавшимъ стѣны, заставленныя отъ потолка до полу книгами.

— Да,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на похвалы Рэя его комфортабельной обстановкѣ,—я такъ сжился съ этой комнатой, что начинаю съ удовольствіемъ думать о томъ, какъ отлично я здѣсь умру. Но развѣ вы дѣйствительно въ первый разъ здѣсь?

— Въ первый разъ,—отвѣчалъ Рэй.—Мнѣ представился этотъ случай лишь въ виду вашей болѣзни.

— Ахъ нѣтъ, ахъ нѣтъ! Я совсѣмъ не такъ виноватъ. Мнѣ часто хотѣлось позвать васъ къ себѣ, если бы представился поводъ, но повода никогда не представлялось; я такъ долго жилъ здѣсь одинъ, что полюбилъ мое одиночество, и мнѣ ни съ кѣмъ не хочется дѣлиться имъ. Но я всетаки очень радъ васъ видѣть; это очень мило съ вашей стороны, что вы вздумали придти ко мнѣ.

Онъ ласково посмотрѣлъ въ красивое лицо молодого человѣка.

— Ну что, какъ попрыгиваетъ этотъ веселый міръ?—спросилъ онъ.

— Ужъ будто міръ такъ легкомысленъ, чтобы прыгать?—спросилъ Рэй въ шуточномъ тонѣ самого Кэйна.—Мнѣ всегда кажется, что веселый міръ, въ сущности, очень серьезенъ, хотя и имѣетъ порой свои минуты отдыха и веселья.

Онъ откинулся на спинку стула и съ минуту вертѣлъ своей тростью. Затѣмъ онъ разсказалъ Кэйну, что былъ вчера на танцовальномъ вечерѣ. Онъ описалъ съ большимъ юморомъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ тамъ лицъ.

— А которая изъ вашихъ легкомысленныхъ бабочекъ сказала вамъ, что я боленъ?—спросилъ Кэйнъ.

— Самая легкомысленная изъ всѣхъ: миссисъ Дэнтонъ.

— О, ужъ не она ли давала вечеръ?

— Нѣтъ. Я зашелъ къ Хюзамъ по дорогѣ туда, но, можетъ быть, она и устроитъ скоро нѣчто въ этомъ родѣ. Они, должно быть, скоро страшно разбогатѣютъ. Ея мужъ изобрѣлъ какой-то новый способъ гравированія, который дастъ имъ много денегъ. Онъ-то, повидимому, не очень этому радуется; за то она страшно довольна. Онъ какой-то чудакъ. Сначала я очень строго судилъ ее, какъ мы вообще судимъ легкомысленныхъ людей. Но теперь думаю, что легкомысліе вовсе ужъ не такой большой порокъ, по крайней мѣрѣ, оно всетаки лучше, чѣмъ суровость; по моему, и то, и другое—дѣло темперамента. Мнѣ нравится миссисъ Дэнтонъ, хотя она, кажется, больше заботится о кошкѣ, чѣмъ о своихъ дѣтяхъ. Можетъ быть, она сознаетъ, что они сохраннѣе на его рукахъ... Но какъ онъ ихъ любитъ, это просто трогательно! Смѣшно только, что онъ заботится о нихъ гораздо больше, чѣмъ мать. Онъ кормитъ ихъ за столомъ, носитъ ихъ на рукахъ и укладываетъ спать собственноручно,—разсказывалъ Рэй съ презрѣніемъ холостяка къ отеческой нѣжности.

— Я думаю,—сказалъ Кэйнъ,—что у нихъ въ общинѣ мужчины помогали женамъ въ ухаживаніи за юными отпрысками. Мы видимъ то же самое у нѣкоторыхъ птицъ. Въ процессѣ соціальной эволюціи самецъ-птица, по всей вѣроятности, совершенно предоставитъ дѣтеныша матери; самка же, какъ скоро она пріобрѣтетъ достаточно ума и денегъ, найметъ себѣ какую нибудь бѣдную птицу для ухода за дѣтьми. Эволюція нашей миссисъ Дэнтонъ, очевидно, направилась въ сторону полнаго предоставленія и заботъ о птенцахъ—птицѣ-отцу.

— За то она взялась говорить за него. Слышали ли вы,—спросилъ Рэй по естественной ассоціаціи идей, — о «Голосѣ» ея мужа?

— Что это значитъ?

— Видите, у мистера Дэнтона есть, повидимому, какой-то внутренній двигатель, подобный демону Сократа, который онъ называетъ Голосомъ и который даетъ направленіе его жизни. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю. Должно быть, Голосъ позволилъ ему разрабатывать его новый способъ; прежде онъ на этотъ счетъ долгое время сомнѣвался, такъ какъ если изобрѣтеніе удастся, то оно лишитъ работы множество людей. Такъ вы никогда ничего не слыхали о его Голосѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Кэйнъ.—Я полагаю,—прибавилъ онъ,— что это одна изъ тѣхъ психическихъ ненормальностей, которымъ они подвержены во всѣхъ ихъ общинахъ. А Хюзъ, — спросилъ онъ, немного помолчавъ,—что онъ теперь дѣлаетъ?

— Мнѣ кажется, онъ очень занятъ своимъ писаніемъ, и я не каждый разъ его вижу. Онъ славный старикъ, хотя и продолжаетъ игнорировать мое имя, называя меня просто: молодой человѣкъ. Миссисъ Дэнтонъ пробовала поправлять его; но онъ говоритъ, что имена—это наиболѣе внѣшняя изъ всѣхъ вещей, и что я, въ сущности, столько же Рэй, сколько Хюзъ. Въ этомъ есть доля правды, и мнѣ кажется, изъ этого можно бы построить разсказъ.

Кэйнъ лежалъ въ молчаливой задумчивости, потомъ съ улыбкой спросилъ:

— А какъ теперь поживаетъ Піа? Видаете вы ее?

— Да; кажется, она здорова, — коротко отвѣтилъ Рэй и всталъ.

— О, вы уже уходите? — спросилъ Кэйнъ. Онъ ласково удержалъ руку Рэя, какъ будто не желая разставаться съ нимъ.

— Я радъ, что вы не забываете Хюзовъ среди вашихъ увеселеній. Это показываетъ, что у васъ есть характеръ, если вы не обращаете вниманія на чудачества. И вы не раскаетесь въ этомъ. Ваше посѣщеніе большое утѣшеніе для нихъ, — я это знаю. Я боялся, что вы не пересилите непріятнаго впечатлѣнія перваго воскресенья, и никогда не былъ увѣренъ, что вы простите мнѣ то, что я повелъ васъ туда.

— О да, я простилъ,—сказалъ Рэй съ той улыбкой, которая у насъ бываетъ, когда намъ приписываютъ какое нибудь благодѣяніе.—Я вамъ простилъ гораздо худшія вещи.

— Правда? Это меня радуетъ, но что же, напримѣръ?

— То, что вы отказались просмотрѣть мой романъ вторично,—выпалилъ Рэй.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ Кэйнъ, выпуская его руку.

— Брандретъ предложилъ вамъ просмотрѣть его, въ надеждѣ, что онъ вамъ понравится и вы посовѣтуете напечатать его.

— Брандретъ никогда не предлагалъ мнѣ просматривать

его; я только и видѣлъ рукопись, когда вы сами давали мнѣ ее на домъ. Что вы хотите этимъ сказать?

— Брандретъ написалъ мнѣ, что хочетъ узнать о романѣ мнѣніе одного расположеннаго ко мнѣ лица; но прислалъ рукопись въ тотъ же день обратно съ запиской, въ которой говорилъ, что лицо это уже знакомо съ романомъ,—отвѣчалъ Рэй съ изумленіемъ, которое вполнѣ раздѣлялъ Кэйнъ.

— Такъ вотъ отчего вы были такъ холодны со мной одно время? Теперь я этому не удивляюсь! Вы, конечно, были правы, предполагая, что я замолвлю словечко въ вашу пользу. И мнѣ кажется, что я бы это сдѣлалъ. Но мнѣ не представлялось этого соблазна. Можетъ быть Брандретъ раздумалъ... Можетъ быть онъ не счелъ возможнымъ вполнѣ положиться на меня.

— Можетъ быть...—какъ-то беззвучно отвѣчалъ Рэй.

— Кто же бы это могъ быть еще? Вы не догадываетесь?

— Стоитъ-ли догадываться?—отозвался Рэй.—Теперь это все кончено. Романъ умеръ, и я желалъ бы, чтобы онъ былъ похороненъ. Не безпокойтесь объ этомъ и постарайтесь простить меня за то, что я подозрѣвалъ *васъ*.

— Это было очень естественно. Только... вы должны бы знать, что я васъ слишкомъ люблю, и принесъ бы вамъ въ жертву издателя, если бы онъ былъ у меня въ рукахъ.

— О, благодарю васъ и—прощайте! Не думайте больше объ этомъ—я тоже не стану думать.

XXX.

Если отбросить догадку Кэйна, будто мистеръ Брандретъ возвратилъ рукопись Рэя, не показывая ее никому,—то оставалось лишь одно предположеніе. Кромѣ Кэйна, издатель могъ говорить, какъ о расположенномъ къ Рэю лицѣ, только о миссъ Хюзъ, и становилось очевиднымъ, что именно она отказалась пересмотрѣть рукопись. Она играла съ нимъ въ двойную игру; она допустила его сыграть глупую роль, позволяя ему приходить къ ней читать свои сочиненія и сдѣлать ее своей литературной повѣренной. Онъ скрежеталъ зубами отъ стыда при мысли, что спрашивалъ ея совѣта и радовался ея похваламъ.

Дѣло было, однако, даже не въ правдивости, не въ мнимомъ ея расположеніи къ нему самому, а въ справедливости относительно Кэйна. Онъ говорилъ ей о своей досадѣ противъ Кэйна, она знала, что онъ продолжаетъ подозрѣвать Кэйна въ томъ, что въ дѣйствительности сдѣлала она. И она всетаки оставила его въ этомъ подозрѣніи! Это было хуже, чѣмъ все остальное, въ чемъ онъ могъ бы обвинить ее.

Онъ не пошелъ въ этотъ день къ Чапли, потому что ему не хотѣлось встрѣчаться съ ней въ подобномъ настроеніи. Онъ рѣшилъ, что не долженъ видѣться съ нею до тѣхъ поръ, пока она не выкажетъ желанія избавиться отъ фальшиваго положенія, въ которое попала по своей же винѣ. Подъ вечеръ онъ услыхалъ, что кто-то постучалъ въ дверь. Когда онъ отворилъ, передъ нимъ стоялъ, улыбаясь своему собственному приходу сюда, мистеръ Брандретъ въ своемъ блестящемъ цилиндрѣ, легкомъ пальто и перчаткахъ. Рэй отпустилъ по этому поводу нѣсколько шутокъ, а затѣмъ они, по выраженію мистера Брандрета, «перешли къ дѣлу».

— Послушайте,—шутливо улыбаясь, началъ издатель, поглядывая на Рэя изъ глубины своего кресла, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ присѣлъ на край своей кровати. — Не правда ли, вы подумали, что я хотѣлъ показать вашъ романъ старику Кэйну, когда я отослалъ вамъ его назадъ?

— Да,—сказалъ Рэй и уже не могъ сказать ничего больше, предчувствуя то, что будетъ сейчасъ.

— Ну, такъ я хотѣлъ показать вовсе не ему,—продолжалъ мистеръ Брандретъ.—Если бы я только зналъ, что вы его заподозрите, я бы давно сказалъ вамъ. Лицо, къ которому я обращался, желаетъ, чтобы вы узнали, что это былъ не Кэйнъ. И вотъ мнѣ казалось болѣе удобнымъ придти самому сказать вамъ объ этомъ. Этой своей запиской я вызвалъ только путаницу. Если вамъ это было непріятно, то Кэйнъ могъ, конечно, сказать вамъ, что это былъ не онъ.

— Кэйнъ сказалъ мнѣ объ этомъ сегодня,—отвѣчалъ Рэй,— но я давно уже пересталъ досадовать на него.

— Разумѣется! Вѣдь это вопросъ чисто дѣловой.

Давши обстоятельству такое освѣщеніе, мистеръ Брандретъ замѣтилъ какъ бы мимоходомъ:

— Мнѣ дано разрѣшеніе сказать вамъ, кто это былъ, если вы пожелаете узнать.

Рэй покачалъ головой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не хочу знать. Къ чему?

— Разумѣется. Я очень радъ, что вы смотрите на дѣло съ такой точки зрѣнія. Это будетъ большимъ утѣшеніемъ для... для той особы.

— Ну, и прекрасно.

Съ первой же минуты, какъ мистеръ Брандретъ заговорилъ, Рэй невольно старался оградить себя отъ всякихъ посягательствъ на конфинденціальность. Они заговорили о другомъ; но, въ концѣ концовъ, издатель снова вернулся къ книгѣ Рэя и съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ:

— Вы вѣроятно еще ничего не сдѣлали съ вашимъ романомъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Рэй.

Мистеръ Брандретъ съ минуту колебался, но затѣмъ ушелъ, не сказавъ больше ни слова. Даже этотъ вопросъ о судьбѣ его книги не могъ отвлечь Рэя отъ предположеній о мотивахъ, заставившихъ Пію послать къ нему Брандрета. Было ясно только одно: она сдѣлала это ради Кэйна, чтобы оказать ему справедливость. До справедливости же относительно Рэя ей, повидимому, не было дѣла. Среди этихъ запутанныхъ ощущеній положеніе казалось ему столь унизительнымъ, что нужно было во что бы то ни стало найти выходъ. Въ этотъ же вечеръ онъ рѣшился во что бы то ни стало найти случай поговорить съ ней наединѣ.

Она сама отворила ему дверь и стояла передъ нимъ въ какомъ-то оцѣпененіи, которое онъ могъ принять за испугъ. Это не внушило ему храбрости, и онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ начать такимъ образомъ:

— Я пришелъ поблагодарить васъ, миссъ Хюзъ, за ваше вниманіе къ мистеру Кэйну. Я, конечно, не могъ и ожидать отъ васъ ничего другого, разъ вы узнали о моихъ подозрѣніяхъ... въ отказѣ просмотрѣть мою рукопись во второй разъ.

Его жесткій тонъ, полный сдержанной досады, произвелъ именно то впечатлѣніе, котораго онъ желалъ. Онъ видѣлъ, какъ она вздрогнула и отвѣтила смущенно:

— Я сказала мистеру Брандрету и онъ обѣщалъ мнѣ перепередать вамъ, что это былъ не мистеръ Кэйнъ.

— Да,—холодно отвѣчалъ Рэй,—онъ приходилъ ко мнѣ, чтобы сказать мнѣ это.

Она помолчала и потомъ спросила:

— Онъ сказалъ вамъ, кто это былъ?

— Нѣтъ, но я зналъ.

Если она ждала, что онъ скажетъ еще что нибудь,—то она ошиблась. Онъ оставилъ ей всю горечь впечатлѣнія, которую, при другихъ обстоятельствахъ, онъ такъ охотно раздѣлилъ бы съ нею или всецѣло взялъ бы на себя.

Услышавъ легкій шумъ, она вздрогнула и, какъ бы возвращаясь по его желанію къ тяжелой обязанности, заговорила:

— Когда онъ сказалъ, что взялъ у васъ рукопись обратно, я не могла допустить, чтобы онъ далъ ее мнѣ.

Она остановилась, и Рэй убѣдился, что она, почему-то, не можетъ сказать ничего болѣе, по крайней мѣрѣ безъ внѣшняго понужденія... Но онъ не въ состояніи былъ оставить это такъ.

— Разумѣется, — съ горечью сказалъ онъ,—мнѣ нечего и спрашивать васъ, почему.

— Я не могла взять на себя рѣшенія... — едва слышно отвѣчала она.

— Да, конечно,—согласился онъ,—взять на свои руки

судьбу другого человѣка не шутка. Однако вы всетаки знали,— съ усмѣшкой прибавилъ онъ, — что у васъ въ рукахъ мое счастье.

— Я этого тогда не сознавала,—отвѣчала она и какъ-то разсѣянно стала смотрѣть кругомъ.

Это обидѣло его, такъ какъ онъ подумалъ, что она не придаетъ никакого значенія этому инциденту.

— Впрочемъ, въ сущности, совершенно безразлично, согласились вы или не согласились пересмотрѣть рукопись. Вѣдь результатъ былъ бы во всякомъ случаѣ тотъ же,—сказалъ онъ.

Она подняла на него взглядъ, полный какого-то смущенія.

— Я не говорила...—начала она, но вдругъ остановилась и снова отвела глаза въ сторону.

— Но если,—продолжалъ онъ,—я и не могу поблагодарить васъ за то, что вы избавили меня отъ ясно выраженнаго приговора,—то всетаки я цѣню ваше вниманіе къ Кэйну и берусь передать ему все, что вамъ угодно будетъ поручить мнѣ.

Съ этими словами онъ всталъ.

— Я удивляюсь всетаки твердости вашего характера— прибавилъ онъ.—Вы удержали при себѣ ваше мнѣніе даже въ то время, когда я такъ экспансивно высказывался передъ вами о моей книгѣ... Должно быть это васъ очень забавляло!

Разъ поддавшись желанію мстить, онъ уже не могъ остановиться и продолжалъ высказывать все, что передумалъ самъ съ собою. Она пассивно выслушивала его сарказмы, не пытаясь ни отвѣчать, ни протестововать. Ему даже казалось иногда, что она не слушаетъ его, и это еще болѣе его злило. Его оскорблялъ разсѣянный видъ, съ которымъ она выслушала его до конца.

— И всетаки я не могу понять,—продолжалъ онъ,—почему вы это все допускали, хотя, правда... это бываетъ соблазнительно. Я готовъ даже допустить, что потеря моего знакомства будетъ для васъ нѣкоторымъ лишеніемъ: вы теряете случай заставлять меня разыгрывать передъ вами шута... Но вѣдь вамъ можно еще долго смѣяться:—матеріала достаточно. Я не спрашиваю также, почему вы сообщили мнѣ это черезъ третье лицо. Вы стѣснялись сказать мнѣ это прямо, да и писать тоже не совсѣмъ удобно.

— Я должна была написать,—тихо сказала она.—Теперь я это сознаю; но сегодня я не могла этого сдѣлать. Есть одна вещь...—онъ самъ вызвался пойти... ему этого хотѣлось и... я согласилась. Я была не права—я не подумала, какъ это можетъ показаться...

— О, въ этомъ случаѣ вамъ нечего было думать обо мнѣ. Я радъ только, что вы подумали о Кэйнѣ—больше я ничего не требую.

— Вы не поняли,—начала, было, она,—вы не знаете...

— Нѣтъ, я отлично понимаю и знаю все, что мнѣ надо знать. Какое вы имѣли основаніе защищать меня противъ моей собственной глупости? Я получилъ по заслугамъ, а если мнѣ это пришлось не по вкусу—вина не ваша. Прощайте.

Когда онъ повернулся къ выходу, она подняла на него глаза. Онъ могъ бы замѣтить, что они были полны слезъ.

Онъ вышелъ изъ дома и сталъ ходить взадъ и впередъ, чувствуя, что самый некрасивый предметъ на этой длинной и некрасивой улицѣ—онъ самъ. Подъ шумъ и грохотъ, раздражавшій его нервы, онъ старался не думать о томъ, что, не смотря на всѣ горькія слова, которыя онъ наговорилъ ей, онъ всетаки убѣжденъ, что она сама доброта и правда. Онъ сознавалъ, что всѣ его упреки истекали изъ оскорбленнаго самолюбія, а въ сущности онъ убѣжденъ, что она не сдѣлала ему никакого вреда. И все, что сейчасъ произошло—одна комедія съ его стороны. Реальна только боль, которую онъ причинилъ. Передъ его глазами и теперь еще стоялъ ея милый, страдающій образъ. Желаніе вернуться и сознаться ей во всемъ неотразимо завладѣло имъ, и онъ снова очутился у ея двери.

Онъ позвонилъ и долго ждалъ, пока щелкнетъ задвижка; потомъ позвонилъ опять. Черезъ нѣкоторое время дверь отворилась, и онъ увидѣлъ на верху лѣстницы Хюза, державшаго лампу надъ головой.

— Кто тамъ?—закричалъ старикъ своимъ хриплымъ голосомъ.

— Это я, мистеръ Хюзъ,—отвѣчалъ Рэй, который, не смотря на волновавшія его чувства, залюбовался живописной позой старика и его косматой львиной головой,—Рэй,—пояснилъ онъ.

— А!—воскликнулъ Хюзъ!—Очень радъ васъ видѣть. Взойдите!

Рэй поднялся по лѣстницѣ и, когда они вмѣстѣ вошли въ комнату, старикъ сказалъ:

— Я совсѣмъ одинъ дома: обѣ мои дочери ушли. Присядьте.

Рэй сѣлъ въ полномъ разочарованіи. Хюзъ или не зналъ о его первомъ приходѣ, или забылъ о немъ.

— Онѣ скоро придутъ,—сказалъ онъ.—Піа сейчасъ была дома; но когда Ансель и Дженни вернулись домой, они опять ушли всѣ вмѣстѣ.

Онъ впалъ въ какое-то раздумье и разсѣянно глядѣлъ на Рэя съ своего обычнаго мѣста у окна. Наконецъ, онъ какъ бы вспомнилъ о чемъ-то, но обратился къ нему со словами, не имѣвшими никакого отношенія къ данному моменту.

— Что дѣлаетъ многихъ новаторовъ смѣшными и ни-

чтожными и навлекаетъ презрѣніе и гибель на многія добрыя начинанія,—сказалъ онъ,—это попытка выказывать альтрюистическія стремленія въ такихъ условіяхъ, гдѣ дѣйствуетъ конкурренція. Тутъ всегда слѣдуетъ ожидать неудачи или чего нибудь еще хуже.

Онъ сталъ пространно пояснять свое мнѣніе.

— Возьмите вотъ хоть моего зятя,—сказалъ онъ, наконецъ, какъ бы иллюстрируя только что изложенныя имъ общія понятія.—Онъ все свое свободное время въ эту зиму посвятилъ изобрѣтенію въ области своего искусства и, наконецъ, нѣсколько дней тому назадъ, окончилъ работу. Все время онъ мучился сомнѣніями относительно нравственнаго значенія своего изобрѣтенія, такъ какъ каждое подобное усовершенствованіе лишаетъ многихъ людей работы. Поэтому его безпокоила совѣсть, хотя я и старался разсѣять его сомнѣнія всѣми возможными аргументами.

— Я думалъ,—вставилъ свое слово Рэй, когда Хюзъ остановился на минуту,—я думалъ, что онъ теперь измѣнилъ свой взглядъ на это.

— Да,—отвѣчалъ старикъ,—онъ какъ будто и уступилъ разумнымъ доводамъ, но въ этомъ человѣкѣ есть ужъ такой анти-практичный элементъ!—И вотъ, сегодня утромъ, когда мы думали, что онъ дастъ послѣдніе штрихи своей работѣ, онъ просто на просто занимался тѣмъ, что уничтожалъ даже всякій слѣдъ достигнутаго имъ результата, все, что могло бы указать на него людямъ, интересующимся этимъ дѣломъ. Теперь рѣшительно не осталось ни малѣйшаго признака того, что у него былъ въ рукахъ этотъ способъ!

— Неужели?—воскликнулъ глубоко пораженный Рэй.—Мнѣ ужасно жаль.

Старикъ не слыхалъ его или не обратилъ вниманія на его слова.

— Онъ былъ цѣлый день страшно возбужденъ, и мои дочери пошли погулять съ нимъ, чтобы немного успокоить его нервы. Онъ думаетъ, что дѣйствовалъ по внушенію внутренняго Голоса, руководящаго его дѣйствіями. Я въ этихъ вещахъ ничего не понимаю; но всѣ подобныя внушенія съ того свѣта, по моему мнѣнію, вредны. Интересовались ли вы когда нибудь явленіями такъ называемаго спиритизма?

Рэй отрицательно покачалъ головой.

— О нѣтъ!—съ отвращеніемъ сказалъ онъ.

— Ну, а у насъ въ общинѣ одно время втянулись, было, въ эти глупыя мистеріи, но я не поддержалъ этого направленія. Я не опровергаю мнѣній спиритуалистовъ, но не вижу отъ нихъ никакой практической пользы для дѣла. Поэтому я употребилъ все мое вліяніе на Анселя, чтобы предосте-

речь его противъ этого Голоса, который, очевидно, является остаткомъ какого-то необыкновеннаго событія во время его жизни у шэкеровъ. За послѣднее время Голосъ молчалъ, и мы только смѣялись надъ нимъ. Но Ансель человѣкъ болѣзненный и, во время его работы надъ усовершенствованіемъ аппарата, находился въ несовсѣмъ благопріятныхъ условіяхъ. Онъ сталъ думать объ искупленіи, о жертвѣ. Это по всей вѣроятности остатки пуританизма его предковъ. Мнѣ кажется, тяжелыя условія городской жизни дурно повліяли на него. Они дѣйствуютъ на его воображеніе. Ему бы хорошо было уѣхать куда нибудь въ деревню; хотя я и не знаю, какъ бы это можно было устроитъ.

Хюзъ снова задумался, и Рэй спросилъ:

— Что онъ подразумѣваетъ подъ искупленіемъ?

Старикъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Чистые пустяки,—сказалъ онъ,—обрывки и лохмотья изъ временъ дѣтства человѣчества, изъ которыхъ оно давно выросло. Это—убѣжденіе въ томъ, что грѣхъ долженъ быть искупленъ какой-нибудь жертвой. Меня это раздражаетъ ужасно, и я послѣднее время мало обращалъ вниманія на его разговоры. Я воображалъ, что онъ успѣшно подвигается въ своей работѣ; самъ же былъ очень занятъ своей собственной. Такъ какъ мнѣ часто мѣшаетъ работать мое плохое здоровье, то я долженъ пользоваться всякой благопріятной минутой, чтобы писать. Кстати, у меня есть одно мѣсто, которое я только что окончилъ, когда вы позвонили, и относительно котораго я желалъ бы узнать ваше мнѣніе, если вы мнѣ позволите прочитать вамъ эти страницы. Это мнѣніе составляетъ совершенную противоположность тому, о чемъ мы сейчасъ говорили. Я сказалъ бы даже, что это объясненіе той истины, которую я всегда стараюсь внушить Анселю, а именно, что, находясь въ разгарѣ битвы, каждый долженъ сражаться и защищать себя, не теряя, конечно, изъ виду общей цѣли — утвержденія прочнаго мира.

Хюзъ порылся на столѣ, отыскивая сначала свои очки, а потомъ разбросанные листы своей рукописи.

— Да, на сторонникахъ соціальной реформы лежитъ особенная обязанность жить сообразно съ здравымъ смысломъ. Я разсматриваю этотъ вопросъ съ совершенно новой точки зрѣнія, и мнѣ кажется, что вамъ это будетъ интересно.

Старикъ читалъ очень долго. Наконецъ, Рэй услышалъ, какъ звякнулъ запоръ и стукнула дверь съ улицы. Смѣшанный шумъ шаговъ и голосовъ остановилъ чтеніе, которое Хюзъ, очевидно, желалъ продолжать, и чьи-то легкіе шаги поднялись по лѣстницѣ, тогда какъ внизу въ темнотѣ раздался говоръ. Рэй узналъ высокій, мягкій голосъ Піи.

— Постарайся, постарайся увѣриться, что это не были

слова того голоса, который ты слышалъ всегда прежде, и который всегда давалъ тебѣ добрые совѣты, — умоляющимъ тономъ говорила она.—Теперь это злой голосъ и ты долженъ повторять себѣ, что онъ злой и его не надо слушаться.

— Но слова, слова! Чьи это слова! *Безъ пролитія крови:* что это значитъ? Если я совершилъ грѣхъ, изобрѣтая новый способъ, то какъ я долженъ искупить этотъ грѣхъ?

— Опять эта отвратительная безсмыслица,—хриплымъ шопотомъ заговорилъ старый Хюзъ, заглушая дальнѣйшія слова Дэнтона.—Невозможно отвлечь его отъ этой мысли. Людямъ нечего заботиться объ искупленіи грѣховъ, они только обязаны перестать дѣлать зло... Но съ нимъ говорить все равно, что съ безсмысленнымъ существомъ!

Рэй жадно прислушился къ словамъ Піи, отрывками долетавшимъ до него. Онъ услышалъ:

— ... справедливости, а не жертвы. Если ты постараешься быть справедливымъ и... и будешь добръ, тогда...

— Я постараюсь, Пія, я постараюсь. О, Боже, помоги мнѣ!—произнесъ низкій голосъ Дэнтона.—Повтори эти слова. Голосъ продолжаетъ говорить другія — но я буду повторять за тобой!

— Я хочу справедливости.

Въ голосѣ молодой дѣвушки послышалась нота, задѣвшая Рэя за самое сердце и заставившая его вскочить на ноги. Хюзъ остановилъ его за руку.

— Я хочу справедливости,—повторилъ Дэнтонъ.

— А не жертвы,—произнесъ дрожащій голосъ дѣвушки.

— А не жертвы,—благоговѣйно повторилъ онъ.—Я хочу справедливости безъ пролитія крови—это смѣшивается въ одно—я не могу не слушать Голоса!.. а не жертвы. Что такое справедливость? Развѣ это не то же, что жертва?

— Да, это самопожертвованіе! Наши эгоистическія желанія...

— Я сжегъ ихъ въ огнѣ и пепелъ развѣялъ по вѣтру!

— И всѣ мрачныя и болѣзненныя мысли, которыя печалятъ другихъ людей...

— О, ты знаешь, я никого не хотѣлъ бы огорчать! Ты знаешь, какъ сердце мое страдаетъ отъ мірскихъ невзгодъ и несчастій.

— Оставьте ее!—своимъ густымъ шопотомъ сказалъ старый Хюзъ Рэю, почувствовавъ по движенію мускуловъ его руки, что онъ порывается туда. Она съ нимъ справится.

— Но повтори еще разъ эти слова!—умолялъ Дэнтонъ.— Голосъ выгоняетъ ихъ изъ моей головы.

Она сказала текстъ и заставила его повторить слово въ слово, какъ мать заставляетъ ребенка повторять за нею слова молитвы.

— Хорошенько постарайся, Ансель! Помни о дѣтяхъ и о бѣдной Дженни!

— Да, да, я постараюсь, Піа! Бѣдная Дженни! Мнѣ очень жаль ее! А дѣти—ты знаешь, я вѣдь ни за что на свѣтѣ не желалъ бы причинить вреда никому—вѣдь ты знаешь это Піа?

— Да, я знаю, Ансель, какой ты милый и добрый, и увѣрена, что ты скоро увидишь все это въ настоящемъ свѣтѣ. Теперь же ты слишкомъ возбужденъ.

— Ну, повтори же это еще разъ и тогда я уже хорошо запомню.

Она еще разъ сказала слова, а онъ повторилъ за ней совершенно вѣрно, не примѣшивая къ нимъ другихъ. Затѣмъ раздались его шаги по лѣстницѣ и дикій хохотъ.

— Дженни! Дженни! теперь все какъ слѣдуетъ, Дженни!—кричалъ онъ, входя въ квартиру и слышно было, какъ онъ колотилъ въ запертую отъ него дверь. Дверь, вѣроятно, отворилась, потому что слышно было, какъ она захлопнулась опять. Затѣмъ все стихло, и слышалось только чье-то тихое рыданіе внизу, въ сѣняхъ. Потомъ легкіе шаги поднялись по лѣстницѣ и пропали въ другой сторонѣ квартиры.

— Теперь, молодой человѣкъ,—сказалъ Хюзъ,—вамъ лучше уйти. Піа сейчасъ зайдетъ сюда поглядѣть на меня, и ей будетъ непріятно увидѣть здѣсь посторонняго—теперь все въ порядкѣ.

— Не лучше-ли мнѣ остаться, мистеръ Хюзъ? Можетъ быть я чѣмъ нибудь могу быть полезенъ?

— Нѣтъ. Я отложу чтеніе до другого раза. Вы вѣдь скоро опять зайдете къ намъ? Мы отлично справимся... Мы ужъ привыкли къ этимъ припадкамъ ипохондріи у Анселя.

XXXI.

Рэю оставалось только уйти. Онъ сошелъ внизъ и вышелъ на улицу, но не могъ отойти отъ дома. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ, раздумывая, не вернуться-ли и не позвонить ли опять. Когда онъ рѣшился сдѣлать это, то увидѣлъ, что огонь въ окнахъ на улицу погасъ. Это заставило его измѣнить рѣшеніе и уйти домой.

Онъ не спалъ всю ночь, а на другой день утромъ рано отправился къ издателямъ. Онъ увидѣлъ Пію, сидѣвшую за работой въ комнатѣ мистера Чапли. Ему хотѣлось войти, поговорить съ ней и узнать отъ нея, что все у нихъ благополучно, но онъ не имѣлъ права сдѣлать это. Справившись нѣсколько со своей тревогой, онъ пошелъ къ Кэйну и разсказалъ ему о вчерашнемъ случаѣ.

— Обо всемъ этомъ я узналъ случайно,—пояснилъ онъ,— но я думалъ, что вы знаете.

— Конечно, знаю,—отвѣчалъ Кэйнъ; но онъ, очевидно, былъ менѣе встревоженъ, чѣмъ ожидалъ Рэй, или не показывалъ своего волненія.

— Каковъ бы ни былъ Дэнтонъ,—сказалъ онъ,—но вѣдь Хюзъ не сумасшедшій; эта исторія продолжается должно быть уже довольно долго и онъ знаетъ, до чего это можетъ дойти. Но я поговорю объ этомъ съ Чапли, ихъ нельзя предоставлять такъ самимъ себѣ.

Дни проходили, и Рэй постоянно видѣлъ Пію на обычномъ мѣстѣ въ конторѣ. Тревога о положеніи вещей въ ихъ домѣ уступила въ немъ мѣсто вопросу о его собственныхъ отношеніяхъ къ ней... Ему хотѣлось загладить свою вину и сознаться въ томъ, что онъ былъ не правъ. Послѣ долгой внутренней борьбы, онъ, наконецъ, снова пошелъ за совѣтомъ къ Кэйну. Но сначала они заговорили о состояніи Дэнтона. Затѣмъ Рэй, дѣлая видъ, что упоминаетъ объ этомъ какъ бы случайно, сказалъ:

— Кстати, я, кажется, не говорилъ вамъ, что великая тайна относительно моей рукописи разъяснилась.

Кэйнъ не могъ сразу припомнить, въ чемъ заключалась эта тайна, и Рэю пришлось объяснить:

— Тотъ неизвѣстный пріятель мой, который отказался просмотрѣть мою рукопись вторично, былъ, повидимому...—миссъ Хюзъ.

Кэйнъ помолчалъ немного, потомъ произнесъ только: о! и затѣмъ спросилъ, какъ о самой незначительной вещи:

— Какъ же вы это узнали?..

— Какъ только она узнала, что я подозрѣваю васъ,—она послала мистера Брандрета сказать мнѣ, что это были не вы.

— Ну, конечно. И онъ сказалъ вамъ, кто это былъ?

— Онъ долженъ былъ сказать мнѣ, если бы я этого захотѣлъ. Но я зналъ, что это не можетъ быть никто, кромѣ нея, и пошелъ къ ней объясниться по этому поводу.

— Ну и что же?—спросилъ Кэйнъ съ такимъ ожиданіемъ въ голосѣ и взглядѣ, что Рэю стало трудно продолжать.

— Ну, я разыгралъ дурака. Я представился, будто думаю, что она поступила дурно относительно меня. Однимъ словомъ... я не знаю... я постарался ее увѣрить въ этомъ.

— И вамъ удалось?

— Мнѣ удалось ужасно огорчить ее.

— Это тоже удача... своего рода,—сказалъ Кэйнъ и откинулся на спинку кресла, глядя пристально въ огонь, между тѣмъ какъ Рэй смущенно сидѣлъ по другую сторону камина.

— Она сказала вамъ, почему она не хотѣла просмотрѣть рукопись во второй разъ?—спросилъ, наконецъ, Кэйнъ.

— Нѣтъ, прямо не сказала.

— Вы спрашивали?

— Кажется, что нѣтъ.

— Но вы знали?

— Это очень просто,—сказалъ Рэй.—Она не хотѣла просматривать рукопись, потому что не стоило смотрѣть. Я это зналъ. Это-то и огорчило меня и... и заставило огорчить ее.

Кэйнъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія, но черезъ минуту спросилъ:

— Все это случилось теперь? Вы теперь только узнали объ этомъ?

— О нѣтъ! я человѣкъ дурной, но не такъ ужъ дуренъ, какъ вы думаете,—сказалъ Рэй, принужденно засмѣявшись.— Однако, я всетаки постарался поступить какъ можно хуже. Я пошелъ объясняться съ ней какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда услыхалъ тотъ разговоръ съ Дэнтономъ.

— О! и вы могли говорить съ ней послѣ этого?

Въ голосѣ Кэйна былъ упрекъ, который укололъ Рэя, и онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мистеръ Кэйнъ! я говорилъ съ ней до этого, а потомъ вернулся назадъ, чтобы сознаться ей, что я не правъ...— чтобы попросить у нея прощенія...—И тогда я уже увидѣлъ ея отца и услышалъ то, что я вамъ разсказывалъ.

— Ну, да, я не понялъ; я бы долженъ былъ представить себѣ, что такое предположеніе немыслимо,—сказалъ Кэйнъ.

Оба замолчали. Досада Рэя утихла, и ему стало стыдно.

— И вы хотите моего совѣта?—задумчиво спросилъ Кэйнъ.

— Да.

— Опредѣленнаго?

— Какъ можно опредѣленнѣе.

— Ну такъ, если вы дѣйствительно не знаете причины, почему такой добросовѣстный человѣкъ, какъ Піа, отказался просмотрѣть вторично вашу рукопись, когда судьба вашей книги была у нея въ рукахъ, то... вамъ лучше не ходить больше туда.

Кэйнъ говорилъ съ серьезностью, которая производила тѣмъ большее впечатлѣніе, что онъ рѣдко бывалъ серьезенъ. Рэй, почувствовалъ, какъ у него краснѣетъ подъ глазами.

— Вы говорите загадками,—началъ онъ.

— Нѣтъ, не думаю,—отвѣтилъ Кэйнъ, и оба замолчали.

Кто-то постучался въ дверь. Кэйнъ крикнулъ: «войдите», и вошелъ мистеръ Чапли.

Онъ поздоровался съ Кэйномъ и потомъ съ обычнымъ своимъ унылымъ видомъ подалъ руку Рэю.

— Я боюсь, что у бѣднаго Давида новое горе, Кэйнъ, — сказалъ онъ.

— Да?—спросилъ Кэйнъ, между тѣмъ какъ Рэй, затаивъ дыханіе, ожидалъ услышать, какое это было горе.

— Этотъ несчастный зять его,—хотя я и не знаю, за что бы я могъ осуждать его,—былъ гдѣ-то съ дѣтьми и заразилъ ихъ скарлатиной; а самъ лежитъ въ дифтеритѣ. Піа съ тѣхъ поръ все время дома и ухаживаетъ за ними.

— Они очень больны?—спросилъ Кэйнъ.

— Не знаю. Мнѣ не совсѣмъ-то удобно быть съ ними въ сношеніяхъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

— Вы можете безъ всякой натяжки сказать, что это прямо невозможно, Генри,—сказалъ Кэйнъ.

— Я думалъ повидаться съ ихъ докторомъ, — продолжалъ Чапли съ обычной своей тихой грустью.—Ахъ, зачѣмъ Давидъ не остался тамъ, гдѣ онъ былъ!

— Мы обыкновенно думаемъ, что эти вещи происходятъ случайно,—сказалъ Кэйнъ, но развѣ скарлатина и дифтеритъ не являются всюду? Въ городѣ, по крайней мѣрѣ, эти болѣзни удобнѣе лѣчить. Кто, вы говорите, лѣчитъ ихъ?

— Господи! да я и этого не знаю. Я обѣщалъ Брандрету разузнать, въ чемъ дѣло, — сказалъ мистеръ Чапли. — Онъ ужасно боится за своего ребенка, и въ моей семьѣ всѣ такъ трусятъ, что трудно что нибудь сдѣлать. Я бы самъ очень желалъ навѣстить бѣднаго Давида, но они и слышать объ этомъ не хотятъ. На нихъ напалъ какой-то паническій страхъ.

— Они совершенно правы, охраняя себя отъ заразы, — сказалъ Кэйнъ.—Я бы желалъ, однако, слышать, — прибавилъ онъ, — какъ Давидъ философствуетъ по этому поводу. Могу себѣ представить, какъ онъ посмотритъ на усилія каждаго изъ насъ избѣжать послѣдствій того, за что, въ сущности, отвѣтственны всѣ мы, все общество.

— Виной всему цивилизація,—сказалъ мистеръ Чапли.

— Отлично,—отвѣчалъ Кэйнъ,—и однако мы видимъ, что наши индѣйцы тоже жестоко страдаютъ отъ зубной боли и отъ ревматизма. Вы слишкомъ далеко заходите съ вашимъ возвращеніемъ къ природѣ, Генри. Природа должна встрѣчать человѣка на полдорогѣ.

Глаза Кэйна заблестѣли отъ удовольствія при удачной фразѣ, и Рэй замѣтилъ, что литературный интересъ начиналъ перевѣшивать въ его умѣ сердечное участіе.

— Земля опасная планета, — продолжалъ онъ, — большой вопросъ, какъ убраться съ нея по добру по здорову.

При этихъ словахъ все лицо Кэйна освѣтилось улыбкой. Онъ былъ глубоко доволенъ своимъ парадоксомъ.

Отъ равнодушнаго разговора двухъ стариковъ у Рэя похолодѣло на сердцѣ. Для него, по крайней мѣрѣ, было совершенно ясно, что дѣлать: полчаса спустя онъ стоялъ у дверей квар-

тиры Хюзовъ и смотрѣлъ на мелькавшій въ освѣщенномъ окнѣ силуэтъ миссисъ Дэнтонъ.

— О, миссисъ Дэнтонъ, — закричалъ онъ,—какъ здоровье дѣтей?

— Я... я не знаю. Они очень больны. Докторъ боится...

— О!—простоналъ Рэй,—угадавъ, что она хотѣла сказать.— Могу я помочь? Могу я сдѣлать что нибудь! Можно мнѣ войти?

— О да, — машинально отвѣчала она, и Рэй двинулся, чтобы взойти по лѣстницѣ, когда увидѣлъ, что кто-то отвелъ миссисъ Дэнтонъ отъ окна, у котораго теперь вмѣсто нея стояла Пія.

— Не ходите наверхъ, мистеръ Рэй! — сказала она.—Вы все равно ничего не можете сдѣлать. Это опасно.

— Я не боюсь опасности, — началъ онъ.—Вѣдь кто нибудь долженъ же помочь вамъ. Вашъ отецъ...

— Мой отецъ не нуждается въ помощи, и мы также. Не стойте здѣсь, съ каждой минутой опасность ростетъ!

— Но *вы*, вы сами въ опасности! Вы...

— Это мое *право*. А вы этого права не имѣете. Ради Бога, уйдите!

Она заломила руки, и онъ слышалъ, что она заплакала.

— Благодарю васъ за то, что вы пришли. Я боялась, что вы придете.

— Вы боялись!—радостно воскликнулъ онъ.—Какъ я радъ! Вы знаете, значитъ, что я почувствовалъ, когда обдумалъ то, что сказалъ вамъ.

— Да, но только теперь уходите!

— Какъ же я могу это сдѣлать? Мнѣ будетъ стыдно...

— Нѣтъ, вы не должны стыдиться, уйдите,—умоляла она.— Вы подвергаете опасности другихъ. Вы должны уйти,—повторила она настойчиво.

— Хорошо, но я приду опять. Я долженъ знать, что съ вами. Когда я могу придти опять?

— Я не знаю. Вы не должны входить въ домъ.—Она подумала съ минуту. — Когда вы придете, я буду говорить съ вами изъ того окна, надъ дверью. Если вы позвоните два раза, я буду знать, что это вы.

Она затворила дверь, и ему оставалось только удалиться. Это было не особенно героично, даже походило на трусость и онъ уходилъ неохотно.

Послѣ этого каждый день два раза, рано утромъ и поздно вечеромъ, онъ звонился у двери. Сосѣди понимали, что это былъ другъ, который служилъ для затворниковъ посредникомъ съ остальнымъ міромъ; но случайные прохожіе принимали эти печальныя встрѣчи за свиданія влюбленныхъ. Иные

останавливались, чтобы послушать, но тотчасъ же проходили мимо. Они слышали только озабоченные вопросы и безнадежные отвѣты. Когда Рэй пришелъ на третье утро, Піа сказала ему, что малютки умерли. Они оставили міръ вмѣстѣ, какъ и явились въ него. Рэй стоялъ рядомъ съ ихъ матерью около могилы, въ которую ихъ положили, и она опиралась на его руку, какъ на руку брата. Ея мужъ былъ слишкомъ боленъ, чтобы присутствовать на похоронахъ, а о присутствіи Хюза, очевидно, не было и рѣчи. Но Піа была здѣсь. Погода была такая, какая часто бываетъ въ концѣ марта: какъ будто грустная, какъ будто разочаровавшаяся въ своихъ надеждахъ на наступленіе весны. Рэй проводилъ Дженни и Пію до дому.

Мать все время говорила о малюткахъ, какъ будто бы онѣ все еще были живы.

— О, я очень хорошо знаю, что ихъ больше нѣтъ,—сказала она, отказываясь отъ всякихъ иллюзій,—и что я никогда не увижу ихъ; можетъ быть отецъ хочетъ думать иначе... Ну, чтожъ, мнѣ кажется, что я не такъ ужъ достойна порицанія... Вѣдь я не сама себя создала, я не просилась родиться на свѣтъ, такъ же, какъ и они.

У нея было на лицѣ то же растерянное, безнадежное выраженіе, которое Рэй видѣлъ у нея въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ ея близнецовъ выбросилъ ея кошелекъ за окно: она словно оцѣпенѣла отъ изумленія.

Они почти не прерывали ее; только на ея послѣднія слова Піа сказала:

— Объ этомъ надо еще подумать, Дженни.

На что та за-думчиво отвѣчала:

— Ты полагаешь, Піа?—ну хорошо!

XXXII.

Піа нѣсколько недѣль не возвращалась къ своей работѣ въ издательской конторѣ. Дѣлъ накоплялось все болѣе и болѣе, и мистеръ Брандретъ попросилъ Рэя помочь разобраться въ нихъ. Теперь они видѣлись такъ часто, что ихъ дружескія отношенія пріобрѣли характеръ интимности. Люди вообще сближаются быстро, даже и въ позднѣйшіе годы жизни, въ молодости же это сближеніе происходитъ скачками. Не прошло и недѣли, какъ Рэй уже узналъ, что миссисъ Чапли, (впрочемъ, добрѣйшее существо въ мірѣ и самая любящая изъ матерей и бабокъ) оказываетъ всетаки, по мнѣнію мистера Брандрета, дурное вліяніе на его жену, а черезъ нее и на сына. Она разстраиваетъ миссисъ Брандретъ своими нескончаемыми посѣщеніями,

а разъ даже дала ребенку лѣкарство, котораго, очевидно, вовсе не слѣдовало давать.

— Право, бѣдный ребенокъ проглотилъ такъ много белладоны, которою его пичкаютъ въ предохраненіе отъ скарлатины, что, кажется, у него начинаетъ уже портиться зрѣніе. Зрачки у него ужасно расширены, и онъ не видитъ уже въ половину такъ ясно, какъ видѣлъ еще двѣ недѣли назадъ. Я ужъ и не знаю, когда миссисъ Чапли позволитъ миссъ Хюзъ опять приходить сюда. Конечно, я и самъ стою за мѣры предосторожности и никогда не простилъ бы себѣ, если бы что нибудь случилось; но я не желаю быть рабомъ своихъ опасеній или страховъ моей тещи—не правда-ли?

При этомъ онъ пожелалъ знать мнѣніе Рэя относительно того, не лучше-ли нанять на лѣто дачку близь Нью-Іорка, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ деревню въ Массачузетсъ, гдѣ Чапли имѣютъ домъ и гдѣ его мать живетъ круглый годъ. Когда же Рэй отказался дать свое мнѣніе относительно такого черезъ-чуръ личнаго вопроса, Брандретъ предложилъ ему чисто отвлеченнымъ образомъ принять въ соображеніе, что обѣ бабки будутъ все лѣто грызться изъ-за ребенка, отъ котораго, въ концѣ концовъ, ничего не останется. И ужъ навѣрное онѣ разстанутся врагами.

— Я скажу вамъ и еще одну причину, по которой я желалъ бы не оставлять дѣла даже на время,—сказалъ мистеръ Брандретъ. И онъ весьма подробно и откровенно изложилъ Рэю—слушавшему его съ участіемъ, внушавшимъ довѣріе,—состояніе дѣлъ фирмы.

— Видите-ли, мистеръ Чапли нисколько не заботится о томъ, какія книги идутъ и какія нѣтъ... И мнѣ приходится все болѣе и болѣе забирать бразды правленія въ свои руки.

Мимоходомъ мистеръ Брандретъ распространился о своемъ собственномъ характерѣ и косвеннымъ образомъ воздалъ должную дань своимъ дѣловымъ талантамъ.

— Я, разумѣется, не могу утверждать,—сказалъ онъ,—что обладаю опытностью нѣкоторыхъ пожилыхъ людей; но я всетаки полагаю, что опытность не имѣетъ въ издательствѣ и половины того значенія, которое они ей приписываютъ... Я могу это доказать изъ ихъ же собственнаго примѣра. Всѣ они сознаются, что никто не можетъ предугадать судьбу книги. Разумѣется, если вы имѣете въ рукахъ книгу извѣстнаго автора, то уже можно кое-на что разсчитывать, но всетаки это не такой уже большой шансъ, какъ они полагаютъ. Бываетъ нерѣдко, что совсѣмъ неизвѣстный писатель удачно попадетъ въ струю общественнаго настроенія и продается въ десять разъ больше, нежели извѣстный. Это чистая лотерея!

— Удивительно въ такомъ случаѣ, какъ вамъ позволяютъ разсылать ваши объявленія по почтѣ,—замѣтилъ Рэй.

— Ну, это ужъ не такъ худо, какъ кажется,—отвѣчалъ Брандретъ,—хотя тамъ немало номеровъ совсѣмъ невыигрышныхъ. Мнѣ кажется, моральная разница между дѣловыми предпріятіями и азартной игрой заключается въ томъ, что въ предпріятіяхъ, работая изъ за средствъ къ жизни, вы не стремитесь, однако, пріобрѣсти нѣчто за ничто, хотя, конечно, стараетесь купить какъ можно дешевле и продать какъ можно дороже. Относительно книжной торговли дѣло стоитъ, пожалуй, еще лучше. Въ книгу вы вкладываете капиталъ и имѣете право ожидать, что получите отъ нея выгоду. Это я всегда и объясняю мистеру Чапли, когда на него нападаетъ порой одно изъ этихъ «толстовскихъ» настроеній. Тогда, знаете ли, онъ готовъ раздать свои деньги бѣднымъ и ѣсть свой хлѣбъ въ потѣ лица.

Оба молодые человѣка разсмѣялись этой странной концепціи долга, затѣмъ мистеръ Брандретъ продолжалъ:

— Да, вотъ если бы я могъ напасть на хорошій, солидный, жизненный романъ...

— Какъ,напримѣръ,«Современный Ромео»—подсказалъ Рэй.

Мистера Брандрета слегка покоробило...

— Ахъ, да, да...—сказалъ онъ, видимо желая поскорѣе оставить эту тему. — Такъ вотъ, я все спорю съ мистеромъ Чапли, такъ что это мнѣ даже надоѣло. Ну, чтожъ, можетъ быть, въ этомъ отчасти виноватъ его возрастъ. Каждый человѣкъ, доживая до лѣтъ мистера Чапли, стремится жить въ деревнѣ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ онъ будетъ жить въ Хотборо, въ Массачузетсѣ. Гдѣ бы вы тамъ ни остановились, разъѣзжая въ кабріолетѣ, вы можете каждый разъ насчитать съ полдюжины покинутыхъ мызъ. Да, кстати,—сказалъ мистеръ Брандретъ, по ассоціаціи идей, которую не трудно было прослѣдить,—читали ли вы что нибудь изъ книги, которую пишетъ мистеръ Хьюзъ? Заглавіе у нея хорошее: «Критика міроваго устройства». Навѣрное, первое изданіе разойдется мигомъ.

— Да,—прежде даже, чѣмъ люди раскусятъ, какая это сильная вещь. Онъ произноситъ смертный приговоръ всему современному строю общества; онъ читалъ мнѣ кое-что изъ нея.

— Ну чтожъ, ну чтожъ!—сказалъ нѣсколько смущенный Брандретъ,—это тоже можетъ пойти. Сильныя вещи нравятся, и публика любитъ, когда осуждаютъ общественный строй. Да и вообще, что грѣха таить, — всѣмъ нравится подрывать основы... Чортъ возьми! я бы охотно выпустилъ такую книгу на рынокъ. Только на нее посмотрятъ, пожалуй, какъ на проявленіе толстовскихъ идей мистера Чапли.

— А я полагалъ, что взгляды мистера Хюза совершенно противоположны взглядамъ Толстого. Онъ считаетъ его непрактикомъ,—сказалъ Рэй, улыбаясь про себя «практичности» Хюза.

— Это все равно. Публика стала бы называть книгу «толстовской» изъ за мистера Чапли. Публика ничего не понимаетъ. Вотъ вышла книга Беллами «Въ 2000-мъ году». Публика проглотила ее разомъ и даже не разобрала, что это крайняя форма соціализма. Вотъ если бы выпустить что-нибудь въ родѣ этой «Въ 2000 году»!

— Мнѣ слѣдовало сдѣлать тайнымъ анархистомъ моего зловреднаго кузена въ «Современномъ Ромео». Можетъ быть это принесло бы ему счастіе,—пошутилъ Рэй.

Рэй могъ смѣяться надъ своимъ забракованнымъ романомъ, но онъ всетаки оставался дорогъ ему. Мѣстами онъ казался ему значительной вещью. Сравнивая его мысленно съ другими появляющимися въ печати романами, онъ находилъ его гораздо лучше. Онъ все не могъ понять, почему эти романы находятъ издателей, а его книга ихъ не находитъ, и долженъ былъ вернуться къ своей теоріи удачи, которая сначала такъ сильно ободряетъ, а потомъ озлобляетъ. Къ надеждѣ, которая все еще жила въ немъ, примѣшивался какой-то цинизмъ.

XXXIII.

Когда Піа возвратилась къ своимъ занятіямъ въ конторѣ, мистеръ Брандретъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ разсказалъ Рэю, что она отказалась отъ платы за все время своего отсутствія и что ее ничѣмъ нельзя было убѣдить.

— Вѣдь они навѣрное вышли изъ бюджета, вслѣдствіе болѣзни, и мнѣ кажется, что зять-то ужъ цѣлый мѣсяцъ ничего не зарабатываетъ. Ну что тутъ подѣлаешь?

— Да, вы ничего тутъ не сдѣлаете,—сказалъ Рэй.

Ихъ нуждѣ, въ концѣ-концовъ, можно было какъ нибудь пособить, и не это безпокоило главнымъ образомъ Рэя въ его симпатіи къ Піи. Онъ видѣлъ, что она стояла совершенно одинокой въ виду заботъ, въ которыхъ онъ могъ принять такъ же мало участія, какъ и отецъ ея, постоянно витающій въ мечтахъ объ осуществленіи золотого вѣка. Общее горе, которое должно бы было по настоящему сблизить отца и мать умершихъ дѣтей, совершенно отдалило ихъ другъ отъ друга. Когда первые порывы печали миновали, миссисъ Дэнтонъ какъ будто не стала даже и замѣчать отсутствія дѣтей. Кошка, которую дѣти изрѣдка сгоняли съ мѣста, теперь уже окончательно поселилась у нея на колѣняхъ, и пустая болтовня Дженни по

поводу всего и всѣхъ продолжалась по прежнему; но къ ней теперь примѣшивалось еще больше иронiи по поводу припадковъ унынiя или экзальтацiи мужа. Хотѣла ли она возбудить его энергiю, часто и съ полной безпощадностью вспоминая о томъ, какъ онъ уничтожилъ свое изобрѣтенiе; или просто она хотѣла его уязвить,—этого Рэй не могъ рѣшить. Дэнтонъ по большей части держался въ сторонѣ отъ всѣхъ и представлялъ изъ себя безмолвную тѣнь, на что, однако, прочiе не обращали вниманiя. Иногда онъ вдругъ выпаливалъ какой нибудь вовсе неожиданный вопросъ или разрѣшался совсѣмъ неподходящимъ замѣчанiемъ, но большею частью онъ избѣгалъ даже отвѣчать, когда его о чемъ нибудь спрашивали. Когда жена начинала приставать къ нему, онъ уходилъ въ свою комнату и тамъ, по своей старой привычкѣ, говорилъ самъ съ собой. Иногда Рэю казалось, что онъ молится. Если онъ долго не возвращался, Пiа шла за нимъ, и тогда слышно было, какъ она его уговаривала.

— Она одна только и можетъ справляться съ Анселемъ,— мимоходомъ замѣтила однажды миссисъ Дэнтонъ.—У нея такъ много терпѣнiя съ нимъ, а у отца терпѣнiя не больше, чѣмъ у меня; но Пiа можетъ внушить ему почти все, что захочетъ, только вотъ не можетъ выбить у него изъ головы его идей о жертвѣ.

— О жертвѣ?—переспросилъ Рэй.

— Да. Я не знаю, что онъ подъ этимъ подразумѣваетъ; но онъ убѣжденъ, что поступилъ очень дурно, изобрѣтая этотъ способъ, и что онъ можетъ получить прощенiе, только благодаря какой-то жертвѣ. Онъ нашелъ это гдѣ-то въ Ветхомъ Завѣтѣ. Я очень жалѣю, что онъ не жилъ во времена пророковъ; онъ навѣрное сошелъ бы тоже за пророка. Онъ все говоритъ, что долженъ принести жертву; но у насъ, мнѣ кажется, и жертвовать-то больше нечѣмъ. Развѣ только сжечь наши стулья въ отцовской печкѣ, такъ какъ уголь почти весь вышелъ.

Она остановилась и взглянула на Дэнтона, который вошелъ въ комнату съ книгой въ рукѣ. Пiа вошла вслѣдъ за нимъ.

— А, ты хочешь прочитать намъ что нибудь, Ансель?— спросила его жена, какъ будто поддразнивая его своей улыбкой.—Я право не понимаю, почему бы тебѣ не завести публичныхъ чтенiй. Ты вѣдь читаешь гораздо лучше тѣхъ проповѣдниковъ, которые читали у насъ въ Общинѣ. Къ тому же это ни у кого не отбиваетъ хлѣба. — Она повернулась къ Рэю.— Знаете, вѣдь Ансель отказался отъ мѣста, чтобы дать возможность получить его другому. Это самое меньшее, чѣмъ онъ могъ заплатить за нечестивое изобрѣтенiе, которое могло бы отнять заработокъ у такого множества людей.

Дэнтонъ, повидимому, не слышалъ ея. Онъ уставился своими мутными глазами на Рэя.

— Знаете вы эту поэму?—спросилъ онъ его.

— О да,—отвѣчалъ Рэй.

— Это ошибка,—продолжалъ Дэнтонъ,—все одна ошибка. Я хотѣлъ бы написать объ этомъ Теннисону. Я догадался въ чемъ дѣло: истинная жертва, это когда отдаешь самое лучшее. Не самое дорогое, а самое лучшее.

Слѣдующій день былъ воскресенье, и погода, какъ часто въ капризномъ нью-іоркскомъ климатѣ, послѣ нѣсколькихъ пасмурныхъ дней, вдругъ засіяла теплымъ, яснымъ солнцемъ. Улицы переполнились народомъ. Одни шли въ церкви по разнымъ направленіямъ, другіе длинной вереницей устремлялись къ желѣзнодорожнымъ станціямъ, и поѣзда были биткомъ набиты мужчинами, женщинами и дѣтьми, отправлявшимися въ паркъ. Когда Рэй пріѣхалъ туда съ однимъ изъ этихъ поѣздовъ, онъ увидѣлъ, что аллеи парка были полны экипажей, а боковыя дорожки кишѣли гуляющими, тогда какъ на скамейкахъ не было ни одного свободнаго мѣстечка. Всѣ онѣ были заняты тѣми, которые пришли сюда раньше и сидѣли, изнемогая отъ жары, подъ еще безлиственными деревьями. Трава уже была совсѣмъ зеленая, нѣкоторые кусты уже покрылись зеленовато-оливковыми почками. Рэй ушелъ вглубь парка. Вскорѣ онъ увидѣлъ на тропинкѣ, близь выступа скалы, сидящаго на скамьѣ человѣка. Такъ какъ на скамейкѣ было достаточно мѣста для двоихъ, то Рэй направился къ ней. Человѣкъ сидѣлъ, нагнувшись впередъ, его густые бѣлокурые волосы свисли на лобъ и придавали ему видъ пьянаго. Вдругъ онъ выпрямился, и Рэй узналъ Дэнтона. Лицо его было красно оттого, что затекло кровью, но когда кровь отхлынула прочь, то лицо эго показалось Рэю сильно похудѣвшимъ. Онъ смущенно глядѣлъ на Рэя, не узнавая его до тѣхъ поръ, пока тотъ не заговорилъ. Тогда онъ воскликнулъ: О! и протянулъ руку. Въ душѣ Рэя проснулась внезапная симпатія къ этому человѣку, котораго онъ всегда жалѣлъ, но котораго никогда не любилъ.

— Могу я сѣсть около васъ?—спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Дэнтонъ.— Садитесь. — Онъ посторонился.—Скамья не моя; это одна изъ немногихъ вещей въ этомъ проклятомъ городѣ, которая принадлежитъ каждому.

— Ну что-жъ,—весело отвѣчалъ Рэй,—вѣдь мы всѣ владѣльцы этого парка, хотя намъ и не позволяютъ ходить по нашей собственной травѣ.

— Да,—только не заставляйте меня думать объ этомъ. — Всего этого было слишкомъ много въ моей жизни. Мнѣ хочется уйти — уйти отъ всего. Мы уѣзжаемъ въ деревню. Знаете вы что-нибудь о покинутыхъ фермахъ въ Новой Ан-

тліи? Можемъ ли мы поѣхать туда и поселиться въ одной изъ нихъ?

— Право не знаю. Но что же вы сдѣлаете съ такой фермой? Вѣдь владѣльцы покинули эти мызы именно потому, что не могли существовать ими. Вамъ пришлось бы вести борьбу, которая вамъ не подъ силу. Подождите лучше, когда вы совсѣмъ оправитесь.

— Да, я боленъ, я никуда не гожусь. Но это было бы искупленіемъ.

Рэй помолчалъ немного. Затѣмъ, отчасти изъ желанія помочь бѣднягѣ ясно формулировать преслѣдующую его мысль, частью же изъ любопытства писателя проникнуть въ эту смущенную душу,—онъ сказалъ:

— Вы думаете, что это было бы искупленіемъ за ваше изобрѣтеніе?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это не то. То было самое заурядное преступленіе.

— Я, конечно, не имѣю права разспрашивать васъ,—сказалъ Рэй,—но бѣда въ томъ, что во всѣхъ такихъ случаяхъ человѣкъ никогда не можетъ искупить одинъ, а заставляетъ и другихъ лицъ участвовать въ искупленіи вмѣстѣ съ собой.

— Да, даже и согрѣшить человѣкъ не можетъ одинъ. Въ этомъ-то и заключается проклятіе. Да, кромѣ того, невинные должны страдать изъ за грѣшниковъ. Я говорю о дѣтяхъ.

— О дѣтяхъ?

— Да, вѣдь это я ихъ заставилъ умереть.

Рэй подумалъ, что его мучила совѣсть за то, что онъ не уберегъ дѣтей отъ заразы.

— Я думаю, что вы въ этомъ не виноваты,—сказалъ онъ.— Такая вещь можетъ случиться со всякимъ и, ради вашей семьи, вы должны посмотрѣть на это съ настоящей точки зрѣнія. Вы столько же виноваты въ смерти вашихъ дѣтей, сколько и я.

Рэй замолчалъ, а Дэнтонъ пристально смотрѣлъ на него, какъ бы прислушиваясь къ чему-то.

— Какъ? что?—спрашивалъ онъ тономъ человѣка, который не разслышалъ хорошенько и старается уловить какіе-то звуки.— Вы слышали?—спросилъ онъ.—Они оба говорятъ за разъ. Это потому, что они близнецы.

Онъ помоталъ головой и съ облегченіемъ сказалъ:

— Ну, теперь они кончили. Что вы сказали?

— Я ничего не сказалъ,—отвѣчалъ Рэй.

— Значитъ это былъ Голосъ! Видите, это была ошибка, что я не сдѣлалъ этого раньше, я долженъ былъ *отдать* ихъ, а не ждать, пока ихъ *возьмутъ*. Я не могъ этого понять, потому что при жизни они не умѣли говорить. Они могли полу-

чить способность говорить, только сдѣлавшись безплотными. Вотъ для этого-то они и умерли. Я думалъ, что если я убью богатаго человѣка, неправильно, жестоко нажившаго свои милліоны—понимаете?—то это удовлетворило бы справедливость и тогда началось бы царство мира и довольства. Но это было неправильно. Это заставило бы виновнаго пострадать за невиннаго, тогда какъ, наоборотъ, невинный долженъ пострадать за виновнаго. И всегда такъ: другого исхода нѣтъ. Теперь я это понимаю. О, моя душа, моя душа! Что? Нѣтъ! Да, да! Самое лучшее, самое чистое, самое кроткое? Это всегда такъ! Безъ пролитія крови нѣтъ отпущенія за грѣхи. Какъ вы думаете, кто въ Нью-Іоркѣ самая чистая, самая кроткая душа?

— Кто?—повторилъ Рэй.

— Да, — сказалъ Дэнтонъ. Потомъ перебилъ самъ себя:— Она сказала: Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!—Онъ вскочилъ на ноги.—За ихъ жизнь! ихъ жизнь! ихъ жизнь! Вотъ въ этомъ-то и было зло! Все это было не такъ—всегда! О моя душа! моя душа! Каково же должно быть возмѣщеніе?

Онъ пошелъ прочь, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, пустился бѣжать. Рэй смотрѣлъ ему вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока не потерялъ его изъ вида.

Онъ провелъ этотъ день въ безпокойствѣ и тревогѣ, а вечеромъ не выдержалъ и пошелъ къ Хюзамъ. Онъ засталъ ихъ всѣхъ дома и въ болѣе веселомъ настроеніи, чѣмъ за все последнее время со смерти дѣтей. Онъ попытался присоединиться къ легкомысленному подтруниванію миссисъ Дэнтонъ надъ мужемъ. Она была необычно ласкова съ нимъ и осыпала его комплиментами относительно его талантовъ и наружности; блѣдность, по ея мнѣнію, была ему очень къ лицу.

— Вы знаете,—спросила она Рэя,—что мы всѣ уѣзжаемъ въ Нью-Гэмпширъ и будемъ жить на покинутой фермѣ?

Она заставила Дэнтона достать скрипку, и онъ долго игралъ на ней. Вдругъ онъ остановился и видимо сталъ къ чему-то прислушиваться.

— Да!—крикнулъ онъ вдругъ и, ударивъ свою скрипку о спинку стула, разбилъ ее въ дребезги. Онъ вскочилъ на ноги, словно изумленный тѣмъ, что случилось. Затѣмъ, обращаясь къ Піи, сказалъ: «Я приводилъ васъ всѣхъ въ тревожное состояніе, не правда ли?»

— Долженъ же человѣкъ дѣлать хоть *что-нибудь*, чтобы жить,—смѣясь отвѣчала его жена.

Дэнтонъ только поглядѣлъ на нее съ какимъ-то изумленіемъ, затѣмъ, покружившись по комнатѣ, схватилъ со стѣны свою шляпу и бросился внизъ по лѣстницѣ, на улицу.

Хюзъ вошелъ въ комнату съ перомъ въ рукѣ и хриплымъ шопотомъ спросилъ:

— Что случилось?

Никто не отвѣчалъ, но осколки скрипки говорили сами за себя.

— Опять должно быть продѣлки этого сумасшедшаго. Это переходитъ, наконецъ, всѣ границы терпѣнія. Онъ и всегда-то отличался крайней непрактичностью, а теперь ужъ и совсѣмъ съ толку сбился.—Онъ продолжалъ шевелить губами, но изъ нихъ не вылетало ни звука.

Миссисъ Дэнтонъ разразилась неудержимымъ хохотомъ.

— Вотъ потѣха-то!—говорила она,—у Анселя цѣлыхъ *два* голоса, а у отца нѣтъ и одного!

Губы старика продолжали шевелиться, и онъ, наконецъ, произнесъ:

— Сумасшедшій! совершенно сумасшедшій!

— О, нѣтъ, отецъ!—сказалъ Піа, подходя къ нему.—Ты знаешь, что Ансель не сумасшедшій. Онъ перенесъ большое горе, и онъ добрый—ты знаешь, что онъ добрый! Онъ много работалъ для всѣхъ насъ, и я не могу выносить, когда его бранятъ.

— Ну, такъ пусть онъ будетъ поблагоразумнѣе,—отвѣчалъ отецъ.—Я его не осуждаю; но его безуміе выводитъ меня изъ себя. Если не для своей семьи, то для дѣла, которому онъ служитъ, онъ обязанъ быть благоразумнымъ и практичнымъ. Когда онъ придетъ, скажи ему, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ,—я хочу поговорить съ нимъ,—прибавилъ онъ авторитетнымъ тономъ патріарха.—Давно ужъ мнѣ пора побесѣдовать съ нимъ. Эти сумасбродства въ семьѣ становятся очень утомительными. Я не могу ни на чемъ сосредоточиться.

Онъ ушелъ въ свою комнату, и они услышали, какъ онъ кашлялъ. Наступила тяжелая минута, въ которой не было, однако, того чувства достоинства, которое мы любимъ присоединять къ мысли о страданіи. Рэй не смѣлъ уйти, ему было страшно неловко. Онъ посмотрѣлъ на Пію, какъ бы ища у нея поддержки; но она сидѣла, закрывъ лицо руками. Онъ старался не глядѣть на миссисъ Дэнтонъ, которая между тѣмъ говорила:

— Мнѣ кажется, что отецъ правъ и, если Ансель не можетъ сдерживать себя, то пусть онъ лучше уйдетъ отъ насъ. Мнѣ кажется, онъ имѣетъ очень нехорошій видъ,—какъ вы находите, мистеръ Рэй?

Онъ не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ и думалъ, что ему дѣлать.

Піа отняла руки отъ лица и взглянула на него. По этому взгляду онъ догадался о ея желаніи, чтобы онъ ушелъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но внизу, въ темныхъ сѣняхъ остановился на минуту, думая, къ кому бы обратиться за помощью. Онъ перебралъ въ умѣ мистера Чапли, Брандрета, Кэйна и не оста-

новился ни на одномъ изъ нихъ. Потомъ ему пришелъ въ голову докторъ, лѣчившій Кэйна.

Онъ никогда не видалъ его, но представлялъ его себѣ самымъ умнымъ и самымъ знающимъ человѣкомъ. Да, конечно, надо поговорить съ докторомъ; но надо разсказать ему это въ видѣ предположенія... тогда, если докторъ не сочтетъ это серьезнымъ, никто не будетъ скомпрометированъ. Этотъ докторъ долженъ быть человѣкомъ очень проницательнымъ, человѣкомъ съ большимъ умомъ и съ добрымъ сердцемъ. Впрочемъ, нѣтъ... можно обратиться и къ первому встрѣчному доктору—все равно.

Онъ шарилъ рукою, нащупывая впотьмахъ засовъ, запирающій входную дверь, когда снаружи кто-то всунулъ въ замокъ ключъ, и дверь распахнулась съ такой силой, что отбросила его къ стѣнѣ. Прежде чѣмъ дверь снова захлопнулась, онъ разглядѣлъ наклоненную впередъ фигуру Дэнтона, взбѣгавшаго по лѣстницѣ.

Рэй побѣжалъ за нимъ.

— Время настало!—закричалъ Дэнтонъ, когда они вмѣстѣ вломились въ комнату! Время настало! Они зовутъ тебя, Піа! Ты не позволяла мнѣ отдать ихъ; но они примирили Его съ тобой, и Онъ принимаетъ тебя вмѣсто нихъ!

Старикъ Хюзъ вышелъ изъ своей комнаты и стоялъ, нахмуривъ брови болѣе съ неудовольствіемъ, нежели съ опасеніемъ.

— Перестань ты со своими глупостями!—повелительно закричалъ онъ.—Какую ты еще тамъ чепуху несешь?

Жена Дэнтона прижалась въ самый отдаленный уголъ, не выпуская, однако, кошку изъ рукъ. Піа стояла посреди комнаты и глядѣла на него. Онъ словно не замѣчалъ присутствія Хюза и только отстранилъ его рукой, когда онъ направился къ дѣвушкѣ.

Рэй проскользнулъ между ними, и Дэнтонъ поглядѣлъ на него мутными, словно пьяными глазами.

— О! вы все еще здѣсь?—Какое-то хитрое выраженіе блеснуло въ его глазахъ и голосъ его понизился. Онъ держалъ правую руку въ карманѣ и видѣлъ, что Рэй не упускаетъ эту руку изъ глазъ. Дэнтонъ прошелъ мимо него, лѣвой рукой отвелъ руки Піи, которыми она машинально закрыла себѣ лицо, и удержалъ ихъ въ своей рукѣ. Рэй подскочилъ къ нему и схватилъ его за кисть правой руки.

— Держите его крѣпче!—закричалъ Хюзъ, присоединяясь къ Рэю.—Онъ держитъ что-то въ карманѣ! Бѣги къ окну, Дженни, и зови на помощь!

— Нѣтъ, нѣтъ, Дженни, не зови!—умоляла Піа—Не зови! Ансель мнѣ не сдѣлаетъ зла! Я знаю, вѣдь онъ послушается меня,—да, Ансель? О! что же это ты хочешь дѣлать?

— Вотъ!—кричалъ Дэнтонъ,—прими это и въ одну секунду ты будешь съ ними—и грѣхъ будетъ отпущенъ!—Онъ старался достать до ея рта рукой, которую онъ до того держалъ въ карманѣ.

— Разожмите его руку,—закричалъ Хюзъ.—Разожмите! можетъ быть, у него ножъ!

— О, не дѣлайте ему вреда!—умоляла Піа,—онъ мнѣ ничего не сдѣлаетъ.

Дэнтонъ внезапно отпустилъ ее, и она упала на полъ безъ чувствъ. Рэй бросился къ ней и простеръ руки, защищая ее.

Дэнтонъ не смотрѣлъ на нихъ. Нѣсколько секундъ онъ къ чему-то прислушивался, затѣмъ съ дикимъ крикомъ бросился въ сосѣднюю комнату. Дверь съ трескомъ захлопнулась за нимъ, и тотчасъ же послышался звукъ тяжело падающаго тѣла. На улицѣ въ ночной тишинѣ явственно прошумѣлъ несущійся мимо поѣздъ. Какой-то острый, горькій запахъ мгновенно перенесъ Рэя въ раннее дѣтство, и онъ вспомнилъ, какъ во время грозы вѣтеръ сорвалъ цвѣты съ персиковаго дерева и развѣялъ ихъ вокругъ дома. Ѣдкій запахъ этихъ цвѣтовъ глубоко врѣзался тогда въ его дѣтскій мозгъ.

— Это синильная кислота,—прошепталъ Хюзъ. Онъ слабыми шагами подошелъ къ двери и отворилъ ее. Дэнтонъ лежалъ на полу, головой къ двери, и старикъ долго смотрѣлъ въ его мертвое лицо.

— Должно быть этотъ ядъ и былъ у него въ рукѣ,—сказалъ онъ.

XXXIV.

— Послушайте-ка, голубчикъ, у меня есть хорошая новость для васъ,—сказалъ мистеръ Брандретъ, когда Рэй на слѣдующее утро показался въ дверяхъ маленькаго кабинета издателя. Рэю казалось, что у него на лицѣ отпечатано все, что случилось въ эту ночь, но Брандретъ не замѣтилъ въ немъ ничего особеннаго.

— Издатель «Каждаго Вечера» только что былъ здѣсь; онъ хочетъ предложить вамъ вести литературный отдѣлъ въ его газетѣ.

Рэй разсѣянно смотрѣлъ передъ собой. Мистеръ Брандретъ продолжалъ, видимо довольный за него:

— Онъ все не ладилъ съ сотрудникомъ, который велъ у него этотъ отдѣлъ, и вчера дѣло дошло до окончательнаго разрыва. Вотъ онъ и предлагаетъ вамъ попробовать. У него явились на этотъ счетъ новыя идеи. Ему хочется сдѣлать изъ суббот-

няго номера нѣчто совершенно литературное—однимъ словомъ возобновить прежній фельетонъ. Если вы примете на себя эту должность, то вы можете помѣстить вашего «Современнаго Ромео» въ фельетонѣ, а если онъ будетъ имѣть успѣхъ въ фельетонѣ, мы напечатаемъ его отдѣльно! Лучше всего, ступайте къ нему сейчасъ. Какой странный оборотъ принимаютъ иногда обстоятельства! Онъ разсказываетъ, что ѣхалъ по Бродвэю и вдругъ ему бросилось въ глаза имя Коклена на столбѣ у театра. Это напомнило ему о васъ. Ему очень понравилась тогда статья, которую вы ему написали, и вотъ, проѣзжая мимо нашей конторы, онъ выскочилъ изъ экипажа, чтобы спросить о васъ. Я сказалъ ему по этому поводу нѣсколько очень внушительныхъ словъ, и онъ сгораетъ желаніемъ васъ видѣть.

Рэй выслушалъ пассивно и равнодушно это извѣстіе, которое въ другое время исполнило бы его надеждами и радостью. Мистеръ Брандретъ подумалъ, должно быть, что Рэй ошалѣлъ отъ счастья, и заговорилъ тономъ человѣка, который, чтобы доставить удовольствіе другому, забываетъ осторожность и готовъ зайти слишкомъ далеко въ обѣщаніяхъ.

— Дѣло въ томъ, что я самъ подумываю о вашемъ романѣ. Мнѣ хочется попробовать *какой-нибудь* романъ, и я хочу попросить васъ показать мнѣ его еще разъ. Теперь я прочту его самъ. Говорятъ, что издатель никогда не долженъ читать книгу, которую намѣревается издавать, но на этотъ разъ я сдѣлаю исключеніе ради васъ.

Лицо Рэя не измѣнялось, и мистеръ Брандретъ вдругъ замѣтилъ эту странность.

— Да что съ вами? Случилось съ вами что нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ,—едва выговаривая слова, отвѣчалъ Рэй,—нѣтъ, не со мной; но...

— Надѣюсь, что не съ Хюзами?—спросилъ встревоженный Брандретъ.—Миссъ Хюзъ должна была придти сегодня въ первый разъ въ контору, но до сихъ поръ ея еще нѣтъ. Неужели опять дифтеритъ? Но въ такомъ случаѣ, голубчикъ, и вамъ бы не слѣдовало приходить сюда... Вѣдь это было бы не хорошо по отношенію ко мнѣ.

— Никакого дифтерита нѣтъ,—сказалъ Рэй.—Но у нихъ случилась бѣда. Я просто не знаю, какъ и сказать вамъ. Это несчастное созданіе, Дэнтонъ, убилъ себя. Онъ за послѣднее время совсѣмъ помѣшался, и я боялся... Я всю ночь былъ у нихъ. Онъ принялъ синильной кислоты и моментально умеръ. Мистеръ Хюзъ и я—мы боролись съ нимъ, чтобы помѣшать ему... ну да, помѣшать ему... Старикъ вывихнулъ себѣ руку, а потомъ у него пошла горломъ кровь. Онъ ужасно ослабъ; но

теперь докторъ немного возстановилъ его силы. Миссъ Хюзъ просила меня пойти къ вамъ и разсказать вамъ все.

— Знаютъ уже другіе объ этомъ?—спросилъ мистеръ Брандретъ.—Извѣстно это репортерамъ?

— Оффиціально извѣститъ объ этомъ докторъ; но пока еще никто ничего не знаетъ.

— Какая досада, что это случилось!—сказалъ мистеръ Брандретъ,—это будетъ ужасный скандалъ!

У Рэя тоже былъ такой моментъ, когда онъ сознавалъ только, что это будетъ скандалъ.

— Да,—машинально отвѣчалъ онъ.

— Вы понимаете,—объяснялъ мистеръ Брандретъ,—эти господа будутъ всюду наводить справки, собирать свѣдѣнія, вѣрныя и невѣрныя, и по возможности раздуютъ фактъ, что миссъ Хюзъ работала здѣсь.

— Я понимаю,—сказалъ Рэй.

Мистеръ Брандретъ задумался о непріятности скандала; но потомъ ему показалось неприличнымъ такое отношеніе, и онъ, какъ бы упрекая себя, сказалъ:

— Это ужасно для нихъ, бѣдные люди!

— Это еще лучшее, что могло случиться при данныхъ обстоятельствахъ,—сказалъ Рэй съ такимъ хладнокровіемъ, которое удивило его самого. У него сохранилось еще чувство недоброжелательства къ Дэнтону, оставшееся, быть можетъ, въ нервахъ, какъ результатъ физической борьбы съ несчастнымъ.

— Если бы онъ не убилъ себя, то убилъ бы кого-нибудь другого,—продолжалъ онъ.—У него была манія искупленія, жертвы. Онъ кого-нибудь долженъ былъ принесть въ жертву. Онъ былъ сумасшедшій.

Рэю непріятно было выговорить это слово, какъ будто это было самое худшее, что можно сказать о человѣкѣ. Онъ помолчалъ и затѣмъ продолжалъ:

— Я долженъ разсказать вамъ все въ подробности, Брандретъ.—И онъ разсказалъ все сначала, не умолчавъ ничего.

Мистеръ Брандретъ слушалъ его съ широко раскрытыми глазами. Повидимому, добавленныя на этотъ разъ Рэемъ подробности смущали его.

— Я думаю, трудно будетъ устроить такъ, чтобы это не вышло наружу,—сказалъ онъ.—Это будетъ ужасный скандалъ! Разумѣется, я ихъ очень жалѣю, въ особенности миссъ Хюзъ. Удивительно, что они могли жить съ этой опасностью, висѣвшей надъ ними, какъ мечъ, въ теченіе недѣль, мѣсяцевъ... И они ничего не предпринимали, не заперли его въ сумасшедшій домъ...

— По словамъ доктора,—трудно представить, съ какимъ ужасомъ сживаются порой люди,—мрачно замѣтилъ Рэй.—

Опасность не всегда на лицо, а надежда живетъ постоянно. И въ большинствѣ случаевъ ничего особеннаго не происходитъ. Докторъ говоритъ, что и здѣсь, вѣроятно, ничего бы этого не случилось, если бы онъ спокойно оставался въ деревнѣ, при обычной обстановкѣ. Но когда на него нагрянули впечатлѣнія совершенно новаго образа жизни, съ житейскими волненіями и заботами, когда онъ увидѣлъ кругомъ столько несчастныхъ,—его разсудокъ не выдержалъ. Я думаю, впрочемъ,—онъ никогда и не былъ у него особенно крѣпокъ.

— О, мнѣ кажется, и самымъ крѣпкимъ мозгамъ трудно выдержать въ этомъ водоворотѣ,—сказалъ мистеръ Брандретъ, словно намекая на самого себя.—Я просто не знаю, что я скажу моей женѣ, когда все это выйдетъ наружу. Мнѣ кажется, ее нужно будетъ какъ нибудь подготовить къ этому—ее и мать. Послушайте, не можете ли вы пойти со мной къ мистеру Чапли? Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ вчера и сказалъ, что не придетъ сюда раньше середины дня. Моя жена пошла туда завтракать, и мы застанемъ ихъ тамъ всѣхъ вмѣстѣ, раньше, чѣмъ появятся вечернія газеты. Мнѣ кажется, мы могли бы представить имъ это дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ. Какъ вы скажете?

— Я не вижу, почему мнѣ не пойти съ вами, если я могу быть вамъ полезенъ?—сказалъ Рэй, сожалѣя въ душѣ, что не имѣетъ предлога для отказа.

— Вы можете быть даже очень полезны,—сказалъ мистеръ Брандретъ.

Онъ позвалъ клерка и сказалъ, чтобы его не ждали все утро.

— Понимаете,—объяснялъ онъ Рэю на ходу,—если мы разскажемъ эту исторію миссисъ Брандретъ и ея матери прежде, чѣмъ она появится въ газетахъ, она и вполовину не покажется имъ такой страшной. Навѣрное какой-нибудь репортеръ эксплоатируетъ для себя этотъ случай. Онъ выкопаетъ всю подноготную мистера Хюза и выставитъ его въ роли философа и реформатора. Онъ разыщетъ всѣхъ, кто его знаетъ или кто когда либо приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, и станетъ интервьюировать направо и налѣво.—Рэй принужденъ былъ согласиться, что это болѣе чѣмъ вѣроятно. Ему самому было досадно, что о немъ будутъ по этому поводу говорить въ газетахъ. Онъ вспомнилъ о Мидлэндѣ, и ему стало неловко: онъ начинаетъ пріобрѣтать извѣстность, но совсѣмъ не такого рода, какой отъ него ожидали.

— Поостерегитесь, съ своей стороны, а я предупрежу мистера Чапли и нашихъ дамъ, чтобы они не принимали репортеровъ и ничего имъ не сообщали. Кстати,—знаетъ объ этомъ мистеръ Кэйнъ?

— Я только что былъ у него, но не засталъ его дома и оставилъ ему записку.

— Не лучше ли намъ зайти къ нему и сказать?..—Мистеръ Брандретъ съ минуту колебался, но потомъ продолжалъ:—Нѣтъ, онъ старый воробей, онъ не скажетъ ничего, что могло бы компрометировать кого-нибудь.

Съ минуту они шли молча, потомъ Брандретъ, какъ бы спохватившись, сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, я не желалъ бы возбуждать въ васъ слишкомъ много надеждъ на то, чтобы мы сдѣлали что-нибудь съ вашей книжкой въ этомъ году.

— Разумѣется,—возразилъ Рэй.—Я буду слишкомъ замѣшанъ въ это дѣло въ газетахъ, и мое имя будетъ недостаточно респектабельно для солидной фирмы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, надолго, а можетъ быть и навсегда.

Въ эту минуту онъ былъ чистымъ эгоистомъ, чувствуя только горечь противъ этой новой насмѣшки фортуны. Все его участіе къ бѣдному существу, съ несчастіемъ котораго онъ пришелъ въ соприкосновеніе, теперь совершенно погасло.

— О, я не хотѣлъ этого сказать!—воскликнулъ Брандретъ,—но вѣдь это просто удивительно, какъ мы всѣ тутъ запутаны! Право, послѣ этого откажешься отъ всякаго сношенія съ своими ближними! Вѣдь мы попали въ эту кашу вмѣстѣ съ людьми, о существованіи которыхъ не знали еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ. И все потому, что мистеръ Чапли старался помочь своему старому пріятелю. Навѣрное его теперь выставятъ передъ публикой какимъ-то толстовцемъ... Провинціалы, выписывавшіе черезъ насъ книги, подумаютъ, что мы имѣемъ сношенія съ анархистами, и не захотятъ имѣть дѣло съ нами, все равно какъ если бы мы напечатали «Крейцерову Сонату».

Рэй между тѣмъ думалъ, что онъ-то никого не знакомилъ съ Хюзами, и не былъ отвѣтственъ за нихъ даже и въ силу старой дружбы. Но, въ виду неприкрыто эгоистичныхъ опасеній Брандрета, ему было совѣстно показать свой собственный эгоизмъ. Онъ лишь замѣтилъ довольно цинично:

— Да, повидимому, сумасшедшій не можетъ даже убить себя, не причинивъ вреда другимъ. Его судьба опутываетъ всѣхъ и покрываетъ стыдомъ всякаго, кто его зналъ. Говорите послѣ этого о нравственномъ началѣ, руководящемъ міромъ.

— Да!—согласился Брандретъ, сочувствуя негодованію Рэя, насколько позволяла ему это его мягкая натура.

Придя къ Чапли, они узнали, что миссисъ Брандретъ привезла съ собой ребенка, чтобы провести цѣлый день у своей матери. Ея сестра, которую Рэй также зналъ, встрѣтилась съ ними въ дверяхъ. Она шла на завтракъ молодыхъ лэди и

сказала, что они найдутъ отца въ библіотекѣ и что Кэйнъ также у него.

Брандретъ поглядѣлъ на Рэя, сказавъ,—вотъ это хорошо!— и, поднимаясь по лѣстницѣ, прибавилъ:—Онъ навѣрное посовѣтуетъ что нибудь путное.

Но Кэйнъ сначала воздержался отъ совѣтовъ. Онъ молча и безъ наружнаго волненія выслушалъ разсказъ Рэя.

— Господи!—стоналъ между тѣмъ мистеръ Чапли.—Ужасно! ужасно! Бѣдный Давидъ, должно быть, въ страшномъ огорченіи. А я даже не могу и пойти къ нимъ!

— Онъ, вѣроятно, и не ожидаетъ, чтобы вы къ нему пришли,—замѣтилъ мистеръ Брандретъ.

— Ну, не знаю... Онъ навѣрное пришелъ бы ко мнѣ, если бы у меня было горе. Господи! Господи! Очень сильное было у него кровохарканіе, мистеръ, э... э... Рэй?

Рэй отвѣчалъ, что докторъ не предвидитъ близкой опасности, а мистеръ Брандретъ поторопился сообщить, что онъ хотѣлъ разсказать дамамъ обо всемъ прежде, чѣмъ это появится въ газетахъ, и предупредить ихъ, чтобы онѣ ничего не говорили, въ случаѣ если явятся репортеры.

— Это все хорошо,—сказалъ мистеръ Чапли,—но я, право, не вижу, въ чемъ можетъ повредить намъ эта исторія?

— Она не можетъ повредить намъ, если ея не исказятъ... въ связи съ вашими личными убѣжденіями, сэръ. Когда же господа репортеры пронюхаютъ про вашу старинную дружбу съ мистеромъ Хюзъ и про *его* личныя убѣжденія, то нельзя и представить себѣ, чего они не выведутъ изъ этого.

Кэйнъ взглянулъ на Рэя, высоко поднявъ брови и поджавъ губы. Мистеръ Брандретъ также повернулся къ Рэю и вкрадчивымъ голосомъ спросилъ:

— Скажите, вы не обидитесь, если я зажгу одну изъ этихъ курительныхъ свѣчекъ?—Онъ указалъ на тоненькую свѣчку въ серебряномъ подсвѣчникѣ, стоявшую на каминѣ.—Конечно, теперь нѣтъ никакой опасности зараженія, но для моей жены будетъ спокойнѣе, въ особенности потому, что она привезла съ собой мальчика.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ Рэй, и свѣчка закурилась тонкимъ, синеватымъ ароматичнымъ дымкомъ. Мистеръ Брандретъ пошелъ за женой и тещей.

— Мнѣ кажется, вамъ грозитъ опасность, Генри,—сказалъ Кэйнъ.—Пожалуй, вамъ придется отказаться отъ Толстого и его сочиненій, если вы благополучно выпутаетесь изъ этой исторіи. Я очень огорченъ за васъ. Это отнимаетъ у меня половину того удовольствія, которое я испытываю при мысли, что бѣдный Давидъ избавился, наконецъ, отъ своего кошмара. А теперь мнѣ лучше уйти.

Онъ всталъ и пошелъ пожать руку Чапли, сидѣвшему въ покойномъ креслѣ. Мистеръ Чапли схватилъ его руку и слабымъ голосомъ заговорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Кэйнъ, не уходите. Намъ понадобится вашъ совѣтъ.

Пока Кэйнъ колебался, мистеръ Брандретъ вернулся съ дамами, у которыхъ былъ заинтригованный, нетерпѣливый видъ.

— Я думаю, что имъ лучше узнать все это отъ васъ, мистеръ Рэй, — сказалъ онъ,—и Рэй въ третій разъ разсказалъ трагическое происшествіе со всѣми подробностями. Ему казалось, что онъ произноситъ обвинительную рѣчь противъ самого себя.

Когда онъ кончилъ, миссисъ Чапли сказала:

— Этого слѣдовало давно ожидать. Если бы только это могло послужить предупрежденіемъ для мистера Чапли...

Миссисъ Брандретъ обратилась къ матери въ такомъ тонѣ, что Чапли, сидѣвшій въ позѣ покорнаго страданія, подперевъ подбородокъ рукой, перемѣнилъ положеніе и поднялъ голову.

— Я не вижу, какое можетъ быть предупрежденіе для папы въ этой ужасной исторіи. Развѣ вы думаете, что онъ способенъ принять синильную кислоту?

— Ты сама знаешь, что я этого не думаю, дитя,—возразила миссисъ Чапли.—Но я буду очень рада, если это положитъ конецъ всякому толстоизму въ *нашемъ* семействѣ.

— Это не имѣетъ никакого отношенія къ Толстому,—съ неожиданной энергіей отвѣчала миссисъ Брандретъ.—Если бы всѣ они спокойно жили въ деревнѣ, то мозгъ этого несчастнаго существа не разстроился бы отъ городской нищеты.

— Въ деревнѣ относительно больше сумасшедшихъ, чѣмъ въ городѣ,—начала миссисъ Чапли, но миссисъ Брандретъ не обратила вниманія на ея статистическое замѣчаніе.

— Для отца столько же шансовъ жить на фермѣ, какъ и отравиться,—сказала она.—И во всякомъ случаѣ эта исторія до него ничуть не касается. Онъ былъ только вѣренъ своему старому другу и давалъ работу его дочери. Мнѣ рѣшительно все равно, что объ этомъ будутъ говорить въ газетахъ. Мы ничего дурного не сдѣлали!

Мистеръ Брандретъ съ явнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на жену; а мать ея сказала только:

— Ну, и прекрасно, душа моя!

— Я думаю, что ты не такъ поняла твою мать,—мягко вступился ея отецъ.—Она смотритъ на жизнь съ другой точки зрѣнія, нежели я.

— О да, Генри, и я очень рада этому, — перебила его миссисъ Чапли.—Да я и не знаю никого, кто бы смотрѣлъ съ

этой точки зрѣнія. Если бы я послѣдовала за тобой и за твоимъ пророкомъ, то у насъ не было бы и крыши надъ головой.

— У очень многихъ людей нѣтъ крыши надъ головой,— тихо замѣтилъ мистеръ Чапли.

— Это еще не причина, чтобы у насъ ея не было,—сказала жена.

— Нѣтъ, въ этомъ отношеніи ты права, дорогая моя. Въ томъ-то и есть безнадежность положенія. Можетъ быть бѣдный Давидъ правъ, и человѣкъ, пытающійся разрѣшить проблему альтрюизма въ собственной жизни...

Миссисъ Брандретъ не дала ему договорить:

— Вопросъ состоитъ теперь въ томъ, что мы можемъ сдѣлать для этихъ несчастныхъ?

Она взглянула на Рэя, который, чувствуя, что онъ здѣсь лишній, старался по возможности стушеваться и какъ бы занять самое маленькое и незамѣтное мѣсто. Онъ даже покраснѣлъ, когда миссисъ Брандретъ обратилась къ нему. Онъ рѣдко видалъ ее прежде, и она всегда производила на него, какъ и въ первый разъ, впечатлѣніе узкой, ограниченной домашними заботами натуры, всецѣло ушедшей въ свое материнство и не способной чувствовать симпатіи къ остальному міру.

— Когда вы видѣли ихъ въ послѣдній разъ? — спросила она.

Онъ сказалъ, и она продолжала:

— Я сейчасъ же пойду къ нимъ вмѣстѣ съ Перси.

— Да, и принесете оттуда скарлатину вашему ребенку!— крикнула ея мать.—Ни вы, ни Перси туда не пойдете, пока я еще имѣю право сказать свое слово по этому вопросу. А если вы пойдете, я не пущу васъ обратно въ этотъ домъ и буду держать у себя ребенка до тѣхъ поръ, пока будетъ хотя малѣйшая опасность зараженія. Сколько времени это можетъ продолжиться,—я не знаю...

Вся любовь бабки поднялась въ миссисъ Чапли; она возвысила голосъ и, въ своей тревогѣ и своемъ негодованіи по поводу своеволія дочери, обратилась какъ бы за помощью къ Кэйну.

— Какъ вы объ этомъ думаете, мистеръ Кэйнъ?

— Я затрудняюсь рѣшить этотъ вопросъ такъ быстро, это слишкомъ важная вещь,—отвѣчалъ своимъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ Кэйнъ. — Пока—я посовѣтовалъ бы миссисъ Брандретъ выразить имъ свое сочувствіе черезъ меня. Если вы раньше не имѣли обыкновенія посѣщать семью, то...

— Я никогда тамъ не была, къ моему сожалѣнію,—откровенно созналась миссисъ Брандретъ.

— Ну вотъ, видите, поэтому я и не знаю, что хорошаго

можетъ выйти изъ этого теперь. Да, кромѣ того, тамъ дѣйствительно можетъ быть еще остатокъ заразы.

— Зараза переносилась нерѣдко мѣсяцы спустя, черезъ океанъ, въ платьяхъ, и даже въ письмахъ, — съ торжествомъ заявила миссисъ Чапли. Кэйнъ предоставилъ ей эту сторону вопроса и продолжалъ:

— Положеніе Хюзовъ могло принять гораздо худшій оборотъ, какъ я только что говорилъ Генри передъ вашимъ приходомъ. Власти не всегда бываютъ такъ снисходительны. Для меня совершенно ясно, что это лучшее, что могло съ ними случиться, по крайней мѣрѣ, что касается Дэнтона.

— Неужели вы одобряете самоубійство?—спросила миссисъ Чапли.

— Для счастливыхъ и здоровыхъ людей,—конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ Кэйнъ шутливо.—Такіе люди за самоубійство должны бы быть наказываемы по всей строгости законовъ. Но въ данномъ случаѣ существуютъ, повидимому, нѣкоторыя смягчающія обстоятельства, и я надѣюсь, что коронеръ отнесется къ преступнику снисходительно. Я пойду и посмотрю, не могу ли быть чѣмъ нибудь полезенъ Давиду. По всей вѣроятности нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ иногда только увеличиваешь горе неумѣстными утѣшеніями... Но всетаки мы обязаны попробовать.

— И вы дадите намъ знать,—сказала миссисъ Чапли,—не можемъ ли *мы* сдѣлать что нибудь для нихъ.

Миссисъ Брандретъ не настаивала на своемъ рѣшеніи идти къ Хюзамъ, она сказала:

— Да, конечно, дайте намъ знать.

Когда Кэйнъ ушелъ исполнять свою обязанность милосердія,—мистеръ Брандретъ проводилъ Рэя внизъ, до подъѣзда.

— Вы видѣли, какая она смѣлая женщина!—шепнулъ онъ, бросивъ взглядъ назадъ.—Я долженъ сознаться, что былъ чрезвычайно удивленъ, когда увидѣлъ, что она можетъ такимъ образомъ противорѣчить матери. А впрочемъ, это, пожалуй, и натурально. Когда я пришелъ къ нимъ наверхъ, онѣ какъ разъ спорили—давать ли мальчику белладону или прекратить... Должно быть миссисъ Брандретъ перенесла свое боевое настроеніе и на вопросъ о Хюзахъ. Конечно, намѣренія миссисъ Чапли самыя прекрасныя; но если бы миссисъ Брандретъ удалось избавиться отъ ея вліянія, то это была бы совершенно другая женщина. И мнѣ кажется, что она права касательно нашихъ отношеній къ Хюзамъ передъ публикой. Я думаю, въ этомъ никто не можетъ усмотрѣть ничего дурного, какъ бы ни повертывали вопросъ въ ту и другую сторону. Да, наконецъ, Хюзъ вѣдь вовсе и не принадлежитъ къ крайнимъ соціалистамъ. Старый членъ Брукской фермы—это нѣчто уже перешедшее въ область преданія, все равно, что прежніе аболиціо-

нисты. Я постараюсь, если можно, поглядѣть его книгу, не компрометируя себя. Ну, а какъ ваши дѣла? Я бы, знаете, на вашемъ мѣстѣ не упускалъ этого шанса съ «Каждымъ Вечеромъ». Повидайтесь-ка съ редакторомъ! Чортъ бы побралъ газеты! Надѣюсь, что онѣ не впутаютъ насъ въ эту исторію!

XXXV.

Исторія самоубійства была передана въ вечернихъ газетахъ въ нѣсколькихъ строкахъ и съ измѣненными именами, а на слѣдующее утро появились лишь сокращенныя перепечатки мелкимъ шрифтомъ. Лица, менѣе всего причастныя къ этой исторіи, но болѣе всѣхъ трусившія скандала, были оставлены въ покоѣ. Самъ Рэй фигурировалъ, какъ свидѣтель, подъ именемъ Брэя. О прошломъ Хюзовъ, также какъ о настоящихъ обстоятельствахъ ихъ жизни, никто даже не справлялся. Репортеры не воспользовались ни одной изъ подробностей дѣла, способныхъ возбудить сенсацію, и вообще все происшествіе было передано въ видѣ самаго зауряднаго случая, какіе въ большихъ городахъ встрѣчаются ежедневно и немедленно же забываются. Земля сомкнулась надъ несчастнымъ, для котораго идея долга, преслѣдующая въ той или другой степени каждаго изъ насъ, превратилась въ страшный, мучительный кошмаръ, а люди, для которыхъ смерть его казалась опаснѣе его жизни, вздохнули съ облегченіемъ.

Мужество мистера Брандрета воспрянуло немедленно послѣ того, какъ миновала опасность. Одно время онъ даже готовъ былъ идти на встрѣчу самому худшему, но нужно сказать правду, что это настроеніе явилось уже тогда, когда возможность этого худшаго осталась позади. Теперь онъ держался съ достоинствомъ, не сознаваясь даже въ своихъ опасеніяхъ.

— Не станемъ смѣяться надъ нимъ!—философствовалъ по этому поводу Кэйнъ.—Идеалы великодушія и самопожертвованія были бы здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Онъ былъ совершенно правъ, соблюдая осторожность и ограждая свою фирму и свой домашній очагъ отъ вторженія чужихъ бѣдъ... Кто же будетъ заботиться обо всемъ этомъ, если онъ самъ пренебрежетъ первой и прямой своей обязанностью? Онъ все время былъ очень внимателенъ и очень доброжелателенъ къ Піѣ, и я не могу осуждать его за то, что онъ не суется съ предложеніемъ помощи тамъ, гдѣ, въ сущности, ничѣмъ нельзя помочь.

Кэйнъ и самъ скромно оставался на заднемъ планѣ и не навязывался своимъ старымъ знакомымъ съ предложеніемъ услугъ. Онъ не былъ на похоронахъ Дэнтона, но послѣ того часто навѣщалъ Хюза, хотя и не признавалъ за собой никакихъ обязанностей, помимо простыхъ старинныхъ дружескихъ отно-

шеній. Впрочемъ, и эти дружескія отношенія сильно пострадали отъ долгихъ лѣтъ разлуки и отъ крупныхъ разногласій въ мнѣніяхъ; поэтому можно было сомнѣваться въ томъ, что визиты его доставляли удовольствіе больному старику. Они всегда спорили, и Хюзъ иногда даже терялъ голосъ отъ волненія и усталости, тогда какъ низкій голосъ Кэйна оставался ровнымъ и спокойнымъ, что было физически невозможно для Хюза.

Мистеръ Чапли уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе въ Массачуветсъ, чтобы оправиться послѣ болѣзни. Воскресныя сборища у Хюзовъ пришлось прекратить, такъ какъ Хюзъ не въ состояніи былъ руководить ими и не терпѣлъ, чтобы это дѣлалъ кто-либо другой. Единственнымъ его утѣшеніемъ и развлеченіемъ были посѣщенія Рэя, который былъ всегда терпѣливъ и ласковъ и не подчеркивалъ своего несогласія съ его мнѣніями.

Рэй уже не сердился болѣе на Кэйна за навязанное ему знакомство, можетъ быть потому, что оно не тяготило его болѣе. Онъ не могъ отказать старику въ своихъ посѣщеніяхъ, когда видѣлъ, что они составляютъ его единственное развлеченіе. Онъ дошелъ до того, что эти посѣщенія доставляли удовольствіе и ему самому. Когда онъ замѣтилъ, что старику остается жить все меньше и меньше, онъ сталъ приходить къ нему каждый день, и Піа обыкновенно заставала его у отца, когда возвращалась къ вечеру домой. Рэй могъ приходить раньше ея, потому что работа въ газетѣ не требовала его присутствія въ редакціи. Нерѣдко онъ приносилъ съ собой связку книгъ, чтобы просматривать и обсуждать ихъ вмѣстѣ съ Хюзомъ, для котораго онъ служилъ представителемъ литературнаго міра со всѣми его новыми явленіями и теченіями. Хюзъ очень заинтересовался отдѣломъ, который порученъ былъ Рэю въ «Каждомъ Вечерѣ», и совѣтовалъ ему не дѣлать изъ этого задачу чистой эстетики, но проводить этическія начала. Онъ утверждалъ, что литература должна быть проводникомъ реформы. Онъ сожалѣлъ о томъ, что не далъ своей книгѣ форму романа, которая сообщила бы ей прелесть, недостижимую въ чисто полемическомъ трактатѣ.

— Я убѣжденъ, что, если бы я придалъ ему эту форму, то живо нашелъ бы издателя и, мнѣ кажется, я примусь передѣлывать книгу сызнова.

— Надѣюсь, что вы будете счастливѣе меня съ вашимъ романомъ,—сказалъ Рэй.—Ужъ не передѣлать ли мнѣ моего «Современнаго Ромео» въ полемическій трактатъ? Не помѣняться ли намъ съ вами, мистеръ Хюзъ?

— Что вы не принесете сюда вашъ романъ и не прочитаете его мнѣ?—сказалъ Хюзъ.

— Можетъ быть, это было бы злоупотребленіемъ вашей доброты,—сказалъ Рэй.—Къ тому же мой редакторъ взялъ его,

чтобы посмотрѣть, не годится ли онъ для фельетона, который мы затѣваемъ. Романъ ему, конечно, не понадобится, но, пока онъ будетъ держать его у себя, вы всетаки будете отъ него избавлены.

Онъ зналъ, что Піа сказала бы то же самое относительно его книги. Очутившись съ ней на одну минуту наединѣ передъ тѣмъ, какъ уйти домой въ этотъ вечеръ, онъ заговорилъ опять объ этомъ предметѣ:

— Вы не сказали мнѣ еще, что простили мое дурное поведеніе по поводу моей книги, когда мы говорили о ней въ послѣдній разъ.

— Вы желаете, чтобы я это сказала?—кротко спросила она.— Я думала, что это лишнее.

— Да, скажите,—попросилъ онъ.—Вѣдь вы думали, что я неправъ?

— Да,—согласилась она.

— Такъ вотъ, такъ и скажите:—я вамъ прощаю.

Онъ ждалъ, но она молчала.

— Отчего вы не можете сказать этого?

Съ минуту она молчала, потомъ сказала:

— Я думаю, что вы имѣли основаніе...

— Быть неправымъ? Такъ зачѣмъ же вы это сдѣлали? Вы не можете сказать этого?

— Нѣтъ... не теперь.

— Такъ когда нибудь?

— Можетъ быть,—прошептала она.

— Ну, такъ я спрошу васъ въ другой разъ опять.

Она молча сидѣла у окна въ маленькой задней комнаткѣ, и голова ея неясными очертаніями выдѣлялась въ сумеркахъ. Въ промежуткахъ между шумомъ мчащихся мимо поѣздовъ они слышали, какъ миссисъ Дэнтонъ, смѣясь и шутя, болтала съ отцомъ. Мы обыкновенно думаемъ, что трагическія происшествія совершенно измѣняютъ натуру человѣка, какъ будто посредствомъ нѣкотораго духовно-химическаго процесса всѣ нравственные элементы въ человѣкѣ переработываются въ новыя сочетанія. Между тѣмъ эти событія—внѣшніе инциденты нашей жизни и производятъ не болѣе пертурбацій въ нашемъ существѣ, чѣмъ обыкновенная гроза въ матеріальномъ мірѣ. Чего гроза не разрушаетъ окончательно, то она оставляетъ неизмѣненнымъ. Слабое существо, которое она своей силой пригнула къ самой землѣ, поднимается вновь съ эластичностью камыша, который выпрямляется, какъ только гроза миновала.

Миссисъ Дэнтонъ осталась все той же, какой была прежде и даже Рэй, не смотря на свою строгую молодую мораль и свою малую опытность, увидѣлъ, что шокирующее его легкомысліе ея было облегченіемъ и развлеченіемъ для больного старика. Она сидѣла около него, болтая и шутя, и Рэй съ

оттѣнкомъ негодованія подумалъ, что она и всегда должно быть была его любимицей. Вѣроятно эта легкость характера находила откликъ въ душѣ самого Хюза, и онъ искалъ въ ея душѣ отраду и утѣшеніе родственной натуры. Внѣшняго отличія между сестрами онъ не дѣлалъ, каждая принимала свою долю заботъ и любви, какъ нѣчто должное и справедливое: Піа заботилась объ ихъ маленькомъ хозяйствѣ, а сестра ухаживала за отцомъ.

Кипучій темпераментъ миссисъ Дэнтонъ оказывалъ большую услугу въ ихъ горѣ, нежели серьезная сосредоточенность Піи. Судя по всему, что Рэй читалъ или воображалъ себѣ относительно подобныхъ обстоятельствъ, потеря дѣтей и мужа должна бы по настоящему сдѣлать ее болѣе серьезной и сосредоточенной; поэтому онъ не могъ простить ей, что она, хотя бы ради приличія, не желала скрыть свое всегдашнее легкомысліе. Его шокировало даже и то, что Піа не останавливала сестру, но терпѣла ея болтовню и время отъ времени даже улыбалась на ея шутки. Онъ не могъ понять, что ея любовь разрѣшала легко тѣ вопросы, которые такъ мучаютъ безпомощный умъ и озлобляютъ насъ противъ чужихъ недостатковъ. Время отъ времени, однако, онъ чувствовалъ въ ней такую душевную красоту, передъ которой онъ долженъ былъ преклоняться. Въ сердцѣ мужчины есть нѣчто, что ставитъ женское очарованіе выше всего на свѣтѣ. Поэтому-то глупыя и дурныя женщины такъ часто находятъ себѣ мужей, между тѣмъ какъ умныя и добрыя умираютъ старыми дѣвами. Но въ душѣ неиспорченнаго юноши нерѣдко поднимается страстный протестъ противъ признанія этого инстинкта высшимъ чувствомъ. Идеалъ женственности кажется ему слишкомъ чистымъ и слишкомъ священнымъ даже для того, чтобы мечтать о любви къ нему. Нѣчто вродѣ этого чувства, какое-то мистическое уваженіе и восторженное поклоненіе отдаляли Рэя отъ Піи еще болѣе, чѣмъ въ день ихъ первой встрѣчи. Правда, одно время онъ мечталъ о ней, о чемъ она даже и не подозрѣвала, какъ мы не подозрѣваемъ о томъ, что кто нибудь насъ видѣлъ во снѣ. Но это были мечты литературнаго свойства и проходили въ его мозгу подобно многимъ другимъ созданіямъ его фантазіи, не имѣвшимъ реальныхъ основъ. Когда же эти первыя мечты разсѣялись,—а это непремѣнно должно было случиться, какъ только романтичность первой встрѣчи уступила мѣсто знакомству,—что замѣнило ихъ? Въ концѣ полугодія, въ продолженіе котораго странныя и печальныя событія такъ сблизили ихъ, онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ состраданія, которое влекло его къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ какого-то особеннаго уваженія, которое отдаляло его отъ нея. Къ чувству состраданія въ немъ примѣшивалась еще досада на ея отца и на самого себя. Когда онъ видѣлъ, что она такъ одинока вслѣдствіе предпочтенія, кото-

рое отецъ оказывалъ ея сестрѣ, онъ досадовалъ на себя столько же, сколько на него.

Піа не жаловалась ни на кого ни словомъ, ни взглядомъ; онъ даже сомнѣвался, замѣчаетъ ли она все это. Но однажды онъ рискнулъ заговорить съ ней о любви ея отца къ сестрѣ, и она отвѣчала, что отецъ всегда предпочиталъ видѣть около себя Дженни, чѣмъ кого-либо другого. Рэй возразилъ ей не особенно искренними общими мѣстами относительно того, что забота объ отцѣ служитъ миссисъ Дэнтонъ отвлеченіемъ отъ ея горя. Піа совершенно откровенно отвѣтила:

— Отецъ не хотѣлъ, чтобы она выходила замужъ за Анселя, и былъ совершенно равнодушенъ къ дѣтямъ. Онъ не виноватъ въ этомъ — онъ былъ уже слишкомъ старъ; а когда мы поселились здѣсь всѣ вмѣстѣ, дѣти стали ему въ тягость.

Она тихо вздохнула, а Рэй съ самодовольствомъ утѣшителей сказалъ:

— Я думаю, для нихъ лучше, что они умерли.

— Они родились для того, чтобы жить,—отвѣчала она.

— Да,—невольно согласился онъ.

Онъ видѣлъ, какъ искренно и глубоко скорбитъ она о малюткахъ, и безъ досады замѣтилъ также, что она жалѣетъ и объ ихъ несчастномъ отцѣ, къ которому питала простую и чистую привязанность. Рэю приходило иногда въ голову, какъ ужасно было бы для нея, если бы она любила Дэнтона такъ, какъ должна была бы любить его ея сестра. И его воображеніе создавало невозможныя положенія. Но онъ сознавалъ, что все это его фантазія и что-это такая же выдумка, какъ и то, что онъ представлялъ себѣ иногда, будто влюбленъ въ миссисъ Дэнтонъ и будто это то и есть причина, почему онъ не можетъ любить Пію. Въ обоихъ случаяхъ виноватъ былъ его эстетическій темпераментъ, который столь же часто дѣлается рабомъ, какъ и владыкой своихъ мечтаній.

Піа охотно уступала миссисъ Дэнтонъ свое мѣсто въ сердцѣ отца. Упадокъ физическихъ силъ старика обусловливалъ его переходъ отъ высшаго чувства къ низшему. Миссисъ Дэнтонъ сама смутно сознавала и даже по своему выражала это, когда хотѣла какъ бы оправдать отца въ томъ, что онъ отказывается отъ услугъ Піи и принимаетъ ихъ только отъ нея.

— Я ему теперь полезнѣе, Піа, потому что я отъ земли, я земная; ты ему понадобишься не здѣсь, а въ другомъ мірѣ.

Старикъ всѣми силами держался за жизнь и не допускалъ даже мысли о смерти. Онъ говорилъ, что, какъ только наступитъ настоящая весна и ему можно будетъ выходить, не боясь простуды, онъ понесетъ свою рукопись по издателямъ и будетъ лично предлагать ее. Онъ тщательно выработалъ себѣ планъ дѣйствій и обсуждалъ его съ Рэемъ, которому доказывалъ, что

его неудача происходитъ единственно отъ неумѣнья разговаривать съ издателями. Онъ обѣщалъ Рэю, что, какъ только найдетъ издателя для своей книги, тотчасъ же позаботится объ его романѣ. При этомъ онъ еще разъ попросилъ его принести и прочесть ему свое сочиненіе. Рэй впослѣдствіи со стыдомъ сознавался себѣ самому, что, если бы Хюзъ настаивалъ, онъ согласился бы на это. Но просьба Хюза была, вѣроятно, простой любезностію и слѣдствіемъ его непоколебимой вѣры въ успѣхъ своего собственнаго произведенія.

По мѣрѣ того, какъ наступало лѣто, въ квартирѣ становилось невыносимо душно. Приходилось отворять окна, и тогда комната наполнялась адскимъ шумомъ, такъ что они не могли слышать другъ друга до тѣхъ поръ, пока окна снова не закрывались. Но шумъ поѣздовъ, топотъ лошадей конки, звонки, лязгъ тяжелыхъ фургоновъ, страшный стремительный грохотъ мчащагося на всѣхъ парахъ экспресса, звукъ шаговъ, крики разносчиковъ, хохотъ и ругань, также какъ и подымающіеся съ улицы запахи—все это, повидимому, гораздо менѣе безпокоило, менѣе раздражало нервы больного, чѣмъ здоровыхъ, которые предпочитали запирать окна и задыхаться отъ жары, нежели выносить этотъ содомъ. Тѣмъ не менѣе и онъ всетаки замѣчалъ его, и однажды, когда Рэй заговорилъ объ этомъ адскомъ шумѣ, онъ согласился, что это дѣйствительно ужасно.

— Но,—добавилъ онъ,—я всетаки радъ, что поселился здѣсь и могу такимъ образомъ собственнымъ опытомъ убѣдиться, какъ ужасна жизнь въ большихъ городахъ. Всѣ эти ужасы, поражающіе наше зрѣніе и нашъ слухъ, служатъ матеріальнымъ выраженіемъ того принципа, который лежитъ въ основѣ всего соціальнаго строя. Мнѣ все это послужило большимъ подспорьемъ для моей книги, не на столько, можетъ быть, сколько я бы хотѣлъ, но всетаки несравненно болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Никто не можетъ представить себѣ всего ужаса, всей мерзости, всей жестокой и безсмысленной подлости, которыя выражаютъ собой эти явленія. Я только описывалъ существующіе факты и предоставилъ воображенію читателя создавать себѣ, по контрасту, идеальный городъ, съ его чистыми, тихими и мирными улицами, съ рядомъ прекрасныхъ зданій, съ благородными памятниками гражданской и религіозной архитектуры, съ сѣнью колоннадъ и деревъ, съ садами и парками... И все это распланированное и построенное безъ участія жадной и коварной спекуляціи, а лишь силой благороднаго и великодушнаго соревнованія, соединяющаго людей для благородной цѣли, а не разъединяющаго въ борьбѣ изъ-за денегъ... Представьте себѣ городъ, созданный наукой, какимъ долженъ быть каждый городъ въ наше время... безъ этихъ несчастныхъ животныхъ, порабощенныхъ дикарями и все еще

употребляемыхъ въ нашемъ якобы цивилизованномъ обществѣ! Въ моемъ идеальномъ городѣ не будетъ ни одной лошади,— электричество будетъ безшумно подвозить людей и вещи къ домамъ... Дженни! подай мнѣ, пожалуйста, рукопись! Ту, что я писалъ сегодня... въ письменномъ столѣ, въ среднемъ ящикѣ... я бы желалъ прочесть...

Миссисъ Дэнтонъ сбросила кошку съ колѣнъ и побѣжала за рукописью. Когда она подала ее отцу, онъ дрожащими пальцами сталъ расправлять листы, но читать не могъ. Онъ съ трудомъ выговорилъ нѣсколько словъ, потомъ закашлялся и протянулъ рукопись Рэю.

— Онъ хочетъ, чтобы вы взяли ее съ собой, — сказала Піа.—Вы можете отдать мнѣ ее завтра утромъ.

Рэй взялъ рукопись и стоялъ, не зная, чѣмъ помочь имъ успокоить припадокъ кашля, и вмѣстѣ съ тѣмъ боясь, что онъ мѣшаетъ имъ. Когда онѣ успокоили, наконецъ, больного и Рэй снова растворилъ окно, чтобы впустить струю теплаго ночного воздуха, который ворвался въ комнату вмѣстѣ съ бѣшенымъ шумомъ улицы, Піа послѣдовала за нимъ въ маленькую заднюю комнату, гдѣ они остановились на минуту.

— Скажите, ради Бога,—спросилъ Рэй,—зачѣмъ вы не переведете его куда нибудь, гдѣ бы ему было поспокойнѣе? Вѣдь тутъ и здоровый человѣкъ можетъ сойти съ ума.

— Онъ къ этому теперь не такъ чувствителенъ, какъ прежде,—отвѣчала она.—Мы пробовали уговорить его перенести кровать сюда, но онъ не хочетъ. Мнѣ кажется,—прибавила она, что онъ считаетъ перемѣну дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Не можетъ быть, чтобы такой человѣкъ, какъ вашъ отецъ, поддавался такимъ нелѣпымъ предразсудкамъ,—сказалъ Рэй.—Какое же вліяніе можетъ имѣть перемѣна комнаты на...

— Въ этомъ случаѣ онъ не разсуждаетъ. Я вообще замѣчаю, что за послѣдніе дни онъ во многихъ отношеніяхъ сталъ похожъ на того, какимъ онъ былъ въ прежнія времена. Ужъ онъ давно не былъ такимъ, какъ сегодня.

— Что говоритъ докторъ?

— Онъ говоритъ, чтобы мы дѣлали все, чего хочетъ отецъ... Онъ говоритъ, что теперь... шумъ уже не можетъ вредить ему...

Въ комнатѣ было темно; но по ея голосу онъ замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ. Онъ поискалъ впотьмахъ ея руку, чтобы проститься и, найдя ее, удержалъ на минуту въ своей, потомъ поцѣловалъ. Но въ его сердцѣ не было того сердечнаго трепета, который могъ оправдать этотъ поцѣлуй... Онъ могъ объяснить это движеніе только состраданіемъ...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Незаконнорожденные въ крестьянской средѣ.

Понятіе «незаконнорожденный» не требуетъ подробнаго опредѣленія: это одно изъ тѣхъ понятій, въ которыхъ реальное опредѣленіе заключается въ опредѣленіи номинальномъ. Говоря кратко, незаконнорожденный это—субъектъ, явившійся на свѣтъ при иныхъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя законъ признаетъ нормальными, дозволенными, согласными со строго установленными нравственными принципами. Словомъ, незаконнорожденный это или субъектъ, рожденный внѣ брака, или хотя и рожденный въ бракѣ, но признанный судомъ рожденнымъ незаконно.

Большинство законодательствъ ограничиваетъ незаконнорожденныхъ въ правоспособности. Ограниченія эти касаются какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ правъ, и зачастую являются весьма существенными. Впрочемъ, ограниченія эти распространяются не на всѣхъ незаконнорожденныхъ, а только на тѣхъ, которые последующимъ актомъ узаконенія не пріобрѣли правъ законныхъ дѣтей. Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить только объ этой послѣдней категоріи незаконнорожденныхъ, т. е. о незаконныхъ дѣтяхъ, не пріобрѣвшихъ правъ законныхъ дѣтей.

Въ большинствѣ законодательствъ такія дѣти не только не имѣютъ принадлежащихъ ихъ родителямъ личныхъ правъ по состоянію (въ государствахъ съ сословной организаціей), но даже не носятъ и фамиліи одного изъ своихъ родителей. Матеріальное положеніе незаконнорожденныхъ не во всѣхъ государствахъ одинаково обезпечено. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, дозволяетъ ли законъ незаконнорожденному вчинать искъ о происхожденіи отъ извѣстнаго отца или нѣтъ. Тамъ, гдѣ такой искъ дозволенъ законодательствомъ, матеріальное положеніе незаконнорожденныхъ болѣе обезпечено, ибо имъ предоставляется возможность требовать пропитанія отъ отца, отъ мужчины, который обыкновенно имѣетъ большую, нежели женщина, возможность обезпечить своихъ дѣтей.

Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ такой искъ не допускается за-

кономъ, хотя и допускается искъ о происхожденіи отъ извѣстной матери, матеріальное положеніе незаконнорожденныхъ гораздо печальнѣе, ибо, въ большинствѣ случаевъ, мать незаконнорожденнаго, сама нуждаясь въ средствахъ, не можетъ въ достаточной мѣрѣ обезпечить своего ребенка.

Къ законодательствамъ первой категоріи (допускающимъ искъ о происхожденія отъ извѣстнаго отца) относится германское, а въ предѣлахъ нашего отечества остзейское право. Къ законодательствамъ второй группы принадлежатъ англійское, французское и наше русское.

Большой гуманностью отличается германское законодательство. Забота объ интересахъ незаконнорожденныхъ простирается здѣсь до того, что, напримѣръ, Саксонское право, даже въ томъ случаѣ, когда у матери оказалось нѣсколько любовниковъ и нельзя опредѣлить, отъ кого прижитъ ребенокъ, не только не освобождаетъ ихъ, но всѣхъ вмѣстѣ связываетъ круговою отвѣтственностью за содержаніе ребенка *).

Остзейское законодательство также относится заботливо къ участи незаконнорожденныхъ, причемъ не только даетъ послѣднимъ право искать отца и требовать попеченія отъ него и содержанія, но и переноситъ обязанность содержанія по смерти отца на его имущество **).

Большою снисходительностью къ незаконнымъ дѣтямъ отличается и мусульманскій законъ: у шіитовъ такія дѣти допускаются къ наслѣдованію послѣ обоихъ родителей, у сунитовъ—послѣ матери, однако, въ обоихъ случаяхъ когда нѣтъ на-лицо другихъ наслѣдниковъ.

Въ иномъ положенія находятся незаконнорожденныя по англійскому, французскому и русскому правамъ. Въ Англіи незаконнорожденный разсматривается какъ бы не имѣющій вовсе родителей (quasi nullius filius); причемъ, даже узаконеніе путемъ послѣдующаго брака (per subsequens matrimonium) не дозволено, и единственный способъ для узаконенія—актъ парламента (Янжулъ, О незак., 56).

Французское право, не допуская иска о происхожденіи отъ извѣстнаго отца, предоставляетъ незаконнорожденнымъ—даже въ томъ случаѣ, когда отецъ извѣстенъ, напр., по отношенію къ дѣтямъ, происшедшимъ отъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія, только право требовать содержанія отъ ихъ родителей (Побѣд. II, 156). Такимъ образомъ, незаконнымъ дѣтямъ по французскому праву, если отецъ уклоняется отъ ихъ признанія, предоставляется единственное—зачастую ненадежное—право получать средства къ жизни отъ матери. Интересно остановиться на мотивировкѣ, которою снаб-

*) Побѣдоносцевъ. Кур. Гр. Пр. II, 157, 165.
**) Побѣд. II, 158.

жаетъ французскій законъ запрещеніе незаконнорожденнымъ отыскивать отца. Искъ о происхожденіи отъ извѣстнаго отца запрещается этимъ законодательствомъ «во избѣжаніе запутанныхъ и соблазнительныхъ процессовъ». Здѣсь прежде всего бросается въ глаза непослѣдовательность французскаго права, которое, запрещая искъ *объ отысканіи отца* «во избѣжаніе запутанныхъ и соблазнительныхъ процессовъ», разрѣшаетъ подобный же искъ о происхожденіи *отъ извѣстной матери*, какъ будто есть серьезное основаніе предполагать, что такіе иски объ отысканіи матери исключаютъ возможность запутанныхъ и соблазнительныхъ процессовъ Но этого мало; чѣмъ-то черствымъ и бездушнымъ вѣетъ отъ этой мотивировки французскаго закона. Развѣ запутанность и соблазнительность процесса можетъ служить основаніемъ для отказа въ защитѣ тѣхъ интересовъ, на которые частныя лица имѣютъ несомнѣнное право, право, котораго не отрицаетъ и самъ законодатель. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣдній не допускаетъ иска о происхожденіи отъ извѣстнаго отца *только изъ боязни запутанныхъ и соблазнительныхъ процессовъ*, то онъ, въ сущности, признаетъ справедливымъ предоставленіе незаконнорожденнымъ такого права, но приноситъ его въ жертву излишней заботѣ объ устраненіи всего того, что можетъ потребовать отъ судей особенной напряженности мысли, что можетъ набросить иногда неблаговидную тѣнь на нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей. Но особое напряженіе умственныхъ способностей составляетъ во многихъ случаяхъ прямую обязанность судей; а если бояться соблазнительности процессовъ, то пришлось бы отказывать въ правосудіи въ цѣломъ рядѣ случаевъ— не только изъ сферы гражданскаго, но и изъ области уголовнаго права. И когда подумаешь, что сто лѣтъ тому назадъ во Франціи торжествовало мнѣніе, утверждавшее что les individus ne peuvent pas être victimes des fautes de leur père *), когда подумаешь, что въ то время незаконнорожденныя были во Франціи сравнены въ правахъ съ законными дѣтьми, то невольно приходишь къ тому заключенію, что прогрессивное развитіе даже великаго народа никогда не охватываетъ собою всѣхъ сторонъ его жизни.

Русское законодательство также сурово относится къ незаконнымъ дѣтямъ. Нельзя сказать, подобно г. Побѣдоносцеву, что наше право совершенно отрицаетъ юридическую связь незаконнорожденныхъ съ родителями **), такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нашъ законъ налагаетъ на отца незаконнорожденнаго младенца обязанность давать содержаніе и матери, и ребенку ***). Однако, за исключеніемъ этой охраны правъ незаконныхъ дѣтей, охраны, имѣющей характеръ личной отвѣтственности отца и не переходящей на его

*) Камбасересъ. Цитир. по Янжулу. О незаконнорожд., 154.
**) Побѣд., II, 163.
***) Улож. о Нак., ст. 994.

наслѣдниковъ, положеніе послѣднихъ по нашимъ законамъ довольно безотрадно. Они не имѣютъ права, даже въ томъ случаѣ, когда родители не отрицаютъ происхожденія незаконныхъ дѣтей именно отъ нихъ; даже въ томъ случаѣ, когда они обращаются съ ними, какъ съ законными дѣтьми, не имѣютъ права «ни на принадлежность къ сословію своего отца или матери, если послѣдніе члены одного изъ привилегированныхъ сословій, ни на фамилію того или другой, ни на законное послѣ отца или матери своей въ имуществѣ наслѣдство» (I ч. X т. 136). Таково положеніе незаконнорожденныхъ по закону; таковы ограниченія ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ въ строѣ общегражданскаго быта.

Если присоединить къ этому пренебрежительное отношеніе общества къ незаконнымъ дѣтямъ, ту массу горя и стыда, которую приходится испытывать этимъ несчастнымъ, выслушивая оскорбительные намеки и гнусныя предположенія съ ранняго дѣтства, то мы получимъ самую безотрадную картину современнаго положенія незаконныхъ дѣтей. Ограничивая незаконныхъ дѣтей въ ихъ правахъ, законодатель наказываетъ однихъ за вину другихъ, т. е. освящаетъ положеніе, не только противное принципамъ высшей справедливости, но и противорѣчащее общепризнанному въ законодательствахъ современныхъ культурныхъ народовъ принципу, по которому каждый отвѣтственъ только за себя. Притомъ же эти ограниченія совсѣмъ не цѣлесообразны. Они не уменьшаютъ числа незаконныхъ рожденій, потому что, не смотря на эти ограниченія, число незаконнорожденныхъ не только не дѣлается меньшимъ, но, по утвержденію г. Янжула, «вездѣ и очень сильно возрастаетъ». Это, конечно, происходитъ отъ того, что то или иное отношеніе законодателя къ факту незаконнаго рожденія, среди другихъ причинъ, оказывающихъ свое вліяніе на число незаконныхъ рожденій (напр., бѣдности, совмѣстной жизни представителей обоихъ половъ въ фабрично-заводскихъ центрахъ и пр.), играетъ самую ничтожную роль.

Такія ограниченія не устраняютъ незаконныхъ сожитій, а (какъ мы это увидимъ ниже) скорѣе поощряютъ ихъ и увеличиваютъ. Наконецъ, эти ограниченія являются источникомъ справедливаго недовольства и злобы со стороны цѣлой группы незаконнорожденныхъ, имѣющихъ серьезное основаніе негодовать за тѣ невзгоды, которыя имъ, благодаря опредѣленной точкѣ зрѣнія законодательства, приходится претерпѣвать въ жизни. Но этого мало; бываютъ случаи, когда подобныя ограниченія незаконнорожденныхъ одновременно составляютъ источникъ величайшихъ страданій и для дѣтей, и для родителей. Это тѣ случаи, когда незаконныя дѣти являются не плодомъ легкомысленной или недобросовѣстной связи, а результатомъ честной, открытой совмѣстной жизни родителей, которые по разнообразнымъ, иногда непреодолимымъ и внушающимъ глубокое къ нимъ сочувствіе причинамъ, не имѣютъ возмож-

ности завершить свою связь законнымъ бракомъ. Въ такихъ случаяхъ закону принадлежитъ особенно неблагодарная роль, такъ какъ онъ направляетъ свои мѣткіе удары въ тѣхъ гражданъ, для которыхъ онъ самъ долженъ бы являться защитой и опорой.

Насъ могутъ спросить, чего же мы требуемъ для незаконнорожденныхъ? И если мы отвѣтимъ, что желаемъ для нихъ предоставленія иска о происхожденія отъ извѣстныхъ родителей, иска, нестѣсненнаго никакими побочными соображеніями; если мы скажемъ, что находимъ справедливымъ предоставленіе имъ имени и сословія родителей на общемъ основаніи и приравненіе ихъ къ положенію законныхъ дѣтей въ имущественномъ отношеніи, то намъ, быть можетъ, замѣтятъ, что такое требованіе—не болѣе, какъ непослѣдовательность и утрировка.

Намъ могутъ сказать, что личныя и имущественныя права законныхъ дѣтей коренятся въ томъ покровительствѣ, которое законъ оказываетъ брачной жизни, какъ основѣ всего государственнаго строя, что такое покровительство необходимо, а проведеніе различія въ правоспособности между законными и незаконными дѣтьми раціонально, во избѣжаніе разложенія семьи и увеличенія безнравственности.

Но мы думаемъ, что отъ приравненія назаконнорожденныхъ къ законнымъ дѣтямъ безнравственность не увеличится, потому что между такимъ приравненіемъ и безнравственностью нельзя найти никакой причинной связи. Съ другой стороны, надѣленіе незаконныхъ дѣтей тѣми же правами, которыя принадлежатъ дѣтямъ законнымъ, скорѣе, нежели ограниченіе ихъ правоспособности, можетъ содѣйствовать уменьшенію тѣхъ легкомысленныхъ или недобросовѣстныхъ связей, результатомъ которыхъ являются незаконныя дѣти. Въ настоящее время такія связи поощряются во многихъ случаяхъ надеждою родителей совершенно ускользнуть отъ непріятностей и лишеній, связанныхъ съ обязанностью воспитывать и заботиться о своихъ дѣтяхъ, рожденныхъ внѣ брака, и когда этимъ надеждамъ будетъ положенъ предѣлъ самимъ закономъ, тогда устранится одна изъ тѣхъ причинъ, которыя въ настоящее время способствуютъ увеличенію подобныхъ связей. Здѣсь же не мѣшаетъ замѣтить неосновательность того воззрѣнія, что число незаконнорожденныхъ есть мѣрило народной нравственности. Неправильность такого взгляда вытекаетъ изъ того обстоятельства, наблюдаемаго въ исторіи, что въ періоды, когда настроеніе правительства и народа отличалось религіозностью и строгой нравственностью, число незаконнорожденныхъ не только не было меньше, но даже было больше, чѣмъ въ тѣ періоды, когда на бракъ смотрѣли легкомысленно. Въ этомъ отношеніи интересныя данныя представляетъ французскій писатель Моро-до-Жоннесъ. «Въ первую французскую революцію, слѣдовательно, въ періодъ поклоненія богинѣ разума и полной брачной свободы—число не-

законныхъ рожденій было на 67% менѣе, чѣмъ во времена Имперіи и въ послѣдующее время, когда значеніе религіи поднялось и къ дѣлу о бракѣ стали относиться менѣе легкомысленно» (Янжулъ, О незаконнорожденныхъ, 5).

Теперь мы переходимъ къ изложенію взгляда нашего крестьянства на незаконнорожденныхъ.

Относясь неодобрительно къ поведенію родителей, производящихъ на свѣтъ незаконныхъ дѣтей, клеймя подобныя дѣянія презрительною кличкою «заугольничать», наши крестьяне переносятъ вину родителей и на самихъ незаконнорожденныхъ. Это вытекаетъ изъ нѣкоторыхъ терминовъ, которыми обозначается понятіе «незаконнорожденный». Въ выраженіяхъ—«выгонокъ, выпоротокъ, половинкинъ-сынъ, сколотный, семибатьковичъ, ублюдень» слышатся нотки не столько состраданія и сочувствія къ участи незаконныхъ дѣтей, сколько презрительно-насмѣшливаго къ нимъ отношенія. Въ этихъ терминахъ, которые въ толковомъ словарѣ Даля обозначаются, какъ бранныя слова, сказалось общее людямъ свойство бросать обвиненіе и пятнать тѣхъ, которые, хотя и не по своей винѣ, являются участниками дѣянія, не одобряемаго съ точки зрѣнія народной морали. Къ терминамъ, обозначающимъ незаконнорожденныхъ и проникнутымъ отрицательнымъ характеромъ, принадлежатъ также слѣдующія наименованія незаконнорожденныхъ дѣтей, приводимыя проф. Пахмановъ (Обычное право, т. II, 191),—именно: «журавые, гулевые, зазорные, пригульные». Мы должны замѣтить, однако, что такое большое количество въ русскомъ языкѣ пренебрежительныхъ наименованій для незаконнорожденныхъ не можетъ еще служить безспорнымъ доказательствомъ отрицательнаго, презрительнаго отношенія нашего народа къ незаконнымъ дѣтямъ. Перечисленныя выраженія состоятъ изъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, въ этихъ выраженіяхъ отразилось, дѣйствительно, отрицательное отношеніе народа къ незаконнымъ дѣтямъ, а съ другой—въ нихъ сказалось то пристрастіе народа къ мѣткимъ, хотя и рѣзкимъ, словцамъ и характернымъ выраженіямъ, которое создало въ русскомъ языкѣ такую разнообразную и богатую «бранную» терминологію. Вслѣдствіе этихъ соображеній, мы полагаемъ, что изъ перечисленныхъ терминовъ, которыми обозначается въ нашемъ языкѣ понятіе незаконнорожденный, нельзя еще вывести заключенія о безусловно отрицательномъ взглядѣ нашего народа на незаконныхъ дѣтей.

Но въ народныхъ изреченіяхъ есть и прямыя указанія на то, что крестьяне не всегда относятся такъ презрительно къ незаконнорожденнымъ и что иногда отношенія ихъ къ незаконнымъ дѣтямъ дышатъ снисходительностью и сочувствіемъ. Такъ, на ряду съ терминами пренебрежительнаго характера—въ народномъ языкѣ есть и совершенно иныя наименованія незаконнорожденныхъ. Народъ называетъ ихъ—«материнъ сынъ», «материна дочь», и намъ

кажется, что въ этихъ названіяхъ—больше сострадания и жалости, нежели презрѣнія. У проф. Пахмана также есть одно наименованіе назаконнорожденныхъ—«природные», и въ этомъ названіи мы никакъ не можемъ усмотрѣть какое либо отрицательное отношеніе къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ.

Далѣе, народная пословица называетъ незаконнорожденныхъ нѣжнымъ именемъ «дѣтки» («маткины дѣтки—ищите отца») и этимъ высказываетъ явное сочувствіе къ ихъ тяжелому положенію.

Такая двойственность въ воззрѣніяхъ нашего народа на незаконныхъ дѣтей, на которую указываютъ и нѣкоторые изслѣдователи народной жизни, напр., Якушкинъ въ своихъ путевыхъ письмахъ, отразилась существеннымъ образомъ и на объемѣ принадлежащихъ незаконнымъ дѣтямъ правъ вообще и въ частности на ихъ экономическомъ положеніи.

При разсмотрѣніи вопроса о правоспособности незаконныхъ дѣтей въ крестьянской средѣ, гдѣ положеніе незаконнорожденныхъ нормируется обычнымъ правомъ, насъ могутъ интересовать вопросы о томъ, въ какой мѣрѣ принадлежатъ такимъ дѣтямъ права личныя, общественныя (участіе въ общественныхъ дѣлахъ) и, главнымъ образомъ, права имущественныя, куда, между прочимъ, входятъ право наслѣдованія послѣ родителей и право на земельный надѣлъ.

Прежде всего, касаясь вопроса о правоспособности незаконныхъ дѣтей въ сельской средѣ, мы должны отмѣтить, что, вопреки воззрѣнію нашего законодательства, по которому вступленіемъ родителей незаконнорожденнаго въ бракъ не прекращаются для такихъ дѣтей неблагопріятныя послѣдствія ихъ рожденія и они продолжаютъ считаться незаконными дѣтьми, вплоть до узаконенія ихъ судомъ,—въ воззрѣніи нашего народа живетъ убѣжденіе, что незаконныя дѣти перестаютъ быть таковыми съ момента брака ихъ родителей: «попъ все покроетъ», говоритъ народъ, и послѣ брака не дѣлаетъ никакого различія между законными и незаконными дѣтьми. «Одинъ батько былъ, такъ и по батькѣ получаютъ—все одно» *).

Что касается незаконнорожденныхъ, родители которыхъ не вступили впослѣдствіи въ бракъ, то по народнымъ воззрѣніямъ такія дѣти должны носить имя матери.—«Нѣтъ отца, такъ зови по матери», говоритъ народъ. Вообще, относительно личныхъ правъ незаконнорожденныхъ крестьянъ надо замѣтить, что этотъ вопросъ имѣетъ для крестьянскаго сословія менѣе острый характеръ, нежели по отношенію къ сословіямъ привилегированнымъ, и потому разрѣшается гораздо проще. Незаконнорожденные крестьянскаго сословія всегда принадлежатъ, смотря по припискѣ, или къ сельскому, или къ мѣщанскому сословію; если же они не всегда носятъ фамилію своего отца или матери, то въ крестьянскомъ быту,

*) Пахманъ, II, 281. Обычн. гр. пр.

гдѣ на ряду съ фамиліей пользуются равными правами гражданства и прозвища, это обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія.

Народнымъ понятіямъ не чуждо также представленіе о правѣ незаконнорожденныхъ доказывать происхожденіе отъ извѣстнаго отца: «маткины дѣтки—ищите отца», говоритъ одно народное изреченіе.

Что касается экономическаго положенія незаконнорожденныхъ въ крестьянской средѣ, то главнѣйшимъ основаніемъ для нашихъ выводовъ будутъ служить данныя, помѣщенныя въ Сводѣ заключеній Губернскихъ Совѣщаній по вопросу предложенному Мин. Внутр. Дѣлъ: «признаются ли права (всѣ или нѣкоторыя) членовъ общества за пріемышами, усыновленными и незаконнорожденными?»

Конечно, заключенія Губ. Совѣщаній не освѣщены еще научной критикой—и возможно, что въ томъ случаѣ, когда такая критика была бы примѣнена къ нимъ, оказалось бы, что одни изъ этихъ заключеній неполны, другія — не достаточно строго провѣрены, третьи — совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но все же, въ общемъ, данныя, имѣющіяся въ Сводѣ Заключеній по вопросу о правоспособности незаконнорожденныхъ въ крестьянской средѣ, какъ намъ кажется, рисуютъ до нѣкоторой степени вѣрную картину этого вопроса—и потому могутъ служить источникомъ для опредѣленныхъ выводовъ.

Изъ тѣхъ отвѣтовъ, которые даны Губернскими Совѣщаніями, мы видимъ, что правоспособность незаконнорожденныхъ относительно права участія въ общественныхъ дѣлахъ и относительно сферы имущественнаго права въ различныхъ губерніяхъ и даже въ различныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи не одинакова. Во многихъ мѣстностяхъ за незаконнорожденными признаются всѣ права членовъ того общества, къ которому принадлежитъ ихъ мать, т. е., право наслѣдованія послѣ матери, право на душевой надѣлъ, право участія на сходахъ и пр. Таковы губерніи: Витебская, Воронежская, Вятская, Казанская, Могилевская, Новгородская, Оренбургская, Полтавская, Псковская, Самарская, Смоленская, Тамбовская, Харьковская, Черниговская и отчасти Ярославская.

Въ перечисленныхъ губерніяхъ правоспособность незаконнорожденныхъ опредѣляется тѣми началами, которыя признаны Сенатомъ въ рѣшеніи 11 іюня 1885 г. за № 2908, по которому «незаконнорожденные считаются членами тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежали ихъ матери во время рожденія дѣтей». Правда, даже и въ этихъ губерніяхъ положеніе незаконныхъ дѣтей иногда оставляетъ желать лучшаго. Такъ, напримѣръ, смоленское Губернское Совѣщаніе указываетъ на печальное положеніе незаконнорожденныхъ въ томъ случаѣ, «когда ихъ мать, выходя замужъ и потому перечисляясь въ другое селеніе, а иногда и безъ перечисленія уходя

изъ мѣста прежняго жительства, уводитъ ихъ съ малолѣтства на новое мѣстожительство. Въ этихъ случаяхъ на дѣлѣ они остаются часто совершенно безправными въ отношеніи землепользованія; и земли не даетъ имъ иногда ни общество, къ которому когда-то принадлежала ихъ мать, ни общество, въ которое они были фактически приняты» *).

Въ Полтавской губерніи незаконнорожденныя, по сравненію съ законными дѣтьми, нѣсколько ограничиваются въ области наслѣдственнаго права, такъ какъ, «въ силу установившагося обычая, незаконнорожденные наслѣдуютъ только въ имуществѣ отца». Въ Ярославской губ. незаконнорожденныя, не приписанные къ семейству родныхъ, иногда не пользуются правомъ на земельный надѣлъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Казанской губ. за незаконнорожденными даже не признается правъ членовъ общества. А въ Харьковской губ. права незаконнорожденныхъ на наслѣдованіе, въ противоположность законнымъ дѣтямъ, довольно шатки, «опредѣляются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и иногда бываютъ предметомъ спора въ волостныхъ судахъ».

Но все же, въ перечисленныхъ 15 губерніяхъ положеніе незаконнорожденныхъ сносно; по отзывамъ однихъ Губ. Совѣщаній за ними признаются, въ большинствѣ случаевъ, всѣ права; по отзывамъ другихъ—даже «никакого различія между правами незаконнорожденныхъ и законныхъ дѣтей не замѣчается».

Значительно хуже экономическое положеніе незаконнорожденныхъ въ другихъ губерніяхъ, гдѣ такія дѣти сильно ограничиваются въ своей правоспособности по сравненію съ законными дѣтьми.

Такъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ незаконнорожденныя не признаются имѣющими право на землю въ силу одной своей принадлежности къ обществу, а пользуются такимъ правомъ только съ особаго согласія общества (губ. Астраханская, Курская, Минская, отчасти Петербургская и нѣк. друг.) Въ Подольской губерніи они, при наличности законнорожденныхъ наслѣдниковъ, вовсе лишаются права на земельный надѣлъ. Въ Пермской губерніи, «когда матери остаются проживать внѣ мѣста своей приписки или возвращаются туда съ взрослымъ сыномъ, незаконнорожденные не получаютъ надѣла отъ того общества, гдѣ проживаютъ ихъ матери, и являются въ своихъ обществахъ совершенно посторонними людьми, встрѣчая повсюду непріязненныя отношенія; въ большинствѣ случаевъ изъ нихъ рекрутируется контингентъ деревенскихъ батраковъ» **).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской губерніи незаконнорожденныя пользуются правами личными, ограничиваясь какъ въ правахъ на наслѣдство, такъ и въ правѣ на пользованіе мірской надѣльной землею. Подобныя же ограниченія незаконнорожденныхъ, относи-

*) Свод. Заключ., II, 88, 75 и др. III, 307.
**) Св. Закл. II.

тельно права на земельный надѣлъ, замѣчается въ губерніяхъ Бессарабской, Витебской, Ковенской, Костромской, Нижегородской, Олонецкой, Симбирской, Тверской и отчасти въ губерніяхъ Пензенской, Казанской, Саратовской и Ярославской; въ этихъ же губерніяхъ ограничиваются часто права незаконнорожденныхъ и на наслѣдство. Но все же, главное значеніе имѣютъ ограниченія, примѣняемыя къ незаконнымъ дѣтямъ относительно права на землю—права, которымъ не только опредѣляется извѣстнымъ образомъ матеріальная обезпеченность, гарантируется, хотя и черствый, но все же вѣрный кусокъ хлѣба, но также и указывается вообще положеніе даннаго лица въ его средѣ. Право на земельный надѣлъ дѣлаетъ крестьянъ равноправными и въ другихъ отношеніяхъ съ членами ихъ обществъ; отсутствіе же такого права создаетъ изъ нихъ какихъ-то отверженныхъ, какихъ-то паріевъ своей среды, ибо по народнымъ воззрѣніямъ: «кому доли нѣтъ, того не берутъ въ совѣтъ». И слѣдовательно, незаконнорожденный, лишенный земли, помимо тяжелаго матеріальнаго положенія, въ которое онъ вслѣдствіе этого поставляется, обрекается еще на приниженное положеніе въ силу невозможности участвовать въ качествѣ равноправнаго члена въ общественныхъ дѣлахъ.

Однако, хотя экономическое положеніе незаконнорожденныхъ въ указанныхъ губерніяхъ довольно печально и, во всякомъ случаѣ, по сравненію съ законнорожденными, находится въ гораздо худшемъ состояніи, все же незаконнорожденные имѣютъ въ этихъ губерніяхъ хотя какія нибудь права, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ экономическое положеніе ихъ, поскольку оно находится въ зависимости отъ правъ, предоставленныхъ имъ обществомъ, а не отъ личной предпріимчивости и энергіи, не такъ ужъ безотрадно.

За то, есть цѣлая группа губерній, гдѣ незаконнорожденныя не пользуются никакими правами. Таковы губерніи: Виленская, Вологодская, Гродненская, Екатеринославская, Рязанская, частью Симбирская и Херсонская, нѣкоторыя части Архангельской и Костромской, нѣкоторыя мѣстности Казанской и Минской губ. Здѣсь незаконнорожденные часто не пользуются никакими правами. Положеніе незаконнорожденныхъ въ этихъ губерніяхъ можно характеризовать слѣдующимъ образомъ, какъ это дѣлаетъ екатеринославское Губернск. Сов.: «незаконнорожденные находятся въ самомъ безотрадномъ положеніи. Крестьянскія общества вопреки закону *), ограждающему личность и матеріальныя права незаконнорожденныхъ, въ большинствѣ случаевъ отказываютъ въ причисленіи ихъ къ обществу, опасаясь требованія надѣленія землей и ссылаясь на то, что приписка къ обществу можетъ состояться по распоряженію казенныхъ палатъ и безъ согласія общества» **). Въ этихъ обла-

*) Св. Зак. II. 57.

**) Здѣсь, очевидно, намекается на Выс. утв. 15 іюля 53 г. мнѣніе Гос. Сов. о припискѣ незаконнорожденныхъ къ тѣмъ обществамъ, къ которымъ принадлежатъ ихъ матери (II, 85).

стяхъ нашего отечества обычай явился для незаконнорожденныхъ злою мачихой. Онъ не предоставилъ имъ ни правъ имущественныхъ, ни правъ общественныхъ и поставилъ ихъ въ положеніе, близкое къ суровому положенію англійскихъ незаконнорожденныхъ, относительно которыхъ дѣлается предположеніе, что они вовсе не имѣютъ родителей.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ 15 губерній, въ которыхъ экономическое положеніе незаконныхъ дѣтей обезпечено такъ же, какъ и законныхъ, въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи экономическое положеніе незаконнорожденныхъ крестьянскаго сословія очень печально. Они или вовсе лишены какихъ либо правъ, или ограничены въ этихъ правахъ болѣе или менѣе серьезно. На основаніи сдѣланныхъ нами вычисленій, число такихъ незаконнорожденныхъ, экономическое положеніе которыхъ въ значительной степени не обезпечено, достигаетъ до 108 тысячъ *) человѣкъ незаконныхъ дѣтей, которыя ежегодно рождаются, обрекаемыя на нужду и лишенія съ самой колыбели. Надо замѣтить, что эта цифра очень скромна; она получилась, принимая число незаконнорожденныхъ равнымъ 3% законныхъ рожденій. Но если имѣть въ виду утвержденіе Якушкина, который наблюдалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на 70 рожд. 12 незаконныхъ **), т. е. слишкомъ 17%, то взятая нами цифра 108 т., быть можетъ, окажется въ нѣсколько разъ менѣе дѣйствительной.

Отдавая должное почтеннымъ трудамъ г-жи Ефименко, мы не можемъ, однако, согласиться съ тѣмъ ея выводомъ относительно основной характеристики нашего обычнаго права, который гласитъ, что «отличительной чертой этого права является девизъ: «чтобы никому не было обидно» ***). Такой выводъ далеко не согласуется съ тѣми фактами, которые мы выше изложили относительно экономическаго положенія въ крестьянской средѣ незаконныхъ дѣтей. Ихъ положеніе во многихъ случаяхъ такъ безотрадно, такъ печально, что не можетъ не служить для нихъ источникомъ и тяжкихъ лишеній, и горькой обиды.

---

*) По отношенію ко всему населенію Россіи % всѣхъ рожденій равняется 6. На долю незаконныхъ дѣтей приходится 3% всѣхъ рожденій, или незаконныхъ рожденій приходится на все населеніе Россіи 0,18%. Сельское населеніе тѣхъ губ., въ которыхъ незаконныя дѣти ограничены въ своихъ правахъ или вовсе лишены ихъ, равняется 60 милл. Въ губ. Великорос. Малорос. и Бѣлорус. всего насел. 94,2 м., въ губерніяхъ, гдѣ незаконнорожденные пользуются всѣми правами—26,2 м.; вычтя послѣднюю цифру изъ 94,2, получимъ 68 м., изъ этого числа на долю крестьянскаго сословія, составляющаго по Янсону 86%, по другимъ источникамъ—90%, въ среднемъ 88%, — приходится около 60 м. человѣкъ. Беря 0,18% отъ 60 м., получимъ число ежегодно рождающихся незаконнорожденныхъ въ губерніяхъ, гдѣ они ограничены въ правахъ или вовсе лишены такихъ правъ, равнымъ 108 тыс. $x=0,18 \times 60 : 100=0,1080$ мил. или около 108 тыс.

**) Якушкинъ. Путев. письма, 185.

***) Ефименко. Изслѣд. народ. жизни, 179.

Въ Сводѣ Заключенiй не дается категорическихъ указанiй на то, какое изъ двухъ имѣющихся въ литературѣ мнѣнiй относительно наслѣдованiя незаконнорожденныхъ крестьянскаго сословiя послѣ отца является болѣе справедливымъ—то ли, которое утверждаетъ, что въ вопросѣ о правѣ наслѣдованiя рѣшающимъ моментомъ является трудовое начало *), или то, которое считаетъ существеннымъ моментомъ въ этомъ вопросѣ одну принадлежность незаконнорожденнаго къ составу семьи **). На преобладающее влiянiе трудового начала указываютъ псковское и волынское Совѣщанiя; на доминирующее же значенiе принадлежности къ составу семьи указываетъ ярославское Совѣщанiе. Въ другомъ мѣстѣ Свода Заключенiй есть, хотя и скудныя, но всетаки болѣе подробныя указанiя на наслѣдственныя права незаконныхъ дѣтей.

Здѣсь рѣчь идетъ о наслѣдственныхъ правахъ незаконнорожденныхъ на подворно-наслѣдственные участки ***). Эти права незаконнорожденныхъ представляются по даннымъ Губернскихъ Совѣщанiй въ слѣдующемъ видѣ. Иногда незаконнорожденные пользуются всѣми правами *безъ всякихъ ограниченiй* (губ. Гродненская и Пермская). Въ иныхъ мѣстностяхъ всѣми наслѣдственными правами они пользуются *только въ имуществѣ матери* (Бессарабская, Витебская и Подольская губ.). Что касается наслѣдованiя въ имуществѣ двора, то въ Виленской губ. это право предоставляется незаконнымъ дѣтямъ только *въ случаѣ усыновленiя;* а въ Волынской, Подольской и Черниговской губ. только *при отсутствiи законныхъ дѣтей.*

Въ Ковенской губ. такое равноправiе незаконнорожденныхъ съ законными дѣтьми наблюдается только тогда, *когда мать вышла замужъ* и ея дѣти «считаются хозяиномъ двора наравнѣ съ родными дѣтьми».

Въ Минской губ. этого мало, и наслѣдственныя права предоставляются незаконнорожденнымъ только, если мать вышла замужъ за *отца* своихъ незаконныхъ дѣтей; если же она вышла замужъ не за того, съ кѣмъ она до брака прижила незаконныхъ дѣтей, то главнымъ основанiемъ наслѣдственнаго права для послѣднихъ является *долговременное состоянiе ихъ въ семьѣ въ качествѣ рабочихъ.*

Въ Могилевской г. къ незаконнымъ дѣтямъ обычай относится болѣе снисходительно и, въ силу *простого проживанiя ихъ въ семьѣ*, предоставляетъ имъ наслѣдственныя права. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ незаконнорожденныя, при наличности родныхъ или законнорожденныхъ дѣтей, — *ничего не получаютъ* (губ. Волынская и Подольская); а въ Симбирской губ. незаконныя дѣти

*) Ефименко. Изслѣд. народ. жизни; Якушкинъ. Обычное пр. XXVII.
**) Пахманъ. Обычное гражд. право въ Россiи, II, 211.
***) См. Свод. Закл. т. III. Вопр. 56.

имѣютъ право наслѣдованія въ надворномъ участкѣ лишь *при наличности завѣщанія* главы семьи; при отсутствіи же завѣщанія, незаконнорожденныя имѣютъ право лишь на движимость, въ пріобрѣтеніи коей участвовали *личнымъ трудомъ*. Вотъ тѣ, сравнительно, немногія данныя, которыя имѣются въ Сводѣ Заключеній по вопросу о наслѣдственныхъ правахъ незаконныхъ дѣтей. Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать одинъ выводъ, къ которому пришелъ въ свое время и проф. Пахманъ, именно, что наслѣдственныя права незаконнорожденныхъ въ нашемъ обычномъ правѣ «носятъ какой то хаотическій характеръ» *).

Едва ли можно отрицать основательность и другого вывода, построеннаго на тѣхъ же данныхъ, именно, что ни трудовое начало, ни принадлежность къ семьѣ не могутъ считаться въ дѣлѣ наслѣдованія незаконнорожденныхъ единственными, даже важнѣйшими моментами, которыми опредѣляется объемъ наслѣдственной правоспособности незаконныхъ дѣтей въ крестьянской средѣ.

Что это такъ, видно изъ слѣдующихъ соображеній. Во 1-хъ, какъ мы видѣли выше, во многихъ губ. незаконныя дѣти не пользуются никакими правами, не смотря ни на принадлежность ихъ къ семьѣ, ни на приложеніе ихъ труда на пользу той же семьи. Въ другихъ же губ., не смотря на участіе трудомъ въ пріобрѣтеніи имущества семьи, не смотря на принадлежность къ ней незаконнорожденныхъ, послѣдніе значительно ограничиваются и въ правѣ на земельный надѣлъ, и въ правѣ наслѣдованія; причемъ, если бы эти ограниченія находились въ зависимости отъ одного изъ вышеуказанныхъ началъ, они не могли бы имѣть мѣста по отношенію ко всѣмъ незаконнорожденнымъ данной мѣстности, а имѣли бы мѣсто только къ тѣмъ, которые не трудятся или не принадлежатъ къ составу семьи. И во всякомъ случаѣ, о такомъ значеніи одного изъ вышеуказанныхъ началъ въ дѣлѣ наслѣдованія незаконнорожденныхъ въ заключеніяхъ непремѣнно было бы упомянуто.

Отсутствіе такого упоминанія и тѣ соображенія, которыя были нами раньше приведены, даютъ намъ право утверждать, что матеріальная необезпеченность незаконнорожденныхъ крестьянскаго сословія обусловлена, главнымъ образомъ, фактомъ ихъ незаконнаго рожденія и отсутствіемъ охраны ихъ со стороны закона.

Во 2-хъ, подтвержденіемъ того обстоятельства, что наслѣдственныя права незаконнорожденныхъ находятся въ зависимости отъ характера отношеній крестьянъ къ самому факту незаконнаго рожденія, что этотъ фактъ оказываетъ существенное вліяніе на правоспособность незаконныхъ дѣтей, вытекаетъ изъ того интереснаго явленія, что въ большинствѣ губерній наслѣдственныя права незаконныхъ дѣтей стоятъ особнякомъ, не сливаясь съ порядкомъ на-

*) Пахманъ. Обычн. пр. II, 279.

слѣдованія, установленнымъ по обычаю относительно дѣтей законныхъ. Такъ, въ Тульской губ. выработался относительно законныхъ дѣтей опредѣленный порядокъ наслѣдованія, заключающійся въ правѣ наслѣдованія сыновей въ равныхъ частяхъ; но относительно незаконнорожденныхъ строго опредѣленнаго порядка наслѣдованія не установилось (III, Свод. в. 56). Въ Витебской г. тоже незаконнорожденныя, въ противоположность законнымъ дѣтямъ, «опредѣленными правами на наслѣдство не пользуются» и т. п.

Впрочемъ, мы должны оговориться, что ограниченія въ правахъ незаконнорожденныхъ, замѣчаемыя въ настоящее время въ сельской средѣ, являются результатомъ не только снисходительнаго или нетерпимаго отношенія къ незаконнымъ дѣтямъ, но, быть можетъ, находятся въ нѣкоторой связи и съ другою причиною, именно—малоземельемъ и стремленіемъ крестьянскихъ обществъ гарантировать себѣ болѣе обезпеченное существованіе, путемъ принесенія въ жертву матеріальныхъ интересовъ не охраняемыхъ закономъ незаконнорожденныхъ.

Однако, доказательствомъ того, что малоземелье не является главнѣйшей причиной ограниченія правоспособности незаконныхъ дѣтей, и что скорѣе такой причиной являются отрицательное или снисходительное отношеніе крестьянъ къ самому факту незаконнаго рожденія, служитъ слѣдующее обстоятельство. Во 1-хъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ незаконнорожденные ограничены въ правахъ на землю, они ограничены также и въ общественныхъ правахъ; между тѣмъ, предоставленіе имъ права участвовать на сходахъ ничуть не затрогивало бы имущественно земельныхъ интересовъ крестьянъ и, конечно, если бы эти интересы были единственной причиной ограниченной правоспособности незаконнорожденныхъ, лишеніе общественныхъ правъ не входило бы составнымъ элементомъ въ содержаніе этихъ ограниченій. Во 2-хъ, если бы малоземелье было основной причиной ограниченій незаконнорожденныхъ, то, съ одной стороны, не имѣли бы мѣста такія ограниченія въ губерніяхъ многоземельныхъ, напр. Саратовской (въ селахъ съ населеніемъ смѣшаннымъ, т. е. состоящимъ изъ православныхъ и раскольниковъ), гдѣ земли, сравнительно, достаточно, и гдѣ, однако, въ настоящее время такія ограниченія существуютъ; а съ другой—были бы невозможны случаи предоставленія незаконнымъ дѣтямъ всѣхъ правъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ у крестьянъ земли очень мало, напр., въ губ. Харьковской и Воронежской.

Неосновательно также утвержденіе, что объемъ имущественной правоспособности незаконнорожденныхъ, особенно правъ на землю и наслѣдованіе послѣ матери, находится въ зависимости отъ того, какой порядокъ землепользованія имѣетъ мѣсто въ данной губ. Говорятъ, что тамъ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе, для сельскаго общества представляется менѣе стѣснительнымъ, въ матеріальномъ отношеніи, предоставить незаконнымъ дѣтямъ полно-

правность—и потому въ такихъ губ. незаконнорожденные пользуются всѣми правами. Тамъ же, гдѣ существуетъ подворное владѣніе, тамъ, будто бы, дворъ не имѣетъ возможности обезпечивать незаконныхъ дѣтей, и послѣдніе ограничиваются въ правахъ или вовсе не пользуются ими. Это невѣрно. Невѣрно потому, что незаконнорожденные пользуются *всѣми* правами не только въ губерніяхъ съ преобладающей *общинной* формой землевладѣнія, напр., въ губ. Воронежской, Псковской, Тамбовской, Могилевской и др., но также и въ губерніяхъ, гдѣ существуетъ подворное владѣніе (губ. Витебская и Могилевская). Съ другой стороны, такое мнѣніе невѣрно и потому, что незаконнорожденные не пользуются никакими правами какъ въ губерніяхъ съ подворнымъ владѣніемъ (губ. Вилен., Волынск., и др.), такъ и въ губерніяхъ съ общинной формой землевладѣнія (губ. Костромская, Казанская, Рязанская и др. *).

Такая экономическая необезпеченность довольно многочисленной группы сельскаго населенія, особенно, если принять во вниманіе утвержденіе г. Янжула, что число незаконнорожденныхъ вездѣ и очень сильно возрастаетъ, конечно, не можетъ считаться явленіемъ, благопріятнымъ для государства. Послѣднее страдаетъ отъ такого положенія вещей не только потому, что, вслѣдствіе матеріальной необезпеченности, среди незаконнорожденныхъ наблюдается большая смертность **), вліяющая отрицательно на общій приростъ населенія, но также и потому, что остающіеся въ живыхъ незаконнорожденные, подъ вліяніемъ болѣе неудовлетворительныхъ условій воспитанія и менѣе обезпеченнаго экономическаго положенія, увеличиваютъ собою ряды преступниковъ, вызывая непроизводительные на борьбу съ ними расходы со стороны государства. «¾ незаконнорожденныхъ», говоритъ г. Янжулъ, «съ колыбели обречены на смерть, и изъ оставшейся четверти одна десятая предназначена для каторги и только остальныя девять десятыхъ завоевываютъ себѣ право на какую либо жизнь» ***).

Поэтому намъ кажется, что необходимо устранить то неестественное и вредное для всего строя государственной жизни соціальное положеніе незаконнорожденныхъ, которое наблюдается въ настоящее время. Необходимо отказаться отъ предоставленія участи незаконныхъ дѣтей сельскаго сословія регулированію обычнаго права, усмотрѣнію и милости сельскаго общества. И если нашъ народъ въ вопросѣ о правоспособности незаконнорожденныхъ, дѣйствительно, держится иногда началъ, «по справедливости и разумности оставляющихъ далеко назади начала, усвоенныя нашимъ гражданскимъ правомъ X тома Свода Законовъ» ****), то все же и въ

*) Кн. Васильчиковъ. Землевл. и землед., 749.
**) На это указываетъ Янсонъ (Сравнит. стат. населенія).
***) Янжулъ. О незакон., 3 стр.
****) Кистяковскій. Ж. Гр. и У. пр., 1880, III. 23.

сельской средѣ, какъ мы это видѣли выше, далеко не всегда примѣняются въ отношении незаконнорожденныхъ «велѣнія естественной справедливости», какъ выражается Кистяковскій.

Мы видѣли, что обычное право нашихъ крестьянъ въ вопросѣ о правоспособности незаконнорожденныхъ далеко не всегда благопріятствуетъ послѣднимъ; мы видѣли, что сельскія общества далеко не всегда относятся къ незаконнымъ дѣтямъ гуманно; что очень часто они проявляютъ въ этомъ вопросѣ не только черствость и эгоизмъ, но и положительное игнорированіе судьбы незаконнорожденныхъ.

И потому необходимо изъять вопросъ о правоспособности незаконныхъ дѣтей крестьянскаго сословія изъ вѣдѣнія обычнаго права, «хаотическій характеръ» котораго на нашъ взглядъ особенно рельефно сказывается въ печальномъ положеніи незаконнорожденныхъ.

Необходимо отказаться отъ предоставленія рѣшенія этого вопроса произвольнымъ распоряженіемъ сельскихъ обществъ; необходимо взять незаконныхъ дѣтей подъ защиту писаннаго закона, точно опредѣливъ тѣ права, которыя должны принадлежать имъ безусловно.

Нельзя конечно отрицать, что не малое число изъ приведенной нами цифры ежегодно рождающихся незаконныхъ дѣтей впослѣдствіи попадаютъ въ болѣе благопріятныя соціальныя условія, нѣсколько лучше гарантирующія ихъ матеріальное положеніе. Такъ, одни изъ нихъ входятъ въ семью полноправными членами (въ случаѣ вступленія матери въ бракъ съ ихъ отцомъ); другіе усыновляются; третьи просто принимаются въ какую либо семью и вслѣдствіе этого пріобрѣтаютъ извѣстныя права. Положеніе этой группы незаконнорожденныхъ, безспорно, лучше, нежели другой группы, члены которой не попали въ вышеуказанныя болѣе благопріятныя условія. И такъ какъ по количеству членовъ эта послѣдняя группа незаконнорожденныхъ очень велика, то, если обычное право не проявляетъ по отношенію къ нимъ должной заботы, эту послѣднюю обязано взять на себя государство.

Громадное большинство Губернскихъ Совѣщаній высказывается за необходимость предоставленія незаконнымъ дѣтямъ полныхъ правъ членовъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежитъ ихъ мать. Но есть совѣщанія, которыя, руководствуясь нѣкоторыми соображеніями, какъ намъ кажется, недостаточно основательными, желали бы и на будущее время сохраненія для извѣстныхъ категорій незаконныхъ дѣтей существующихъ ограниченій правоспособности. Такъ, минское Губ. Совѣщаніе, перечисляя нѣсколько категорій незаконнорожденныхъ, которыхъ желательно приравнять къ положенію законныхъ дѣтей, отказываетъ незаконнорожденнымъ, не

подходящимъ къ этой категоріи, въ равноправности съ остальными членами общества, «если родители этого не пожелаютъ или не изъявитъ свое согласіе на это сельское общество, въ приговорѣ не менѣе ⅔ всѣхъ домохозяевъ». Мы не перечисляемъ вышеуказанныхъ категорій незаконнорожденныхъ, которыя, по взгляду минскаго Губ. Совѣщанія, даютъ незаконнымъ дѣтямъ право на равноправное положеніе съ другими членами общества, не перечисляемъ потому, что мы, въ принципѣ отрицая подраздѣленіе незаконнорожденныхъ на градаціи, требуемъ для *всѣхъ* незаконнорожденныхъ такой же равноправности, какъ и для законныхъ дѣтей. Что же касается проекта, заключающагося въ томъ, чтобы повергнуть участь незаконныхъ дѣтей на благоусмотрѣніе сельскаго общества, ничѣмъ его не обязывая и не вліяя на него въ опредѣленномъ смыслѣ, то мы думаемъ, что проектъ этотъ хорошъ и достигаетъ цѣли, если онъ создавался въ интересахъ сельскихъ обществъ, и наоборотъ—не выдерживаетъ самой снисходительной критики, если имъ имѣлось въ виду хоть немного улучшить положеніе незаконнорожденныхъ.

Нельзя не остановиться также на неосновательности тѣхъ ограниченій правоспособности, которыя проектируетъ могилевское Губ. Сов. по отношенію къ незаконнорожденнымъ, воспитаннымъ внѣ общества. Упомянутое совѣщаніе находитъ по отношенію къ такимъ незаконнорожденнымъ желательными ограниченія права наслѣдованія, такъ какъ, говоритъ оно, «не рѣдко крестьянки, поселяясь въ городахъ, приживаютъ тамъ незаконнорожденныхъ дѣтей, которыя потомъ садятся на шею общества». Намъ кажется, что оба приведенныя основанія ограниченія правоспособности очень шатки. Прижитыя въ городѣ незаконнорожденныя дѣти нуждаются въ защитѣ ихъ отъ голодной смерти ничуть не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ рожденныя въ деревнѣ, и непонятно, почему первыхъ слѣдуетъ ограничивать въ правахъ, а вторыхъ нѣтъ. Вѣдь такое суровое отношеніе къ этой категоріи незаконнорожденныхъ не уменьшитъ ихъ количества и только увеличитъ сумму человѣческаго горя и страданія.

Что же касается опасенія, что незаконныя дѣти, рожденныя въ городѣ, «садятся на шею обществу», то не въ меньшей мѣрѣ садятся тому же обществу на шею и незаконнорожденныя, явившіяся на свѣтъ въ деревнѣ. Почему же для послѣднихъ дѣлаются преимущества, а первыя обрекаются на ограниченія? И развѣ не было бы болѣе основательно, если бы обѣ эти категоріи незаконнорожденныхъ пользовались одинаковой защитой обществъ: если бы не только незаконныя дѣти, рожденныя въ деревнѣ, но и рожденныя въ городѣ встрѣчали со стороны общества помощь и охрану, на что имѣетъ право каждый принадлежащій къ обществу членъ.

Неосновательно также заключеніе и новгородскаго совѣщанія, которое полагаетъ, что за незаконнорожденными должны быть при-

знаваемы только права на имущество матери; права же общественныя—въ томъ числѣ и на надѣлъ—могутъ быть получены только въ силу пріемнаго приговора сельскаго общества *). Съ такими воззрѣніями упомянутаго совѣщанія никакъ нельзя согласиться. Говорить, что правами общественными и правомъ на земельный надѣлъ незаконныя дѣти могутъ обладать лишь послѣ особаго пріемнаго приговора общества, значитъ, въ сущности, совершенно неосновательно отрицать принадлежность незаконнорожденнаго, вслѣдствіе самаго факта рожденія, къ тому обществу, членомъ котораго является его мать.

Въ такомъ отрицаніи встрѣчается нѣкоторая непослѣдовательность, если принять во вниманіе, что новгородское Совѣщаніе, не признавая за незаконнорожденными правъ членовъ даннаго общества, признаетъ, однако, за ними право на имущество матери. Поэтому мы, вслѣдъ за псковскимъ Губ. Совѣщ., думаемъ, что незаконнорожденныхъ слѣдуетъ признать равноправными членами общества, *независимо отъ согласія послѣдняго.*

Переходя къ тому закону, который былъ бы желателенъ для урегулированія положенія незаконнорожденныхъ въ крестянской средѣ, мы присоединяемся къ воззрѣнію тѣхъ совѣщаній, которыя желаютъ, чтобы незаконнорожденныя были признаны полноправными членами тѣхъ обществъ, къ которымъ въ моментъ ихъ рожденія принадлежала ихъ мать. Такимъ образомъ, нѣсколько видоизмѣняя рѣшеніе Сената за № 2908 г., мы желали бы для незаконнорожденныхъ крестьянскаго сословія изданія слѣдующихъ законовъ: «Незаконнорожденные крестьянскаго сословія суть полноправные члены тѣхъ общинъ, къ которымъ принадлежали ихъ матери во время рожденія незаконнорожденныхъ. Выходъ впослѣдствіи матери незаконнорожденнаго въ замужество за крестьянина другого общества не влечетъ за собою причисленія незаконнорожденнаго въ то общество, къ которому принадлежитъ мужъ матери».

Высказанное нами выше пожеланіе предоставленія всѣмъ незаконнымъ дѣтямъ права доказывать происхожденіе отъ извѣстнаго отца и, въ случаѣ доказанія, требовать отъ него содержанія, само собой разумѣется, относится и къ незаконнорожденнымъ крестьянскаго сословія. Въ томъ случаѣ, когда ни отецъ, ни мать младенца неизвѣстны, и не смотря на всѣ старанія, ихъ личность не будетъ выяснена, такой младенецъ долженъ считаться членомъ того общества, гдѣ онъ рожденъ.

Изданіе подобныхъ законовъ явилось бы только актомъ справедливости, актомъ естественнаго признанія за незаконнорожденными права на принадлежность къ тому сельскому обществу, въ которомъ числились въ моментъ рожденія незаконныхъ дѣтей ви-

---

*) Такого же приблизительно взгляда держится Спб. Губерн. Сов. и нѣкот. другія.

новники ихъ появленія на свѣтъ. Такіе законы явились бы разумнымъ признаніемъ за незаконнорожденными права на обезпеченіе ихъ матеріальнаго положенія въ той же мѣрѣ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ прочимъ членамъ ихъ общества. Одинъ фактъ незаконнаго рожденія не даетъ основанія государству обрекать невинныхъ людей на нужду и лишенія, не даетъ права и крестьянскому обществу выбрасывать изъ своей среды такихъ членовъ, отказывая имъ въ относительномъ обезпеченіи ихъ матеріальнаго положенія. Община должна стоять на стражѣ интересовъ всѣхъ своихъ членовъ, не дѣлая различія между ними на основаніи такого случайнаго признака, какъ законность или незаконность рожденія.

С. Бородаевскій.

---

* * *

Надъ влагой зеркальной
Цвѣтущая вѣтвь наклонилась,
Сверкая красою, въ прозрачной водѣ отразилась
И, цвѣтъ свой роняя, водѣ она тихо твердила:
«О какъ ты прекрасна и. какъ я тебя полюбила!..»
Но влага въ отвѣтъ ей: «я стала прекрасна, я знаю,
«Съ тѣхъ поръ, какъ съ любовью
«Твой образъ въ себѣ отражаю...»

Allegro.

Народно-хозяйственные наброски.

О вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ, по послѣднимъ даннымъ текущей земской статистики.

Передъ нами послѣдніе выпуски текущей земской статистики четырехъ губерній: 1) *Сельско-хозяйственый Обзоръ по Воронежской губ. за 1896—97 г.;* 2) *Сельско-хозяйственный Обзоръ Нижегородской губ. за 1896 годъ;* 3) *Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1897 годъ;* 4) *Статистическій Ежегодникъ Тверской губ. за 1897 годъ* *). Масса статистическаго матеріала, заключающагося въ нихъ, не можетъ поддаваться передачѣ и не можетъ быть использована въ журнальной статьѣ; интересующихся разными сторонами эволюціи крестьянскаго хозяйства названныхъ губерній мы, поэтому, отсылаемъ къ подлинникамъ. Но есть въ нихъ нѣчто общее, что можно взять за скобки и что представляетъ немалый общій интересъ. Это—вліяніе урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на весь строй хозяйства массы населенія въ указанномъ году. На этомъ вліяніи мы и остановимся, такъ какъ факты изъ дѣйствительной жизни, публикуемые названными выпусками текущей статистики, служатъ недурной иллюстраціей къ одному изъ мнѣній, высказанныхъ въ прошлогоднемъ литературномъ спорѣ по этому предмету.

Въ Воронежской губ. 1897 годъ отмѣченъ былъ сильнымъ неурожаемъ какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ. Урожай всѣхъ главныхъ хлѣбовъ былъ тамъ не только гораздо ниже средняго за предшествующее десятилѣтіе (у крестьянъ ржи—20 мѣръ противъ средняго 39, озим. пшеницы—27 противъ 36, овса 22 противъ 54, яров. пшеницы 14 противъ 28, ячменя 10 противъ 37), но—даже ниже почти каждаго изъ годовъ этого десятилѣтія въ отдѣльности: только въ 1891 и 92 годахъ хлѣба уродились хуже, чѣмъ въ 1897 г. Въ иныхъ условіяхъ находились болѣе сѣверныя изъ названныхъ губерній. Въ Нижегородской губ. въ 1896 году урожай ржи принадлежалъ къ среднимъ (у крестьянъ—45 мѣръ противъ 48 мѣръ 1895 годъ и 32 мѣръ 1893 г.), а урожай яровыхъ—къ хорошимъ

---

*) Въ послѣдующемъ мы будемъ дѣлать ссылки на эти изданія, обозначая римской цифрой *часть* каждаго изъ нихъ, и арабской *страницу*.

(выше средняго за 6-лѣтіе—овесъ на 7 мѣръ, пшеница—на 5, чечевица—7, льняное сѣмя—на 1), уступая лишь одному 1893 году въ теченіе всѣхъ 90-хъ годовъ. Еще лучше было продовольственное положеніе въ 1897 году Московской губ. Населеніе, по словамъ «Ежегодника», благодаря хорошему урожаю ржи и картофеля, могло тамъ имѣть свой хлѣбъ почти двумя мѣсяцами долѣе обычнаго времени и тремя съ половиною мѣсяцами долѣе предыдущаго (1896) года (I. 19). Наконецъ, въ Тверской губ. хотя урожай овса въ 1897 г. оказался неудовлетворительнымъ по качеству, но урожай ржи и картофеля почти нигдѣ не былъ ниже средняго, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже выше средняго.

Въ значительной степени въ соотвѣтствіи съ этимъ колебались и хлѣбныя цѣны. Если цѣны при большихъ сдѣлкахъ на хлѣбъ на крупныхъ рынкахъ подчиняются міровой торговлѣ, то, какъ извѣстно, розничная мѣстная торговля нерѣдко слѣдуетъ своимъ особымъ законамъ. Въ разныхъ уголкахъ той или другой губерніи на послѣднюю оказываетъ давленіе и мѣстный урожай, и другія мѣстныя условія быта населенія. Этотъ фактъ отмѣченъ даже въ губерніи, которая испытываетъ на себѣ крупное вліяніе такого громаднаго торговаго центра, какъ Москва («Ежегодникъ» III, 6, 8). Конечно, онъ бываетъ выраженъ еще сильнѣе вдали отъ подобныхъ пунктовъ.

Въ неурожайной Воронежской губ. цѣны всѣхъ главныхъ хлѣбовъ поднялись въ 1897 году по сравненію съ предыдущимъ годомъ весьма значительно—въ $1^{1}/_{2}$—$1^{4}/_{5}$ раза (рожь на 47,4%, ржаная мука—на 71,1%, озимая пшеница—на 81,1%, яровая пшеница—на 62,2%, овесъ—на 54,3%, ячмень—на 65,3%, и т. п.), а картофель—даже въ 2 слишкомъ раза (125%). «Сильнѣе всего это повышеніе цѣнъ оказалось не въ районѣ крупныхъ торговыхъ рынковъ, и не вблизи желѣзно-дорожныхъ станцій, а въ глухихъ захолустьяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, гдѣ возрастаніе цѣнъ на хлѣба скорѣе всего можетъ быть объяснено спекуляціей со стороны мѣстныхъ скупщиковъ, не упускающихъ случая наживы при обнаружившихся продовольственныхъ нуждахъ» (II, 36—7). Наоборотъ, при указанныхъ выше болѣе благопріятныхъ урожайныхъ условіяхъ въ 1896 г. въ Нижегородской губерніи осеннія цѣны на всѣ полевыя произведенія (кромѣ конопляннаго сѣмени и волокна) замѣтно понизились по сравненію съ предшествующимъ (1895) годомъ. Это пониженіе было сравнительно невелико лишь для льняного сѣмени (2%) и гречи (5%), но достигало 10% для овса, ржаной муки (несѣянной), пшена, 15% для ржи и 20% для гороха (141); пониженіе же весеннихъ цѣнъ достигало еще болѣе крупной величины (17% для ржи, ржаной муки и пшена, 18% для гороха, 19% для картофеля и 54% для чечевицы) (143). То же явленіе наблюдалось въ 1897 году и въ урожайной Московской губ. Средняя лавочная цѣна ржаной муки осенью 96 года тамъ равнялась всего

64 к. за пудъ: за 6 мѣсяцевъ зимы и весны (декабрь—май) цѣна эта незначительно поднялась, составивъ въ среднемъ 65 коп. за пудъ. Такимъ образомъ, «цѣны на ржаную муку съ самаго лѣта оставались замѣчательно низкими, ниже даже необычайно дешевыхъ цѣнъ зимы и весны 1895—96 гг.» (I, 19). Въ Тверской губ. хотя неурожай овса приподнялъ весной 1897 года цѣну этого хлѣба сравнительно съ весенней его цѣной 1896 года (на 3 р. 24 к. за четверть съ 2 р. 78 к.), но цѣна ржи въ то же время упала съ 5 р. 60 к. за четверть на 5 р. 22 к. въ среднемъ (табл. I, 24 и 26).

Такимъ образомъ, въ противоположность Воронежской губерніи, которая испытывала въ указанный годъ вліяніе неурожая и повышенія хлѣбныхъ цѣнъ, три сѣверныхъ губерніи—Нижегородская, Московская и Тверская, а въ особенности первыя двѣ изъ нихъ—переживали, наоборотъ, недурной урожай и пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. Здѣсь, слѣдовательно, продовольственныя нужды населенія удовлетворялись сравнительно лучше и балансъ крестьянскаго хозяйства складывался гораздо благопріятнѣе. Вотъ, напр., разсчетъ, сдѣланный по этому вопросу въ московскомъ «Ежегодникѣ» (I, 20—21). Въ концѣ 80-хъ годовъ населенію Московской губерніи требовалось 8,99 милл. рублей въ годъ на покупку недостающаго для продовольствія количества муки, а для ея покрытія выручалось отъ продажи овса и картофеля всего 4,5 милл.; въ 1895—96 хоз. году требовалось для той же цѣли 10,9 милл., а выручено было еще меньше—3,1 милл.; а въ 1896—97 хоз. году требовалось только 7,3 милл., а выручено—3,0 милл. Такимъ образомъ, дефицитъ московскихъ крестьянъ, который имъ приходится покрывать изъ внѣ-земледѣльческихъ заработковъ, равнялся въ концѣ 80-хъ годовъ 4,5 милл. руб. въ годъ, въ 1895—96 хоз. году—7,8 милл., а въ 1896—97 г.—только 4,2 милл., т. е. «крестьяне должны были сберечь на продовольственныхъ расходахъ весьма почтенную сумму около 3½ милл. рублей или до 15 руб. въ среднемъ на одно хозяйство, что составитъ не менѣе 5% общаго бюджета средняго крестьянскаго хозяйства и до 27% расхода на хлѣбъ». И это—не смотря даже на неудовлетворительный урожай овса, вслѣдствіе чего выручка отъ продажи яровыхъ въ 1896—97 гг. оказалась меньше соотвѣтственной выручки даже въ 1895—96 гг. Выходитъ, что «хорошій урожай и низкія цѣны на рожь сохраняютъ свое первенствующее значеніе для денежнаго баланса земледѣльческаго хозяйства подмосковныхъ крестьянъ».

Таковы условія. Посмотримъ, какъ отразились они на нѣкоторыхъ сторонахъ хозяйственнаго быта населенія.

Колебанія урожая и хлѣбныхъ цѣнъ повліяли, прежде всего, на размѣры заработной платы земледѣльческихъ рабочихъ. Размѣры эти измѣнялись въ одномъ направленіи съ первымъ изъ названныхъ фактовъ и въ противоположномъ — со вторымъ: плату поднимало улучшеніе урожая и удешевленіе хлѣба, и на-

оборотъ. Такъ, въ Воронежской губерніи весеннія поденныя цѣны рабочихъ въ 1897 году еще почти равнялись такимъ же цѣнамъ въ предшествовавшемъ 1896 году, и стоимость обработки 1 дес. подъ яровое мало чѣмъ отличалась въ оба эти года (II, 81, 83). Но ко времени уборки хлѣба плохіе виды на урожай понизили заработную плату значительно. О дешевизнѣ рабочихъ рукъ говорятъ корреспонденты земско-статистическаго бюро изъ всѣхъ уѣздовъ, «единодушно объясняя ее малымъ урожаемъ всѣхъ хлѣбовъ». Въ Бирюченскомъ, напр., уѣздѣ «бѣдный народъ (по словамъ одного корреспондента) убиралъ поля другимъ, зажиточнымъ крестьянамъ только за насущный хлѣбъ»; въ Валуйскомъ—при началѣ уборки яровыхъ, въ виду ожидавшагося неурожая, цѣны на рабочія руки понизилась почти на половину сравнительно съ тѣми, какія были во время сѣнокоса; по выраженію одного корреспондента, «рабочія руки противъ прежнихъ годовъ были, можно сказать, податливѣе, потому что нечего было убирать» (II 84). Въ среднемъ по губерніи плата за подесятинную уборку ржи составляла меньше 74%, овса—около 72%, проса — около 75% аналогичныхъ платъ предшествовавшаго года. Таково же приблизительно было отношеніе тѣхъ же платъ и къ среднимъ платамъ за предыдущіе 10 лѣтъ. «Такое паденіе цѣнъ на рабочіе руки вполнѣ соотвѣтствуетъ разницѣ въ количествѣ урожая 1896 и 1897 годовъ и средняго урожая за 10 лѣтъ», прибавляетъ составитель «Обзора». Рядомъ съ этимъ въ 1897 году цѣны на трудъ всѣхъ сроковыхъ рабочихъ (годовыхъ и полѣтчиковъ) понизились по сравненію съ предшествующимъ годомъ на 2—4 рубля (II, 89, 91). Иначе дѣло обстояло въ урожай 1896 годъ въ Нижегородской губерніи. Поденная плата во время производства яровыхъ посѣвовъ тамъ повысилась, по сравненію съ средней платой за предыдущіе 4 года, «рѣшительно по всѣмъ категоріямъ рабочихъ» (для конныхъ и пѣшихъ, мужчинъ, женщинъ и полуработниковъ)—отъ 6% до 24% (103); то же явленіе наблюдалось и во время сѣнокоса (на 4%—17%) (105), уборки хлѣбовъ (на 4%—14%) (107) и озимого сѣва (109). «Обзоръ» приводитъ, далѣе, множество отзывовъ корреспондентовъ всѣхъ уѣздовъ губерніи, объясняющихъ и причины такого паденія цѣнъ на трудъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ повторяются чаще всего—урожай и низкія хлѣбныя цѣны: крестьянину приходится зарабатывать меньше денегъ на покупку недостающаго хлѣба. Въ связи съ этими факторами указываютъ, далѣе, и на подъемъ кустарныхъ промысловъ, лѣсныхъ заработковъ; въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ—на устройство нижегородской выставки, давшей заработокъ большому числу рабочихъ. «Рабочая плата повысилась, замѣчаетъ одинъ корреспондентъ, потому что меньше лицъ, желающихъ идти въ услуженіе, благодаря дешевымъ цѣнамъ на хлѣбъ, и больше домохозяевъ, ищущихъ рабочихъ рукъ»,—таковъ типичный отзывъ, варьирующійся на разные лады изъ

всѣхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи. Или вотъ еще одинъ: «цѣны на рабочихъ повысились, вѣроятно, вслѣдствіе того, что крестьяне стали лучше жить, т. е. менѣе имѣть нужды въ кускѣ насущнаго хлѣба» (119—125). И въ Московской губ. въ 1896—97 гг. цѣны на рабочихъ, подъ вліяніемъ предшествовавшаго урожая и дешеваго хлѣба, стояли высоко. Только изъ небольшого числа мѣстностей корреспонденты не сообщаютъ о недостаткѣ въ рабочихъ; почти во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ установленъ фактъ меньшаго предложенія труда, что приписываютъ дешевизнѣ хлѣба, хорошему урожаю и затѣмъ оживленію промышленныхъ дѣлъ, отвлекавшему въ данномъ году много народу на фабричные заработки, и другимъ мѣстнымъ причинамъ. «Многіе, по случаю дороговизны рабочихъ, не нанимали ихъ, убавивъ прежній посѣвъ», говоритъ одинъ корреспондентъ изъ Бронницкаго уѣзда. Таково было положеніе дѣла весною. Поденная плата во время производства яровыхъ посѣвовъ поднялась для всѣхъ категорій рабочихъ (особенно для женщинъ), для нѣкоторыхъ даже до 13% въ сравненіи съ средней за 90 годы. Тоже замѣчалось и по отношенію къ платѣ годовымъ и лѣтнимъ сроковымъ рабочимъ. Дѣло начало мѣняться съ сѣнокоса. Тамъ, гдѣ урожай травы былъ хорошъ (Дмитровскій уѣздъ), плата рабочимъ при уборкѣ сѣна по сравненію съ предшествующимъ годомъ повышалась. Но въ большинствѣ мѣстностей она понизилась на 3% —17 %. Причиной этого явленія былъ неурожай травы: платили меньше прошлаго года, «потому что травы было мало», «потому что убирать было нечего», «по случаю полнаго неурожая»; «въ рабочихъ не было недостатка, потому что нечего косить было самимъ». По словамъ «Обзора», отсутствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ обусловливалось минувшимъ лѣтомъ (1897 г.) не столько обильнымъ предложеніемъ труда, сколько незначительностью спроса на него. При уборкѣ хлѣба плата стояла ниже прошлогодней (1896 г.), но нѣсколько выше обычной за 90 годы; «несоотвѣтствіе между предложеніемъ труда и спросомъ на него, которое дѣйствовало подавляющимъ образомъ во время сѣнокоса на заработную плату, сгладилось во время жнитва и уборки ржи». Наконецъ, подъ вліяніемъ худшаго урожая картофеля, поденная плата при его копаніи была ниже, чѣмъ въ 1896 году (I, 85—88). Въ Тверской губ. наблюдалось въ 1896 г. также возвышеніе рабочей платы почти для всѣхъ тѣхъ категорій рабочихъ, для которыхъ приведены въ «Ежегодникѣ» сравненія съ средними платами за предшествующій пятилѣтній періодъ (1892—1896 гг.) (I прилож. 36—37); именно: рабочіе годовые мужчины получали 67,1 рубл. противъ 65,6; женщины—38,6 противъ 36,7, сроковые лѣтніе мужч. 46,1 противъ 45,6, женщ. 29,5 противъ 27,1 и зимніе мужч. 17,0 противъ 16,0, женщ. 10,2 противъ 9,5.

По той же схемѣ складывались для крестьянскаго хозяйства и

арендныя отношенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ аренды вообще распространены.

Въ неурожайной Воронежской губ. арендныя цѣны не только не сократились, но даже нѣсколько повысились. Средняя арендная плата за 1 дес. подъ яровое у владѣльцевъ съ 9 р. въ 1896 году поднялась до 9 р. 20 к. въ 1897 г., а у крестьянъ—съ 6 р. 80 к. на 7 р. 70 к. Эти цѣны для внѣ-надѣльныхъ арендъ, правда, нѣсколько ниже средней за 10 лѣтъ, но лишь на небольшую величину — 5,7%; за то для надѣльныхъ онѣ выше средней на 6,5% (II, 79). Неурожай хлѣбовъ въ 1897 году не измѣнилъ такого отношенія и лѣтомъ: средняя арендная плата за 1 дес. подъ озимое у владѣльцевъ съ 10,3 руб. въ 1896 году поднялась до 10,7 руб., въ 1897 г., а у крестьянъ—съ 7,9 руб. на 8,3 руб. И опять—если эта плата за внѣ-надѣльную аренду немного ниже средней за 10 лѣтъ, за то она выше послѣдней за аренду надѣльную. Испольныя платы (50% и 45%) въ 1897 году не измѣнили своей величины. «Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ «Обзоръ», въ теперешнемъ состояніи съемочныхъ цѣнъ на землю нельзя не усматривать устойчивости особаго рода, немало не поколебленной неурожаемъ нынѣшняго года. Послѣднее обстоятельство, очевидно, означаетъ, что, при характерѣ исключительно земледѣльческаго промысла, потребность въ землѣ у крестьянъ Воронежской губерніи нисколько не ослабѣваетъ даже подъ вліяніемъ сельско-хозяйственныхъ неудачъ, связанныхъ съ неурожаемъ» (II, 109—111). Прямо противоположное положеніе встрѣчаемъ мы въ Нижегородской губ. съ ея урожаемъ и удешевленіемъ хлѣба. «Сравнивая 1896 г. съ четырьмя предшествующими годами (1892—1895 гг.), находимъ, что этотъ годъ былъ годомъ сильнаго паденія арендныхъ цѣнъ на землю подъ яровой посѣвъ: плата уменьшилась на 7,5% противъ средней платы за предшествующіе четыре года, или на 9,6% противъ платы предыдущаго 1895 года». «Во всѣхъ корреспонденціяхъ красной нитью проходитъ мысль, что арендныя цѣны въ 1896 году стояли весьма низкія, что землю у сдатчиковъ брали неохотно, что количество арендуемой крестьянами пашни сокращается». Изъ причинъ этого явленія подавляющая масса отзывовъ корреспондентовъ ставитъ на первый планъ паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и дороговизну рабочихъ рукъ. Болѣе трехъ страницъ занято въ «Обзорѣ» цитатами изъ этихъ отзывовъ, повторяющихъ стереотипно одну и ту же фразу о паденіи арендныхъ цѣнъ вслѣдствіе паденія цѣнъ хлѣбныхъ и подъема заработной платы, изъ чего можно съ полнымъ правомъ заключить, что сокращеніе спроса на арендованіе земель коснулось главнымъ образомъ (а можетъ быть и исключительно) такихъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя пользовались наемными участками не съ потребительными, а съ рыночными цѣлями и притомъ при помощи наемнаго труда. Тѣ же причины, по отзывамъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, вліяютъ также и на

сокращеніе владѣльческихъ запашекъ и увеличеніе предложенія арендъ. «Многіе спѣшатъ во что бы то ни стало поскорѣе отдѣлаться отъ нея (земли) и сдать въ аренду, хотя бы на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ» (изъ земледѣльческаго района). «Арендная цѣна дешевле прошлогодняго (*ни по чемъ не берутъ*), потому что цѣны на хлѣбъ низкія» (Макарьевскій уѣздъ), «земель въ аренду берутъ мало — *разсчету нѣтъ*, хлѣбъ дешевъ, цѣны на землю пали» (Нижегородскій уѣздъ) и т. п. Рѣже указываютъ корреспонденты на другія причины указаннаго явленія, имѣющія болѣе мѣстное значеніе—на недостатокъ яровыхъ сѣмянъ у арендаторовъ-крестьянъ, на отсутствіе живого инвентаря («когда у крестьянъ есть запасъ сѣмянъ или лишняя лошадь, тогда на своей надѣльной землѣ они сдаютъ меньше—сами обрабатываютъ—охотнѣе снимаютъ у сосѣдей-владѣльцевъ и даютъ имъ арендную цѣну выше»), на отвлеченіе мѣстами народа отъ земледѣлія для кустарныхъ и отхожихъ промысловъ. Необходимо прибавить, что «въ послѣднее время замѣчается тамъ же переходъ отъ денежной аренды къ испольной». Это и понятно. Съ сокращеніемъ рыночнаго съема земель выдвигается на первый планъ потребительный, причемъ арендаторами являются по преимуществу болѣе несостоятельные крестьяне, имѣющіе возможность предложить въ арендной сдѣлкѣ свой трудъ гораздо чаще, чѣмъ деньги. «Земля подъ яровое сдается теперь *преимущественно* исполу»; «въ аренду землю берутъ *большей частью* исполу» и т. п. (86—94). Такъ дѣло стояло въ Нижегородской губ. съ арендами подъ яровое. Урожай 1896 года усилилъ еще болѣе тѣ же явленія. «Арендныя цѣны подъ озимой посѣвъ обнаружили еще большее пониженіе; плата уменьшилась на 19% (почти на 1/5) противъ средней платы за предшествующіе четыре года и на такой же процентъ по сравненію съ платой предыдущаго (1895) года». Пониженіе платъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздахъ даже значительно превосходило эту норму: въ Макарьевскомъ—28%, въ Нижегородскомъ—29%, въ Горбатовскомъ — 36%, въ Семеновскомъ — 49%. Изъ причинъ такого сильнаго удешевленія огромное большинство корреспондентовъ стереотипно выдвигаютъ опять то же: низкія цѣны на хлѣбъ и вздорожаніе труда. Переходъ отъ денежной формы къ натуральной отмѣчается также и относительно аренды подъ озимое. «Насколько мнѣ извѣстно, говоритъ одинъ корреспондентъ изъ Лукояновскаго уѣзда, теперь крестьяне *совсѣмъ не берутъ* у владѣльцевъ въ аренду (подразумѣвается—денежную), а берутъ исполу». Наконецъ, характерно слѣдующее замѣчаніе «Обзора»: «урожаи 1894—1895 гг. имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что ни одинъ корреспондентъ не жаловался на отсутствіе (озимыхъ) сѣмянъ, какъ на причину паденія арендныхъ цѣнъ и усиленнаго стремленія крестьянъ сдавать свои надѣлы въ чужія руки подъ озимой посѣвъ» (95—98).

Что касается Московской губерніи, то полученныя въ бюро

свѣдѣнія объ арендѣ тамъ пахотныхъ земель немногочисленны и отрывочны, такъ что опредѣленнаго понятія объ ея движеніи составить нельзя. «Немногочисленность сообщеній о долгосрочной арендѣ объясняется, быть можетъ, незначительнымъ ея распространіемъ въ губерніи»; не менѣе отрывочны и свѣдѣнія, полученныя объ испольной арендѣ подъ озимое. Характерно, однако, что есть показанія о сокращеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сдачи надѣльныхъ земель. Въ одномъ случаѣ указывается на то, что «каждый старается обработать поле въ свою пользу»; въ другомъ, что «хозяева стали засѣвать (надѣлы) льномъ и заводить травосѣяніе» (Волоколамскій уѣздъ). Только въ двухъ случаяхъ упоминается объ увеличеніи сдачи надѣльныхъ земель, потому что хозяева стали уходить «жить на фабрику» и «въ Москву» (I, 188—192).

Переходя, далѣе, къ заработкамъ крестьянъ отъ отхожихъ и кустарныхъ промысловъ, также находимъ въ нашемъ матеріалѣ немало данныхъ, указывающихъ на паденіе этихъ заработковъ въ зависимости отъ неурожаевъ и вздорожанія хлѣба, и наоборотъ—на подъемъ ихъ при урожаѣ и удешевленіи хлѣба.

Весьма характерна въ этомъ смыслѣ глава объ отхожихъ промыслахъ въ «Обзорѣ» Воронежской губерніи. Подобно многимъ другимъ губерніямъ, тамъ отходъ, какъ извѣстно, играетъ большую народно-хозяйственную роль, хотя роль эта, подъ вліяніемъ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, значительно сокращается. Такая тенденція характеризуетъ и 1897 годъ; обусловливается она «конечно, не улучшеніемъ экономическаго благосостоянія населенія—о чемъ и рѣчи быть не можетъ—а «ничтожностью выгоды» отъ отхожихъ промысловъ въ послѣднее время, благодаря переполненію рабочаго рынка, съ одной стороны, и увеличивающагося распространенія сельско-хозяйственныхъ машинъ на югѣ—съ другой. Въ указанномъ году, прежде всего, сократилось число лицъ, «пожелавшихъ испытать счастье въ южныхъ степныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ». Но тѣмъ не менѣе рынокъ оказывался переполненнымъ и заработки отхожихъ рабочихъ пали до минимальныхъ размѣровъ. Ходили изъ 84 волостей въ Донскую область и на Сѣверный Кавказъ, ходили на косовицу, на свекло-сахарные заводы, на каменноугольныя копи и въ результатѣ—«третья часть», «половина», «всѣ» уходившіе «вернулись ни съ чѣмъ»; нѣкоторые не отработали даже расходовъ на дорогу;» иные возвратились—«даже раздѣвши, потому что тамъ урожай былъ плохъ» и. д. Такой характеръ носитъ «подавляющее большинство» отзывовъ корреспондентовъ. Только 4,5% ихъ опредѣляютъ заработки, какъ средніе, 48,3%—называютъ ихъ плохими, а 48,2%—вполнѣ неудавшимися. Для Задонскаго, напр., уѣзда указывается, что принесли съ собой 5—12 руб. только тѣ, «которымъ посчастливилось»... Чѣмъ же кончился отходъ тѣхъ, которымъ «не посчастливилось»?.. Только два отзыва свидѣтельствуютъ о недурныхъ заработкахъ на Балашевской жел. дорогѣ и на камен-

ноугольныхъ копяхъ. Къ сказанному составитель «Обзора» прибавляетъ: «все это дѣлаетъ очевидною невозможность возлагать надежду на то, чтобы крестьянство, застигнутое неурожаемъ, при данномъ уровнѣ своего экономическаго положенія, могло личными усиліями, безъ посторонней помощи, выйти изъ бѣды; число свободныхъ рукъ увеличивается много быстрѣе, чѣмъ открываются новыя области ихъ приложенія» (II, 91—93).

Въ Нижегородской губерніи, наоборотъ, отходъ не только несокращается, но не перестаетъ увеличиваться. Только одна десятая часть корреспондентовъ отмѣчаетъ нѣкоторое его уменьшеніе, указывая на урожай и увеличеніе доходности мѣстныхъ заработковъ, какъ на причины этого явленія. Но въ громадномъ большинствѣ мѣстностей тамъ отходъ развивается. Конечно, основными причинами этого процесса остаются малоземелье, потеря сельскохозяйственнаго инвентаря, упадокъ мѣстныхъ промысловъ. Но насъ въ данную минутъ интересуетъ особенность того же явленія въ 1897 году, состоящая въ подъемѣ доходности отхода. Только 13% корреспонденцій говорятъ объ уменьшеніи послѣдней (въ 1893 году — 34%), а 57% — объ ея увеличеніи (въ 1893 году — только 38%). «Самая группировка отзывовъ невольно побуждаетъ ставить увеличеніе лѣтняго отхода въ причинную зависимость отъ его выгодности». На Волгѣ «увеличилась выгодность заработка»; въ другой мѣстности «ушедшихъ противъ прошлаго года больше, въ виду лучшаго заработка» и т. д.,—таковы типичныя свидѣтельства корреспондентовъ. Положимъ, что въ числѣ причинъ здѣсь слѣдуетъ назвать одну исключительную-присущую только данному году и данному мѣсту. Это—нижегород, ская выставка, которая «потребовала столько рабочей силы, что не было ни одного уѣзда, почти ни одной волости, откуда бы не хлынулъ въ Нижній цѣлый потокъ рабочихъ разныхъ возрастовъ, состояній, спеціалистовъ въ томъ или другомъ ремеслѣ». Но было бы ошибкой. сваливать интересующее насъ явленіе на одно это, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ особая табличка «Обзора» на страницѣ 211. Изъ нея выясняется, что увеличилась доходность и рѣчныхъ промысловъ (служба на баржахъ, пароходахъ, пристаняхъ, сплавъ плотовъ и проч.) (25 отзывовъ противъ 3-хъ объ уменьшеніи заработка въ нихъ), и въ промыслахъ подеревныхъ (плотники, судостроители, столяры, пильщики и пр.) (18 отзывовъ противъ 5 противоположныхъ), и въ промыслахъ каменщиковъ, печниковъ, штукатуровъ и пр. (19 противъ 0), и въ фабричныхъ промыслахъ (8 противъ 0), и въ разныхъ другихъ видахъ отхода (промыслы каменный, стекольный, шаварный, гвоздарный, кузнечный, чистка трубъ, вязка канатовъ, дворничество) (14 противъ 4). Слѣдовательно, далеко не одна выставка служила причиной увеличенія доходности промысловъ. Во всѣхъ почти видахъ ихъ замѣча-

лось оживленіе спроса на трудъ и подъемъ заработной платы (200—214).

Въ Московской губерніи, по словамъ «Ежегодника» (II, 33), отхожіе промыслы «обстояли въ 1896—97 году одинаково хорошо, какъ и въ прошломъ». Но табличка, приложенная къ этой статьѣ, говоритъ даже нѣчто большее. Она показываетъ, что и тамъ, подобно Нижегородской губерніи, отхожіе промышленники многихъ спеціальностей, а съ ними и мѣстные зарабатывали въ названномъ году больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Это относится къ бондарямъ, кузнецамъ, домашнимъ ткачамъ, мотальщикамъ, перчаточникамъ, возчикамъ дровъ, башмачникамъ, сапожникамъ, къ нѣкоторымъ фабричнымъ рабочимъ (II, 44—49). Только нѣкоторые кустарные промыслы, повидимому, понизились въ отчетномъ году при неизмѣнномъ положеніи большинства другихъ—такъ резюмируетъ свой обзоръ кустарничества «Ежегодникъ». Домашнее ткачество шелка дало, повидимому, худшіе результаты, ткачество же бумажныхъ матерій, повидимому, одинаковые. Лѣсные заработки также уклонились частью въ сторону ухудшенія. Фабричные промыслы остались въ томъ же хорошемъ положеніи, въ которомъ ихъ застало начало отчетнаго года. Наконецъ, женскіе заработки не ухудшились, за исключеніемъ гильзоваго промысла, который продолжаетъ понижаться въ зависимости отъ дальнѣйшаго вытѣсненія въ немъ ручного труда машиннымъ. «Въ результатѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, нѣкоторое основаніе предполагать, что 1896—97 годъ, по состоянію въ немъ промысловъ и мѣстныхъ заработковъ, нельзя отнести къ числу худшихъ годовъ, хотя въ немъ и не отмѣчается какихъ-либо рельефныхъ улучшеній» (II, 36—7). Этотъ осторожный выводъ нѣсколько усиливается только что приведенными данными таблички объ увеличеніи заработной платы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ кустарнаго и отхожаго труда.

«Ежегодникъ» по Тверской губерніи, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ свѣдѣній о заработкахъ отхожихъ промышленниковъ, и мы лишены возможности прослѣдить колебанія рабочей платы ихъ въ 1897 году. Составитель этого изданія указываетъ лишь на прогрессивный ростъ отхода и вычисляетъ коэффиціентъ такого роста: для мужчинъ—1,5%, для женщинъ—1,2% и для идущихъ по семейнымъ паспортамъ—1,8% въ годъ за послѣдніе 4 года. Если такое вычисленіе справедливо, то въ этомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе это переселеніе цѣлыхъ семействъ на сторону искать счастья, переселеніе, увеличивающееся съ теченіемъ времени... Интересно также и то, что мужчины чаще склонны ограничиваться болѣе короткими полугодовыми и трехмѣсячными паспортами въ то время, какъ женщины предпочитаютъ болѣе долгосрочные годовые и пятилѣтніе паспорты. За годъ (въ 1896 году по сравненію съ 1895) пятилѣтній отходъ мужчинъ увеличился менѣе чѣмъ на треть (31,9%), а женщинъ—почти удвоился (83,1%) (II, 26—30).

Тѣ же факторы—высота урожая и колебанія хлѣбныхъ цѣнъ—оказываютъ вліяніе и на состояніе скотоводства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Какъ показываетъ нашъ матеріалъ, подъемъ урожая и паденіе цѣнъ рѣшительно способствуютъ абсолютному увеличенію скотоводства, а обратныя условія служатъ причиной значительнаго его сокращенія.

Въ неурожайной Воронежской губерніи цѣны на скотъ и на бóльшую часть продуктовъ скотоводства осенью 1897 года значительно упали. Цѣны эти были ниже среднихъ за 10-лѣтній періодъ для крестьянскихъ лошадей — на 10,8%, для коровъ — на 12%, для пары воловъ—на 4%, для простыхъ овецъ—на 20%, для свиней—на 15%, для разныхъ сортовъ сала и мяса—на 18%—31%, для овчинъ—на 16½%; онѣ были нѣсколько выше среднихъ только для конскихъ и воловьихъ кожъ, масла и мытой шерсти. Изъ этого можно заключить, что предложеніе скота и продуктовъ скотоводства не покрывалось спросомъ, другими словами, что населеніе распродавало свой скотъ въ живомъ видѣ или въ формѣ мясныхъ продуктовъ. «Можно ожидать, продолжаетъ составитель «Обзора», что цѣны на скотъ, понизившіяся въ теченіе осени настоящаго (1897) года, еще болѣе упадутъ съ наступленіемъ зимы, когда запасы кормовъ у крестьянъ истощаются». Приводятся далѣе свѣдѣнія, доставленныя задонскою уѣздною земскою управою, согласно которымъ въ уѣздѣ уже съ начала осени крестьянами распродано было 606 головъ крупнаго скота и 1,561 голова мелкаго и, кромѣ того, по даннымъ управы—«предположено къ продажѣ скота, въ виду могущей (?!) быть дороговизны корма»—3,000 головъ крупнаго и 13,300 головъ мелкаго. Итого, по этимъ даннымъ, очевидно, не имѣющимъ возможности претендовать даже въ отдаленной степени на полноту, распродажа крестьянскаго скота только въ одномъ уѣздѣ опредѣляется громадной цифрой въ 18½ тысячъ головъ всякаго скота! Даже земскіе начальники, по словамъ «Обзора», указываютъ на начавшуюся уже мѣстами распродажу крестьянами скота, благодаря безкормицѣ (II, 100—102).

Наоборотъ, въ Нижегородской губерніи (и, какъ сейчасъ увидимъ, не только тамъ) численность скота у крестьянъ возрастаетъ. По даннымъ ветеринарной переписи, произведенной весной 1896 г., число лошадей въ губерніи увеличилось *за одинъ годъ* почти на 5% (на 10,757 головъ), а число коровъ—даже на 11% (на 32,424 головы). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ цифры эти возрастаютъ еще значительнѣе. Въ Горбатовскомъ число коровъ возрасло на 21,1%, въ Макарьевскомъ—на 14,5%, въ Балахнинскомъ—на 14,2%, въ Княгининскомъ—на 13,3% (196—7).—Тотъ же фактъ наблюдается и въ Московской губерніи. Здѣсь за періодъ времени съ 1869 по 1894 годъ количество лошадей не только не возрасло, но даже упало на 9,304 головы. Съ 1883 по 1892 годъ включительно констатировано непрерывное паденіе этой цифры—въ началѣ крайне незначительное, а въ послѣдній изъ названныхъ годовъ весьма

крупное—22,166 головъ. Затѣмъ началось увеличеніе числа лошадей—въ 1895 году сравнительно съ 1894—на 1,5% (2,545 головъ), а въ слѣдующемъ—на 4,1% (7,230). Въ тѣ же годы происходило и увеличеніе крупнаго рогатаго скота и притомъ (подобно Нижегородской губ.) быстрѣе числа лошадей—на 6,3% (15,581 головъ) и 13,0% (34,257 головъ). Въ 1896 году это увеличеніе «коснулось всѣхъ безъ исключенія уѣздовъ губерніи какъ по отношенію къ лошадямъ, такъ и по отношенію къ крупному рогатому скоту» (Приложеніе, стр. 1—2). Наконецъ, та же тенденція, повидимому, была свойственна 1897 г. Только одна четвертая часть сообщеній корреспондентовъ говоритъ объ уменьшеніи скота въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, всѣ же остальныя распредѣляются между «одинаково» и (⅓) «скотоводство увеличилось». Такой результатъ, по словамъ «Ежегодника», «какъ бы противорѣчитъ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлись относительно наличныхъ, въ общемъ далеко не благопріятныхъ, условій для предстоявшаго содержанія скота минувшей зимой.» Но это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе—во первыхъ—въ хорошемъ сборѣ травъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Богородскомъ, Клинскомъ, Дмитровскомъ), во вторыхъ—въ хорошемъ состояніи нѣкоторыхъ промысловъ и заработковъ (Богородскій, Московскій, Серпуховской), а въ третьихъ — въ хорошемъ урожаѣ ржи въ Московской губ. въ 1896 году. «Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, гдѣ постоянный недочетъ, гдѣ недостатокъ одного покрывается другимъ, чтобы въ свою очередь быть покрытымъ третьимъ, урожай такого важнаго фактора въ хозяйствѣ, какъ рожь, не могъ не отразиться благопріятно на всемъ крестьянскомъ бюджетѣ, тѣмъ болѣе, что для крестьянъ Московской губ. хорошій урожай въ 1896 году имѣетъ усиленное значеніе: при большей обезпеченности своимъ хлѣбомъ, они могли недостатокъ продовольствія пополнять, пользуясь въ большей степени низкими цѣнами на хлѣбъ, наблюдавшимися до послѣдняго времени въ Москвѣ, благодаря «угнетенію» московскаго хлѣбнаго рынка, усиленнымъ подвозамъ хлѣба изъ степныхъ хозяйствъ» (I, 28 — 29). По этимъ причинамъ въ общемъ по губерніи крестьянское скотоводство въ 1897 году продолжало увеличиваться. Являлась возможность сохранить скотъ отъ распродажи, къ чему побуждало также и стремленіе пополнить его убыль у населенія, продавшаго много скота въ зиму и весну 1896 года вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи (I, 28).

Увеличеніе абсолютнаго числа головъ скота замѣчается и въ Тверской губ. За 20-лѣтіе 1872—1892 гг. оно поднялось на 13,8%, а за 5-лѣтіе 1892—1897 гг.—на 3,3%. Коэффиціентъ ежегоднаго средняго прироста скота выражается цифрой 0,69% въ годъ для перваго періода и 0,66% въ годъ для второго. Но при этомъ отмѣчается разница между движеніемъ числа лошадей и числа крупнаго рогатаго скота. Число послѣдняго растетъ и въ вышеуказанныхъ губерніяхъ быстрѣе числа первыхъ: въ первый періодъ

14,8% противъ 12,5%, а во второй—6,5% противъ *убыли* лошадей на 1,0%. «Значительный приростъ коровъ объясняется ростомъ самого населенія, причемъ большинство захудалыхъ крестьянъ, а также безземельныхъ и бобылей, не имѣя лошадей, коровъ содержатъ» (I, 72—73).

Аналогичныя условія наблюдаются и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи за 9-лѣтіе съ 1882 года по 1891 годы въ общемъ имѣло мѣсто не сокращеніе, а довольно значительное возрастаніе числа лошадей (съ 57,6 т. на 62,3 тыс. по даннымъ ниже дѣйствительныхъ). Подъ вліяніемъ неурожая 1891 года количество лошадей значительно сократилось, а въ теченіе послѣдующихъ 3 лѣтъ почти не измѣнилось, а если и измѣнилось, то лишь въ сторону дальнѣйшаго сокращенія. Но съ 1895 года началъ замѣчаться довольно рѣзкій поворотъ къ лучшему: въ теченіе 1894—95 года количество лошадей увеличилось на 2,000, а въ теченіе слѣдующаго (1895—96 г.)—еще на 3,300, т. е. за 2 года возрасло на 11%. Почти то же наблюдалось и по отношенію къ числу роста скота, овецъ и свиней *).

Такимъ образомъ, въ годы сравнительныхъ урожаевъ и низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ (въ половинѣ 90 годовъ) скотоводство крестьянъ начало возрастать, повидимому, въ большой части нашей страны. Необходимо, однако, быть весьма осторожнымъ съ выводами изъ этого положенія, которое требуетъ еще оговорокъ и, пожалуй, нѣкотораго дополнительнаго изслѣдованія.

Прежде всего, приведенныя цифры ничего не говорятъ объ относительномъ обезпеченіи скотомъ наличнаго населенія. Число послѣдняго возрастаетъ и если его ростъ происходитъ быстрѣе увеличенія скотоводства, то среднее число скота на 1 душу об. п. или на 1 хозяйство не перестаетъ уменьшаться. Значеніе этого фактора въ данномъ случаѣ можно видѣть, напр., хотя бы изъ такого сопоставленія данныхъ вышеприведенной статьи г. Черненкова о Петровскомъ уѣздѣ (стр. 1 и 2). Абсолютное уменьшеніе числа рабочихъ лошадей тамъ въ періодъ 1884—1894 г. произошло на 16,5%, а сокращеніе средняго числа рабочихъ лошадей на наличную душу об. п. въ то же время—на 25,7%; аналогичныя цифры для коровъ—17,8% противъ 26,8%, овецъ—23,0% противъ 31,5%, свиней 66,6% противъ 71,4%. Т. е. число головъ скота на 1 душу об. п. (и, конечно, на 1 хозяйство) въ среднемъ сокращалось за указанное десятилѣтіе еще быстрѣе, чѣмъ абсолютное его число. Еще примѣръ. Въ Тверской губерніи, въ которой мы только что отмѣтили увеличеніе крестьянскаго скотоводства, приростъ населенія за послѣдніе годы опредѣляется въ среднемъ въ годъ цифрой

*) *Н. Н. Черненковъ*—Сравнительныя данныя о скотоводствѣ крестьянъ Петровскаго уѣзда по земскимъ переписямъ 1884 и 1894 гг.—«Саратовская Земская Недѣля» 1897 г. № 7.

1,22% (II, 222), т. е. за 5-лѣтіе 6,1%, увеличеніе же числа головъ скота, какъ мы видѣли, вычислено за 5-лѣтіе (1892—97 гг.) всего въ 3,3%, т. е. почти въ половину меньше. Равнымъ образомъ, если принять приведенный коэффиціентъ прироста населенія для всего 20-лѣтія 1872—92 гг., то окажется, что населеніе увеличилось тамъ за указанный періодъ на 24,4% въ то время, какъ скотоводство возрасло всего на 13,8%. Выходитъ, что и въ этомъ случаѣ обезпеченіе населенія Тверской губерніи скотомъ постепенно сокращалось, не смотря на абсолютное увеличеніе его числа. Такимъ образомъ приведенные разсчеты, указывающіе на абсолютное увеличеніе крестьянскаго скотоводства въ значительной части Россіи въ годы урожаевъ и низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, еще не указываютъ на подъемъ благосостоянія крестьянскаго населенія даже при названныхъ, сравнительно благопріятныхъ, хозяйственныхъ условіяхъ. Эти разсчеты указываютъ лишь на то, что при отсутствіи названныхъ условій, то есть въ годы неурожаевъ и высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, положеніе это является еще худшимъ, какъ то мы имѣли возможность наблюдать выше на примѣрѣ Воронежской губерніи, или какъ можно заключить изъ того, что изъ всего количества безлошадныхъ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи—30,6%, т. е. почти цѣлая треть, лишились своихъ лошадей въ неурожайные 1891 и 1892 года и слѣдующій за ними 1893 *).

Но этого мало. Оставляя въ сторонѣ элементъ прироста населенія, въ данномъ случаѣ представляется чрезвычайно важнымъ подробнѣе изучить вопросъ о распредѣленіи абсолютнаго прироста скота между отдѣльными группами домохозяевъ. Приростъ этотъ можетъ распредѣляться такимъ образомъ, что имъ могутъ болѣе всего пользоваться бѣднѣйшіе изъ нихъ, т. е. можетъ уменьшаться число безлошадныхъ и безкоровныхъ и однолошадныхъ и однокоровныхъ дворовъ. Но можетъ быть и такое распредѣленіе прироста скота, при которомъ приростъ этотъ главнымъ образомъ выпадаетъ на долю среднесостоятельныхъ и богатыхъ хозяйствъ. При этомъ характеръ упомянутаго распредѣленія будетъ существенно отличенъ въ томъ случаѣ, когда средніе хозяева увеличиваютъ потребительныя и рабочія силы своего двора, отъ того, когда богатые займутся разведеніемъ скота для рыночныхъ цѣлей. Для рѣшенія вопроса о томъ, въ какомъ направленіи у насъ совершается распредѣленіе прироста крестьянскаго скота, мы въ настоящую минуту еще не имѣемъ достаточно наблюденій, и представляется весьма желательнымъ, чтобы текущая земская статистика ближайшихъ годовъ выяснила его.

Мы имѣемъ, однако, уже и теперь нѣкоторыя указанія, свидѣтельствующія о томъ, что число безлошадныхъ въ районѣ увеличенія

*) Докладъ г. Березова о безлошадныхъ Петровскаго уѣзда. «Саратовская Земская Недѣля» 1897 г. № 50 и 51., стр. 447—448.

крестьянскаго скотоводства всетаки не уменьшается. Это наблюдается, по свидѣтельству «Ежегодника» (I, 73), въ Тверской губерніи. Въ Нижегородской, по даннымъ «Обзора» (191—2) «главной побудительной причиной продажи скота въ 1896 году была дороговизна и недостатокъ корма; далѣе, скотъ продавали еще на уплату податей и «по нуждѣ», за избыткомъ же скота происходила незначительная продажа. Уже отсюда видно, что изъ трехъ категорій хозяевъ — бѣдныхъ, среднихъ и богатыхъ — продаетъ главнымъ образомъ первая категорія, потомъ вторая и менѣе всего третья». Затѣмъ приводится въ «Обзорѣ» табличка, изъ которой явствуетъ, что о распродажѣ скота «бѣдными» домохозяевами имѣется $68^1/_2{}^0/_0$ показаній, о распродажѣ «средними», $18^0/_0$, а о распродажѣ «богатыми»—всего $13^1/_2{}^0/_0$. «Такимъ образомъ, заключаетъ «Обзоръ», бѣднымъ приходится въ пять разъ чаще продавать свой скотъ, чѣмъ богатымъ, и почти въ четыре раза чаще, чѣмъ среднимъ». Отдѣльныя показанія корреспондентовъ (193—196) еще рельефнѣе подтверждаютъ эту мысль.—Какъ видно изъ вышеупомянутой статьи г. Черненкова, въ Петровскомъ уѣздѣ въ періодъ сокращенія мѣстнаго крестьянскаго скотоводства (1884—1894) «вмѣсто особенно сильнаго развитія крайнихъ группъ хозяйства, замѣчалась картина общаго пониженія благосостоянія населенія». Но даже и тамъ въ тотъ періодъ число наиболѣе маломощныхъ безлошадныхъ хозяйствъ возрасло почти на ⅓, въ то время, какъ въ группѣ зажиточныхъ домохозяевъ произошло даже увеличеніе средняго количества рабочихъ лошадей на одно хозяйство, хотя и въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ (на 5/100 головы) (стр. 12—13).

Такимъ образомъ приведенныя указанія даютъ право предполагать, что бѣднѣйшіе домохозяева едва ли выиграютъ отъ абсолютнаго увеличенія размѣровъ крестьянскаго скотоводства. Вѣрнѣе, повидимому, предположить, что приростъ послѣдняго распредѣляется между прочими группами крестьянскаго населенія. Въ статистической литературѣ послѣднихъ годовъ достаточно выясненъ тотъ фактъ, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ первой половины текущаго десятилѣтія отразилось прежде всего на наиболѣе состоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, работавшихъ для рынка. Этотъ предметъ, напримѣръ, отлично разработанъ въ частности для Петровскаго уѣзда въ цитованномъ докладѣ г. Черненкова. Но мы едва ли опредѣленно знаемъ дальнѣйшую эволюцію этихъ хозяйствъ. Намъ извѣстно, что рыночныя внѣнадѣльныя аренды, подъ вліяніемъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, не перестаютъ сокращаться, чему нѣсколько примѣровъ мы видѣли выше. Надѣльныя же земли распаханы уже давно. Отсюда надо заключить, что крестьянскія запашки едва ли могутъ возрастать и, наоборотъ, повидимому, должны сокращаться. Въ то же время скотоводство увеличивается и притомъ не у бѣднѣйшихъ группъ крестьянъ. Слѣдовательно, прежнее отношеніе между размѣрами запашекъ и количествомъ скота должно измѣняться. Такое

явленіе можетъ означать, конечно, улучшеніе питанія населенія, въ силу большаго сбора молочныхъ и мясныхъ продуктовъ, и усиленіе удобрительныхъ средствъ хозяйства. Но то же явленіе можетъ имѣть и другой смыслъ. Оно можетъ служить показателемъ увеличивающейся экстенсификаціи крестьянскаго хозяйства, и безъ того ужъ весьма экстензивнаго. Скотъ можетъ выращиваться для рынка, полеводство можетъ уступать часть своего мѣста ветхозавѣтному «выкорму бычковъ». Если бы такое явленіе имѣло мѣсто, то оно должно было бы быть выражено особенно рельефно въ группѣ наиболѣе состоятельныхъ хозяевъ и тогда передъ нами было бы превращеніе рыночныхъ полеводственныхъ хозяйствъ въ рыночные же скотоводственные. Капиталистическія крестьянскія предпріятія въ этомъ случаѣ не измѣнили бы своей сущности, измѣнивъ лишь форму, направленіе, въ которомъ прилагались бы ихъ мелкіе капиталы. Мы должны добавить, что у насъ лично имѣется нѣкоторый, правда весьма отрывочный, запасъ наблюденій такой эволюціи болѣе состоятельнаго слоя деревни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссіи.

Не трудно видѣть, какую важность имѣетъ разрѣшеніе поставленныхъ выше вопросовъ для того, чтобы отчетливо понять и освѣтить измѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, наступающія подъ вліяніемъ крупныхъ хозяйственныхъ феноменовъ послѣднихъ лѣтъ. Поэтому можно выразить еще разъ настоятельное пожеланіе, чтобы текущая земская статистика занялась этими вопросами въ разныхъ губерніяхъ Россіи въ ближайшее время.

Въ заключеніе—два слова объ одномъ характерномъ процессѣ, замѣчаемомъ въ области частнаго землевладѣнія, о процессѣ, имѣющемъ несомнѣнную связь съ тѣмъ же общимъ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, о вліяніи котораго была все время рѣчь на предшествующихъ страницахъ. Приводимыя ниже свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ «*Ежегодника полтавскаго губернскаго земства на 1897 годъ*».

Въ Полтавской губерніи замѣчается постепенное размельчаніе частнаго землевладѣнія. Такъ, въ теченіе 1896 года у всѣхъ сословій наблюдалось увеличеніе числа мелкихъ владѣній отъ 0,7% (духовенство) до 6,2% (купцы и мѣщане). Нѣкоторое приращеніе числа крупныхъ владѣній замѣчается лишь у однихъ мѣщанъ. Почти то же говорятъ и цифры приращенія числа десятинъ земли у тѣхъ же категорій землевладѣнія (стр. 21). Одновременно съ этимъ растетъ и задолженность частныхъ владѣльцевъ. Размельчаніе собственности не только не избавляетъ ее отъ гипотечныхъ долговъ, но, наоборотъ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ рыночныхъ условій для производства зерна на продажу, способствуетъ еще большему обремененію ее долгами. Въ самомъ дѣлѣ, число заложенныхъ имѣній въ упомянутой губерніи увеличилось во всѣхъ безъ исключенія уѣздахъ на

2,9%—14,2%. Количество заложенной земли также увеличилось почти во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ двухъ. Средній размѣръ заложенныхъ имѣній уменьшился во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ одного, изъ чего можно заключить, что задолженность все болѣе и болѣе захватываетъ мелкія имѣнія. Сумма выданныхъ ссудъ увеличилась во всѣхъ же уѣздахъ, кромѣ одного, на 1,1%—9,1%. Средняя сумма ссуды на одну десятину увеличилась значительно во всѣхъ тѣхъ же уѣздахъ. «Отсюда мы вправѣ вывести заключеніе, говоритъ составитель «Ежегодника», что и въ обозрѣваемомъ году задолженность продолжала распространяться не только вширь, на большее число имѣній, но и вглубь, обременяя единицу залога все возрастающимъ долгомъ, вслѣдствіе полученія заемщиками дополнительныхъ ссудъ». Наконецъ, и срочные платежи съ десятины, не смотря на пониженіе размѣра взимаемыхъ процентовъ во всѣхъ земельныхъ банкахъ, повысились во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ трехъ, въ которыхъ наблюдается ихъ незначительное пониженіе (стр. 30—31).

Противопоставленіе этихъ данныхъ для частновладѣльческаго хозяйства приведеннымъ выше даннымъ для крестьянскаго, при равныхъ рыночныхъ условіяхъ, представляетъ, какъ видитъ читатель, не малый общественный интересъ.

Н. Карышевъ.

Задачи пониманія исторіи.

С. С. Арнольди. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе М. Ковалевскаго. Москва. 1898 г.

Авторъ этой книги знакомитъ читателя не только съ своими взглядами на сущность историческаго процесса, но также и съ тѣми задачами, разрѣшеніе которыхъ, по его мнѣнію, необходимо для пониманія исторіи. Собственно въ постановкѣ этихъ задачъ и заключается содержаніе первой половины книги, причемъ авторъ въ сжатой, почти догматической формѣ высказываетъ свои рѣшенія. Во второй, нѣсколько большей части книги авторъ даетъ схему эволюціи мысли, какъ процесса, которымъ сопровождался и обусловливался ходъ историческихъ событій. Это — мастерски сдѣланный набросокъ всемірной исторіи въ ея главнѣйшихъ моментахъ и наиболѣе характерныхъ чертахъ,—каковыми они являются съ точки зрѣнія основной идеи автора. Нельзя не удивляться обширности эрудиціи и недюжинному таланту автора, обнаруженнымъ въ этой синтетической картинѣ мірового историческаго процесса; но она

развертывается передъ нами, лишь какъ иллюстрація и подтвержденіе выводовъ и построеній, содержащихся во вступительной, теоретической части труда г. Арнольди; давая схему исторіи мысли, авторъ лишь въ болѣе конкретной формѣ выясняетъ свое пониманіе историческаго процесса, сопровождая изложеніе соотвѣтствующими комментаріями. Впрочемъ, по самому характеру историческаго міросозерцанія г. Арнольди, мы не всегда должны ожидать отъ него точныхъ доказательствъ высказываемыхъ имъ положеній, такъ какъ, согласно основному взгляду автора на свойство историческихъ законовъ, болѣе или менѣе правильное пониманіе ихъ часто зависитъ отъ высоты личнаго развитія самого изслѣдователя историческаго процесса и не можетъ быть мотивировано объективными данными.

Этотъ основной выводъ автора по отношенію къ отличительному характеру исторіи, какъ науки, служитъ какъ бы исходной точкой его историческихъ изслѣдованій и занимаетъ очень видное мѣсто въ его книгѣ; поэтому намъ необходимо ближе познакомиться съ нимъ, чтобъ отдать себѣ отчетъ въ главныхъ особенностяхъ разсматриваемаго нами сочиненія.

Прежде всего, авторъ отличаетъ историческое *знаніе* отъ *научнаго пониманія* процесса исторіи. Первое доступно всякому изслѣдователю, каково бы ни было его отношеніе къ тѣмъ или инымъ общественнымъ задачамъ, и составляетъ необходимый объективный матеріалъ исторической мысли. Таково констатированіе точнаго содержанія историческихъ документовъ и ихъ критическая обработка; опредѣленіе дѣйствительной роли того или другого дѣятеля историческаго событія и т. д. Но для *научнаго пониманія* историческаго процесса, говоритъ авторъ, остается еще распредѣлить эти данныя «на категоріи *существеннаго* и *случайнаго*, *важнаго* и *второстепеннаго*, *здороваго* и *патологическаго*» (стр. 86). Отказаться отъ такого распредѣленія—значитъ, по мнѣнію автора, отказаться отъ всякой попытки понять исторію, какъ въ ея отдѣльныхъ эпохахъ, такъ и въ ея общей связи; между тѣмъ для подобной классификаціи историческихъ событій объективныхъ пріемовъ мысли оказывается недостаточно. Возьмемъ, напримѣръ, категорію существеннаго и случайнаго или важнаго и второстепеннаго. Какими объективными признаками можно руководствоваться, спрашиваетъ авторъ, для установленія такого различія? Если считать болѣе важными явленія, охватывающія большее число личностей и болѣе обширную территорію, то пришлось бы признать эпидемію важнѣе проповѣди Виклефа и Яна Гуса, а романтизмъ, распространившійся почти на всѣ западно-европейскія литературы, важнѣе системы Спинозы; если руководиться мнѣніемъ современниковъ того или другого событія, то окажется, что Огюстъ Контъ ничтожное явленіе по сравненію съ Викторомъ Кузэномъ, а крестовый походъ Людовика IX

въ Африку несравненно важнѣе разрушенія другими крестоносцами той же эпохи провансальской цивилизаціи, и т. д. (стр. 91, 92).

Отсюда тотъ выводъ, что всякій историкъ неизбѣжно долженъ руководиться своимъ собственнымъ, личнымъ мнѣніемъ относительно важности изучаемыхъ имъ явленій, личное же мнѣніе историка, очевидно, связано съ его личнымъ развитіемъ; слѣдовательно, историкъ неизбѣжно вноситъ въ пониманіе той или другой исторической эпохи субъективный элементъ своего личнаго развитія. Такъ какъ научное пониманіе исторіи, по мнѣнію автора, невозможно безъ классификаціи и оцѣнки историческихъ явленій по категоріямъ важности, случайности, патологичности и т. д., то подобная субъективная оцѣнка со стороны историка является *научной*, а мѣриломъ этой научности является уровень его развитія: «продуктъ работы мысли, говоритъ г. Арнольди, будетъ при этомъ тѣмъ научнѣе—помимо всѣхъ объективныхъ условій—чѣмъ субъективное развитіе писателя выше» (стр. 94).

Читатель видитъ, что такая точка зрѣнія, лежащая въ основѣ всего разсматриваемаго труда, вводитъ насъ въ кругъ вопросовъ, касающихся субъективизма въ исторіи. Такъ какъ этотъ вопросъ занимаетъ не послѣднее мѣсто среди главнѣйшихъ теченій современной мысли и, кромѣ того, является въ значительной степени запутаннымъ, вслѣдствіе сваливанія въ одну кучу—иногда въ интересахъ полемики—всѣхъ противниковъ объективной школы въ соціологіи, то мы считаемъ необходимымъ, какъ въ виду ближайшей цѣли нашей статьи, такъ и для возможнаго выясненія спорнаго вопроса, подвергнуть болѣе тщательному разсмотрѣнію выдвинутую авторомъ субъективную точку зрѣнія.

Главнымъ и даже единственнымъ вопросомъ является ея научность. Субъективная оцѣнка событій научна, по мнѣнію автора, потому что она необходима въ данномъ случаѣ; безъ нея было бы невозможно научное пониманіе исторіи. Такимъ образомъ получается слѣдующій силлогизмъ: исторія есть наука; субъективная оцѣнка событій составляетъ одинъ изъ необходимыхъ для нея пріемовъ; слѣдовательно такая оцѣнка научна; санкція ея заключается въ основной посылкѣ. Но ничто не мѣшаетъ построить другого рода силлогизмъ: такъ какъ для научнаго пониманія исторіи необходимо прибѣгать къ субъективной оцѣнкѣ событій, а такая оцѣнка не научна, то исторія не есть наука. Въ тѣхъ элементахъ, какіе внесены авторомъ въ его аргументацію, мы не находимъ данныхъ для того или иного рѣшенія вопроса. Нельзя обосновать научность извѣстнаго пріема изслѣдованія на заранѣе предположенной научности его результатовъ, которые будутъ въ свою очередь научными или ненаучными въ зависимости отъ пріемовъ изслѣдованія. Такимъ образомъ вопросъ о научности точки зрѣнія автора остается совершенно открытымъ; мы видѣли, что онъ переносится самимъ авторомъ въ область личнаго развитія историка:

уровнемъ этого развитія опредѣляется, въ концѣ концовъ, научная цѣнность труда. Мы ничего не имѣли бы противъ такой постановки, если бы намъ было указано при этомъ, чѣмъ измѣряется высота личнаго развитія историка. Но мы не находимъ у автора даже попытки такого указанія, а безъ него вопросъ остается неразъясненнымъ, и для читателя по прежнему неизвѣстно, чѣмъ именно обусловлена научность субъективной оцѣнки важности историческихъ событій.

Если подъ личнымъ развитіемъ историка понимать его *научное* развитіе, то, конечно, съ нимъ связана научность его изслѣдованій и его оцѣнки сравнительной важности историческихъ событій. Но въ такомъ случаѣ въ личности историка будетъ лишь воплощаться данное состояніе науки, степень ея развитія, въ прямой зависимости отъ которыхъ, какъ мы думаемъ, и находится всякая научная классификація, всякая оцѣнка важности тѣхъ или другихъ историческихъ явленій.

Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о причинной связи историческихъ событій и о законѣ, которымъ опредѣляется послѣдовательная смѣна историческихъ фазисовъ. Самая постановка послѣдняго вопроса уже предполагаетъ извѣстную высоту развитія исторической науки и, кромѣ того, рядъ установленныхъ общихъ научныхъ истинъ. Лѣтописецъ XIII вѣка придавалъ появленію кометы значеніе, котораго ни одинъ историкъ не придаетъ при современномъ состояніи науки; историкъ XVII вѣка не могъ классифицировать историческія явленія по степени ихъ вліянія на общественную эволюцію, потому что для него не существовало самаго вопроса о смѣнѣ общественныхъ формъ. Современный историкъ приступаетъ къ изученію историческихъ явленій, принимая за исходную точку результаты предшествовавшихъ изслѣдованій; историческія событія не являются передъ нимъ въ видѣ первобытнаго хаоса, и онъ не блуждаетъ среди нихъ безъ всякой руководящей нити; они, въ огромной своей части, уже классифицированы на основаніи ихъ научно доказаннаго вліянія на тѣ или другія стороны общественной жизни; что же касается самыхъ этихъ сторонъ, то онѣ также достаточно изучены по отношенію къ ихъ взаимной связи и ихъ болѣе или менѣе важной роли въ жизни общества. Между современными историками не возникаетъ споровъ о сравнительномъ значеніи эпидемій и проповѣдей Яна Гуса; никто изъ изучающихъ эволюцію Англіи XVI вѣка не удѣлитъ большого вниманія празднествамъ, устраивавшимся герцогомъ Лейчестерскимъ въ честь Елизаветы; никто изъ современныхъ историковъ не можетъ думать, что измѣненіе въ канцелярскихъ формальностяхъ важнѣе новаго закона о налогахъ, и т. д. Если остаются не разрѣшенными вопросы объ относительной роли того или другого фактора историческаго процесса, то дѣло идетъ уже не объ отдѣльныхъ событіяхъ, а о крупныхъ областяхъ общественной жизни, между которыми

распредѣляются въ извѣстной подчиненности историческія явленія Спорные вопросы касаются очень широкихъ обобщеній, опирающихся на уже установленные въ наукѣ болѣе частные выводы, подтверждающіеся въ свою очередь тѣмъ критически разработаннымъ историческимъ матеріаломъ, объективный характеръ котораго выясняется самимъ авторомъ. Такимъ образомъ, если разсматривать поставленный г. Арнольди вопросъ о неизбѣжной оцѣнкѣ историческихъ событій не безотносительно, а въ связи съ развитіемъ исторической науки, то окажется, что, при современномъ состояніи общественныхъ знаній, этотъ вопросъ сводится не къ оцѣнкѣ отдѣльныхъ событій, а къ оцѣнкѣ научнаго значенія того или иного общаго пониманія историческаго процесса. Такъ именно, въ концѣ концовъ, смотритъ на это дѣло и самъ авторъ.

«Возьмемъ нѣсколько историковъ, говоритъ онъ, съ одинаковымъ знаніемъ фактовъ, но изъ которыхъ одинъ придаетъ болѣе значенія личной инициативѣ въ ходѣ событій; другой убѣжденъ въ томъ, что экономическіе интересы лежатъ въ основѣ какъ всѣхъ историческихъ событій, такъ и всѣхъ устанавливающихся обычаевъ и всѣхъ идейныхъ продуктовъ; для третьяго степень развитія государственной жизни есть единственное мѣрило прогресса» и т. д. «Каждый изъ нихъ, продолжаетъ авторъ, располагаетъ одни и тѣ же извѣстные всѣмъ имъ факты въ различную перспективу; при этомъ иногда одинъ умалчиваетъ совсѣмъ, какъ о ничтожной детали, о фактѣ, которому другой придаетъ первостепенную важность» (стр. 94).

Изъ этого видно, что классификація историческихъ явленій производится каждымъ историкомъ сообразно его гипотезѣ, его теоріи развитія общественной жизни; научность этой классификаціи будетъ опредѣляться научностью самыхъ гипотезъ или теорій. Но неужели, по мнѣнію автора, для послѣднихъ нѣтъ другого критерія, кромѣ субъективнаго мнѣнія самого изслѣдователя? Неужели авторъ согласится признать, что, напримѣръ, для изложеннаго въ его книгѣ пониманія исторіи нѣтъ и не можетъ быть объективныхъ доказательствъ? Если же они существуютъ, то какое значеніе для опредѣленія научности данной классификаціи можетъ имѣть личное развитіе писателя или его личный авторитетъ въ глазахъ читателя?

Намъ кажется, что авторъ смѣшиваетъ вопросъ о необходимости субъективной оцѣнки историческихъ событій для самой науки съ вопросомъ о томъ неизбѣжномъ субъективномъ элементѣ, который *фактически* вносится историками въ ихъ науку. Послѣдній вопросъ горячо обсуждался въ нашей литературѣ въ семидесятыхъ годахъ, но его нельзя разсмаривать отдѣльно отъ болѣе общаго вопроса о роли субъективнаго элемента въ исторіи. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о субъективномъ пріемѣ историческихъ изслѣдованій, а о соціальномъ значеніи самой науки, о ея реальномъ вліяніи на общественную жизнь въ томъ или другомъ опредѣлен-

номъ направленіи. Каждый историкъ стремится быть объективнымъ; г. Арнольди ошибается, когда думаетъ, что кто-либо *сознательно и преднамѣренно* вноситъ въ свои историческія изслѣдованія субъективный элементъ (стр. 93); цѣль каждаго ученаго доказать свои выводы, а эта цѣль не достигается, если послѣдніе опираются на бездоказательныя, субъективныя мнѣнія; если же они доказательны, то они объективно-научны. Но каждый ученый отдаетъ себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ въ значеніи своей науки; значеніе же исторіи—чисто общественное. Это — орудіе общественной дѣятельности, основа общественнаго міросозерцанія. При настоящемъ объемѣ историческихъ задачъ всякій изслѣдователь, разрѣшающій ихъ, выковываетъ оружіе для той или другой политической партіи, и онъ необходимо сознаетъ это въ той мѣрѣ, въ какой вообще доступна его пониманію область захваченныхъ имъ вопросовъ. Отсюда—неизбѣжное субъективное отношеніе историка къ своей наукѣ. Но это лишь частное проявленіе особыхъ свойствъ историческихъ выводовъ и законовъ, обусловленныхъ особыми свойствами историческихъ явленій.

Другое проявленіе подобнаго же рода мы находимъ въ особомъ отношеніи къ исторіи не только самихъ историковъ, но и тѣхъ, для которыхъ предназначаются ихъ изслѣдованія: раскрывая законы общественной эволюціи, исторія должна была бы, повидимому, непосредственно руководить общественною дѣятельностью, подобно тому, какъ механика или физика руководятъ дѣятельностью человѣка въ сферѣ тѣхъ явленій, къ которымъ прилагаются ихъ законы. Всякая общественная дѣятельность стремится придать процессу общественной жизни то или другое направленіе, исторія раскрываетъ законы, опредѣляющіе направленіе, по которому *должна* двигаться общественная жизнь; отсюда слѣдуетъ, что общественные дѣятели должны были бы руководиться этими законами при выборѣ основного направленія своей общественной дѣятельности,—такъ же какъ, напримѣръ, инженеръ руководится законами физики или механики при постройкѣ моста. Но мы знаемъ, что дѣйствительность не оправдываетъ этого логическаго вывода; мы знаемъ, что различныя политическія партіи, пользуясь выводами исторіи, какъ аргументами въ защиту тѣхъ или другихъ своихъ стремленій, никогда не руководятся ея законами въ постановкѣ своихъ основныхъ задачъ. Въ подтвержденіе этого можно сослаться хотя бы на то, что въ каждое данное время на политической сценѣ присутствуетъ нѣсколько борющихся между собою общественныхъ партій, изъ которыхъ, очевидно, только одна можетъ осуществлять въ своихъ стремленіяхъ законы исторіи; остальныя же дѣйствуютъ, такъ сказать, не взирая на эти законы. Итакъ, оказывается, что въ этой области наука не властна надъ человѣкомъ; поэтому самому она находится у него въ такомъ загонѣ. У насъ передъ глазами такъ много примѣровъ неуважительнаго отношенія

человѣка къ общественной наукѣ, что эта истина врядъ-ли нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Никакой баронъ, даже съ очень пылкой фантазіей, не рѣшится открыто идти противъ физіологіи; самъ заводчикъ Штуммъ преклоняется передъ законами механики; но ничто не мѣшаетъ тому же Штумму смѣяться надъ какими угодно выводами исторіи и даже грозить ей въ рейхстагѣ репрессивными мѣрами. Отсюда видно, что отношеніе человѣка къ исторіи, какъ къ наукѣ, совершенно особое; между тѣмъ именно въ этомъ случаѣ наука болѣе всего заинтересована отношеніемъ къ ней человѣка, такъ какъ она имѣетъ дѣло именно съ его дѣйствіями; исторія опредѣляетъ законы, которымъ подчиняется общественная жизнь людей, но оказывается, что сами люди не подчиняются этимъ законамъ въ своей общественной дѣятельности. Отсюда вытекаютъ особыя затрудненія и осложненія для исторіи, которыхъ не существуетъ ни для какихъ другихъ наукъ. Эти затрудненія и осложненія объясняются самымъ существованіемъ общественной дѣятельности въ процессѣ общественной жизни. Общественная дѣятельность тѣмъ отличается отъ всякой другой, что она ставитъ своей непосредственной задачей оказать то или иное вліяніе на общій ходъ событій въ извѣстной странѣ, который именно и подлежитъ опредѣленію исторіи. Если бы задачи общественной дѣятельности въ каждый данный моментъ совпадали съ законами, открываемыми исторіей, то вопросъ разрѣшался бы очень просто, и общественные дѣятели являлись бы сознательными исполнителями предначертаній исторіи. Но такъ какъ такого совпаденія не существуетъ въ дѣйствительности, то возникаетъ особый и очень сложный вопросъ объ отношеніи законовъ исторіи къ общественной дѣятельности или, наоборотъ,—о вліяніи общественной дѣятельности на характеръ законовъ исторіи.

Изъ самой постановки вопроса, изъ самаго факта этой коллизіи между наукой и ея объектомъ, очевидно, что въ данномъ случаѣ возможны два рѣшенія: одно—въ пользу науки, другое—въ защиту общественной дѣятельности. Становящіеся на сторону исторіи, какъ равноправной объективной науки, ни въ чемъ не уступающей по силѣ и вліянію своимъ сородичамъ, отрицаютъ какое бы то ни было значеніе за общественной дѣятельностью въ смыслѣ ея вліянія на общій ходъ исторической жизни; согласно этой теоріи послѣдняя составляетъ лишь заключительное звѣно эволюціи всего органическаго міра и выражается какою нибудь объективною біологическою формулою, въ родѣ закона дифференціаціи и интеграціи. Такова была теорія Спенсера, послужившая поводомъ къ рѣзкой и опредѣленной постановкѣ самаго вопроса въ русской литературѣ,—главнымъ образомъ въ извѣстныхъ «Запискахъ Профана», имѣвшихъ въ свое время огромное публицистическое значеніе и не мало содѣйствовавшихъ установленію правильной точки зрѣнія на характеръ историческаго процесса.

Мы уже упоминали, что всякій научный выводъ, касающійся общихъ вопросовъ исторіи, отличается тѣмъ особымъ свойствомъ, что онъ оказываетъ значительное вліяніе на самый ходъ общественной жизни и неизбѣжно является орудіемъ борьбы въ рукахъ той или другой политической партіи. Въ данномъ случаѣ спенсеровское, ультра-объективное рѣшеніе вопроса о значеніи общественной дѣятельности въ процессѣ исторіи совпадало съ политической программой одной изъ могущественныхъ общественныхъ партій въ Европѣ, опиравшейся ранѣе того на такъ называемую оптимистическую школу въ политической экономіи, т. е. на школу Кэри и Бастіа. Этимъ объясняется тотъ преимущественно полемическій характеръ, который приняло теоретическое обсужденіе этого вопроса въ русской литературѣ семидесятыхъ годовъ; впрочемъ, этотъ характеръ неизбѣжно обусловливался самою сущностью дѣла. Въ силу сознававшагося всѣми, непосредственнаго, жизненнаго значенія, какое имѣло въ дѣйствительности признаніе или непризнаніе спенсеровской теоріи невмѣшательства, научная несостоятельность этой теоріи почти не нуждалась въ доказательствахъ: она опровергалась самою жизнью; ея противникамъ оставалось только отмѣтить ея внутреннія противорѣчія и указать на ея практическую неосуществимость, на то органическое возмущеніе, которое она вызываетъ въ каждомъ индивидуумѣ, способномъ къ какой бы то ни было общественной дѣятельности.

Но съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ, какъ извѣстно, получилъ новую обстановку. Была выдвинута теорія экономическаго или матеріалистическаго пониманія исторіи, въ основѣ которой лежитъ идея о самопроизвольномъ развитіи общественной жизни, обусловленномъ стихійнымъ развитіемъ производительныхъ силъ. Стихійнымъ это развитіе является въ томъ смыслѣ, что оно стоитъ внѣ вліянія общественной дѣятельности и, напротивъ того, всецѣло подчиняет себѣ послѣднюю. Согласно этой теоріи, всякая перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ дѣлается возможной лишь въ томъ случаѣ, если уже произошла неизбѣжно влекущая ее за собою перемѣна въ отношеніяхъ производства, которая въ свою очередь является необходимымъ послѣдствіемъ все возростающаго развитія производительныхъ силъ. Такимъ образомъ получается своего рода «l'Ordre naturel» физіократовъ, но только не въ статическомъ, а динамическомъ состояніи; предъустановленнымъ оказывается не неизмѣнный общественный строй, а неизмѣнный механизмъ общественнаго развитія.

Вопросъ о неуважительномъ отношеніи барона Штумма къ законамъ исторіи эта теорія, отстаивая, въ защиту своего собственнаго существованія, возможность объективной формулировки историческаго процесса, разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что всякая общественная дѣятельность, не подчиняющаяся объективному историческому закону, остается безплодной; реальное же вмѣшательство че-

ловѣка въ процессъ исторіи возможно лишь въ томъ случаѣ, если направленіе его дѣятельности совпадаетъ съ неудержимымъ потокомъ общественной жизни. Такъ какъ историческая эволюція представляетъ собою послѣдовательную смѣну общественныхъ формъ, то на политической сценѣ всегда фигурируютъ, по крайней мѣрѣ, двѣ борющихся общественныхъ партіи, причемъ одна изъ нихъ одушевлена идеями и стремленіями, осуществленіе которыхъ фактически уже подготовлено исторіей въ видѣ новой формы производственныхъ отношеній.

Это объективное рѣшеніе было бы вполнѣ удовлетворительно, если бы въ самомъ процессѣ исторіи не усматривалось нѣкоторой общественной тенденціи, отвѣчающей или внѣпартійнымъ, общегосударственнымъ потребностямъ, или же интересамъ большинства, представителями которыхъ являются въ исторіи какъ отдѣльные государственные дѣятели, такъ и цѣлыя группы такъ называемыхъ идеологовъ въ общественной жизни. Такъ какъ наличность въ исторіи этой тенденціи (т. е. общественнаго прогресса) и этихъ категорій общественныхъ дѣятелей не подлежитъ сомнѣнію, то возникаетъ вопросъ: чѣмъ объясняется такое направленіе общественной жизни и чѣмъ обезпечивается въ объективномъ процессѣ исторіи этотъ, повидимому, необходимый для него контингентъ людей, принимающихъ участіе въ борьбѣ за вновь возникающія общественыя формы?

Единственно возможное рѣшеніе этого вопроса заставляетъ предположить, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ вновь возникающихъ формъ общественныхъ отношеній, подготовленныхъ стихійнымъ развитіемъ производительныхъ силъ, въ большей степени, нежели предшествующія имъ, отвѣчаютъ потребностямъ и интересамъ большинства, и потому встрѣчаютъ необходимое число дѣятелей, борющихся за нихъ во имя своихъ субъективныхъ идеаловъ. Можно, конечно, утверждать, вмѣстѣ со Спенсеромъ, что эта идеологическая часть общественныхъ дѣятелей живетъ исключительно въ мірѣ иллюзій, отстаивая и проводя общественныя мѣры, результаты которыхъ прямо противоположны ихъ ожиданіямъ, но, въ концѣ концовъ, всетаки остается загадочнымъ самый фактъ общественнаго прогресса, осуществляемаго объективнымъ историческимъ процессомъ. Наконецъ, съ точки зрѣнія самой излагаемой нами теоріи, возможно такое положеніе, когда извѣстная категорія общественныхъ дѣятелей, одушевленныхъ общественными интересами, разгадываетъ объективный законъ исторіи и, слѣдовательно, устраняетъ для себя всякую опасность иллюзій,—и когда, тѣмъ не менѣе, этотъ законъ не только не противорѣчитъ ихъ субъективнымъ стремленіямъ, но, напротивъ того, идетъ имъ на встрѣчу. Итакъ, во всякомъ случаѣ приходится констатировать, что объективный законъ производительныхъ силъ, выдвигаемый для объясненія общественной эволюціи, оказывается *цѣлесообразнымъ* съ точки зрѣнія интересовъ и потребностей большинства. Но такъ какъ объективный законъ не можетъ быть цѣле-

сообразнымъ, то единственный выходъ изъ этого противорѣчія заключается въ томъ дерзкомъ предположеніи, что этотъ законъ не охватываетъ собою всего историческаго процесса, не обнимаетъ собою всѣхъ историческихъ явленій, что на исторической сценѣ дѣйствуютъ, какъ могущественные факторы, имѣющіе вліяніе на общій ходъ эволюціи, психическія силы, не связанныя непосредственно съ процессомъ развитія производительныхъ силъ.

Такое предположеніе тѣмъ болѣе извинительно, что въ самомъ процессѣ развитія производительныхъ силъ уже дѣйствуютъ психическіе факторы, являющіеся реальными двигателями производства: личные экономическіе интересы и развивающіяся умственныя силы человѣчества; развитіе производительныхъ силъ представляетъ собою лишь объективное выраженіе этихъ субъективныхъ явленій и процессовъ. Остается узнать: связаны ли они сами неразрывно съ процессомъ производства? Что касается личныхъ экономическихъ интересовъ, то мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, такъ какъ, будучи стихійною силою по отношенію къ общественной жизни, онѣ не могутъ объяснить намъ ея цѣлесообразности. Что же касается умственныхъ силъ человѣчества, то мы желаемъ знать, въ какой мѣрѣ дѣйствіе этого второго реальнаго двигателя процесса производства обнимается и исчерпывается развитіемъ производительныхъ силъ? Несомнѣнно, что первоначально ростъ умственныхъ силъ и развитіе производства представляли собою двѣ стороны одного и того же общественнаго процесса, въ томъ смыслѣ, что вся умственная жизнь людей была сосредоточена на добываніи средствъ существованія и, съ другой стороны, всякій новый шагъ на пути умственнаго роста людей обусловливался дальнѣйшимъ развитіемъ производительныхъ силъ. Но легко доказать, что послѣ первыхъ же крупныхъ побѣдъ человѣка, одержанныхъ имъ въ борьбѣ съ природой, прежняя тѣсная связь между этими двумя процессами, умственнаго роста и роста производительныхъ силъ, была нарушена въ сторону независимости умственнаго развитія. Возможность послѣдняго обусловливается освобожденіемъ человѣка отъ обязательнаго и всепоглощающаго физическаго труда, которое, на извѣстной ступени общественной дифференціаціи, было достигнуто для цѣлыхъ категорій населенія, пользовавшихся фактически результатами уже достигнутаго уровня развитія производительныхъ силъ и не нуждавшихся въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи для поддержанія своего обезпеченнаго матеріальнаго существованія.

Съ тѣхъ поръ только часть ростущихъ умственныхъ силъ общества прилагалась непосредственно къ области производства, къ дальнѣйшему совершенствованію орудій труда, а также къ завоеванію и упроченію тѣхъ формъ общественной жизни, которыя были наиболѣе благопріятны для представителей производительныхъ силъ, такъ какъ они были настолько же заинтересованы въ развитіи послѣднихъ, какъ и въ упроченіи данныхъ формъ общественной жизни.

Отсюда видно, что даже въ ея непосредственномъ приложеніи къ области производства умственная жизнь общества должна была выйти изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыхъ она вращалась въ примитивныхъ человѣческихъ обществахъ, поглощенныхъ исключительно борьбою съ природой, и должна была ставить себѣ болѣе широкія задачи, только косвенно связанныя съ вопросами производства. Но и помимо того, подъ вліяніемъ новыхъ потребностей, развивающихся въ части общества, освобожденной отъ борьбы за матеріальное существованіе, возникали новыя области мысли, вовсе не связанныя съ практическими задачами производства, и въ которыхъ умственныя силы росли и развивались, работая надъ религіозными, общегосударственными, эстетическими и чисто-научными вопросами *). Развитіе производительныхъ силъ стихійно обусловливало собою ростъ умственныхъ общественныхъ силъ, такъ какъ оно доставляло необходимыя матеріальныя средства и время,—такъ же какъ и ростъ умственныхъ силъ стихійно способствовалъ развитію производительныхъ средствъ, вызывая все новыя и новыя научныя открытія; но между этими двумя процессами, на извѣстной ступени общественной дифференціаціи, уже не было прежней тѣсной связи, какая существовала при отсутствіи дифференціаціи въ умственной и общественной жизни первобытнаго человѣка. Хотя задачи даннаго состоянія производительныхъ силъ и связанные съ нимъ интересы втягивали въ сферу своего вліянія болѣе или менѣе значительную часть умственныхъ силъ общества, но ими, какъ и вообще никакими отдѣльными задачами, не измѣрялась и не ограничивалась область дѣйствія умственныхъ силъ, та *потенціальная энергія*, которая содержится въ данномъ уровнѣ умственнаго развитія. Совпаденіе сферы дѣйствія умственныхъ силъ съ областью интересовъ производства, въ первоначальныхъ фазисахъ общественной жизни, объяснялось не эквивалентностью этихъ двухъ областей, а отсутствіемъ другихъ задачъ, порабощеніемъ человѣка неотложными вопросами существованія и отсутствіемъ общественной дифференціаціи. Сама по себѣ, работа мысли надъ развитіемъ производительныхъ силъ составляетъ лишь частное примѣненіе потенціальной умственной энергіи человѣка, въ ея данныхъ размѣрахъ, къ разрѣшенію извѣстныхъ практическихъ задачъ.

Такимъ образомъ одна изъ психическихъ силъ, которая лежитъ въ основѣ процесса развитія средствъ производства, какъ его причина, его двигатель, не затрачивалась въ процессѣ исторіи цѣликомъ на эту работу; болѣе или менѣе значительная часть ея оставалась въ свободномъ состояніи и служила удовлетворенію другихъ человѣческихъ потребностей, разрѣшенію другихъ личныхъ, классовыхъ или общественныхъ задачъ. Отсюда видна та неточность формули-

*) Превосходное выясненіе процесса развитія различныхъ областей мысли читатель найдетъ въ гл. V книги г. Арнольди.

ровки и та ошибка, которыя заключаются въ попыткѣ выдвинуть процессъ развитія производительныхъ силъ какъ единственную реальную историческую силу. Во первыхъ, этою реальною силою необходимо признать не самый процессъ, а его причины, т. е. умственныя силы и экономическія потребности сначала всей первобытной коммуны, а затѣмъ болѣе или менѣе значительныхъ группъ и классовъ общества; во вторыхъ, необходимо признать наличность въ историческомъ процессѣ свободныхъ умственныхъ силъ, не связанныхъ и не ограниченныхъ въ своемъ дѣйствіи интересами и потребностями данной формы производства, и въ такой же мѣрѣ способныхъ служить интересамъ и стремленіямъ другихъ группъ и классовъ, въ какой онѣ служатъ задачамъ этой данной формы производства.

Только устранивъ такимъ путемъ всеобъемлющій характеръ закона производительныхъ силъ и введя въ сферу историческаго дѣйствія не охватываемые имъ и не связанные съ нимъ непосредственно самостоятельные психическіе факторы, можно будетъ избѣгнуть указаннаго нами внутренняго противорѣчія въ разсматриваемой объективной теоріи и дать удовлетворительное объясненіе какъ историческимъ явленіямъ, носящимъ внѣ-партійный характеръ (къ какимъ до извѣстной степени принадлежатъ нѣкоторыя государственныя и религіозныя учрежденія), такъ и самую борьбу партій и нѣкоторыя важныя отрасли общественной дѣятельности.

Говоря о «свободныхъ» умственныхъ силахъ, какъ объ одномъ изъ факторовъ исторіи, мы, конечно, не устанавливаемъ ихъ независимости отъ стихійныхъ силъ и процессовъ, участвующихъ въ сложномъ комплексѣ общественной жизни. Въ каждомъ данномъ случаѣ эти силы дѣйствуютъ въ извѣстной исторической обстановкѣ и ихъ вліяніе ограничено другими историческими силами. Рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы найти реальную опору для теоретическаго обоснованія возможности проведенія какихъ бы то ни было *цѣлесообразныхъ* мѣръ въ общественной жизни, а также для научнаго объясненія несомнѣнной цѣлесообразности общаго направленія историческаго процесса съ точки зрѣнія большинства. Допустимъ на минуту, что общественныя стремленія людей могутъ осуществляться лишь въ той мѣрѣ, въ какой развитіе производительныхъ силъ подготовляетъ для нихъ матеріальную почву; но вѣдь это значитъ только, что тѣ психическія общественныя силы, съ которыми связано представленіе объ общественныхъ стремленіяхъ, ограничены въ своемъ дѣйствіи условіями соціальной среды,—чего никогда не думала отрицать субъективная школа; но это вовсе не значитъ, чтобы процессъ развитія производительныхъ силъ обнималъ собою процессъ развитія этихъ психическихъ общественныхъ силъ и чтобы на исторической сценѣ фигурировали только тѣ психическіе факторы, которые вызываются въ обществѣ силами производства; между тѣмъ лишь при такомъ предположеніи дѣлается

логически необходимымъ тотъ выводъ, что общественныя отношенія и формы, возникающія при условіи даннаго развитія производительныхъ силъ устанавливаются дѣйствіемъ этихъ самыхъ производительныхъ силъ, т. е. тѣхъ психическихъ факторовъ, которые порождаются процессомъ ихъ развитія; въ противномъ случаѣ этотъ выводъ дѣлается произвольнымъ, какимъ онъ и оказывается въ дѣйствительности. Субъективная школа отрицаетъ не ту установленную истину, что развитіе производительныхъ силъ создаетъ новыя матеріальныя условія общественной жизни, а лишь ту всеобъемлющую гипотезу, согласно которой тотъ же самый стихійный процессъ воздвигаетъ на данной экономической почвѣ всю общественную структуру и осуществляетъ всѣ общественныя стремленія людей. Въ этомъ заключается сущность разногласій.

Что касается разсматриваемой нами книги г. Арнольди, то изложенная въ ней теорія несомнѣнно примыкаетъ къ субъективтивной школѣ. Авторъ прямо раздѣляетъ историческій процессъ на два главныхъ теченія, изъ которыхъ одно обусловливается стихійными силами переживанія установившейся культуры и географической среды; другое же вызывается сознательной дѣятельностью группъ людей, ставящихъ своею цѣлью *переработку культуры мыслью.* Эти группы авторъ называетъ *интеллигенціею* и только съ появленіемъ послѣдней на общественной сценѣ признаетъ начало *исторической жизни* человѣчества.

Появленіе интеллигенціи въ исторіи обусловлено, по мысли автора, возникновеніемъ особой *потребности развитія*, которая выросла на почвѣ потребности нервнаго возбужденія; послѣдняя же составляетъ, по классификаціи г. Арнольди, одну изъ *основныхъ* потребностей человѣка, на ряду съ потребностью питанія, безопасности и другими.

Потребность *нервнаго возбужденія* сначала являлась въ формѣ грубыхъ наслажденій обжорствомъ или половыхъ, представлявшихъ собою единственныя средства *украшать жизнь.*

«Но довольно рано, говоритъ авторъ, нервная система человѣка обращаетъ для него въ удовольствіе самое общеніе съ другими людьми или даже съ прирученными животными; она знакомитъ человѣка съ экстазомъ, вызываемымъ не только опьяненіемъ, но ритмическими движеніями и звуками; съ экстазомъ коллективнаго аффекта въ играхъ, празднествахъ и обрядахъ, затѣмъ въ коллективныхъ проявленіяхъ симпатіи и ненависти, борьбы съ опасностями и общенія съ фантастическимъ міромъ» (стр. 44).

Это стремленіе украшать жизнь разнообразными, новыми и все высшими нервными возбужденіями и послужило, по мнѣнію автора, однимъ изъ могучихъ орудій духовнаго развитія человѣка. Оно положило начало эстетическому развитію человѣчества; оно вызвало въ немъ представленіе, сначала весьма грубое, «о личномъ достоинствѣ, о необходимости поддержать его и расширить».

«Надъ лѣнью тѣла и мысли, составляющею характеристическую черту дикаря неисторической и исторической культуры, было способно восторжествовать лишь то стремленіе украшать жизнь, которое вырабатывалось на почвѣ жажды нервныхъ возбужденій. Всякая побѣда надъ этою лѣнью во имя того, что было привлекательно и что считалось возвышающимъ личное достоинство, была для доисторическаго человѣка шагомъ къ усвоенію исторической жизни, а для человѣка историческаго—побужденіемъ лучше понимать задачи общественной жизни и съ большею энергіей осуществлять ихъ» (стр. 46).

На извѣстной ступени исторической жизни человѣкъ познакомился съ нервнымъ возбужденіемъ, которымъ сопровождается процессъ критической мысли, пріобрѣтеніе научныхъ знаній, объединяющаго философскаго пониманія. На этой почвѣ, въ тѣхъ общественныхъ группахъ, которымъ были доступны такого рода возбужденія, выросла *потребность развитія*, т. е. совершенствованія, переработки мыслью окружающей дѣйствительности. Авторъ придаетъ въ данномъ случаѣ очень широкій и общій смыслъ слову *развитіе*; оно не связывается ни съ какимъ направленіемъ, ни съ какими интересами, ни съ какими исключительными стремленіями. Каждая историческая эпоха вкладывала въ него свое содержаніе, ставила *характеристическія для нея задачи*, которыя и разрѣшались группами, игравшими активную роль въ исторіи, благодаря усвоенной ими потребности развитія. Эти группы составляли сознательную силу общественной жизни; онѣ воспринимали мыслью нарождавшіяся потребности и задачи, и въ ихъ рукахъ находилось то орудіе, которое было необходимо для выработки и проведенія въ жизнь какихъ бы то ни было новыхъ комбинацій, отвѣчавшихъ тѣмъ или другимъ интересамъ и стремленіямъ, т. е. активная мысль. Такимъ образомъ эта потребность развитія, говоритъ авторъ «выработалась въ самостоятельную силу и сдѣлалась, въ сущности, главнымъ двигателемъ исторіи» (стр. 61).

Такъ какъ эта потребность проявлялась въ работѣ мысли надъ установившимися обычаями и наличной культурой, то результаты этой работы получались въ формѣ различныхъ *областей мысли:* технической, эстетической, религіозной, а также въ *творчествѣ общественныхъ формъ.*

«Каждая изъ этихъ областей, разъ выработанная, стремилась воплотиться въ жизни, перейти въ форму обычая, сдѣлаться элементомъ болѣе или менѣе прочной культуры, и, тѣмъ самымъ, подвергалась новой переработкѣ вслѣдствіе потребности развитія» (стр. 61).

Такимъ образомъ всѣ измѣненія, совершавшіяся въ различныхъ областяхъ общественной жизни, были отраженіемъ или осуществленіемъ тѣхъ измѣненій, которыя происходили въ соотвѣтствующихъ областяхъ мысли. Нѣтъ ни одного сознательнаго человѣческаго

акта, который не имѣлъ бы этой подкладки, не соотвѣтствовалъ бы извѣстному уровню умственнаго развитія, не вытекалъ бы съ логическою необходимостью изъ данной формы пониманія окружающей дѣйствительности и законовъ, управляющихъ ею. Поэтому исторія человѣческой мысли кладется авторомъ въ основу развертываемой имъ картины общественной эволюціи. Весь фактическій матеріалъ исторіи группируется имъ вокругъ этого процесса въ болѣе или менѣе непосредственной причинной связи съ нимъ, причемъ всѣ теоретическія рѣшенія автора относительно задачъ пониманія исторіи выясняются опредѣленнѣе и получаютъ болѣе конкретный характеръ.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ основная мысль автора. Мы не намѣрены, конечно, даже пытаться передать систематически содержаніе этого глубоко-продуманнаго труда г. Арнольди, требующаго самаго внимательнаго изученія. Мы можемъ только рекомендовать его читателю, еще не остановившемуся на какой либо вполнѣ законченной формулѣ пониманія исторіи. Если даже онъ не признаетъ достаточно доказанными тѣ или другія обобщенія автора, онъ найдетъ въ его книгѣ много оригинальныхъ, глубокихъ и блестящихъ мыслей, опирающихся на изъ ряду вонъ выходящую эрудицію. Но намъ необходимо остановиться еще на одномъ теоретическомъ вопросѣ, затрогиваемымъ г. Арнольди въ вступительной части его книги.

Рѣчь идетъ о сравнительномъ значеніи трехъ основныхъ потребностей человѣка, игравшихъ, по мысли автора, наибольшую роль въ исторіи въ качествѣ стимуловъ общественной эволюціи, а именно: *потребности въ пищѣ*, *потребности въ огражденіи индивидуальной безопасности* и *потребности въ нервномъ возбужденіи*.

Съ признаніемъ большаго или меньшаго значенія въ жизни человѣка каждой изъ этихъ основныхъ потребностей связывается, по мнѣнію автора, представленіе о ея исключительной или радикально-преобладающей роли въ исторіи.

«Сведеніе всѣхъ явленій исторіи на побужденія и потребности *экономическія* составляетъ главную черту современнаго *историческаго матеріализма*. Нѣкоторые современные писатели (напримѣръ, Дюрингъ, Гумпловичъ) охотно ищутъ въ *хищничествѣ*—слѣдовательно, собственно въ элементѣ *политическомъ*—основной мотивъ процесса исторіи. Наименѣе приверженцевъ сохранило между реалистическими изслѣдователями этого процесса недавно еще господствовавшее стремленіе видѣть въ сознанныхъ и несознанныхъ *идеяхъ*—слѣдовательно, въ высшихъ формахъ нервнаго возбужденія—главнаго двигателя исторіи» (стр. 47).

Чтобы выяснить этотъ спорный вопросъ, авторъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе на три обстоятельства: на сравнительно болѣе или менѣе раннее появленіе разсматриваемыхъ потребностей, на ихъ сравнительно болѣе или менѣе частое повторе-

ніе въ жизни и въ мысли человѣка и, наконецъ, на большую или меньшую необходимость ихъ эволюціи.

Что касается болѣе или менѣе ранняго появленія этихъ потребностей, то авторъ приходитъ къ заключенію, что человѣкъ уже унаслѣдовалъ ихъ всѣ отъ своихъ зоологическихъ предковъ вполнѣ выработанными; поэтому въ этомъ случаѣ сравненіе не можетъ дать никакихъ результатовъ.

Что касается повторяемости побужденій, обусловливаемыхъ этими потребностями, то несомнѣнно, что потребность въ пищѣ преобладаетъ въ этомъ отношеніи надъ двумя другими. «Слѣдовательно, *a priori* можно допустить, говоритъ авторъ, что тѣ комбинаціи біологическихъ элементовъ,—уже на раннихъ ступеняхъ проявляющихся какъ элементы нервные, — которые обусловливали мысль о пищѣ и рядъ экономическихъ представленій, понятій, привычекъ, аффектовъ и сложныхъ интеллектуальныхъ построеній, должны были развиваться и укрѣпиться сравнительно быстрѣе и оказывать въ большинствѣ случаевъ преобладающее вліяніе на дѣятельность и на работу мысли особи» (стр. 50).

Потребность въ пищѣ и другихъ необходимыхъ предметахъ непрерывно присутствовала передъ воображеніемъ дикаря; дѣятельность многихъ поколѣній направлялась почти исключительно этой заботой. Поэтому первоначальная техника, первоначальные обычаи, общественныя связи, распредѣленіе функцій между членами общества происходили подъ вліяніемъ заботы объ экономически необходимомъ. Забота о безопасности проявлялась гораздо рѣже, въ какихъ бы формахъ мы ни представляли себѣ жизнь дикарей. Въ историческій періодъ, при возникновеніи прочныхъ военныхъ организацій и юридическихъ учрежденій, мысль о личной безопасности сравнительно еще рѣже преслѣдовала людей, между тѣмъ какъ заботы объ экономически необходимомъ остались по прежнему настоятельными. Еще значительнѣе, по мнѣнію автора, стала роль заботъ о матеріальныхъ нуждахъ, «когда *борьба сознанныхъ интересовъ* прибавила всѣ свои перипетіи къ процессамъ инстинктивной борьбы за существованіе, имѣвшей мѣсто до тѣхъ поръ» (стр. 51).

На основаніи этихъ соображеній авторъ приходитъ къ слѣдующему наиболѣе вѣроятному, по его мнѣнію, рѣшенію вопроса о сравнительномъ психологическомъ могуществѣ *экономическихъ* и *политическихъ* мотивовъ: «во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ экономическіе мотивы должны были безусловно преобладать надъ политическими; политическія явленія могли въ значительной мѣрѣ вытекать изъ заботъ экономическихъ; въ каждомъ частномъ случаѣ, научное пониманіе политической исторіи должно прежде всего искать ей объясненія въ интересахъ экономическихъ» (стр. 52).

Но, сдѣлавъ этотъ выводъ, авторъ немедленно же уничтожаетъ его или, лучше сказать, уничтожаетъ соображенія, обусловившія его необходимость, слѣдующей оговоркой:

«Впрочемъ, и въ періодъ господства борьбы сознанныхъ интересовъ, когда экономическіе мотивы не могли не преобладать, не лишнее помнить, что исторія совершала свои фазисы подъ вліяніемъ борющихся группъ прогрессивной, реакціонной и консервативной интеллигенціи, за которыми не историческіе элементы общества шли очень часто по привычкѣ или по аффекту; въ нѣкоторыхъ же группахъ руководящей интеллигенціи мотивы политическихъ интересовъ могли преобладать надъ экономическими, точно также какъ въ другихъ случаяхъ—о чемъ сейчасъ будетъ сказано—тѣ и другіе могли уступать идейнымъ аффектамъ или убѣжденіямъ» (стр. 52).

Такимъ образомъ оказывается, что на тѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія, къ которымъ авторъ спеціально пріурочиваетъ свой выводъ, т. е. «во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ», первичные экономическіе мотивы, вытекающіе изъ *потребности питанія*, не могли имѣть вліянія на ходъ историческихъ событій, который обусловливался борьбою общественныхъ партій. И дѣйствительно, намъ достаточно извѣстно, что среди войнъ, междоусобій, религіозныхъ преслѣдованій, фискальныхъ мѣръ, промышленныхъ предпріятій и финансовыхъ комбинацій, которыми наполнена древняя, средневѣковая и новѣйшая исторія, не только экономическія потребности, но и потребность въ личной безопасности «неисторическихъ элементовъ общества» отступали на задній планъ. Индивидуальная жизнь заслонялась государственной; личные интересы исчезали передъ общественными или партійными, а общественные или партійные интересы не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ насущнымъ потребностямъ индивидуума. Въ этомъ противорѣчіи между неискоренимыми, органическими потребностями личности, въ ихъ историческомъ развитіи, и потребностями общественнаго организма, въ процессѣ его обособленной эволюціи, заключается одинъ изъ самыхъ могучихъ ферментовъ исторической жизни. Оно послужило источникомъ цѣлаго историческаго теченія, усилившагося вмѣстѣ съ развитіемъ индивидуальности, съ «индивидуаціей» Спенсера, съ историческимъ ростомъ способности человѣка отстаивать свои личныя потребности; можно сказать, что оно именно дало историческому процессу его главнѣйшую отличительную черту, сдѣлало невозможнымъ отождествленіе его съ органическимъ процессомъ, такъ какъ внесло въ него *цѣлесообразность* съ точки зрѣнія составляющихъ общественный организмъ молекулъ, интересы которыхъ, въ силу извѣстныхъ нервныхъ процессовъ, воплощались въ отдѣльныхъ личностяхъ на извѣстныхъ ступеняхъ ихъ индивидуальнаго развитія *).

---

*) Намъ врядъ ли нужно напоминать, что мы лишь повторяемъ здѣсь идеи, положенныя Н. К. Михайловскимъ въ основу его теоріи «борьбы за индивидуальность».

Теоріи, построенныя на всесильномъ вліяніи потребности въ экономически необходимомъ, представляются на первый взглядъ въ высшей степени научными и кромѣ того вполнѣ подтверждаются исторіей на раннихъ ступеняхъ общественной жизни при отсутствіи или незначительности общественной дифференціаціи и интеграціи, съ появленіемъ которыхъ начинаетъ раскрываться историческая пропасть между личностью и обществомъ. Но, вслѣдъ за усиленіемъ общественной интеграціи и дифференціаціи, на первый планъ выступаютъ потребности государства, какъ организма, и потребности руководящихъ общественною жизнью экономически обезпеченныхъ классовъ, въ жертву которымъ (т. е. потребностямъ) приносятся самые насущные интересы большинства. Такимъ образомъ побужденія и мотивы, позднѣе явившіеся на исторической сценѣ, т. е. политическіе и классовые, оказываются сильнѣе первичныхъ экономическихъ потребностей человѣка. Что касается частоты повторенія, то извѣстно, что коллективныя потребности, въ родѣ государственной безопасности или защиты классовыхъ интересовъ, непрерывны и не знаютъ предѣловъ насыщенія, такъ что и въ этомъ отношеніи потребность питанія, какъ она ни настойчиво напоминаетъ о себѣ человѣку, далеко уступаетъ своимъ конкуррентамъ въ области общественной жизни.

Отсюда видно, что довольно категорическій выводъ, сдѣланный г. Арнольди на основаніи соображеній о раннемъ появленіи и сравнительной частотѣ повторенія упомянутой основной потребности питанія, рушится вмѣстѣ со своими логическими и историческими подпорками, и этотъ вопросъ остается въ книгѣ г. Арнольди открытымъ уже съ того самаго момента, когда самъ авторъ начинаетъ ослаблять полученный выводъ своими дальнѣйшими соображеніями, имѣющими несравненно большую научную цѣнность.

Всякая теорія, представляющая общественную эволюцію въ формѣ борьбы группъ или классовъ, тѣмъ самымъ предполагаетъ столкновеніе въ процессѣ исторіи интересовъ различныхъ людей, основанныхъ на той или иной ихъ потребности; слѣдовательно, дѣло идетъ въ такомъ случаѣ не о борьбѣ различныхъ потребностей въ одномъ и томъ же организмѣ, а о борьбѣ различныхъ организмовъ во имя своихъ потребностей. Поэтому сравнительная *сила* той или другой потребности въ отдѣльномъ человѣческомъ организмѣ не можетъ имѣть, съ точки зрѣнія такой теоріи, никакого значенія въ опредѣленіи мотивовъ борьбы общественныхъ партій и не можетъ служить аргументомъ въ пользу необходимости этой борьбы. Данная политическая партія отстаиваетъ свое положеніе не въ силу той или другой необходимой потребности ея членовъ, а въ силу интересовъ, съ которыми одинаково связано удовлетвореніе всѣхъ потребностей каждаго изъ ея членовъ. Когда средневѣковой горожанинъ боролся съ феодаломъ или феодалъ съ королемъ, можно-ли опредѣлить, какая именно изъ ихъ личныхъ потребностей

играла наибольшую роль въ постановкѣ ими своихъ историческихъ задачъ, и имѣетъ-ли этотъ вопросъ какую либо историческую важность?

Съ нѣкоторымъ и даже значительнымъ приближеніемъ къ истинѣ можно утверждать, что въ борьбѣ общественныхъ партій всѣ ихъ *задачи* сводились, въ концѣ концовъ, къ охраненію или пріобрѣтенію правъ на болѣе или менѣе львиную часть продуктовъ такъ называемаго общественнаго производства *); въ этомъ смыслѣ экономическіе интересы дѣйствительно наполняютъ собою исторію, поскольку процессъ ея исчерпывался разрѣшеніемъ партійныхъ задачъ; но вѣдь задача не есть *потребность*, поставленная цѣль не есть *психологическій мотивъ*, которымъ обусловливается ея постановка. Это смѣшеніе экономическихъ потребностей съ экономическими интересами, постоянно встрѣчающееся въ теоріяхъ объективной экономической школы, только вноситъ лишнюю путаницу, нисколько не способствуя выясненію дѣла.

На этомъ мы заканчиваемъ наши замѣтки, вызванныя появленіемъ выдающагося труда г. Арнольди. Ими, конечно, не исчерпываются и даже не затрогиваются всѣ важные вопросы, которыхъ касается авторъ; кромѣ того, по самому своему характеру, онѣ не могутъ дать понятія о всемъ интересномъ и поучительномъ, что содержится въ книгѣ г. Арнольди и для ознакомленія съ чѣмъ мы отсылаемъ къ ней самого читателя.

П. Б.

---

*) Отсюда видно, между прочимъ, что распредѣленіе продуктовъ общественнаго производства еще вовсе не предустанавливалось даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ, такъ какъ охраненіе извѣстной формы этого распредѣленія даже въ періодъ ея полнаго процвѣтанія требовало особой борьбы, опиравшейся главнымъ образомъ на политическія силы; съ другой стороны, новая форма распредѣленія, какъ задача партійной борьбы, также всегда требовала для своего установленія вмѣшательства политическихъ силъ, оппозиціонныхъ представителямъ предшествующей формы распредѣленія, причемъ исторія показываетъ, что эти оппозиціонныя силы никогда не воплощались въ однихъ представителяхъ новой формы производительныхъ силъ. Другими словами, если бы форма распредѣленія непосредственно вытекала изъ даннаго состоянія производительныхъ силъ, то борьба общественныхъ партій сводилась бы къ одной экономической борьбѣ, что не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности даже въ ея современномъ фазисѣ. Въ дѣйствительности между данною формою производительныхъ силъ и соотвѣтствующею имъ формою общественныхъ отношеній стоитъ вся борьба общественныхъ партій, т. е. какъ разъ весь историческій процессъ, какъ онъ опредѣляется теоріею классовой борьбы.

Новыя книги.

Ивановичъ. Собраніе сочиненій, въ трехъ томахъ. Томъ 1-й. Москва 1897. Томъ II-й. Москва 1898.

Литературная карьера г. Ивановича прошла или, лучше сказать, проходитъ безъ всякаго шума и блеска. Очень вѣроятно, навѣрное даже, у него есть свой кругъ читателей и почитателей, которые пристально слѣдятъ за всѣмъ, что выходитъ изъ подъ его пера, но для большой публики имя его говоритъ очень мало. Г. Ивановичъ нынѣ рѣдко появляется въ столичныхъ журналахъ, работаетъ главнымъ образомъ въ провинціальныхъ изданіяхъ, такъ что малое знакомство съ нимъ объясняется очень легко: его просто не видятъ. Провинція же несомнѣнно давно уже поставила его въ первомъ ряду своихъ литературныхъ дѣятелей и имѣла на это полное основаніе.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о степени художественнаго дарованія г. Ивановича, мы скажемъ, что его литературная физіономія въ высшей степени характерна. Ея черты далеко не отличаются правильностью, скорѣе онѣ угловаты и рѣзки и должны производить, надо думать, не особенно пріятное впечатлѣніе на мягкія души, но въ нихъ всегда видна мысль и непоколебимое убѣжденіе. Г. Ивановичъ прямолинейный человѣкъ, который совершенно не желаетъ разговаривать съ жизнью, какъ съ дамой въ большей или меньшей степени капризной и страдающей нервами: не смотря ни на что, онъ гнетъ свою линію и каждой строкой своей говоритъ дерзости, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго раскаянія. Чему онъ повѣрилъ въ юности, тому вѣритъ и теперь и—самое главное—съ тою-же страстностью. Онъ не пошелъ ни на какіе компромиссы, не сдѣлалъ обстоятельствамъ ни малѣйшей уступки. Онъ расширилъ поле своихъ наблюденій; но призма, черезъ которую впечатлѣнія преломлялись, осталась той же—не философской, не эстетической, а прежде всего, пожалуй, даже исключительно, нравственной. Онъ „тенденціозенъ", его беллетристика постоянно переходитъ въ публицистику; онъ дидактикъ по преимуществу и каждый его разсказъ непремѣнно заканчивается высказаннымъ или невысказаннымъ нравоученіемъ.

Мы уже сказали, что г. Ивановичъ не философъ. Даже

его мораль, его проповѣдь, не только лишены какого бы то ни было философскаго основанія, но—больше: г. Ивановичъ какъ будто подсмѣивается надъ изысканіемъ какихъ-то тамъ философскихъ основаній и подсмѣивается, если не особенно зло и остроумно, то во всякомъ случаѣ постоянно. Главнѣйшимъ аргументомъ въ защиту альтруистической дѣятельности онъ выставляетъ *непосредственное чувство.* Оно прекрасно само по себѣ; еще лучше, разумѣется, просвѣтленное сознаніемъ. Иллюстрацій этой точки зрѣнія такая масса, что мы затрудняемся выборомъ: она—настоящая красная нить всего написаннаго г. Ивановичемъ. И, конечно, въ дополненіе къ ней одинаково постоянно и грозно звучитъ предостерегающее: горе тому, кто утерялъ эту непосредственность: онъ или дойдетъ до полнаго опошлѣнія, или закончитъ жизнь самоубійствомъ.

Въ высшей степени любопытенъ разсказъ „Въ потемкахъ". Студентъ Арнаутскій *ищетъ* „безусловной чистоты жизни" и такой дѣятельности, которая удовлетворила бы его нравственные запросы. Но самъ онъ ничего не можетъ найти и минутное удовлетвореніе наступаетъ лишь тогда, когда ему подсказываютъ, что задача человѣка заключается исключительно въ нравственномъ самоусовершенствованіи. Если всѣ будутъ хороши, то и все хорошо будетъ. Начать надо съ самого себя и Арнаутскій принимается за это дѣло. Прежде всего онъ отказывается отъ пособія, которое высылаетъ ему отецъ, хочетъ жить уроками. Но тутъ-то на первыхъ же порахъ начинается темный лѣсъ всевозможныхъ противорѣчій. Найденнаго урока взять нельзя, такъ какъ товарищъ Арнаутскаго Уховъ нуждается больше его и чуть не голодаетъ. „Ничего подобнаго Арнаутскій не ожидалъ. Первый шагъ по пути нравственнаго совершенствованія, которымъ онъ такъ доволенъ, оказывается двусмысленнымъ... Онъ хочетъ жить своимъ трудомъ, для этого отказывается отъ отцовскихъ денегъ, беретъ урокъ... кажется, очевидно поступокъ нравственный... И вдругъ тотъ самый человѣкъ, который разрѣшилъ всѣ его вопросы теоріей нравственнаго совершенствованія, говоритъ, что онъ, его поступокъ, безнравственъ... И вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ отнялъ хлѣбъ у товарища... Что же это такое?.." Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Пустою, незначащею ложью Арнаутскому приходится выручить товарища изъ большой бѣды. Другой бы радовался, что дѣло обошлось такъ просто и хорошо, но нашъ метафизикъ снова ухватывается за вопросъ о веревкѣ и опять для него мучительно, что нравственное (товарищеская услуга) и безнравственное (ложь) слились въ томъ же поступкѣ и т. д. Онъ доходитъ до мрачнаго, прямо отчаяннаго настроенія, забрасываетъ всѣ знакомства, старается погрузиться въ лекціи: ничто не помогаетъ, а

медицина и на умъ нейдетъ. Всѣ попытки вытащить его на свѣтъ Божій не удаются, такъ какъ онъ грубо отталкиваетъ всякое участіе и уступаетъ, и то противъ воли, своей хорошенькой сосѣдкѣ швеѣ. Той просто изъ каприза захотѣлось соблазнить нелюдима-сосѣда и она дѣйствительно соблазняетъ его. Опомнившись, Арнаутскій принимаетъ морфій. По смыслу разсказа самоубійство Арнаутскаго является роковымъ наказаніемъ за забвеніе основной догмы: человѣкъ существо общественное: Будь у него не головное, а органическое, непосредственное признаніе этой простой истины, ни въ какомъ морфіи не оказалось бы надобности: Арнаутскій понялъ бы всю узость своей абсолютной теоріи самосовершенствованія и не сталъ бы мучить себя и другихъ несуществующими противорѣчіями.

Такова же по существу исторія другого студента Брынзы въ разсказѣ „Будильникъ". Брынза вкривь и вкось философствуетъ на тему о пустотѣ и скукѣ жизни. Увидѣвъ же, что философствованія не приводятъ ни къ чему, начинаетъ пить мертвую. Его спасаетъ проснувшаяся при видѣ страшной картины нищеты и паденія человѣческаго любовь къ ближнему. Тоже случилось и съ образованнымъ помѣщикомъ Миноровымъ, который точно въ пуховикахъ чувствовалъ себя, признавая, что онъ ничего не можетъ сдѣлать и ничѣмъ не можетъ помочь человѣческому горю; когда же на сосѣднюю деревеньку надвинулась грозовая туча безпощаднаго голода, въ немъ проснулось сердце, а вмѣстѣ съ сердцемъ и человѣкъ, такъ какъ для г. Ивановича человѣкъ есть прежде всего сердце человѣческое, для котораго слезы ближняго—не водица соленая.

Нисколько, разумѣется, не отрицая работы критической мысли—(объ этомъ и говорить не стоитъ)—напротивъ того, настаивая на ней, г. Ивановичъ возводитъ, однако, въ перлъ созданія непосредственное чувство, такъ сказать, нравственную интуицію, которая не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ или знаніяхъ, а дѣйствуетъ самопроизвольно. Есть у него одинъ разсказъ „Сердце велѣло", который мы не затрудняемся признать если не лучшимъ, то самымъ характерымъ въ обоихъ томахъ. Его героиня, Антося, простая добрая дѣвушка, не выдается рѣшительно ничѣмъ, кромѣ полной искренности своей натуры. Она скромно, тихо и незамѣтно живетъ при своемъ отцѣ—смотрителѣ тюрьмы, любитъ и холитъ его. Однажды въ тюрьму попадаетъ какой-то «большой разбойникъ", который по всѣмъ соображеніемъ долженъ перенести самое страшное наказаніе. Антося видѣла когда-то «страшное наказаніе» и ей мучительно страстно захотѣлось

спасти узника. Это ей удается, и вотъ она на скамьѣ подсудимыхъ, какъ всегда застѣнчивая, спокойная, добрая. «Вамъ принадлежитъ послѣднее слово», сказалъ предсѣдатель. Антося встала съ покраснѣвшими щеками и сказала: „Прокуроръ говоритъ, что во мнѣ нѣтъ и тѣни раскаянія. Это правда. Я счастлива, что мнѣ удалось спасти человѣка отъ смерти". Чудная улыбка торжествующаго добраго сердца освѣтила лицо Антоси. Когда присяжные вынесли ей оправдательный приговоръ, «неудержимый крикъ радости былъ отвѣтомъ; даже молчаливый казначей крикнулъ: „молодцы присяжные!" и басистое браво генерала раздалось среди рукоплесканій. Въ каждомъ проснулось дремавшее, страдающее порокомъ сердце. Вѣдь и оно хотѣло бы быть такимъ же сильнымъ и бодрымъ, какъ сердце Антоси. Оно затрепетало отъ радости; и хотя завтра снова сожмется, охваченное страхомъ, но за то сегодня—его праздникъ и ничто не можетъ помѣшать ему высказать то, что робко таится въ его завѣтномъ уголкѣ. Совершенно напрасно звонитъ предсѣдатель".

Весь разсказъ — апоѳеозъ добраго сердца. Нравственная интуиція играетъ вообще большую роль въ произведеніяхъ г. Ивановича. „Исправницкая дочка", „Пришелъ, да не туда" и др. разсказы говорятъ о ней и, если можно такъ выразиться, „воспѣваютъ" ее,—воспѣваютъ горячо, страстно, убѣжденно. Исправницкая дочка, напр., бросаетъ отца, котораго любитъ, узнавъ, что онъ по смыслу своего положенія разрѣшаетъ себѣ всякіе свободные поступки; также поступаетъ дочь Малюги, человѣка, впрочемъ, добродушнаго, но которому ничего не велитъ его запуганное, хамское сердце; Евлампія отказывается отъ жениха, слишкомъ уже ретиво исполняющаго свои прокурорскія инструкціи. Всюду вы встрѣчаете одинъ и тотъ же мотивъ, который можетъ быть выраженъ словами: „отъ природы своей человѣкъ добръ и сострадателенъ; сердце никогда не обманетъ его, если онъ захочетъ слушаться его голоса и не дастъ трусости или разсчету отуманить себя; но наша жизнь заключается въ отрицаніи всякой непосредственности, оттого-то мы и видимъ въ ней столько горя, сомнѣній, насилій и пошлости. Добрые въ душѣ люди становятся „по положенію" жестокими, правдивые лицемѣрами, честные и искренніе завѣдомо совершаютъ паскудныя дѣла. Нѣтъ людей или мало людей; куда ни оглянись—вездѣ твари дрожащія, исполненные страхомъ жизни, боящіяся самихъ себя".

Это «мало людей»—скорбный элементъ міросозерцанія г. Ивановича, и съ особенной грустью отмѣчаетъ онъ, для него несомнѣнный фактъ, что ихъ становится все меньше и меньше. На сценѣ или самодовольные бюрократы, проникнутые духомъ всевозможныхъ инструкцій, или безполезные болтуны, твердящіе

про народъ, какъ сорока про Якова, но, разумѣется, только твердящіе про народъ. Нисколько не поддаваясь отчаянію, напротивъ того, сохраняя даже постоянно бодрое настроеніе—что, между прочимъ, обусловливаетъ частыя, но, къ сожалѣнію, едва ли удачныя попытки г. Ивановича по сатирической части—онъ склоненъ, повидимому, смотрѣть на наши дни, какъ на кошмаръ, нѣкоторое тяжкое испытаніе, ниспосланное намъ судьбой за какія-то прегрѣшенія. Но отчаяваться все же нечего. Надо удивляться, съ какою настойчивостью выискиваетъ г. Ивановичъ т. н. свѣтлыя явленія, довольствуясь иногда одними намеками на нихъ („Никеша проснулся"), готовый ихъ преувеличивать („Будильникъ"), а когда дѣло касается дѣйствительно пробудившагося сердца („Исправницкая дочка", „Пришелъ, да не туда", „Евлампія", „Сердце велѣло"), онъ отдаетъ ему весь свой богатый запасъ чувства. Онъ смотритъ на наше время только какъ на кошмаръ и совершенно естественно, что въ кошмарѣ лѣзутъ въ голову и всякія кошмарныя мысли. Легко угадать, къ чему онѣ, въ концѣ концовъ, сводятся и возлѣ чего концентрируются. Вся бѣда въ томъ, что у современника если и не исчезло, то въ значительной степени ослабѣло активное отношеніе къ жизни, что онъ или боится борьбы съ ея зломъ, или признаетъ это зло какъ нѣчто необходимое, или же просто на просто не чувствуетъ въ себѣ бога живаго, какъ, напр., Миноровъ въ „Будильникѣ", или же, наконецъ, отчасти страха ради іудейска, отчасти по свойственной россійскому гражданину лѣни („Тютя", „Малюга" и т. д.) переходитъ отъ компромисса къ компромиссу, пока не достигнетъ блаженства полной душевной прострацiи. Не только должно, но можно бороться съ жизнью и зломъ ея, говоритъ г. Ивановичъ и пишетъ на эту тему дѣйствительно любопытный разсказъ, „Будильникъ", герой котораго Грушинъ „радѣетъ" во имя велѣній своего сердца, не смотря на всѣ препятствія. Разсказъ носитъ нѣсколько идиллическій характеръ: Грушину слишкомъ какъ-то многое удается даже въ борьбѣ съ... членами мѣстной управы, но все же вы видите передъ собой не куклу à la Штольцъ Гончарова, а живого человѣка. Г. Ивановичъ нисколько не скрываетъ, что это его любимецъ и надѣляетъ его нѣсколько исключительными силами. По части „художества" это, разумѣется, слабый разсказъ.

Особенно пристально всматривается г. Ивановичъ въ жизнь современной молодежи и нельзя сказать, чтобы онъ былъ ею очень доволенъ. Напротивъ, отрицательныхъ явленій онъ подмѣчаетъ вполнѣ достаточно. Тамъ увлеченіе кутежами и идеями „Гражданина" (кружокъ студента Шеболина), тамъ метафизическое отношеніе къ вопросамъ морали („Въ потемкахъ"), тамъ — душевный маразмъ, доводящій до непрестаннаго и

усиленнаго пьянства (студентъ Брынза въ „Будильникѣ") и т. д. Картина получается довольно таки скверненькая и сѣренькая, но, къ счастью, не однотонная. Все это „кошмаръ", утверждаетъ г. Ивановичъ и полагаетъ, что встрѣча, тѣмъ болѣе дружба съ хорошимъ человѣкомъ можетъ разбудить юношу и направить его на путь истины. Пьяницу Брынзу Грушинъ, не мудрствуя лукаво, ведетъ въ Вяземскую лавру и задаетъ ему вопросъ, имѣетъ ли интеллигентный человѣкъ право жаловаться на скуку и отсутствіе живого дѣла, когда вокругъ столько нищеты и униженія. Увлекшагося кутежами и дворянской идеей Никешу излѣчиваетъ его встрѣча съ милой и умненькой курсисткой. Намъ кажется, что можно простить г. Ивановичу эти его идилліи, потому что онъ много возлюбилъ возрожденіе людей и любуется процессомъ этого возрожденія не какъ эстетикъ, не какъ сторонній наблюдатель, а прежде всего какъ человѣкъ, для котораго гражданственность, гражданскія чувства, общая польза, народное счастье, правда жизни — не пустыя слова, а плоть отъ плоти и кость отъ костей самой его натуры. Очень даже можетъ быть, что всѣ эти идилліи ничто иное, какъ продуктъ наболѣвшаго ожиданія, своего рода нетерпѣливое предвосхищеніе будущаго, въ наступленіи котораго творецъ ихъ нисколько не сомнѣвается.

Ознакомившись съ произведеніями г. Ивановича, читатель скептикъ скажетъ, пожалуй: „блаженъ, кто вѣруетъ". Насчетъ горячности вѣры мы спорить не будемъ, но блаженство г. Ивановича можно сильно заподозрить. Конечно, непоколебимая преданность своимъ убѣжденіямъ, ни на минуту не замирающая надежда на лучшее будущее значительно облегчаютъ путь жизни, но едва ли возможна рѣчь о блаженствѣ въ той обстановкѣ, гдѣ человѣкъ ежеминутно видитъ вокругъ себя полное пренебреженіе даже къ элементарнѣйшимъ требованіямъ общественной морали и слишкомъ даже часто плачевное безсиліе всѣхъ искреннихъ порывовъ сердца. И на самомъ дѣлѣ г. Ивановичъ не рѣдко впадаетъ въ грустный тонъ, который слишкомъ ясно говоритъ, какъ безпокоитъ его это неустройство жизни, это настойчивое стремленіе даже избранныхъ людей окунуться въ какую нибудь Лету и забыть о своихъ обязанностяхъ передъ ближними, своемъ нравственномъ долгѣ совершенствовать окружающее и дѣятельно бороться со зломъ.

Больше всего будетъ недоволенъ произведеніями г. Ивановича читатель эстетикъ. Онъ найдетъ, во первыхъ, ихъ мораль слишкомъ элементарной и однообразной, а художественные образы и картины въ большей или меньщей степени пригнанными къ тенденціи и сочиненными ad hoc. Отчасти это, разумѣется, справедливо, такъ какъ г. Ивановичъ прежде всего моралистъ и дидактикъ. Но совершенно напрасно отрицать

въ немъ способность создавать дѣйствительно драматическія положенія. Превосходно, напр., описаніе духовныхъ мукъ и колебаній тюремнаго смотрителя Малюги, который хочетъ освободить свою любимую дочь и не смѣетъ сдѣлать это, и еще нѣкоторыя сцены изъ другихъ повѣстей. Сцены эти ясно говорятъ о художественномъ дарованіи автора, а если ихъ мало, то это потому, что г. Ивановичъ слишкомъ уже живетъ интересами жизни и, дѣйствительно, слишкомъ близко принимаетъ ихъ къ сердцу, слишкомъ хочетъ торжества извѣстныхъ идей и опроверженія враждебныхъ. Поэтому онъ всегда теряетъ перспективу, берется за совершенно несвойственную ему сатиру, высказывается отъ своего лица тамъ, гдѣ это совершенно ненужно, и вообще совершаетъ массу художественныхъ преступленій.

О провинціальныхъ впечатлѣніяхъ г. Ивановича, которыми заполнена значительная часть II-го тома, мы говорить не будемъ. Они въ большинствѣ случаевъ не показались намъ оригинальными, хотя автору никакъ нельзя отказать ни въ наблюдательности, ни порою въ остроуміи.

В. Быстренинъ. Сказки жизни. Москва. 1898.

Мы знаемъ г. Быстренина по двумъ изданнымъ имъ книжкамъ—„Очеркамъ" и „Сказкамъ". И та и другая одинаково плохи и одинаково хороши. Плохи онѣ потому, что въ нихъ нѣтъ ничего «своего»; хороши—потому что въ нихъ нѣтъ ничего дурного, отчего бы мутило. Правда, это послѣднее достоинство чисто отрицательнаго свойства, но вѣдь по нынѣшнимъ временамъ и отрицательныя достоинства кое что значатъ. Поэтому, мы безъ особыхъ душевныхъ колебаній причисляемъ г. Быстренина къ разряду литературныхъ полезностей, которыя размножаются съ быстротой прямо поразительной. Въ сущности это даже хорошо (лишь бы, конечно, полезности не были вредны), такъ какъ геніевъ ожидать не приходится, таланты что-то не являются, а текущая литература такъ или иначе должна существовать. И выходитъ, что „за неимѣніемъ гербовой, пишемъ прямо на простой". Надо съ этимъ мириться и еще по двумъ соображеніямъ: потому, во первыхъ, что каждая полезность все же вноситъ хоть маленькую новую черточку, хоть самую чуть-чуточную, хотя бы чисто этнографическую, и потому, во вторыхъ, что масса читателей растетъ замѣчательно быстро и наполняется, разумѣется, изъ неистощимаго запаса сѣраго люда. Очень вѣроятно, что для этихъ новыхъ читателей классики наши покажутся слишкомъ мудреными или, лучше сказать, слишкомъ сжатыми, слишкомъ сконцентрированно пишущими, а полезность—та свою линію

держитъ и самую крохотную мысль изложитъ вполнѣ удобопонятно на десяткахъ страницъ. Но, называя г. Быстренина полезностью, мы рѣшительно не хотимъ его обижать. Пишетъ онъ всегда искренно, безъ всякаго подогрѣтаго вдохновенія, пишетъ о томъ, что видѣлъ или слышалъ, а когда изрѣдка пускается въ выдумку (напр., „Чудный цвѣтокъ" въ „Сказкахъ"), то быстро ставитъ точку, очевидно сознавая, что это ему совсѣмъ не по плечу. Его дѣло небольшіе бытовые очерки изъ крестьянскаго быта, который въ большей или меньшей степени ему знакомъ, и который, повидимому, сердечно его интересуетъ. Только напрасно онъ такъ часто прибѣгаетъ къ пріему—хотя и вполнѣ законному, но въ высшей степени трудному—передавать разсказъ мужиковъ ихъ собственными словами. Колоритъ мужицкаго языка дается не всякому и требуетъ особой художественной воспріимчивости, и разъ ея нѣтъ, то ужъ лучше говорить своими словами. Но съ этимъ недостаткомъ, куда ни шло, можно примириться, такъ какъ содержаніе у г. Быстренина всегда жизненное. Напр., въ лучшемъ разсказѣ сборника „Иванова бѣда" онъ излагаетъ исторію очень обыкновенную, очень извѣстную и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-трогательную. Иванъ—обстоятельный молодой мужикъ, превосходный хозяинъ и семьянинъ. Онъ только что назначенъ присяжнымъ засѣдателемъ и искренно, по дѣтски, радуется этому обстоятельству. На бѣду онъ находится въ постоянной ссорѣ съ своимъ отцомъ, отчаяннымъ пропойцей, который, по наущенію иванова врага, какъ разъ въ эту торжественную минуту подаетъ на сына жалобу въ судъ „за непочтительность". Судьи, чтобы уважить „старичка" приговариваютъ Ивана къ поркѣ. Это, и особенно то обстоятельство, что опозорили его—человѣка набожнаго, аккуратнаго плательщика и гласнаго, *только что призваннаго судить другихъ людей*, такъ поразило Ивана, что съ этой поры все ему очертѣло. Онъ затосковалъ и въ минуту особаго приступа душевныхъ мукъ тайкомъ убѣжалъ въ степь, гдѣ и замерзъ въ мятельную ночь. Характерно въ этомъ разсказѣ, конечно, отношеніе „новаго мужика" къ поркѣ и авторъ очень удачно подчеркиваетъ его словами Катерины, жены Ивана, которая, желая успокоить мужа, говоритъ ему: „ты слушай-ка, Иванъ, что ужъ ты больно ослабъ? Знамо, сласть не велика, а только и убиваться этакъ не кстати. Вонъ моего родителя сколько разовъ угощали—ничего: бывало, придетъ домой, *только почесывается*"... Теперь, значитъ, перестаютъ понемногу почесываться.

О другихъ разсказахъ мы говорить не будемъ: они или элементарны, или въ нихъ слишкомъ уже робко и неувѣренно

проявляется новая деревня съ бóльшимъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ бóльшей духовной независимостью.

А. Хирьяковъ. Легенды любви. Спб. 1898.

Если судить только по названной книгѣ (а другихъ произведеній г. Хирьякова мы не знаемъ), то придется сдѣлать заключеніе, что ея авторъ можетъ писать лишь на экстраординарныя темы и экстраординарнымъ языкомъ. На всѣхъ ста четырехъ страницахъ мы не нашли ни одной фразы, построенной по обычному способу, и зачастую приходили въ недоумѣніе,—что собственно намъ приходится читать, стихи или прозу, прозу или стихи. Судите сами: «ярко сіяетъ осеннее солнце. Ласково плещутъ зеленыя волны фіорда. Тихо и важно кивають вершинами старыя сосны. Весело смотритъ могучій кóнунгъ Ваулундъ» и т. д. Или: «огнемъ горятъ очи стараго конунга Ваулунда; съ гордой любовью смотритъ онъ на старшаго сына и прыгаетъ въ груди конунга старое сердце, какъ жеребенокъ, выпущенный въ поле». Или: «Думы такія родились однажды въ моей головѣ, когда я лежалъ у костра тихой ночью, а рядомъ лежали спокойно товарищи, сномъ наслаждаясь» и т. д. Все равно какъ Чичиковъ не могъ разобрать при видѣ Плюшкина, кто передъ нимъ, мужикъ или баба, такъ и мы не можемъ разобрать, что передъ нами. Но если это стихи—они плохи, такъ какъ размѣръ не выдержанъ, если это проза—она плоха, потому что перебивается стихами. На счетъ темъ надо сказать, что онѣ еще экстраординарнѣе. Обстановка перваго разсказа взята изъ міра норманскаго, второго—изъ міра сказочнаго, третьяго—столичнаго, четвертаго—киргизскаго, пятаго—японскаго, шестого—тибетскаго. Мѣстный колоритъ исчерпывается собственными именами или такими этнографическими чертами, какъ: «конунгъ пируетъ», «японка обмахивается вѣеромъ», «киргизъ ѣстъ баранью похлебку» и пр. Ну, конечно, все это такъ; только все же спросимъ автора, почему онъ думаетъ, что написалъ легенды? Легенда—это искаженное преданіе; всѣ же конунги и японки, очевидно, выдуманы имъ изъ своей головы. Это такъ себѣ, сказки и даже сказочки, въ которыхъ только и есть двѣ хорошихъ страницы, это разсказъ киргиза о Гасвирѣ (Агасферѣ). Конечно, ради благой цѣли—а авторъ, очевидно, преслѣдовалъ благую цѣль—можно простить многое, но, кажется, г. Хирьяковъ перешелъ границы этого многаго. Самое же главное вотъ въ чемъ: понимаетъ ли самъ г. Хирьяковъ, что такое любовь, которую онъ проповѣдуетъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Чуть только онъ начинаетъ опредѣлять ея реальное содержаніе, у него получается прямо непріятный наборъ словъ. По

первому разсказу, въ царствѣ любви «день не смѣняется ночью, лѣто не смѣняется зимою, человѣкъ не убиваетъ человѣка» (стр. 14—15); во второмъ и третьемъ—любовь совсѣмъ не опредѣляется; по четвертому—съ воцареніемъ любви «левъ будетъ лежать съ ягненкомъ и дитя играть подъ норой аспида» (стр. 50) и всѣ, повидимому, станутъ вегетаріанцами (стр. 44—45); въ пятомъ японская богиня Аматера говоритъ: «любовь это—я»—и, значитъ, понимай какъ знаешь; въ шестомъ ничего по интересующему насъ вопросу мы не нашли. Какъ же представляетъ себѣ г. Хирьяковъ царство любви—неизвѣстно; какъ понимаетъ онъ любовь въ общественныхъ отношеніяхъ? Какъ японскую богиню Аматеру или иначе? какъ вегетаріанство? какъ не-убіеніе? вѣчный день и вѣчное лѣто? дружбу льва съ ягненкомъ? игру ребенка у норы аспида?.. Осмѣливаемся думать, что когда человѣкъ на каждой страницѣ употребляетъ одно и то же слово, онъ долженъ въ совершенствѣ знать его реальный смыслъ, его конкретное содержаніе. А то извольте—японская богиня...

Мы не придираемся къ г. Хирьякову. Напротивъ того, мы желаемъ ему всего хорошаго въ будущемъ, такъ какъ искренность его настроенія не можетъ быть заподозрѣна, а нѣсколько страничекъ даютъ возможность предполагать въ немъ нѣкоторую литературность. Но надо бросить этотъ безобразный пѣвучій языкъ, эту чрезмѣрность шаблонныхъ эпитетовъ и прежде всего надо знать, о чемъ пишешь.

В. Коринъ. Зарницы. Стихи и пѣсни. Спб. 1898.

С. Геммельманъ. Стихи. Москва. 1897.

Все новыя и новыя имена стихотворцевъ мелькаютъ на обложкахъ издаваемыхъ сборниковъ, и давать о каждомъ изъ нихъ подробные отчеты положительно немыслимо. Но хоть изрѣдка, хоть разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, приходится брать на удачу того или другого изъ этихъ безчисленныхъ стихотворцевъ и съ нѣкоторымъ любопытствомъ (и, увы, слабой надеждой) вглядываться въ ихъ поэтическія физіономіи: не представляютъ ли онѣ счастливаго исключенія? не вносятъ ли хоть крошечнаго просвѣта въ кромѣшный мракъ, нависшій надъ современной русской поэзіей?..

Въ видѣ такой пробы, возьмемъ на этотъ разъ не одного, а цѣлую пару новыхъ, безвѣстныхъ еще стихотворцевъ.

У г. Корина, какъ у всякаго истиннаго поэта, конечно, имѣется муза: «Я не ждалъ тебя—сама ты постучалась подъ окномъ...» «Ты мнѣ лиру поднесла и изъ лавра, розъ и терній ты вѣнокъ надѣла мнѣ». Лавръ, какъ извѣстно, эмблема славы, роза—наслажденія, а тернъ—страданія: такой затѣй-

ливый вѣнокъ поднесла муза своему новому избраннику. Впрочемъ, о славѣ скромный г. Коринъ очень низкаго мнѣнія: «Желанье славы?.. слава—эхо глухихъ лѣсовъ; какъ звукъ пустой, она—утѣха лишь для глупцовъ». Такого же нелестнаго мнѣнія г. Коринъ и о правдѣ, о наукѣ: «Исканье правды, трудъ науки... Но, другъ, къ чему? Когда всѣмъ міромъ *правятъ руки на зло уму*!» Послѣднее не для всякаго, быть можетъ, вразумительно, но языкъ боговъ и не претендуетъ вѣдь на это. Разочарованность, пессимизмъ поэта не подлежатъ во всякомъ случаѣ сомнѣнію. «Не служеніе отчизнѣ» онъ «избралъ себѣ въ удѣлъ», а разгадку тайнъ вѣчности и безконечности (на меньшемъ нынѣшніе поэты не помирятся!). Къ великому сожалѣнію, въ лежащей передъ нами книжечкѣ разгадки этой еще не дается, и книжка посвящена главнымъ образомъ мотивамъ любви. Какъ легко можетъ представить читатель, въ «меду любви» поэтъ нашъ нашелъ «измѣну и ядъ шиповъ». Красавица, по винѣ которой г. Коринъ пришелъ къ столь печальному открытію, особа, дѣйствительно, неумолимая: «Къ твоему недоступному сердцу — съ безнадежной тоской подхожу, — но ключа отворить въ него дверцу—я не вижу и не нахожу». Правда, въ другомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ о веснѣ, которая, какъ заботливый гименей, постлала для него съ возлюбленной брачное ложе въ видѣ скошенной луговой травы, и отсюда можно бы, повидимому, заключить, что таинственная «дверца», наконецъ, нашлась и открылась; но г. Коринъ не имѣетъ, къ сожалѣнію, привычки выставлять подъ своими произведеніями даты ихъ написанія, такъ что лишь отдаленнымъ потомкамъ современныхъ библіографовъ удастся, быть можетъ, опредѣлить, какая изъ этихъ двухъ пьесъ была написана раньше и къ одной ли и той же красавицѣ онѣ относились.

Къ характеристикѣ г. Корина, какъ поэта, намъ остается прибавить немного. Комары у него «воютъ», огонь «тлится», Беатриче его имѣетъ «строгія щеки»... А размѣры стиховъ встрѣчаются такія:

Поцѣлуи
Твои холодны,
Какъ осеннія струи
Волны!
И признанья
И ласки твои
Не рождаютъ желанья
Въ крови!..

Не такъ замысловатъ г. Геммельманъ, что и понятно: курса гимназіи онъ, безъ сомнѣнія, еще не окончилъ и съ грамматикой Буслаева освоиться вполнѣ не имѣлъ времени.

За то у него благодарное и въ высшей степени нѣжное сердце, что явствуетъ изъ большого стихотворнаго посвященія бабушкѣ. Послѣднюю онъ любитъ за то, что она «въ колыбелькѣ малютку качала (то есть, его, г. Геммельмана), часто не спя средь полночи глухой»... *Не спя* звучитъ, конечно, нѣсколько странно, но мы можемъ утѣшить юнаго автора: у другого современнаго поэта мы встрѣтили недавно «милой *ждя*» и «очи *тря*»...

Съ ранняго дѣтства бытья я земного
Былъ сиротою... отца я не зналъ...

жалуется далѣе г. Геммельманъ, не переставая воевать въ то же время съ русскимъ языкомъ:

Матери, правда, я послѣ *лишался*...

О, бѣдный, бѣдный поэтъ! Не одинъ, а даже нѣсколько разъ въ жизни лишался онъ матери!

Съ этаго время ты мать замѣнила...
Боже мой, Боже, какъ я одинокъ!

О, милая, милая бабушка! И еще разъ: бѣдный, бѣдный г. Геммельманъ!

Все это такъ,—скажетъ, пожалуй, читатель,—но какое же, собственно, къ поэзіи отношеніе имѣетъ новоявленный поэтъ? Какіе мотивы знаетъ его муза, кромѣ безмѣрной любви къ бабушкѣ? О, множество! Прочтите, напр., хоть превосходное стихотвореніе «Когда луна свои лучи бросаетъ»... Слѣдуетъ огромнѣйшій условный періодъ, гдѣ фигурируютъ и звѣзда, и садъ, и зефиръ, и жасминъ, и соловей: когда, когда, когда, когда... И лишь тогда, когда задыхающійся читатель, не въ силахъ декламировать дальше, готовъ просить у жестокаго поэта пардону, онъ, наконецъ, бросаетъ въ него заключительный (24-й по счету) стихъ: «Приди ко мнѣ!..» Кто, собственно говоря, «приди»—не сказано, но надо думать, что имѣется въ виду благодѣтельный Морфей, равно необходимый и утомленному читателю, и самому автору. Или, вотъ, не менѣе дивное стихотвореніе, нѣсколько напоминающее, правда, тургеневское «Довольно», хотя куда же, разумѣется, Тургеневу до г. Геммельмана!

Довольно... довольно любить и страдать...
Достаточно сладко томиться...
Пора увлекаться бросать красотой...

Ну, не прелесть ли это «достаточно»? Не бездна ли поэтической мощи и энергіи заключается въ этомъ «пора увлекаться *бросать красотой*?..»

Какъ видитъ читатель, въ лицѣ гг. Корина и Геммельмана осиротѣлая русская поэзія обрѣтаетъ, несомнѣнно, новую великую надежду!

Гюставъ Лансонъ. Исторія французской литературы. Томъ II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1898.

Мы имѣли уже случай говорить о книгѣ Лансона. По поводу выхода въ свѣтъ I тома русскаго перевода мы указывали на слабыя стороны метода автора и достоинства выполненія, дающаго гораздо больше, чѣмъ обѣщаютъ тѣ произвольно узкія рамки, въ которыя авторъ предполагалъ заключить свою интересную задачу. Появленіе перевода послѣдней части II тома, посвященной XIX вѣку, дало намъ поводъ остановиться на одномъ ея недостаткѣ: его характеристики неизмѣнно блестящи, но не всегда безпристрастны; съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыя онъ иногда ставитъ читателя, не все представляется въ надлежащемъ видѣ. Но это относится почти исключительно къ послѣднему столѣтію: по не всегда объяснимой случайности, то безпристрастіе, котораго не хватало автору, когда ему приходилось характеризовать Курье или Сентъ-Бева, оказывается на лицо даже въ главахъ, посвященныхъ столь щекотливому—для человѣка воззрѣній Лансона — предмету, какъ люди и книги XVIII вѣка. Еще ранѣе, во вступительной главѣ, изслѣдующей связь вѣка просвѣщенія съ предшествующей эпохой, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ тонкихъ и яркихъ опредѣленій, совокупность которыхъ даетъ законченную картину литературнаго движенія переходной эпохи. Передъ нами проходитъ вся армія провозвѣстниковъ великаго духовнаго переворота—свѣтскіе вольнодумцы съ ихъ эпикурейскимъ скептицизмомъ, ученые раціоналисты, популяризующіе картезіанство, вродѣ Фонтенелля, и, наконецъ, тяжелая артиллерія теологической критики, воплощенная въ „Словарѣ“ Бэйля. Оригинальная фигура послѣдняго заслуживаетъ болѣе глубокаго вниманія, чѣмъ то, какимъ она пользуется. Это настоящій типъ старомоднаго ученаго, изъ глубины своего мирнаго кабинета совершающаго революцію въ томъ мірѣ, которому онъ какъ будто совсѣмъ чуждъ. Далекій отъ всякихъ боевыхъ тенденцій, онъ служитъ дѣлу опредѣленнаго направленія одной правдой. У Бэйля не было никакой своей доктрины, и онъ избѣгалъ построенія какихъ нибудь теорій. Его методъ состоялъ въ томъ, чтобы представить всѣ доводы за и противъ общепринятыхъ мнѣній. Если доводы противъ оказывались сильнѣе и если, послѣ прочтенія его книги, читатель склонялся въ пользу еретиковъ, то это была не вина автора. Онъ училъ не принимать ничего на вѣру и воздерживаться отъ сужденій. Его положительное ученіе заключалось въ ненависти къ нетерпимости и любви къ миру. Таковъ этотъ „разрушитель“, по немъ можно судить о дѣйствительной устойчивости тѣхъ „основъ“, которыя рушились отъ его прикосновенія.

Между тѣмъ поэзія падаетъ, она теряетъ самое главное — поэзію — и обращается въ стихотворство; ту жизненную силу, которая вознесла ее такъ высоко въ XIX вѣкѣ, — реализмъ — она найдетъ, лишь уйдя изъ салоновъ и причудливыхъ садовъ рококо на улицу, къ народу. Ярмарочная комедія, живая и правдивая, вольетъ новую жизнь въ классическую трагедію и подъ перомъ Мариво и Бомарше преобразуетъ ее въ реальную драму; въ „Жиль-Блазѣ“ и „Манонъ Леско“ явятся образцы новаго романа. И духъ жизни со страницъ тяжелыхъ фоліантовъ «Энциклопедіи» перейдетъ въ воспріимчивые умы, подготовленные къ его пришествію такими вещами, какъ «Свадьба Фигаро». Согласно своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ, Лансонъ даетъ лишь характеристики самыхъ выдающихся дѣятелей этой эпохи, но онъ дѣлаетъ это такъ умѣло, что читателю становится яcенъ и близокъ самый смыслъ историко-литературнаго движенія. Надо отдать справедливость автору: весь „Энциклопедіи скептическій причетъ“ нашелъ въ немъ превосходнаго портретиста. Вообще вся книга его интересна въ высокой степени. Общее знакомство съ нею облегчено въ русскомъ изданіи не только обычными оглавленіями и указателемъ, но и хронологическими таблицами, наглядно рисующими развитіе французской литературы въ томъ порядкѣ, который надо признать наиболѣе соотвѣтствующимъ научной точкѣ зрѣнія: по отдѣльнымъ жанрамъ литературы. Переводъ сдѣланъ хорошо.

Габріель Сеайль. Леонардо да Винчи, какъ художникъ и ученый (1452—1519). Опытъ психологической біографіи. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Переводъ съ французскаго. Спб. 1898.

Сеайль напрасно назвалъ свою книгу психологической біографіей; въ ней нѣтъ исторіи психики, да и едва ли для этого теперь можно найти данныя. Наоборотъ, біографія отдѣлена въ его книгѣ отъ многосторонней характеристики, написанной, такъ сказать, съ статической точки зрѣнія. Но, за этой оговоркой, книгу его можно назвать выдающимися по интересу произведеніемъ. Она достойна его героя. Слово герой звучитъ, пожалуй, нѣсколько странно въ примѣненіи къ центральной фигурѣ историческаго изслѣдованія, а не романа. Но книга Сеайля читается, какъ романъ, и къ Леонардо болѣе, чѣмъ къ кому либо, пристало названіе героя въ карлейлевскомъ смыслѣ или—другой англійскій терминъ—„представителя человѣчества“. Если прочитать изъ всей книги Сеайля только его заключительное „похвальное слово“, оно покажется невѣроятно утрированнымъ. Намъ, въ нашемъ исключительномъ положеніи одностороннихъ придатковъ къ ка-

кому-то большому цѣлому, не вѣрится, чтобы въ мірѣ было когда либо такое цѣльное, во всѣхъ отношеніяхъ совершенное существо. Но, прочитавъ всю біографію, не трудно убѣдиться въ томъ, что заключительный панегирикъ даже не преувеличенъ. Объ одномъ только недостаткѣ легко подумать, если поверхностно познакомиться съ его личностью: великій художникъ и великій мыслитель какъ будто совсѣмъ не думаетъ о людяхъ. Біографъ удачно защищаетъ его отъ этого стараго упрека. Если есть исключительныя натуры, которымъ пристало то философское отношеніе къ текущей жизни, которое мы въ людяхъ среднихъ клеймимъ названіемъ индифферентизма, то Леонардо изъ ихъ числа. Онъ не мирился со зломъ, совершеннымъ другими, но думалъ о немъ меньше, чѣмъ о добрѣ, которое онъ самъ можетъ сдѣлать. „Его мало интересуетъ, будетъ ли Ломбардія подъ властью французскаго короля или сына Людовика Мора. Но урегулировать теченіе По посредствомъ грандіозныхъ ирригаціонныхъ работъ, повысить благосостояніе цѣлаго народа, превратить Ломбардскую равнину въ такую плодородную страну, чтобы людямъ не удалось больше ее разорить,—ко всему этому онъ не относится индифферентно".

Что болѣе всего привлекаетъ Сеайля—и что, кажется, особенно любопытно въ Леонардо—это не его художественный геній, но его удивительный философскій умъ. Въ переходную эпоху, въ борьбѣ между схоластикой и гуманизмомъ, онъ не только смѣется надъ первой: онъ выше второго. Схоластика для него просто не существуетъ: „предметы, которыми я занимаюсь, зависятъ не отъ словъ, а отъ опыта"; „вѣрное сужденіе происходитъ отъ вѣрнаго пониманія, а вѣрное пониманіе отъ доводовъ разума, добытыхъ изъ вѣрныхъ правилъ. Что же касается до вѣрныхъ правилъ, то они—дѣти правильнаго опыта, коренного начала всѣхъ наукъ и искусствъ". Эти слова, высказанныя за полтора вѣка до Бэкона и Декарта, не брошенныя мимоходомъ, какъ удачная догадка, но освященныя многолѣтней научной дѣятельностью въ соотвѣтственномъ духѣ, показываютъ, кого должно считать родоначальникомъ современной науки. Важнѣе всего отмѣтить, что Леонардо не остановился на описаніи новаго метода, на указаніяхъ, что этотъ новый методъ, въ сущности, единственный. Онъ примѣняетъ его и популяризуетъ не разсужденіями о немъ, а научными работами. Обзоръ естественно-научныхъ трудовъ и открытій Леонардо производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе: это геній, открытый на дняхъ, въ послѣднюю четверть вѣка. На каждой страницѣ читаешь: за вѣкъ до Галилея, за три вѣка до Кулона, за два вѣка до Амантона, задолго до Местлина, до Кардана, до Кастелли.

Любопытна одна справка, приводимая Сеайлемъ: въ первомъ изданіи *Исторія индуктивныхъ наукъ* Уэвель говорилъ: „Необходимо обратиться къ Стевину изъ Брюгге, чтобы опять найти тѣ истинные принципы механики, о которыхъ Архимедъ уже имѣлъ ясное представленіе“; затѣмъ, когда онъ прочелъ книжку Центури, онъ отправился въ Парижъ, разсматривалъ рукописи, находящіяся въ Институтѣ, и отказался отъ первоначальнаго мнѣнія, признавъ, что задолго до Стевина Леонардо продолжалъ дѣло Архимеда и что его идеи повліяли на Галилея.

Мы отмѣтили уже, что, будучи созданіемъ и воплощеніемъ возрожденія, Леонардо избѣжалъ его слабой стороны: онъ ушелъ отъ мертвечины схоластическихъ измышленій, но онъ не ударился въ книжную ученость; онъ цѣнитъ древнихъ, поскольку ихъ положительный методъ находитъ его одобреніе, но онъ знаетъ, что „кто споритъ, ссылаясь на авторитетъ древнихъ, тотъ пускаетъ въ ходъ свою память, а не разумъ“. Напомнимъ, что это сказано въ эпоху слѣпого преклоненія предъ классической древностью.

Этотъ глубокій мыслитель былъ геніальнымъ художникомъ—Леонардо извѣстенъ, какъ творецъ «Тайной вечери» и «Моны Лизы» гораздо больше, чѣмъ своими учеными трудами, извѣстными только спеціалистамъ. Онъ былъ превосходный импровизаторъ, музыкантъ и поэтъ, и прославился своей красотой въ эпоху, когда въ этомъ отношеніи были особенно требовательны. Его біографу кажется даже, что „природа любовно трудилась, чтобы въ лицѣ его проявить настоящаго человѣка“. Но мы не хотѣли бы, чтобы наши читатели, сосредоточивъ вниманіе на немъ, забыли о той почвѣ, на которой онъ выросъ. Сеайль старается показать, что Леонардо не былъ «какимъ-то чародѣемъ, который одинъ только бодрствовалъ среди всеобщаго сна», что онъ имѣлъ достойныхъ предшественниковъ, друзей и сотрудниковъ, которые, какъ Л. Б. Альберти, походили на него по полнотѣ всесторонняго развитія. Онъ выше остальныхъ, онъ геній, но отрадно видѣть, что онъ—лишь высшая ступень типа, возможнаго при извѣстныхъ условіяхъ. Когда люди дойдутъ до этой цѣльности натуры, они еще больше будутъ цѣнить тѣхъ, въ комъ нѣкогда воплотился ихъ идеалъ. Самое оживленіе вниманія къ Леонардо служитъ показателемъ опредѣленности этого идеала, и старанія его біографа очистить его отъ упрековъ въ общественномъ безразличіи указываютъ на то, какъ понимаютъ развитіе личности даже такіе писатели индивидуалистскаго пошиба, какъ Сеайль.

Блезъ Паскаль. Письма къ провинціалу о морали и политикѣ іезуитовъ. Переводъ съ примѣчаніями и введеніемъ подъ редакціею А. И. Попова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898.

Передъ нами еще одна изъ тѣхъ книгъ, о которыхъ всѣ знаютъ, но которыхъ никто—или почти никто не читаетъ. И это не можетъ быть оправдано даже тѣмъ безспорнымъ доводомъ, что въ книгѣ Паскаля нѣтъ ничего новаго, что мысли, возвѣщенныя въ ней, давно вошли въ обиходъ и т. д. Если разсматривать каждое разсужденіе Паскаля отдѣльно, то, пожалуй, въ книгѣ его не окажется ничего новаго даже для его времени. Книга трактуетъ „о морали и политикѣ іезуитовъ"; она наполнена полемическими возраженіями противъ теорій католическихъ казуистовъ; она написана человѣкомъ, безконечно далекимъ отъ нашего склада мыслей, глубоко вѣрующимъ католикомъ, который торжественно и искренно заявляетъ о своемъ желаніи жить и умереть въ общеніи съ Папой, верховнымъ главой единой и вселенской римской церкви. И, однако, уже болѣе двухсотъ лѣтъ все, ищущее свѣта и свободы, всегда ютилось у этой книги и ломало копья за нее съ тѣми, кто, съ виду, стоялъ гораздо ближе къ ея автору. При всякомъ обостреніи борьбы мысли съ традиціей книга Паскаля легко становится знаменемъ, и этимъ объясняется жизненность ненависти къ ея автору, ненависти, тѣмъ болѣе ядовитой, что ее приходится—изъ уваженія къ инымъ заслугамъ великаго писателя—скрывать возможно тщательнѣе. «Среди громкихъ и звонкихъ, трескучихъ и пѣвучихъ похвалъ Паскалю—геометру, физику и художнику слова, все еще слышится затаенная злоба противъ Паскаля—моралиста и янсениста; Паскаль все еще остается опаснымъ противникомъ, противъ котораго употребляются тѣ же недостойныя средства, что и двѣсти сорокъ лѣтъ тому назадъ".

На вопросъ, что составляетъ содержаніе книги Паскаля, можно дать не одинъ отвѣтъ, и легко дать отвѣтъ ложный. Какъ и всякій памфлетъ, это произведеніе, написанное по опредѣленному случаю. Внѣшній casus belli давно исчезъ, но хорошій памфлетъ не гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ: онъ безсмертенъ, пока продолжаются попытки отвергнуть идейныя основы, составляющія, какъ говорили когда-то, его паѳосъ. Такъ и въ этомъ случаѣ. Сказать объ этой книгѣ, что это полемическое сочиненіе противъ морали и казуистическихъ пріемовъ іезуитскихъ авторитетовъ въ дѣлахъ совѣсти—значитъ, не указать ея правъ на безсмертіе. Очень любопытно, конечно, знать, что патеръ Эскобаръ, обсуждая различные cas de conscience, разрѣшаетъ, напримѣръ, убивать врага изъ засады или сзади, потому что „убить измѣннически называется, когда убиваютъ того, кто не имѣлъ никакого повода опасаться

этого"; это одинъ изъ множества такихъ же перловъ, указанныхъ въ книгѣ Паскаля; разоблаченіе ихъ составляетъ его историческую заслугу, ибо булла 1773 года, уничтожившая орденъ іезуитовъ, между прочими мотивами этого, указывала именно на вредное вліяніе іезуитскихъ казуистовъ. Правда, все это не только дѣло прошлаго, но и настоящаго: изъ интересной замѣтки, помѣщенной въ видѣ предисловія къ русскому переводу, мы узнаемъ, что въ „Compendium theologiae moralis" іезуита Бюря (изд. 1881 г.) Эскобаръ все еще считается вѣскимъ авторитетомъ. Но и это не оправдывало бы особеннаго вниманія къ «Провинціальнымъ письмамъ». Дѣло, очевидно, не въ защитѣ янсенистовъ, не въ борьбѣ съ безнравственными пріемами іезуитской политики, не во всемъ томъ, что казалось главной цѣлью „Провинціальныхъ писемъ" въ эпоху ихъ появленія и что теперь, съ широкой исторической точки зрѣнія, кажется ихъ внѣшнимъ поводомъ. Дѣло въ той роли, которую эти „petites lettres" сыграли въ развитіи раціональной мысли. Паскаль совершенно искренно стоитъ на одной почвѣ съ противниками; онъ не знаетъ авторитета выше слова традиціи и черпаетъ свое оружіе изъ того кодекса, на стражѣ котораго какъ будто стоятъ его противники. Но его пріемы, ясные, положительные, строго логическіе, проникнуты уже совершенно иными началами; въ нихъ слышатся раскаты надвигающейся бури. Едва ли можно лучше охарактеризовать въ немногихъ словахъ значеніе книги Паскаля, чѣмъ это сдѣлалъ историкъ Поръ-Рояля. „Провинціальныя письма"—замѣчаетъ Сентъ-Бевъ—убили схоластику въ морали, какъ Декартъ убилъ схоластику въ философіи; они были однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ секуляризаціи духа нравственности—подобно Декарту въ области духа философскаго". Въ этомъ живое значеніе „Писемъ" и до нашего времени, и безъ отношенія къ іезуитамъ; въ этомъ причина ихъ жизненности. Надо добавить еще, что они написаны великолѣпно; этотъ простой, разсудительный языкъ, мѣстами возвышающійся до негодующаго краснорѣчія, эта глубокая насмѣшка, лишь изрѣдка прорывающаяся въ видѣ мимолетнаго саркастическаго укола, этотъ классической стиль, сдѣлавшій изъ богословскихъ памфлетовъ образецъ французской прозы—лучше всякихъ характеристикъ рисуютъ оригинальный обликъ этого великаго ученаго и смиреннаго монаха, котораго борьба за свободу мысли сдѣлала замѣчательнымъ писателемъ.

Исторія древней медицины. Составилъ **С. Ковнеръ**. Выпуски I—III. Кіевъ. 1878—1888.

Исторія средневѣковой медицины. Составилъ **С. Ковнеръ**. Выпуски I—II. Кіевъ. 1893—1897.

Умершій въ 1896 году докторъ С. Г. Ковнеръ давно уже извѣстенъ, какъ одинъ изъ немногихъ нашихъ знатоковъ исторіи медицины. Заинтересовавшись этимъ предметомъ еще со студенческой скамьи, Ковнеръ рѣшилъ посвятить ему всѣ свои силы. Хотя обстоятельства и заставили его вести жизнь чисто-практическаго врача въ небольшомъ городѣ, однако, это только замедлило появленіе его работы. Благодаря неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, а также, вѣроятно, и вслѣдствіе малаго успѣха его книги (на что жалуется и самъ авторъ), изданіе затянулось на цѣлыя двадцать лѣтъ, причемъ послѣдній выпускъ появился уже послѣ смерти автора.

Исторію древней медицины авторъ начинаетъ съ медицины Востока, причемъ весь первый выпускъ, посвященный „медицинѣ Востока“ и „медицинѣ древней Греціи до Гиппократа“, можно резюмировать слѣдующими словами автора: „какъ ни драгоцѣнно наслѣдіе, завѣщанное намъ Гиппократомъ, но краеугольные камни и основы сооруженнаго имъ зданія... заложены гораздо ранѣе его, быть можетъ за десятки вѣковъ до его появленія... Онъ только явился въ счастливый моментъ, когда все давно уже было готово и благопріятствовало великому перевороту, совершить который выпало на его долю“ (стр. 183—4). Изъ этого, не слѣдуетъ заключать, будто авторъ не достаточно цѣнитъ Гиппократа. Напротивъ, во второмъ выпускѣ, цѣликомъ посвященномъ Гиппократу, Ковнеръ дѣлаетъ высокую оцѣнку знаменитаго греческаго врача, которому онъ въ исторіи медицины отводитъ „такое-же мѣсто, какое занимаетъ Сократъ въ исторіи философіи“ (стр. 528). Исторіи медицины отъ Гиппократа до Галена включительно посвященъ третій и послѣдній выпускъ «исторіи древней медицины». Въ лицѣ Галена мы имѣемъ врача, который, благодаря своему уму и громаднымъ свѣдѣніямъ, какъ бы подвелъ итогъ всей древней медицинѣ. Наступившее вскорѣ затѣмъ общее крушеніе древней цивилизаціи отразилось, конечно, и на судьбѣ медицины. Хотя это крушеніе и не было такимъ рѣшительнымъ, какъ это иногда предполагаютъ, хотя, какъ утверждаетъ нашъ авторъ (истор. среднев. мед. стр. 2): „ни въ какой моментъ средневѣковаго періода нельзя констатировать дѣйствительнаго, абсолютнаго перерыва въ ходѣ развитія медицинской науки и практики“,—однако, значительный упадокъ медицины явственно выразился двумя характерными фактами: во первыхъ, „въ средневѣковой медицинѣ... рѣзко бросается въ глаза широкое развитіе *мистической* медицины“

(стр. 2); во вторыхъ, „вообще средневѣковой періодъ медицины можно назвать *консервативнымъ*, такъ какъ онъ преимущественно служилъ для собиранія и сохраненія сочиненій древнихъ“ (стр. 2).

Хотя Ковнеръ и не даетъ того, что можно было бы назвать философіею исторію медицины, однако, его трудъ не есть только собраніе частныхъ фактовъ медицинской исторіи; напротивъ, авторъ постоянно имѣетъ въ виду связь между исторіей медицины и общею исторіей культуры. Что-же касается полноты и обилія фактическихъ данныхъ, то въ этомъ отношеніи на сочиненіи Ковнера лежитъ характерный отпечатокъ личности автора, этого скромнаго труженика, беззавѣтно преданнаго своему дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на крайне неблагопріятную обстановку, созданную жизнью въ небольшомъ городкѣ, не смотря, затѣмъ, на полное равнодушіе публики, Ковнеръ далъ намъ такую исторію медицины, которая можетъ конкуррировать съ трудами авторовъ, работавшихъ въ великихъ центрахъ европейской умственной жизни.

Изъ краткой біографіи автора, приложенной къ послѣднему выпуску его „Исторія медицины“, видно, что д-ръ Ковнеръ работалъ при столь неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, что уже въ концѣ своего поприща принужденъ былъ просить вспомоществованія у „Постоянной коммиссіи“ при Академіи наукъ, а такъ какъ двухсотъ рублей, выданныхъ ему „Постоянною коммиссіей“, оказалось слишкомъ недостаточно для лѣченія въ берлинской клиникѣ, то ему „пришлось лечь въ (Кіевскую) еврейскую больницу, гдѣ (онъ) и скончался“... Составитель біографіи Ковнера отмѣчаетъ также тотъ фактъ (характеризующій невниманіе публики къ труду Ковнера), что авторъ солиднаго научнаго труда въ сто печатныхъ листовъ даже и не упомянутъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона.

Ирвингъ. Жизнь Магомета. Переводъ Л. П. Никифорова. Общеполезная библіотека для самообразованія. Изд. М. В. Клюкина. Москва. 1898.

Число лицъ, жаждущихъ знанія и могущихъ его найти только въ книгѣ, все ростетъ у насъ, и въ связи съ этимъ книжныя спекуляціи подъ видомъ помощи самообразованію становятся серьезнымъ зломъ, заслуживающимъ рѣшительной борьбы. Каждый день на книжномъ рынкѣ появляются новыя «международныя», «образовательныя», общеполезныя» и прочія «библіотеки», составленныя какъ попало изъ случайныхъ брошюрокъ, несвязныхъ отрывковъ изъ большихъ книгъ, устарѣвшихъ сочиненій,—лишь бы на нихъ стояло извѣстное

имя. Попавъ въ руки несвѣдущему и почти всегда небогатому читателю, такая книжонка не только внушаетъ ему ложное представленіе о предметѣ, но и отвлекаетъ его вниманіе отъ другихъ пособій, неизмѣримо болѣе пригодныхъ для цѣлей самообразованія.

Эти замѣчанія съ особенной точностью могутъ быть примѣнены къ лежащему передъ нами выпуску «Общеполезной библіотеки для самообразованія», занятому «Жизнью Магомета» Вашингтона Ирвинга. Уже въ моментъ своего появленія на свѣтъ — пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ — книга Ирвинга не вполнѣ соотвѣтствовала современному состоянію науки, такъ какъ авторъ не могъ воспользоваться классическимъ трудомъ де Персеваля, вышедшимъ не задолго до «Жизни Магомета». Кто знаетъ, что сдѣлано исторической наукой за послѣдніе полъ вѣка, тотъ легко пойметъ, въ какой степени устарѣла книга Ирвинга; можно безъ преувеличенія сказать, что научная исторія Магомета создана послѣ Ирвинга. Его книга, уже переведенная у насъ въ 1857 г., давно заслужила насмѣшливое названіе историческаго романа, и потому предлагать ее за 1 р. 50 к. читателю, не знакомому съ ея истинной цѣной и имѣющему за четвертакъ вполнѣ научную и серьезную біографію Магомета въ «біографической библіотекѣ» Павленкова,—просто недобросовѣстно.

В. И. Іохельсонъ. Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. (Труды Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III, т. X, ч. 3). Издано на средства Л. И. Громовой. Спб. 1898.

Въ 1894 г. была снаряжена Вост.-Сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго географ. общества экспедиція для изслѣдованія Якутской области. Организаторомъ ея явился извѣстный путешественникъ-изслѣдователь Д. А. Клеменцъ, а средства доставлены И. М. Сибиряковымъ. Разныя случайности новѣйшей русской исторіи доставили организатору готовые кадры работниковъ, въ видѣ интеллигентныхъ людей, безъ всякаго дѣла проживавшихъ въ отдаленномъ и некультурномъ краѣ и охотно (съ разрѣшенія администраціи) принявшихъ участіе въ экспедиціи. По ея окончаніи восточно-сибирскимъ отдѣломъ составлена программа изданія ея трудовъ, въ общей сложности долженствующихъ составить 13 томовъ, каждый изъ которыхъ состоитъ изъ 2-хъ и болѣе частей.

Къ сожалѣнію, у вост.-сибирскаго отдѣла не оказалось собственныхъ средствъ для столь обширнаго издательскаго предпріятія и трудно сказать, когда и въ какомъ видѣ труды изслѣдователей интереснаго и отдаленнаго края увидятъ свѣтъ.

Пока—отдѣлу пришлось обратиться къ сочувствiю и содѣйствiю стороннихъ лицъ и учрежденiй. Г-жа Громова,—членъ соревнователь географич. общества—пожелала издать на свой счетъ нѣкоторые матерiалы, касающiеся звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ краѣ. Такова, не лишенная нѣкотораго своеобразнаго интереса исторiя якутской экспедицiи, и вотъ почему настоящiй очеркъ, представляющiй незначительную часть ея трудовъ, увидѣлъ свѣтъ въ то время, какъ остальные ждутъ еще своихъ меценатовъ. И сколько времени придется имъ еще ждать,—сказать трудно.

Цѣль настоящаго очерка, по словамъ самого автора,—опредѣленна и ограниченна. Онъ стремится ознакомить съ состоянiемъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Поэтому въ него не вошли ни соцiальная сторона промысловъ, ни многочисленныя вѣрованiя и суевѣрiя, связанныя съ звѣроловствомъ и образующiя настоящiй «культъ животнаго». Всѣ эти свѣдѣнiя, тоже собранныя въ изобилiи, ждутъ еще своей г-жи Громовой, но и въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, которыя взяты для настоящаго изданiя, оно даетъ много матерiала, какъ для изученiя отдаленнаго края, такъ и для характеристики данной ступени человѣческой культуры. Изданiе съ внѣшней стороны весьма прилично, а многочисленные фототипiи и рисунки, сдѣланные изслѣдователемъ на мѣстѣ, прекрасно дополняютъ текстъ.

Книги, поступившiя въ редакцiю.

Сочиненiя **Шелли**. Переводъ съ англiйскаго К. Д. Бальмонта. Вып. 5-й. М. 98. Ц. 75 к.

Сочиненiя **К. К. Случевскаго**. Въ шести томахъ. Изданiе А. Ф. Маркса. Спб. 98. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Собранiе сочиненiй **Каронина** (Н. Е. Петропавловскаго). Съ портретомъ, факсимиле и бiографич. очеркомъ. Редакцiя А. А. Попова. Изданiе К. Т. Солдатенкова. 2 тома. М. 99. Ц. 3 р.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турцiи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. 2-е вновь обработанное и дополненное изданiе. М. 98.

Рiенци, послѣднiй изъ римскихъ трибуновъ. Романъ **Эдварда Бульвера-Литтона**. Изданiе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р.

М. Розовъ. Текущiй день. Повѣсть. Новороссiйскъ 98. Ц. 40 к.

В. В. Умановъ-Каплуновскiй. Незамѣтныя драмы. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Череванскiй. Двѣ волны. Историческая хроника. Иллюстрацiи Н. Н. Каразина и др. Въ двухъ частяхъ. Спб. 98.

Очерки изъ охотничьей жизни. **Н. А. Вербицкій.** Часть I. Изданіе журнала „Псовая и ружейная охота“. Тула. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Немировичъ-Данченко. Сны. Повѣсть. Изданіе 2-е. Д. П. Ефимова. М. 99. Ц. 1 р.

Матросы корабля Надежда. Разсказъ **В. Сѣрошевскаго.** Съ 10-ю рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 35 к.

С. Г. Фругъ. Стихотворенія. Т. II. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к. Т. III. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія **Ив. А. Бунина.** Съ рис. Изданіе редакціи «Дѣтскаго Чтенія». М. 98. Ц. 30 к.

Пумъ. Изъ исторіи маленькаго мальчика. **П. и В. Маргеритъ.** Пересказано съ франц. Е. Н. Тихомировой. Съ рис. Изданіе редакціи „Дѣтскаго Чтенія“. М. 98. Ц. 35 к.

Золотые дни. Разсказы и сказки **К. С. Баранцевича.** Съ рис. Изданіе редакціи „Дѣтскаго Чтенія“. М. 98. Ц. 75 к.

Два таланта. Повѣсть **И. Н. Потапенко.** Съ рис. Изданіе редакціи „Дѣтскаго Чтенія“. М. 98. Ц. 50 к.

Ф. А. Ярыгинъ (Краснораменскій). Съ сердцемъ не совладала. Бытовая народная комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М. 98.

Грыцько Грыгоренко. Наши люды на сели. Юрьевъ 98. Ц. 15 к.

К. Я. Кониcскій. Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченко. (Критико-біографическая хроника). Съ портретами и видами. Изданіе южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Одесса 98. Ц. 1 р. 75 к.

Опытъ разбора комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“. **К. Хоцянова.** Островъ 98.

П. К. Энгельмейеръ. Критика научныхъ и художественныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 98. Ц. 35 к.

П. Николаевъ. Альфонсъ Додэ. Біографическій очеркъ. Изданіе редакціи журнала „Жизнь“. Спб. 98. Ц. 50 к.

Адамъ Мицкевичъ и его современные обличители. **Вл. Спасовича** и **П. Варты** (Э. И. Пильца). Переводъ съ польскаго. Спб. 97.

Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ царствѣ польскомъ. Очерки **Людовика Страшевича.** Переводъ съ польскаго. Спб. 97.

Отчетъ Баргузинской общественной библіотеки за 1896 и 1897 года. Иркутскъ 98.

Краткій историческій обзоръ 25-лѣтней дѣятельности Херсонской общественной библіотеки и отчетъ библіотеки за 1897 годъ. Херсонъ 98.

Отчетъ о дѣятельности 1-й и 3-й безплатныхъ народныхъ читаленъ-библіотекъ Харьковскаго общества грамотности въ г. Харьковѣ за 1897 годъ. Харьковъ 98.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библіотеки за 1897 г. Вятка 98.

Отчетъ о дѣятельности общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губ. съ 1 мая 1896 по 1 января 1898. Нижній-Новгородъ 98.

Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1997 г. Томскъ 98.

Два съ половиною года мужской воскресной школы Московско-Казанской желѣзной дороги. М. 98.

Отчетъ русскаго литературнаго кружка въ г. Ригѣ за 1897—98. Рига 98.

Библіотека Крымскаго горнаго клуба. Одесса 98.

Указатели алфавитный и систематическій за 1888—1897 гг. къ журналамъ „Гимназія" и «Педагогическій Еженедѣльникъ». Составилъ Е. Ветнекъ. Ревель 98.

О народномъ театрѣ. **Т. Н. Селивановъ.** Харьковъ 98. Ц. 25 к.

Ив. Романченко. Исторія народнаго образованія въ г. Ростовѣ на Дону (1761—1870). Съ краткимъ очеркомъ народнаго образованія въ Ростовскомъ на Д. уѣздѣ и Таганрогскомъ градоначальствѣ. Ростовъ на Д. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Путь къ истинѣ (Dlammapada). Изреченія буддійской нравственной мудрости. Переводъ и предисловіе Н. Герасимова. М. 98. Ц. 60 к.

Альфредъ Фулье. Исторія философіи. Переводъ П. Николаева. Изданіе 2-е Д. П. Ефимова. М. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Письма идеалиста. Первое письмо. **В. Ярмонкина.** Спб. 98. Ц. за 12 писемъ съ доставкой и пересылкой 1 р.

Ф. Гейманъ. Пробужденіе еврейской націи. Путь къ окончательному рѣшенію еврейскаго вопроса. Переводъ съ нѣм. Изданіе кн. магазина Я. Х. Шермана. Одесса 98. Ц. 40 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. III. Съ 7 портретами и 57 чертежами. М. 98. Ц. 1 р. 20 к.

Д-ръ **Людвигъ Конъ.** Произвольное вліяніе на полъ потомства. Перевелъ съ нѣм. д-ръ мед. Н. Лейненбергъ. Одесса 99. Ц. 25 к.

Д-ръ **И. В. Михайловъ.** Вредныя послѣдствія раннихъ браковъ (Изъ журнала „Медицинскій Указатель"). М. 98.

Русское общество охраненія народнаго здравія. Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Вып. I. Спб. 98.

Проф. Гр. **Л. А. Камаровскій.** Успѣхи идеи мира. Изданіе кн. магазина Гросманъ и Кнебель. М. 98. Ц. 80 к.

Исторія цивилизаціи съ древнѣйшаго до нашего времени. **Г. Дюкудрэ.** Т. I. Переводъ съ франц. А. А. Позенъ, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Съ рис. Изданіе редакціи «Дѣтскаго Чтенія». М. 98. Ц. 1 р.

Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время. Т. I. Вып. II. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 1 р., за все сочиненіе 7 р. по подпискѣ и 9 р. въ отдѣльной продажѣ.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Сочиненіе **Карла Маркса.** 3-е изданіе, исправленное и дополненное по 4-му нѣмецкому изданію. Т. I. Спб. 98. Ц. 2 р.

Карлъ Марксъ. Капиталъ. Критика политической экономіи. Переводъ съ 4 нѣмецкаго изданія подъ редакціей П. Струве. Т. I. Вып. 1-й. Ц. за весь 1-й томъ 3 р.

Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи. Женщины-врача **М. И. Покровской.** Спб. 99. Ц. 60 к.

Пьеръ Леруа-Болье. Новыя англосаксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія, южная Африка. Переводъ съ франц. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 2 р.

А. Ѳ. Фортунатовъ. Населеніе и хозяйство Австраліи. Изъ журнала „Русская Мысль". Отдѣльное изданіе въ пользу недостаточныхъ студентовъ Ново-Александрійскаго института. М. 98. Ц. 25 к.

Николай Зинченко. Россія и Китай. Краткій историческій очеркъ русско-китайской торговли. Спб. 99. Ц. 10 к.

В. И. Іохельсонъ. По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена. Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій" И. Р. Г. О. Спб. 99.

Великая пустыня. Описаніе Сахары. Составила **С. Круковская.** Съ 22 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 40 к.

П. К. Энгельмейеръ. Техническій итогъ XIX вѣка. М. 98. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Съ портретами. 7-е дополненное изданіе. М. 98.

Права и обязанности присяжнаго попечителя по дѣлу торговой несостоятельности (Практическія замѣтки). Составилъ **С. П. Гальперинъ.** Изданіе кн. магазина Л. М. Ротенберга. Екатеринославъ 98. Ц. 1 р. 50 к.

Городскія управленія въ западной Европѣ. **Альберта Шоу.** Переводъ А. В. Бяловскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 2 р. 50 к.

М. М. Винаверъ. Старыя и новыя вліянія въ европейской адвокатурѣ. Изъ журнала Министерства Юстиціи. Спб. 98.

«Русь» и «Варягъ». (Происхожденіе словъ). Замѣтки для выясненія древнѣйшей исторіи Петербургскаго края. **Г. А. Немирова.** Отдѣльный оттискъ XIII выпуска «Опыта исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга». Спб. 98.

Э. Кошвицъ. Руководство къ изученію французской филологіи (для студентовъ, учителей и учительницъ). Переводъ Н. Б. Струве, подъ редакціей и съ предисловіемъ Ѳ. Д. Батюшкова. Спб. 99. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Е. А. Алекторовъ. Киргизская хрестоматія. Сборникъ статей для переводовъ на русскій языкъ, для класснаго и домашняго чтенія. Часть I. Оренбургъ 98.

Уроки русской грамматики. Синтаксисъ. Пособіе для родителей и преподавателей элементарныхъ школъ. Составилъ **А. Е. Алекторовъ.** 3-е изданіе Б. Бреслина. Оренбургъ 98. Ц. 25 к.

Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Составлено коммиссіей по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ при учебномъ отдѣлѣ Московскаго музея прикладныхъ знаній, подъ редакціей А. Гартвига. М. 98. Ц. 25 к.

Русскій сельскій календарь на 1899 годъ. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. М. 98. Ц. 20 к.

Сахалинскій календарь на 1898 годъ. О-въ Сахалинъ. 98. Ц. 1 р.

Очерки промысловъ Россіи. **П. А. Гасселькусъ.** Спб. 99. Ц. 80 к.

Правительственное содѣйствіе кустарной промышленности за десять лѣтъ (1888—1898). Изданіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Спб. 98.

Описанія отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ. Вып. I—VIII. Изданіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Спб. 97—98.

А. А. Кауфманъ. Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній (Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника Правовѣдѣнія»). М. 98.

Очерки Туруханскаго края. Попытки хлѣбопашества въ Туруханскомъ краѣ. **В. М. Крутовскаго.** Тобольскъ 98.

Т. Осадчій. Травосѣяніе въ юго-западномъ краѣ въ зависимости отъ естественныхъ и экономическихъ условій. Изданіе Кіевскаго общества сельскаго хозяйства. Кіевъ 98.

Руководство къ разведенію шампиньоновъ. **Г. Ределинъ.** Съ 25 рис. въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 98. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Къ вопросу о земской медицинѣ въ Кременчугскомъ уѣздѣ. Полтава 98.

Данныя для учета доходности мелкихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ г. Москвѣ. Изданіе московской казенной палаты. М. 98.

Записи урожаевъ по селеніямъ Херсонской губерніи. Изслѣдованіе **Е. Анучина.** Изданіе херсонской казенной палаты. Херсонъ 98.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губерніи за 1897—1898 г. Выпускъ второй. Изданіе самарской губернской земской управы. Самара. 98.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1897 годъ. Новгородъ 98.

S. T. Stepanov. Le droit international et le bombardement de Puerto Rico. 2 édition. Amoy 98.

Литература и жизнь.

Еще о г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ.

Разсказы г. Максима Горькаго обратили на себя общее вниманіе. Объ нихъ говорятъ, пишутъ и, кажется, всѣ болѣе или менѣе признаютъ за авторомъ и дарованіе, и оригинальность темъ. Однако, «болѣе или менѣе», и если одни, напримѣръ, восторгаясь писаніями г. Горькаго вообще, подчеркиваютъ господствующій будто бы въ нихъ художественный тактъ, то другіе—и, надо признаться, съ гораздо большимъ правомъ—утверждаютъ, что именно художественнаго такта ему и не хватаетъ.

Интересенъ отзывъ литературнаго обозрѣвателя «Русскихъ Вѣдомостей», г. И—т. Отъ почтеннаго критика не укрылась часто впадающая въ фальшь идеализація г. Горькимъ его излюбленныхъ персонажей. Но мнѣ кажется, что представленная критикомъ общая схема этой идеализаціи не совсѣмъ вѣрна. Лермонтовская царица Тамара была «прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ,—коварна и зла». Такой же контрастъ между внѣшностью и внутреннимъ содержаніемъ представляютъ собою, по мнѣнію критика, и персонажи г. Горькаго, «только съ обратнымъ математическимъ знакомъ». Тамъ, гдѣ у Тамары стоитъ плюсъ, у босяковъ г. Горькаго—минусъ, и обратно. Внѣшній обликъ и, такъ сказать, внѣшняя сторона поведенія босяковъ—безобразны: они грязны, пьяны

грубы, неряшливы, но за то коварство и злоба Тамары замѣнены у чандаловъ г. Горькаго «стремленіемъ къ добру, къ истинной нравственности, къ большей справедливости, къ заботѣ объ уничтоженіи зла». Въ этомъ-то контрастѣ à la Тамара на выворотъ и заключается главный интересъ дѣйствующихъ лицъ разсказовъ г. Горькаго. Чтобы вполнѣ понять мысль критика, надо обратить вниманіе на его сопоставленіе босяковъ г. Горькаго съ героемъ драмы Жана Ришпена «Le chemineau». Герой этотъ есть «прежде всего рыцарь свободы. Оковы общества, семьи, какихъ бы то ни было привязанностей къ мѣсту, домашнему очагу, однимъ и тѣмъ же впечатлѣніямъ, одной и той же страсти—ненавистны ему. Изъ всѣхъ сильныхъ чувствъ у него постоянно живетъ только одно—любовь къ передвиженіямъ, къ волѣ, «къ простору полей, большихъ дорогъ, безпредѣльныхъ пространствъ и постоянныхъ измѣненій». Не сила обстоятельствъ создала изъ него блуждающаго оборванца, сегодня отдающагося одному занятію, завтра остающагося безъ дѣла, полуголоднаго и безпріютнаго; но собственной волей онъ «взялъ свою судьбу» и сдѣлалъ изъ себя бродягу по принципу («Русскія Вѣдомости» № 170). Эту черту мы знаемъ и въ чандалахъ г. Горькаго; и имъ, какъ мы видѣли въ прошлый разъ, не «силою обстоятельствъ»,—по крайней мѣрѣ эти обстоятельства остаются въ туманѣ,—а какимъ-то внутреннимъ голосомъ предписано, какъ Агасферу: ходи, ходи, ходи! Но, судя по изложенію г. И—т. герой драмы Ришпена (мнѣ она, къ сожалѣнію, неизвѣстна) совершенно чуждъ другой сторонѣ ихъ быта и психологіи,—той сторонѣ, которая ставитъ ихъ въ тѣсное соприкосновеніе съ «тюрьмами, кабаками и домами терпимости». По словамъ критика, «le chemineau—не загнанный бродяга, къ которому подозрительно относятся лица, вступающія съ нимъ въ сношеніе, не нищій, получающій подаяніе и злобою отвѣчающій на презрѣніе другихъ. Какъ истинный рыцарь, онъ благороденъ, смѣлъ и откровененъ; двери каждаго дома открыты для него, потому что его умъ, таланты, выдающіяся достоинства дѣлаютъ изъ него превосходнаго работника, общаго благодѣтеля, устранителя золъ и надежнаго покровителя слабыхъ». Не таковы, какъ мы видѣли, пьяные, циничные, всѣми презираемые герои г. Горькаго. Въ связи съ этимъ находится и другое различіе: le chemineau гуляетъ по бѣлому свѣту бодрый и жизнерадостный, а въ босякахъ г. Горькаго это настроеніе «замѣняется постояннымъ безпокойствомъ, затаенной тоской, скрытой заботой, находящей исходъ въ пьянствѣ». Въ концѣ концовъ, г. И—т., возвращаясь къ контрасту между безобразной внѣшностью и красивымъ внутреннимъ міромъ, говоритъ, что въ отношеніи этого внутренняго міра герои г. Горькаго распадаются на три разновидности: въ однихъ преобладаетъ исканіе истины и невозможность найти ее, въ другихъ—дѣятельное стремленіе къ водворенію справедливости на землѣ, въ третьихъ—разъѣдающій скептицизмъ. Все это вмѣстѣ взятое ли-

шаетъ ихъ жизненности и правдивости, хотя и не въ такой мѣрѣ, въ какой лишенъ этихъ качествъ chemineau Ришпена. Таковъ окончательный выводъ г. И—т.

При всемъ остроуміи и соблазнительной законченности этой критики, я не могу съ нею вполнѣ согласиться. Герои г. Горькаго много философствуютъ, слишкомъ много, и въ этихъ ихъ философствованіяхъ, часто превращающихъ ихъ изъ живыхъ, отъ себя говорящихъ людей въ какіе-то фонографы, механически воспроизводящіе то, что въ нихъ вложено,—въ этихъ философствованіяхъ можно дѣйствительно иногда усмотрѣть намеки на указанныя три категоріи. Но большинство ихъ, да и общій ихъ характеръ никакъ въ эти категоріи не затиснешь. Да и самая противоположность между внѣшностью и внутреннимъ міромъ едва ли можетъ быть въ данномъ случаѣ установлена съ такою ясностью и опредѣленностью, какъ въ Лермонтовской Тамарѣ. Тамъ дѣло дѣйствительно ясно и просто: прекрасна тѣломъ, коварна и зла душой, и отсюда вытекаетъ все остальное, со включеніемъ эстетическаго эффекта. Въ данномъ случаѣ свѣтъ и тѣни, располагающіеся, по мнѣнію критика, просто въ обратномъ порядкѣ, на самомъ дѣлѣ гораздо сложнѣе. Прежде всего рѣчь здѣсь не о тѣлѣ идетъ и вообще не о наружности въ буквальномъ смыслѣ слова. Герои г. Горькаго не Квазимодо какіе-нибудь. Если, напримѣръ, Сережка довольно таки безобразенъ, то Коноваловъ чуть не красавецъ, и, читая описаніе его наружности, я невольно вспомнилъ фразу изъ какого-то французскаго романа: «онъ обнажилъ свою руку, мускулистую, какъ рука кузнеца, и бѣлую, какъ рука герцогини». Или Кузька Косякъ: «онъ стоялъ въ свободно сильной позѣ; изъ-подъ растегнутой красной рубахи видна была широкая, смуглая грудь, дышавшая глубоко и ровно, рыжіе усы насмѣшливо пошевеливались, бѣлые частые зубы сверкали изъ подъ усовъ, синіе, большіе глаза хитро прищурились» (I, 90). Это, конечно, не пара Тамарѣ, не «ангелъ небесный», но въ своемъ родѣ очень всетаки красиво. Старуха Изергиль и сама когда-то была красавицей, и очень цѣнитъ красоту. Она увѣрена даже, что «только красавцы могутъ хорошо пѣть» (II, 306) и что «красивые всегда смѣлы» (317). Безобразна внѣшняя обстановка босяковъ, но и то не совсѣмъ вѣрно, потому что г. Горькій часто помѣщаетъ ихъ на морѣ и въ степи и вмѣстѣ съ ними восторгается красотою открывающихся при этомъ горизонтовъ. А кабаки, публичные дома, ночлежки, конечно, безобразны, равно какъ и лохмотья, въ которые облечены босяки вмѣсто «парчи и жемчуга» царицы Тамары, но вѣдь иначе они и не были бы босяками. А во всемъ остальномъ слишкомъ трудно провести пограничную линію между внѣшностью и внутренимъ міромъ. Кабаки, тюрьмы, дома терпимости—безспорно внѣшность, но почему внѣшность то, что къ нимъ приводитъ и въ нихъ совершается? почему внѣшность—пьянство, цинизмъ, злоба, драки? Правда, изъ-за всего

этого у г. Горькаго часто выглядываетъ нѣчто иное, что приподнимаетъ босяковъ; но съ какой точки зрѣнія можно отнести ну хоть, напримѣръ, ограбленіе и убійство «студентомъ» прохожаго столяра («Въ степи»),—къ «исканію истины» или къ «стремленію водворить справедливость на землѣ» или къ «разъѣдающему скептицизму»? Дѣло въ томъ, что взгляды босяковъ г. Горькаго на нравственность и справедливость не имѣютъ ничего общаго со взглядами, исповѣдуемыми огромнымъ большинствомъ современниковъ. Недаромъ Аристидъ Кувалда говоритъ, что онъ долженъ «смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли», воспитанныя прежнею жизнью, и что «намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства, нужно что-то такое новое». Эти люди стоятъ на точкѣ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей» и jenseits von gut und böse, какъ сказалъ бы Ницше.

Столь обаятельная личность, какою Ришпенъ изобразилъ своего chemineau, естественно притягиваетъ къ себѣ женскія сердца, и онъ не отказывается отъ радостей любви. Но, повинуясь инстинкту бродяги, онъ оставляетъ одну за другою осчастливленныхъ имъ женщинъ, хотя и «съ болью въ сердцѣ». Подъ старость, утомленный терніями жизни, онъ попадаетъ въ то мѣсто, гдѣ двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ онъ любилъ одну дѣвушку и былъ любимъ. Плодъ этой любви, до сихъ поръ не изжитой, сталъ уже взрослымъ парнемъ, и бродягу манитъ перспектива отдыха въ кругу семьи, у постояннаго очага. Но, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ «съ рыданіями» уходитъ куда глаза глядятъ, и драма оканчивается словами: va, chemineau, chemine! Этимъ мелодраматическимъ концомъ, въ сущности просто комическимъ, подчеркивается присутствіе въ бродягѣ того внутренняго, почти мистически властнаго голоса, который обрекаетъ его на существованіе Агасфера.

Босяки г. Горькаго, хотя и не обладаютъ достоинствами Chemineau, но тоже очень счастливы въ любви. Правда, по показанію автора, они на эту тему много врутъ, хвастаютъ, и скверно хвастаютъ, но, напримѣръ, Коновалову онъ безусловно вѣритъ. А у того «ихъ», то есть женщинъ, «много было разныхъ». И оставлялъ онъ ихъ не потому, чтобы узы любви сами собою обрывались съ той или другой стороны, и не потому, чтобы манила новая любовь, а въ силу того же мистическаго внутренняго приказа, какой и Chemineau не давалъ усѣсться. Разница однако въ томъ, что герои г. Горькаго порываютъ узы любви безъ колебаній и безъ «sanglots». Самый чувствительный изъ нихъ, Коноваловъ, только впадаетъ при разставаніи въ нѣкоторую грусть и меланхолію, но и то потому, что ему, при его чувствительности, жалко покидаемую, жалко *ея* горя и слезъ, а самъ онъ ни мало не колеблется въ выборѣ между домашнимъ очагомъ и бродяжничествомъ. Былъ у Коновалова романъ съ богатой купчихой Вѣрой Михайловной, прекраснѣйшей женщиной; все шло прекрасно, шло бы и дальше такъ же хорошо,

«кабы не планета моя»,—говоритъ Коноваловъ:—«всетаки ушелъ отъ нея — потому тоска! тянетъ меня куда-то». Въ другой разъ Коноваловъ, по той же чувствительности своего сердца, помогъ одной проституткѣ выбраться изъ публичнаго дома. Но когда дѣвушка поняла это въ такомъ смыслѣ, что онъ возьметъ ее жить съ нимъ «въ родѣ жены», то, при всемъ своемъ къ ней расположеніи, Коноваловъ даже испугался: «я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить». Но Коноваловъ всетаки хоть грустить при разставаньи. А вотъ какъ утѣшаетъ свою возлюбленную Кузька-Косякъ, уходя—безъ какой нибудь особенной надобности—на Кубань: «Э, Мотря! Многія меня ужъ любили, со всѣми я распрощался, и ничего себѣ—повыходили замужъ да позакисли въ работѣ! Встрѣтишь иной разъ, посмотришь—своимъ глазамъ вѣры нѣтъ! Да развѣ это онѣ—тѣ самыя, которыхъ я цѣловалъ да миловалъ? Ну-ну! Одна другой вѣдьмистѣй. Нѣтъ ужъ, Мотря, не мнѣ на роду писано жениться, да, дурашка, не мнѣ. Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не смѣняю... На одномъ мѣстѣ скучно мнѣ». Случайно подслушавшій этотъ разговоръ хозяинъ Кузьмы, мельникъ Тихонъ Павловичъ,—объ которомъ у насъ еще будетъ рѣчь,—говоритъ ему, что нехорошо онъ съ дѣвками поступаетъ: «ежели, къ примѣру, ребенокъ? бывало вѣдь, а?»—«Чай, бывало; кто ихъ знаетъ»,—отвѣчаетъ Кузьма и на дальнѣйшія замѣчанія мельника о «грѣхѣ» возражаетъ: «Да вѣдь ребята-то, поди-ка, однимъ порядкомъ родятся, что отъ мужа, что отъ прохожаго». Мельникъ напоминаетъ о разницѣ въ даннномъ случаѣ между положеніемъ мужчины и положеніемъ женщины, и Кузьма на это уже не даетъ прямого отвѣта, а «серьезно и сухо» говоритъ: «Коли покрѣпче подумать, такъ выходитъ, что какъ ни живи, все грѣшно! И такъ грѣшно, и вотъ этакъ грѣшно. Сказалъ—грѣшно, промолчалъ—грѣшно, сдѣлалъ грѣшно и не сдѣлалъ—грѣшно. Рази тутъ разберешь? Въ монастырь, что ли, идти? Чай, неохота».—Легкая, веселая твоя жизнь,—замѣчаетъ съ нѣкоторою смѣсью зависти и уваженія мельникъ...

Такую же легкую и веселую жизнь ведутъ и нѣкоторыя героини г. Горькаго. Старуха Изергиль разсказываетъ, «какъ она любила». Ей было пятнадцать лѣтъ, когда она сошлась съ какимъ-то черноусымъ «рыбакомъ съ Прута», но онъ ей скоро надоѣлъ и она ушла съ рыжимъ бродягой гуцуломъ; гуцула повѣсили (за что Изергиль сожгла хуторъ доносчика); она полюбила не молодого уже турка и жила у него въ гаремѣ, изъ котораго убѣжала съ сыномъ турка; затѣмъ слѣдовали полякъ, венгерецъ, опять полякъ, еще полякъ, молдаванинъ... Мальва, героиня разсказа, озаглавленнаго ея именемъ, живетъ съ рыбакомъ Василіемъ, заигрываетъ и кокетничаетъ съ его сыномъ Яковомъ и, наконецъ, перессоривъ отца съ сыномъ, сходится съ удалымъ забулдыгой Сережкой, съ которымъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, и раньше была одно время близка...

Мальва—фигура чрезвычайно любопытная, и намъ тѣмъ болѣе

надо на ней остановиться, что едва ли не во всѣхъ женщинахъ г. Горькаго есть, такъ или иначе, немножко Мальвы. Это тотъ самый женскій типъ, который мелькалъ передъ Достоевскимъ въ теченіе чуть не всей его жизни: сложный типъ, тоже находящійся jenseits von gut und böse, такъ какъ къ нему рѣшительно непримѣнимы обычныя понятія о добромъ и зломъ—одна изъ варьяцій на сочетаніе двухъ знаменитыхъ тезисовъ Достоевскаго: «человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ», «человѣкъ до страсти любитъ страданіе». Мужскія варьяціи на эту тему, какъ бы ни были онѣ исключительны и болѣзненны, часто поражаютъ у Достоевскаго своею яркостью и силой, но женскія—въ «Игрокѣ», въ «Идіотѣ», въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»—рѣшительно ему не удавались. Всѣ эти Полины, Грушеньки, Настасьи Филипповны и проч. оставляютъ васъ въ какомъ-то недоумѣніи, хотя Достоевскій сводитъ иногда даже по двѣ представительницы этого загадочнаго типа (Настасья Филипповна и княжна Аглая въ «Идіотѣ», Грушенька и Катерина Ивановна въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»). Вы только чувствуете, что у автора былъ какой-то сложный замыселъ, съ которымъ, однако, не справился его жестокій талантъ. И не даромъ наша критика, много занимавшаяся женскими типами Тургенева, Гончарова, Толстого, Островскаго, обходила молчаніемъ женщинъ Достоевскаго: это въ художественномъ смыслѣ наименѣе интересный пунктъ его мрачнаго творчества. Мальва г. Горькаго принадлежитъ къ этому же типу, но она яснѣе, понятнѣе загадочныхъ женщинъ Достоевскаго. Я, конечно, далекъ отъ мысли сравнивать изобразительную силу г. Горькаго съ мощью одного изъ истинно великихъ художниковъ, и дѣло здѣсь не въ силѣ г. Горькаго, а въ той грубой и сравнительно простой средѣ, въ которой выросла и живетъ его Мальва и благодаря которой ея психологія элементарнѣе, яснѣе, сохраняя, однако, тѣ же типическія черты, которыя тщетно старался уловить Достоевскій.

Одинъ русскій философъ раздѣлялъ женщинъ на «змѣистыхъ» и «коровистыхъ». Въ этой не лишенной остроумія юмористической классификаціи Мальвѣ нѣтъ мѣста (какъ, впрочемъ, и многимъ другимъ женскимъ типамъ). О сходствѣ съ коровой не можетъ быть и рѣчи: для этого Мальва слишкомъ жива, гибка и изворотлива, да и нѣтъ на ней той всегдашней печати материнства, которая лежитъ на коровѣ. Со змѣей же мы привыкли соединять представленіе о чемъ-то красивомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнно злобномъ. А Мальва вовсе не неизмѣнно злобная женщина, да и вообще въ ней нѣтъ ничего неизмѣннаго. Вся она состоитъ изъ переливовъ одного настроенія или чувства въ другое, часто противоположное, но быстро преходящее, причемъ сама она не могла бы не только опредѣлить причины этихъ переливовъ, но даже указать ихъ границы, моменты перехода одного настроенія или чувства въ другое. И если нужно искать для нея зоологической параллели,

которая бы выпуклѣе представила ея основныя черты, я сказалъ бы, что она, какъ и загадочныя героини Достоевскаго, напоминаетъ собой кошку. Та же привлекательность, объясняющаяся сочетаніемъ силы и мягкости (собственно Мальва, циничная и грязная, привлекательна только для героевъ г. Горькаго и въ людяхъ съ болѣе тонкими требованіями вызвала бы, конечно, совсѣмъ иныя чувства; но я говорю о типѣ, оставляя пока въ сторонѣ спеціально босяцкія черты); та же лукавая изворотливость и ловкость, та же самостоятельность и всегдашняя готовность къ самозащитѣ иногда бѣгствомъ, но иногда открытымъ и упорнымъ сопротивленіемъ, переходящимъ и въ наступленіе; та же игривая ласковость и нѣжность, незамѣтно переливающаяся въ озлобленіе, съ которымъ кошка, играючи, придерживаетъ ласкающую ее руку передними лапами, а задними царапаетъ и зубами грызетъ; ради этой смѣси ощущеній, она, какъ и кошка, сама вызываетъ извѣстную примѣсь жестокости, и даже до боли, къ ласкѣ...

Я вспоминаю, что Гейне поставилъ въ преддверіи своей «Книги пѣсенъ» женскаго сфинкса,—существо съ женской головой и грудью и съ львинымъ туловищемъ и львиными, то есть преувеличенными кошачьими когтями. И этотъ сфинксъ въ одно и то же время счастливитъ и мучитъ поэта, ласкаетъ и терзаетъ когтями:

Umschlang sie mich, meinen armen Leib
Mit den Löwentatzen zerfleischend.
Entzückende Marter und wonniges Weh,
Der Schmerz wie die Lust unermesslich!
Die weilen des Mundes Kuss mich beglückt,
Verwunden die Tatzen mich grässlich... *)

Читатель, который можетъ быть только что возмутился не только вышеприведеннымъ юмористическимъ раздѣленіемъ женщинъ на змѣистыхъ и коровистыхъ, но и моимъ уподобленіемъ извѣстнаго человѣческаго типа кошкѣ, теперь пожалуй, подумаетъ: съ какой стати подниматься въ высоты Гейневской поэзіи по поводу какой-то отверженной, грубой Мальвы? Не слишкомъ ли это много чести для нея? Можетъ ли она сама ощущать и въ другихъ возбуждать тѣ тонкіе оттѣнки сложныхъ душевныхъ движеній, которые описаны Гейне? Я думаю однако, что читатель не сказалъ бы этого, если бы у насъ шла рѣчь о Грушенькѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» или Настасьѣ Филипповнѣ «Идіота», а между тѣмъ фактически вѣдь это продажныя женщины, хотя имъ

---

*) Въ переводѣ М. Л. Михайлова:

Вотъ замерла—и меня обняла,
Когти мнѣ въ тѣло вонзая.
Сладкая мука! блаженная боль!
Нѣга и скорбь безъ предѣла!
Райскимъ блаженствомъ поитъ поцѣлуй,
Когти терзаютъ мнѣ тѣло.

и доступны высшія колебанія и тяготѣнія. Но всякому своя слеза солона. Да и наконецъ, повторяю, не объ Мальвѣ собственно въ эту минуту и рѣчь. Несмотря на грязь, въ которой она купается, въ ней живутъ нѣкоторыя черты душевной жизни, которыми занимались люди высокаго ума и сильнаго художественнаго дарованія, но которыя доселѣ мало изучены и недостаточно ясны. Черты эти сводятся главнымъ образомъ къ неопредѣленности границъ между наслажденіемъ и страданіемъ, которыя мы привыкли рѣзко противопоставлять одно другому, вслѣдствіе чего вкладываемъ слишкомъ абсолютный смыслъ въ ходячее положеніе: человѣкъ ищетъ наслажденія и бѣжитъ страданія. Мрачный геній Достоевскаго стремился вывернуть этотъ афоризмъ на изнанку, придавая ему въ этомъ вывороченномъ видѣ столь же безусловный смыслъ. Это ему не удалось, конечно, но и многими своими образами и картинами, и своимъ собственнымъ примѣромъ, характеромъ своего творчества, онъ далъ блестящія иллюстраціи той entzückende Marter и того wonniges Weh, той смѣси страданія и наслажденія, которая несомнѣнно существуетъ. Вопросъ это слишкомъ обширный и сложный, чтобы трактовать его въ замѣткахъ объ очеркахъ и разсказахъ г. Максима Горькаго, и мы подойдемъ теперь прямо къ Мальвѣ. Въ талантѣ г. Горькаго нѣтъ ни силы, ни жестокости, ни безстрашія Достоевскаго, но за то онъ вводитъ насъ въ среду, гдѣ не стѣсняются въ словахъ и жестахъ, поютъ откровенныя пѣсни, ругаются крѣпкими словами, походя дерутся и гдѣ поэтому извѣстныя душевныя движенія получаютъ осязательное, почти животное выраженіе.

Мальва живетъ съ рыбакомъ Василіемъ. Василій—пожилой мужикъ, покинувшій для заработковъ пять лѣтъ тому назадъ деревню, гдѣ у него остались жена и дѣти. Живетъ онъ съ Мальвой весело, но внезапно является къ нимъ его сынъ, Яковъ, взрослый уже парень, съ которымъ Мальва тотчасъ же начинаетъ заигрывать. Дѣлаетъ она это, не только не стѣсняясь присутствіемъ своего любовника, но еще поддразнивая его, и разговоръ кончается тѣмъ, что Василій ее жестоко бьетъ.

«Она, не ахнувъ, молчаливая и спокойная, упала на спину, растрепанная, красная и всетаки красивая. Ея зеленые глаза смотрѣли на него изъ подъ рѣсницъ и горѣли холодной грозной ненавистью. Но онъ, отдуваясь отъ возбужденія и пріятно удовлетворенный исходомъ своей злобы, не видалъ ея взгляда, а когда съ торжествомъ и презрѣніемъ взглянулъ на нее,—она тихонько улыбалась. Сначала чуть-чуть дрогнули ея полныя губы, потомъ вспыхнули глаза, на щекахъ ея явились ямки, и она засмѣялась». Затѣмъ Мальва ластится къ Василію, увѣряетъ его, что она довольна его побоями, а что дразнила его,—«такъ вѣдь это я нарочно... пытала тебя,—и, успокоительно усмѣхнувшись, она прижалась къ нему плечомъ. А онъ покосился въ сторону шалаша (гдѣ оставался

сынъ) и обнялъ ее.—Эхъ ты... пыгала! Чего пытать? Вотъ и допыталась.—Ничего, увѣренно сказала Мальва, щуря глаза. Я не сержусь... вѣдь любя побилъ? А я тебѣ за это заплачу... Она въ упоръ посмотрѣла на него, вздрогнула и, понизивъ голосъ, повторила: ахъ, какъ заплачу!»

Простодушный Василій видитъ въ этомъ обѣщаніи нѣчто для себя пріятное, но читатель можетъ догадываться, что Мальва затаила злобу и месть. Мальва и дѣйствительно дѣлаетъ большую непріятность Василію: ссоритъ его съ сыномъ и доводитъ дѣло до того, что онъ уходитъ домой, въ деревню. Но планъ этотъ она задумываетъ уже позже, по совѣту забулдыги Сережки, а передъ тѣмъ у нея происходитъ съ этимъ Сережкой такой разговоръ. Она сообщила Сережкѣ, что ее прибилъ Василій; Сережка подивился,—какъ это она далась. «Кабы захотѣла, не далась бы,—возразила она съ сердцемъ.—Такъ что же ты?—Не захотѣла.—Крѣпко, значитъ, любишь сѣдого кота?—насмѣшливо сказалъ Сережка и обдалъ ее дымомъ своей папиросы.—Ну дѣла! а я было думалъ, что ты не изъ такихъ.—Никого я васъ не люблю,—снова уже равнодушно говорила она, отмахиваясь рукой отъ дыма.—Врешь, поди-ка?—Для чего мнѣ врать?—спросила она, и по ея голосу Сережка понялъ, что врать ей, дѣйствительно, не для чего.—А ежели ты его не любишь, какъ же ты ему позволяешь бить тебя?—серьезно спросилъ онъ.—Да развѣ я знаю? Чего ты пристаешь?»

Герои г. Горькаго вообще много дерутся, часто и бабъ своихъ бьютъ. Самые умѣренные изъ нихъ въ этомъ отношеніи совѣтуютъ: «никогда не слѣдуетъ бить беременныхъ женщинъ по животу, по груди и бокамъ... бей по шеѣ или возьми веревку и по мягкимъ мѣстамъ» (II, 219). И бабы не всегда протестуютъ противъ этихъ правилъ. Жена Орлова говоритъ мужу: «очень ужъ ты по животу и по бокамъ больно бьешь... хоть бы ногами то не билъ» (I, 265). Бываетъ, однако, и такъ, что прекрасный полъ переходитъ въ наступленіе. Въ числѣ «бывшихъ людей» есть старикъ Симцовъ, необыкновенно счастливый на амурныя похожденія: онъ «всегда имѣлъ двухъ-трехъ любовницъ изъ проститутокъ, содержавшихъ его по два и три дня кряду на свои скудные заработки. Онѣ часто били его, но онъ относился къ этому стоически—сильно избить его онѣ почему-то не могли—можетъ быть, жалѣючи» (II, 235). Но кто бы кого ни билъ у г. Горькаго,—мужчина женщину или женщина мужчину,—а эти физическія упражненія и сопровождающія ихъ озлобленіе, обида, страданіе, боль такъ или иначе оказываются въ какой-то связи съ лаской, любовью, наслажденіемъ. И, читая описанія этихъ битвъ, поневолѣ вспомнишь героя «Записокъ изъ подполья» Достоевскаго и его изреченія: «Иная сама, чѣмъ больше любитъ, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ завариваетъ: такъ вотъ, люблю, дескать, очень и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй».. «Знаешь ли, что изъ любви нарочно человѣка мучить можно». Или:

«Любовь-то и состоитъ въ добровольно-дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать». Оттого-то «Игрокъ» и Полина, какъ и многія другія пары Достоевскаго, никакъ не могутъ разобраться—любятъ они другъ друга или ненавидятъ, какъ не знаетъ и Мальва, любитъ она или ненавидитъ Василія. Но у Достоевскаго люди «тиранствуютъ» и «мучатъ» другъ друга утонченно, при помощи разныхъ кусательныхъ словъ, мучительнаго давленія на воображеніе и проч., а здѣсь, у г. Горькаго,—просто дерутся. Эта грубая форма не только, однако, не мѣшаетъ проявленіямъ того же переплета наслажденія со страданіемъ, но даже особенно ярко подчеркиваетъ его. Не одна Мальва додразниваетъ мужа или любовника до драки, за которою слѣдуютъ нѣжныя ласки. Вотъ и Матрена, жена Орлова («Супруги Орловы»): «Побои озлобляли ее, зло же доставляло ей великое наслажденіе, возбуждая всю ея душу, и она, вмѣсто того, чтобы двумя словами угасить его ревность, еще болѣе подзадоривала его, улыбаясь ему въ лицо странными улыбками. Онъ бѣсился и билъ ее, безпощадно билъ». А потомъ, когда злоба, достаточно насыщенная, утихала въ немъ, и его брало раскаяніе, онъ пробовалъ заговаривать съ женой и допытываться,—зачѣмъ она его дразнила. «Она молчала, но она знала зачѣмъ, знала, что теперь ее, избитую и оскорбленную, ожидаютъ его ласки, страстныя и нѣжныя ласки примиренія. За это она готова была ежедневно платить болью въ избитыхъ бокахъ. И она плакала уже отъ одной только радости ожиданія, прежде чѣмъ мужъ успѣвалъ прикоснуться къ ней» (I, 267).

Сюда же относятся слѣдующіе, напримѣръ, случаи. Когда Коноваловъ объявилъ своей любовницѣ, Вѣрѣ Михайловнѣ, что онъ больше съ ней жить не можетъ, потому что его «тянетъ куда-то», она сначала стала кричать, ругаться, потомъ примирилась съ его рѣшеніемъ, а на прощанье—разсказываетъ Коноваловъ—«обнажила мнѣ руку по локоть, да какъ вцѣпится зубами въ мясо! Я чуть не заоралъ. Такъ цѣлый кусокъ и выхватила почти... недѣли три болѣла рука. Вотъ и сейчасъ знакъ цѣлъ» (II, 13). Старуха Изергиль разсказываетъ про одного изъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ: «Былъ онъ такой печальный, ласковый иногда, а иногда, какъ звѣрь, ревѣлъ и дрался. Разъ ударилъ меня въ лицо. А я, какъ кошка, вскочила ему на грудь, да и впилась зубами въ щеку... Съ той поры у него на щекѣ стала ямка, и онъ любилъ, когда я цѣловала ее» (II, 304).

Старуха Изергиль называетъ свою жизнь «жадною жизнью» (II, 312). Буквально то же самое говоритъ въ разсказѣ «На плотахъ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ про Марью: «жадна жить» (I, 63). Такъ же характеризуется и Мальва и др. Но таковы не только женщины г. Горькаго. И у Челкаша «натура жадная на

впечатлѣнія» (I, 19), и Кузька-Косякъ учитъ: «жить надо и такъ, и эдакъ,—во всю чтобы» (I, 88). И т. д. Этимъ объясняется многое. Этимъ прежде всего снимается мистическій покровъ съ внутренняго голоса, предписывающаго неустанное бродяжество. Въ условіяхъ жизни героевъ г. Горькаго вездѣ «тѣсно», вездѣ «яма», какъ они безпрестанно, даже нѣсколько надоѣдливо однообразно, повторяютъ. Является желаніе, если не расширить и углубить сферу впечатлѣній, то мѣнять ихъ въ пространствѣ, и даже до того, что хоть хуже, да иначе. А если и это почему нибудь невозможно, то оказывается необходимость искусственнаго возбужденія. Дается оно, конечно, пьянствомъ, но не однимъ пьянствомъ. Достойна вниманія отмѣтка г. Горькаго о чувствахъ избиваемой жены Орлова: «побои озлобляли ее, зло же доставляло ей великое наслажденіе, *возбуждая всю ея душу*». *Вся* душа Матрены Орловой требуетъ работы, хотя бы и мучительной, лишь бы жить «во всю». Эта потребность всесторонней душевной дѣятельности, покупаемой цѣною примѣси страданія къ наслажденію, интересно иллюстрируется разсказомъ «Тоска». Это—«страничка изъ жизни одного мельника».

Мельникъ Тихонъ Павловичъ не босякъ какой-нибудь. Онъ богатъ, пользуется уваженіемъ и почетомъ и наслаждается «ощущеніемъ своей сытости и здоровья». Но вдругъ онъ съ чего-то загрустилъ: тоска обуяла, скука, совѣсть за разные кулацкіе успѣхи начала угнетать. И Тихонъ Павловичъ сталъ вспоминать съ какого это времени на него нашло. Былъ онъ въ городѣ и наткнулся на похороны, въ которыхъ его поразила смѣсь бѣдности съ торжественностью: много вѣнковъ, много провожатыхъ. Оказалось, что хоронятъ писателя, и на могилѣ его одинъ изъ провожавшихъ сказалъ рѣчь, которая растревожила Тихона Павлыча. Ораторъ, воздавая хвалу почившему, говорилъ, что онъ былъ не понятъ при жизни, потому что «засыпали мы наши души хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души» и т. д. Краснорѣчіе ли оратора, особенности ли обстановки похоронъ или еще что нибудь повліяло, но съ этихъ поръ Тихона Павлыча засосала тоска, тяжелое раздумье о своей «засыпанной хламомъ повседневныхъ заботъ душѣ». Затѣмъ Тихонъ Павлычъ нечаянно подслушалъ вышеприведенный разговоръ своего работника Кузьки-Косяка съ дѣвушкой Мотрей, и самъ имѣлъ съ Кузькой бесѣду, въ которой старался сохранять видъ «нравоучительный и чинный», но въ душѣ завидовалъ «легкой жизни» веселаго собесѣдника. Заговорилъ было Тихонъ Павлычъ съ женой на тему о душѣ, заваленной хламомъ; та посовѣтовала въ церковь что нибудь пожертвовать, сироту въ домъ взять, за докторомъ послать, но все это не удовлетворяло мельника. Онъ рѣшилъ ѣхать въ сосѣднее село Ямки къ школьному учителю, который еще недавно обличилъ въ газетѣ одну его кулацкую каверзу. Кузька совѣтуетъ ему иное: «вы бы, хозяинъ, поѣхали до города, да и кутнули тамъ во всю; вотъ вамъ и помогло бы». Однако,

мельникъ даже нѣсколько обижается этимъ совѣтомъ и ѣдетъ къ учителю. Но тотъ, больной и желчный, не можетъ вникнуть въ состояніе души обличеннаго имъ кулака и понять его безсвязныя рѣчи. Мельникъ ѣдетъ въ городъ, безсознательно исполняя совѣтъ босяка Кузьки, и тамъ, въ городѣ, закучиваетъ. Всѣ подробности этой оргіи для насъ не интересны, но нѣкоторыя изъ нихъ надо припомнить.

Грязный трактиръ. Разные пьяные, пропащіе люди. Собираются пѣть, музыка есть—гармоника. И вотъ какъ одинъ изъ компаніи учитъ гармониста: «Нужно начинать съ грусти, чтобы привести душу въ порядокъ, заставить ее прислушаться... Она чувствительна къ грусти... Понимаете? Вотъ вы ей сейчасъ и закиньте удочку—«Лучинушкой», къ примѣру, или «Заходило солнце красное»—она и пріостановится, замретъ. А тутъ вы ее хватите съ разу «Чоботами» или «Во лузяхъ», да съ дробью, съ пламенемъ, съ плясомъ, чтобы ожгло! Ожгете ее, она и встрепенется! Тогда и пошло все въ дѣйствіе. Тутъ ужъ начнется прямо бѣшенство: чего-то хочется и ничего не надо! *Тоска и радость*—такъ все и заиграетъ радугой»...—Запѣли... Описаніе собственно этого пѣнія (I, 128—133) принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ въ обоихъ томахъ разсказовъ г. Горькаго. Здѣсь нѣтъ и тѣни той фальши и тѣхъ досадныхъ нарушеній мѣры вещей, которыя слишкомъ часто оскорбляютъ и эстетическое чувство читателей, и ихъ требованіе правды. Изъ знакомыхъ мнѣ изображеній эффекта пѣнія съ этими страницами можно поставить рядомъ «Пѣвцовъ» Тургенева, и за г. Горькаго не стыдно будетъ отъ этого сравненія. И вы понимаете, что пьяный трактиръ дѣйствительно затихъ при звукахъ этой пѣсни и что мельникъ дѣйствительно «давно уже неподвижно сидѣлъ на стулѣ, низко свѣсивъ на грудь голову и жадно вслушиваясь въ звуки пѣсни. Они снова будили въ немъ тоску, но теперь къ ней примѣшивалось что-то ѣдко-сладкое, щекочущее сердце... Было что-то жгучее и щиплющее во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ—оно было въ каждомъ изъ нихъ и, соединяясь, образовало въ душѣ мельника странную *сладкую боль*, точно большая, давившая его сердце льдина таяла, распадаясь на куски, и они кололи его тамъ, внутри».

«Сладкая боль»!—вѣдь это буквально гейневскія entzückende Marter и wonniges Weh («сладкая мука, блаженная боль» въ переводѣ М. Л. Михайлова). Она одновременно счастливитъ и мучитъ мельника, и это состояніе онъ старается выразить отрывистыми восклицаніями: «Братцы! Больше не могу! Христа ради, больше не могу!» «Душу мою пронзили! Будетъ—тоска моя! Тронули вы меня за больное сердце, то есть часу у меня такого не было еще въ жизни!» «Тронули вы мнѣ душу и очистили ее. Чувствую я теперь себя—ахъ, какъ! Въ огонь бы полѣзъ».

Послѣ четырехъ дней безобразнаго кутежа Тихонъ Павловичь

возвращается домой мрачный, недовольный. Авторъ въ эту именно минуту покидаетъ его, не сообщая ничего о его дальнѣйшей судьбѣ, но можно догадываться, что, вернувшись домой, онъ вернулся и къ прежнему образу жизни, лишь изрѣдка вспоминая мгновенья мучительно-сладкихъ ощущеній, пережитыхъ имъ по рецепту босяка Кузьки...

Таковы окольные пути, которыми «жадные жить» герои г. Горькаго добываютъ нужныя имъ полноту и разнообразіе впечатлѣній. Пути эти, очевидно, должны быть поставлены отдѣльно отъ пьянства, хотя и соприкасаются съ нимъ, — Матрена Орлова не въ пьяномъ видѣ додразниваетъ своего мужа до взаимнаго озлобленія, въ которомъ находитъ однако источникъ нѣкоторой «сладкой боли». Но и самое пьянство этихъ людей, помимо его скотски-грубыхъ проявленій, можетъ получить то объясненіе, которое Тургеневъ влагаетъ въ уста Веретьеву въ «Затишьѣ»: «Посмотрите-ка вонъ на эту ласточку... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ, куда хочетъ, туда и броситъ! Вонъ взвилась, вонъ ударилась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ я для чего пью,— чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка. Швыряй себя куда хочешь, несись куда вздумается»...

Пойдемъ дальше. Чтобы «швырять себя куда хочешь и нестись куда вздумается» въ пьяномъ видѣ, то есть мысленно облетать міры фантазіи и дѣйствительности, требуется только водка. Но чтобы реально шагать съ мѣста на мѣсто по всей землѣ, какъ этого хотятъ герои г. Горькаго, нужна свобода. Не свобода передвиженія только, засвидѣтельствованная законнымъ документомъ, подлежащими властями выданнымъ, а свобода отъ всякихъ постоянныхъ обязанностей, отъ всякихъ узъ, налагаемыхъ существующими общественными отношеніями, происхожденіемъ, принадлежностью къ извѣстной группѣ, законами, обычаями, предразсудками, правилами общепринятой морали и т. д. Мы и видимъ, что герои г. Горькаго всѣ отличаются свободолюбіемъ въ этомъ широчайшемъ, безграничномъ смыслѣ. Макаръ Чудра объявляетъ рабомъ всякаго, кто не бродитъ по землѣ куда глаза глядятъ, а усаживается на мѣстѣ и такъ или иначе пускаетъ корни: такой человѣкъ «рабъ, какъ только родился и во всю жизнь рабъ». Для «жаднаго на впечатлѣнія» Челкаша Гаврила есть «жадный рабъ», и Челкашу обидно, что этотъ рабъ смѣетъ по своему «любить свободу, которой не знаетъ цѣны и которая ему не нужна». Значитъ, есть жадность и жадность. Жадный Гаврила, набравъ денегъ, зароется въ свою деревенскую «яму», а жадный Челкашъ сейчасъ же размѣняетъ эти деньги на острыя и разнообразныя впечатлѣнія сѣвера и юга, востока и запада. На всякаго рода границы, какъ географическія, такъ и моральныя, реальныя и идеальныя, эти отверженные или, вѣрнѣе, какъ я уже говорилъ, отвергнувшіе смотрятъ сверху внизъ, съ высоты своего «жаднаго жить» *я*, какъ на нѣчто, урѣзывающее это *я*, до непере-

носности. Правда, нѣкоторые изъ нихъ иногда съ грустью и даже съ умиленіемъ вспоминаютъ о своемъ прошломъ, когда они еще входили въ составъ того или другого опредѣленнаго общественнаго цѣлаго и сознательно или безсознательно подчинялись его распорядкамъ, но это настроеніе посѣщаетъ ихъ рѣдко и не надолго, и вернуться къ прошлому они все равно не хотятъ и не могутъ. Въ настоящемъ ихъ ничто не объединяетъ въ какое нибудь прочное, постоянное цѣлое. «Народъ... онъ огромный, но я ему чужой и онъ мнѣ чужой... Вотъ въ чемъ трагедія моей жизни»—говоритъ «учитель» въ «Бывшихъ людяхъ» (II, 205). Образцы отношеній къ другимъ общественнымъ узамъ мы уже въ прошлый разъ видѣли и дальше опять встрѣтимъ. Для однихъ изъ этого проистекаетъ трагедія, для другихъ комедія или даже водевиль, какъ для Кузьки Косяка, но это дѣло темперамента и суть отношеній отъ этого не измѣняется.

Иные изъ героевъ г. Горькаго временами какъ будто «грядущаго града взыскуютъ», но это только разговоры, одна словесность, притомъ нисколько для нихъ не характерная. Гораздо болѣе свойственные имъ идеалы и мечты сводятся, какъ мы видѣли, къ полному отчужденію отъ людей, полному отсутствію «града» въ смыслѣ какого-бы то ни было общежитія, или къ совершенно особому виду отношеній, объ которомъ сейчасъ поговоримъ подробнѣе, или же, наконецъ, къ планамъ всеобщаго разрушенія. Замѣчательно однообразіе, съ которымъ (какъ и многое другое) высказываютъ эти планы люди г. Горькаго, въ другихъ отношеніяхъ, казалось бы, очень различные. Такъ,—мы видѣли,—Мальва «избила бы весь народъ, и потомъ себя страшною смертью». Такъ Орловъ мечтаетъ «отличиться на чемъ нибудь», хотя бы даже «раздробить всю землю въ пыль», «вообще что нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты и потомъ внизъ тормашками—и въ дребезги!» А вотъ еще Аристидъ Кувалда: «Мнѣ—говоритъ онъ—было бы пріятно, если бъ земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы въ дребезги. Лишь бы я погибъ послѣдній, посмотрѣвъ сначала на другихъ» (II, 234). Погибнуть, совершивъ нѣчто большое, огромное, грозное, не справляясь съ существующей моральной оцѣнкой или даже вопреки ей,—такова мечта.

Но, кромѣ житія на манеръ Робинзона (причемъ и Пятницы не надо и его можно за ненадобностью убить) и плановъ всеобщаго разрушенія, у героевъ г. Горькаго есть и еще одна мечта, быть можетъ самая интересная. Они «жадны жить», для чего имъ нужна безграничная свобода и никому и ничему они не согласны подчиняться. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждый изъ нихъ въ отдѣльности не хотѣлъ и другихъ подчинять. Напротивъ, въ подчиненіи и порабощеніи другихъ они находятъ особое наслажденіе. Челкашъ «наслаждался, чувствуя себя господиномъ другого»—Гаврилы. Онъ «наслаждался страхомъ парня и тѣмъ, что вотъ какой

онъ, Челкашъ, грозный человѣкъ». Онъ «наслаждался своей силой, которой онъ поработилъ этого молодого, свѣжаго парня». Оттого то и Орловъ мечтаетъ «встать выше всѣхъ людей» и сдѣлать имъ всѣмъ огромную пакость. Но встать выше людей можно не только пакостью, а и благодѣяніемъ. И тотъ же Орловъ одно время былъ одолѣваемъ «жаждою безкорыстнаго подвига»,—вотъ по какимъ мотивамъ: «Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ особыхъ свойствъ. И въ немъ забилось желаніе сдѣлать что-то такое, что обратило бы на него вниманіе всѣхъ, всѣхъ поразило бы и заставило убѣдиться въ его правѣ на самочувствіе» (I, 303). Поневолѣ опять и опять вспомнишь Достоевскаго съ его Ставрогинымъ, который не зналъ разницы между величайшимъ подвигомъ самоотверженія и какимъ нибудь звѣрскимъ дѣломъ, и съ его многочисленными иллюстраціями наслажденія властью, мучительствомъ, тиранствомъ. Жажда благороднаго подвига сказалась въ Орловѣ, когда онъ, вмѣстѣ съ Матреной, поступилъ на службу въ холерную больницу. Но и тамъ ему скоро показалось «тѣсно», и это мѣсто болѣзни, печали и воздыханія, поманившее его радостью любовнаго труда, оказалось «ямой». Въ кратковременный же періодъ увлеченія мечтой о подвигѣ онъ разсуждалъ, напримѣръ, такъ: «То есть, если бы эта холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца,—сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила, и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: «Григорій Андреевъ Орловъ. Спасъ Россію отъ холеры». Больше ничего не надо».—Но когда ему показалось «тѣсно», онъ опять принялся за Матрену, постоянно переходя отъ страстныхъ ласкъ къ жестокой дракѣ. Однажды, напримѣръ, онъ было «поддался» женѣ,—покорно выслушалъ ея упреки и призналъ, что не хорошо дѣлаетъ, что дерется. Но на другой же день раскаялся въ этомъ душевномъ движеніи и «пришелъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ побѣдить жену. Вчера, во время столкновенія, она была сильнѣе его, онъ это чувствовалъ и это унижало его въ своихъ глазахъ. Непремѣнно нужно было, чтобы она опять подчинилась ему; онъ не понималъ почему, на твердо зналъ—нужно».

Подобныя же черты читатель найдетъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ г. Горькаго. И, какъ бы проникаясь этимъ настроеніемъ своихъ созданій, самъ авторъ отъ себя кладетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующую психологическую резолюцію: «Какъ бы низко ни палъ человѣкъ, онъ никогда не откажетъ себѣ въ наслажденіи почувствовать себя сильнѣе, умнѣе, хотя бы даже сытѣе своего ближняго» (II, 211).

Я написалъ: «*какъ бы* проникаясь настроеніемъ своихъ созданій». Въ дѣйствительности можетъ быть совершенно наоборотъ: не ав-

торъ, увлеченный самымъ процессомъ творчества, проникается настроеніемъ своихъ персонажей, а, напротивъ, авторъ творитъ людей по своему образу и подобію, вкладывая въ нихъ нѣчто свое задушевное. Во всякомъ случаѣ только что приведенная авторская резолюція показываетъ, что какъ бы мы тщательно ни всматривались въ босяковъ г. Горькаго, мы ихъ не поймемъ и въ частности не оцѣнимъ степени ихъ подлинности, пока не приглядимся къ самому г. Горькому.

До сихъ поръ мы видѣли босяковъ, можетъ быть и подкрашенныхъ, но во всякомъ случаѣ реальныхъ. Но въ собраніи очерковъ и разсказовъ г. Горькаго есть и такіе, въ которыхъ изображаются босяки, такъ сказать, отвлеченные, очищенные или даже иносказательные, аллегоріи и символы босячества. Таковы въ первомъ томѣ «Пѣсня о соколѣ» и то, что Макаръ Чудра разсказываетъ про Лойка Зобара и Радду, а во второмъ—разсказъ «О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ любителѣ истины» и то, что старуха Изергиль разсказываетъ про Данка. Герои этихъ разсказовъ—существа фантастическія или полу-фантастическія—столь же вольнолюбивы и жадны жить, какъ и заправскіе босяки въ освѣщеніи г. Горькаго, но совершенно чужды другой стороны реальной босяцкой жизни, — міра тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости. Понятно, какой интересъ представляютъ эти отвлеченныя, фантастическія существа для уразумѣнія точки зрѣнія автора. Та скорбь и то отвращеніе, которыя онъ часто не можетъ сдержать при описаніи пьянства, грубости, цинизма, дракъ реальныхъ босяковъ, при этомъ естественно отпадаютъ и мы можемъ разсчитывать получить въ чистомъ видѣ то, что поднимаетъ отверженцевъ надъ общимъ уровнемъ, какъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ автора.

Начнемъ съ разсказа Макара Чудры про Лойка Зобара и Радду. Это разсказываетъ старый цыганъ о молодыхъ цыганѣ и цыганкѣ, и разсказъ его блещетъ роскошью восточныхъ красокъ, гиперболическихъ сравненій, сказочныхъ подробностей, но я долженъ признаться, что онъ производитъ на меня впечатлѣніе неудачной подделки. Дѣло, впрочемъ, теперь не въ этомъ. Зобаръ—красавецъ писанный, притомъ смѣлъ, уменъ, силенъ, вдобавокъ поетъ и играетъ на скрипкѣ такъ, что когда въ таборѣ, къ которому принадлежала Радда, въ первый разъ услыхали, еще издали, его музыку, то произошло слѣдующее: «Всѣмъ намъ,—разсказываетъ Чудра,—мы чуяли, отъ той музыки захотѣлось чего-то такого, послѣ чего и *жить ужъ не нужно было* или, коли жить, такъ *царями надъ всей землей*». Характерно уже это «или-или»: или ничто, небытіе, или вершина вершинъ. Но Макаръ Чудра можетъ испытывать это настроеніе во всей полнотѣ только въ минуты экстаза, вызваннаго чудодѣйственною музыкой. Другое дѣло Зобаръ. И Радда ему подъ пару: она тоже писаная красавица, тоже умна, сильна, смѣла. Есте-

ственное дѣло, что когда судьба сталкиваетъ молодого человѣка и молодую дѣвушку такихъ исключительныхъ и многоразличныхъ достоинствъ,—между ними возгорается любовь со всѣмъ радужнымъ блескомъ страсти и нѣжности. Зобаръ и Радда дѣйствительно полюбили другъ друга, но, какъ и у реальныхъ босяковъ г. Горькаго, любовь ихъ до боли колюча,—даже до смерти. Радда—та же Мальва, только поднятая на нѣкоторую поэтическую высоту. Отношенія начинаются съ того, что Зобаръ, привыкшій «играть съ дѣвушками, какъ кречетъ съ утками», получаетъ отъ Радды жесткій и язвительный отпоръ. Она зло издѣвается надъ нимъ, но онъ или провидитъ подъ этимъ издѣвательствомъ нѣчто иное, или ужъ очень въ себѣ увѣренъ, а только, при всемъ честномъ народѣ, обращается къ ней съ такой рѣчью: «Много я вашей сестры видѣлъ, эге много! А ни одна не тронула моего сердца такъ, какъ ты. Эхъ, Радда, полонила ты мою душу! Ну, что же? Чему быть, такъ то будетъ, и нѣтъ такого коня, на которомъ отъ самого себя ускакать можно бы было. Беру тебя въ жены передъ Богомъ, своей честью, твоимъ отцомъ и всѣми этими людьми. Но смотри, волѣ моей не перечь, я всетаки свободный человѣкъ и буду жить такъ, какъ я хочу!» И съ этими словами подошелъ къ Раддѣ, «стиснувъ зубы и сверкая глазами». Но Радда вмѣсто отвѣта свалила его на земь, ловко захлестнувъ ему за ноги ременное кнутовище, а сама смѣется. Зобаръ, пристыженный и огорченный, ушелъ въ степь и тамъ замеръ въ мрачномъ раздумьи. Черезъ нѣсколько времени къ нему подошла Радда. Онъ схватился было за ножъ, но она пригрозила разбить ему голову пистолетной пулей и затѣмъ объяснилась въ любви; однако, говоритъ, «волю то я, Лойко, люблю больше тебя; а безъ тебя мнѣ не жить, какъ не жить и тебѣ безъ меня; такъ вотъ я хочу, чтобъ ты былъ моимъ и душой, и тѣломъ». «Все равно, какъ ты ни вертись, я тебя одолѣю»,—продолжаетъ она и требуетъ, чтобы онъ завтра же «покорился» и выразилъ эту покорность внѣшними знаками: публично, передъ всѣмъ таборомъ поклонился бы ей въ ноги и поцѣловалъ ей руку. Зобаръ на другой день является и держитъ передъ таборомъ рѣчь, въ которой объясняетъ, что Радда любитъ свою волю больше, чѣмъ его, а онъ, напротивъ, любитъ Радду больше, чѣмъ волю, и потому согласенъ на поставленныя ею условія, но—говоритъ—«остается попробовать, такое ли у Радды моей крѣпкое сердце, какимъ она мнѣ его показывала». Съ этими словами онъ вонзаетъ ножъ въ сердце Радды, и она умираетъ, «улыбаясь и говоря громко и внятно:—Прощай, богатырь Лойко Зобаръ! Я знала, что ты такъ сдѣлаешь». Выходитъ затѣмъ отецъ Радды и убиваетъ Зобара, но убиваетъ, такъ сказать, почтительно, какъ уплачиваютъ долгъ уважаемому кредитору.

Такова любовь въ тѣхъ фантастическихъ, такъ сказать, надземныхъ сферахъ, гдѣ герои г. Горькаго являются очищенными отъ всего, чѣмъ грязнитъ ихъ міръ кабаковъ, домовъ терпимости и тю-

ремъ. Пролита кровь, но не въ какой нибудь пьяной дракѣ и не изъ корыстныхъ видовъ; г. Горькій такъ обставилъ дѣло, что кровь Радды проливается съ ея согласія и она умираетъ «улыбаясь» и воздавая хвалу убійцѣ, а ея отецъ и Зобаръ просто—одинъ отдаетъ, а другой получаетъ долгъ. Зобаръ и Радда жадны жить. Какъ въ королѣ Лирѣ «каждый вершокъ—король», такъ и въ нихъ каждый вершокъ жить хочетъ. Поэтому они хотятъ быть совершенно свободными, а любовь, они чувствуютъ, уже урѣзываетъ эту свободу: «смотрѣлъ я—говоритъ Зобаръ—этой ночью въ свое сердце и не нашелъ мѣста въ немъ старой вольной жизни моей». Если любовь съ ихъ точки зрѣнія и несовсѣмъ совпадаетъ съ опредѣленіемъ героя Достоевскаго («добровольно дарованное отъ любимаго предмета право надъ нимъ тиранствовать»), то во всякомъ случаѣ элементъ господства, преобладанія, власти играетъ въ ней существенную роль. А такъ какъ Зобаръ и Радда равноцѣнны, то задача покоренія оказывается невозможною, и они на этой невозможности погибаютъ. Но они не уклоняются отъ этой погибели и не жалѣютъ о ней.

Не жалѣетъ о своей погибели и соколъ въ «Пѣснѣ о соколѣ». Онъ расшибся, падая съ высоты на камень (а потомъ въ море) но на вопросъ ужа презрительно и гордо отвѣчаетъ: «Да, умираю!.. Я славно пожилъ... Я много прожилъ... Я храбро бился... И видѣлъ небо. Ты не увидишь его такъ близко... Эхъ, ты, бѣдняга!» Заинтересованный этими словами, ужъ въ мѣру своихъ силъ тоже попробовалъ было подняться къ небу, но «рожденный ползать—летать не можетъ», и ужъ разсуждаетъ: «Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она—въ паденьи... Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу». И т. д. Однако пѣсня или сказка («Пѣсня о соколѣ» есть будто бы народная крымско-татарская пѣсня-сказка) не согласна съ ужомъ и поетъ хвалу жадному жить, свободному соколу: «О, смѣлый соколъ! Ты, жившій въ небѣ, безкрайномъ небѣ, любимецъ солнца! О, смѣлый соколъ, нашедшій въ морѣ, безмѣрномъ морѣ, себѣ могилу! Пускай ты умеръ! Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь призывомъ громкимъ къ свободѣ, къ свѣту!»

Чижъ («О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ-любителѣ истины»), чижъ—не соколъ. Онъ птица маленькая и слабокрылая. Однако у него хватило силы и смѣлости смутить на нѣкоторое время птицъ своей рощи пѣснями о свободѣ, просторѣ, призывами «впередъ». Но ученый дятелъ скоро отвратилъ отъ него общественное мнѣніе, доказавъ птицамъ, что путь, предлагаемый чижомъ, полонъ опасностей и ни къ чему хорошему привести не можетъ. Бѣдный чижъ, оставленный всѣми, горько задумался: «Я солгалъ, да, я солгалъ, потому что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и

надѣяться такъ хорошо! Я же только и хотѣлъ пробудить вѣру и надежду—и вотъ почему я солгалъ... Онъ, дятелъ, можетъ быть и правъ, но на что нужна его правда, когда она камнемъ ложится на крылья и не позволяетъ высоко взлетать въ небеса?» Чижъ предпринялъ ни больше, ни меньше, какъ возбудить въ птицахъ увѣренность, что «мы не должны уставать и должны всегда бороться и все побѣдить, чтобы оправдать самихъ себя въ своихъ глазахъ, чтобы имѣть право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее—это мы, а не слѣпая сила стихій». Онъ былъ тоже жаденъ жить, этотъ маленькій чижъ. Дятелъ же отстаивалъ противоположный тезисъ: «всѣ мы—не болѣе, какъ только крошечные факты, подтверждающіе грандіозный фактъ мудрости и мощи природы, которой мы должны подчиняться, какъ дѣти подчиняются матери». Чижъ былъ жаденъ жить, но слабъ и не съумѣлъ парировать аргументы дятла, и толпа отхлынула отъ него и оставила его въ мрачномъ одиночествѣ, а авторъ резюмируетъ всю исторію такъ: «Чижъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и поэтому нищъ духомъ; дятелъ благоразуменъ, но пошлъ, а птицы-слушатели отзывчивы лишь потому, что любопытны, но они въ сущности черствы сердцемъ и мелки, мелки, позорно мелки»...

Черствы сердцемъ и мелки, позорно мелки не только птицы той рощи, которую было взбудоражилъ чижъ и утихомирилъ дятелъ. Старуха Изергиль разсказываетъ такую легенду.—Гдѣ-то, когда-то жили какіе-то люди. Нахлынуло на нихъ чужое племя и оттѣснило въ глухой, дремучій, болотистый лѣсъ. Плохо пришлось людямъ: назадъ идти нельзя,—тамъ сильные и злые враги, а впереди лѣсъ все дремучѣе, болота все непроходимѣе. Стали люди болѣть, умирать. «Уже хотѣли идти къ врагу и принести ему въ даръ себя и волю свою, и никто ужъ, испуганный смертью, не боялся рабской жизни». Но среди этой запуганной толпы былъ Данко. Изергиль особенно напираетъ на его красоту и смѣлость,—должно быть онъ былъ похожъ на Лойко Зобара. Данко взялся вести своихъ товарищей по несчастію. Не то, чтобы онъ зналъ какія-нибудь безопасныя или удобныя дороги; нѣтъ, единственно, на что онъ сослался, это то, что долженъ же быть у этого страшнаго лѣса гдѣ-нибудь конецъ, потому что вѣдь всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Но онъ заявилъ это съ такою увѣренностью, что въ сердцахъ слушателей заиграла надежда, и они пошли за Данко. Но лѣсъ становился все гуще, мрачнѣе, люди стали роптать и, наконецъ, даже грозить Данку смертью. Негодованіе и жалость къ этимъ презрѣннымъ людямъ овладѣли Данкомъ, «и вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь... И вдругъ онъ разорвалъ руками себѣ грудь и вырвалъ изъ нея свое сердце и высоко поднялъ его надъ головой. Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь лѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ великой любви къ людямъ, а тьма разле-

тѣлась отъ свѣта его и тамъ, глубоко въ лѣсу, дрожащая, пала въ гнилой зѣвъ болота». Руководимые этимъ факеломъ люди прошли сквозь лѣсъ въ степь, но тутъ Данко, «кинувъ радостный взоръ на развернувшуюся передъ нимъ свободную землю», умеръ. «Люди же, радостные и полные надеждъ, не замѣтили смерти его и не видали, что еще пылаетъ рядомъ съ трупомъ Данка его смѣлое сердце. Только одинъ осторожный человѣкъ замѣтилъ это и, боясь чего-то, наступилъ на гордое сердце ногой. И вотъ оно, разсыпавшись въ искры, угасло»...

Данко совершаетъ подвигъ самопожертвованія, причемъ оказываетъ одинокимъ сначала впереди смущенной толпы, потомъ одинокимъ передъ разъяренной толпой, потомъ опять одинокимъ впереди толпы обнадеженной, спасенной и неблагодарной. Ларра (это имя, по объясненію старухи Изергиль, значитъ «отверженный, выкинутый вонъ») тоже одинокъ въ толпѣ соплеменниковъ, но онъ не совершаетъ подвига самопожертвованія. Напротивъ... Ларра—сынъ орла и похищенной имъ женщины. Орелъ умеръ («когда онъ сталъ слабѣть, то поднялся въ послѣдній разъ высоко на небо и, сложивъ крылья, тяжело упалъ оттуда на острые уступы горъ»), его невольная жена вернулась къ своему племени съ 20-лѣтнимъ сыномъ, сильнымъ, гордымъ и смѣлымъ красавцемъ, опять-таки въ родѣ Зобара или Данка. Онъ сразу всталъ въ дурныя отношенія къ старѣйшинамъ племени, отказавшись имъ повиноваться и объявивъ, что «такихъ, какъ онъ, нѣтъ больше». Затѣмъ онъ подошелъ къ одной красивой дѣвушкѣ и обнялъ ее; она его оттолкнула, а онъ—«ударилъ ее и, когда она упала, всталъ ногой на ея грудь, всталъ такъ, что изъ ея устъ кровь брызнула къ небу и она вздохнула тяжко, извилась змѣей и умерла». Его связали и хотѣли казнить, но сначала попытались добиться, зачѣмъ онъ убилъ дѣвушку. Онъ отказался отвѣчать связанный, а когда его развязали, сказалъ слѣдующее: «Я, можетъ быть, самъ не вѣрно понимаю то, что случилось. Я убилъ ее потому, мнѣ кажется, что меня оттолкнула она; а мнѣ было нужно ее». Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что «онъ считаетъ себя первымъ на землѣ и что, кромѣ себя, онъ не видитъ ничего. Всѣмъ даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество онъ обрекалъ себя. У него не было ни племени, ни матери, ни подвиговъ, ни скота, ни жены, и онъ не хотѣлъ ничего этого». И когда поняли это, то мудрѣйшій изъ старѣйшинъ племени придумалъ ему страшное наказаніе: «Наказаніе ему въ немъ самомъ! Пустите его, пусть онъ будетъ свободенъ. Вотъ его наказаніе». Юноша весело ушелъ и сталъ жить «свободный, какъ отецъ его; но его отецъ не былъ человѣкомъ, а этотъ былъ человѣкъ». Онъ былъ ловокъ, силенъ, хищенъ, жестокъ; онъ приходилъ время отъ времени къ людямъ и бралъ все, что ему нужно было. Въ него стрѣляли, но стрѣлы «не могли пронизать его тѣла, обвитаго невидимымъ человѣку покрываломъ высшей кары».

Многіе, многіе годы жилъ онъ такъ, но наконецъ это ему надоѣло. «Нельзя всегда наслаждаться,—потеряешь цѣну наслажденію и захочется страдать». Онъ и пошелъ къ людямъ съ этою цѣлью, но они не тронули его, онъ покушался убить себя, но смерть не брала его. «Въ глазахъ его было столько тоски, что можно было бы отравить ею всѣхъ людей міра. И такъ съ той поры остался онъ одинъ, свободный и ищущій смерти. И вотъ онъ ходитъ, ходитъ повсюду»...

Лойко Зобаръ, Радда, Соколъ, Чижъ, Данко, Ларра,—вотъ вся портретная галлерея идеальныхъ, очищенныхъ отъ грязи босяковъ г. Горькаго. Что это именно они,—преображенные Челкаши, Мальвы, Кувалды, Косяки и проч.,—въ этомъ едва ли кто-нибудь усомнится. Мы видимъ въ нихъ ту же «жадность жить»; то же стремленіе къ ничѣмъ не ограниченной свободѣ; то же фатальное одиночество и отверженность, причемъ не легко установить,—отверженные они или отвергнувшіе; ту же вызокую самооцѣнку и желаніе первенствовать, покорять, находящія себѣ оправданіе въ выраженномъ или молчаливомъ признаніи окружающихъ; то же тяготѣніе къ чему нибудь чрезвычайному, пусть даже невозможному, за чѣмъ должна послѣдовать гибель; ту же жажду наслажденія, соединенную съ готовностью какъ причинить страданіе, такъ и принять его; ту же неуловимость границы между наслажденіемъ и страданіемъ.

Но это не трафареты, а варьянты, иногда, въ отдѣльныхъ чертахъ, даже слишкомъ близкіе между собою, иногда расходящіеся довольно далеко, но во всякомъ случаѣ, такъ сказать, вращающіеся около одной оси. Если, напримѣръ, Орловъ сегодня мечтаетъ о спасеніи Россіи отъ холеры цѣною собственной жизни, а завтра объ избіеніи «всѣхъ до единаго жидовъ» или даже о раздробленіи всей земли въ пыль,—то въ коллекціи очищенныхъ босяковъ подвигъ самопожертвованія предоставленъ Данку, а злодѣйскіе подвиги—Ларрѣ; но, не смотря на эту разницу, и тотъ и другой являются намъ въ нѣкоторомъ ореолѣ гордой силы и красоты. Если Чижъ слабокрылъ и вообще слабъ самъ, то онъ все же зоветъ другихъ къ свободѣ, простору и, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время покоряетъ сердца птицъ призывомъ къ великому дѣлу. Если Коноваловъ находитъ ненужнымъ присутствіе даже Пятницы на островѣ Робинзона, а Ларрѣ одиночество досталось въ видѣ страшной кары, то съ теченіемъ времени Коноваловъ, надо думать, пожалѣлъ бы, что убилъ «дикаго», хотя бы уже потому, что оказался бы въ «ямѣ»; а Мальвѣ, тоже мечтающей объ одиночествѣ, люди навѣрное понадобились бы, чтобы «вертѣть» ими. Съ другой стороны, Ларра далеко не сразу почувствовалъ боль и скорбь одиночества: онъ наслаждался имъ «не одинъ десятокъ длинныхъ годовъ», и вернулся онъ къ людямъ потому, что его потянуло къ страданію. Въ

цѣломъ получается нѣчто смутное, загадочное, какъ бы еще только прорѣзывающееся и, повидимому, оправдывающее претензію Аристида Кувалды: мы новость въ исторіи, намъ нужны новыя воззрѣнія на жизнь...

Появленію такихъ ли, сякихъ ли «новыхъ людей», не въ видѣ одинокихъ ласточекъ, которыя весны не дѣлаютъ, а въ видѣ цѣлаго «класса», какъ это утверждаетъ относительно своихъ босяковъ г. Горькій, должно соотвѣтствовать извѣстное измѣненіе общественныхъ условій. Но послѣ всего сказаннаго, едва ли есть какая нибудь надобность доказывать, что герои г. Горькаго «класса» не составляютъ, какъ въ силу неопредѣленности ихъ положенія, такъ и въ особенности въ силу проникающаго все ихъ существо индивидуализма, исключающаго возможность прочной группировки. Это, однако, еще ничего не говоритъ противъ ихъ «новости». Но мы видѣли, что г. Горькій даже не коснулся тѣхъ внѣшнихъ, объективныхъ условій, которыя дѣйствительно только въ наше время создаютъ босяковъ; что, вслѣдствіе этого, его «новые» босяки по происхожденію ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ гулящихъ людей и голи кабацкой и даже напоминаютъ собою времена кочевого быта. Это подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рядахъ героевъ г. Горькаго есть настоящіе кочевники, ничѣмъ собственно изъ нихъ рѣзко не выдѣляясь. Зобаръ, Радда, Данко, Ларра—существа фантастическія или, по крайней мѣрѣ, легендарныя; поэтому ихъ, пожалуй, и нельзя брать въ счетъ, хотя и то уже достойно вниманія, что эти созданія фантазіи помѣщены въ условія кочевого быта. Но Изергиль, Макаръ Чудра—цыгане, изъ тѣхъ, которые «шумною толпой по Бессарабіи кочуютъ», то есть настоящіе, живые кочевники, насколько они удержались въ условіяхъ современной европейской жизни. А между тѣмъ ихъ мысли, чувства, поступки въ общемъ совершенно тѣ же, что у Мальвы, Гришки, Кузьки-Косяка и проч. Значитъ, какая же это «новость»? Это, напротивъ, нѣчто очень старое, давно пережитое исторіей, лишь кое-гдѣ сохранившееся въ урѣзанномъ видѣ и не имѣющее никакой связи со вступительной картиной разсказа «Челкашъ», гдѣ «гранитъ, желѣзо, дерево, мостовая гавани, суда и люди,—все дышетъ мощными звуками бѣшено-страстнаго гимна Меркурію».

Если, однако, «новость» героевъ г. Горькаго ни единою чертою не оправдана съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, порождающаго ихъ историческаго процесса, то, какъ я уже говорилъ, въ ихъ психогіи есть нѣчто дѣйствительно новое. Но въ такомъ случаѣ можно ожидать, что въ психологію кочевниковъ—Изергили, Макара Чудры и ихъ отраженій въ мірѣ фантазіи и легенды, то есть Зобара, Ларры и проч.—авторъ ввелъ нѣкоторыя произвольныя, не соотвѣтствующія дѣйствительности черты. Такъ оно и есть.

Слово «чандалы». подвернувшееся мнѣ для обозначенія нашихъ босяковъ и европейскаго Lumpenproletariat'a, наводитъ на нѣко-

торыя любопытныя сближенія. Существуетъ мнѣніе, что цыгане суть потомки индійскихъ чандаловъ, когда-то выселившихся или выселенныхъ изъ родины. Чандалы же индійскіе суть отверженцы разныхъ кастъ, цементированные національнымъ элементомъ туземнаго, до-арійскаго населенія и затѣмъ строгими постановленіями суровыхъ индусскихъ законовъ и обычаевъ. Дѣйствительно ли цыгане ихъ потомки, или нѣтъ, но они во всякомъ случаѣ представляютъ собою отверженное (или отвергнувшее) *племя*, распадающееся, какъ и всѣ кочевники, не непосредственно на индивидуальные атомы, а на орды, таборы, роды, семьи. Сообразно этому, свобода и свободолюбіе кочевого человѣка представляютъ собою нѣчто очень относительное: онъ съ трудомъ переноситъ ограниченія, налагаемыя условіями цивилизованной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко стиснутъ тѣми общественными единицами, въ составъ которыхъ входитъ. Объ цыганской вольной жизни мы имѣемъ совершенно фантастическія представленія, основанныя главнымъ образомъ на разныхъ «цыганскихъ романсахъ». Въ дѣйствительности, цыганъ и особенно цыганка находятся въ полной власти своего табора, что сохранилось даже въ тѣхъ цыганскихъ «хорахъ», которые даютъ намъ свои концерты; и не только находятся во власти, но и не тяготятся этими узами, доколѣ остаются настоящими, типическими цыганами. Кочевникъ любитъ свободу, но совсѣмъ не такъ и не такую, какъ современный босякъ, и обратно—какой нибудь Кузька Косякъ или Сережка или Коноваловъ, при всей своей склонности къ бродяжеству, почувствовали бы себя очень плохо въ таборѣ, въ которомъ такъ хорошо уживается Макаръ Чудра, тоже исповѣдующій принципъ вѣчнаго бродяжества. Кочевникъ бродяжитъ цѣлой ордой, таборомъ, стадомъ, съ которымъ связанъ самыми тѣсными узами, а Сережка и Кузька бродяжатъ въ одиночку и никакихъ узъ не знаютъ или не хотятъ знать. Въ этомъ и состоитъ ихъ «новость», но не только въ этомъ.

Слово «чандалы» наводитъ еще на одну справку. Выше были указаны нѣкоторыя точки соприкосновенія г. Горькаго съ Достоевскимъ. А въ 1894 г., излагая на этихъ же страницахъ съ нѣкоторою подробностію ученіе Фр. Ницше, я отмѣтилъ подобныя же точки соприкосновенія съ Достоевскимъ — несчастнаго нѣмецкаго мыслителя. Указывалъ я и на необыкновенное уваженіе, съ которымъ Ницше относился къ нашему художнику, знакомому ему, повидимому, только по «Запискамъ изъ мертваго дома». Въ одномъ изъ своихъ сочиненій («Götzen-Dämmerung»), восторгаясь силою психологическаго анализа, съ которою Достоевскій проникаетъ въ душу обитателей Мертваго Дома, Ницше говоритъ о «чувствѣ чандала», чувствѣ «ненависти, мести и возстанія противъ всего существующаго», каковое чувство, дескать, живетъ въ душѣ каждаго сильнаго человѣка, не нашедшаго себѣ мѣста въ современномъ «покорномъ, посредственномъ, кастрированномъ обществѣ».

Думаю, что читатель не затруднится усмотрѣть это чувство въ герояхъ г. Горькаго. Но соблазнительная возможность сближенія съ идеями Ницше идетъ гораздо дальше.—Предупреждаю, что я отнюдь не думаю доказывать, что свое освѣщеніе жизни г. Горькій заимствовалъ у Ницше,—онъ нигдѣ о немъ не упоминаетъ (хотя нашелъ же случай упомянуть, напримѣръ, о Шопенгауерѣ) и, можетъ быть, совсѣмъ не знакомъ съ нимъ. Но тѣмъ интереснѣе совпаденіе, свидѣтельствующее о томъ, что извѣстныя идеи носятся въ воздухѣ, не только кристализуясь въ видѣ все растущаго множества поклонниковъ Ницше въ Европѣ, но вотъ и у насъ прорѣзывающихся самостоятельно, не говоря о людяхъ, прямо заимствующихъ свой свѣтъ отъ Ницше. Во всякомъ случаѣ Ницше со всѣмъ своимъ нравственно-политическимъ ученіемъ не былъ бы чужимъ среди философствующихъ босяковъ г. Горькаго.

Начать съ того, что одиночество играетъ въ соображеніяхъ Ницше не меньшую роль, чѣмъ въ мечтахъ и въ жизни босяковъ г. Горькаго. Ницше слагаетъ настоящіе гимны одиночеству и даже предлагаетъ установить новую научную дисциплину: рядомъ съ наукой объ обществѣ, Gesellschaftslehre, — науку объ одиночествѣ, Einsamkeistslehre. Но одиночество не только драгоцѣнно и, какъ таковое, составляетъ законный предметъ мечтаній; оно неизбѣжно для всякаго сильнаго человѣка, такъ какъ любая общественная форма требуетъ отъ него уступокъ хоть какой нибудь части его *я*, а онъ на подобныя уступки согласиться, по самой своей природѣ, не можетъ *).

Но, кромѣ сильныхъ, существуютъ и слабые, охотно подчиняющіеся многоразличнымъ ограниченіямъ свободы, да и для сильныхъ Einsamkeitslehre не исключаетъ надобности въ Gesellshaftslehre,—не потому, чтобы одиночество было невозможно: Ницше не знаетъ ничего лучшаго, какъ «погибнуть на великомъ и невозможномъ»; и не потому, чтобы одиночество доставляло страданія: Ницше готовъ принять страданіе, и высшее наслажденіе для него состоитъ въ борьбѣ со всѣми ея положительными и отрицательными шансами; но главнымъ образомъ потому, что въ сильныхъ живетъ Wille zur Macht, «воля къ власти», какъ у насъ буквально переводятъ. Эта жажда власти, могущества есть, по мнѣнію Ницше, главный двигатель исторіи и тѣсно связана съ однимъ изъ коренныхъ свойствъ человѣческой природы,—жестокостью: «видъ страданія доставляетъ

*) Когда Ларру спросили, зачѣмъ онъ убилъ дѣвушку (см. выше), онъ отвѣчалъ: «она оттолкнула меня, а мнѣ было нужно ее».—«Но вѣдь она не твоя»? сказали ему.—Развѣ вы пользуетесь только своимъ? Я вижу, что каждый человѣкъ имѣетъ своего только рѣчь, руки и ноги, а владѣетъ онъ животными, женщинами, землей и многимъ еще.--Ему сказали на это, что за все, что человѣкъ беретъ, онъ платитъ собой,—своимъ умомъ и силой, своей свободой и жизнью. А онъ отвѣчалъ, что онъ хочетъ сохранить себя цѣлымъ» (Горькій, II, 297—298).

удовольствіе, причиненіе страданія доставляетъ еще большее удовольствіе; таковъ жесткій, но старый и могущественный законъ» (Genealogie der Moral). Аскетическая практика самоистязанія въ ея свирѣпыхъ формахъ имѣетъ тотъ же источникъ: за отсутствіемъ или недосягаемостью другихъ, индійскій фанатикъ и т. п. терзаетъ свое собственное тѣло и притомъ наслаждается своимъ превосходствомъ надъ тѣми, кто не въ силахъ это дѣлать. Слабость, трусость, лицемѣріе часто заслоняютъ эти коренныя свойства человѣческой природы и въ настоящее время у цивилизованныхъ народовъ создали «мораль рабовъ» въ противоположность «морали господъ», которую нѣкогда исповѣдывали сильные, жизнерадостные, жестокіе, чувственные, властные люди,—«великолѣпныя, жаждущія побѣды и добычи животныя». То было время торжества красоты, силы, время здоровыхъ инстинктовъ, не изъѣденныхъ разсудочнымъ анализомъ и мертвящей рефлексіей *). Нынѣ торжествуетъ «мораль рабовъ», въ основаніи которой лежитъ кротость, смиреніе, покорность, умѣренность и аккуратность, не воздѣйствіе на обстоятельства, а подчиненіе имъ. Но временами прокидываются экземпляры прирожденныхъ «господъ», которымъ принадлежитъ будущее. Они суть прообразы «сверхъ-человѣка», имѣющаго наслѣдовать землю. Въ настоящее же время они суть чандалы, отверженные или отвергнувшіе носители чувствъ мести и ненависти ко всему существующему, не уживающіеся въ тѣхъ, если угодно, «ямахъ», которыя имъ предлагаются существующими условіями, и населяющіе Мертвый Домъ Достоевскаго. Но этотъ исходъ не единственный, это только случай побѣды прирожденнаго «господина» рабскимъ обществомъ; возможенъ и противоположный исходъ, когда чандалъ, преступившій всѣ законы и всю мораль рабскаго общества, становится его дѣйствительнымъ господиномъ: таковъ былъ Наполеонъ. (Напомню, что и для Раскольникова въ «Преступленіи и наказаніи», считавшаго себя необыкновеннымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ человѣкомъ, имѣющимъ право «преступить», Наполеонъ былъ идеаломъ).

Я не думаю, конечно, излагать здѣсь всѣ взгляды Ницше и оставляю въ сторонѣ многое, очень многое, въ томъ числѣ подробности о «сверхъ-человѣкѣ», о проповѣди «любви къ дальнему» взамѣнъ «любви къ ближнему» и т. п. Все это не имѣетъ своей параллели въ произведеніяхъ г. Горькаго. Для насъ интересна здѣсь только психологія чандаловъ. И, полагаю, никто не усомнится признать разительное сходство ея съ психологіей героевъ г. Горь-

*) Г. Горькій въ одномъ мѣстѣ раздумывается „о великомъ горящемъ сердцѣ Данка (а почему бы и не о Зобарѣ и Ларрѣ? Н. М.) и о человѣческой фантазіи, создавшей столько красивыхъ и сильныхъ легендъ, о старинѣ, въ которой были герои и подвиги, и о печальномъ времени, бѣдномъ сильными людьми и крупными событіями, богатомъ холоднымъ недовѣріемъ, смѣющимся надо всѣмъ,—жалкимъ временемъ мизерныхъ людей съ мертво-рожденными сердцами“ (II, 322).

каго. Кто, какъ не Ницшевскіе прирожденные господа этотъ Челкашъ въ противоположность рабу Гаврилѣ, Соколъ въ противоположность Ужу, Кузька-Косякъ въ противоположность мельнику, Данко въ противоположность всему табору, удалецъ Сережка въ противоположность разной деревенщинѣ, даже отчасти Чижъ въ противоположность Дятлу, или Макаръ Чудра, который учитъ автора: «Что-жъ, онъ родился затѣмъ, что ли, чтобы поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже могилы себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Жизнь степная понятна? Говоръ морской волны веселитъ ему сердце? Эге! Онъ рабъ какъ только родился и во всю жизнь рабъ».

Отмѣчу нѣкоторыя любопытныя детали. Ницше рекомендовалъ (въ «Morgenröthe») всѣмъ, кому тѣсно въ Европѣ и кто, конечно, чувствуетъ себя «господиномъ», удаляться въ дикія мѣста и тамъ основывать новыя государства, становясь во главѣ ихъ. Ницше, какъ сообщаютъ его біографы, и самъ одно время мечталъ о подобной роли. Не напоминаетъ ли это читателю мысленное переселеніе Коновалова на островъ Робинзона? Хотя Коноваловъ устранялъ оттуда даже Пятницу, но, какъ я уже говорилъ, по всей вѣроятности, скоро пожалѣлъ бы объ этомъ. По крайней мѣрѣ, Мальва мечтаетъ или жить далеко въ морѣ въ полномъ одиночествѣ и, слѣдовательно, никому не подчиняться, или «завертѣть бы каждаго человѣка, да и пустить волчкомъ вокругъ себя», то есть себѣ подчинить.

Мы видѣли, что босяки г. Горькаго не особенно мягко относятся къ своимъ дамамъ и бьютъ ихъ. А Ларра, осужденный на одиночество, приходилъ брать у своихъ соплеменниковъ силкомъ «скотъ, дѣвушекъ, все, что хотѣлъ». Значитъ, присутствіе женщинъ не нарушало его одиночества, женщина въ счетъ не идетъ. Для Ницше женщина «изящная и опасная игрушка», высшею мечтою которой должна быть надежда родить сверхъ-человѣка. А мудрая старушка совѣтуетъ Заратустрѣ: «если ты идешь къ женщинѣ, не забудь захватить кнутъ». Но, конечно, и мудрая старушка, и самъ Заратустра сдѣлали бы исключеніе, напримѣръ, для Радды, которая, будучи прирожденной «госпожей», столь же мало способна подчиниться Зобару, какъ и онъ ей.

Еще одно— и послѣднее—мелкое замѣчаніе, оправдать которое предоставляю самому читателю: кто читалъ статью Ницше «Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben», тотъ можетъ принять разсказъ г. Горькаго о Чижѣ и Дятлѣ чуть не за художественный комментарій къ этой статьѣ...

Что изъ всего этого слѣдуетъ? Прежде всего то, что больной нѣмецкій мыслитель-художникъ, произведенія котораго переполнены странностями, противорѣчіями, произвольными положеніями и выводами, но тѣмъ не менѣе высокообразованный и высокодаровитый, а нѣкоторые утверждаютъ—даже геніальный, что этотъ мыслитель-художникъ можетъ занять мѣсто среди русскихъ Челкашей, Сере-

жекъ, Кузекъ и прочихъ грубыхъ, пьяныхъ, преступныхъ, невѣжественныхъ героевъ г. Горькаго. Это не такъ странно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Съ одной стороны, самъ Ницше различаетъ чандаловъ—обитателей Мертваго Дома и чандаловъ—Наполеоновъ, причемъ различіе это устанавливаетъ не по существу, а по случайностямъ судьбы тѣхъ и другихъ; съ другой стороны, и въ коллекціи г. Горькаго есть не только Сережки и Кузьки, а и облитые поэтическимъ ореоломъ Зобары, Данки, Соколы, Ларры. Наконецъ, мы имѣемъ еще промежуточное звено въ лицѣ многихъ героевъ Достоевскаго, каковы не только обитатели Мертваго Дома, приближающіеся къ Сережкамъ и Челкашамъ, а и Ставрогины, Раскольниковы и проч., приближающіеся къ Зобарамъ, Ларрамъ, Наполеонамъ.

Повторяю, я отнюдь не утверждаю, что на г. Горькаго имѣлъ вліяніе Ницше, и склоненъ напротивъ думать, что это именно совпаденіе, а не сознательное усвоеніе или безсознательное подражаніе. Вліяніе Достоевскаго можетъ быть достовѣрнѣе. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ трехъ писателей, весьма различныхъ, повидимому, и по совокупности образа мыслей, и по степени таланта, и по формѣ работы, но сосредоточившихъ свое вниманіе на однихъ и тѣхъ же явленіяхъ душевной жизни, весьма мало изученныхъ. И, повидимому, эти явленія становятся все ярче, замѣтнѣе, потому что вотъ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ они нашли себѣ теоретическое обоснованіе и апологію въ ученіи Ницше.

Надо, однако, замѣтить, что физіономія Ницше представляетъ собою нѣчто чрезвычайно сложное и противорѣчивое, въ виду чего въ Европѣ, несомнѣнно переживающей нынѣ нѣкоторый духовный кризисъ, имъ интересуются, желаютъ опереться на него или причислить его къ своимъ люди чрезвычайно различныхъ направленій. Не говорю о тѣхъ, кто гонится за всякой новинкой, какова бы она ни была, лишь бы это было хронологически «послѣднее слово», и кого ни къ чему не обязываетъ это послѣднее слово, изъ котораго они, впрочемъ, и корысти никакой не извлекаютъ, а такъ себѣ, какъ перо на шляпѣ носятъ. Но вотъ, напримѣръ, нравственно распущенные люди, люди sans foi ni loi пожелали опереться на «имморализмъ» Ницше; и совершенно напрасно, потому что хотя онъ и самъ называлъ себя «имморалистомъ», но, въ сущности, онъ настоящій моралистъ, притомъ очень строгій, только его мораль рѣзко отличается отъ нынѣ общепризнанной. Въ Европѣ все растетъ разочарованіе въ общественныхъ формахъ, выработанныхъ ея исторіей, и не только реальныхъ, но и въ тѣхъ градущихъ формахъ, которыя вырабатываются различными соціалистическими системами. Однимъ изъ плодовъ этого разочарованія является анархизмъ. Нѣкоторые изъ исповѣдующихъ анархизмъ и привѣтствовали Ницше. Они имѣли для этого нѣкоторое основаніе въ той части его ученія, которая безпо-

щадно разрушаетъ всё, какъ реальныя, такъ и идеальныя общественныя формы, дескать, стѣсняющія и урѣзывающія личность, а также и еще кое въ чемъ. Но, узнавъ объ этомъ, Ницше вложилъ въ уста своему Заратустрѣ такія слова: «Есть люди, проповѣдующіе мое ученіе о жизни; и въ то же время это проповѣдники равенства и тарантулы. Я не хочу, чтобы меня смѣшивали съ этими проповѣдниками равенства». И дѣйствительно, трудно найти большаго ненавистника идеи равенства, тѣмъ Ницше. Его ученіе аристократическое durch und durch, какъ говорятъ нѣмцы. О рабочихъ онъ выражается такъ: «побралъ бы ихъ чортъ и статистика»; къ толпѣ, партіи, большинству, множеству, массамъ, народу онъ относится съ величайшимъ презрѣніемъ, не примыкая, однако, ни къ одному изъ существующихъ аристократическихъ теченій и, напротивъ, громя наличныя аристократіи рода и капитала. Однако, и въ этомъ отношеніи есть въ европейской литературѣ явленія, которыя можно поставить въ связь съ ученіемъ Ницше. Это, во первыхъ, нѣкоторые отроги дарвинизма (какъ читатель могъ видѣть хотя бы изъ недавней нашей бесѣды о книгѣ «Von Darwin bis Nietzsche»). Это, во вторыхъ, рядъ если не прямо аристократическихъ, то во всякомъ случаѣ анти-демократическихъ толкованій вопроса о «герояхъ и толпѣ» *). Наконецъ и нѣкоторые декаденты не безъ основанія признаютъ Ницше своимъ, хотя должны бы это дѣлать съ большими оговорками.

Все это я говорю, какъ вообще въ виду растущаго у насъ интереса къ ученію Ницше **), такъ въ частности для убѣжденія читателя въ томъ, что усвоеніе той или другой стороны этого ученія, а тѣмъ болѣе совпаденіе съ одной изъ нихъ, отнюдь не обязательно ведетъ къ принятію всего Ницше. Въ данномъ случаѣ у насъ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о нѣкоторыхъ темныхъ явленіяхъ душевной жизни, которыя въ нашей литературѣ разрабатывались Достоевскимъ совершенно самостоятельно и раньше Ницше; причемъ общее міровоззрѣніе Достоевскаго рѣзко отличается отъ міровоззрѣнія Ницше и во многихъ отношеніяхъ даже прямо противоположно: если бы Ницше зналъ всего Достоевскаго, то, конечно, не отзывался бы объ немъ съ такою восторженностью, какъ теперь.

---

*) Вопросъ этотъ очень занимаетъ европейскую литературу. Не говоря объ извѣстныхъ и русскимъ читателямъ сочиненіяхъ Тарда, Сигеле, Лебона, то и дѣло появляются на эту тему новыя книги и журнальныя статьи.

**) Въ самое послѣднее время, кромѣ журнальныхъ статей, появились Алоизъ Риль и Г. Зиммель, «Фридрихъ Ницше» (очеркъ Риля появился и раньше, въ другомъ изданіи); Германъ Тюркъ, «Философія эгоизма» (сокращенный и довольно произвольный переводъ отрывка изъ книги «Der geniale Mensch»); «Графъ Л. Н. Толстой и Фридрихъ Ницше. Очеркъ философско-нравственнаго ихъ міровоззрѣнія», проф. В. Г. Щеглова.

Что касается г. Максима Горькаго, то онъ еще слишкомъ молодъ (разумѣю, конечно, литературную молодость) и недостаточно опредѣлился, чтобы можно было судить, какъ объ его общемъ мiровоззрѣнiи, такъ и о его дальнѣйшей литературной карьерѣ. Его талантливость, наблюдательность и оригинальность не подлежатъ сомнѣнiю. Но все это можетъ въ будущемъ и расцвѣсть пышнымъ цвѣткомъ, и если не изсякнуть, то затеряться въ погонѣ за психологическими тонкостями, въ своего рода психологической гастрономiи, презирающей здоровое и питательное и ищущей остраго, пряного, рѣдкаго и исключительнаго. Конечно, и рѣдкое вполнѣ достойно нашего вниманiя, тѣмъ болѣе, что оно часто оттѣняетъ собою и, слѣдовательно, уясняетъ общiе душевные процессы. Но психологическiе гастрономы,—къ числу которыхъ и Достоевскiй принадлежалъ,—склонны, во первыхъ, придавать исключительному слишкомъ общее значенiе, а, во вторыхъ, искусственно и произвольно составлять разныя пикантныя комбинацiи.

«Декаденты—тонкiе люди. Тонкiе и острые, какъ иглы, они глубоко вонзаются въ неизвѣстное». Это говоритъ у г. Горькаго одинъ изъ героевъ разсказа «Ошибка» (II, 350). Я до сихъ поръ не касался этого страннаго разсказа, стоящаго особнякомъ въ двухъ томикахъ г. Горькаго, но ясно указывающаго, мнѣ кажется, на тѣ опасности, которыя грозятъ автору на его дальнѣйшемъ литературномъ пути. Декаденты (конечно, искреннiе, потому что есть и просто ломающiеся, ради интересной позы) желали бы быть подобны тонкимъ и острымъ игламъ, глубоко вонзающимся въ неизвѣстное, но въ дѣйствительности закутываютъ туманомъ и извращаютъ вычурностью часто даже вполнѣ извѣстное. И вотъ этотъ-то туманъ и эта вычурность вмѣсто искомой тончайшей правды грозятъ и г. Горькому. Онъ можетъ считать себя неотвѣтственнымъ за приведенную хвалу декадентамъ, потому что высказываетъ ее психически-больной Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Ярославцеву, такъ и другому дѣйствующему лицу, тоже психически-больному Марку Даниловичу Кравцову, приписаны мысли и настроенiя, общiя всѣмъ босякамъ г. Горькаго (хотя и Ярославцевъ, и Кравцовъ не босяки) и очевидно очень занимающiя автора. Тутъ и «человѣкъ, къ жизни не причастный и отъ нея отторгнутый», и жажда подвига, и афоризмъ: «жалость и жестокость! да вѣдь это два совершенно однородныя слова»; и желанiе «вывести вонъ изъ жизни всѣхъ тѣхъ людей, которые, не смотря на свои пятна, всетаки самые свѣтлые люди жизни»; и предложенiе «выйти за границы жизни въ песчаныя необитаемыя пустыни», и т. д. Сомнѣваюсь, чтобы спецiалистъ психiатръ нашелъ картины болѣзни Ярославцева и Кравцова соотвѣтствующими дѣйствительности; думаю, что это совершенно произвольная психiатрiя. А вмѣстѣ съ тѣмъ не выясняются и такъ занимающiя г. Горькаго мысли и на-

строенія, потому что двое сумасшедшихъ, конечно, могутъ только запутать дѣло.

Остановимся хоть на одномъ пунктѣ. «Жалость и жестокость—два совершенно однородныя слова», и Ярославцеву «удивительно, какъ это до сей поры никто не замѣчалъ, что это синонимы по смыслу». Это одна изъ варьяцій на тему о границахъ наслажденія и страданія. Но вотъ какъ иллюстрируетъ свой афоризмъ Ярославцевъ. Однажды въ деревнѣ онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: телка упала въ оврагъ и сломала себѣ переднія ноги; собралась толпа; она «стояла вокругъ телки и больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ состраданіемъ, наблюдала за ея движеніями и слушала ея стоны»; подошелъ кузнецъ Матвѣй и, обругавъ «дурачьемъ» «любующихся» на страданія телки, ударилъ ее по головѣ желѣзной полосой и тѣмъ прекратилъ страданія. Ярославцевъ заключаетъ: «Вотъ онъ какъ жалѣлъ, этотъ Матвѣй! Можетъ быть онъ такъ же бы поступилъ и съ человѣкомъ безнадежно больнымъ. Морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо. Я люблю хорошее, и это морально; я слабъ и, значитъ, я хорошъ! Вотъ какъ!»—Я уже не говорю о полной безсмыслицѣ послѣднихъ словъ, тутъ даже и разобрать ничего нельзя. Но возьмемъ самый фактъ, иллюстрирующій положеніе о тождественности жалости и жестокости. Ясно, что жестока была толпа, если она «любовалась» зрѣлищемъ страданій телки, и тутъ можно подозрѣвать загадочную смѣсь жестокости и состраданія, но кузнецъ Матвѣй очевидно не годится для иллюстраціи тождества жалости и жестокости. Жестокость причиняетъ страданіе или любуется на него, а кузнецъ обругалъ любующихся и прекратилъ страданіе. Нѣтъ, значитъ, никакого повода дѣлать изъ этого простого и яснаго факта что-то загадочное, таинственное, для проникновенія въ которое требуются тонкія и острыя иглы декадентства.

Интереснѣе изреченіе Ярославцева: «это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо». Это говоритъ психически больной человѣкъ, и слѣдовательно опять таки авторъ за эти слова не отвѣтственъ. Но то, что поднимаетъ надъ окружающими всѣхъ босяковъ г. Горькаго,—очищенныхъ и неочищенныхъ, реальныхъ и легендарныхъ или символическихъ,—есть сила, и именно «прежде всего сила». Куда она направится,—на величайшій ли подвигъ самоотверженія или на величайшее, даже фантастическое злодѣйство,—это вопросъ второй и даже, можетъ быть, безразличный: «это сильно, *прежде всего* сильно, и *потому* оно морально и хорошо». Такъ склонны смотрѣть всѣ босяки г. Горькаго, стирая общепризнанныя, по крайней мѣрѣ на словахъ, границы между добромъ и зломъ и требуя, устами философствующаго отставного ротмистра Аристида Кувалды, «новыхъ» критеріевъ морали. Смѣлость и откровенность, съ которыми отверженцы ставятъ и даже практически

разрѣшаютъ этотъ вопросъ, импонируютъ окружающимъ, а босяковъ очищенныхъ, легендарныхъ даже окружаютъ блескомъ поэтическаго ореола. Очевидно, однако, что, признавъ вмѣстѣ съ ними «прежде всего силу» верховнымъ критеріемъ морали, мы оказались бы во власти цѣлой сѣти недоразумѣній, изъ которыхъ остановимся на одномъ. Герои г. Горькаго «жадны жить», ищутъ «возбужденія *всей* души». Формы, въ которыхъ проявляется эта жадность, обусловливаются обстоятельствами времени и мѣста; если бы, напримѣръ, жизнь предлагала героямъ г. Горькаго не «ямы», а достаточное «возбужденіе всей души» на мѣстѣ, то имъ незачѣмъ было бы бродяжить. Какъ бы мы ни относились, однако, ко всѣмъ этимъ частностямъ, нельзя не остановиться на томъ, что изъ разнообразныхъ отношеній къ людямъ, какія могутъ «возбуждать душу», они выше всего ставятъ мотивы властнаго, повелительнаго воздѣйствія, которое способны доводить до жестокости и мучительства, и слѣдовательно роютъ другимъ возмутительнѣйшія «ямы»; а нѣтъ почему нибудь поприща для такого воздѣйствія,—такъ и совсѣмъ не надо людей, можно и въ одиночку прожить, или же—смерть (вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ, какъ въ мечтахъ Кувалды и Орлова, или вмѣстѣ съ непокоряющимся субъектомъ, какъ въ случаѣ Зобара и Радды). «Жадность жить», требующая «возбужденія всей души», есть явленіе законное и желательное, дѣйствительно способное образовать собою психологическій фундаментъ высокой морали. Жалки люди, не знающіе этой жадности и соглашающіеся быть инструментами съ оборванными струнами; но если и признать, что Wille zur Macht, жажда власти, превосходства, есть необходимая струна человѣческой души, то все же она лишь одна изъ струнъ и при «возбужденіи *всей* души» ея звуки должны гармонически умѣряться иными звуками. Разъ мы это признаемъ, мы тотчасъ увидимъ несостоятельность тезиса: «Это прежде всего сильно и потому морально и хорошо»; увидимъ и разницу между дѣйствіями Данка, съ одной стороны, и Ларры—съ другой, между мечтой Орлова спасти Россію отъ холеры и его же мечтой перебить всѣхъ жидовъ или раздробить землю въ пыль. Пусть Данко руководился жаждою первенства и власти, когда шелъ впереди своихъ людей изъ лѣсу, освѣщая имъ путь своимъ горящимъ сердцемъ,—но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сострадалъ этимъ людямъ, переживалъ ихъ жизнь; слѣдовательно, въ его душѣ звенѣла, по крайней мѣрѣ, одна лишняя струна по сравненію съ Ларрой, который оказался неспособнымъ переживать чужую жизнь и только желалъ «быть первымъ». Пусть честолюбіе было однимъ изъ мотивовъ Орлова, когда онъ хотѣлъ на смерть схватиться съ холерой, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ переживалъ жизнь видѣнныхъ имъ въ холерной больницѣ страдальцевъ; слѣдовательно, его жизнь была въ этотъ моментъ полнѣе, богаче, чѣмъ тогда, когда онъ, именно отъ пустоты жизни, мечталъ объ избіеніи жидовъ и раздробленіи земли. Разница, кажется, достаточно ясная

для того, чтобы мы могли, именно съ точки зрѣнія «жадности жить», отвергнуть положеніе: «это прежде всего сильно, а потому морально и хорошо». «Учитель» въ «Бывшихъ людяхъ» не забылъ римской исторіи и знаетъ, что «гольтепа создала Римъ». Согласился ли бы онъ съ приведеннымъ положеніемъ, если бы его ему иллюстрировали такъ: Неронъ сжегъ Римъ, распиналъ и отдавалъ на съѣденіе звѣрямъ разную «гольтепу», не отказывая себѣ, впрочемъ, въ удовольствіи казнить и знатныхъ, и богатыхъ,—это было сильно, а потому морально и хорошо; Спартакъ сплотилъ разную «гольтепу» и три года держалъ міродержавный Римъ въ страхѣ,—это было сильно, а потому морально и хорошо. Боюсь, что по пристрастію къ «гольтепѣ», довольно, впрочемъ, въ его положеніи естественному, «учитель» нашелъ бы, что никакія декадентскія иглы, какъ бы онѣ ни были остры и тонки, не сошьютъ эти два явленія въ однородное цѣлое.

Мнѣ кажется, что г. Горькаго одолѣваетъ нѣкоторая не совсѣмъ для него самого ясная идея; именно одолѣваетъ, не смотря на свою неясность, а можетъ быть благодаря этой неясности. И только когда онъ отъ ея гнета такъ или иначе освободится,—совсѣмъ ли ее отброситъ или вполнѣ овладѣетъ ею,—мы получимъ возможность окончательно судить о размѣрахъ и значеніи пріобрѣтенія, сдѣланнаго въ его лицѣ нашей литературой. Какъ ни несомнѣнно его знакомство съ изображаемымъ имъ міромъ, но слишкомъ подозрительна эта частая повторяемость однихъ и тѣхъ же (очень, впрочемъ, интересныхъ) мотивовъ, даже однихъ и тѣхъ же выраженій, словъ; тѣмъ болѣе подозрительна, что эти мотивы и выраженія г. Горькій предоставляетъ и не босякамъ: существамъ фантастическимъ и аллегорическимъ, а также двумъ сумасшедшимъ. Это свидѣтельствуетъ, я думаю, что къ своимъ наблюденіямъ г. Горькій прибавляетъ кое что, имъ не наблюдавшееся, но его самого очень занимающее. Это бы еще не бѣда, но—да простится мнѣ грубоватое и можетъ быть не совсѣмъ удачное слово—г. Горькій еще не переварилъ того, что его такъ занимаетъ, не усвоилъ настолько, чтобы претворять въ образы и картины. Идея, занимающая автора, не сливается въ одно органическое цѣлое съ его наблюденіями, авторъ ее подсовываетъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Отсюда многія художественныя безтактности, объ которыхъ я уже упоминалъ и распространяться объ которыхъ мнѣ не хочется.

Къ сожалѣнію, г. Горькому грозитъ въ будущемъ нѣчто гораздо худшее, чѣмъ эти досадныя безтактности, а именно—«тонкія и острыя иглы декадентства», которыя въ дѣйствительности не только не тонки и не остры, а, напротивъ, очень грубы и тупы.

Но въ двухъ томикахъ г. Горькаго есть и совсѣмъ иного рода задатки. Босяки занимаютъ въ этихъ двухъ томикахъ столько мѣ-

ста и авторъ такими усиленными эффектами привлекаетъ къ нимъ вниманіе читателей, что неудивительно, если критика просто даже не замѣтила двухъ разсказовъ или очерковъ, не имѣющихъ къ босякамъ никакого отношенія, ни прямого, ни косвеннаго, ни реальнаго, ни аллегорическаго. Это, во первыхъ, «Ярмарка въ Голтвѣ»,—маленькій очеркъ, написанный безъ претензій на какую нибудь глубину или «проникновеніе», бездѣлка, но вся пропитанная какимъ-то мягкимъ, свѣтлымъ юморомъ, производящимъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что этого элемента совсѣмъ нѣтъ въ другихъ произведеніяхъ г. Горькаго. Это, во вторыхъ, разсказъ «Скуки ради», гораздо болѣе серьезный и значительный по замыслу и истинно превосходный по исполненію. Самое чуткое ухо не услышитъ здѣсь ни одной фальшивой ноты, самая строгая рука не вычеркнетъ и не прибавитъ ни одного слова. И хотя тутъ нѣтъ ни одного босяка и никто не жалуется на «яму», но читатель и безъ авторскаго подсказыванія, самъ скажетъ: какая яма! какая ужасная яма эта жизнь, въ которой «скуки ради» продѣлывается возмутительнѣйшее издѣвательство надъ людьми! Продѣлывается не злобно, а именно только скуки ради, какъ суррогатъ настоящей жизни. И сами эти жестокіе забавники, творящіе издѣвательство, но не вѣдающіе, что творятъ, вызываютъ, не смотря на свою отупѣлость, едва ли даже не больше сожалѣнія, чѣмъ ихъ жертвы; ибо и они, эти жестокіе забавники,—жертвы «ямы»... Разсказъ этотъ такъ цѣленъ и въ цѣльности своей хорошъ, что я не стану передавать его содержаніе или приводить отрывки изъ него,—и то и другое можетъ только ослабить впечатлѣніе.

Если къ этимъ двумъ задаткамъ, очень разной цѣны, но одинаково цѣльнымъ и законченнымъ, прибавить отдѣльныя страницы въ родѣ вышеупомянутой сцены пѣнія въ «Тоскѣ» и превосходные пейзажи, разсыпанные въ произведеніяхъ г. Горькаго, то станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ большой художественной силой. И неужели же этой силѣ суждено заглохнуть въ какой нибудь нашей «ямѣ» или увѣровать въ тонкость и остроту декадентскихъ иголъ?

Ник. Михайловскій.

Изъ Англіи.

I.

Въ послѣднее время цѣлый рядъ выплывшихъ фактовъ, заставилъ обратить общественное вниманіе Англіи на то положеніе, въ которомъ находятся «недисциплинированныя орды труда», какъ называютъ здѣсь женщинъ работницъ. Общественное вниманіе возбуждено настолько фактами, о которыхъ идетъ рѣчь дальше, что вопросъ сдѣлается предметомъ обсужденія въ парламентѣ въ ближайшую сессію.

Статистика говоритъ, что четырехмилліонная (4.103,485) армія труда въ Англіи почти на половину состоитъ изъ женщинъ. На фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества (textile factories, по терминологіи англійскаго законодательства) женщины составляютъ 61,7%.

Армія женщинъ на этихъ фабрикахъ все болѣе и болѣе растетъ сравнительно съ мужчинами. Не смотря на искушеніе, мнѣ не хочется начинать письмо скучными, хотя крайне убѣдительными таблицами. Ограничусь двумя-тремя цифрами. За пять лѣтъ, отъ 90—95 гг. число женщинъ работницъ увеличилось на 300,000, а за послѣднія сорокъ лѣтъ—на 2 милліона слишкомъ *). На фабрикахъ, обрабатывающихъ не волокнистыя вещества (non-textile factories, по англійской терминологіи) въ 1895 г. женщины составляли 17,9% всей арміи труда, тогда какъ въ 1890 г. лишь 15,5%.

Если же мы обратимся къ вознагражденію за трудъ, получаемому, какъ мужчинами, такъ и женщинами, то насъ поразитъ странная неравномѣрность. Въ общемъ, женщины работаютъ столько же, сколько и мужчины. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда ихъ рабочій день длиннѣе, чѣмъ мужской. Какъ увидимъ дальше, наиболѣе опасныя для жизни промыслы выполняются въ Англіи, по преимуществу, женщинами; между тѣмъ, заработная плата, получаемая женщинами поразительно не высока. Почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности она держится на томъ уровнѣ, который англійскіе экономисты опредѣляютъ, какъ «starvation wages». Возьмемъ тѣ же текстильныя фабрики. На хлопчатобумажныхъ фабрикахъ средняя плата для мужчинъ—25 ш. 3 п. въ недѣлю. 22,6% всѣхъ рабочихъ получаютъ отъ 30—35 ш. въ недѣлю, 4,9%—отъ 35—40 ш. и 2,5%—40 ш. и больше въ недѣлю. За то же количество труда, на тѣхъ же фабрикахъ максимальный заработокъ

*) См. таблицы въ «Hazell's Annual» за 1887 г. на стр. 124 и за 1888 г. на стр. 238.

женщины 15 ш. 3 п. въ недѣлю. На суконныхъ фабрикахъ средній заработокъ мужчины—23 ш. 2 пенса. Около 14% рабочихъ получаютъ отъ 25—30 ш. въ недѣлю, около 6%—отъ 30—35 ш. и 2—8%—40 ш. и больше. Женщины на суконныхъ фабрикахъ получаютъ 13 ш. 3 п. въ недѣлю. Это максимальная плата. На канатныхъ фабрикахъ средній недѣльный заработокъ мужчины 23 ш. 6 п. (около 1/2 всѣхъ рабочихъ получаютъ отъ 35—40 ш.). Максимальный же заработокъ женщины—9 ш. 8 п. Въ каменноугольномъ дѣлѣ, при равныхъ шансахъ на опасность, заработная плата мужчинъ и женщинъ находится въ соотношеніи какъ 3 : 1 (см. Constitutional Year-book 1898, pp. 418—419). «Говоря вообще,—все противъ женщины работницы теперь въ Англіи: ей достаются самыя тяжелыя условія работы; ее меньше всего охраняетъ законъ»,—говоритъ миссъ Форбъ, авторъ памфлета «Women's Wages». Огромная женская армія труда почти совершенно теперь не дисциплинирована. Въ ея рядахъ существуетъ ужасная конкурренція, губящая самихъ же состязающихся. Во многихъ отношеніяхъ мы видимъ такое же положеніе, какъ среди рабочихъ мужчинъ 60—70 лѣтъ тому назадъ.

Женская армія труда крайне пестра по своему составу. Даже въ рядахъ фабричныхъ и «потѣльщицъ», о которыхъ я только и буду говорить въ этомъ письмѣ, мы различаемъ нѣсколько рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга слоевъ, до послѣдняго времени почти не смѣшивавшихся другъ съ другомъ. Загляните вечеромъ въ Майлъ-Эндъ, гдѣ сосредоточены конфектныя и табачныя фабрики съ женскимъ рабочимъ населеніемъ. По тротуарамъ цѣлыми десятками, держась всѣ подъ руку, идутъ растрепанныя дѣвушки. На ихъ шляпкахъ качается огромный пучекъ разноцвѣтныхъ страусовыхъ перьевъ, большею частью ярко красныхъ или же зеленыхъ. Дѣвушки громко и пронзительно хохочутъ. Иныя запѣваютъ пѣсенку, подслушанную въ дешевомъ music-hall'ѣ. По субботамъ большинство этихъ дѣвушекъ идетъ подъ руку съ молодыми парнями, въ надвинутыхъ на затылокъ шапочкахъ, съ намотанными на шею цвѣтными фулярами. Эти дѣвушки—типичныя factory-girls, дочери докеровъ, каменщиковъ и пр., живущихъ въ Майлъ-Эндѣ же. Съ 13 лѣтъ онѣ на фабрикѣ. Съ 14—онѣ совершенно независимы, такъ какъ платятъ своимъ матерямъ за квартиру и за столъ по 5—6 шиллинговъ въ недѣлю. До самаго послѣдняго времени factory-girls составляли, по всей вѣроятности, наиболѣе невѣжественную часть англійскаго населенія. Большинство ихъ разучивается совершенно тому, что узнали въ начальной школѣ, которую обязаны посѣщать до 12 лѣтъ. Если нѣкоторыя сохранили вкусъ къ чтенію, то потребность удовлетворялась тѣми грубыми на «копѣйку ужасовъ», которыя, пожалуй, еще хуже нашего «Англійскаго милорда». Культурные англійскіе классы знали столько же о жизни «factory girls», сколько о нравахъ какихъ нибудь папуасовъ. На фабричныхъ дѣвушекъ и глядѣли,

какъ на своего рода папуасовъ, которые, по случайности, попали въ Англію, вмѣсто того, чтобы жить въ Австраліи. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ сдѣлалось извѣстнымъ въ англійской печати, что существуетъ какая-то ужасная система эксплоатаціи, называемая «системой выжиманія пота» (sweating system) и что жертвами ея является именно та бѣлая порода папуасокъ, которая проявляетъ такую странную предилекцію къ зеленымъ перьямъ. Тогда много писали о «потѣльщицахъ». Была назначена даже спеціальная парламентская коммиссія, собравшая массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Выяснилось, что система существуетъ вслѣдствіе многихъ причинъ; главныя изъ нихъ: отсутствіе государственнаго вмѣшательства и отсутствіе какой бы то ни было организаціи. Въ трэдъ-юніоны женщины не принимаются. Спеціально же женскихъ трэдъ-юніоновъ—нѣтъ. Приблизительно къ этому времени изъ богатыхъ лондонскихъ кварталовъ въ Майлъ Эндъ направились два типа миссіонерокъ. Однѣ—барыни филантропки, раздававшія дѣвушкамъ тоненькія брошюрки и говорившія имъ, что ругаться на улицѣ—скверно, что человѣкъ долженъ смирить діавола, сидящаго въ немъ. Среди этихъ барынь были нѣкоторыя, искренно желавшія улучшенія нравовъ фабричныхъ; но проповѣди не имѣли большого успѣха. Нѣсколько раньше чистыхъ филантропокъ явились «изслѣдовательницы», группировавшіяся впослѣдствіи въ университетскія поселенія, о которыхъ я писалъ уже. Эти изслѣдовательницы и доставили большую часть того огромнаго матеріала, который разсматривался парламентской коммиссіей. Часть этихъ изслѣдовательницъ поступали сами на фабрики, другія—становились учительницами, сборщицами податей, впослѣдствіи — фабричными инспекторами. Когда почва была изучена, изслѣдовательницы соединились вмѣстѣ и выработали сообща широкую программу дѣятельности. Мистриссъ Малетъ, одна изъ фабричныхъ инспекторовъ, въ своемъ докладѣ заявила: «Freedom is what women cry for, not philanthropy» (Женщинамъ нужна свобода, а не филантропія). «Фабричныхъ дѣвушекъ нужно научить тому, въ чемъ заключаются ихъ собственныя интересы»,—писала она дальше. Какъ сгруппировались изслѣдовательницы, — объ этомъ ниже.

Итакъ, первый слой въ «недисциплинированной ордѣ труда» это—«factory girls». За ними идетъ слой фабричныхъ дѣвушекъ, рѣзко отличающихся во всемъ отъ только что описанныхъ. Онѣ принадлежатъ не къ низшему классу, какъ полудикія factory girls, а къ среднимъ. Въ Лондонѣ клэркъ, получающій 120 ф. въ годъ, т. е. около 1200 руб., не можетъ содержать семьи. Дочери его идутъ на фабрику, чтобы заработать «карманныя деньги», какъ говорятъ онѣ. Эти деньги идутъ всецѣло на наряды. Подобно тому, какъ симпатіи «factory girls» тяготѣютъ всецѣло къ массамъ, симпатіи ихъ сотоварокъ изъ среднихъ классовъ всецѣло лежатъ на сторонѣ этихъ классовъ. Какъ и клерки, дочери ихъ всѣми силами души

презираютъ массы, съ которыми не желаютъ имѣть ничего общаго. Эти дѣвушки, по развитію и нравственному складу занимаютъ то же положеніе, какъ та обширная публика, выразителемъ которой являются уличныя газетки, описанныя уже мною. Чарльзъ Бутсъ въ своемъ капитальномъ трудѣ указываетъ на этихъ «барышень». фабричныхъ, какъ на крайне серьезную помѣху улучшенія положенія женщинъ фабричныхъ вообще. Третій слой это—замужнія женщины фабричныя. «Онѣ принадлежатъ очень часто къ числу наиболѣе трудолюбивыхъ поденщицъ; но, въ общемъ, онѣ имѣютъ самое пагубное вліяніе на своихъ сотоварокъ,—говоритъ Ч. Бутсъ.— Дѣло въ томъ, что всѣ эти замужнія женщины имѣли крайне горькій опытъ въ семейной жизни. Никогда порядочный англійскій рабочій не пуститъ свою жену на фабрику, даже если онъ зарабатываетъ не болѣе 18 шиллинговъ въ недѣлю. Тѣ 10 ш., которые она можетъ принести,—не покрываютъ брешей въ домѣ, производимыхъ отсутствіемъ матери и хозяйки. Идутъ на фабрику лишь тѣ, у которыхъ мужъ горькій пьяница или же преступникъ, оставляющій тюрьму лишь для кабака. Фабричная женщина, вслѣдствіе этого, постоянно является на работу избитая, окровавленная. Вѣчная семейная драма озлобляетъ ее до крайности». (Life and Labour of the People, v. IV, p. 313).

Таковы три основныхъ слоя «недисциплинированной орды труда». Въ этомъ письмѣ я хочу сдѣлать бѣглый очеркъ положенія работницы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Прежде всего о «потѣльщицахъ», т. е. о тѣхъ, которыя работаютъ поштучно на дому или же у «выжимателя», т. е. у посредника между работадателемъ и рабочимъ. Иллюстраціей можетъ служить картина, которую мнѣ пришлось наблюдать 16 января въ камерѣ коронера въ Шордичѣ. Говорятъ, драмы на сценѣ болѣе не волнуютъ культурныхъ зрителей: они заранѣе предвидятъ всѣ драматическія ситуаціи и могутъ заранѣе предсказать конецъ. Притомъ, культурные люди утеряли ту *непосредственность*, которую имѣли когда-то зрители, до такой степени входившіе въ игру, что лѣзли на сцену ловить злодѣя, чтобы казнить его собственнымъ судомъ. Чтобы вызвать хоть на время эту непосредственность, директоръ театра долженъ создавать декораціи, поразительныя до иллюзіи, создавать костюмы, гриммъ и т. д. Когда-то зритель довольствовался тѣмъ, что ему просто говорили: «здѣсь лѣсъ». И воображеніе быстро переносило его въ самую гущу лѣса, хотя на сценѣ, вмѣсто декораціи, висѣлъ лишь коверъ. Туристъ, которому всѣ драмы на сценѣ кажутся шаблонными,—долженъ заглянуть въ камеры англійскаго коронера. Здѣсь онъ каждый день увидитъ новую и потрясающую драму.

Коронеръ, вмѣстѣ съ присяжными, опредѣляли причину смерти Луизы Сары Петерсонъ, девяти недѣль отъ роду, дочери «потѣльщицы», шьющей туфли на дому. Первый свидѣтель, — отецъ ма-

ленькой покойницы, Джемсъ Петерсонъ, широкоплечій, но страшно исхудалый каменщикъ. Онъ показываетъ, что вотъ уже пять недѣль, какъ потерялъ работу, и съ тѣхъ поръ вся семья, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, живетъ лишь на тѣ нѣсколько пенсовъ, которые зарабатываетъ мать шитьемъ туфель. Покойную кормили грудью и коровьимъ молокомъ; но она умерла.

— Сколько заработала ваша жена съ тѣхъ поръ, какъ родился ребенокъ?—спрашиваетъ коронеръ.

— Шесть шиллинговъ.

— И вы всѣ жили на эти деньги, т. е. на два шиллинга въ недѣлю?

— Да мы вовсе и не жили, ваша честь! — грустно отвѣчаетъ свидѣтель.

— Что же вы дѣлали?

— На тѣ немногіе пенсы, которые удавалось заработать, мы покупали ѣду для дѣтей. Сами же мы оставались такъ.

— Сколько вы платите ренты?—спрашиваетъ коронеръ. Свидѣтель показываетъ, что 2 шиллинга въ недѣлю. Выступаетъ другая свидѣтельница, мать ребенка, чисто одѣтая, высокая, блѣдная женщина, Луиза Петерсонъ. Она говоритъ, что давала ребенку по полпинты молока въ день (нѣсколько меньше стакана). Коронеръ переспрашиваетъ, точно ли она заработывала лишь по 2 шил. въ недѣлю. Свидѣтельница, молча, киваетъ утвердительно головой. Полицейскій офицеръ, слѣдующій свидѣтель, говоритъ, что наводилъ самъ справки по этому дѣлу. Вся семья занимала одну маленькую комнатку. Она служила одновременно и мастерской, и спальней; не смотря на то, комнатка была чисто прибрана. Женщина шила туфли по 1¾ пенса за пару. Среди присяжныхъ замѣтно волненіе. Одинъ коротенькій джентельменъ съ тщательно подбритыми бакенбардами восклицаетъ: «Shame!» (стыдно!). Лицо у него краснѣетъ отъ негодованія, какъ кумачъ. Среди публики тоже замѣтно волненіе.

— При такой заработной платѣ нельзя имѣть даже хлѣба и чаю. Я не нашелъ во всей квартирѣ даже слѣдовъ пищи,— продолжаетъ свидѣтель. Онъ знаетъ, что свидѣтельница работала по 16 ч. въ сутки и все же могла добыть лишь 2 шил. въ недѣлю. («Позоръ для всей націи!»—слышу я взволнованный голосъ маленькаго джентельмена на скамьѣ присяжныхъ). Наступаетъ самый мрачный моментъ. Полицейскій докторъ показываетъ результаты, добытые вскрытіемъ трупа маленькаго покойника. Ребенокъ родился здоровымъ; но трупъ вѣсилъ лишь 4 ф. 7 унц., до такой степени малютка голодала при жизни. Внутренности были совершенно прозрачныя. Ребенокъ умеръ отъ голода. Присяжные вынесли соотвѣтственное рѣшеніе.

Этотъ случай не составляетъ исключенія. Въ началѣ 1898 года аналогичный фактъ обсуждался прессой. Общее заключеніе было

тогда то, что требуются настоятельныя реформы въ области «системы потѣнія». «Потѣльщицы» на дому почти никогда не вырабатываютъ шиллинга въ день; если у нихъ есть дѣти, доля ихъ такая же, какъ маленькой Сары Петерсонъ. Перехожу теперь къ «потѣльщицамъ», работающимъ въ мастерскихъ, или въ «берлогахъ», какъ ихъ называетъ печать, «выжимальщиковъ».

II.

Берлоги «выжимающихъ потъ» расположены по всѣмъ большимъ городамъ Англіи; много ихъ въ Лондонѣ, въ особенности въ восточной части, въ Уайтчепелѣ, гдѣ жертвами становятся, по преимуществу, еврейки-эмигрантки изъ сѣверо-западнаго края. Въ «Reynold's Newspaper» за 2 октября мы находимъ поистинѣ ужасную картину. «Выжимальщики», разсчитывая на почти даровой трудъ эмигрантокъ, открываютъ свои «берлоги» безъ всякаго капитала. Швейныя машины имъ даютъ на выплату, а матеріалъ забирается въ большихъ магазинахъ, на которые «выжимальщики» работаютъ. Часть выручки, полученной за забранную работу, идетъ на уплату жалованья работницамъ.

«Въ этихъ берлогахъ еврейки-эмигрантки иногда завалены почти непосильной работой; иногда же мертвый сезонъ (slack) продолжается нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ. Когда есть работа, женщины сидятъ обыкновенно отъ 7 час. утра до 9 вечера; за это время дѣлаются лишь два перерыва: одинъ часовой—для обѣда, другой—въ четверть часа для чая. Часто работаютъ до 11 и даже до 12 ч. ночи. Отнюдь не рѣдки случаи, что дѣвушка падаетъ въ обморокъ на скамьѣ отъ истощенія». Какъ только сезонъ кончается, «выжимальщикъ» прогоняетъ всѣхъ мастерицъ: онъ очень хорошо знаетъ, что можетъ ихъ набрать сколько угодно на любомъ эмигрантскомъ пароходѣ. Получаютъ ли «потѣльщицы» плату или же нѣтъ,—онѣ должны являться въ мастерскую, чтобы придать ей дѣловой видъ. «Выжимальщикъ» соблазняетъ придти тѣмъ, что, быть можетъ, набѣжитъ случайная работа.

Максимумъ платы, получаемой здѣсь искусной мастерицей-портнихой, папиросницей и т. д. равняется 7—8 ш. въ недѣлю. Поденщица, занятая работой, не требующей знанія (напр., прокалываніемъ дырочекъ въ башмакахъ для шнурковъ, обрѣзываніемъ излишняго табаку въ папиросахъ и т. д.), получаетъ отъ 4—5 шиллинговъ въ недѣлю. Чтобы набрать «потѣльщицъ,—говоритъ авторъ статьи въ «Reynold's Newpaper»,—«выжимальщикъ» отправляется въ доки, гдѣ почти каждую недѣлю прибываютъ изъ Гамбурга пароходы, съ евреями-эмигрантами изъ Россіи. Дѣвушка-эмигрантка, оглушенная шумомъ въ докахъ, не имѣя ни одной знакомой души, страшно рада, когда предъ ней является «благодѣтель», предлагающій ей квартиру и обѣщающій выучить ее ремеслу. Благодѣтель вообще обѣщаетъ

свое покровительство, пока дѣвушка освоится съ тѣмъ адомъ, которому имя Лондонъ. Очень часто она соглашается поступить «на выучку» на долгій срокъ, иногда на три года, безъ жалованья. Нерѣдко благодѣтель успѣваетъ даже выторговать себѣ небольшую плату «за выучку». Черезъ 2—3 дня эмигрантка вполнѣ усваиваетъ крайне спеціализированную работу и «потѣетъ» по 14—15 часовъ въ сутки, не получая за трудъ ни фартинга». Когда дѣвушки осваиваются нѣсколько съ новымъ мѣстомъ, онѣ узнаютъ, что закабалить ихъ не имѣютъ права, и бросаютъ «выжимальщика»; но онъ не унываетъ. На первомъ эмигрантскомъ пароходѣ онъ найдетъ вдоволь новыхъ «greeners». Болѣе молодыхъ «выжимальщикъ» нанимаетъ по контракту у родителей-эмигрантовъ, которые рады избавиться отъ лишняго рта. «Плата, получаемая эмигрантками,— продолжаетъ цитируемый авторъ, — совершенно недостаточна для удовлетворенія самыхъ основныхъ человѣческихъ требованій. Онѣ вѣчно живутъ впроголодь и питаются такъ: утромъ—чашка цикорія, забѣленная слегка снятымъ молокомъ, и ломоть чернаго хлѣба *). Обѣдъ состоитъ обыкновенно изъ хлѣба и перловаго супа съ бобами, заправленнаго жиромъ. Въ четыре часа мастерицы получаютъ отъ «выжимальщика» по чашкѣ чая, но хлѣбъ обязаны имѣть свой. Ужинъ состоитъ изъ хлѣба, куска селедки и чашки чая. По пятницамъ вечеромъ «menu» пополняется жареной рыбой, а по субботамъ — кусочкомъ мяса **). Я нисколько не преувеличу,— говоритъ цитируемый авторъ,—если скажу, что жизнь эмигрантокъ «потѣльщицъ» это—медленное умираніе отъ голода». Что касается жилищъ эмигрантокъ, то, въ лучшемъ случаѣ, это такъ называемыя block-dwellings, огромныя, неуклюжія, неуютныя казармы, которыя мнѣ пришлось описывать недавно подробно въ другомъ мѣстѣ (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за вторую половину сентября). Въ Block-dwellings, въ комнатѣ, едва могущей служить спальней для одного, спятъ вмѣстѣ пять, шесть, восемь, иногда двѣнадцать «потѣльщицъ». Онѣ нанимаютъ не комнату, а постель, плата по 1 ш. 6 п.—2 ш. за каждую. Въ одной постели спятъ 2—3 мастерицы. «Респектабельный» квартирохозяинъ мѣняетъ простыни разъ въ мѣсяцъ; а «нереспектабельный», т. е. почти всѣ, 2—3 раза въ годъ. Иногда домъ отъ погребовъ до чердаковъ набитъ ночлежницами-эмигрант-

---

*) Послѣдній, кажется, спеціально введенъ для выходцевъ изъ сѣверозападнаго края. Англійскія массы уже много десятилѣтій не знаютъ другого хлѣба, кромѣ бѣлаго. Въ Лондонскомъ «гето», т. е. въ Уайтчепелѣ, бѣлый хлѣбъ является на сцену лишь по субботамъ.

**) Нужно имѣть въ виду, что въ Англіи рабочій питается лучше, чѣмъ гдѣ либо на континентѣ. Центръ тяжести въ ѣдѣ перенесенъ съ хлѣба на мясо, жиръ и рыбу. Рабочій, получающій нормальную плату, имѣетъ здѣсь мясо три раза въ день: утромъ за чаемъ жареное, копченое сало, въ 12 часовъ полдникъ (lunch) изъ холоднаго мяса и вечеромъ обѣдъ. Минимальная плата, ниже которой начинается проголодь—въ Лондонѣ и въ большинствѣ большихъ городовъ—25 шил. въ недѣлю.

ками. Спятъ въ мастерской, въ кухнѣ, даже на лѣстницѣ. Эмигрантки-«потѣльщицы» подвержены всякаго рода болѣзнямъ, являющимся послѣдствіемъ недоѣданія, непосильной работы и плохого помѣщенія. Болѣзни спинного мозга, опухоль венъ, страданія въ суставахъ, цѣлый рядъ женскихъ болѣзней—встрѣчаются очень часто. Печальныя условія, въ концѣ концовъ, разрушаютъ всякую энергію. Дѣвушка-эмигрантка, прибывъ въ Англію, полна энергіи. Она мечтаетъ о счастливой жизни, строитъ широкіе планы, все рисуется ей въ розовыхъ краскахъ. Скоро «выжимальщикъ» отнимаетъ всякую энергію. Наступаетъ полная апатія. Дѣвушка ничѣмъ рѣшительно не интересуется; весь ея горизонтъ это—берлога «выжимальщика». Величайшія событія могутъ случиться за стѣнами мастерской, — дѣвушка ихъ даже и не замѣтитъ. Она не имѣетъ никакого представленія о трэдъ-юніонахъ, о томъ, что ея же земляки въ Лондонѣ тоже составили общество взаимопомощи. Мозгъ ея погружается въ полный мракъ. Такова картина, нарисованная англійскимъ авторомъ. Набросана она, нужно сознаться, одними лишь тѣнями, хотя есть уже и свѣтлые лучи, прорѣзавшіе мракъ.

Прежде всего, несомнѣненъ тотъ фактъ, что самосознаніе среди женщинъ англійскихъ массъ, хотя медленно, но пробуждается. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлала Women's Trade Union Association, возникшая въ октябрѣ 1889 г. въ Восточномъ Лондонѣ по иниціативѣ нѣсколькихъ «культурныхъ поселенокъ», о которыхъ мнѣ уже приходилось писать. Ассоціація поставила задачей содѣйствовать образованію трэдъ-юніоновъ среди женщинъ. Для внимательнаго изученія массъ, ассоціація основала въ Истъ-Эндѣ спеціальное «бюро» или, точнѣе, наблюдательную станцію. Живущіе въ ней собираютъ статистическія данныя, изучаютъ различныя производства и тѣ гигіеническія условія, при которыхъ работаютъ женщины. Наблюдательницы доводятъ до свѣдѣнія суда о всѣхъ случаяхъ эксплоатаціи. «Бюро» служитъ въ то же время читальней для всѣхъ желающихъ. Въ ихъ распоряженіе предоставляются здѣсь журналы и газеты. Въ бюро устраиваются курсы систематическихъ лекцій. Кромѣ «бюро», ассоціація основала клубъ для работницъ. Управленіе дѣлами его находится въ рукахъ самихъ фабричныхъ дѣвушекъ. Ассоціація присылаетъ только своихъ секретарей. Трэдъ-юніоны, основанные ассоціаціей, должны существовать на собственныя средства, безъ посторонней поддержки.

Въ 1894 г. ассоціація слилась съ другимъ аналогичнымъ обществомъ, основаннымъ культурными поселенками. Новая лига получила названіе «Женскаго индустріальнаго совѣта» (Women's Industrial Council); она играла важную роль въ послѣдніе два года. Программа совѣта выработана 26 сентября 1894 г. «Желательно образованіе центральнаго совѣта для собиранія систематическихъ свѣдѣній о положеніи работницъ, — читаемъ мы въ программѣ. Свѣдѣнія должны быть сгруппированы и затѣмъ должны быть вы-

работаны мѣры, могущія улучшить положеніе женщинъ. Совѣтъ долженъ быть совершенно независимъ отъ партійнаго вліянія». Тогда же были назначены комитеты финансовый, изслѣдованій, воспитательный, статистическій, организаціонный и парламентскій. Въ настоящее время совѣтъ издаетъ газету «Women's Industrial Council News», крайне богатую свѣдѣніями относительно положенія «недисциплинированной арміи труда». Очень близка по своей программѣ къ «Совѣту»—«Women's Trade Union League», основавшаяся пять лѣтъ тому назадъ. «Лига» организуетъ женскіе трэдъ-юніоны, собираетъ статистическій матеріалъ, содѣйствуетъ развитію работницъ и ведетъ агитацію въ пользу широкаго фабричнаго законодательства. «Лига» издаетъ періодическій сборникъ, въ которомъ помѣщается отчетъ дѣятельности ея сочленовъ. Она доставила богатый матеріалъ парламентской коммиссіи, работавшей въ 1896 г. надъ новымъ закономъ противъ разсчета натурой (truck-act). «Лига» основала цѣлый рядъ рабочихъ клубовъ для дѣвушекъ. Нѣкоторыя изъ ея сочленовъ изучили «идишъ», т. е. польско-нѣмецкій говоръ эмигрантовъ-евреевъ, чтобы работать среди нихъ.

«Women's Co-operative Guild», женская кооперативная гильдія, помимо общихъ цѣлей съ «Лигой» и «Совѣтомъ», имѣетъ еще спеціальныя: содѣйствовать развитію кооперативнаго движенія среди женщинъ. О ней я писалъ уже. Слѣдующая по времени основанія—«Women's National Liberal Assotiation». Основалась она въ 1892 г. Вначалѣ она поддерживала исключительно ньюкастельскую программу, а затѣмъ лишь приняла пунктъ, приблизившій ее по дѣятельности къ упомянутымъ выше обществамъ. Теперь—это самая прочная и богатая изъ женскихъ ассоціацій въ Англіи. Она состоитъ изъ 397 группъ и насчитываетъ 76 тысячъ сочленовъ. Въ самое послѣднее время возникло по иниціативѣ Тома Мэна новое уніонистское движеніе. Въ юніоны принимаются, какъ мужчины, такъ и женщины.

III.

Одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ промышленной исторіи Англіи, безъ сомнѣнія, та, которая повѣствуетъ о работахъ на заводахъ, гдѣ приготовляются свинцовыя бѣлила. Жертвами производства становятся самыя безпомощныя женщины и дѣти. Одна изъ наиболѣе опасныхъ отраслей промышленности, съѣдающая ежегодно множество жертвъ,—до послѣдняго времени находилась почти внѣ всякаго общественнаго контроля. Работницы, занятыя въ Англіи на этихъ заводахъ, какъ увидимъ дальше, въ силу многихъ причинъ, даже не могли жаловаться. Лишь благодаря газетной агитаціи, да двумъ женскимъ организаціямъ — «Women's Trade Union League» и «Women's National Liberal Association»—общественное мнѣніе теперь возбуждено, и условія

работы на свинцово-бѣлильныхъ заводахъ сдѣлаются предметомъ обсужденія въ ближайшую парламентскую сессію. Какъ извѣстно, окись свинца принадлежитъ къ числу сильныхъ ядовъ. Скотъ, который пасется на лугахъ, близь заводовъ, гдѣ выплавляется свинецъ, собаки, лакающія воду, протекающую возлѣ свинцовыхъ рудниковъ,—проявляютъ признаки жестокаго отравленія. Извѣстны случаи, что дрозды, поклевавшіе ягодъ съ тутовыхъ деревьевъ, росшихъ вблизи свинцовыхъ заводовъ, околѣвали. Люди тоже не проявляютъ имунитета къ отравленію окисью свинца. По словамъ д-ра Оливера, спеціально изучавшаго этотъ вопросъ, женщины скорѣе отравляются этимъ ядомъ, чѣмъ мужчины. Между тѣмъ, на заводахъ, гдѣ приготовляется окись свинца (свинцовыя бѣлила), работаютъ исключительно женщины, загнанныя въ лабораторіи крайней нищетой. Ищетъ на этихъ заводахъ работу вдова, которой нужно поддерживать большую семью, жена, мужъ которой горькій пьяница, дѣвушка, которая нигдѣ не нашла занятія, и т. д. Нищета, которую эти женщины терпятъ, такъ велика,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—что дѣлаетъ ихъ даже совершенно равнодушными къ возможности отравиться. Для женщины свинцово-бѣлильные заводы такое же послѣднее прибѣжище, какъ доки для мужчинъ. На этихъ заводахъ наиболѣе грубая и опасная работа производится женщинами, такъ какъ она не требуетъ такого мускульнаго напряженія, какъ другія, менѣе вредныя занятія. Чтобы читатель легко представилъ себѣ это, заглянемъ на свинцово-бѣлильный заводъ. Ядъ изготовляется изъ обыкновеннаго свинца. Свинецъ, доставляемый въ болванкахъ, вначалѣ плавится, затѣмъ отливается небольшими листами. Эту работу дѣлаютъ женщины. Сотни дѣвушекъ относятъ на головахъ эти листы въ особое помѣщеніе и складываютъ тамъ ихъ клѣтками такимъ образомъ: на полъ ставятъ рядъ глиняныхъ горшковъ съ уксусной кислотой, горшки покрываютъ свинцовыми листами, затѣмъ слоемъ дубовой коры, потомъ доской, а сверхъ доски—новый рядъ горшковъ и т. д., пока клѣтка не достигнетъ потолка. Это—«blue bed». Начинается химическій процессъ, продолжающійся три мѣсяца. Кора начинаетъ бродить. Подъ вліяніемъ жара (въ помѣщеніи температура очень высокая) пары уксусной кислоты разъѣдаютъ свинецъ. Черезъ три мѣсяца вновь являются женщины. Онѣ отрываютъ руками свинцовые листы, покрытые теперь толстымъ бѣлымъ налетомъ, который забивается подъ ногти и впитывается въ голое тѣло, сильно потѣющее въ жарко натопленномъ помѣщеніи. Листы относятся въ мастерскія, гдѣ снимаютъ съ нихъ бѣлый налетъ. Когда-то и этотъ процесъ производился руками; но теперь для этого существуютъ машины. Влажная бѣлая масса въ особыхъ «блюдахъ» относится женщинами же въ сушильни. Изъ блюдъ сочится бѣлая ядовитая кашица, которая капаетъ на платье носильщицъ и проникаетъ до кожи. Но вотъ наступаетъ послѣдній и самый опасный процессъ:

выниманіе сухихъ свинцовыхъ бѣлилъ изъ печей. Женщины надѣваютъ бѣлые балахоны, закутываютъ головы шарфомъ и завязываютъ ротъ шерстянымъ респираторомъ. Носильщицы отлично сознаютъ, какой страшной опасности онѣ подвергаются. Работницы вытаскиваютъ изъ печей «блюда» съ сухими бѣлилами. Каждая беретъ двѣ чашки: одну на голову, другую—подъ мышки. «Мы спѣшимъ съ посудинами, будто спасаемъ Богъ вѣсть какое сокровище изъ горящаго дома»,—сказала одна изъ женщинъ фабричному инспектору. Свинцовыя бѣлила тучей носятся въ воздухѣ. Жара въ сушильнѣ — ужасная. Балахонъ, шарфъ и шерстяной респираторъ еще болѣе усиливаютъ испарину. Такимъ образомъ, кожа еще сильнѣе впитываетъ ядовитый порошокъ. Какъ отзывается эта работа? Приведу нѣсколько примѣровъ изъ богатаго запаса фактовъ, собранныхъ какъ фабричными инспекторами-женщинами, такъ и газетами (главнымъ образомъ, *Star* и *Daily Chronicle.*) Прежде всего, вотъ общая картина заболѣванія. «Молодая, здоровая дѣвушка, не находя нигдѣ работы, поступаетъ на свинцово-бѣлильный заводъ. Черезъ нѣсколько недѣль она становится анемичной; на деснахъ появляется роковая синяя полоса. Дѣвушка быстро худѣетъ; появляются сильныя головныя боли, сопровождаемыя ослабленіемъ зрѣнія, а иногда и полной потерей его. Дѣвушка становится удрученной, часто и безъ видимой причины плачетъ. Фабричный докторъ, «a salaried servant of the employer», по выраженію одного изъ фабричныхъ инспекторовъ, бѣгло осматриваетъ больную и говоритъ, что это простая истерія. А головныя боли становятся все болѣе и болѣе мучительными. И вотъ внезапно начинаются конвульсіи, принимающія эпилептическій характеръ. Припадки повторяются каждый день, а иногда и каждый часъ. Больная бредитъ. Даже когда припадокъ кончается, мозгъ ея какъ будто бы въ туманѣ. Дѣвушка разучается говорить. Не узнаетъ никого. Еще нѣсколько дней, и пульсъ слабѣетъ; дѣвушка впадаетъ въ столбнякъ, отъ котораго избавляетъ ее смерть» *). Законъ воспрещаетъ предпринимателямъ нанимать на эти заводы дѣвушекъ моложе 18 лѣтъ; но метрическихъ свидѣтельствъ никто не провѣряетъ, конечно. Въ силу этого на свинцово-бѣлильныхъ заводахъ работаютъ дѣвушки 17, 16 и даже 15 лѣтъ. Перейдемъ къ иллюстраціямъ. «Шарлота Раферти, молодая, замѣчательно здоровая женщина. До поступленія на заводъ никогда въ жизни не болѣла. Черезъ 6 недѣль конвульсіи схватили ее въ то время, когда она носила «блюда» изъ сушильни. Д-ръ Оливеръ, осмотрѣвшій ее, нашелъ на деснахъ синюю полосу, признакъ, что организмъ отравленъ свинцомъ. Черезъ три дня конвульсіи повторились; съ Раферти случился столбнякъ, и она умерла. Родители сказали, что

*) «Dangerous trades for women», памфлетъ изъ серіи «Creulties of Civilization», изданный «Женской лигой», стр. 10—11.

когда Шарлота возвращалась съ работы, все ея платье было пропитано бѣлой пылью, «какъ мучной куль». «Мэри Толеръ, семнадцатилѣтняя дѣвушка. Никогда не болѣла. На заводѣ начались конвульсіи. Потеряла способность двигаться. Умерла въ состояніи столбняка».

Женщины, наполняющія «блюда» влажными бѣлилами, часто бываютъ поражены параличемъ кистей рукъ. Иногда бываютъ удивительно крѣпкіе субъекты, которые цѣлыми годами выносятъ работу; но ядъ все же сказывается, если не на нихъ, то на дѣтяхъ. «Мэри Эллисъ, необыкновенно здоровая женщина, работала двацать лѣтъ на заводѣ. Свинцовыя колики и конвульсіи случались съ ней лишь одинъ разъ; но у ней въ раннемъ возрастѣ умерли отъ конвульсій восемь дѣтей. Однажды утромъ, расчесывая волосы, Эллисъ внезапно потеряла способность двигать кистями рукъ. Парализованное состояніе не проходило до самой смерти» *). «Работы на свинцово-бѣлильныхъ заводахъ, отравляя мать, отравляютъ также потомство. Энни Тейлоръ, 24 лѣтъ. Работала три года. Имѣла три выкидыша. До поступленія на заводъ была совершенно здорова. Ея сестры имѣютъ много дѣтей» **). Я упоминалъ уже о томъ, что на свинцово-бѣлильные заводы женщинъ загоняетъ самая крайняя нужда. Въ силу этого, зачастую, заболѣвшія отъ свинцоваго отравленія скрываютъ возможно долѣе фактъ, чтобы не очутиться вновь на улицѣ. Когда конвульсій скрыть уже невозможно, заболѣвшія получаютъ разсчетъ. Предприниматели желаютъ скорѣе отдѣлаться отъ скандала, если провѣдаетъ пресса. Сообщеніе о заболѣвшей посылается всѣмъ владѣльцамъ аналогичныхъ заводовъ. Но такъ какъ работницѣ нужно ѣсть и часто кормить еще другихъ, то, оправившись слегка, она поступаетъ подъ другой фамиліей на новый свинцово-бѣлильный заводъ. «Дѣти работницъ, если они являются на свѣтъ, рождаются лишь для того, чтобы умереть отъ конвульсій, носящихъ всѣ признаки свинцоваго отравленія»,—заявилъ д-ръ Оливеръ въ 1894 г. на засѣданіи Британской ассоціаціи.

«Зачѣмъ надобенъ этотъ ужасный ядъ, производство котораго оплачивается столькими жизнями?»—спросятъ нѣкоторые. Сырыя свинцовыя бѣлила употребляются теперь для наведенія глазури на фарфоръ и для маіоликовыхъ издѣлій. Всѣ знаютъ «Пѣсню о рубашкѣ», пропѣтую много лѣтъ тому назадъ Томасомъ Гудомъ. Новый поэтъ могъ бы спѣть теперь «Пѣсню о чайной чашкѣ», полную еще болѣе трагическаго паѳоса, чѣмъ чудная баллада, надъ которой плакали, вѣроятно, многіе. Фарфоровыя фабрики въ Англіи требуютъ почти столько же жертвъ, сколько свинцово-бѣлильныя. Чтобы произвести рисунокъ на маіоликѣ, нужно свершить про-

*) Статья Vaughan Nash'a въ февральскомъ нумерѣ «Fortnightly Review» за 1893 г.

**) Reynold's Newspaper, за 28 августа, 1898 г.

цессъ, называемый «накладываніемъ грунта» (ground laying). Краска въ порошкѣ насыпается на рисунокъ, воспроизведенный масломъ. Этотъ процессъ дѣлаютъ женщины и дѣти. Краска содержитъ свинцовыя бѣлила. Чтобы выполнить работу, приходится сидѣть, все время низко нагнувшись надъ рисункомъ. Женщины и дѣти вдыхаютъ ядовитый порошокъ. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ крайне опасныхъ процессовъ, выполняемый дѣтьми и дѣвушками: очищеніе излишней краски, вытираніе до суха мокрыхъ отъ свинцовыхъ бѣлилъ маіоликовыхъ пластинокъ и проч. Въ отчетѣ главнаго фабричнаго инспектора за 1897 г. («Report of the Chief Inspector of Factories») приводится 80 случаевъ отравленія свинцомъ «полировщиковъ» на фарфоровыхъ заводахъ. Почти столько же случаевъ отравленія «грузильщиковъ». За прошлый годъ отравились свинцомъ 50 «наводителей грунта» да 40 рисовальщицъ на маіоликѣ. Вотъ еще жертвы свинца, которыя могли бы спѣть «пѣсню о чашкѣ». Возьму нѣсколько случаевъ изъ отчета главнаго фабричнаго инспектора. «Сара Титлъ, замужняя женщина, 29 лѣтъ. Работала 15 мѣсяцевъ, вначалѣ въ маіоликовомъ отдѣленіи, потомъ, какъ «грузильщица». Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ поступленія на заводъ у ней проявились признаки отравленія свинцомъ. Начались потомъ конвульсіи эпилептическаго характера. Болѣзнь закончилась смертью». «Гарріетъ Подморъ, замужняя женщина, накладывала сухія краски на рисунки. Работы было много. Подморъ и двѣ другія женщины были заняты четыре дня. Къ концу послѣдняго дня одна изъ женщинъ заявила, что ее клонитъ сильно ко сну. Всѣ остальныя также начали испытывать то же ощущеніе. Работницы закутались въ шали и прилегли на полу. Ихъ отправили домой въ кэбѣ. Подморъ пробудилась, хотя потеряла способность работать; двѣ другія женщины умерли». А вотъ еще нѣсколько фактовъ, добытыхъ въ этомъ году репортерами газеты «Daily Chronicle». «Лизи Фауксъ, 18 лѣтъ, ослѣпла на фарфоровомъ заводѣ. «Я чистила маіоликовыя пластинки послѣ того, какъ ихъ погружали для закрѣпленія рисунка. Свинецъ я снимала съ нихъ ножомъ,—разсказываетъ пострадавшая. Черезъ девять мѣсяцевъ, я стала замѣчать, что что-то случилось съ моими глазами, хотя я не могла опредѣлить что именно; затѣмъ начались свинцовыя колики. Меня взяли въ госпиталь. Мое зрѣніе еще болѣе ослабѣло, наконецъ, я совсѣмъ ослабѣла». Давали ли вамъ полотенца на заводѣ? «Да, одно на четырехъ. Полотенце мѣнялось разъ въ недѣлю. Хозяинъ, когда я ослѣпла, далъ мнѣ 10 шиллинговъ» *). «Гертруда Картледтъ, молодая дѣвушка, накладывала сухія краски. Ослѣпла. «Я работала 18 мѣсяцевъ, — объяснила она репортеру. Однажды, когда я возвращалась домой, со мной на улицѣ случился припадокъ. Я недѣлю была безъ сознанія; когда пришла въ себя,

*) Daily Chronicle, 14 мая 1898 г.

у меня отнялись ноги. Затѣмъ стало слабѣть зрѣніе, покуда, наконецъ, совсѣмъ ослѣпла. Хозяинъ далъ мнѣ соверэнъ. Говорятъ онъ хлопочетъ также о томъ, чтобы меня приняли въ школу для слѣпыхъ» *). Такихъ жертвъ очень много. По вычисленію спеціальнаго комитета, назначеннаго «Women's Trade Union League», «свинцовый драконъ» охватилъ своими костями въ Англіи 16 тысячъ женщинъ и дѣтей. Нужно имѣть въ виду, что средняя заработная плата на свинцово-бѣлильныхъ и на фарфоровыхъ заводахъ для дѣвушекъ 7 — 8 шиллинговъ въ недѣлю. Лишь въ самое послѣднее время общественное мнѣніе потребовало государственнаго вмѣшательства въ эту отрасль промышленности. Читатели помнятъ, вѣроятно, какъ ополчаются въ драмѣ Ибсена столпы общества, противъ доктора Штокмана, когда онъ заявляетъ, что источникъ, обогащавшій городъ, — отравленъ. Буквально то же самое повторяется въ Англіи съ употребленіемъ свинца на фабрикахъ. Послѣднія всѣ сосредоточены въ одномъ районѣ Англіи. Тамъ все населеніе городковъ дѣлится на два класса: одинъ—работаетъ на заводахъ, другой—такъ или иначе зависитъ отъ распространенія фабрикатовъ. Это—директора, акціонеры, лавочники, клерки, врачи, служащіе въ компаніяхъ и проч., и проч. Всѣ они грудью стоятъ за заводы, охраняя ихъ отъ бдительнаго взора фабричнаго инспектора и газетнаго сотрудника, черезъ которыхъ общественное мнѣніе только и можетъ быть освѣдомлено. Ибсенъ не возвелъ поклепа на «столповъ общества». Объ этомъ свидѣтельствуютъ факты. Газетные репортеры выслѣживались охранителями. Имъ всѣми силами старались мѣшать искать свиданія съ пострадавшими. Предприниматели убѣждали послѣднихъ молчать, грозя, что въ противномъ случаѣ удалятъ съ заводовъ всѣхъ ихъ родныхъ. Лишь теперь назначена парламентская коммиссія для изслѣдованія положенія дѣлъ, и въ предстоящую сессію будетъ внесенъ билль о рядѣ фабричныхъ законовъ для всѣхъ тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ употребляются свинцовыя бѣлила. Пока будутъ проведены законы, кооперативныя общества выработали одну, вполнѣ англійскую мѣру: они совѣтуютъ своимъ двумъ милліонамъ сочленовъ покупать только такую посуду, которая не отравила никого. А такая дѣйствительно существуетъ. Такъ называемая «фритта» даетъ безвредную, превосходную, хотя нѣсколько болѣе дорогую глазурь. Еще три года тому назадъ было указано, что самый процессъ производства свинцовыхъ бѣлилъ можетъ быть сдѣланъ совершенно безопаснымъ, хотя онъ обойдется тогда дороже. Но на филантропію нельзя разсчитывать. Дѣйствительность доказала, что жертвы «свинцовому дракону» будутъ приноситься до тѣхъ поръ, пока на сцену не явится государственное вмѣшательство въ видѣ энергичныхъ фабричныхъ законовъ.

*) Daily Chronicle, 16 мая 1898 г.

Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ въ спичечномъ производствѣ. Такъ называемыя, шведскія спички почти вытѣснены въ Англіи страшной дешевизной восковыхъ или, точнѣе, парафиновыхъ спичекъ. За полпени вы имѣете огромную коробку въ нѣсколько сотъ штукъ. «Support home industries» (Поддерживайте отечественное производство), читаете вы патріотическое возваніе на каждой коробкѣ, выпускаемой «Fusce Vest & C°», огромной, богатой фирмой, дающей большой дивидентъ и акціонерами которой состоитъ половина палаты лордовъ. Шведскія спички приготовляются изъ безопаснаго краснаго фасфора; «патріотическія» изъ страшно ядовитаго желтаго фосфора, порождающаго «phossy jaw», гніеніе челюстей. Кличка дана уайтчепельцами, такъ какъ производство «патріотическихъ» спичекъ сосредоточено, главнымъ образомъ, въ восточномъ Лондонѣ. Жертвами «phossy jaw» исключительно почти становятся женщины и дѣти, такъ какъ вслѣдствіе не высокой заработной платы мужчины почти не нанимаются на спичечныя фабрики. Желтый фосфоръ, даже когда находится подъ водой, выдѣляетъ ядовитые пары. «Женщины, работающія на спичечныхъ фабрикахъ, начинаютъ страдать зубными болями,—пишетъ въ своемъ докладѣ фабричный инспекторъ, миссъ Изабелла Фордъ. Онѣ вначалѣ не придаютъ страданіямъ серьезнаго значенія; но вотъ боли увеличиваются съ каждымъ днемъ. Вначалѣ опухаютъ десны, а потомъ все лицо. Зрѣніе притупляется. Больная испытываетъ адскія мученія. Челюсть ея становится зеленой, потомъ черной, потомъ начинаетъ вываливаться кусками. Запахъ гніющей кости и пораженныхъ мускуловъ до такой степени отвратителенъ, что съ больной нѣтъ возможности жить въ одной комнатѣ. Наконецъ, послѣ жестокихъ страданій, наступаетъ смерть. Пораженная челюсть, во время болѣзни и послѣ смерти больного, свѣтится фосфорическимъ свѣтомъ въ темнотѣ» *). Такова картина «Phossy jaw». Когда женщина заболѣваетъ, администраторы спичечной фабрики даютъ ей 1 ф. и отправляютъ домой. Къ ней присылаютъ доктора, состоящаго на службѣ у компаніи. *Больная можетъ лѣчиться только у него.* Проф. Ватсонъ Смитъ, въ докладѣ Британской ассоціаціи, рѣзко называетъ эту систему лѣченія «капканомъ для больного и позоромъ для страны».

Вмѣсто надписи «Support home industries», владѣльцы спичечныхъ фабрикъ, съ гораздо большей справедливостью, могли бы выставить на коробкахъ: «Support phossy jaw!» Въ палату общинъ былъ уже внесенъ разъ билль о полномъ запрещеніи производства спичекъ съ желтымъ растворомъ; но онъ потерпѣлъ крушеніе въ палатѣ лордовъ. Теперь билль будетъ внесенъ вто-

*) «Phosphorus Match Factories», докладъ, прочитанный миссъ Фордъ въ засѣданіи «Humanitarian League». Помѣщенъ въ 22 № «Bellamy Library».

рично. Онъ включенъ въ билль объ опасныхъ производствахъ вообще.

Я упомянулъ уже о томъ, что порой фабричные инспекторы совершенно безсильны. Они имѣютъ предъ собой настоящій заговоръ. Конспираторы не останавливаются рѣшительно ни передъ чѣмъ: они нанимаютъ ловкихъ и безсовѣстныхъ адвокатовъ, подкупаютъ и устрашаютъ свидѣтелей, такъ что, если дѣло доводится до суда,—обвиненіе часто остается недоказаннымъ. Спѣшу прибавить, что конспираторамъ удается устрашить лишь дѣтей или же женщинъ, не объединенныхъ въ союзъ, невѣжественныхъ на столько, что онѣ не сознаютъ даже собственной пользы. Разскажу о процессѣ, на которомъ мнѣ пришлось присутствовать. Дѣло было въ полицейскомъ судѣ, въ Arbour-square. Фабричный инспекторъ миссъ Люси Динъ явилась, чтобы поддержать три обвиненія противъ фирмы «Maconochie Brothers», изготовляющей варенье и мармеладъ *). Владѣльцы фабрики обвинялись въ томъ, что налагали на дѣтей сверхсрочную работу, запрещенную закономъ 1891 г. Миссъ Динъ показала, что 5 августа зашла въ $10^1/_2$ часовъ вечера на фабрику и застала дѣтей за работой: они мыли банки и сносили варенье въ погреба. Вызываютъ первую свидѣтельницу, 13-лѣтнюю дѣвочку Элизу Брайанъ, худенькую, блѣдную, запуганную. Адвокатъ фирмы, жирный, развязный джентельмэнъ, въ парикѣ съ хвостикомъ, обращается къ свидѣтельницѣ: «скажите, кто вамъ велѣлъ сидѣть такъ поздно и мыть посуду»?

— Никто не велѣлъ. Я сама хотѣла, по собственной доброй волѣ,—монотонно, какъ затверженное, показываетъ дѣвочка, не путаясь, когда произноситъ послѣднюю, канцелярской конструкціи фразу.

— А почему вы сдѣлали это?—продолжалъ адвокатъ.

— Потому, я рѣшила, что грѣшно сидѣть безъ работы и лучше помогать, чѣмъ слоняться безъ дѣла,—по прежнему монотонно читаетъ дѣвочка.

(NB. «Слоняніе», это—послѣ 12 часового дня!) Адвокатъ торжественно и побѣдно глядитъ на фабричнаго инспектора. Вызываютъ другую свидѣтельницу, Луизу Диддъ, 14-лѣтнюю дѣвочку.

— Кто вамъ велѣлъ сидѣть такъ поздно на работѣ?—спрашиваетъ адвокатъ. Лицо его хмурится, и парикъ надвигается на самыя брови: дѣвочка, повидимому, колеблется. Но вотъ лицо адвоката разцвѣтаетъ. Торжествующая улыбка распространяется по ней все шире и шире, какъ круги на поверхности воды отъ брошеннаго камня. Свидѣтельница отвѣчаетъ, что ей никто не приказывалъ оставаться послѣ окончанія законнаго дня.

*) Англійскій мармеладъ не похожъ на нашъ. Это—густое варенье изъ апельсиновъ, которое играетъ видную роль въ меню англичанъ всѣхъ классовъ. Они его ѣдятъ за завтракомъ.

— Зачѣмъ же вы сдѣлали это?—уже увѣренно, заранѣе торжествующимъ тономъ продолжаетъ допросъ адвокатъ.

— Господь велѣлъ трудиться. Лучше помогать людямъ, чѣмъ грѣховно слоняться по улицамъ,—отвѣчаетъ дѣвочка.

Защитительная рѣчь адвоката построена была на этихъ двухъ показаніяхъ: нарушенія закона не было, хотя дѣвочки и работали сверхъ срока, но это не сверхсрочная работа, а добровольная. Полицейскій судья постановилъ, что такъ какъ, по его мнѣнію, нарушенія закона не было, то обвиняемые оправдываются.

— Я требую еще судебныя издержки съ инспекторовъ,—рѣзко заявляетъ адвокатъ.

— Нѣтъ, судебныхъ издержекъ вы не получите,—отвѣтилъ судья.

Процессъ этотъ, быть можетъ, дастъ читателямъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ трудно бываетъ порой бороться инспекторамъ за интересы дѣтей и женщинъ. То же самое было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда фабричные инспекторы впервые собирали свѣдѣнія о положеніи рабочихъ. Лордъ Лондондерри, напр., заявилъ разъ, что «вышибетъ мозги» изъ головы инспектора, который осмѣлится спуститься въ одну изъ его шахтъ. И тогда среди рабочихъ являлись таіке же свидѣтели, какъ Луиза Диддъ или же Элиза Брайанъ.

IV.

Защитники расширенія фабричнаго законодательства, регулирующаго женскій трудъ,—имѣютъ въ Англіи многочисленныхъ противниковъ. Составъ ихъ крайне пестрый. Во первыхъ, къ нимъ принадлежатъ враги вообще всякаго фабричнаго законодательства. Правда, такихъ непримиримыхъ уже не особенно много, но всего лишь въ этомъ году лордъ Лондондерри заявилъ въ парламентѣ, что фабричное законодательство это—покушеніе на краугольный камень англійской конституціи: на свободную волю личности. По выраженію лорда, государство хочетъ вмѣшаться не въ свое дѣло: въ свободный договоръ между предпринимателемъ и рабочимъ. Два мѣсяца спустя демонстративно сложилъ съ себя депутатскія обязанности Финчъ-Гатонъ, мотивируя свой поступокъ тоже покушеніемъ государства на англійскую конституцію. Подобные вопли были сильнѣе лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда фабричное законодательство было «на зарѣ туманной юности». Тогда предприниматели описывали фабричныхъ инспекторовъ, какъ нѣчто въ родѣ коммиссаровъ конвента, которые безъ всякаго милосердія приносили несчастнаго работника въ жертву своимъ химерическимъ мечтамъ объ улучшеніи міра *). Когда же «свобода договора» существовала безъ

*) *К. Марксъ* «Капиталъ» т. I, стр. 234.

всякаго государственнаго вмѣшательства,—тогда Финчъ-Гатонъ того времени занимались обличеніемъ нравовъ массъ, объясняя нищету ихъ—склонностью къ расточительности. «Взглянемъ только на ужасающее количествъ излишествъ, потребляемыхъ нашими мануфактурными рабочими,—говоритъ одинъ изъ этихъ обличителей, цитируемый авторомъ *Капитала.*—Сюда относятся сахаръ, чай, джинъ, водка, чужеземные плоды, крѣпкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табакъ и т. д. Трудъ во Франціи на цѣлую треть дешевле, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ французскіе бѣдные усиленно работаютъ и очень экономны на пищу и одежду; главные предметы потребленія ихъ—хлѣбъ, плоды, зелень, коренья и сушеная рыба, такъ какъ они очень рѣдко ѣдятъ мясо, а когда дорога пшеница, то очень мало хлѣба... Подобный порядокъ вещей, разумѣется, трудно ввести, но онъ же не недосягаемъ» *).

Факты давно уже убѣдили большинство англійскихъ экономистовъ, что въ жизни поденщиковъ, отсутствіе государственнаго вмѣшательства,—отнюдь не означаетъ личную свободу. О свободномъ договорѣ не можетъ быть рѣчи. «Поденщикъ не похожъ на лавочника: онъ не только продаетъ часть товара. Нѣтъ, на извѣстное время онъ продаетъ предпринимателю всецѣло самого себя,—говоритъ извѣстный англійскій экономистъ, профессоръ Маршалъ, авторъ труда «The Elements of the Economies of Industry. Не отъ воли нанимаемаго, а отъ нанимателя зависитъ, въ какіе часы слѣдуетъ являться на работу, когда и гдѣ обѣдать, санитарныя условія предпріятія, безопасность машинъ, температура и атмосфера мастерской и т. д. О всѣхъ этихъ условіяхъ первой важности, конечно, никогда не договариваются. Странно себѣ даже представить, напримѣръ, ланкаширскаго ткача, который, прежде, чѣмъ принять работу на фабрикѣ, сталъ бы пробовать станки и крѣпость передаточныхъ ремней; никто не видѣлъ такого машиниста, который сталъ бы справляться прежде, чѣмъ принять работу, въ какомъ состояніи котлы и паровые молоты. Мастерица не станетъ мѣрить, сколько кубическихъ футовъ воздуха вмѣщаетъ комната, гдѣ она станетъ работать у модистки. Подумайте только о женщинѣ, ищущей работы на заводахъ, гдѣ изготовляются свинцовыя бѣлила, — которая стала бы справляться у хозяина, на сколько ядовиты свинцовыя испаренія!» Нанимаемые работаютъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ примутъ ихъ. Не отъ ихъ воли зависитъ измѣнить завѣдомо вредныя условія. Это—роль государства. До введенія фабричнаго законодательства въ Англіи, во имя свободы договора на шолковыхъ фабрикахъ приносились въ жертву цѣлые десятки тысячъ дѣтей, не старше 12 лѣтъ. «Дѣти избивались здѣсь ради нѣжности ихъ пальцевъ, какъ въ Южной Америкѣ бьютъ рогатый скотъ ради кожи и сала», — по выраженію знаменитаго экономиста. Выводъ формулируется такъ:

*) «Капиталъ» т. I, п. 518.

англійскіе предприниматели, горячіе защитники свободы договора, не обращали ни малѣйшаго вниманія на здоровье и продолжительность жизни нанимаемаго до тѣхъ поръ, пока общество не заставило ихъ силой принимать въ соображеніе эти обстоятельства. Все это отнюдь не значитъ, что предприниматель имѣетъ нарочито злыя наклонности. Нѣтъ, это неизбѣжный результатъ закона свободной конкурренціи *).

Не одни только малочисленные уже поклонники «свободной конкурренціи» и «свободнаго договора» возражаютъ противъ проектовъ ограниченій женскаго фабричнаго труда. Дальше, въ рядахъ противниковъ этихъ проектовъ, мы находимъ лицъ, выступившихъ во имя гуманности; но гуманизмъ этотъ нѣсколько подозрительнаго свойства. «Запретить женщинамъ работать на завѣдомо вредныхъ промыслахъ не трудно, говорятъ они, — но что станетъ съ дѣтьми несчастной вдовы, если матери ихъ откажутъ въ работѣ на заводѣ, гдѣ изготовляются свинцовыя бѣлила? Что станетъ дѣлать несчастный, разбитый параличомъ старикъ, если кормящей его дочери фабричный законъ воспретитъ брать на домъ сверхсрочную работу? Какъ проживетъ бѣдная прачка, если ограничатъ число часовъ работающихъ у нея мастерицъ?» Этимъ чувствительнымъ филантропамъ въ англійской литературѣ и въ парламентѣ отвѣчали не одинъ разъ. Указывалось на то, что «сироты несчастной вдовы» несомнѣнно окажутся на улицѣ, если добрый предприниматель дастъ матери работу на заводѣ, гдѣ изготовляются свинцовыя бѣлила, ибо черезъ 6—8 мѣсяцевъ вдова умретъ отъ отравленія свинцомъ. Возражающіе указывали филантропамъ на то, что разбитый параличомъ старикъ тоже не выиграетъ, если дочь его ослѣпнетъ отъ сверхсрочной работы. Примѣръ этотъ—лишь аргументъ для сторонниковъ государственнаго пенсіона для престарѣлыхъ. Если, какъ обѣщало консервативное министерство на выборахъ въ 1895 г., будетъ введенъ пенсіонъ въ размѣрѣ 5 шиллинговъ въ недѣлю для всѣхъ стариковъ, то дочери не придется надрываться надъ сверхсрочной работой. Далѣе, въ числѣ противниковъ есть защитники женскихъ правъ. Они опасаются, что ограниченія, касающіяся спеціально женскаго труда поставятъ этотъ трудъ въ положеніе еще худшее, чѣмъ теперь. И теперь предприниматели принимаютъ на работу женщинъ только потому, что онѣ просятъ меньше, чѣмъ мужчины. Введите спеціальные законы и предприниматели откажутъ всѣмъ дѣвушкамъ, получающимъ теперь отъ 5—12 шил. въ недѣлю. Если хозяевамъ придется платить за ту же работу 25—39 шил. въ недѣлю,—они предпочтутъ тогда лучше взять мужчинъ. Это положеніе основывается на томъ, что въ англійской промышленности мужской и женскій трудъ являются конкуррентами. Дѣйствительно ли это такъ? Обратимся за отвѣтомъ

*) См. «Капиталъ» т. I, стр. 218 (изданіе 1872 г.).

къ такому компетентному свидѣтелю, какъ Беатриса Веббъ,—одинъ изъ авторовъ капитальнаго труда «The History of Trade Unionism». «Намъ говорятъ, что если предпринимателямъ запретятъ назначать женщинъ въ ночныя смѣны или не давать имъ сверхсрочную работу,—они предпочтутъ лучше мужчинъ... Но существуетъ ли дѣйствительно конкурренція между мужчинами и женщинами въ однѣхъ и тѣхъ же отрасляхъ труда? Лица, принадлежащія къ среднимъ классамъ, до того привыкли видѣть какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, конкуррирующихъ—какъ учителя, журналисты, художники, скульпторы, пѣвцы, музыканты, врачи, клерки и т. д., что мы не можемъ даже себѣ представить иного положенія дѣлъ въ промышленномъ мірѣ. А между тѣмъ, тамъ дѣла обстоятъ совсѣмъ иначе. Девять десятыхъ частей поля промышленности свободны отъ всякой конкурренціи: мужчины дѣлаютъ одну работу, женщины — другую. Существуетъ такъ же мало шансовъ за то, что женщины станутъ каменщиками, какъ и за то, что мужчины сдѣлаются судомойками. Даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ работаютъ одинаково, какъ мужчины, такъ и женщины,—каждый изъ половъ имѣетъ свою спеціальность. Напримѣръ, говорятъ часто, что въ портняжномъ дѣлѣ мужчины и женщины являются конкуррентами. Изслѣдовавъ внимательно дѣло, я убѣдилась, что мужчины и женщины тутъ заняты различной работой... Когда моему мужу недавно приходилось доказывать въ одной изъ его лекцій не новое положеніе, что женщинамъ вообще платятъ меньше, чѣмъ мужчинамъ, — ему очень трудно было найти такую отрасль промышленности, гдѣ мужчины и женщины дѣлаютъ совершенно одну и ту же работу... Вообще, трудъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ опредѣляется характеромъ самаго процесса производства. Почти всюду, гдѣ требуется затрата значительной силы и выносливости,—трудъ не доступенъ обыкновеннымъ женщинамъ. Законъ не препятствуетъ, напр., женщинамъ становиться кузнецами, литейщиками, каменщиками или же кучерами; но, безъ сомнѣнія, въ этомъ женщины никогда не станутъ соперничать съ мужчинами» *). Конечно, существуютъ въ Англіи отрасли труда, гдѣ мужчины и женщины все же являются конкуррентами; но ихъ очень немного. «Было бы настоящимъ бѣдствіемъ для прогресса эмансипаціи женщинъ, если бы личная свобода и экономическая независимость трехъ или четырехъ милліоновъ поденщицъ были бы принесены въ жертву, дабы нѣсколько сотенъ работницъ могли бы замѣнять мужчинъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда» **).

Дѣйствительность доказала, что въ Ланкаширѣ, напр., гдѣ трудъ женщинъ-ткачей урегулированъ строго закономъ, онѣ отнюдь не являются «отбивателями хлѣба» у мужчинъ. Въ Ланкаширѣ жен-

*) Mrs. Sidney Webb, „Women and the Factory Acts“. London. 1896. p. p. 8—11.

**) Ib. p. 14.

щины работницы занимаютъ едва ли не лучшее положеніе, чѣмъ кто бы то ни было въ Англіи. Тамъ зародился трэдъ-юніонизмъ среди женщинъ. Тамъ онѣ становятся членами кооперативныхъ обществъ, формируютъ библіотеки и составляютъ «университетскіе центры» для самообразованія.

Прежде, чѣмъ кончить эти бѣглые очерки, мнѣ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ. Со времени Платона можно указать на безконечный рядъ какъ добросовѣстныхъ, такъ и безсовѣстныхъ мыслителей и писателей, которые хотѣли вогнать человѣческую жизнь въ опредѣленную формулу и, для вѣрности, рядомъ поставить функцію, какъ солдата на караулъ. И формулы, и функціи сбоку были различны и находились въ зависимости отъ многихъ условій: отъ понятій вѣка, отъ силы мышленія изобрѣтателя формулы, отъ степени добросовѣстности его. Послѣднее обстоятельство составляло тотъ «личный иксъ» формулы, который вводятъ въ свои вычисленія астрономы. Однако, во всѣхъ этихъ формулахъ было нѣчто общее. Функція сбоку, хотя она называлась различно, а иногда даже очень заманчиво,—все же обозначала, что надъ человѣческой личностью совершена извѣстная операція. Чтобы она вошла въ формулу, индивидуальность ея нужно было, выражаясь словами Мифистофеля, «зашнуровать въ испанскіе сапоги».

Da wird der Geist euch wohl dressirt,
In spanische Stiefeln eingeschnürt!

Возможна ли «диссолюція» формулы вообще и признаніе вреда «испанскихъ сапоговъ», во имя чего бы они не пригонялись къ ногѣ,—другой вопросъ. Лично мнѣ бываетъ больно видѣть, какъ операцію загонянія въ формулу доктрины производятъ люди крайне даровитые, оригинальные, — одушевленные притомъ несомнѣннымъ желаніемъ общаго блага. Грѣшна въ этомъ отношеніи и Беатрисса Веббъ, почтенный авторъ, цитируемый выше. По ея мнѣнію вопросъ о положеніи женщинъ работницъ не будетъ разрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ ихъ не вгонятъ въ формулу: на фабрику. *Всякая* женщина, взявшая на домъ работу,—врагъ общественнаго порядка. «Прежде всего, — говоритъ почтенный авторъ, — необходимо изгнать незаконныхъ конкуррентовъ (т. е. женщинъ, берущихъ работу на домъ). Истиннымъ врагомъ работницы является не мужчина, всегда добивающійся высшей платы, но «любительницы» (amateurs), работающія наскокомъ. До тѣхъ поръ, пока есть замужнія или не замужнія женщины, изъявляющія желаніе взять работу на домъ, чтобы сдѣлать ее въ промежуткахъ между другимъ дѣломъ, мы никогда не вырвемся изъ заколдованнаго круга: низкая плата ведетъ къ скверной работѣ, и скверная работа къ низкой платѣ» *). Блескъ формулы, какъ видно, соблазняетъ многихъ.

Діонео.

---

*) Women and the Factory Act., p. 14.

У прокаженныхъ.

(Въ Терской области).

«Въ жизни прокаженныхъ Терской области—читаемъ мы во «Владикавказскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ»,—совершилось важное и благодѣтельное для нихъ событіе: 29 декабря его преосвященствомъ преосвященнѣйшимъ Владиміромъ, епископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ открыта и освящена колонія вблизи станціи Александрійской».

Еще въ 1893 году, разсказываетъ далѣе авторъ замѣтки, въ первое посѣщеніе станицы Александрійской, владыка обратилъ вниманіе на несчастныхъ прокаженныхъ этой станицы, положеніе которыхъ было необыкновенно тяжело. «Ужасный видъ больныхъ и признанная въ Словѣ Божіемъ и медицинской наукѣ заразительность болѣзни отвращали отъ нихъ не только чужихъ, но и близкихъ родственниковъ. Поэтому многіе больные были предоставлены самимъ себѣ. Что они претерпѣвали и переносили, познать это постороннему человѣку трудно и даже невозможно. Для облегченія тяжкой участи прокаженныхъ владыка вознамѣрился устроить для нихъ отдѣльный домъ, а впослѣдствіи цѣлую колонію, когда, по предложенію г. начальника области, мѣстное станичное общество назначило 15 десятинъ земли. Испросивъ разрѣшеніе святѣйшаго синода, его преосвященство сдѣлалъ воззваніе о пожертвованіяхъ для устройства колоніи».

Съ 1896 года стали поступать на имя его преосвященства денежныя пожертвованія отъ разныхъ лицъ и различныхъ мѣстъ. «По обычному законному порядку былъ учрежденъ изъ мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ строительный комитетъ, вскорѣ приступившій къ устроенію благодѣтельнаго для больныхъ учрежденія». Постройка производилась, по мѣрѣ поступленія средствъ, въ видѣ отдѣльныхъ флигелей въ двѣ комнаты для четырехъ больныхъ. Въ общемъ, на 15 приблизительно тысячъ рублей устроено: «шесть флигелей изъ саманнаго кирпича, подъ черепичной крышей въ 12 комнатъ для 24 больныхъ, большое кухонное зданіе, баня, кирпичный домъ для лицъ администраціи и часовня, своимъ благолѣпнымъ видомъ превосходящая, по словамъ автора, многіе храмы закавказскаго края и осетинскихъ селеній Терской области»...

Такова краткая исторія возникновенія маленькой колоніи про

каженныхъ близь станицы Александрійской, какъ она изложена во «Владикавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Мнѣ пришлось побывать въ этой колоніи во второй половинѣ іюня нынѣшняго года. Колонія построена на возвышенномъ мѣстѣ, такъ что, подъѣзжая къ станицѣ, можно видѣть за нѣсколько верстъ небольшой хуторокъ въ сторонѣ отъ нея въ открытой степи. Отъ станицы до колоніи версты 3—4.

Постройки колоніи расположены двумя группами, раздѣленными промежуткомъ въ нѣсколько десятковъ сажень: съ одной стороны вытянулись двумя рядами, по три въ рядъ, шесть домиковъ для больныхъ, а съ другой—дворъ, огороженный бревенчатымъ заборомъ съ пристройками для служащихъ. Подъѣзжая къ двору, я увидѣлъ нѣсколькихъ женщинъ и мужчинъ, работавшихъ на грядкахъ огорода, расположеннаго съ лѣвой стороны дороги, ведущей къ воротамъ двора. Это и были больные. Поздоровавшись издали съ нами, они оставили работу и отправились въ свои домики.

Вмѣстѣ со мной пріѣхали въ колонію священникъ, военный врачъ, станичный атаманъ и фотографъ-любитель съ маленькимъ фотографическимъ аппаратомъ.

Мы въѣхали во дворъ, гдѣ насъ встрѣтила жена сторожа, и, руководимые ею, пошли осматривать постройки. Домъ «для лицъ администраціи» былъ заколоченъ, такъ какъ никакой администраціи не существуетъ. Для насъ его открыли и мы увидѣли его просторныя, свѣтлыя, но совершенно пустыя комнаты. Кухня помѣщается въ довольно большомъ (по деревенски) зданіи, раздѣленномъ на двѣ половины—квартира сторожа въ одной и поварская въ другой. Въ боковой стѣнѣ поварской прорѣзаны три квадратныя отверстія съ деревянными дверцами, чрезъ которыя подаютъ больнымъ пищу. Дверцы выходятъ въ узкій корридоръ, образуемый двойными съ этой стороны стѣнами зданія. Въ наружной стѣнѣ продѣлана дверь, предназначенная исключительно для больныхъ. Корридоръ освѣщается двумя окнами. Разъ въ день больные являются въ этотъ узкій промежутокъ между двумя стѣнами съ посудой въ рукахъ и, постучавъ въ оконце, ставятъ ее на подоконникъ. Стряпуха выдаетъ каждому его порцію хлѣба и горячей пищи, захлопываетъ окно и на этомъ оканчиваются сношенія больныхъ со здоровыми. Обязанности стряпухи исполняетъ жена сторожа, онъ же смотритель и экономъ. Колонія находится въ фактическомъ завѣдываніи этихъ двухъ человѣкъ, которые получаютъ квартиру, столъ, общій съ больными, и 12 рублей въ мѣсяцъ (оба). Они казаки станицы Александрійской и представляютъ собой всю администрацію и вообще весь штатъ служащихъ по завѣдыванію колоніей. Пищу больныхъ, по словамъ стряпухи, составляютъ, кромѣ хлѣба, котораго полагается до 3 ф. въ день, каша, борщъ, лапша; въ скоромные дни выдается на каждаго по полфунту мяса. Сверхъ

этого выдается на руки 3 фунта сахару и 1/4 ф. чаю въ мѣсяцъ на двухъ человѣкъ.

Въ Терской области зарегистрировано болѣе 60 человѣкъ больныхъ проказой; изъ нихъ въ колоніи нашли пріютъ только 12 человѣкъ; всѣ они казаки и казачки станицы Александрійской.

Пока мы осматривали кухню, больные собрались возлѣ одного изъ своихъ домиковъ и ждали насъ. Нѣкоторые, преимущественно женщины, вернувшись съ огорода, успѣли переодѣться въ болѣе чистое платье. Издали они не производили впечатлѣнія больныхъ. Окружающая обстановка также не заключала въ себѣ ничего больничнаго: маленькіе бѣлые домики, вродѣ малороссійскихъ хатъ, съ узенькой галлерейкой, цвѣтники, разведенные передъ каждымъ изъ нихъ, огородъ, на которомъ работали люди, одѣтые въ обыкновенное крестьянское платье, бахча и небольшая полоска проса, засѣянная однимъ изъ больныхъ,—все это смягчало тяжелое чувство, съ какимъ я подъѣзжалъ къ колоніи. Даже первое впечатлѣніе при болѣе близкомъ знакомствѣ съ больными, которыхъ я видѣлъ первый разъ, было менѣе жутко, чѣмъ можно было ожидать: насъ встрѣтили, радушно улыбаясь, привѣтливо отвѣтили на нашъ поклонъ; впереди стояли болѣе здоровые люди, съ слабо выраженными на лицѣ признаками болѣзни; спокойныя лица, спокойный тонъ рѣчи, даже съ оттѣнкомъ юмористической ироніи надъ своимъ положеніемъ... Ни жалобы, ни стоновъ, ни жалкихъ словъ. Нѣкоторые обмѣнялись съ станичнымъ атаманомъ, старымъ знакомымъ и одностаничникомъ, шутливыми замѣчаніями.

А между тѣмъ все это были люди, приговоренные къ медленной, мучительной смерти. И они знали объ этомъ, на ихъ глазахъ были примѣры безпощадной разрушительной работы страшной болѣзни.

Трое больныхъ, двое мужчинъ и одна женщина, находились въ томъ періодѣ болѣзни, который является уже послѣдней стадіей ея развитія. Ихъ лица представляютъ почти сплошной гнойный струпъ. Одинъ изъ нихъ, Степанъ Рѣдькинъ, болѣетъ уже 14 лѣтъ; ему всего 24 года, а онъ выглядитъ старикомъ; другой, Даніилъ Яриковъ 27 лѣтъ, боленъ 7 лѣтъ, но болѣзнь у него видимо быстрѣе совершала свою страшную работу. Они, какъ близнецы, походили другъ на друга. Болѣзнь наградила ихъ этимъ сходствомъ. Характерный признакъ болѣзни, по словамъ врача, разбитый, хриплый голосъ и совершенная потеря растительности на лицѣ: волосы бороды и усовъ до чиста выпадаютъ, какъ будто ихъ никогда и не было.

Прасковья Глѣбова, 31 года, больна 18 лѣтъ, отличается могучимъ тѣлосложеніемъ, и ея организмъ, не смотря на сильно развившуюся болѣзнь, видимо еще долго будетъ бороться за свое существованіе. Сестра ея, 16-лѣтняя дѣвушка, больна уже восемь лѣтъ, но болѣзнь такъ еще мало отражается на ея наружности,

что вполнѣ сохранились красивыя черты лица. Она грамотная и, чередуясь съ другимъ больнымъ, Иваномъ Гусевымъ, совсѣмъ почти здоровымъ по наружному виду и также грамотнымъ, они читаютъ иногда вслухъ остальнымъ больнымъ попадающія къ нимъ случайно и очень рѣдко книжки. Это является единственнымъ развлеченіемъ для больныхъ въ зимнее время.

Въ колоніи живетъ цѣлая семья Шумаковыхъ, состоящая изъ трехъ душъ—мать, дочь и сынъ. Мать больна уже 8 лѣтъ, дочь 6 лѣтъ, а сынъ, восьми-лѣтній мальчикъ Сеня, совершенно здоровъ, безъ всякихъ слѣдовъ болѣзни и живетъ здѣсь, среди прокаженныхъ, только потому, что *ему негдѣ жить*: Шумаковы очень бѣдные люди, и они всѣмъ домомъ переселились въ колонію...

Въ то время, какъ я разговаривалъ съ матерью о несчастномъ Сенѣ, веселомъ, беззаботномъ мальчикѣ, не подозрѣвавшемъ своей будущей трагической судьбы, къ стоявшему рядомъ со мной священнику приблизилась молодая женщина съ красноватыми пятнами на довольно чистомъ сравнительно лицѣ, которая тщательно прятала что-то подъ полами кофты.

— Оксти, батюшка!—тихо сказала она.

— Я вѣдь вамъ сказалъ, что надо сдѣлать,—отвѣтилъ священникъ.

Я вспомнилъ, что мнѣ въ Пятигорскѣ нѣкоторые обыватели говорили о «развратѣ, царившемъ въ колоніи», въ которой «больныя рожаютъ дѣтей».

Это и была больная съ новорожденнымъ младенцемъ, который пришелъ на свѣтъ Божій дѣйствительно въ колоніи всего двѣ-три недѣли передъ нашимъ пріѣздомъ туда. Спѣшу сейчасъ же оговориться, что обывательскія фантазіи оказались лишенными всякаго основанія. Больная проказой мать, Марфа Постникова, замужняя женщина и поступила въ колонію на пятомъ мѣсяцѣ беременности. Она больна уже 6 лѣтъ, мужъ ея, совершенно здоровый человѣкъ, нанялся куда-то въ работники и уѣхалъ изъ станицы. Жена нашла пріютъ въ колоніи и здѣсь родила.

Въ отвѣтъ на слова священника подошла другая женщина, также съ виду мало похожая на больную, и сказала:

— Все сдѣлали, батюшка: водой окропили и перекрестили, какъ сказано...

— Святой водой?—спросилъ священникъ.

— Какъ же, святой, святой!—поспѣшно воскликнула крестившая младенца женщина.

— Ну хорошо, вотъ погоди.

Пріѣхавшій съ нами военный врачъ разспрашивалъ въ это время другихъ больныхъ о состояніи ихъ здоровья. Съ глубокимъ вниманіемъ прислушивались всѣ къ тому, что говорилъ врачъ. Страшная жажда лѣчиться, затаенная надежда на возможность исцѣленія живетъ въ душѣ у каждаго изъ нихъ. А между тѣмъ

практическая медицина совершенно отказалась лѣчить проказу. Не знаю, правильно ли это или неправильно съ научной точки зрѣнія, но съ человѣческой—это жестоко. Да и не можетъ быть, чтобы въ современной медицинѣ не было средствъ, которыя могли бы принести больному если не исцѣленіе, то, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе, а можетъ быть и нѣкоторое облегченіе страданій.

Всѣ больные, живущіе у себя дома въ той же Александрійской станицѣ, постоянно чѣмъ нибудь лѣчатся, понятно, у бабокъ и знахарей. Правда, что тамъ и нѣтъ врача, такъ что и лѣчиться имъ больше не у кого. Больные, находящіеся въ колоніи, также нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ лѣчились,—и, при всемъ своемъ скептицизмѣ, мы всѣ, пріѣхавшіе въ колонію, должны были признать, что лѣченіе велось не безъ успѣха. Въ сосѣднемъ маленькомъ городишкѣ Георгіевскѣ жилъ мѣщанинъ Андрей Комаръ, пользовавшійся извѣстностью исцѣлителя прокаженныхъ. Вскорѣ послѣ открытія колоніи, онъ самъ проявилъ желаніе лѣчить ея обитателей. Онъ пріѣхалъ въ станицу и получилъ отъ лицъ, завѣдующихъ колоніей, разрѣшеніе показать свое искусство. Комаръ поселился въ колоніи въ февралѣ мѣсяцѣ и прожилъ тамъ, кажется, шесть недѣль, занимаясь врачеваніемъ. Чѣмъ онъ лѣчилъ, никто не могъ объяснить, но всѣ,—врачъ, священникъ и атаманъ станицы, признали, что онъ достигъ извѣстныхъ и довольно значительныхъ результатовъ. То же самое заявляли и больные. Отъ нихъ я узналъ, что лѣченіе его заключалось въ томъ, что онъ дѣлалъ какія-то втиранія и обмыванія, что сначала онъ лѣчилъ «хорошо, усердно, старался», а потомъ совсѣмъ «пересталъ заботиться», бросилъ и ушелъ изъ колоніи. Двѣ больныя, пользовавшіяся «хорошимъ» лѣченіемъ, Устинья Шумакова и Анна Сундіева, значительно поправились. У Шумаковой были большія шишки на тѣлѣ, которыя исчезли, сильно хрипѣвшій голосъ сталъ гораздо чище. Но особенно замѣтно поправилась Сундіева, заболѣвшая всего три года назадъ. Она избавилась отъ большихъ опухолей на ногахъ и говоритъ совсѣмъ чисто; на лицѣ остались еще слѣды болѣзни, но нѣтъ ничего характернаго для проказы, и что особенно цѣнно—у нея хорошее самочувствіе. Когда врачъ хотѣлъ посмотрѣть и показать намъ ея ноги выше колѣнъ, чтобы объяснить, какая произошла перемѣна послѣ лѣченія, Сундіева засмѣялась, отрицательно покачала головой и, показавъ глазами на атамана, сказала:

— При немъ не могу... Стыдно... Онъ женихъ...

Атаманъ долженъ былъ отвернуться и тогда мы увидѣли, что на ногахъ дѣйствительно нѣтъ никакихъ опухолей, а только мелкіе прыщи, какіе бываютъ иногда на тѣлѣ и у здоровыхъ людей.

— Кабы больше лѣчилъ, совсѣмъ бы вылѣчилъ,—сказала Сундіева, улыбаясь.

Почему же онъ не лѣчилъ? На этотъ вопросъ трудно было по-

лучить вполнѣ точное объясненіе. Андрей Комаръ ушелъ безъ всякихъ объясненій. По нѣкоторымъ намекамъ, однако, можно предположить, что Комаръ прекратилъ свою дѣятельность прежде всего потому, что ему ничего не платили не только за его трудъ, но и за расходуемыя имъ «лѣкарства». Ему предоставили «право лѣчить» и больше ничего. Жилъ онъ въ колоніи такъ же, какъ больные; питался тѣмъ же, что и они. Кромѣ того, лѣкарства израсходовались, не было сколько нибудь приспособленнаго для лѣченія мѣста и вообще не было никакихъ приспособленій, такъ что, когда понадобилась ванна, то пришлось сажать паціентовъ въ какую-то старую бочку...

Просматривая списокъ больныхъ, находившихся въ колоніи (списокъ этотъ былъ мной заготовленъ заранѣе), я замѣтилъ, что не досчитываюсь двухъ человѣкъ: по моему списку значилось 14 душъ, въ дѣйствительности же ихъ было 12. Оказалось, что нѣсколько дней тому назадъ молодой казакъ Рубашный, 24 лѣтъ, ушелъ изъ колоніи въ станицу къ себѣ домой. Онъ недавно женился, и болѣзнь его не продолжается еще и года. По словамъ священника, его почти невозможно отличить отъ здороваго. Другой—Иванъ Шутовъ также вернулся домой, недовольный жизнью въ колоніи.

Бывшій съ нами фотографъ-любитель занялся фотографированіемъ больныхъ и видовъ колоніи, а мы пошли осмотрѣть церковь, построенную въ сторонѣ, на маленькомъ возвышеніи. Эта часовня, чистенькая, бѣлая съ розовыми углами, производитъ очень пріятное впечатлѣніе своимъ наружнымъ видомъ, но превосходитъ ли она своимъ благолѣпіемъ «многіе храмы закавказскаго края и осетинскихъ селеній Терской области» судить объ этомъ трудно, потому что внутри ея еще нѣтъ ничего, кромѣ пустыхъ стѣнъ. Только высоко подъ куполомъ ласточка прилѣпила свое гнѣздо и безпокойно заметалась, когда мы вошли, испуганная неожиданнымъ посѣщеніемъ...

Пора было ѣхать. Вернулся фотографъ со своимъ аппаратомъ, и намъ подали лошадей. Не знаю почему, но, когда я выходилъ изъ часовни, какое-то странное предчувствіе заставило меня подумать, что никогда стѣны этого маленькаго храма не огласятся звуками богослуженія...

Когда мы проѣзжали возлѣ домиковъ прокаженныхъ (я ѣхалъ вдвоемъ со священникомъ въ его тѣлежкѣ), въ группѣ собравшихся вмѣстѣ больныхъ о чемъ-то оживленно бесѣдовали. Мы простились съ ними и проѣхали мимо, не останавливаясь. Я невольно оглянулся, чтобы еще разъ окинуть взглядомъ колонію, и увидѣлъ, что одинъ изъ больныхъ, Макаръ Сушковъ, бѣжитъ за нами и тащитъ за руку Сеню Шумакова. Мы остановились. Оба они приблизились къ нашей тѣлежкѣ и стояли въ двухъ шагахъ съ непокрытыми головами.

Бѣлокурый мальчикъ въ длинной красной рубахѣ безъ пояса смотрѣлъ на меня живыми, веселыми, немного смущенными глазами, держа въ одной рукѣ огромную фуражку съ козырькомъ, а въ другой, которую онъ старался спрятать, горсть красныхъ ягодъ. Сушковъ держалъ его какъ разъ за локоть этой руки, такъ что Сенѣ не удалось скрыть свое сокровище — собранныя въ полѣ ягоды земляники.

Этотъ Сушковъ, которому было 34 года и который уже десять лѣтъ носилъ тяжкое иго болѣзни, удивительно хорошо сохранился. Онъ казался гораздо моложе своихъ сожителей Рѣдькина и Ярикова, говорилъ довольно чисто и вообще издали вовсе не былъ похожъ на больного. Но онъ очень страдалъ отъ мучительной боли въ рукахъ. У него были скрючены пальцы; они постоянно гноились и были обыкновенно обмотаны тряпками.

— Что тебѣ?—спросилъ священникъ.

— Я къ нимъ,—отвѣтилъ Сушковъ, кивнувъ головой въ мою сторону.

— Ну что, что?—нетерпѣливо торопилъ его священникъ, которому нужно было спѣшить въ станицу.

— Объ мальчикѣ, ваша милость... Онъ вѣдь здоровый совсѣмъ. Вотъ, посмотрите.

Онъ отпустилъ, наконецъ, руку мальчика, которую Сеня тотчасъ же спряталъ за спину.

— Знаю, что здоровый! Что же дѣлать?—сказалъ священникъ.

— Взять бы его отъ насъ... Можетъ быть Господь милосердный его помилуетъ...

— Да куда взять-то?—въ раздумьи спрашивалъ священникъ. Дѣйствительно, куда же было взять?

На какія средства существуетъ колонія? Въ тѣхъ же «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», которыя цитировались вначалѣ, читаемъ:

«Радуясь быстрому устроенію колоніи, владыка вмѣстѣ съ тѣмъ тревожно задумывался о средствахъ содержанія оной. Въ этомъ отношеніи владыкѣ предполагалъ оказать свое содѣйствіе г. начальникъ Терской области, всегда съ особымъ вниманіемъ относящійся къ предпріятіямъ, имѣющимъ значеніе общей пользы, посовѣтовалъ владыкѣ передать колонію въ вѣдѣніе администраціи Терской области. Предложеніе это владыка принялъ съ радостью, считая дальнѣйшую судьбу колоніи обезпеченной отъ всякихъ случайностей. Думая поэтому призрѣвать въ колоніи прокаженныхъ и другихъ селеній Терской области, стали строить зданія въ большемъ, чѣмъ требовалось для мѣстныхъ нуждъ станицы, количествѣ.

«Когда устройство колоніи совсѣмъ почти закончилось, изъ медицинскаго департамента, въ отвѣтъ на ходатайство начальника области,

послѣдовало извѣщеніе о намѣреніи министерства устроить для прокаженныхъ больныхъ областей Донской, Кубанской и Терской двѣ колоніи: одну для христіанъ около Ростова на Дону, другую для магометанъ около Владикавказа. Вслѣдствіе такого распоряженія судьба Александрійской колоніи представляется нынѣ въ печальномъ видѣ, такъ какъ совсѣмъ не имѣется средствъ для содержанія 14 прокаженныхъ, уже поступившихъ въ колонію. Остается единственная надежда на Красный Крестъ и частную благотворительность; пока же больные содержатся на скудныя средства, отъ постройки колоніи оставшіяся. Если надежда на помощь отъ общества Краснаго Креста оправдается, судьба колоніи, безъ сомнѣнія, улучшится, однако, не настолько, чтобы не нуждаться въ частной благотворительности».

А если не оправдается?..

Во время моего посѣщенія колонія «скудныхъ средствъ» оставалось около 2 тысячъ рублей. Это дѣйствительно скудныя средства, если принять во вниманіе, что въ колоніи нѣтъ рѣшительно никакого медицинско-санитарнаго надзора и ухода за больными и что еще не окончена церковь, на которой нѣтъ креста, нѣтъ колоколовъ, нѣтъ никакой церковной утвари. Такъ какъ не на что содержать больныхъ, то по всей вѣроятности церковь останется не оконченной. Но какъ бы экономно ни расходовались деньги, ихъ, конечно, не хватитъ болѣе какъ на годъ, на полтора. Затѣмъ... Что же можетъ послѣдовать затѣмъ? Колонію придется закрыть, а больные возвратятся въ первобытное состояніе, т. е. будутъ сидѣть въ темныхъ канурахъ деревенскихъ избъ и питаться подаяніемъ.

Экономія въ средствахъ приводитъ къ тому, что половина мѣстъ въ колоніи остаются пустыми. Въ каждой половинѣ шести домиковъ должны помѣщаться по два человѣка. Слѣдовательно, три домика, въ которыхъ могли бы найти пріютъ еще 12 больныхъ, остаются пустыми. Въ то же время въ станицѣ и по сосѣдству съ ней имѣются больные, которымъ некуда пріютиться и которые находятся буквально въ такомъ же положеніи, какъ и тѣ, что поселились въ колоніи, т. е. въ крайней нищетѣ. Двое болѣе зажиточныхъ ушли изъ колоніи, потому что у себя дома они могутъ устроиться гораздо лучше. Это бѣгство изъ пріюта является прямымъ показателемъ того, что онъ не удовлетворяетъ своему назначенію: нужно, чтобы больные бѣжали въ колонію, а не изъ нея. Нужно, чтобы въ ней былъ врачъ, были лѣкарства, сестры милосердія, удобныя помѣщенія, хорошая пища и заботливый уходъ. Ничего этого нѣтъ въ Александрійской колоніи; никакихъ слѣдовъ медико-санитарнаго и всякаго другого ухода за больными. Можно ли упрекать за это устроителей колоніи? Нисколько. Они сдѣлали, что могли. Но сдѣлать нужно такъ много, необходимы средства настолько значительныя, что частныя лица не могутъ

справиться съ такой задачей. Ее должно взять на себя государство, потому что въ правильномъ ея разрѣшеніи заинтересована вся страна. Число больныхъ проказой ежегодно увеличивается: прежде попадались единичные случаи, теперь они насчитываются десятками въ одной Терской области. Если бы само населеніе не принимало нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, хотя бы и самыхъ элементарныхъ (своя посуда, своя ложка, свой изолированный уголъ), распространенность болѣзни возросла бы до страшныхъ размѣровъ. Пока медицинская наука найдетъ средство лѣчить проказу, необходима полная изоляція больныхъ, какъ единственное вѣрное средство прекратить дальнѣшее распространеніе болѣзни. Особенно ужасной въ данномъ случаѣ является та страшная особенность проказы, что заразившійся ею человѣкъ цѣлые годы и не подозрѣваетъ своей печальной участи. Между моментомъ зараженія и проявленіемъ болѣзни проходитъ иногда отъ 4 до 6 лѣтъ. Не смотря на то, что проказа извѣстна съ библейскихъ временъ, въ медицинской наукѣ все еще идутъ споры о заразности и о степени заразности болѣзни. Больные Александрійской колоніи представляютъ собой фактическое доказательство заразительности проказы. Вся семья Шумаковыхъ заразилась отъ отца, который умеръ отъ проказы въ 1893 году, проболѣвъ болѣе 10 лѣтъ. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ мальчикъ Сеня. У него была еще сестра, заболѣвшая въ пятилѣтнемъ возрастѣ и умершая въ декабрѣ 1897 года послѣ восьмилѣтнихъ страданій. Въ семьѣ сестеръ Глѣбовыхъ умерла отъ проказы сноха; у Сушкова умеръ братъ; у Рѣдькина—также братъ; у Гусева жившая въ ихъ семьѣ тетка и т. п.

Врачи говорятъ, что въ началѣ заболѣванія чрезвычайно трудно опредѣлить проказу и что ее легко смѣшать съ другими болѣзнями. Значительное число случаевъ, когда въ одной и той же семьѣ одни заболѣваютъ, другіе остаются здоровыми, ставитъ вопросъ о степени воспріимчивости организма къ болѣзни. Въ этомъ отношеніи яркимъ примѣромъ служитъ трагическая судьба семьи священника Макарова, умершаго около 20 лѣтъ тому назадъ отъ проказы. У него было четыре дочери: одна молоденькая дѣвушка, у которой болѣзнь появилась почти наканунѣ ея свадьбы, покончила самоубійствомъ; другая, также заразившаяся отъ отца, умерла, проболѣвъ около пятнадцати лѣтъ, между тѣмъ какъ двѣ остальныя дочери вышли замужъ, живы, здоровы и имѣютъ здоровыхъ дѣтей. Жена священника, ухаживавшая за нимъ и за дѣтьми до ихъ кончины, также совершенно здорова и дожила до глубокой старости. Все это, конечно, требуетъ научнаго изслѣдованія и даже въ маленькой Александрійской колоніи имѣется въ высшей степени цѣнный въ научномъ отношеніи матеріалъ для изученія проказы, представляемый различными стадіями развитія болѣзни, разнообразнымъ возрастнымъ составомъ больныхъ и разновременной

продолжительностью болѣзни. Но для того, чтобы создать обстановку, при которой можно было бы цѣлесообразно использовать этотъ матеріалъ, необходимо участіе государства. Не думайте, что одна Терская область заинтересована въ борьбѣ съ проказой. У больного Ярикова есть братъ, жившій съ нимъ вмѣстѣ, который въ настоящее время отбываетъ воинскую повинность. Богъ знаетъ, гдѣ онъ и куда можетъ занести заразу! А сколько безпризорныхъ больныхъ живетъ, распространяя заразу, во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи?

Какъ относится само мѣстное населеніе въ станицѣ Александрійской къ проказѣ? Изъ бесѣды съ нѣкоторыми казаками, старыми и молодыми, у меня составилось впечатлѣніе, что старики не вѣрятъ въ заразительность болѣзни. Старый сѣдой казакъ, давнишній обыватель станицы, разсказалъ мнѣ, между прочимъ, нѣкоторыя подробности, относящіяся къ дѣятельности покойнаго священника Макарова. Оказывается, что этотъ священникъ исполнялъ всѣ требы, находясь въ послѣдней стадіи развитія болѣзни.

— Если бы,—говорилъ казакъ,—болѣзнь была прилипчивая, то половина нашей станицы была бы въ болѣзни. Священникъ во всякій домъ входилъ... А онъ вотъ какъ былъ болѣнъ: руки распухшія, лѣвая рука вся въ язвахъ была и всегда бѣлымъ платкомъ обмотана... Когда крестить надо было, такъ онъ не могъ ужъ погружать младенца въ купель, потому руки не дѣйствовали... Онъ лѣвой рукой его къ себѣ прижметъ, а правой изъ купели на него святой водой похлещетъ... И ничего, всѣ живы и здоровы были, — убѣжденно закончилъ казакъ. — Это теперь только чохъ-мохъ завели... Раньше ничего этого не было—прибавила его жена.

«Чохъ-мохъ»—это значитъ вздоръ, пустяки, ненужная суета. Молодое поколѣніе относится къ дѣлу иначе и вполнѣ сочувствуетъ мѣрамъ предосторожности. Молодой атаманъ станицы даже совѣтовался со мной, нельзя ли воспретить больнымъ, которые, однако, скрываютъ свою болѣзнь, являться въ станичное управленіе, бывать на сходахъ и вообще принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ...

Послѣ разсказа стараго казака невольно думается, что если бы «чохъ-мохъ» завели лѣтъ 25 тому назадъ, то можетъ быть теперь станица Александрійская не была бы такимъ опаснымъ гнѣздомъ проказы...

Что думаютъ о будущемъ колоніи люди, близко прикосновенные къ ея устройству? На этотъ счетъ я долго не могъ добиться какихъ либо опредѣленныхъ указаній. Одинъ говорилъ, что «свѣтъ

не безъ добрыхъ людей», другой — что «авось какъ-нибудь простоитъ», третій,—что надо «снова поклониться владыкѣ» и т. п. общія мѣста, говорившіяся только для того, чтобы какъ нибудь отвязаться отъ тяжелаго вопроса. Только въ концѣ нашей бесѣды, когда я уже собрался уѣзжать, была высказана мысль, которая, какъ мнѣ показалось, вѣрно выразила общее настроеніе по отношенію къ колоніи тѣхъ лицъ, которымъ съ нею приходится возиться.. поневолѣ.

— Всего бы лучше было, когда бы ее отъ насъ куда нибудь убрали...

Такъ совершенно неожиданно для меня вырвалось горькое признаніе въ невозможности справиться мѣстными силами съ трудной задачей.

Е. Ганейзеръ.

Хроника внутренней жизни.

I.

Продовольственное дѣло. — Недостатокъ учебныхъ заведеній. — Случай изъ арестантской жизни.

Рядъ происходящихъ въ настоящее время—въ первой половинѣ октября — очередныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній заключаетъ собою опредѣленный періодъ въ земской и административной дѣятельности, направленной на борьбу съ послѣдствіями неурожая нынѣшняго года. Это періодъ, посвященный констатированію серьезности возможнаго бѣдствія, приблизительнымъ подсчетамъ потребной помощи (и прежде всего въ обсѣмененіи озимыхъ полей, которое не терпѣло отлагательствъ), первыхъ ассигнованій и закупокъ хлѣба; выработки общихъ положеній и системы мѣръ въ руководство для будущаго. Спеціальная командировка представителей высшей администраціи на мѣста нужды, результаты обсужденій особаго совѣщанія по продовольственному вопросу, постановленія губернскихъ совѣщаній, рѣшенія и ходатайства чрезвычайныхъ земскихъ собраній въ ихъ взаимодѣйствіи опредѣлили собою первые шаги въ дѣлѣ борьбы съ угрожающими земледѣльческому населенію 8 губерній разореніемъ и нуждою. Эти первые шаги имѣютъ для будущаго большое значеніе: хотя въ общественной дѣятельности мы и не отличаемся особенной послѣдовательностію, но все же первоначально принятое направленіе не можетъ не оказать своего вліянія: въ немъ корень будущихъ успѣховъ или непоправимыхъ ошибокъ, твердаго поступательнаго хода дѣятельности или будущихъ неурядицъ.

Припоминая, что сдѣлано въ эти послѣдніе $2^1/_2$—3 мѣсяца, мы не можемъ пожаловаться на отсутствіе внѣшнихъ признаковъ дѣятельности, на недостатокъ мѣръ, проектированныхъ земствами и администраціей. Но, если мы, оставивъ въ сторонѣ то, что имѣетъ отношеніе къ болѣе или менѣе отдаленному будущему, остановимся на неотложныхъ нуждахъ пережитаго момента и на вопросѣ о томъ, были ли онѣ удовлетворены, въ какой мѣрѣ и какъ,—то мы окажемся въ значительномъ затрудненіи. Съ одной стороны, подведенію подобнаго рода итоговъ мѣшаетъ скудость свѣдѣній, съ другой—спутанность въ общей картинѣ происходящаго. Мы видимъ ходатайства губернскихъ совѣщаній и чрезвычайныхъ земскихъ собранія, видимъ дѣйствія особыхъ уполномоченныхъ по продовольственному вопросу, ассигновки, которыя не отвѣчаютъ ходатайствамъ, и ходатайства, которыя не отвѣчаютъ тѣмъ свѣдѣніямъ о размѣрахъ потребности, которыя имѣются въ рукахъ у самихъ ходатайствующихъ. При такихъ условіяхъ трудно сказать, куда должны быть отнесены тѣ ошибки, которыя могутъ сказаться впослѣдствіи. Закономъ возложенная на земскія учрежденія отвѣтственность въ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія въ значительной степени снимается съ нихъ участіемъ въ немъ временно созданныхъ органовъ и той подчиненной ролью, которую имъ большею частью приходится занимать какъ въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ, такъ и благодаря рамкамъ, поставленнымъ ихъ самодѣятельности. Все это, конечно, не даетъ имъ права ни на апатію, ни на неправильный образъ дѣйствій, но тѣмъ съ большею осторожностью требуется судить въ каждомъ данномъ случаѣ о причинахъ обнаруженныхъ неурядицъ и промаховъ.

Одною изъ существеннѣйшихъ задачъ въ дѣлѣ помощи неурожайнымъ мѣстностямъ являлось до сихъ поръ обезпеченіе ихъ озимыми посѣвами. Насколько успѣшно и своевременно выполнена была эта задача въ губерніяхъ, ходатайствовавшихъ о ссудахъ на обсѣмененіе озимыхъ полей и получившихъ эти ссуды въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, мы имѣемъ изъ газетныхъ сообщеній слишкомъ недостаточныя свѣдѣнія. Правда, сообщалось, что въ Казанской губерніи хлѣбъ былъ своевременно закупленъ и доставленъ на мѣста нужды уполномоченными отъ министерства финансовъ и, хотя первое время бездождіе задержало сѣвъ, но онъ все же былъ произведенъ удачно. Это приводится въ доказательство преимуществъ принятой системы хлѣбныхъ заготовокъ при посредствѣ чиновниковъ министерства финансовъ. Однако, врядъ ли примѣръ Казанской губерніи можетъ въ этомъ отношеніи служить такимъ неопровержимымъ доказательствомъ удобопримѣнимости и выгодности указаннаго пріема. Не говоря уже о томъ, что мы имѣемъ слишкомъ скудныя свѣдѣнія о ходѣ въ Казанской губерніи операціи снабженія населенія сѣменами, надо имѣть въ виду, что Казанская губернія стояла въ особо выгодныхъ условіяхъ: на нее было обращено съ самаго начала

особое вниманіе и въ заботахъ администраціи о нуждахъ ея населенія она попала въ первую очередь. Наряду съ тѣмъ можно отмѣтить примѣры успѣшнаго выполненія той же задачи органами мѣстнаго самоуправленія. Это касается Елабужскаго уѣзда, который вмѣстѣ съ Сарапульскимъ составляетъ главный очагъ бѣдствія, постигшаго населеніе Вятской губерніи. Уже въ первой половинѣ іюня земская управа произвела тамъ изслѣдованіе озимыхъ посѣвовъ и нашла ихъ на $^2/_3$ плохими. Когда выяснилось, что населенію грозитъ неурожай, какого не помнили старожилы, то управа въ своемъ докладѣ собранію заявила о необходимости исходатайствовать на обсѣмененіе озимыхъ полей не менѣе 240,000 руб. Собраніе единогласно высказалось за увеличеніе ссуды до 378,000 руб. Всѣ сельскіе хозяева и гласные изъ крестьянъ заявили, что къ настоящему моменту размѣры неурожая увеличились; что пробные умолоты сохранившихся озимей дали ничтожные результаты; зерно получилось тощее, высохшее, почти на половину невсхожее. Собраніе постановило также ходатайствовать теперь же и о ссудѣ на обсѣмененіе въ 1898 г. яровыхъ полей, чтобы до очередныхъ собраній не упустить удобнаго навигаціоннаго времени». Испрашиваемая ссуда на обсѣмененіе озимыхъ полей была выдана и, въ свою очередь, первою половиною августа уѣздная земская управа закончила выдачу сѣмянъ для озимыхъ полей. «Операція эта, пишетъ корреспондентъ «Волж. Вѣстн.», сошла, нужно сказать, какъ нельзя лучше: сѣмена выданы своевременно и прекраснаго качества. Всхожесть сѣмянной ржи, купленной въ Самарѣ, Чистополѣ и Елабугѣ, опредѣлена по испытанію не ниже 85 проц. Озимыя поля засѣяны по уѣзду повсемѣстно. Не смотря на спѣшность, съ которою велось это дѣло, уѣздное земство вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы сказать ему спасибо. Правда, это «спасибо» и говоритъ уже населеніе уѣзда («В. В.» № 201).

Мы отнюдь не хотимъ сказать приведеннымъ примѣромъ, что всюду, гдѣ дѣло заготовокъ находится въ рукахъ земствъ, оно идетъ такъ же образцово. Но при наличности внимательнаго къ народнымъ нуждамъ, опытнаго и энергичнаго состава, у земства есть всегда такія преимущества къ быстрой и умѣлой организаціи продовольственныхъ закупокъ, какихъ не можетъ быть у самаго дѣятельнаго и исполнительнаго чиновника. Съ другой стороны, привлеченіе къ этому дѣлу лицъ, стороннихъ мѣстнымъ интересамъ и недостаточно ознакомленныхъ съ мѣстными условіями, можетъ иногда нанести явный ущербъ дѣлу. Нагляднымъ тому доказательствомъ служатъ послѣднія перипетіи продовольственнаго дѣла въ саратовскомъ губернскомъ земствѣ. Въ управу пришелъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, показывающій, что министерство имѣетъ въ виду допускать выдачу земствамъ ссудъ на продовольствіе населенія *преимущественно* хлѣбомъ, заготовленнымъ при посредствѣ чиновниковъ министерства финансовъ. По поводу

этого циркуляра гл. управы А. Павловъ представилъ въ губернскую управу докладъ о неудобопримѣнимости указаннаго способа заготовки хлѣба. Сущность соображеній, которыми онъ руководствовался, по изложенію «Саратовскаго Дневника» (№ 174), заключается въ слѣдующемъ.

«Во первыхъ, неурожай объялъ цѣликомъ лишь только Хвалынскій уѣздъ, въ остальныхъ же уѣздахъ есть полосы, незатронутыя неурожаемъ. Эти полосы могутъ и должны явиться поставщиками для земства, закупающаго хлѣбъ для неурожайныхъ мѣстностей. Поэтому надо спѣшить съ покупкой: иначе хлѣбъ будетъ вывезенъ на рынокъ и пріобрѣтенъ тамъ различнаго рода покупщиками безъ существенной пользы для мѣстнаго населенія. Во вторыхъ, министерству финансовъ не закупить хлѣбъ по такой дешевой цѣнѣ, какъ это могутъ дѣлать мѣстныя земскія учрежденія. Что министерство черезъ своихъ уполномоченныхъ не сможетъ закупить дешевле земства—въ этомъ оно и само косвенно призналось, поручивъ въ 1895 году нужную ему закупку произвести мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ. Болѣе же дорогой хлѣбъ для надорвавшихся платежныхъ силъ населенія будетъ слишкомъ въ тягость. Кромѣ незнанія министерствомъ мѣстныхъ условій, болѣе дорогой нагрузки, накладныхъ расходовъ пріема и проч.,—есть еще соображеніе, говорящее за необходимость земской, а не правительственной закупки: въ большую часть Хвалынскаго уѣзда продовольственный хлѣбъ можетъ идти только воднымъ путемъ, какъ самымъ дешевымъ,—желѣзнодорожная же отправка подниметъ его стоимость. Но водный путь—не круглый годъ и потому надо спѣшить съ закупкой продовольственнаго хлѣба, надо сейчасъ же дѣйствовать въ этомъ направленіи».

Съ доводами г. Павлова, какъ сообщаетъ «Саратовская Недѣля», вполнѣ согласились и губернская управа, и особое продовольственное совѣщаніе, и г. начальникъ губерніи. Въ этомъ смыслѣ и была послана 21 августа министру внутреннихъ дѣлъ телеграмма съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ отпускѣ земству 2 милл. рублей для своевременной заготовки продовольственнаго хлѣба. Не получая отвѣта и на это ходатайство (ходатайство о ссудѣ въ 2 милл. рублей было возбуждено тотчасъ послѣ чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, открытаго 1 августа), управа командировала своего предсѣдателя въ Петербургъ лично ходатайствовать о скорѣйшемъ отпускѣ просимыхъ земствомъ суммъ для заготовки хлѣба, такъ какъ цѣны повышаются, время удобное для навигаціи проходитъ и всякое промедленіе грозитъ большими убытками населенію. 2 сент. отъ начальника губерніи получено было сообщеніе, что министерство сдѣлало распоряженіе о заготовкѣ и доставленіи до закрытія навигаціи въ Саратовскую губернію одного милліона пудовъ хлѣба для продовольствія населенія, пострадавшаго отъ неурожая. Въ сообщеніи своемъ уполномоченный министерства финансовъ г. Турбинъ просилъ указать, куда и въ какомъ размѣрѣ

доставить хлѣбъ, а также по какимъ цѣнамъ можетъ купить сама губернская управа. Послѣдняя обратилась къ нему съ просьбою лично пріѣхать въ Саратовскую губ. для выясненія всего дѣла. Г. Турбинъ отвѣтилъ, что онъ пріѣхать не можетъ, а проситъ командировать для переговоровъ члена управы. Управою 3 сентября былъ командированъ завѣдующій продовольственнымъ отдѣломъ г. Павловъ.

А дорогое время уходило, нанося дѣлу существенный вредъ. «Къ сожалѣнію, говорилъ органъ саратовскаго губернскаго земства «Саратовская Недѣля»—все то, что предвидѣла управа и что служило мотивами къ земскимъ ходатайствамъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи продовольственной ссуды—уже сбывается: цѣна на рожь, еще недавно равнявшаяся 60—65 коп., а на овесъ 70, теперь повысилась до 70 коп. на рожь и до 75 на овесъ. Но еще большими убытками грозитъ Волга: она все мелѣетъ, и становится затруднительнымъ грузить сколько нибудь значительныя суда въ Улешахъ. Что будетъ дальше, какъ придется доставить хлѣбъ въ Хвалынскій уѣздъ, гдѣ почти нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, во что все это обойдется—трудно себѣ и представить»...

Вопросъ о водной доставкѣ продовольственнаго хлѣба имѣлъ не малое значеніе и для другихъ поволжскихъ губерній. Не говоря о большей дороговизнѣ доставки желѣзными дорогами и гужомъ, своевременная и скорѣйшая доставка хлѣба на мѣста могла имѣть большое вліяніе на уровень зимнихъ хлѣбныхъ цѣнъ. И тѣмъ не менѣе только незначительная часть всего хлѣба, который потребуется населенію неурожайныхъ мѣстностей, могла быть закуплена и доставлена на мѣста за навигаціонный періодъ. Происходило это отъ двухъ причинъ: отъ медленности въ удовлетвореніи земскихъ ходатайствъ и отъ того, что земство на первыхъ своихъ экстренныхъ собраніяхъ ограничивалось обсужденіемъ размѣровъ ссудъ, необходимыхъ на обсѣмененіе озимыхъ полей. Обычный пріемъ удовлетворенія земскихъ ходатайствъ сводился къ тому, что видѣли мы въ примѣрѣ саратовскаго земства: земство проситъ 2 милліона; по прошествіи значительнаго времени и вторичнаго ходатайства ему отпускается ссуда въ одинъ милліонъ. Положимъ, впослѣдствіи будетъ выданъ и другой милліонъ и даже болѣе, но не забудемъ латинскую пословицу: «Bis dat, qui cito dat». Если для опредѣленія размѣровъ нужды до сихъ поръ и нѣтъ точныхъ свѣдѣній, то несомнѣнно одно, что она такъ велика, что эти точныя данныя должны лишь повести къ повышенію цифры ходатайствъ. Это было замѣтно даже въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ: съ каждымъ новымъ земскимъ собраніемъ цифры необходимой помощи возвышались; казалось, нужда растетъ съ каждымъ днемъ. Какъ велика цифра испрашиваемыхъ земствами по настоящее время ссудъ, видно изъ слѣдующаго приблизительнаго подсчета. *Казанское* чрезвычайное земское собраніе, происходившее 27 сентября, испрашиваетъ 2 мил. рублей на прокормленіе

скота и 11.277,000 пуд. продовольственнаго и сѣмяннаго хлѣба. Переводя это на деньги, приблизительно по 70 коп. пудъ (хотя цѣна впослѣдствіи, конечно, будетъ выше), получаемъ, что Казанская губернія испрашиваетъ ссуду на продовольствіе и обсѣмененіе около 8 мил. руб. Чрезвычайное губернское земское собраніе въ *Вяткѣ* 5 сентября опредѣлило размѣръ необходимой ссуды въ 9.440,000 руб. и на общественныя работы около 2 мил. рублей. Въ *Уфѣ* на совѣщаніи съ губернаторомъ и губернской земской управой, бывшемъ еще 8 августа, директоръ хозяйственнаго департамента, разсмотрѣвъ разсчеты земства, нашелъ возможнымъ отпустить въ распоряженіе земства для продовольствія населенія и прокорма скота въ Мензелинскомъ, Белебеевскомъ и Бирскомъ уѣздахъ 4.900,000 руб., а пока ходатайствовалъ передъ мин. внутреннихъ дѣлъ о скорѣйшемъ отпускѣ 3,150 тыс. *Симбирское* губ. земское собраніе 28—29 іюля ходатайствовало о 4.279,000 руб. на продовольствіе, сѣмена и прокормъ скота, 300,000 руб. на пріобрѣтеніе хлѣба для продажи его по заготовительной цѣнѣ и 200,000 рублей на покупку овса для землевладѣльцевъ. *Самарское* экстренное губернское собраніе 23 сентября испрашиваетъ 4.182,000 руб. ссуды и 300,000 руб. на заготовку хлѣба для продажи населенію по заготовительной цѣнѣ. *Саратовское* губернское земство, какъ мы видѣли выше, испрашивало уже давно 2 мил. руб. исключительно на продовольствіе населенія, получивъ изъ нихъ пока одинъ милліонъ. Подводя итогъ суммѣ этихъ ходатайствъ, мы получаемъ около 35 милліоновъ рублей. Надо имѣть въ виду, что земства ходатайствуютъ о перечисленныхъ ссудахъ, уже истративъ всѣ свои собственные продовольственные капиталы, иногда довольно значительные, какъ, напр., у вятскаго земства. Сколько же до сихъ поръ отпущено по ходатайствамъ земствъ изъ имперскаго продовольственнаго капитала? Разрѣшено едва ли болѣе десяти милліоновъ, изъ нихъ дѣйствительно отпущено не болѣе $^2/_3$. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что мы взяли только шесть поволжскихъ губерній, наиболѣе нуждающихся и о которыхъ болѣе всего имѣется свѣдѣній. Но районъ нужды обнимаетъ собою еще рядъ губерній: Пермскую, Тульскую, Тамбовскую, Рязанскую, въ которыхъ нужда, если и не проявляется настолько ярко, то во всякомъ случаѣ потребуетъ къ себѣ серьезнаго вниманія и затратъ.

Ограниченный размѣръ отпускаемыхъ въ распоряженіе земствъ суммъ зависѣлъ, очевидно, отъ того, что какъ администрація, такъ и земства главнымъ образомъ озабочены были вопросомъ объ обсѣмененіи озимыхъ полей, считая его неотложнымъ и полагая, что закупки хлѣба на продовольствіе и яровыя сѣмена могутъ еще ждать. Разсчетъ этотъ, однако, никакъ нельзя считать правильнымъ. Во первыхъ, можно ли считать доказаннымъ, что за послѣдніе мѣсяца два не было мѣстами серьезной потребности собственно въ продовольственной помощи. Если потребность эта была, то тогда и

своевременная доставка озимыхъ сѣмянъ могла не приводить къ цѣли. Сѣмена шли на продовольствіе и на продажу, а озимыя поля оставались все равно безъ посѣва. А что продовольственная нужда давала себя знать уже осенью, на то есть не мало свидѣтельствъ. Въ Казанской губерніи на одномъ изъ первыхъ совѣщаній—соединенномъ засѣданіи губернскаго экономическаго совѣта и губернской продовольственной коммиссіи, происходившемъ 7 іюля, однимъ изъ гласныхъ Чистопольскаго уѣзда было указано, что въ этомъ уѣздѣ «собраннаго хлѣба не хватитъ для того, чтобы прокормиться даже во время его уборки. Съ августа мѣсяца необходимо кормить народъ». Предсѣдатель чистопольской управы, приведя рядъ свѣдѣній, подтверждающихъ сказанное, также заявилъ съ своей стороны, что въ виду плохого умолота необходимо имѣть излишекъ хлѣба, который пойдетъ на продовольствіе населенія. И однако совѣщаніе отклонило даже разсмотрѣніе вопроса о продовольствіи населенія. Самыя свѣдѣнія о продовольственной нуждѣ и размѣрахъ ссуды, потребной на обсѣмененіе яровыхъ полей, по распоряженію губернатора, были затребованы лишь къ 10 августа. Изъ Хвалынскаго уѣзда Самарской губерніи писали уже отъ 23 августа о крайнемъ развитіи нищенства. «Пострадавшіе отъ неурожая, пишетъ корреспондентъ «Самарск. Газ.» (№ 181) цѣлыми семьями ходятъ изо дня въ день по городу, Христовымъ именемъ выпрашиваютъ себѣ пропитаніе и подъ открытымъ небомъ, на берегу Волги, находятъ себѣ ночлегъ. Есть у насъ на берегу ночлежный баракъ, устроенный на средства города, но этотъ баракъ всегда переполненъ ночлежниками; онъ очень малъ и невмѣстителенъ. Грустно смотрѣть на несчастныхъ крестьянъ въ дождливую погоду! Нѣтъ хлѣба, нѣтъ и пріюта»...

Изъ Симбирска уже въ іюлѣ писали о безнадежномъ состояніи населенія. «Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ Буинскаго уѣзда нужда сильно ощущается и въ настоящее время. Скотъ продается за безцѣнокъ. Были случаи падежа коровъ съ голодухи. Печи топятъ, за неимѣніемъ денегъ на хворостъ, навозомъ» («Б. В.» 210)». Особое совѣщаніе и управа въ Симбирскѣ по отношенію къ Симбирскому уѣзду сочли неотложнымъ дѣломъ не только выдачу ссудъ на обсѣмененіе полей, но и немедленное продовольствіе населенія. «Продовольственныхъ средствъ въ наличности имѣется 732,089 пудовъ; этими средствами населеніе не обойдется и до нынѣшней осени. Неурожайный годъ, по своимъ результатамъ, окажется, по мнѣнію особаго совѣщанія управы и собранія, гораздо тяжелѣе для населенія голоднаго 1891—92 года, такъ какъ въ настоящемъ году нѣтъ надежды на полученіе подсобныхъ хлѣбовъ и нѣтъ никакихъ кормовыхъ средствъ для скота».

«Необходимо выдавать населенію продовольствіе по 1½ пуда въ мѣсяцъ на ѣдока, не исключая и рабочаго возраста; въ предупрежденіе развитія болѣзней, неизбѣжно вызываемыхъ недоѣданіемъ

(цынга, тифъ и проч.), необходимо заготовить возможно большее количество капусты и мяса: до холодовъ—солонины, а съ наступленіемъ холодовъ—свѣжаго мяса, въ замороженномъ видѣ; такая необходимость подтверждается опытомъ устройства столовыхъ въ 1891 — 92 году. На предложеніе о заготовкѣ капусты собраніе отвѣтило утвердительно, а вопросъ о мясѣ оставило открытымъ до очередного собранія, имѣющаго быть, по обыкновенію, въ первыхъ числахъ октября» («Нов. Вр.» № 8060).

Всѣ эти «pia desideria» ограничились, однако, по отношенію къ осеннему періоду закупкой 120,000 пуд. ржи у мѣстныхъ землевладѣльцевъ для обсѣмененія крестьянскихъ озимыхъ полей. Корреспондентъ «Ниж. Л.» пишетъ изъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи, что неурожаемъ нынѣшняго года у населенія, хозяйство котораго подорвано уже въ прошломъ году, разбиты послѣднія надежды. «Все скосило жаромъ. Земство пришло на помощь и закупило до полумилліона пуд. ржи для обсѣмененія полей, которую уже и раздаетъ. Благодаря этому, поля будутъ засѣяны, но дальше-то какъ быть? Вѣдь, ни хлѣба себѣ, ни корма скоту нѣтъ уже и теперь—это въ іюлѣ,—а впереди долгая осень, холодная зима, цѣлый еще годъ горькой нужды».

По докладу уфимской губ. земской управы, основанному, что касается до Мензелинскаго, Белебеевскаго и Бирскаго уѣздовъ, на данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ земскими статистиками, продовольственная нужда будетъ первою и, вѣроятно, самою грозною. «При ничтожномъ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ населеніе Мензелинскаго уѣзда въ большинствѣ случаевъ сейчасъ же послѣ посѣва озимыхъ хлѣбовъ не будетъ имѣть ни куска своего хлѣба. Если оно и сможетъ дальше существовать, то только на счетъ сторонней помощи. И эта помощь должна быть возможно скорою, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть всѣ шансы для появленія голода» («Нов. Вр.»).

Необходимость немедленной продовольственной помощи населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, становится особенно ясной, если имѣть въ виду, что своевременное оказаніе этой помощи разрѣшаетъ и вопросъ о сохраненіи скота, а слѣдовательно цѣлости крестьянскаго хозяйства. Преимуществомъ настоящаго положенія вещей передъ положеніемъ въ 1891—92 гг. выставляютъ то, что теперь имѣется въ виду обратить серьезное вниманіе на сохраненіе крестьянскаго скота. Проектируется рядъ мѣръ: выдача нуждающимся крестьянамъ пособій на прокормъ рабочихъ лошадей въ зимніе мѣсяцы и на время весеннихъ полевыхъ работъ, устройство особыхъ кормежныхъ пунктовъ, отгонъ лошадей въ урожайныя мѣстности, закупка лошадей на средства казны для раздачи ихъ къ началу будущей весны нуждающимся въ рабочемъ скотѣ крестьянамъ. На всѣ эти мѣры ассигнуются значительныя средства.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о цѣлесообразности и удобопримѣнимости нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣръ, обратимся къ тому, что

дѣлается въ той самой нуждающейся деревнѣ, которой хотятъ помочь. Пока вырабатываются мѣры сохраненія скота и создаются проекты, крестьянскій скотъ идетъ въ распродажу, убываетъ съ убійственной быстротой. Вѣсти о томъ изъ всѣхъ, пораженныхъ безкормицей, губерній были такъ многочисленны въ теченіе осени, что мы считаемъ излишнимъ ихъ приводить. Изъ Спасскаго уѣзда Казанской губ., изъ Хвалынскаго уѣзда Саратовской, изъ Сарапульскаго уѣзда Вятской, изъ Симбирской губ. одинаково писали объ огульной распродажѣ скота. Цѣна на рабочую лошадь упала до 15 руб., за корову 3—7 руб. «Все равно подохнетъ съ голоду и трешницы не получишь», какъ разсуждали крестьяне въ Хвалынскомъ уѣздѣ («Ниж. Л.», № 233, отъ 26 августа). Въ Саратовской губерніи покупщиками лошадей и жеребятъ явились татары, телятъ и коровъ—мясники. Цѣна на мясо съ 4 и болѣе рублей упала до 2 р. 50 коп. («Сар. Дн.» № 175, отъ 15 августа). Саратовскій корреспондентъ «Ниж. Л.» задается вопросомъ: «Чѣмъ допускать огульную распродажу крестьянскаго скота за безцѣнокъ теперь и потомъ за сравнительно дорогую плату снабжать населеніе «заморскимъ», напр., акмолинскими лошадьми, какъ дѣлаетъ наше губернское земство, не гораздо ли проще постараться сохранить имѣющійся у крестьянъ приспособившійся къ мѣстнымъ условіямъ скотъ, который въ настоящее время продается за безцѣнокъ».

А саратовское экстренное земское собраніе, обсуждавшее 24 августа вопросъ о сохраненіи скота, въ общемъ отнесшееся къ предмету обсужденія сочувственно, утвердившее ссуду на прокормленіе рабочаго скота 572,294 руб. (60,000 пуд. хлѣба для посыпки на 42,000 руб.), «нашло невозможнымъ закупить сѣно для всѣхъ рабочихъ лошадей и пожелало ограничиться сохраненіемъ лишь половины крестьянскаго скота въ уѣздѣ («Вол. В.» № 223). И то хорошо, а то къ веснѣ его не останется и четвертой части.

Отнюдь не въ нашихъ намѣреніяхъ высказываться вообще противъ мѣръ къ сохраненію рабочаго скота, намѣчаемыхъ особой коммиссіей при хозяйственномъ департаментѣ мин. внутреннихъ дѣлъ. Но пока проектируемыя ею мѣропріятія получатъ осуществленіе, убыль крестьянскаго скота можетъ достигнуть такихъ предѣловъ, что останется примѣнять лишь послѣднюю изъ намѣченныхъ мѣръ: закупку на средства казны рабочихъ лошадей для раздачи ихъ весною нуждающимся. Между тѣмъ въ этой мѣрѣ есть свои неудобства, уже испытанныя вятскимъ земствомъ, практиковавшимъ мѣры по обезпеченію безлошадныхъ крестьянъ рабочимъ скотомъ. Насколько несочувственно и недовѣрчиво относятся крестьяне къ отгону ихъ скота въ урожайныя мѣстности или на кормежные пункты, настолько же не могутъ они зачастую примириться съ лошадью «акмолинской» породы, которую предлагаютъ ему ко времени работъ. Объ этомъ пріемѣ обезпеченія крестьянъ рабочимъ скотомъ, корреспондентъ «Нов. Вр.» писалъ, между про-

чимъ, со словъ ставропольскихъ земскихъ дѣятелей: «При самомъ безукоризненномъ исполненіи его мужикъ остается крайне недоволенъ: лошади попадаютъ къ нему или съ норовомъ, или слишкомъ горячія, по его мнѣнію. И это естественно, — мужикъ привыкъ къ «своей» скотинѣ «мѣстнаго» воспитанія, и всѣ чуждыя данной мѣстности привычки животнаго онъ искренно считаетъ порокомъ; были случаи и отказа крестьянъ отъ чужихъ по нраву лошадей и потери времени хлѣбопашца на хлопоты о замѣнѣ скотины».

И въ той же корреспонденціи («Нов. Вр.» отъ 23 авг. «По неурожайнымъ губерніямъ») г. А. Молчановъ отмѣчаетъ, какъ ставропольское земское собраніе «единогласно одобрительно отнеслось ко всѣмъ заявленіямъ, говорящимъ, что лучшее и вѣрнѣйшее средство спасти скотъ—увеличеніе продовольственной помощи крестьянамъ, что крестьяне въ громаднѣйшемъ большинствѣ хорошіе домохозяева и, если ихъ самихъ не станутъ держать на краю гибели, если у нихъ будетъ хоть горсточка хлѣба, которую можно удѣлить скоту—они будутъ кормить этой горсточкой свой скотъ, и такимъ образомъ спасутъ его вѣрнѣе и дешевле всѣхъ другихъ способовъ. Собраніе единогласно, безъ слова розни или возраженія, постановило ходатайствовать о выдачѣ продовольственныхъ ссудъ и населенію рабочаго возраста (отъ 18 до 55 л.), однимъ изъ мотивовъ такого ходатайства и служитъ убѣжденіе земскаго собранія, что увеличеніе помощи голодающимъ людямъ есть лучшее средство спасти скотъ отъ голодной смерти».

Справедливость этого мнѣнія подтвердитъ всякій, кто знаетъ истинный характеръ деревенской жизни. Крестьянское хозяйство есть нѣчто цѣлое: въ немъ рабочій скотъ живетъ трудомъ человѣка, человѣкъ—силами и существованіемъ скотины; помогая въ тяжелую годину крестьянину, вы тѣмъ самымъ укрѣпляете всѣ отдѣльные устои его хозяйства.

Однако, чѣмъ же можно объяснить, что вопросъ о продовольствіи населенія при очевидности полнаго неурожая тѣмъ не менѣе отодвигался въ болѣе или менѣе отдаленное будущее? Безъ сомнѣнія здѣсь играла значительную роль увѣренность въ наличности достаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Эта наличность не только самымъ серьезнѣйшимъ образомъ принимается въ разсчетъ при вычисленіяхъ потребной продовольственной или сѣмянной ссуды, но на многихъ самое упоминаніе о ней производитъ магическое дѣйствіе. Есть хлѣбные запасы? Ну, значитъ, все благополучно. Корреспондентъ «Волж. В.», описывая экстренное собраніе сарапульскаго земства, передаетъ характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ. Цифры ссуды, испрашиваемой на удовлетвореніе нуждъ населенія, до того «ужаснули» гласныхъ, что они, повидимому, рѣшили всѣми способами уменьшить размѣръ ходатайства. Вопросъ зашелъ о томъ, съ какого срока начать выдачу ссудъ. «Управа, пишетъ ав-

торъ корреспонденціи, признавала для различныхъ волостей неодинаковый срокъ: то 1 января, то 15 декабря, то даже 1 октября и 1 сентября. Это опредѣленіе срока управа основывала на соображеніи населенія волости съ хлѣбными запасами ея и со сборомъ новаго хлѣба. Собраніе, даже не поинтересовавшись работами управы по этому вопросу, предположило сначала выбрать началомъ выдачи 1 января, ничѣмъ, однако, этого не мотивируя. Тогда предсѣдатель управы предложилъ лучше совсѣмъ не выдавать ссуды, чѣмъ откладывать ее до января. Нѣкоторые гласные стали было соглашаться, что, какой бы громадной цифрой ссуда ни казалась, она все же выведена изъ данныхъ, которыми ни одинъ протестующій гласный не располагаетъ. Управа даже высказывалась за то, чтобы взять проектъ обратно, если кто нибудь докажетъ, что она ошиблась въ своихъ разсчетахъ, но никто не доказывалъ, а лишь твердили: «съ перваго января». Дѣло подвинулось нѣсколько впередъ только послѣ *случайнаго* открытія однимъ гласнымъ, что въ Исымбаевской волости, гдѣ хлѣба совсѣмъ не было собрано, слишкомъ на 8.300 человѣкъ хлѣба хранилось въ запасныхъ магазинахъ *семь сотъ тридцать девять* пудовъ. Только случайность этого открытія избавила гласныхъ, обсуждавшихъ положеніе 230,000 человѣкъ, отъ изумленія узнать, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ запаса всего... по *200 пудовъ*. Открытіе запасовъ въ Исымбаевской волости побудило гласныхъ довѣрчивѣе отнестись къ докладу управы и не настаивать на началѣ ссуды непремѣнно съ 1 января». («В. В.» № 217).

Никто не вдумывался въ то, что значатъ 739 пуд. ржи на 8300 чел., которыхъ, можетъ быть, нужно кормить не менѣе 9 мѣсяцевъ. Но если успокоительное дѣйствіе наличности хлѣбныхъ запасовъ оказываетъ свое вліяніе на людей провинціи, болѣе или менѣе ознакомленныхъ съ ея оборотной, а не только казовой стороной, то какое же впечатлѣніе должна оказывать эта наличность на людей пріѣзжихъ изъ столицы, наивныхъ и довѣрчивыхъ. А. Молчановъ въ одной изъ своихъ кор-цій изъ неурожайныхъ губерній восторженно пишетъ о значеніи хлѣбныхъ запасовъ. Онъ, видите ли, самъ заглядывалъ въ хлѣбозапасные магазины и воочію видѣлъ этотъ «умный», по его выраженію, хлѣбъ. Надо сознаться, что эпитетъ этотъ такъ же мало идетъ къ хлѣбу, какъ и къ тому, что прибавляетъ по этому поводу кор—тъ «Новаго Времени»:

«Какую огромную услугу продовольствію голодающаго населенія можетъ оказать этотъ хлѣбъ самыхъ недородныхъ губерній, могутъ сказать слѣдующія внушительныя цифры: въ Самарской губерніи запаснаго хлѣба теперь имѣется до $7^1/_2$ мил. пуд., въ одномъ нынѣ пострадавшемъ Новоузенскомъ уѣздѣ въ запасныхъ магазинахъ числится 889 тыс. пуд. озимого и 983 тыс. пуд. ярового хлѣба. *Нѣтъ и сомнѣнія, что весь этотъ хлѣбъ на лицо*, нѣтъ и сомнѣ-

нія, что весь этотъ запасъ оберегаетъ населеніе отъ нужды «немедленной» и народный карманъ отъ жадныхъ грабежей купца».

Слѣзъ человѣкъ съ экипажа, заглянулъ въ «гамазею», видитъ: хлѣбъ лежитъ. Ну, и, слава Богу, значитъ все благополучно. Да, хлѣбъ лежитъ. Но сколько бы его должно было лежать? Въ этомъ отношеніи поучительныя цифры находятся для Нижегородской губ. въ мѣстной газетѣ. «На 1-е число минувшаго августа мѣсяца состояло на лицо въ сельскихъ общественныхъ запасныхъ магазинахъ по всей губерніи озимого хлѣба 72,014 четвертей и ярового 14,586 четвертей, къ тому же времени числилось за крестьянами въ ссудахъ и недоимкахъ 395,137 четв. озимого и 205,210 четв. ярового хлѣбовъ. Наличность озимого хлѣба составляетъ 15% и ярового 6,6% всего количества, которое должно быть въ магазинахъ. Поступленій хлѣба въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ почти не было, за этотъ же періодъ времени было выдано въ ссуды озимого хлѣба 8,276 четв. и ярового 3,359 четв. («Ниж. Лист.» № 241).

Не менѣе поучительно для поклонниковъ всеспасающей идеи хлѣбозапасныхъ магазиновъ то, что читаемъ мы въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ кіевской газеты «Жизнь и Искусство». Надо имѣть въ виду, что неземскія губерніи, сохраняя традиціи натуральнаго хозяйства и патріархальнаго строя сельской жизни, даютъ намъ до сихъ поръ образецъ широкаго примѣненія системы хлѣбныхъ запасовъ, сравнительно мало нарушаемой соблазномъ денежной замѣны. Что же видимъ мы тамъ, послѣ столькихъ лѣтъ непререкаемой практики этой системы? Въ статьѣ: «Земство въ юго-западномъ краѣ» авторъ разсматриваетъ постановку дѣла обезпеченія народнаго продовольствія въ этомъ краѣ и признаетъ ее крайне неудовлетворительной. Въ одной Кіевской губерніи числится 1,119 запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ которыхъ, не считая ссудъ и недоимокъ, должно состоять на лицо 368,736 четвертей озимого и 169,298 ч. ярового хлѣба. Но, по мнѣнію автора, и хлѣбъ въ натурѣ, и имѣющіяся денежныя продовольственныя средства являются въ полномъ смыслѣ этого слова мертвымъ капиталомъ. Прежде всего сами приведенныя цифры внушаютъ ему основательное сомнѣніе. «Эти цифры значатся, такъ сказать, на бумагѣ, — такъ должно быть; а въ какомъ положеніи въ дѣйствительности находятся хлѣбные запасные магазины въ нашемъ краѣ? Существуютъ ли какія-нибудь гарантіи, что хлѣбные запасы состоятъ на лицо, что они хранятся въ исправности и въ надлежащую минуту сослужатъ свою службу населенію?»

Хлѣбозапасные магазины de jure находятся въ юго-западномъ краѣ въ вѣдѣніи коммиссій народнаго продовольствія, о возвращеніи къ которымъ такъ мечтаютъ у насъ нѣкоторые органы печати. Комиссіи эти обязаны наблюдать за исполненіемъ постановленій о сельскихъ хлѣбныхъ запасахъ, собирать и разсматривать свѣдѣнія о видахъ на урожай, издавать всякія распоряженія по части выдачи

ссудъ, которыми фактически и на самомъ дѣлѣ вполнѣ безконтрольно распоряжаются сельскія общественныя управленія. Въ результатѣ, «запасные хлѣбные магазины вообще содержатся крайне неудовлетворительно и одинъ видъ этихъ построекъ наводитъ уныніе своею заброшенностью и неопрятностью. Что творится внутри этихъ зданій, объ этомъ вѣдаетъ Богъ и завѣдывающій складомъ» («Ж. и И.» 26 сент.).

Авторъ предлагаетъ за счетъ денежныхъ продовольственныхъ капиталовъ организовать учрежденія мелкаго кратко-срочнаго крестьянскаго кредита, а хлѣбозапасные магазины обратить въ склады улучшенныхъ сѣмянъ, а то въ настоящее время, выдавая ссуды для обсѣмененія полей зерномъ выродившагося и измельчавшаго крестьянскаго хлѣба, они способствуютъ лишь дальнѣйшему вырожденію сѣмянъ. Всѣ эти предположенія вполнѣ примѣнимы и къ намъ. Авторъ почему-то полагаетъ, что въ земскихъ губерніяхъ, «гдѣ запасные магазины находятся подъ контролемъ земскаго гласнаго, землевладѣльца, живущаго въ окрестностяхъ», дѣло обстоитъ иначе, и нѣтъ ни злоупотребленій, ни безпорядковъ, отмѣченныхъ имъ въ своемъ краѣ. Но онъ говоритъ это совершенно напрасно: запасы хлѣба въ натурѣ самый неудачный видъ сберегательной кассы.

А между тѣмъ вѣра въ спасительную роль хлѣбныхъ запасовъ можетъ повести за собою весьма нежелательныя послѣдствія, давая поводъ къ совершенно неосновательному оптимизму. Вотъ примѣръ: Рязанская губернія второй годъ испытываетъ неурожай. По даннымъ статистическаго бюро губернскаго земства, урожай ржи по губерніи слѣдуетъ вообще считать ниже средняго. Въ Скопинскомъ, Рязанскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ урожай ржи можно даже считать плохимъ. Урожай овса совершенно плохъ въ трехъ южныхъ и четырехъ восточныхъ уѣздахъ, въ остальныхъ—ниже средняго. И однако авторъ статьи въ «Моск. Вѣд.» (№ 218 «Неурожай въ центральной полосѣ Россіи»), признавая, что вообще урожай въ центральной полосѣ Россіи ниже средняго, что съ прокормленіемъ скота будетъ тяжело справиться, приходитъ, однако, къ оптимистическому заключенію, что положеніе все же отнюдь не такъ плохо, какъ въ памятные 1891—92 гг. Главное, что неурожай не засталъ насъ врасплохъ, какъ тогда. «Собранъ значительный продовольственный капиталъ, въ запасные хлѣбные магазины засыпано почти полное по закону количество хлѣба, то есть четверть ржи и ½ четверти ярового на душу».

Чтобы не быть голословнымъ, авторъ приводитъ оффиціальныя цифры хлѣбныхъ запасовъ по Рязанской губерніи. Онъ беретъ календарь Рязанской губерніи на 1898 г., изданный мѣстнымъ губернскимъ статист. комитетомъ, и на основаніи имѣющихся тамъ данныхъ за 1895 и 1896 гг. вычисляетъ, что къ 1 января 1898 г. частный продовольственный крестьянскій капиталъ долженъ равняться слишкомъ 2 милліонамъ рублей. «Цифры натуральной засыпки за 1896 г., пишетъ далѣе авторъ статьи, мы узнать точно

не могли, но за 1897 годъ засыпано было хлѣба 23,000 четвертей. Если взять эту же цифру и за 1896 годъ и прибавить эту цифру 46,000 четвертей къ остатку отъ 1895 года, то получится солидная цифра натуральной хлѣбной засыпки въ количествѣ 330,000 четвертей».

«Если принять цѣну четверти хлѣба хотя приблизительно въ 7 руб., хотя рожь будетъ, вѣроятно, дороже, то получится цифра стоимости натуральной засыпки хлѣба въ 2.300,000 руб., а съ 2 слишкомъ милліонами частнаго продовольственнаго капитала это составитъ крупный фондъ въ 4,300 тысячъ рублей, который дастъ губерніи возможность безъ особыхъ затрудненій перенести плохой урожай текущаго года».

Вотъ образчикъ соображеній и разсчетовъ вполнѣ достаточныхъ, чтобы признать положеніе губерніи «успокоительнымъ». Автору разсчетовъ нѣтъ дѣла до того, что именно прошлый годъ, хотя бы для нѣкоторыхъ уѣздовъ губерніи, былъ тоже неурожайный, и всѣ эти капиталы и запасы, фигурирующіе въ такомъ внушительномъ количествѣ въ его вычисленіяхъ, можетъ быть, давно разобраны и исчерпаны. Между тѣмъ подобнаго рода соображенія и вычисленія могутъ имѣть существенное вліяніе на судьбу продовольственнаго дѣла въ цѣлыхъ уѣздахъ и губерніяхъ. Въ сосѣдней съ Рязанскою, Тульской губерніи, по послѣднимъ сообщеніямъ уѣздныхъ управъ, урожай ржи за исключеніемъ Бѣлевскаго уѣзда ниже средняго. Въ прошломъ году былъ тоже недородъ. Экстр. губ. земское собраніе постановило уполномочить губернскую управу выдавать ссуды на обсѣмененіе въ распоряженіе всѣхъ уѣздныхъ управъ, какъ по постановленіямъ земскихъ собраній, такъ, въ исключительныхъ случаяхъ, и уѣздныхъ управъ, если потребность ссудъ будетъ удостовѣрена послѣдними черезъ мѣстныя дознанія.

Проходитъ нѣкоторое время, и въ газетахъ появляется телеграмма изъ Тулы: «Въ губернскомъ совѣщаніи положеніе губерніи въ продовольственномъ отношеніи признано успокоительнымъ. Точныя цифры будутъ выяснены въ земскихъ собраніяхъ. Многіе уѣзды обойдутся безъ правительственныхъ ссудъ, каковыхъ, вообще, потребуется немного. Совѣщаніе признало выдачу ссудъ нежелательной и высказалось за продажу по заготовительной цѣнѣ, общественныя работы и пересмотръ продовольственнаго устава».

Не играли ли тутъ роль соображенія вродѣ выше приведенныхъ?

Въ разсматриваемомъ вопросѣ существенное значеніе имѣетъ то, что во взглядахъ на натуральные хлѣбные запасы у крестьянства и у сторонниковъ ихъ сохраненія и развитія существуетъ разногласіе, которое и сказывается время отъ времени по тому или иному поводу. Населеніе смотритъ на нихъ просто какъ на временную принудительную складку своего хлѣба пропорціонально силамъ отдѣльнаго домохозяина и до наступленія въ немъ настоя-

тельной потребности. Сторонники системы хлѣбныхъ запасовъ, основную идею и цѣль ихъ учрежденія видятъ въ оказаніи помощи въ экстренныхъ случаяхъ нуждающимся, съ условіемъ возврата ссудъ подъ круговою отвѣтственностью однообщественниковъ. Съ такимъ воззрѣніемъ на назначеніе хлѣбныхъ запасовъ большинство деревни никакъ не можетъ примириться, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе нуждаемости въ каждомъ данномъ случаѣ, составленіе списка нуждающихся зависитъ далеко не отъ общества, между тѣмъ какъ круговая отвѣтственность распространяется на всѣхъ. На этой почвѣ происходятъ иногда очень печальныя недоразумѣнія. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, напр., въ Тамбовской губ. были случаи сопротивленія крестьянъ волостному и сельскому начальству, явившемуся для исполненія распоряженія земской управы относительно выдачи изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ ссуды нуждающимся въ продовольствіи. Крестьяне находили, что хлѣбъ слѣдуетъ выдавать не по спискамъ, имъ предъявленнымъ и провѣреннымъ земскимъ начальникомъ, а всѣмъ домохозяевамъ по количеству засыпанной ссуды, соглашаясь, однако, на предварительные выдѣлы изъ общей массы хлѣба доли на прокормленіе вдовъ, сиротъ и бѣдняковъ, дѣйствительно нуждающихся по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ.

А между тѣмъ идеѣ хлѣбныхъ запасовъ, какъ средствъ, долженствующихъ, подъ извѣстной гарантіей возврата, служить нуждающимся, придается настолько распространительное толкованіе, что какъ въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ рекомендуется практика перемѣщенія общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ изъ мѣстностей урожайныхъ въ неурожайныя. Этотъ пріемъ былъ испытанъ въ прошломъ году, и, насколько извѣстно, неудачно. Сельскія общества никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что ихъ общественные, денежные или натуральные запасы, особенно безъ ихъ согласія, могутъ быть перемѣщаемы въ распоряженіе другихъ, подъ какой бы то ни было гарантіей возврата. И съ общеюридической точки зрѣнія они были правы. Нельзя не согласиться съ постановленіемъ самарскаго уѣзднаго собранія, которое, въ засѣданіи 28 августа, признало опаснымъ и нежелательнымъ, согласно мнѣнію графа Н. А. Толстого, перемѣщеніе сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ изъ одного селенія, менѣе нуждающагося, въ болѣе нуждающееся, такъ какъ это можетъ породить большія недоразумѣнія. При этомъ гл. Слободчиковъ, между прочимъ, замѣтилъ, что если допустить такое перемѣщеніе, то у населенія отобьется всякая охота имѣть запасы («Нов. Вр.» № 8090).

Несоотвѣтствіе существующаго у насъ числа среднихъ, высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній потребности въ нихъ со стороны населенія даетъ себя чувствовать съ каждымъ годомъ все

болѣе и болѣе. Въ этомъ стремленіи родителей дать своимъ дѣтямъ образованіе сказываются и ростущее уваженіе къ его силѣ и значенію въ жизни, и желаніе доставить своему потомству лишніе шансы въ обостряющейся съ каждымъ поколѣніемъ борьбѣ за существованіе и, наконецъ, въ корнѣ вещей тотъ могучій импульсъ, который ведетъ всѣ общества къ болѣе сознательной, полной и культурной жизни. И вотъ, на пути этого широкаго и благороднаго стремленія, равно охватывающаго всѣ слои населенія — и городъ, и деревню,—внѣшнимъ препятствіемъ стоитъ крайняя и повсемѣстная недостаточность мѣстъ образованія. Не будемъ говорить на этотъ разъ о потребности страны въ низшемъ образованіи. Нужды низшаго образованія громадны. Но если имѣть въ виду, что все, что сдѣлано для ихъ удовлетворенія, сдѣлано за какія нибудь 25—30 лѣтъ, то относительный ростъ средствъ низшаго образованія, по сравненію съ таковыми же высшаго, окажется, можетъ быть, далеко не уступающимъ. Этимъ низшее образованіе обязано дѣятельности общественныхъ учрежденій, созданныхъ эпохою реформъ — земскимъ и городскимъ самоуправленіямъ. Роль ихъ въ дѣлѣ средняго и высшаго образованія по самому ихъ положенію не можетъ имѣть такого же значенія, какъ въ дѣлѣ образованія низшаго. Средняя и высшая школа, давая государству дѣятелей для выполненія его культурнаго назначенія, должна опираться если не исключительно, то преимущественно на средства государственнаго бюджета. Къ сожалѣнію, доля этого бюджета, предназначенная на удовлетвореніе образовательныхъ нуждъ, не только не отвѣчаетъ существующей потребности, но и обнаруживаетъ такой медленный ростъ, который, очевидно, не соотвѣтствуетъ культурному росту страны.

На почвѣ этого-то несоотвѣтствія изъ году въ годъ повторяется печальная исторія упорныхъ, но тщетныхъ попытокъ многихъ сотенъ тысячъ дѣтей и юношей пробиться въ двери среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. И нынѣшнюю осень, какъ и въ предъидущую, изъ всѣхъ городовъ Европейской Россіи и Сибири неслись жалобы на недостатокъ школъ, переполненіе училищъ и гимназій, недостаточность вакансій, что вызывало необходимость жестокой конкурренціи между желающими ихъ занять. И въ результатѣ этой борьбы за возможность приблизиться къ тому, что принято называть «источникомъ знанія», треть, половина, двѣ трети изъ числа желающихъ войти въ двери учебныхъ заведеній, принуждены бываютъ удалиться ни съ чѣмъ. Что ждетъ ихъ? Не всегда вернутся они снова, чтобы имѣть большій успѣхъ. Болѣе слабые духомъ или матеріально — уступятъ навсегда дорогу другимъ, и не всегда это будутъ менѣе достойные.

Въ доказательство крайней недостаточности у насъ учебныхъ заведеній «Русскія Вѣдомости» (№ 183), приводятъ слѣдующіе факты.

«Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ женскую прогимназію прошеній о

пріемѣ было подано 106, вакансій же имѣется только 60; въ женскую гимназію пріема въ первый классъ постороннихъ, т. е. не изъ ученицъ приготовительныхъ классовъ, совсѣмъ не было, и, слѣдовательно, 46 дѣвочекъ не попадутъ ни въ гимназію, ни въ прогимназію. Въ Псковѣ въ мужской гимназіи, построенной на 180—200 человѣкъ, число желающихъ учиться возросло почти до 400 человѣкъ. Въ Рязани начальство мѣстной женской гимназіи оповѣстило: «пріема во всѣ классы гимназіи, за исключеніемъ второго, не будетъ». Въ Харьковѣ число вакансій въ женскихъ гимназіяхъ, особенно въ низшихъ классахъ, почти втрое меньше числа желающихъ учиться въ гимназіи; частныя женскія учебныя заведенія здѣсь также переполнены. Въ Симферополѣ только что открылось реальное училище, но первый классъ уже переполненъ, и дальнѣйшій пріемъ учащихся прекращенъ. Въ Екатеринодарѣ мужская и женская гимназіи, реальное училище, Маріинское женское училище, епархіальное женское и духовное мужское училища—всѣ переполнены учащимися, такъ что пріемъ въ нихъ въ нынѣшнемъ году былъ весьма ограниченъ. Въ Казани и Самарѣ въ мѣстныхъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ изъ 165 дѣвочекъ, выдержавшихъ экзаменъ, принято только 66, остальнымъ 99 отказано за неимѣніемъ вакансій».

Въ «Сынѣ Отечества» писали изъ Воронежа: «Существующія у насъ учебныя заведенія: двѣ мужскихъ гимназіи, изъ которыхъ одна въ прошломъ году переименована изъ прогимназіи, женская гимназія и прогимназія, епархіальное училище, реальное училище и техническое желѣзнодорожное—до невозможности переполнены учащимися, тѣсны, и вотъ уже три, четыре года поступающіе въ первые классы принимаются исключительно по конкурснымъ экзаменамъ. Зданіе женской гимназіи, приспособленное когда-то на 300 человѣкъ, въ настоящее время вмѣщаетъ до 700 и имѣетъ, кромѣ нормальныхъ классовъ, параллельные,—даже по два. Недавно закончилась постройка зданія для женской прогимназіи, но, не смотря на обширность помѣщенія, многимъ было отказано въ принятіи въ настоящемъ году. Мотивъ такого отказа выражался въ словахъ: «за неимѣніемъ свободныхъ вакансій не можетъ быть принята» (№ 231).

Этотъ списокъ можно было бы продолжить на цѣлыя страницы, но это представляется совершенно излишнимъ въ виду его однообразія. Извѣстія объ ограниченіи пріема желающихъ поступить въ среднеучебныя заведенія идутъ отовсюду, изъ Одессы, Новочеркасска, Уфы, Саратова, Томска, Омска, Риги, Бѣлостока и т. д., и т. д. Города, гдѣ бы не практиковались конкурсныя испытанія, являются исключеніемъ. Но помимо конкурсныхъ испытаній употребляются, къ сожалѣнію, и другія средства, чтобы привести въ соотвѣтствіе число стремящихся въ учебныя заведенія съ числомъ вакансій. Чаще всего прибѣгаютъ къ усиленію требованій на экзаменахъ: принимаютъ въ низшій классъ со свѣдѣніями высшаго. Такъ, напримѣръ, въ Воронежѣ,

по словамъ «Воронежскаго Телеграфа», даже въ первое отдѣленіе приходскаго начальнаго училища, въ которомъ обученіе начинается съ азбуки, выбираются дѣти, умѣющія уже читать, и въ житейской практикѣ мѣстнаго общества давно уже выработалось правило, по которому ребенокъ долженъ быть приготовленъ на классъ выше, чѣмъ держитъ экзаменъ, т. е. держащій экзаменъ въ приготовительный классъ долженъ имѣть познанія перваго класса, въ первый классъ—знанія втораго класса и т. д.

«Русскія Вѣдомости» приводятъ и еще нѣкоторые пріемы, употребляющіеся для фильтраціи многочисленныхъ претендентовъ на право обученія, пріемы, которые нельзя не назвать предосудительными. Такъ, въ Перми при пріемѣ въ низшіе классы гимназіи, по предмету русскаго языка предлагали длинную диктовку, и если ученикъ сдѣлаетъ двѣ ошибки, то одна изъ нихъ, которая, по мнѣнію экзаменующаго, представляется наиболѣе важной, подчеркивалась тремя чертами и считалась за три ошибки; тогда изъ 5 (т. е. полнаго балла) вычитается 4 и ставится единица, — «и вотъ ученикъ провалился, хотя бы онъ зналъ прекрасно грамматику, имѣлъ хорошій почеркъ и читалъ правильно и съ выраженіемъ».

«Недавно,—продолжаетъ авторъ статьи «Русскихъ Вѣдомостей»—нами получено письмо «отъ одного изъ родителей», который проситъ разрѣшить задачу, предложенную на экзаменѣ въ с—й гимназіи его 8-лѣтней дочери. Приводимъ текстъ этой задачи: «Написать всѣ числа отъ 700 до 1,000, въ которыхъ заключалось бы по 9-ти единицъ». Насколько же нужно ограничить свой нравственный кругозоръ интересами даннаго учебнаго заведенія, чтобы продѣлывать надъ ни въ чемъ не повинными дѣтьми подобные эксперименты? И недостаточно ли той ажитаціи, тѣхъ чувствъ зависти, оскорбленнаго самолюбія и проч., которыми сопровождается каждый конкурсъ, чтобы не прибавлять еще лишнія недостойныя черты къ этому, можетъ быть, неизбѣжному, но во всякомъ случаѣ жестокому учрежденію.

Но у нѣкоторыхъ преподавателей, очевидно, есть очень простой отвѣтъ на всѣ посылаемые имъ упреки. Вашему сыну или дочери не нашлось мѣста въ нашемъ учебномъ заведеніи; ну, такъ что же? Открывайте свое. Въ такомъ именно тонѣ пишетъ въ «Каспіѣ» нѣкто Д. Ведребисели.

«Не выдержалъ вашъ сынъ экзамена, вы, конечно, обвиняете экзаменатора во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ. А почему бы за объясненіемъ печальнаго факта вамъ, родителямъ, не прибѣгнуть къ простой ариѳметикѣ. Въ классѣ вакансій 20, прошеній подано 120. Наилучшіе 20 принимаются, а сотнѣ—наихудшей (?) отказываютъ на томъ простомъ основаніи, что на одно мѣсто нельзя сажать 10, а можно посадить одного мальчика. Въ вашихъ горестяхъ виноваты не учителя, а тотъ фактъ причиняетъ вамъ печаль, что существуетъ конкурсъ, что число желающихъ учиться въ 5 разъ

больше числа вакансій. Это явленіе крайне ненормальное, а потому и нежелательное, но съ нимъ могутъ бороться не учебныя заведенія, а родители, общество, которое еще не доросло до пониманія своихъ нравственныхъ обязанностей, что оно должно облегчать участь волей обстоятельствъ выброшенныхъ за бортъ дѣтей, должно открывать новыя среднія школы — мужскія и женскія гимназіи, прогимназіи. Тогда не будетъ конкурса, и мало мальски сносно подготовленный ребенокъ попадетъ въ учебное заведеніе» (№ 180).

Разсужденіе это очень элементарно и на первый взглядъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Такъ же разсуждаетъ и газета «Русь», упрекая родителей дѣтей, оставшихся за порогомъ школы, въ крайней инертности и неспособности къ личной инціативѣ даже въ столь близкомъ ихъ сердцу дѣлѣ. «Если,—пишетъ эта газета—принимается только одна треть (а порою даже и одна десятая) изъ числа желающихъ попасть въ среднеучебныя заведенія, то, казалось бы, родителямъ остальныхъ двухъ третей (или даже девяти десятыхъ) остается только одно— *скорѣе* учредить новыя среднеучебныя заведенія, въ которыхъ такъ велика потребность». Почему же это не дѣлается? спрашиваетъ газета и отвѣчаетъ: «Дѣло объясняется просто нашей инертностью, непривычкой идти новыми путями, и, наконецъ, боязнью работы. Нѣтъ ничего проще, какъ нанять учителя или учительницу для подготовки дѣтей, подать прошеніе и доставить дѣтей на экзаменъ. А съ устройствомъ новаго учебнаго заведенія цѣлая куча хлопотъ: нужно объединить родителей, нужно исходатайствовать разрѣшеніе на устройство новаго учебнаго заведенія, нужно заботиться о немъ, вести его. Съ непривычки къ какому либо серьезному и отвѣтственному труду, труду за свой счетъ и страхъ, при отсутствіи привычки къ веденію общественнаго дѣла, наши родители и подумать боятся о такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ устройство для своихъ дѣтей новаго учебнаго заведенія, и предпочитаютъ оставлять ихъ безъ всякаго образованія».

Общественная иниціатива, безъ сомнѣнія, вещь очень хорошая, но все таки на этотъ разъ упреки по адресу «родителей» просто странны. Неужели г. Ведребисели и «Руси» неизвѣстно, что такъ называемая «плата за ученіе» составляетъ только прибавку къ основному фонду, доставляемому государствомъ. Повидимому, авторамъ цитированныхъ выше мнѣній дѣло представляется такимъ образомъ: отказано, положимъ, двумъ сотнямъ дѣтей въ пріемѣ, и вотъ, двѣ сотни родителей собираются и основываютъ свою собственную гимназію. Это уже слишкомъ просто. Извѣстно, что въ существующихъ частныхъ гимназіяхъ плата за ученіе гораздо выше казенной, но и такой даже платы съ какой нибудь сотни человѣкъ не хватитъ для «основанія» собственнаго заведенія. Очевидно, дѣло въ общественной иниціативѣ гораздо сложнѣе: нужны капиталы, нужна иниціатива не родителей, а педагоговъ, разсчитанная лишь на существующій спросъ. Все это, пожалуй, и нашлось бы. Но, главное,—нужны еще

подходящія условія для осуществленія этой инипіативы. Извѣстно, что у насъ очень мало общеобразовательныхъ частныхъ заведеній даже въ столицахъ; извѣстно также, что открытіе такихъ заведеній обставлено чрезвычайными трудностями, а сравненіе ихъ въ правахъ съ учебными заведеніями, содержимыми казной, еще труднѣе *). Мы видимъ, напримѣръ, въ послѣднее время значительное оживленіе «частной и общественной инипіативы» въ дѣлѣ открытія техническихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Безъ сомнѣнія очень желательно такое же движеніе и въ области общаго образованія, которое необходимо не менѣе образованія техническаго. Но центръ этого вопроса едва ли въ одной косности родительской среды...

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ газеты «Сибирскій Вѣстникъ» было помѣщено сообщеніе о слѣдующемъ печальномъ происшествіи изъ арестантской жизни къ Сибири.

«Дѣло было въ поселкѣ Жердовка, приленскаго края, куда привелъ партію арестантовъ офицеръ Пошерба, сошедшій въ пути съ ума и, въ состояніи невмѣняемости, натворившій страшныхъ бѣдъ. Разсказываютъ, что еще въ пути, по выходѣ изъ александровской тюрьмы, какъ партіонный начальникъ, Пошерба возбудилъ противъ себя арестантовъ разными мелочными придирками, необычными по якутскому этапному тракту. Сюда отправляются маловажные преступники частью на поселеніе, частью на житье, ссылаемые административнымъ порядкомъ, или по приговорамъ крестьянскихъ обществъ. Огромное большинство ихъ остается по волостямъ верхоленскаго и киренскаго округовъ, откуда они тотчасъ-же расходятся на заработки. Въ виду этого, по отношенію къ партіямъ якутскаго тракта обыкновенно не практикуются тѣ строгости, какимъ подвергаются каторжные московскаго и забайкальскаго этапныхъ путей. Пошерба счелъ нужнымъ отступить отъ установившагося порядка и произошло слѣдующее:

«По прибытіи къ этапу, проголодавшіеся за дальный переходъ арестанты по обыкновенію бросились къ торговкамъ, поджидавшимъ партію съ разною снѣдью. Но начальникъ велѣлъ арестан-

---

*) Положеніе такъ называемыхъ экстерновъ, держащихъ испытанія на аттестаты зрѣлости, какъ извѣстно, очень шатко. Вотъ цифры изъ послѣдняго отчета о такихъ испытаніяхъ: въ 1897 г. изъ частныхъ лицъ подвергались испытаніямъ зрѣлости 341 человѣкъ; изъ нихъ получили аттестаты зрѣлости только 166 человѣкъ, т. е. 48,7 проц. Такимъ образомъ, большая половина экстерновъ не выдержали испытаній. Общее число всѣхъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ экстернами, доходитъ до 420! Изъ нихъ 363 отмѣтки (86,4 проц.) получены на письменныхъ испытаніяхъ и 57 (13,6 проц.)—на устныхъ. Наименьшую подготовку экстерны обнаружили по латинскому языку и математикѣ, а затѣмъ идутъ греческій и русскій языки.

тамъ немедленно идти въ этапный дворъ, а когда приказаніе его было встрѣчено нѣкоторыми съ ропотомъ, онъ распорядился разогнать торговокъ. Большая часть вошла во дворъ, другая же не спѣшила исполнить приказаніе, толпясь у воротъ и выражая неудовольствіе на распоряженіе офицера, причемъ одинъ изъ арестантовъ громко ругалъ послѣдняго, не стѣсняясь его присутствіемъ. Офицеръ приказалъ конвоирамъ схватить его и увести въ сторону отъ толпы, что и было исполнено, но арестантъ не унимался, продолжая ругаться. Офицеръ пригрозилъ стрѣлять, если этотъ не замолчитъ. На это другой, стоявшій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы, крикнулъ: «Всѣхъ не перестрѣляешь!» и прибавилъ по адресу офицера непечатное ругательство. Тогда разсвирѣпѣвшій офицеръ скомандовалъ солдатамъ выстроиться и приготовиться стрѣлять, а толпѣ приказалъ посторониться отъ ругавшагося преступника, который, оставаясь на мѣстѣ и выпятивъ грудь, кричалъ: «Стрѣляй!», прибавивъ непечатное ругательство.

«Не успѣла толпа отскочить на нѣсколько шаговъ, какъ раздался залпъ девяти выстрѣловъ, двое арестантовъ, по словамъ *Сиб. Вѣст.*, повалились на землю, одинъ, убитый на поваль, другой— раненый изъ толпы, очевидно задѣтый пулею случайно. Народъ въ ужасѣ палъ ницъ, ища въ такомъ положеніи спасенія отъ ожидавшихся дальнѣйшихъ выстрѣловъ. Но офицеръ скомандовалъ обратить ружья въ ту сторону, гдѣ стоялъ изолированный ранѣе арестантъ. Второй залпъ—и послышался отчаянный вопль третьей жертвы, пронизанной нѣсколькими пулями, но не убитой сразу. Потомъ, по словамъ газеты, выяснилось, что офицеръ совершилъ все это въ припадкѣ сумасшествія».

Сообщеніе это, перепечатанное въ № 8097 «Новаго Времени» вызвало слѣдующее оффиціальное сообщеніе, напечатанное на основаніи ст. 138 Уст. о ценз. и печати:

«Имѣя въ виду, что приведенныя *Новымъ Временемъ* со словъ *Сибирскаго Вѣстника* объясненія дѣйствій начальника конвоя арестантовъ изложены неправильно, главный штабъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, считаетъ необходимымъ сообщить помѣщаемыя ниже свѣдѣнія: штабсъ-капитанъ иркутскаго резервнаго батальона Басарба (а не Пошерба), командированный, согласно распоряженію начальника штаба иркутскаго военнаго округа, для сопровожденія партіи арестантовъ, ссылаемыхъ въ Приленскій край и Якутскую область, на станціи Жердовской, Иркутскаго округа, въ 45-ти верстахъ отъ гор. Иркутска, употребилъ въ дѣло огнестрѣльное оружіе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Партія арестантовъ въ 206 человѣкъ, считая женъ и дѣтей, въ 7 часовъ вечера 19-го іюня сего года прибыла на ночлегъ на станцію Жердовскую. Когда волостной старшина, принявъ половину арестантовъ, впустилъ ихъ во дворъ полуэтапа и сталъ принимать другую половину, изъ рядовъ арестантовъ, недовольныхъ

ранѣе полученнымъ отказомъ впустить къ нимъ, внутрь цѣпи конвоировъ, продавщицъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, послышались голоса, что лучше подчиняться волостному старшинѣ, чѣмъ военному конвою. Эти возгласы нашли поддержку въ остальныхъ арестантахъ, которые начали кричать. Начальникъ партіи приказалъ взять арестанта, по фамиліи Гренъ, который первый крикнулъ вышеприведенныя слова. Когда два конвоира взяли арестанта Гренъ, остальные арестанты стали кричать на начальника партіи и требовать отъ него отвѣта на вопросъ: за что взяли Гренъ? Начальникъ партіи отвѣтилъ, что это его дѣло, на что арестанты начали страшно шумѣть, грозить и отказались идти въ ограду полуэтапа, пока не будетъ освобожденъ арестантъ Гренъ. Несмотря на неоднократныя приказанія штабсъ-капитана Басарбы «замолчать и построиться для повѣрки», арестанты продолжали шумѣть и ругать начальника партіи и всѣхъ конвоировъ, говоря, что они ничего не боятся и что имъ жизнь не дорога. На заявленіе штабсъ-капитана Басарбы, что онъ будетъ стрѣлять, если арестанты не замолчатъ, послѣдніе начали шумѣть еще громче, а стоявшій въ сторонѣ, подъ особымъ конвоемъ, арестантъ Гренъ продолжалъ возмущать толпу своими рѣчами и, вытянувшись во весь ростъ грудью впередъ, сказалъ: «стрѣляйте, всѣхъ не перебьете». Тогда начальникъ партіи, видя безуспѣшность уговариваній и угрозъ, приказалъ убить арестанта Гренъ, что и было исполнено однимъ изъ унтеръ-офицеровъ. Этого примѣра оказалось недостаточнымъ, и арестанты продолжали кричать, а одинъ изъ арестантовъ, по фамиліи Плохоттокъ, еще болѣе старался подстрекнуть своими дерзкими рѣчами взбунтовавшихся арестантовъ. Начальникъ партіи опять нѣсколько разъ приказывалъ замолчать, угрожая въ противномъ случаѣ употребить то же средство для усмиренія, но слова его не подѣйствовали, и арестантъ Плохоттокъ, повторивъ слова Гренъ, выставилъ грудь впередъ, предлагая стрѣлять, партія же поддерживала его крикомъ. Штабсъ-капитанъ Бассарба приказалъ убить арестанта Плохоттокъ, что и было исполнено, причемъ во время стрѣльбы былъ убитъ еще одинъ арестантъ, послѣ чего порядокъ былъ возстановленъ. Произведенное по настоящему дѣлу предварительное слѣдствіе выяснило, что распоряженіе штабсъ-капитана Басарбы по употребленію огнестрѣльнаго оружія для усмиренія возмутившихся арестантовъ было вызвано необходимостью, вслѣдствіе чего военно-прокурорскимъ надзоромъ иркутскаго военно-окружнаго суда было дано заключеніе о прекращеніи дальнѣйшимъ производствомъ этого дѣла, на что и послѣдовало согласіе со стороны командующаго войсками иркутскаго военнаго округа».

М. Плотниковъ.

Политика.

Мирный конгрессъ.—Военныя перспективы.—Фашода.—Дальній Востокъ.—Текущія событія.

I.

Въ одномъ изъ своихъ черныхъ предсказаній, повидимому, уже ошиблись пессимисты: конференція по вопросу о разоруженіи состоится и дипломаты независимыхъ государствъ всего міра соберутся вокругъ зеленаго стола обсуждать вопросы, которые еще никогда не обсуждались дипломатами со времени ихъ нарожденія на земномъ шарѣ. Приведемъ нѣкоторыя отрывочныя данныя о движеніи этого вопроса, который, повидимому, сталъ меньше интересовать европейскую прессу и европейскую публику, чѣмъ то можно было ожидать, если бы судить по первому впечатлѣнію.

Въ прошлой нашей *Политикѣ* («Русск. Бог.», сентябрь) мы уже сообщили слухъ объ отвѣтѣ итальянскаго правительства. Слухъ этотъ скоро подтвердился и полный текстъ итальянскаго отвѣта, появившійся 26 сентября въ оффиціозной «Italia», заключается въ слѣдующемъ: «Итальянское королевское правительство подвергло ноту графа Муравьева самому обстоятельному изученію и анализу. Еще ранѣе этого изученія, мы поспѣшили выразить наше полное сочувствіе великому дѣлу, поставленному на очередь русскимъ Императоромъ. Въ настоящее время упомянутое предварительное изученіе вопроса нами закончено. Проблема, предлагаемая царемъ ареопагу державъ, не лишена, разумѣется, затрудненій. Рядомъ съ вопросомъ о разоруженіи въ тѣсномъ смыслѣ и въ той или иной связи съ нимъ, могутъ быть выдвинуты другіе, относительно которыхъ возможныя различныя точки зрѣнія могутъ оказаться недостаточно согласимыми и которыя, представленныя на обсужденіе, могли бы обнаружить въ нѣдрахъ самой проектированной конференціи конфликтъ мнѣній, послѣдствія котораго могли бы быть небезопасны. Затрудненія эти, однако, не представляются намъ абсолютными и неизбѣжными. Для этого достаточно впередъ исключить изъ программы конференціи все то, что не относится непосредственно къ поднятому вопросу и что могло бы скомпрометировать дѣло мира, которому призвана служить конференція. Слѣдовало бы изъ множества нерѣшенныхъ сложныхъ международныхъ вопросовъ, которые, однако, не представляются очередными для настоящаго историческаго момента, выдѣлить въ ея полной чистотѣ и отдѣльности идею, предлагаемую могущественнымъ монархомъ. Въ такомъ видѣ эта идея могла бы соединить вокругъ себя кабинеты, которые

среди сложной отвѣтственности своего положенія могли бы въ ней почерпнуть свое рѣшеніе, сообразованное съ этою отвѣтственностью. Словомъ, слѣдовало бы опредѣлить программу, осторожно выработанную, ясно изложенную и удерживающую обсужденіе на почвѣ взаимнаго согласія и умиротворенія. Конечно, императорское правительство выработаетъ эту программу. Мы не сомнѣваемся, что она будетъ не иная, чѣмъ нами желаемая, и поэтому, не ожидая ея формулированія, считаемъ возможнымъ принять, по отношенію къ предложенію императорскаго правительства, формальное рѣшеніе. Въ виду этого, я прошу васъ сообщить графу Муравьеву, что королевское правительство принимаетъ приглашеніе участвовать въ конференціи, проектированной императорскимъ правительствомъ, и что съ своей стороны оно приложитъ всѣ усилія для ея счастливаго исхода». Документъ помѣченъ 15 сентябремъ, подписанъ адмираломъ Каневаро (нынѣшнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ) и адресованъ итальянскому послу въ Петербургѣ съ порученіемъ сообщить содержаніе русскому министру.

Если вдуматься въ текстъ этой очень искусно и очень любезно составленной ноты, то совершенно ясно, что она деликатно, но довольно категорически, ограничиваетъ задачу вопросомъ о нѣкоторомъ уменьшеніи постоянныхъ армій. «Истинный прочный миръ» и «начала права и справедливости», о которыхъ говорилось въ нотѣ графа Муравьева, не суть ли именно тѣ опасные вопросы, объ исключеніи которыхъ изъ программы конференціи столь заботится адм. Каневаро?

Одновременно съ опубликованіемъ итальянской ноты появилось и первое оффиціальное сообщеніе о положеніи, занятомъ Австріей. Спрошенный по этому вопросу въ засѣданіи будапештскаго парламента 26 сентября, венгерскій премьеръ баронъ Банфи отвѣтилъ, что «министръ иностранныхъ дѣлъ встрѣтилъ благородную иниціативу Россіи съ большою радостью и полнѣйшею симпатіей. Онъ увѣдомилъ русское правительство, что императорско-королевское правительство съ радостью принимаетъ приглашеніе собраться на конференцію мира, что оно всѣми своими силами поддержитъ это дѣло и надѣется, что оно не встрѣтитъ непреодолимыхъ затрудненій». Затѣмъ баронъ Банфи прибавилъ отъ себя: «Что касается меня, то я, въ предѣлахъ моей компетенціи, поддержу это дѣло самымъ энергичнымъ образомъ и надѣюсь на возможность успѣха. Я могу сообщить, что предложеніе Россіи принято сочувственно всѣми державами, но я признаю и не осуждаю тѣ многочисленныя препятствія, которыя стоятъ на пути практическаго осуществленія этой великой идеи». Нѣсколько позже приблизительно тоже сообщилъ и гр. Тунъ вѣнскому парламенту, закончивъ свое сообщеніе самыми теплыми пожеланіями успѣха русскому предложенію. Повидимому, нельзя сомнѣваться въ искренности этихъ заявленій, и Австро-Венгрія едва ли будетъ тою державою, которая возьметъ на себя

отвѣтственность за неудачу мирной конференціи. Изъ великихъ державъ, наименѣе обезпеченная въ своемъ statu quo, она, повидимому, не сочла необходимымъ сдѣлать тѣ оговорки, которыя сдѣлала Италія и которыя уничтожаютъ половину цѣны итальянскаго отвѣта. Извѣстное миролюбіе императора Франца-Іосифа и приписываемые королю Гумберту воинственные планы сказались въ этихъ отвѣтахъ. Италія, однако, болѣе всѣхъ державъ нуждается въ разоруженіи и менѣе всѣхъ въ вооруженномъ перерѣшеніи или довершеніи рѣшеній жгучихъ международныхъ вопросовъ.

Изъ вышеприведеннаго текста рѣчи бар. Банфи видно, что всѣ державы дали свое соглашеніе на конференцію, но въ какихъ выраженіяхъ и терминахъ, съ какими оговорками и условіями, мы знаемъ теперь только относительно Италіи и Австро-Венгріи, частью относительно Англіи (безъ оговорокъ, какъ и Австрія). Подлинный текстъ самыхъ интересныхъ отвѣтовъ, французскаго и нѣмецкаго, не обнародованъ.

Когда мы заканчивали прошлую нашу лѣтопись, уже были извѣстны отвѣты большинства второстепенныхъ государствъ: Швеціи и Норвегіи, Даніи, Голландіи, Бельгіи, Испаніи, Турціи. Всѣ они приняли приглашеніе. Съ тѣхъ поръ стало извѣстно, что и Швейцарія сообщила свое оффиціальное согласіе. Нѣтъ свѣдѣній о Румыніи, Сербіи и Греціи. Конечно, и эти государства уже изъявили свое согласіе (хотя слова барона Банфи могли къ нимъ и не относиться, а только къ великимъ державамъ), но они не спѣшатъ этому радоваться, подобно другимъ второстепеннымъ государствамъ. Давно избалованные вниманіемъ великихъ державъ, эти балканскія племена привыкли играть въ великодержавную политику. Съ того момента, какъ Европа себя почувствуетъ умиротворенной и не угрожаемой войнами, эти мелкіе народы потеряютъ девять десятыхъ нынѣшняго интереса и почувствуютъ всѣ послѣдствія шовинизма, воспитаннаго въ нихъ великодержавными опекунами и наставниками. Я не назвалъ выше между ними Болгарію, не потому, однако, чтобы исключалъ ее изъ этой печальной характеристики балканскихъ политическихъ нравовъ. Ея Стоиловы и Радославовы (до Стамбулова включительно) стоятъ не выше Заимисовъ и Дельянисовъ, Милановъ и Гарашаниныхъ. Постоянныя великодержавныя интриги деморализовали цѣлыя поколѣнія балканскихъ политиковъ и покуда «истинный, прочный миръ», основанный на «началахъ права и справедливости», не водворится въ Европѣ, деморализація эта будетъ идти crescendo, потому что великодержавное соперничество становится все опаснѣе, а средства все обширнѣе и неразборчивѣе.

Если бы можно было ожидать въ самомъ дѣлѣ скораго водворенія прочнаго несомнительнаго мира, это избавленіе талантливыхъ балканскихъ народностей отъ систематической деморализаціи ихъ верхнихъ культурныхъ слоевъ было бы не послѣднимъ историче-

скимъ благодѣяніемъ въ числѣ многихъ другихъ. Я выше назвалъ Румынію, Сербію и Грецію и не назвалъ Болгаріи, потому что первыя независимы и приглашеніе несомнѣнно получили; Болгарія же вассальное турецкое княжество и могла не получить приглашенія. Какъ бы то ни было, любопытно, что именно балканскія государства не поспѣшили откликнуться на русскую ноту отъ 12 августа.

Изъ оффиціальныхъ заявленій по поводу предложенія о разоруженіи надлежитъ еще отмѣтить тронную рѣчь короля Оскара при открытіи норвежскаго стортинга. Эта рѣчь въ торжественныхъ, не оставляющихъ сомнѣнія выраженіяхъ подтвердила ранѣе появившееся извѣстіе о принятіи правительствомъ Швеціи и Норвегіи приглашенія на конференцію. Норвежское министерство воспользовалось впечатлѣніемъ, которое произвела русская нота 12 августа на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ, чтобы возобновить передъ королемъ Оскаромъ ходатайство о возбужденіи вопроса о нейтрализаціи Швеціи и Норвегіи и о заключеніи съ сосѣдними державами договоровъ о третейскомъ судѣ. Гарантированная державами нейтрализація подразумѣваетъ добровольный отказъ нейтрализуемаго государства отъ права заключать военно-политическіе союзы и вести наступательныя войны. Такъ нейтрализованы покуда Бельгія и Швейцарія. Народъ норвежскій давно добивается такого же положенія для себя. Первымъ, хотя вѣроятно не единственнымъ, препятствіемъ къ осуществленію желанія норвежцевъ, являлось до сихъ поръ сопротивленіе Швеціи, которая не желала навѣки отказываться отъ активной роли въ европейской международной исторіи и ограничивать свободу своихъ политическихъ дѣйствій. Самъ король Оскаръ былъ до сихъ поръ на сторонѣ шведской точки зрѣнія. Однако, настоящая тронная рѣчь сообщила, что вопросъ о нейтрализаціи, представленный ему норвежскимъ министерствомъ, имъ разсмотрѣнъ внимательно и съ его резолюціей переданъ на разсмотрѣніе шведскаго министерства. Газеты сообщали, что резолюція короля Оскара составлена въ выраженіяхъ, благопріятныхъ норвежской инициативѣ. Едва ли можно приписать этотъ поворотъ въ мнѣніяхъ шведско-норвежскаго короля непосредственному вліянію русской ноты на самого короля, но эта нота ободрила норвежцевъ и ослабила шведскую оппозицію, а эти два параллельныхъ теченія мысли его народовъ не могли не отразиться и на настроеніи Оскара.

Теченіе общественнаго мнѣнія выразилось и въ нѣсколькихъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ манифестаціяхъ. 30 сентября собрался въ Брюсселѣ очередной союзъ юристовъ и государственныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя разработкѣ вопроса о международномъ третейскомъ судѣ. Въ первое же засѣданіе съѣздъ вотировалъ адресъ русскому императору по случаю ноты 12 августа. Такая же манифестація имѣла мѣсто и въ Вѣнѣ на собравшемся здѣсь 6 октября засѣданіи международнаго союза друзей мира.

Эти манифестаціи и сопровождающія ихъ рѣчи и дебаты имѣютъ, конечно, свое серьезное значеніе и постепенно подготовляютъ общественное мнѣніе къ воспріятію идеи всеобщаго мира. Не дремлютъ, однако, и маленькіе Бисмарки, столь же мало, какъ и покойный великій Бисмаркъ, способные понять эту идею. Мысли великаго Бисмарка по этому поводу мы привели въ нашей прошлой хроникѣ; онъ не допускалъ ни разоруженія, ни постояннаго мира и не понималъ, кто будетъ охранять трактаты, если вооруженія прекратятся. Изъ маленькихъ Бисмарковъ отозвался изъ первыхъ бывшій радикалъ Чемберленъ, нынѣшній министръ колоній въ кабинетѣ Салисбюри; онъ назвалъ предложеніе о разоруженіи несбыточной мечтой. Въ то время, какъ англійское правительство оффиціально выражало свое полное сочувствіе предложенію о разоруженіи и соглашалось принять участіе въ конференціи, столь категорическое заявленіе одного изъ видныхъ представителей этого правительства было даже не совсѣмъ удобно. Оно не заключало въ себѣ даже тѣхъ оговорокъ, которыя могутъ sauver les apparances. Такимъ спасеніемъ аппарансовъ и занялся другой членъ британскаго правительства, сэръ Эдуардъ Кларкъ. 12 октября онъ произнесъ рѣчь въ Плимутѣ на митингѣ торійской партіи. Сэръ Кларкъ началъ съ похвалы русской нотѣ и указалъ, что ни одна держава не уклонилась отъ приглашенія принять участіе въ конференціи. Англія, по мнѣнію оратора, должна назначить на конференцію спеціальнаго уполномоченнаго обширной опытности. «Разоруженіе есть очевидная утопія, заключилъ свою рѣчь сэръ Кларкъ, но я не вижу основаній, почему бы европейскимъ державамъ не прекратить дальнѣйшаго увеличенія своихъ армій. Постоянный миръ невозможенъ, но возможно нѣсколько улучшить согласіе между различными націями».

Вѣроятно, еще не скоро соберется конференція мира. Надо выработать эту щекотливую программу, что такъ любезно впередъ одобряетъ Италія (подъ условіемъ, чтобы она была согласной съ изложенными видами). Надо разослать эту программу державамъ. Надо обмѣняться мнѣніями по ея поводу. И т. д., и т. д. Современная дипломатическая волокита, какъ извѣстно, оставляетъ далеко за собою прежнюю волокиту судебную. А пока исторія не ждетъ, все выдвигая на очередь новые и новые опасные и тревожные вопросы. Едва уладили дѣло съ китайскими концессіями, какъ разразилось критское дѣло. Едва оно подходило къ мирному концу, какъ пекинскій переворотъ снова натянулъ струны плохого современнаго мира до опасной степени, а съ другой стороны внезапно выросъ англо-французскій конфликтъ изъ за Верхняго Нила, гдѣ уже прямо пахнетъ порохомъ. Успѣетъ ли собраться мирный конгрессъ прежде, нежели одинъ изъ этихъ или подобныхъ же историческихъ сюрпризовъ не разрѣшится кровавою катастрофою, предупредить которую предназначенъ конгрессъ? Эти сюрпризы родятся

нынѣ съ такою опасною и непрерывною быстротою, что поневолѣ закрадывается въ душу сомнѣніе за ближайшее будущее. Остановимся на послѣднихъ сюрпризахъ, взволновавшихъ цивилизованный міръ.

II.

Вопросъ о Верхнемъ Нилѣ и французской оккупаціи города Фашоды и бассейна Бахръ-эль-Газаля (большого лѣваго притока Нила) представляется цѣлымъ клубкомъ опасныхъ нерѣшенныхъ вопросовъ и является результатомъ продолжительной, послѣдовательно проведенной политики двухъ великихъ державъ, нынѣ столкнувшихся лицомъ къ лицу на томъ мѣстѣ, гдѣ Нилъ пересѣкаетъ десятый градусъ сѣверной широты и, только что принявъ многоводный Бахръ-эль-Газаль, становится вполнѣ судоходною артеріей, прекраснымъ путемъ съ юга на сѣверъ Африки. Какъ пришли къ этому одному мѣсту, оспаривая его другъ у друга войска двухъ цивилизованныхъ народовъ и какъ могло произойти это элементарное разногласіе въ опредѣленіи взаимныхъ правъ, и составляетъ вопросъ, обнаруживающій всю неустойчивость современнаго положенія международныхъ дѣлъ, гдѣ столько неразрѣшенныхъ вопросовъ, постоянно способныхъ принять неожиданную остроту и угрожать миру оттуда, откуда такая угроза менѣе всего ожидалась какихъ нибудь нѣсколько часовъ назадъ.

Фашода лежитъ въ странѣ негро-хамитскаго народа Шиллукъ. Мѣстность эта была въ 1837 году завоевана египтянами, въ то время покровительствуемыми Франціей и пытавшимися даже оспаривать владычество надъ мусульманскимъ міромъ у турокъ. Извѣстно, что соединенными усиліями Англіи и Россіи Египетъ былъ остановленъ въ своихъ замыслахъ и его быстрому распространенію въ Сиріи и на Аравійскомъ полуостровѣ былъ положенъ предѣлъ. Въ Африкѣ это распространеніе продолжалось и египтяне, мало по малу двигаясь вверхъ по Нилу и вверхъ по Бахръ-эль-Газалю, успѣли подчинить правительству каирскаго хедива весь бассейнъ Нила до его выхода изъ озера Альберта, включая и обширный бассейнъ Бахръ-эль-Газаля, простирающійся на значительное разстояніе къ западу, соприкасаясь на сѣверо-западѣ съ бассейномъ озера Чада, а на юго-западѣ съ бассейномъ р. Конго. Египтяне не переходили за предѣлы нильскаго бассейна и даже не занимали никогда всего бассейнаГазаля, болотистаго, лихорадочнаго и нездороваго. Они содержали военный постъ въ Дамъ-Зибарѣ на Газалѣ, отсюда вербуя невольниковъ, главный товаръ, который египтяне умѣли извлечь изъ обширной страны. Такъ обстояло здѣсь дѣло до паденія египетской независимости въ 1882 году, когда англичане завоевали Каиръ, оккупировали Египетъ и подчинали страну хедива финан-

совой и политической опекѣ. Какъ извѣстно, это вызвало возстаніе на Верхнемъ Нилѣ и основаніе здѣсь новаго царства Калифа Омдурманскаго. Царство это пало только въ августѣ настоящаго 1898 года, разрушенное генераломъ Киченеромъ во главѣ значительной англо-египетской арміи. Катастрофа эта постепенно и систематически подготовлялась англичанами. Въ 1896 году они отняли у омдурманскаго калифа Донголу, плодородную провинцію Сѣверной Нубіи на границѣ Египта. Устроившись здѣсь, проведя сюда въ половодье черезъ пороги военные суда и проложивъ желѣзную дорогу, англичане въ 1897 году предприняли второй походъ и отняли у калифа Берберъ, къ которому опять таки провели канонерки и проложили желѣзную дорогу. Наконецъ, въ настоящемъ году они нанесли рѣшительный ударъ, въ двухъ сраженіяхъ разбили на голову омдурманскія войска и овладѣли столицей калифа, который съ остатками своего войска бѣжалъ на западъ, преслѣдуемый по пятамъ англо-египтянами. Англичане считали, что этимъ ударомъ, стоившимъ имъ столько жертвъ и усилій, они возвращали Египту, нынѣ ими управляемому и оккупируемому, всѣ потерянныя въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ владѣнія. А эти владѣнія, какъ уже упомянуто, выходили къ Нилу на берегъ озера Альберта, куда съ юго-востока выходятъ въ настоящее время и восточно-африканскія британскія владѣнія. Разсматривая Египетъ, какъ свое владѣніе (хотя юридически еще и не оформленное), англичане не могли не придавать первостепеннаго значенія этой непрерывности своей территоріи, притомъ вдоль прекраснаго естественнаго пути. И вдругъ въ тотъ самый часъ, когда эта, столь давно преслѣдуемая и столь дорого оплаченная цѣль уже достигнута, оказывается, что французы заняли своими войсками Фашоду, весь бассейнъ Бахръ-Эль-Газаля и всю страну Шиллукъ до границъ Абиссиніи къ востоку. Сообщеніе съ англійскими восточно-африканскими владѣніями перерѣзано и плодъ, уже созрѣвшій и даже сорванный, упалъ въ чужія руки, очень цѣпкія и отнюдь не склонныя уступать даромъ однажды занятое выгодное положеніе. Совершенно естественно, если англичане пришли въ неописанный гнѣвъ и вся ихъ пресса единодушно затрубила походъ. Теперь посмотримъ, какъ попали на англійскую дорогу французы.

Въ 1885 году въ Берлинѣ была созвана для рѣшенія разныхъ спорныхъ африканскихъ вопросовъ конференція. Она разграничила, между прочимъ, въ бассейнѣ Конго владѣнія Португаліи (къ югу), Бельгіи (въ серединѣ до 4° с. ш.) и Франціи (къ сѣверу отъ упомянутой параллели). Всѣмъ открывалась перспектива свободнаго распространенія на востокъ, въ малоизвѣстныя и совершенно тогда неизвѣстныя страны внутренней Африки. Распространенію Португаліи, впрочемъ, скоро былъ положенъ конецъ, благодаря распространенію на ея интерландъ англійскихъ владѣній съ юга. Бельгійцы же и французы постепенно двигались на востокъ, мало по малу

приближаясь къ бассейну Верхняго Нила, въ то время частью находившагося во власти омдурманскаго калифа, частью же (какъ бассейнъ Газаля) оказавшагося безъ владѣльца. Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ сюда проникли одновременно французы и бельгійцы, переплетаясь своими пріобрѣтеніями и создавая этимъ путемъ массу спорныхъ вопросовъ. Благодаря тому, что эти пререканія французскихъ и бельгійскихъ піонеровъ приходилось обсуждать и рѣшать въ Парижѣ и Брюсселѣ, это рѣшеніе подвигалось весьма медленно, когда вдругъ англо-бельгійскій договоръ 14 мая 1894 г. обострилъ вопросъ. По этому договору, Англія присвоила себѣ право распорядиться Верхнимъ Ниломъ, раздѣляя его съ бельгійцами. Бассейнъ Бахръ-эль-Газаля былъ раздѣленъ на двѣ части: восточная, вдоль лѣваго берега Нила, уступалась лично королю Леопольду пожизненно, а западная—правительству бельгійскаго Конго, покамѣсть эта страна остается подъ властью короля Леопольда или его наслѣдниковъ. Этою уступкою англичане вбивали клинъ между французскими владѣніями и Ниломъ и получали въ лицѣ бельгійцевъ союзниковъ для борьбы съ омдурманскимъ калифомъ. Притомъ по смерти Леопольда они получали важнѣйшую часть вдоль Нила, правый берегъ котораго и безъ того долженъ былъ оставаться за ними. Съ своей стороны, правительство бельгійскаго Конго уступало за это англичанамъ узкую полоску земли между озерами Альбертъ-Эдуардъ и Танганайка, что соединяло англійскія восточно-африканскія владѣнія, а послѣ разрушенія омдурманскаго калифата и Египетъ, съ южно-африканскими англійскими колоніями, осуществляя извѣстную программу непрерывности британской имперіи въ Африкѣ отъ Александріи до Мыса Доброй Надежды. Этотъ англо-бельгійскій трактатъ былъ опротестованъ Германіей и Франціей, какъ нарушеніе берлинскаго договора 1885 года, которымъ опредѣлены границы бельгійскаго Конго, гарантированныя державами. Англія уступила и п. 3 трактата, устанавливавшій вышеупомянутую уступку территоріи между озерами, былъ отмѣненъ. Съ другой стороны, бельгійцамъ и французамъ надо было какъ нибудь окончить свою черезполосицу. 14 августа 1895 года и было заключено это соглашеніе, по которому, взамѣнъ другихъ уступокъ, бельгійцы не оспаривали территорію въ бассейнѣ Газаля и ограничивали и здѣсь свои притязанія, какъ и на западѣ, четвертою параллелью сѣв. шир. Послѣ этого французы начинаютъ медленно подчинять себѣ эту обширную территорію, съ 1837—1883 года принадлежавшую независимому Египту, а съ тѣхъ поръ оставшуюся безъ владѣльца (кто считаетъ бѣдняковъ туземцевъ?!). И случилось, что какъ разъ въ іюлѣ 1898 года французы, утвердившись постепенно по всему теченію Газаля и его главныхъ притоковъ, основавъ здѣсь цѣпь фортовъ и умиротворивъ страну, вышли, наконецъ, на Нилъ и отняли у омдурманскаго калифа Фашоду, куда они пришли на трехъ канонеркахъ и трехъ миноноскахъ. Черезъ

мѣсяцъ, однако, пришли и англичане прежде, нежели посланное французскимъ военноначальникомъ маіоромъ Маршаномъ донесеніе могло кружнымъ путемъ достигнуть Европы. Оттого сюрпризъ и былъ такъ великъ и гнѣвъ англичанъ такъ неумѣренъ.

Если обладаніе верхнимъ Ниломъ связывало бы Египетъ, который англичане имѣютъ основаніе считать своимъ, съ ихъ владѣніями на берегахъ Индійскаго океана, то для французовъ эта Фашода устанавливаетъ сообщеніе между французскими владѣніями на Атлантическомъ океанѣ и на Индійскомъ (Джибути и Обокъ). Это тоже чего нибудь да стоитъ. Что касается вопроса права, то неузаконенность, если можно такъ выразиться, англійскаго владѣнія Египтомъ дѣлаетъ его крайне сложнымъ. Имѣетъ ли право Англія говорить отъ имени Египта? И если Франція не имѣетъ права, какъ то утверждаютъ англичане, оккупировать египетскую территорію, неприкосновенность которой гарантирована Парижскимъ и Берлинскимъ трактатами, то имѣютъ ли право англичане оккупировать сами Египетъ безъ согласія Франціи, подписавшей тѣ же трактаты? Если же жертвы, понесенныя Англіей, могутъ давать ей нѣкоторыя права даже вопреки трактатамъ, то вѣдь и французы не даромъ же и не безъ пожертвованій добрались до Фашоды... То же самое выходитъ, если выдвинуть права цивилизаціи. Англо-бельгійскій трактатъ 14 мая 1894 года, выше нами упомянутый, вносить еще новую путаницу въ этотъ клубокъ юридическихъ вопросовъ. Эта неясность правовой стороны, при громадности интересовъ, и представляетъ главную опасность положенія. Важно, однако, что возбужденіе перваго момента уже прошло и стороны уже терпѣливѣе могутъ ожидать предстоящей дипломатической волокиты. Въ этомъ случаѣ, эта волокита можетъ принести даже свою долю пользы, давая возможность успокоиться общественному мнѣнію и взвѣсить хладнокровнѣе выгоды и опасности. Но съ другой стороны, это острое разногласіе, пока оно не рѣшено, можетъ сослужить очень плохую службу при всякомъ другомъ обостреніи на всякомъ другомъ пунктѣ земного шара. А ихъ теперь такъ много, этихъ обостряющихся пунктовъ...

Эти строки были уже нами написаны, когда телеграфъ принесъ намъ слѣдующее извѣстіе болѣе, нежели тревожнаго свойства: «Канцлеръ казначейства Гиксъ-Бичъ (одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и авторитетныхъ членовъ британскаго министерства, оффиціальный лидеръ торійской партіи въ палатѣ общинъ) произнесъ 8 (20) октября въ Нортшильдѣ рѣчь, въ которой сказалъ, что если Франція не исполнитъ въ вопросѣ о Фошадѣ того, что *требуетъ* Англія, дѣло это приметъ болѣе серьезный характеръ, нежели это возможно между двумя великими странами. Работа Англіи въ Египтѣ еще не кончена. Африка достаточно велика для обѣихъ странъ и ораторъ надѣется на дружественное рѣшеніе вопроса, но Англія заняла свое положеніе. Если другіе посмотрятъ

на дѣло иначе, министры знаютъ, въ чемъ состоитъ ихъ долгъ. *Было бы несчастіемъ, если бы дружественныя отношенія послѣ слишкомъ восьмидесятилѣтняго мира были нарушены и Англія была бы вовлечена въ войну, но есть зло, худшее, нежели война, и правительство ни предъ чѣмъ не отступитъ, зная, что имѣетъ на своей сторонѣ весь народъ»*. Это уже вполнѣ ультиматумъ, хотя покуда предъявленный не правительству французской республики, а общественному мнѣнію Франціи. Ясно, однако, что если это общественное мнѣніе не побудитъ французское правительство къ уступчивости, то и оффиціальный ультиматумъ не заставитъ себя долго ждать. Послѣ оффиціальнаго ультиматума достоинство Франціи не позволитъ уступить и война станетъ неизбѣжна. Почти не стоитъ входить въ разборъ аргументаціи англійскаго министра финансовъ. Она сильна только угрозой, а о логикѣ, повидимому, и сама мало думаетъ. Сильное возбужденіе, которымъ преисполнена рѣчь сэра Гикса-Бича, вообще о логикѣ думаетъ не много. Мы вовсе не желаемъ утверждать, что въ этомъ спорѣ Франція во всемъ права, тогда какъ Англія во всемъ виновата. Отнюдь нѣтъ, но не такими доводами, какіе приведены англійскимъ министромъ, можно доказать правоту Англіи. «Работа Англіи въ Египтѣ не кончена», говоритъ г. Гиксъ-Бичъ, подразумѣвая, что для окончанія этой работы необходима Фашода, но, по договору съ бельгійскимъ Конго 14 мая 1894 года, эта территорія была уступлена королю Леопольду; иначе говоря, Англія не считаетъ собственную оккупацію этой области необходимою для окончанія своей «миссіи» въ Египтѣ. Она выговаривала себѣ правый (восточный) берегъ Нила, но это уже вопросъ переговоровъ, а не ультиматума. Къ тому же король Леопольдъ еще живъ, а именно онъ, пожизненный владѣлецъ (по договору съ Англіей) Фашоды, отказался въ пользу Франціи отъ всѣхъ территорій сѣвернѣе 4° с. ш. Южнѣе же бельгійцы занимаютъ берегъ Нила, согласно договору, не возбуждая англійскаго протеста. Англо-бельгійскій договоръ 14 мая 1894 года не обязателенъ для Франціи, но онъ обязателенъ для Англіи, а вытекаетъ ли изъ него возстановленіе египетскаго права немедленно послѣ отказа короля Леопольда—дѣло спорное и подлежащее обсужденію, а не ультиматуму. Наконецъ, французы заняли Фашоду, пятнадцать лѣтъ тому назадъ потерянную Египтомъ, а вопросъ давности тоже подлежитъ обсужденію, не ультиматуму. Другой доводъ г. Гикса-Бича, что «Африка достаточно велика для обѣихъ сторонъ»—вполнѣ справедливъ, но его французы могутъ съ такимъ же правомъ представить въ защиту своего поведенія, какъ и англичане въ защиту своего притязанія. Третій доводъ нортшильдскаго оратора, что «Англія уже заняла свое положеніе», но вѣдь и Франція заняла свое положеніе. Ораторъ соглашается, что война была бы великимъ несчастіемъ (и великимъ преступленіемъ, прибавимъ мы), но, патетически восклицаетъ онъ, «есть зло, худшее, нежели война, и пра-

вительство ни передъ чѣмъ не отступитъ». Что это такое за зло, которое, при данныхъ обстоятельствахъ было бы хуже войны, сановный ораторъ не поясняетъ... Повторимъ вышесказанное: интересы обѣихъ сторонъ, замѣшанные въ этомъ спорѣ, несомнѣнно очень велики, а для Англіи даже громадны, правовая же сторона для обѣихъ сторонъ очень шаткая, запутанная и сложная. Въ виду этого всякая поспѣшность въ такомъ запутанномъ и важномъ дѣлѣ была бы прямо непростительна. Дайте срокъ компетентнымъ лицамъ обѣихъ сторонъ изучить дѣло детально во всѣхъ его обстоятельствахъ и подробностяхъ; выслушайте авторитеты международнаго права; образуйте смѣшанную коммиссію для совмѣстнаго обсужденія разбора всѣхъ вопросовъ, а, если и затѣмъ не придете къ соглашенію, обратитесь къ третейскому суду,—вотъ что долженъ сказать двумъ великимъ народамъ всякій истинный ихъ другъ. Было бы постыдно, если бы на порогѣ XX вѣка двѣ самыя цивилизованныя націи нашего земного шара, слава и надежда человѣчества, довели себя до кровопролитія, какъ какіе-нибудь корольки-антропофаги той самой варварской Африки, изъ за которой спорятъ Парижъ и Лондонъ! Пятьдесятъ лѣтъ Египетъ обходился безъ Фашоды. Неужели невозможно еще обождать пятнадцать недѣль, или даже пятнадцать мѣсяцевъ? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ Африка достаточно велика для обѣихъ великихъ націй.

III.

Достаточно велика и Азія для европейскихъ колоніальныхъ націй. Ихъ вѣдь всего четыре: Англія, Германія, Россія и Франція, но и тутъ колоніальные вопросы постоянно обостряютъ взаимныя отношенія европейскихъ народовъ до совершенно опаснаго положенія. Если рѣчь г. Гикса-Бича, выше нами цитированная, заставляетъ сильно опасаться за благополучный исходъ англо-французскаго конфликта на Верхнемъ Нилѣ, то весьма незадолго до этого такія же опасенія тревожили міръ по поводу англо-русскаго конфликта изъ за нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ концессій въ Китаѣ. Англійскіе публицисты и тогда, какъ и теперь, по поводу Фашоды, трубили походъ, но по счастью дѣло вполнѣ уладилось и война, ожидавшаяся съ часу на часъ, не разразилась. Положеніе дѣлъ въ Китаѣ за всѣмъ тѣмъ оставалось очень опаснымъ и междудержавныя струны были натянуты до полнаго напряженія. Внезапная дворцовая революція въ Пекинѣ сразу смѣшала карты и настолько измѣнила только что очерченное положеніе дѣлъ, что этимъ самымъ временно ослабила натянутость, хотя, быть можетъ, подготовляетъ событія, еще болѣе тревожныя и опасныя. Ознакомимся прежде всего съ главнѣйшими внѣшними чертами этой недавней пекинской революціи.

На страницахъ этой лѣтописи мы уже говорили, въ чемъ за-

ключалась сущность англо-русскаго конфликта въ Пекинѣ. Одна иностранная компанія получила отъ пекинскаго правительства концессію на сооруженіе желѣзной дороги отъ Шанъ-Кай-Кванъ, мѣстности, уже связанной съ Пекиномъ желѣзной дорогой и лежащей къ сѣверу отъ столицы, до Нью-Чвана, города, расположеннаго уже въ Манджуріи. Деньги на сооруженіе дороги давалъ банкъ Гонъ-Конга подъ залогъ строющейся желѣзной дороги и ея движимой и недвижимой собственности. Этотъ закладъ желѣзнодорожной линіи англійскому банку и являющаяся отсюда возможность перехода линіи въ собственность англійскаго учрежденія и послужила для г. Павлова, русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, поводомъ къ протесту. Онъ находилъ, что такая ипотека противорѣчитъ обязательству, принятому Китаемъ при передачѣ Россіи Порта Артура, не уступать никому безъ согласія Россіи земель сѣвернѣе Пекина. Англичане настаивали и даже оффиціально увѣдомили китайское правительство, что готовы поддержать свое требованіе вооруженною рукою, если бы Россія продолжала настаивать на своемъ протестѣ. Китайцы однако, предпочли миръ войнѣ съ Россіей, хотя бы и въ союзѣ съ англичанами. Они отказались отъ проектированной, но еще не выданной концессіи. Въ такомъ исходѣ спора между г. Павловымъ и сэромъ Клодомъ Макъ-Дональдомъ англичане болѣе всего обвиняли стараго Ли-Хунгъ-Чана. «По словамъ англійскихъ газетъ, замѣчалъ по этому поводу осторожный Journal des Débats, Ли-Хунгъ-Чанъ былъ готовъ на все для Россіи, которая будто бы привлекла его на свою сторону при помощи аргументовъ, которыхъ дѣйствительность хорошо извѣстна англичанамъ, нерѣдко къ нимъ прибѣгающимъ». Извѣстно, что за этимъ пораженіемъ британской дипломатіи вскорѣ послѣдовало другое, по вопросу о концессіи на желѣзную дорогу Пекинъ-Хань-Коу, выданную бельгійской компаніи по настоянію русской и французской дипломатіи и вопреки протесту сэра Макъ-Дональда. Это и было время наибольшей натянутости положенія, когда разрывъ и война въ самомъ дѣлѣ были возможны каждую минуту. Затѣмъ заговорили о компромиссѣ между Россіей и Англіей и вмѣстѣ съ тѣмъ получено было извѣстіе о паденіи Ли-Хунгъ-Чана. Въ Пекинъ прибылъ маркизъ Ито, какъ чрезвычайный представитель Японіи, съ цѣлью, какъ всѣ говорили, подготовить почву для заключенія тѣснаго японско-китайскаго союза. Японія предлагала Китаю свои добрыя услуги и по преобразованію финансовъ, арміи и флота. Таково было внѣшнее положеніе въ Пекинѣ, когда 23 (11) сентября въ Европѣ была получена сенсаціонная телеграмма о дворцовомъ переворотѣ въ Пекинѣ: императоръ Канъ-Сю отстраненъ отъ власти; вдовствующая императрица, бывшая регентшей во время малолѣтства богдыхана, приняла снова въ свои руки бразды правленія, одинъ изъ первыхъ сановниковъ имперіи Чанъ-Инъ-Хуэнъ сосланъ въ илійскую провинцію; недавно возвысившійся фаворитъ молодого богдыхана Канъ-Ю-Уэ высланъ внутрь

страны... Нѣкоторыя телеграммы говорили объ убійствѣ богдыхана и кровопролитіи, но извѣстія эти не подтвердились. Переворотъ совершился мирно.

На первыхъ порахъ всѣ считали переворотъ результатомъ все той же великодержавной борьбы. Ли-Хунгъ-Чанъ только что былъ смѣщенъ по настоянію англичанъ. Еще наканунѣ переворота посланники Россіи, Франціи, Испаніи, Бельгіи и Голландіи были у Ли-Хунгъ-Чана съ визитомъ de condoléance; извѣстіе объ этомъ важномъ дипломатическомъ шагѣ цѣлой, такъ сказать, партіи европейскихъ державъ, телеграфъ принесъ въ Европу 22 (10) сентября, а на слѣдующій день о паденіи главныхъ совѣтниковъ богдыхана и о возвращеніи къ власти вдовствующей императрицы, старинной покровительницы Ли-Хунгъ-Чана. Не естественно ли было связать эти факты и заподозрѣть европейскую дипломатію въ соучастіи, а стараго Ли принять за главнаго агента и побѣдителя въ этомъ дѣлѣ? Переворотъ, однако, имѣлъ болѣе глубокія причины и, если внѣшнія отношенія не должны быть совершенно игнорируемы въ этомъ вопросѣ, то всетаки несомнѣнно, что главною пружиною были причины внутреннія. Какъ во всякомъ дворцовомъ переворотѣ, и въ настоящемъ случаѣ многое остается темнымъ и загадочнымъ. Напримѣръ, остается неизвѣстною причина немилости и опалы, въ которую впалъ такой старый и заслуженный сановникъ, какъ Чанъ-Инъ-Хуэнъ, старинный слуга и совѣтникъ вдовствующей императрицы. Сама процедура переворота тоже неизвѣстна. Тѣмъ не менѣе смыслъ его довольно ясенъ, какъ и главныя причины, его вызвавшія.

Пораженія, нанесенныя китайцамъ японцами, не произвели глубокаго впечатлѣнія въ Китаѣ. Это огромное политическое тѣло, кажется, и не почувствовало серьезной боли отъ японскихъ ударовъ. Уступка Формозы была объяснена, какъ наказаніе, наложенное богдыханомъ на мятежныхъ японцевъ, обязанныхъ за свой бунтъ нести на островѣ полицейскую службу и усмирять безпокойное населеніе. Остальное было не замѣчено сначала, но прошло два года и къ концу прошлаго 1897 года начали уже сказываться послѣдствія симоносекскаго трактата, открывшаго иностранной промышленности и предпріимчивости китайскую территорію. Начали возникать фабрики, прокладываться желѣзныя дороги. Все это уже вызывало броженіе, у однихъ—недоумѣніе, у другихъ—неудовольствіе. Какъ долго созрѣвалъ бы этотъ процессъ, предоставленный себѣ самому, трудно сказать, но онъ былъ внезапно форсированъ взрывомъ великодержавныхъ соперничествъ. Германія силою заняла портъ Кяо-Чау и принудила богдыханское правительство уступить захваченную территорію и признать нѣчто вродѣ преимущественныхъ правъ на сосѣдній Шандунскій полуостровъ. Какъ извѣстно, это повело къ своего рода раздѣлу Китая. Россія, Англія, Франція вынудили пекинское правительство уступить себѣ разные порты и

признать за собой преимущественныя права на разныя области имперіи. Японія и та дополнила пріобрѣтенія симоносекскаго трактата признаніемъ такихъ же преимущественныхъ правъ на области, пограничныя формозскому заливу. Все это вмѣстѣ взятое производило глубокое впечатлѣніе на китайцевъ, столь гордыхъ своей исторіей и своимъ превосходствомъ надъ всѣмъ остальнымъ, варварскимъ міромъ. Гдѣ же причина этихъ униженій, этого расхвата національной территоріи иностранцами, этого полнаго безсилія громадной имперіи? Одни полагали, что тому причиною отсталость Китая и его древній общественный строй, уже непригодный для условій современной исторической жизни; эти новаторы желали реформы. Другіе, напротивъ, находили, что и такъ допущено слишкомъ много новшествъ и что въ нихъ, въ этихъ заимствованныхъ у варваровъ новшествахъ, и заключается главная причина постигшихъ Китай бѣдствій. Императоръ одно время сталъ на сторону первыхъ, но вторыхъ въ Китаѣ больше. Они вліятельнѣе и сильнѣе. Здѣсь главная причина переворота, сильно осложненная, правда, но не вызванная дворцовыми и дипломатическими интригами.

Эра реформъ началась не раньше начала текущаго 1898 года. Съ этого времени появляется рядъ декретовъ, которые нарушаютъ давно установившійся порядокъ. Учреждаются спеціальные экзамены для кандидатовъ, «изучившихъ западныя науки», чѣмъ, конечно, признается если не превосходство, то существованіе какихъ-то наукъ, извѣстныхъ варварамъ и неизвѣстныхъ китайцамъ. Затѣмъ преобразуются экзамены на военныя должности, которые прежде состояли въ испытаніи стрѣльбы изъ лука и подъема тяжести; теперь прибавили обращеніе съ новымъ оружіемъ. Наконецъ, третьимъ декретомъ предписывается вице-королямъ озаботиться учрежденіемъ нѣсколькихъ школъ для обученія по европейскому способу. Какъ ни умѣренны и, по своему практическому значенію, прямо ничтожны эти «реформы», онѣ были приняты столь несочувственно, что четвертый императорскій декретъ жалуется на это несочувствіе и старается убѣдить подданныхъ въ необходимости идти по новому пути, который, повидимому, былъ несовершенно ясенъ и самимъ реформаторамъ. Въ этомъ декретѣ богдыханъ прямо находитъ, что «правительственная система, установленная во времена династій Сонговъ и Минговъ, не представляютъ въ настоящее время ничего практическаго и полезнаго при новыхъ условіяхъ». Далѣе декретъ доказываетъ необходимость учрежденія въ Пекинѣ университета, предлагаетъ этотъ вопросъ на обсужденіе главныхъ сановниковъ и всѣхъ администраторовъ имперіи и заканчивается слѣдующимъ патетическимъ воззваніемъ: «Постараемся же отбросить пустые предразсудки и предубѣжденія, не имѣющія практическаго значенія, полныя самообмана и препятствующія нашему движенію впередъ! Сбросимъ съ себя кору косности, наросшую на нашу систему, и

разобьемъ цѣпи, насъ сковавшія». Этотъ императорскій декретъ обнародованъ 11 іюня (30 мая) 1898 года.

На ловца и звѣрь бѣжитъ. Молодой богдыханъ нуждался въ убѣжденныхъ сторонникахъ реформъ и такой сторонникъ скоро явился къ нему. Въ оффиціальной пекинской газетѣ было напечатано, что 13 (1) іюня богдыханъ далъ аудіенцію молодому ученому, рекомендованному императору членами академіи Ханъ-Линъ. Этотъ молодой ученый и былъ Канъ-Ю-Уэ, имя котораго недавно облетѣло газетные столбцы всего міра. Скоро императоръ приблизилъ къ себѣ Канъ-Ю-Уэ и реформаторская дѣятельность получила новый толчокъ. Она была вызвана не вліяніемъ Канъ-Ю-Уэ (самый замѣчательный вышецитированный декретъ вышелъ два дня раньше перваго появленія новаго совѣтника богдыхана), но несомнѣнно его вліяніе направило преобразовательную дѣятельность на болѣе практическія, но и гораздо болѣе опасныя задачи.

Продолжая прежнее направленіе, новые декреты богдыхана подтверждаютъ требованіе доставить въ непродолжительное время отвѣты и соображенія объ учрежденіи пекинскаго университета, а затѣмъ обращаются къ совершенно новой области, прежде совершенно не затронутой теоретическими реформами богдыхана.

Въ теченіе іюля и августа издается рядъ декретовъ о сокращеніи административныхъ должностей. Уничтожалось шесть министерскихъ должностей, три вице-королевскихъ, десятки губернаторскихъ (тао-таевъ), сотни болѣе мелкихъ. Въ государствѣ, гдѣ нѣтъ ни аристократіи, ни плутократіи, ни могущественнаго духовенства, ни вліятельнаго военнаго сословія, какъ Китай, бюрократія всесильна и на нее-то покусились новые декреты, внушенные Канъ-Ю-Уэ. Такого покушенія высшая бюрократія не могла вынести и не вынесла. Дворцовая и дипломатическая интриги помогли замыслу заговорщиковъ, избравшихъ предлогомъ приготовлявшійся будто бы декретъ объ уничтоженіи косъ и ношеніи европейскихъ прическъ и костюмовъ. Истинною причиною было, конечно, именно упомянутое покушеніе на положеніе бюрократіи. Декретъ 31 (19) августа давалъ срокъ одинъ мѣсяцъ для осуществленія всѣхъ предписанныхъ административныхъ сокращеній. Незадолго до истеченія этого срока, за какую нибудь недѣлю всего, и былъ совершонъ переворотъ.

Нельзя не сочувствовать добрымъ начинаніямъ императора Канъ-Сю и его совѣтника Канъ-Ю-Уэ, но нельзя и не видѣть всей непрактичности ихъ программы. Чтобы сломить старую, вѣками сложившуюся силу, надо имѣть противъ нея или готовую силу въ сочувствіи значительной части населенія, чего не было въ данномъ случаѣ, или сначала создать такую преданную матеріальную силу, какъ то сдѣлалъ Петръ Великій. Безъ этихъ данныхъ реформаторская иниціатива Канъ-Сю осуждена была или оставаться въ области платоническихъ пожеланій, или потерпѣть fiasco. Канъ-Сю взятъ

подъ опеку, а Канъ-Ю-Уэ, хорошо понявшій опасность покориться ссылкѣ, бѣжалъ въ Гонъ-Конгъ.

Дальнѣйшее развитіе событій въ Китаѣ было въ общихъ чертахъ слѣдующее: 28 (16) сентября, вслѣдъ за декретомъ объ учрежденіи регентства, мотивированномъ собственною просьбою императора, появился декретъ, отмѣняющій всѣ реформаторскіе декреты. Затѣмъ, сначала предназначенные къ ссылкѣ Чанъ-Инъ-Хуэнъ и Канъ-Ю-Уэ, привлечены къ отвѣтственности по обвиненію въ заговорѣ. Канъ-Ю-Уэ, какъ упомянуто, бѣжалъ, а Чанъ-Инъ-Хуэнъ заключенъ въ тюрьму. Братъ бѣжавшаго Канъ-Ю-Уэ схваченъ и казненъ по обвиненію въ покушеніи на жизнь императрицы-регентши. По тому же обвиненію казнено еще пять придворныхъ, въ томъ числѣ одинъ цензоръ, одинъ изъ высшихъ административныхъ сановниковъ. Это 29 (17) сентября, а на слѣдующій день отставленъ и сосланъ «бывшій китайскій посланникъ въ Вашингтонѣ и бывшій представитель императора на юбилеѣ королевы Викторіи» (такъ выражается депеша, не называя имени). Эти проскрипціи восторжествовавшей старо-бюрократической партіи не могли не вызвать возбужденія и въ народной массѣ, убѣждая ее, что въ національныхъ бѣдствіяхъ виновны новаторы и внушившіе новшевства иностранцы. Такимъ образомъ, возбужденіе противъ иностранцевъ росло и, наконецъ, прорвалось наружу 1 октября (19 сентября). «Мортиморъ, совѣтникъ британскаго посольства въ Пекинѣ (гласитъ телеграмма) возвращался домой въ сопровожденіи дамы, когда внезапно былъ аттакованъ уличной толпою, забросавшею его грязью и каменьями. Нѣсколько погодя такому же нападенію подверглись американскіе миссіонеры и китаецъ-секретарь американскаго посольства, который былъ серьезно ушибленъ въ бокъ». Тѣ же сцены повторялись и на слѣдующій день, не смотря на представленія европейскихъ пословъ. Это и заставило русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ и англійскаго посланника вызвать по телеграфу изъ Портъ-Артура и Вей-Ха-Вея военные эскорты для охраны европейцевъ. На просьбу китайцевъ отмѣнить это требованіе посланники, къ которымъ присоединился и германскій, потребовавшій эскорта изъ Кяо-Чау, отвѣтили приглашеніемъ приготовить въ Тянь-Цзинѣ поѣздъ для перевозки ожидаемыхъ эскортовъ. Цунъ-Ли-Ямень уступилъ, а регентша обнародовала декретъ, устанавливающій смертную казнь за оскорбленіе европейцевъ. Вскорѣ эскорты прибыли: русскихъ 36 казаковъ, 30 пѣхотинцевъ и 2 орудія артиллеріи, англичанъ— 25 пѣхотинцевъ и нѣмцевъ — 30. Нѣсколько позже прибавились еще небольшіе эскорты французскій, итальянскій и японскій. Это успокоило пекинское населеніе и столица богдыхана теперь оккупирована вооруженнымъ европейскимъ отрядомъ около 250—300 человѣкъ; при китайскомъ безсиліи это не мало.

Торжество реакціонной партіи въ Пекинѣ задержало и раздачу концессій иностранцамъ, а это, конечно, уменьшило нѣсколько

мотивы соперничества между державами. Въ этомъ смыслѣ мы и высказали выше, что для начала новое положеніе нѣсколько ослабило натянутость отношеній. Однако, событія въ Китаѣ не могутъ останавливаться на той точкѣ замерзанія, на которой желаетъ и надѣется удержать страну восторжествовавшая партія. Процессъ разложенія уже рѣшительно отжившаго свое время строя остановить невозможно и, если его не реформировать, его несостоятельность скажется иными симптомами. Двѣ провинціи и нынѣ охвачены бунтомъ. Быть можетъ, эти бунты и удастся подавить, но невозможность существовать дальше при старомъ строѣ и новыхъ условіяхъ вызоветъ новыя замѣшательства. И эти-то замѣшательства, которыя всегда будутъ задѣвать сложные интересы державъ, и угрожаютъ новыми опасностями не одному Китаю. Гніеніе такого громаднаго трупа можетъ заразить все окружающее и надолго парализовать нормальное теченіе дѣлъ. Интересъ всей Европы, всего существующаго міра — придти на помощь этому больному гиганту и, впредь до выздоровленія, взять подъ общую опеку и охрану.

V.

Изъ другихъ событій, волновавшихъ міръ въ отчетный мѣсяцъ, наиболѣе вниманія міромъ этимъ было оказываемо дѣлу Дрейфуса. Не смотря на сопротивленіе двухъ военныхъ министровъ, Каваньяка и Цурлиндена, кабинетъ Бриссона имѣлъ мужество провести вопросъ о пересмотрѣ дрейфусовскаго дѣла черезъ административныя инстанціи и передать его единственно компетентной инстанціи судебной. Теперь дѣло въ рукахъ верховнаго суда, который и рѣшитъ, есть ли основанія для возобновленія процесса. А тѣмъ временемъ сенсаціонныя разоблаченія слѣдуютъ одно за другимъ и обнаруживаютъ глубокое растлѣніе, царствовавшее въ канцеляріяхъ секретныхъ отдѣленій главнаго штаба. Сторонники этихъ порядковъ, однако, не думаютъ сдаваться. Были даже слухи о замышлявшемся ими coup d'état. Многіе даже сосредоточеніе войскъ въ Парижѣ приписывали тому, что правительство этимъ предупредило замыслы, прикрывшись стачками. Сообщаютъ объ арестѣ и заключеніи въ Монъ-Валерьенѣ какого-то важнаго военнаго сановника. Приготовлено также еще нѣсколько камеръ. Все это покрыто тайной еще болѣе, нежели дворцовыя интриги въ Пекинѣ.

Императоръ Вильгельмъ путешествуетъ по востоку. Онъ уже сдѣлалъ визитъ султану, которымъ былъ принятъ съ восточною пышностью. Слѣдить за этими празднествами и торжествами не входитъ въ наши планы, а серьезной политической стороны этого путешествія германскаго государя покамѣсть еще не видно. Достойно отмѣтки единственно измѣненіе плана путешествія; именно

отмѣна посѣщенія Египта. Въ тотъ моментъ, когда изъ-за этого самаго Египта Англія собирается чуть ли не воевать съ Франціей и, быть можетъ, съ Россіей, явиться англійскимъ гостемъ въ Египтѣ было бы взять въ этомъ спорѣ сторону Англіи. Къ тому же Англія въ послѣднее время была болѣе чѣмъ не любезна съ султаномъ, котораго визитируетъ Вильгельмъ. Письмомъ къ королевѣ Викторіи передъ отъѣздомъ на Востокъ Вильгельмъ желалъ какъ бы контръ-балансировать эту отмѣну посѣщенія Египта.

Теперь уже обнаружилось въ общихъ чертахъ то англо-германское соглашеніе, о которомъ было такъ много разнорѣчивыхъ толковъ. Теперь уже достовѣрно, что оно касается единственно португальскихъ колоній въ Африкѣ. Дѣло въ томъ, что финансы Португаліи достигли полнаго разстройства и португальское правительство увидѣло себя вынужденнымъ обратиться къ англійскому съ предложеніемъ купить африканскія колоніи Португаліи и на эти суммы реорганизовать португальскіе финансы. Въ числѣ продаваемыхъ территорій находится и та бухта Делагоа, которая составляетъ для Трансвааля единственный выходъ къ морю не черезъ англійскія владѣнія. Это одно давало этой бухтѣ значительный интересъ для Германіи. Къ тому же на этой же территоріи основались нѣмецкія факторіи. Поэтому, Англія рѣшилась войти въ компромиссъ съ Германіей и предложила купить португальскія колоніи сообща и подѣлить полюбовно. Этотъ полюбовный раздѣлъ и составляетъ предметъ англо-германскаго соглашенія. Восточно-африканская португальская колонія (Мозамбикъ), самая интересная и доходная, подѣлена такъ, что къ югу отъ рѣки Замбези отходитъ къ Англіи (слѣдовательно и Делагоа), а къ сѣверу берутъ нѣмцы. Португальская колонія въ Верхней Гвинеѣ (Сіерра-Леона) забирается англичанами. Что касается Анголы (португальское Конго), то о раздѣлѣ этой важной колоніи свѣдѣній еще нѣтъ. Съ юга она граничитъ съ нѣмецкою Ангро-Пеквеной (гдѣ, кстати сказать, по послѣднимъ извѣстіямъ, взбунтовались туземцы племени Дамара), а съ востока—съ нѣмецкою Родезіей. Впрочемъ, всѣ эти раздѣлы суть только предположительные на тотъ случай, если Португалія продастъ свои колоніи, а это еще подлежитъ разрѣшенію Лиссабонскаго парламента. Тѣмъ не менѣе, англичане этимъ соглашеніемъ значительно улучшили свои отношенія съ Германіей, а это, конечно, во всякомъ случаѣ выигрышъ (притомъ совершенно даромъ).

Чтобы покончить съ Африкой, отмѣтимъ еще успѣхъ французовъ въ западной Африкѣ, гдѣ они разбили и взяли въ плѣнъ своего стариннаго врага, султана Самори (носившаго арабскій титулъ *альмами*). Лѣтъ двадцать тому назадъ Самори былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ султановъ народа фулеховъ. Этотъ народъ хамитскаго происхожденія, но сильно смѣшавшійся съ неграми, исповѣдуетъ исламъ и съ половины XIX вѣка составляетъ

господствующую народность во всемъ западномъ Суданѣ и особенно въ бассейнѣ средняго и верхняго Нигера. Талантливый, воинственный и самолюбивый Самори мечталъ (и имѣлъ право мечтать) соединить весь народъ фулеховъ подъ своею верховною властью и создать великую фулехскую имперію. Но на этомъ пути онъ столкнулся съ французами, которые, какъ разъ лѣтъ двадцать назадъ, проникли въ западный Суданъ. Съ тѣхъ поръ и до сихъ поръ Самори былъ ихъ заклятымъ врагомъ и велъ, съ небольшими перерывами, ожесточенную войну, обратившую въ пустыню многія провинціи, присоединенныя Франціей. Много разъ онъ былъ доводимъ до полнаго, казалось, безсилія, но снова и снова возрождался съ новыми силами. Онъ сталъ легендарнымъ героемъ фулехскаго народа, который не уставалъ поставлять ему новыхъ и новыхъ воиновъ. Негры же трепетали одного имени его. Въ послѣднее время, вытѣсненный изъ бассейна Нигера, онъ отошелъ къ западу и захватилъ горныя и лѣсистыя области на границахъ территоріи независимой негритянской республики Либеріи. Здѣсь онъ успѣлъ снова собрать и организовать свои силы, а близость англійскихъ колоній доставила ему возможность возобновить запасъ оружія. Около двѣнадцати тысячъ отборныхъ воиновъ составляло его силу, когда и сюда за нимъ явились французы. Первая серьезная битва произошла въ сентябрѣ и телеграфное извѣстіе о ней пришло въ Парижъ 14 (26) сентября. Майоръ Пико настигъ отрядъ одного изъ сыновей Самори, Сара-Мтіени-Мори. Фулехи были на голову разбиты. Пять тысячъ плѣнныхъ и тысяча ружей были трофеями французовъ. Старый вождь отступилъ, избѣгая сраженія и поджидая подкрѣпленій, но на этотъ разъ его тактика успѣхомъ не увѣнчалась. Французы его настигли и нанесли окончательное пораженіе. Армія уничтожена, частью истреблена, частью взята въ плѣнъ. Взятъ въ плѣнъ и самъ Самори со всѣмъ своимъ семействомъ. Для Франціи это значительный успѣхъ, торжество, вродѣ взятія Шамиля русскими въ 1859 году. Долгая и разорительная война окончена и единственный серьезный врагъ Франціи въ Западномъ Суданѣ обезоруженъ. Относительно именно этого послѣдняго суданскаго похода и появились въ нѣкоторыхъ парижскихъ газетахъ разоблаченія о постыдныхъ жестокостяхъ, будто бы допущенныхъ французскими военноначальниками, командующими, правда, надъ солдатами изъ туземцевъ, но, конечно, обязанными и ихъ заставить сообразоваться съ болѣе цивилизованными и гуманными пріемами, усвоенными христіанскою Европою.

Изъ другихъ, собственно европейскихъ событій отчетнаго мѣсяца, наибольшую важность имѣетъ, безъ сомнѣнія, улаженіе критскаго вопроса. Четыре державы, покровительницы Крита, предъявили, наконецъ, Блистательной Портѣ ультиматумъ объ очищеніи острова отъ турецкихъ войскъ. Султанъ покорился и эвакуація уже началась, а затѣмъ наступитъ и возможность ввести порядокъ и

организацію правительства въ эту глубоко потрясенную и измученную страну. Съ этимъ серьезнымъ успѣхомъ тѣмъ болѣе пріятно поздравить европейскую дипломатію, что этимъ доказана полная возможность достигать важныхъ и благодѣтельныхъ цѣлей при помощи столь много осмѣиваемаго европейскаго концерта. Лиха бѣда начало и слѣдуетъ надѣяться, что соединенная Европа все будетъ расширать область своей компетенціи и все чаще доказывать дѣйствительность своей соединенной силы, своего согласія (concert). Какъ ни медлительно, а потому и дорого было рѣшеніе критскаго вопроса, оно было во всякомъ случаѣ дешевле войны, много дешевле. Этого никогда не слѣдуетъ забывать, разсуждая о медлительности соединеннаго дѣйствія Европы.

Въ Вѣнѣ возобновилась сессія парламента и нѣмцы на время отказались отъ обструкціи, ради выработки новаго соглашенія съ Венгріей. Вѣнскій парламентъ избралъ коммиссію, которая уже пришла къ заключенію о справедливости повысить долгъ Венгріи въ общеимперскихъ расходахъ до 38% съ тридцати, какъ было до сихъ поръ. Мадьяры не соглашаются и, вѣроятно, заставятъ австрійцевъ уступить, если не возобновится обструкція. Такимъ образомъ, положеніе еще не вполнѣ выяснилось и трудно сказать, увидитъ ли настоящій годъ законно вотированное новое соглашеніе между обѣими половинами монархіи императора Франца-Іосифа.

Столкновеніе между южно-американскими республиками Аргентиной и Чили, если еще не совсѣмъ избѣгнуто, то во всякомъ случаѣ сдѣланы къ тому значительные шаги. Договоръ между Аргентиной и Чили раздѣляетъ Патагонію между этими республиками по линіи Андовъ, но эти горы на самомъ югѣ Патагоніи развѣтвляются, причемъ одна вѣтвь упирается въ Магелланов проливъ, составляя прямое сѣверо-южное продолженіе Андовъ. Другая же вѣтвь, *болѣе высокая,* заворачиваетъ на востокъ и выходитъ къ Атлантическому океану. Которую же изъ этихъ вѣтвей слѣдуетъ признать границей? Чилійцы думаютъ болѣе высокую, аргентинцы же ту, которая составляетъ прямое продолженіе Андовъ. Это главное разногласіе оба правительства согласились предоставить третейскому суду и уже избрали судьей королеву Викторію. Тѣмъ не менѣе остаются нерѣшенными еще и другіе пограничные вопросы, въ которыхъ разошлись коммисары, назначенные для разграниченія. Эти разногласія обсуждаются обоими правительствами и вызываютъ еще много воинственныхъ криковъ.

С. Южаковъ.

Изъ Вятскаго края.

(«Ученый трудъ» о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ).

Передо мной лежитъ только что появившаяся въ Вяткѣ книжка свящ. Н. Н. Блинова, «Языческій культъ вотяковъ», составляющая болѣе полное изложеніе взглядовъ, высказанныхъ почтеннымъ авторомъ на X съѣздѣ естество-испытателей и врачей, а также статья В. Г. Короленко въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства». Очень жаль, что г. Короленко писалъ свою статью до появленія книги, на основаніи однихъ газетныхъ отчетовъ о докладѣ. Мы, конечно, не увѣрены, что теперь взглядъ автора на работу Н. Н. Блинова подвергся бы сильному измѣненію по существу. Можетъ быть даже—напротивъ. Несомнѣнно, однако, что нѣкоторыя фактическія «неточности» и неполнота свѣдѣній, приписанныя г. Короленко г-ну Блинову, должны быть отнесены или насчетъ сжатости устнаго доклада, или же насчетъ газетнаго репортера. Нѣкоторыя заключенія г. Короленко теперь, по выходѣ книги, должны подвергнуться измѣненіямъ, которыя я и укажу ниже.

Если докладъ Н. Н. Блинова на съѣздѣ вызвалъ значительный интересъ въ общей прессѣ и среди читающей публики, то нетрудно себѣ представить значеніе его работы для нашего края. Вотъ уже почти $1^1/_2$ года, какъ кончено громкое мултанское дѣло, и почти годъ въ общей прессѣ о немъ не было никакихъ почти упоминаній. Но въ вятскомъ краѣ послѣдствія этого дѣла сказались для значительной части его населенія самымъ реальнымъ образомъ. Съ позволенія редакціи «Русскаго Богатства», я намѣренъ впослѣдствіи коснуться этого интереснаго явленія. Настоящее же письмо я посвящу книжкѣ о. Блинова и взглядамъ его на вопросъ о пресловутыхъ «человѣческихъ жертвоприношеніяхъ».

Отношеніе Н. Н. Блинова собственно къ мултанскому дѣлу довольно своеобразно: онъ ставитъ тезисъ, что «судившіеся три раза мултанскіе жители невиновны въ убійствѣ нищаго, но *вообще* человѣческія жертвоприношенія въ исключительныхъ случаяхъ *возможны* у вотяковъ нѣкоторыхъ мѣстностей» (стр. 7). Дальнѣйшее изложеніе значительно расширяетъ это заключеніе и заставляетъ думать, что человѣческія жертвоприношенія чрезвычайно часты, а на стр. 49 находимъ утвержденіе, что, если повнимательнѣе разспросить жителей самого Мултана, «то навѣрное окажется гдѣ нибудь поблизости селенія подходящая для собраній гора, лѣсокъ и вообще «веселое мѣсто». «Это, по мнѣнію о. Блинова, и будетъ то самое мольбище Будлѣ, гдѣ «моленія» живыхъ существъ могутъ случаться».

А такъ какъ все обвиненіе мултанцевъ подсудимыхъ строилось на убійствѣ въ шалашѣ Моисея Дмитріева и безъ него теряетъ рѣшительно всякую почву, то выводъ, который слѣдуетъ изъ этихъ положеній Н. Н. Блинова по отношенію къ данному процессу, ясенъ: между тѣмъ, какъ полиція и судебныя власти старались обвинить владѣльца шалаша и его сосѣдей,—истинные виновные, которые «могли замолить» нищаго на «веселомъ мѣстѣ» внѣ села, остались совсѣмъ въ сторонѣ.

Нечего и говорить, что собственно «мултанское дѣло» въ его фактической части не даетъ никакихъ основаній для подобнаго заключенія, которое, если бы оно было вѣрно, должно было бы рисовать «слѣдственное производство» въ гораздо болѣе чудовищномъ свѣтѣ, чѣмъ это представляется до сихъ поръ. Но Н. Н. Блиновъ и не касается «криминальной части процесса». Его дѣло—наука. Какая—увидимъ ниже.

Какъ извѣстно, въ этнографической части мултанскаго дѣла, не смотря на $4^1/_2$ года слѣдственныхъ розысканій — всетаки остался значительный пробѣлъ. А именно — не было установлено того божества, которому могла быть принесена человѣческая жертва. Стараніемъ нѣкоего Кобылина и урядника розыскано злое божество «Курбонъ», которое и было водворено въ обвинительномъ актѣ. На судебномъ слѣдствіи, однако, было констатировано съ полнѣйшей несомнѣнностію, что такого божества вовсе нѣтъ, а курбонъ значитъ «моленіе» (вспомнимъ мусульманское «курбанъ-байрамъ»). Такимъ образомъ мѣсто Курбона въ дѣлѣ такъ и осталось пустымъ. Теперь о. Блиновъ старается заполнить этотъ существенный недостатокъ, и вся его книга клонится къ доказательству, что вотяки—буддисты и что божество, которое требуетъ отъ вотяковъ человѣческой жертвы и которому они ее приносятъ, есть никто иной, какъ кроткій царевичъ Сиддарта, Сакьямуни, Готама-Будда, учившій, какъ извѣстно, что «высшая жертва— когда не лишаютъ жизни ни одно живое существо, когда избѣгаютъ лжи и обмана» *).

Открытіе это, если бы о. Блиновъ не только высказалъ, но и доказалъ его—безъ сомнѣнія должно было бы опрокинуть многіе установившіеся въ наукѣ взгляды, навсегда внесло бы имя о. Блинова въ скрижали исторіи и этнографіи и, наоборотъ—выкинуло бы изъ этихъ скрижалей имена всѣхъ прежнихъ непроницательныхъ изслѣдователей, проглядѣвшихъ такой крупный фактъ, какъ буддизмъ нашихъ инородцевъ такъ называемаго финско-тюркскаго племени. Каковы же, однако, «доказательства» о. Блинова?

Самъ онъ резюмировалъ ихъ и въ дневникѣ съѣзда, и въ своей книгѣ слѣдующимъ образомъ: «народная жизнь вотскаго племени

---

*) См., напр., Ольденберга: «Будда, его ученіе и община», изд. Солдатенкова, стр. 146.

въ идеалѣ (sic.) есть проявленіе тѣхъ духовныхъ силъ, о которыхъ выражено въ формулѣ буддійскаго догмата о тройственности: «Будда, законъ и община». Это странное и неопредѣленное указаніе на «народную жизнь въ идеалѣ» (?) и на проявленіе «тѣхъ духовныхъ силъ, о которыхъ выражено въ догматѣ (?) о буддизмѣ»— повидимому, обязываетъ г. Блинова доказать намъ, что «народная жизнь вотяковъ» проникнута тѣмъ, что «наложило (на буддизмъ) особый отпечатокъ», а именно—«глубоко-прочувствованное и ясно выраженное убѣжденіе, что все земное бытіе преисполнено страданій и что искупленіе можетъ быть найдено только въ самоотреченіи и вѣчномъ покоѣ» *). Но Н. Н. Блиновъ распоряжается гораздо проще. «Буддійскій символъ вѣры, поясняетъ онъ въ примѣчаніи,—выражается слѣдующими членами: 1) Я вѣрую въ Будду. Онъ возвышенный, святой, высочайшій Будда, знающій ученый (знающій ученіе?), знающій міръ, высочайшій, укрощающій людей, какъ укрощаютъ дикихъ быковъ, учитель боговъ и людей, возвышенный Будда. 2) Я вѣрую въ ученіе: оно возвѣщено возвышеннымъ... Оно ведетъ къ спасенію, мудрый познаетъ его въ сердцѣ своемъ (затѣмъ—о самомъ ученіи Будды уже ни слова!). 3) Я вѣрую въ *общину*. Справедливой, праведной и истинной жизнію живетъ община учениковъ возвышеннаго». «Эти завѣты, увѣряетъ насъ Н. Н. Блиновъ, усвоенные по мѣрѣ возможности и культурнаго развитія, *неизмѣнно сохраняются* въ вотскомъ племени второе тысячелѣтіе». *Будда*. Возможно ли выше чествовать Будду, если фанатики не останавливаются передъ человѣческой жертвой для умилостивленія бога (которымъ, какъ извѣстно, Будда никогда и не былъ). *Законъ*. Усвоенныя вѣрованія и религіозныя воззрѣнія на боговъ, природу и свою жизнь сохраняются вотяками неизмѣнно, неподвижно: съ нелицемѣрнымъ, рѣшительнымъ принятіемъ «русской» христіанской вѣры, вотякъ «сжигаетъ» символъ буддизма (!) «мудоръ», а не допускаетъ компромиссовъ, какъ того добиваются съ миссіонерскими цѣлями. *Община*. Вотякъ весь въ семьѣ и въ общинѣ и почти не имѣетъ личной иниціативы... Попалъ вотякъ въ бѣду—вся деревня за него ходатайствуетъ» и т. д. (стр. 53—54).

Не нужно, кажется, быть ученымъ и совершенно достаточно имѣть хотя бы самыя общія представленія о буддизмѣ, чтобы замѣтить, что здѣсь нашъ авторъ впадаетъ въ самую забавную ошибку. Прежде всего — «община» буддистовъ это совсѣмъ не деревенская община, выражающаяся въ земельныхъ или общественно-деревенскихъ распорядкахъ. Буддійская община есть монастырь, одна изъ стадій отрѣшенія отъ жизни и приближенія къ буддійскому искупленію (нирванѣ). Ольденбергъ, на котораго ссылается самъ авторъ, всюду совершенно ясно говоритъ о «монашеской общинѣ»

*) Ib., стр. 1.

(см. стр. 273). «Какъ могутъ монахи, приверженцы сына Шакіи, вести себя подобно свѣтскимъ людямъ» (275). Въ дѣйствительности... «есть только общины или братства монаховъ, живущихъ въ одной діокесіи» (279)... Что теперь скажутъ намъ гг. Смирновы, господа Магнитскіе, Кузнецовы, Потанины, Кошурниковы, Гавриловы, Богаевскіе и всѣ другіе изслѣдователи, проглядѣвшіе не только буддизмъ вотяковъ, но и то обстоятельство, что это племя представляетъ собою лишь «монашескія общины, живущія въ одной діокесіи» и «неизмѣнно хранящіе монастырскіе общинные уставы»!.. Далѣе: *законъ* буддизма есть совершенно законченная система, выраженная въ опредѣленныхъ формулахъ буддійскаго «откровенія». Вообще, религія буддистовъ одна изъ четырехъ, въ основѣ которыхъ лежитъ «откровеніе» и стройная догматика, установленная даже на соборахъ *) и смѣшать такое ученіе съ аморфнымъ и первобытнымъ культомъ вотяка—не имѣющаго ни письменности, ни іерархіи, ни систематическаго «ученія»,—это ошибка, не уступающая открытію въ вятской деревнѣ монашеской общины!

Что за несчастное это мултанское дѣло! Это уже второй случай, когда злополучный процессъ, съ тенденціозностію его первоначальной постановки компрометируетъ очень почтенныя репутаціи. Г. Смирновъ, ученый профессоръ и очень трудолюбивый изслѣдователь,—до мултанскаго дѣла доказывалъ лишь несомнѣнную истину, что въ «старыя времена» (неизвѣстно когда) у вотяковъ существовали человѣческія жертвоприношенія. Мултанское дѣло втянуло его въ оцѣнку запутанныхъ, весьма далекихъ отъ всякой этнографіи чисто «бытовыхъ» и вполнѣ «современныхъ» обстоятельствъ, и вотъ мы увидѣли, какъ ученый, взявшійся совсѣмъ не за свое дѣло, сталъ оцѣнивать эти «обстоятельства» уже совсѣмъ не съ ученой точки зрѣнія. Теперь г. Блиновъ, никогда не бывшій ученымъ, опять подъ вліяніемъ злополучнаго дѣла, пускается въ науку, открываетъ несуществующіе буддизмы и приводитъ аргументы самаго удивительнаго свойства. Воображаю, съ какой улыбкой читаетъ эти открытія «буддійской общины» въ вотской деревнѣ тотъ же г. Смирновъ, который, страдая дальтонизнизмомъ въ отношеніи къ данному дѣлу,—обладаетъ, однако, несомнѣнными научными познаніями! Все «ученіе» Будды г. Блиновъ свелъ къ тому, что вотяки не легко поддаются обращенію. «Вотякъ, говоритъ онъ, рѣшительно не допускаетъ компромиссовъ». И это говоритъ человѣкъ, живущій среди вотяковъ, послѣ мултанскаго дѣла, которое, если и установило что либо вполнѣ неопровержимо, то это именно печальную истину, что даже въ селѣ, болѣе столѣтія исповѣдующемъ христіанство, рядомъ съ православнымъ храмомъ сохранились языческія «куалы» и жертвоприношеніе животныхъ. Работа г. Смирнова («Вотяки») приводитъ рядъ самыхъ краснорѣчивыхъ фактовъ

*) Ib., стр. 283.

именно этого «компромисса» между христіанствомъ и язычествомъ, наконецъ, самое поверхностное наблюденіе показываетъ, что между вотякомъ-язычникомъ и вотякомъ-христіаниномъ, «сжегшимъ даже мудора»—расположенъ цѣлый пластъ полухристіанъ, полуязычниковъ, на разныхъ ступеняхъ перехода отъ стараго къ новому. Но г. Блинову нужно непремѣнно «буддійское ученіе», которое онъ усматриваетъ въ «упорствѣ», и онъ, ничто же сумняся, увѣряетъ, что весь этотъ пластъ—сознательные буддисты, лицемѣры, хранящіе всецѣло «буддійское» ученіе и лишь для обмана посѣщающіе церковь и чтущіе христіанскіе праздники.

Все это, къ сожалѣнію, совершенно подрываетъ довѣріе къ безпристрастію Н. Н. Блинова уже какъ наблюдателя. Закрывать глаза на существованіе въ безформенной религіи вотяковъ многочисленныхъ компромиссовъ и въ томъ числѣ главнаго—съ христіанствомъ, это уже не дальтонизмъ, а полная неспособность или умышленное нежеланіе «видѣть слона».

Теперь вернемся къ Буддѣ, и посмотримъ, какъ онъ перекочевалъ со своей родины въ глубину вотскихъ лѣсовъ? Нужно сказать, что этому въ весьма значительной степени содѣйствовала «филологія» и именно филологія того типа, о которомъ уже говорилъ въ своей статьѣ г. Короленко. У Н. Н. Блинова тоже всѣ гласныя переходятъ во всѣ согласныя, какъ у Вельтмана, но нашъ авторъ даже въ это упрощенное словопроизводство вноситъ еще свои собственные облегчительные пріемы. Начинается эта исторія слѣдующимъ образомъ: «въ юго-восточной части Елабужскаго уѣзда сохраняется преданіе, что лѣтъ полтораста назадъ одинъ вотякъ заблудился на охотѣ и долженъ былъ ночевать въ лѣсу *). Подъ утро онъ увидѣлъ во снѣ сѣдого *величественнаго старца*, который сказалъ, что на этомъ мѣстѣ нужно устроить мольбище и приносить жертвы чрезъ три года, причемъ старецъ прибавилъ: «я страшный богъ» (когда это «страшные боги» представлялись народу въ видѣ сѣдыхъ, величественныхъ старцевъ?). Послѣ того черезъ годъ и устроено мольбище въ лѣсу, нынѣ г. Ушкова, и аккуратно черезъ три года происходятъ моленія». «Они называются «Булда», будто-бы, по имени вотяка изъ деревни Юмьи, видѣвшаго вѣщій сонъ»,—прибавляетъ г. Блиновъ. «Потомки его до настоящаго времени сохраняютъ старшинство надъ этимъ мольбищемъ, старшій изъ этого рода—главный жрецъ» (стр. 43). «По отзывамъ вотяковъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ мольбища въ Кокшанской дачѣ, молиться Булдѣ не слѣдуетъ». Повидимому, тутъ есть большая вѣроятность, что Булда въ самомъ дѣлѣ было имя родоначальника «самаго древняго поселенія вотяковъ» (стр. 44), а такъ какъ религія вотяковъ носитъ явные признаки родового

---

*) При этомъ авторъ совсѣмъ умалчиваетъ о томъ,—когда, гдѣ, отъ кого и въ какой формѣ онъ слышалъ этотъ разсказъ.

быта, то это объясненіе является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ другихъ мѣстахъ существуютъ «малыя булды», какъ вѣтки на главномъ родовомъ стволѣ, и что всѣ извѣстія объ этомъ Булдѣ пока пріурочиваются къ одному уѣзду. Но это объясненіе для Н. Н. Блинова слишкомъ просто, и онъ прибѣгаетъ къ помощи своей филологіи. При ея посредствѣ онъ доказываетъ, во 1-хъ, что вотяки вышли именно изъ Алтая и Булда не можетъ означать ничего другого, какъ Будду. Это потому, во 1-хъ, что самое названіе Алтай «даетъ намъ нарицательное имя *а-тай*, что значитъ *отецъ семьи*», а Будда долженъ перейти въ Булду на основаніи филологическаго правила: «при соединеніи гласныхъ *д* и *т* въ вотскомъ языкѣ,—пишетъ онъ на стр. 41 (примѣчаніе)—одна изъ нихъ переходитъ въ *л*. Напримѣръ: *ат*-тай—*ал*-тай, будда—булда и др.» Вы, конечно, изумлены. Во 1-хъ во всѣхъ курсахъ географіи вы читаете, что Алтай есть русское искаженіе монгольскаго Ала-тау, что значитъ бѣлыя горы. И дѣйствительно въ Сибири даже русскіе зовутъ снѣговые хребты Алтая, далеко видимые уже отъ Нижнеудинска—Бѣлогорьемъ. Такимъ образомъ: если даже правило Н. Н. Блинова о сдвоенныхъ буквахъ вѣрно, то все же ему приходится надъ словомъ Ала-тау произвести слѣдующую сложную и весьма сомнительную операцію: Ала-тау, гдѣ нѣтъ никакого сдвоенія согласныхъ, онъ переводитъ въ русское искаженіе Алтай, потомъ къ вотскому слову а-тай совершенно незамѣтно прибавляетъ *т* (а*т*-тай) и тогда уже сравниваетъ ихъ между собою. Неправда ли, это получше всѣхъ Вельтмановъ на свѣтѣ. Но еще, кажется, замѣчательнѣе самый силлогизмъ о. Блинова: А-тай онъ переводитъ въ Алтай, а Будду въ Булду на основаніи правила о сдвоенныхъ буквахъ, а самое правило подтверждаетъ примѣромъ... того же Будды и того же Алтая *)!

Нужно ли мнѣ продолжать этотъ разборъ? Н. Н. Блиновъ взялся доказать, что вотскій Богъ, которому приносятъ человѣческія жертвы, существуетъ. Это именно Булда-Будда. Вы ждете, конечно, что вамъ сначала приведутъ доказательства существованія самыхъ жертвоприношеній, а затѣмъ хоть какой нибудь связи ихъ съ именемъ Будды. Совершенно напрасно. Авторъ много распространяется о разныхъ мелочахъ вотскаго культа, но главное свое положеніе ставитъ просто и безъ всякихъ доказательствъ: «человѣческія жертвы приносятся Булдѣ» (стр. 46). Очевидно, силлогизмъ почтеннаго автора опять тотъ же: Булда-Будда страшное божество (?), значитъ кому же и приносить человѣческія жертвы? А хотите

*) Одинъ компетентный человѣкъ, которому я прочиталъ это мѣсто изъ брошюры о. Блинова, говорилъ мнѣ, что ему извѣстно изъ монгольскихъ нарѣчій другое правило. Такъ, напр., киргизы «муллу» называютъ «мулда», а слово «Алла» произносятъ: Алда. Если бы это правило примѣнить къ данному случаю, то первоначальное произношеніе Булды должно быть Булла.

доказательства, что Будда дѣйствительно самое страшное божество? Извольте: «возможно ли выше чествовать Будду, если фанатики не останавливается передъ человѣческой жертвой для умилостивленія бога» (стр. 53—54). Дѣло ясно: человѣческія жертвы приносятся Буддѣ, потому что онъ богъ. А богъ онъ потому, что ему приносятся человѣческія жертвы! Дѣло выяснено окончательно и, какъ видите, вполнѣ «научно».

Послѣ этого о. Блиновъ возвращается къ Мултану и достаточно ясно ставитъ положеніе: «*Изъ процесса о мултанскомъ жертвоприношеніи*,—говоритъ онъ,—*извѣстно*, что въ томъ селѣ живутъ вотяки двухъ родовъ: *будла* и *удчуръ*... Слово *будла* что же иное, какъ не *будда*?» (стр. 49). И уже затѣмъ идетъ цитированное выше положеніе: если поискать повнимательнѣе, то поблизости Мултана можно отыскать «веселое мѣсто», гдѣ нищаго принесли въ жертву въ честь Булды.

Я внимательно прочелъ все мултанское дѣло и, однако, нигдѣ не нашелъ того слова, которое служитъ о. Блинову для этого заключенія. Во всемъ *процессѣ о мултанскомъ жертвоприношеніи* не только слова *булда*, но и *будла* не употреблено ни разу, и два рода, о которыхъ говоритъ г. Блиновъ, назывались *«учуръ»* и *«будлукъ»*. Очень можетъ быть, что опять найдется филологическое правило, по которому *будлукъ* переходитъ въ *будла*. Но тогда о. Блинову слѣдовало бы пояснить намъ это, такъ какъ теперь мы можемъ подумать, что авторъ совершаетъ грубо тенденціозныя искаженія словъ. Если даже буквы сдваиваются, то все же между словами *будлукъ* и *Булда* разстояніе не менѣе, чѣмъ между кроткимъ Сиддартой и фантастически-кровожаднымъ Булдой!

Есть, правда, у о. Блинова еще разныя детали, которыми онъ разбавилъ курьезное основное заблужденіе свое относительно «будды», «закона» и «общины». Такъ, авторъ, между прочимъ, находитъ еще значительное сходство между вотскимъ и буддійскимъ культами въ томъ, что «у первобытныхъ арійцевъ всякій домохозяинъ тоже былъ жрецъ». При жертвоприношеніяхъ индійцевъ употреблялся огонь, какъ и у вотяковъ. Индійцы лили въ огонь сому, вотяки льютъ кумышку, индійцы кидали въ огонь коровье масло и части жертвы, вотяки дѣлаютъ то же; у индійцевъ были жертвенники, у вотяковъ ихъ нѣтъ, но г. Блиновъ полагаетъ, что когда то были. У индійцевъ есть идолы, у вотяковъ они тоже были. Даже употребленіе чаши при жертвоприношеніяхъ говоритъ о буддизмѣ, ибо «безъ чаши совершенные будды не могутъ принимать пищи» (58) и т. д. Говорятъ объ одномъ очень ученомъ нѣмцѣ, будто онъ написалъ изслѣдованіе о древнихъ грекахъ, которое начиналось словами: «греки временъ Гомера, какъ и современные люди, вкушали пищу». И затѣмъ—привелъ обширныя цитаты изъ Гомера и многихъ древнихъ авторовъ въ доказательство этого «научнаго положенія». Н. Н. Блиновъ тоже могъ бы значи-

тельно продолжить свои параллели, вплоть до того, что вотяки рождаются, брачутся, посягають и умирають, совершенно такъ же, какъ древніе буддисты. А мы, въ свою очередь, могли бы, пользуясь пріемомъ о. Блинова, доказать, что греки временъ Сократа и римляне времени Цезаря—тоже были буддисты. Въ самомъ дѣлѣ: при жертвоприношеніяхъ пенатамъ глава семьи тоже являлся жрецомъ; безъ огня дѣло не обходилось никоимъ образомъ, на огонь лили вино совершенно такъ же, какъ буддисты сому, части жертвъ тоже сжигались, а ужъ чаши... да какое въ самомъ дѣлѣ пиршество могло обходиться безъ этой принадлежности?

Переходимъ теперь къ фактамъ, которые авторъ приводитъ, какъ наблюдатель. Если вообще можно было отнестись съ нѣкоторымъ ожиданіемъ къ работѣ о. Блинова, то именно въ этой части вопроса. Мы никогда не знали о. Блинова, какъ ученаго. Но мы знали, что о. Блиновъ давній житель вятскаго края, знакомый съ мѣстной жизнію, работавшій въ мѣстной литературѣ и снискавшій себѣ на поприщѣ мѣстной общественной дѣятельности почтенное имя. Поэтому, мы въ правѣ были ожидать, что въ вопросѣ, переполненномъ тенденціозными и невѣжественными слухами, слово о. Блинова внесетъ нѣкоторую ясность и точность. О. Блинову должно быть хорошо извѣстно, насколько необходима критика во всѣхъ случаяхъ, когда въ мѣстномъ обществѣ или даже печати появляются эти слухи.

Къ сожалѣнію, и въ этой части своего труда Н. Н. Блиновъ держится совершенно тѣхъ же пріемовъ, какъ и въ части «научно-этнографической». Именно къ тому, что всего болѣе спорно и требуетъ доказательствъ, — авторъ относится наиболѣе беззаботно. Каковы, напр., самые пріемы человѣческаго жертвоприношенія? Это, конечно, узнать очень трудно. «Только наивные люди или желающіе показаться таковыми (кто это?) могутъ разсуждать, что, если уже приносить въ жертву человѣка, то вотяки должны сдѣлать это, какъ въ циркѣ, всенародно» (стр. 82). «Если уже жертвоприношеніе совершено, то ни о немъ, ни объ участвовавшихъ въ немъ лицахъ, никто изъ вотяковъ, хотя бы между ними были противники всѣхъ языческихъ жертвъ, не согласится не только свидѣтельствовать передъ начальствомъ, *а даже не выскажется въ разговорѣ съ частнымъ лицомъ*» (81). Вотъ видите,—до какой степени невозможно узнать что либо о пріемахъ жертвоприношенія. Это на страницѣ 81. Но уже на стр. 82, непосредственно послѣ насмѣшки надъ наивными людьми, г. Блиновъ, безъ всякихъ опять указаній на источники, продолжаетъ: «участники задуманнаго «моленія», избранную жертву, напоивъ кумышкой, тщательно обмываютъ, окутываютъ, вмѣсто бѣлья, съ ногъ до головы чистымъ холстомъ, выводятъ на дворъ или въ какое нибудь холодное зданіе, или уносятъ въ подполье. Тамъ (въ подпольѣ?) сначала привязываютъ обреченнаго къ столбу. Жрецъ молится и парчаськиэ вонзаетъ въ пахъ

жертвы узкій, какъ шило, ножъ. Бодзимъ восясь подставляетъ чашку для вытекающей крови...» и т. д.. и т. д.

Неправда ли,—какое подробное описаніе!. И ни слова въ объясненіе источниковъ. Ни одного указанія! О. Блиновъ какъ будто даже не подозрѣваетъ, что читатель ждетъ отъ него точныхъ разъясненій. Онъ не замѣчаетъ даже, что набросанная имъ мрачная и фантастическая картина совершенно противорѣчитъ всѣмъ его предыдущимъ соображеніямъ. Не онъ ли утверждалъ, что вотяки-буддисты, строго держащіеся «ученія», совершаютъ свои моленія буддѣ непремѣнно въ лѣсу и притомъ подъ деревомъ (такъ какъ и «Будда сидѣлъ подъ деревомъ»). Не онъ ли совѣтовалъ поискать въ окрестностяхъ Мултана «гору, лѣсокъ», вообще «веселое мѣсто», гдѣ и будетъ мольбище Будды и гдѣ «моленіе живыхъ существъ можетъ случаться». И вотъ теперь, совершенно неожиданно онъ ведетъ насъ, вмѣсто «веселаго мѣста», въ мрачное подполье, рисуетъ такія подробности, какъ будто въ самомъ дѣлѣ присутствовалъ при обрядѣ, и не желаетъ даже объяснить видимое противорѣчіе!

Разыскивая объясненіе столь загадочнаго обращенія о. Блинова съ самыми существенными положеніями его труда, мы не можемъ не придти къ заключенію, что полное отсутствіе критическаго чутья является главной чертой нашего автора. До такой степени нынѣшній трудъ его отмѣченъ чертами легковѣрія и отсутствія даже представленія о необходимости какихъ нибудь доказательствъ въ такихъ кардинальныхъ пунктахъ его работы. Для меня совершенно очевидно, что главная часть его «ритуала» составляетъ просто пересказъ показаній одного изъ свидѣтелей по мултанскому дѣлу, каторжника Голова, который далъ показанія «послѣ нѣсколькихъ свиданій въ малмыжской тюрьмѣ» съ знаменитымъ по этому дѣлу приставомъ Шмелевымъ. Это заключеніе я въ правѣ сдѣлать потому, что дальше, въ изложеніи «фактовъ» жертвоприношеній, г. Блиновъ пользуется «разсказами свидѣтелей», наводнившихъ судебное слѣдствіе извѣстными уже читателямъ «слухами и толками». И при этомъ опять не всегда ссылается даже на этотъ источникъ. Для характеристики этого «матеріала», приведу слѣдующій «разсказъ очевидца» на послѣднемъ разбирательствѣ. Одинъ изъ урядниковъ въ томъ самомъ 1896 году, проѣзжая по такому-то участку Мамадышскаго уѣзда, увидѣлъ подъ лѣсомъ кучу народа. Онъ подъѣхалъ туда и увидѣлъ на землѣ трупъ, безъ легкихъ и сердца, съ такими же совершенно поврежденіями, какъ у мултанскаго нищаго. «Всѣ говорили, конечно, что его «замолили» вотяки». Разумѣется, защита пожелала узнать, какъ послѣ этого поступилъ урядникъ. Вѣдь онъ обязанъ былъ донести своему начальству. Онъ и донесъ приставу, а тотъ—исправнику. А судебному слѣдователю? Донесено и судебному слѣдователю, и теперь дѣло находится въ производствѣ. Тогда защита настойчиво и единогласно просила, во 1-хъ, занести это показаніе цѣликомъ въ протоколъ и во 2-хъ, пріостановить разбирательство или хотя бы сдѣлать отъ

суда запросъ по телеграфу судебному слѣдователю, камера котораго находится въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Мамадыша. Обстоятельство это казалось защитѣ существеннымъ: обвиненіе представило суду дѣло о самоѣдинѣ Пыреркѣ съ Новой земли, но вотъ передъ присяжными встаетъ новое человѣческое жертвоприношеніе, вполнѣ современное, вполнѣ сходное съ разбирающимся дѣломъ, заявленное лицомъ полицейскаго надзора на судѣ, со ссылкой на судебнаго слѣдователя такого-то участка, того самаго уѣзда, въ которомъ разбирается мултанское дѣло!.. Судъ отказалъ въ ходатайствѣ защиты. Нужно ли прибавлять, что вотъ теперь прошло уже около двухъ лѣтъ, — и ни о чемъ подобномъ не слышно, ни одинъ судебный слѣдователь Мамадышскаго уѣзда и не видѣлъ такого дѣла, и все это показаніе ничто иное, какъ одинъ изъ завѣдомо тенденціозныхъ вымысловъ, какими полно вообще это дѣло.

Можно ли послѣ всего этого пользоваться слѣдственнымъ матеріаломъ мултанскаго дѣла безъ всякой критики, даже безъ указаній, что «случай» почерпается изъ этого источника, какъ это дѣлаетъ Н. Н. Блиновъ на стр. 88 (разсказъ мельника Котельникова) и другихъ. Когда нибудь, въ другой разъ, я постараюсь свести во едино все, что до сихъ поръ писалось и говорилось по этому предмету, и тогда среди разсказовъ гг. урядниковъ, Кобылиныхъ, Новицкихъ, Котельниковыхъ—найдутъ мѣсто и собственныя повѣствованія Н. Н. Блинова. Такъ ужъ лучше брать каждое «извѣстіе» для анализа изъ первыхъ рукъ.

А пока я не могу еще не остановиться на тѣхъ двухъ случаяхъ, которыми Н. Н. Блиновъ дѣлился съ аудиторіей кіевскаго съѣзда и которые въ его собственномъ изложеніи являются въ печати впервые. Я долженъ сдѣлать это, главнымъ образомъ, потому, что въ анализъ этихъ двухъ случаевъ, сдѣланный г. Короленко, вкралось, нѣкоторое недоразумѣніе.

Читатель помнитъ вѣроятно, что въ одномъ случаѣ рѣчь шла о трупѣ вотяка, найденнаго въ лѣсу весной и признаннаго по дознанію замерзшимъ, чему, однако, авторъ не вѣритъ. Г. Короленко въ своей статьѣ иронически подчеркивалъ, что это было «лѣтъ за десять до поступленія о. Блинова въ приходъ», «въ одно прекрасное время». Такъ, дѣйствительно, было изложено это въ газетныхъ отчетахъ. Въ книгѣ Н. Н. Блинова и время, и мѣсто обозначены болѣе «точно». А именно—дѣло это было въ деревнѣ Маканъ Пельга,—«десять лѣтъ назадъ, въ 1885 году» (стр. 82). Къ сожалѣнію, и эта точность нѣсколько странна, такъ какъ десять лѣтъ назадъ, повидимому, должно было бы означать 1888 годъ, а не 1885-й. Но все таки это хоть какое нибудь указаніе, а г. Блиновъ не балуетъ насъ и этимъ. Впрочемъ, мы не имѣемъ ничего прибавить къ оцѣнкѣ этого случая, сдѣланной въ статьѣ г. Короленко: «добродушный приставъ» и понятые повѣрили, что часть трупа съѣдена со-

баками, о. Блиновъ не вѣритъ, «въ пристрастіе собакъ къ головѣ и рукѣ»... Трудно рѣшить, кто правъ...

Теперь о второмъ случаѣ,—съ вотякомъ села Кизнери, который повѣсился—по мнѣнію полицейскаго дознанія—и принесенъ въ жертву, по мнѣнію г. Блинова. Г. Короленко, основываясь на «неточности» сообщенія Н. Н. Блинова и на томъ, что въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» было сообщено о десятскомъ того же села Кизнери, повѣсившемся отъ страха передъ урядникомъ, — предположилъ, что оба эти случая представляютъ, въ сущности, одинъ и тотъ же эпизодъ въ разныхъ освѣщеніяхъ, и что Н. Н. Блиновъ только ошибся во времени, пріурочивъ смерть несчастнаго вотяка къ началу мултанскаго дѣла, вмѣсто конца его. Въ такое заблужденіе былъ введенъ газетнымъ отчетомъ не одинъ г. Короленко, но и нѣкоторые мѣстные жители, такъ какъ дѣйствительно въ печать не проникло ни одного слова о первомъ случаѣ загадочнаго самоубійства или еще болѣе загадочнаго «жертвоприношенія». Теперь Н. Н. Блиновъ сообщаетъ подробно, что это было именно въ 1892 году 30 іюня. «Жребій закланія» выпалъ Григорію Анисимову, кузнецу... «Жена его потомъ говорила, что онъ хворалъ, два раза ходилъ исповѣдываться»... «Въ тотъ день мимо дома Анисимова шли со святою иконою 30 іюня, вечеромъ. Григорій предъ нею усердно молился, плакалъ (припомнимъ соображенія о. Блинова о буддистахъ, «не допускающихъ никакихъ компромиссовъ»). Какъ только толпа народа скрылась за домами, по пути въ Трыкъ, Анисимова немедля увлекли и «замолили» въ мякинницѣ (сарай, въ который ссыпаютъ мякину), сзади двора. Въ такомъ видѣ разсказъ циркулировалъ въ народѣ вслѣдъ за происшествіемъ. Голову Анисимову *не отрѣзали*, а только сдѣлали два глубокихъ прокола ножомъ, проникавшіе до брюшины, и два меньшихъ прокола ножомъ на лѣвомъ и правомъ бедрахъ (оффиціальныя данныя). На другой день сельскому старостѣ заявлено (кѣмъ?), что Григорій неизвѣстно куда исчезъ, а въ мякинницѣ оказался ножъ и пятна крови на бревнахъ. Безвѣстно пропавшаго искали всей деревней по три дня, пока не прибылъ становой приставъ (надо думать г. Тимофѣевъ, тотъ же, что и въ Мултанѣ?). При немъ трупъ оказался за пахотными полосами, въ неочищенномъ перелѣскѣ пароваго поля. Тамъ пасется скотъ. За нимъ почти изъ каждаго дома по человѣку и по два вечеромъ обходятъ весь перелѣсокъ вдоль и поперекъ, а вотъ никакъ не усмотрѣли! Трупъ былъ привязанъ на вязовомъ сукѣ, вдали отъ ствола дерева, и повѣшенъ на лыкѣ въ два аршина длины, причемъ ноги находились надъ землей выше на четверть или немного болѣе. При вскрытіи, раны оказались съ кровоподтеками, значитъ—прижизненныя; но на шеѣ, гдѣ была петля, борозда плохо выражена, *кровоподтека нѣтъ, языкъ за зубами. Вообще о самоубійствѣ не можетъ быть и рѣчи*: если покойный такъ энергично зарѣзался въ деревнѣ (?),

то не могъ уже вѣшаться въ лѣсу, и наоборотъ. Вотъ примѣрный случай,—такъ заключаетъ о. Блиновъ свое повѣствованіе,—*почему* дѣлъ о жертвоприношеніяхъ не возникало; *не дешево обходилось!* И все это продѣлывалось «подъ шумокъ» мултанскаго слѣдствія, энергично веденнаго менѣе, чѣмъ въ двадцати верстахъ отъ Кизнерскаго моленія».

Въ этомъ видѣ нельзя отказать указаніямъ о. Блинова въ нѣкоторой точности, хотя за то нельзя не замѣтить, что здѣсь уже, кромѣ «слуховъ на мѣстѣ», нѣтъ рѣшительно никакихъ признаковъ «ритуала». Ни голова, ни правая рука, ни нога, ни сердце, не легкія не взяты. Нѣтъ даже «укола въ пахъ острымъ ножомъ», который, по свѣдѣніямъ автора, неизвѣстно откуда исходящимъ, «дѣлается прежде всего» при человѣческомъ жертвоприношеніи. Почему же Н. Н. Блиновъ заключаетъ, что слухи вѣрны и что тутъ было непремѣнно жертвоприношеніе, а не простое убійство? Развѣ простыя убійства не могутъ быть «прикрываемы» по тѣмъ же причинамъ, какъ и жертвоприношеніе?

« О самоубійствѣ,—пишетъ о. Блиновъ,—не можетъ быть и рѣчи». Конечно, при томъ описаніи, какое дано авторомъ, — не можетъ быть и рѣчи объ одномъ самоубійствѣ, такъ какъ повѣшеніе, очевидно, посмертно. Но почему же г. Блиновъ не сообщаетъ, какъ кончилось это дѣло, кто повиненъ въ этомъ явномъ потакательствѣ преступленія? Приставъ, судебный слѣдователь, тов. прокурора? На какой именно изъ этихъ ступеней застряло это дѣло?

Парфенъ Зыряновъ.

P. S. Статья была уже написана, когда мы получили возможность свѣрить съ печатными источниками «первыя свѣдѣнія» о появленіи Булды. Вотъ результаты:

«О Булдѣ,—пишетъ Н. Н. Блиновъ (стр. 42), уже проникали въ печать сообщенія. Въ 1859 году въ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» *упоминается, между прочимъ, о явленіи Булды* въ Варзіатчинскомъ приходѣ, Елабужскаго уѣзда. Въ 1881 году въ «Извѣстіяхъ Общ. Археологіи, Ист. и этнографіи при каз. унив.» (т. III) описывается *праздникъ* «булда», устраиваемый поочередно въ одной изъ трехъ деревень (Елабужскаго у.)—Старой Зимьѣ, Арліановой и Варзи-ятчи. Здѣсь угощеніе предлагается болѣе обильное, чѣмъ когда либо. О времени моленія оповѣщается недѣли за двѣ на базарахъ. Скотина оплачивается всѣми молящимися. Одинъ изъ такихъ праздниковъ Булды (?) подробно описанъ г. Потанинымъ (въ 1881 г. съ 30 іюня). Вотъ все, что извѣстно о невѣдомомъ Булдѣ». Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что это краткое резюме изъ печатныхъ источниковъ—совсѣмъ не все, что изъ нихъ извѣстно, и въ этихъ нѣсколь-

кихъ маленькихъ строчкахъ авторъ съумѣлъ вмѣстить множество самыхъ крупныхъ искаженій: то, что онъ сообщаетъ, неполно и часто невѣрно, а то, о чемъ умалчиваетъ—совершенно разрушаетъ его теорію. Мы имѣли терпѣніе, по очень неточному указанію на «Вятскія губ. Вѣдомости» 1859 г. (безъ ссылки на мѣсяцъ и число) розыскать статью анонимнаго автора, сообщающаго о явленіи Будды. Здѣсь (часть не оффиц. № 32, стр. 280) разсказъ о томъ, что какому-то мѣстному «туну» явился младшій Будда, авторъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «у вотяковъ елабужскихъ существуетъ преданіе, *что свят. Николай*, изъ любви къ русскимъ, *поселился въ с. Березовкѣ*... и *имѣетъ трехъ меньшихъ братьевъ, одноименитыхъ «Будгъ»*, покровителей вотяцкаго народа»... Въ виду этого близкаго родства Буддъ къ святителю Николаю,—продолжаетъ авторъ,—вотяки «исключительно привержены къ этому святому, для поклоненія явленной иконѣ котораго слѣдуютъ въ село Березовку во время поста безпрерывные караваны вотяковъ, крещенныхъ и некрещенныхъ, даже изъ отдаленныхъ уѣздовъ—Малмыжскаго и Глазовскаго».

П. З.

Замѣтка.

Въ іюльской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена статья г. Мокіевскаго: «Нѣсколько словъ объ одной изъ новѣйшихъ философскихъ системъ». Такъ какъ въ этой статьѣ рѣчь идетъ о переведенной мною книгѣ Ф. Карстаньена: «Введеніе въ Критику чистаго опыта», то считаю нужнымъ разъяснить вкравшееся въ эту статью недоразумѣніе.

Ни о какой «системѣ» въ книгѣ Карстаньена рѣчи нѣтъ: книга посвящена не «системѣ», а «методу»; если бы она имѣла въ виду «систему», то и называлась бы «введеніемъ въ *«систему»* чистаго опыта», и въ такомъ случаѣ мѣтила бы не на «Критику чистаго опыта» Авенаріуса, а на какое-то другое сочиненіе, пока еще никому неизвѣстное. Если же никакой «системы» въ книгѣ Карстаньена нѣтъ, то, само собою разумѣется, нѣтъ въ ней и «системы оттраниченія». Далѣе, нѣтъ «факторовъ» познанія, а есть «условія» познанія;—нѣтъ произвольныхъ предпосылокъ, а есть только неизбѣжная предпосылка опыта, не будь которой, не было бы и самой книги, и намъ не пришлось бы толковать о ней.

Вл. Лесевичъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

Поступило въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 1898 года:

Отъ разныхъ лицъ черезъ г. Хавскаго . .	10 р.	— к.
» М. С. и Б. С. изъ Гейдельберга . .	40 »	— »
» жителей с. Голицановки	3 »	— »
» русскихъ учащихся въ Мюнхенѣ . .	100 »	— »
» г. Шеффера изъ Петровскаго завода.	1 »	— »
» группы студентовъ — ростовцевъ (на Дону) въ память Д. И. Писарева.	7 »	— »
» русской читальни въ Брюсселѣ . .	11 »	10 »
» О. А. Ивановой со ст. Тихорѣцкой на имя Вл. Г. Короленко . . .	175 »	— »
Итого . . .	347 р.	10 к.

Деньги эти отправлены въ распорядительный комитетъ самарскаго частнаго кружка по оказанію помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губ., бѣдствующихъ отъ неурожая 1898 года.

Издатели: Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій

Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже**, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ бандероли** или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—**50 к.**

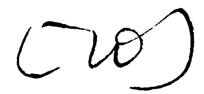
6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

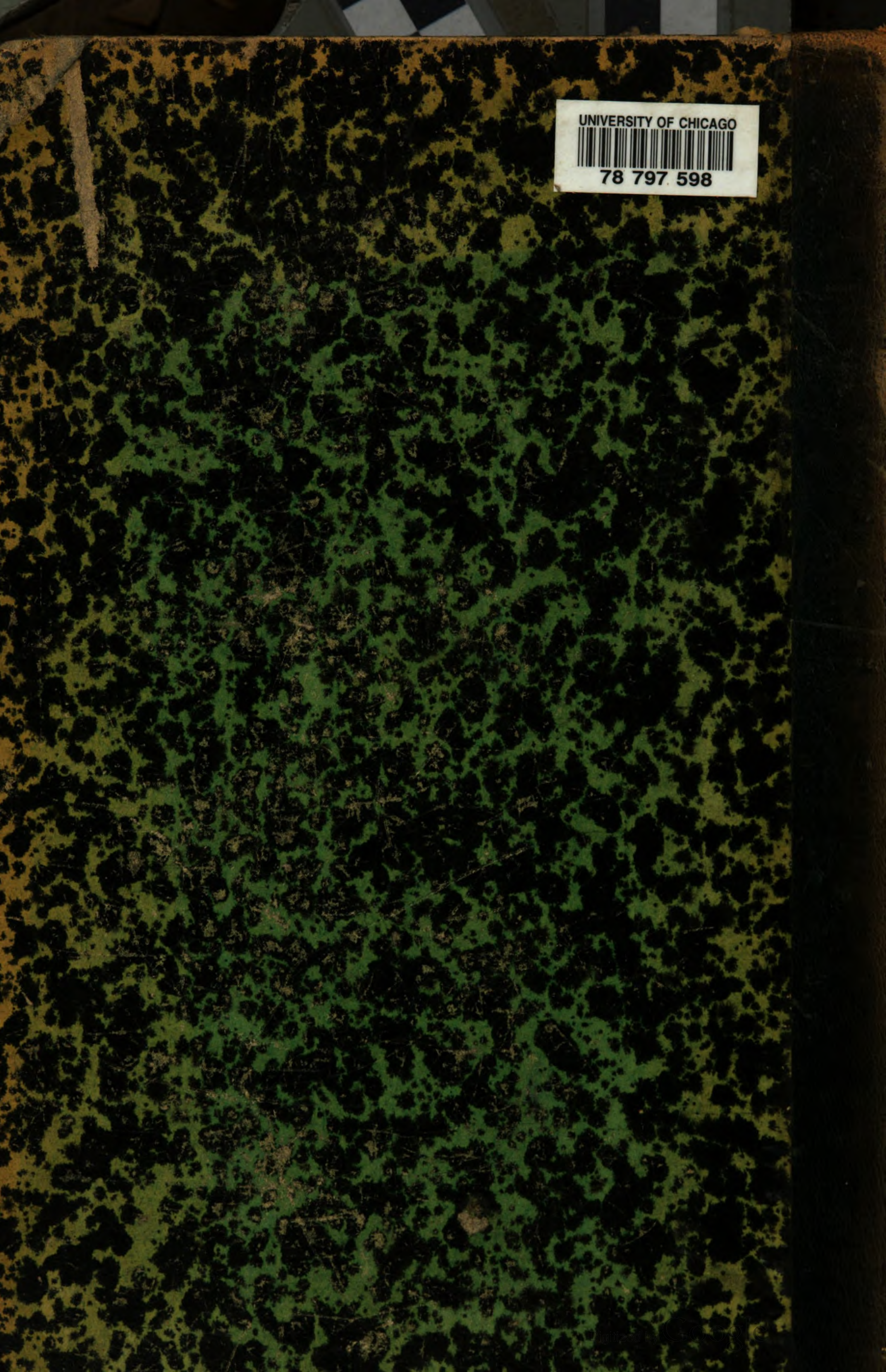
1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.



AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
Oct., 1898


UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 598